

ИСТОРИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

HISTORY OF THE SOUTH URALS

*Посвящается 75-летию Южно-Уральского
государственного университета
и грядущему 300-летию Российской академии наук*

Урал. Начало весны. Челябинская область. 2019 год.
Фото: В. Шаратов
Ural. The beginning of spring.
Chelyabinsk Oblast. 2019.
Photo: V. Sharapov

HISTORY OF THE SOUTH URALS

Ministry of Science
and Higher Education
of the Russian Federation

South Ural State University
(National Research
University)

Federal State Budgetary
Institution of Science
«Institute of History
and Archeology
of the Ural Branch
of the Russian Academy
of Sciences»,
South Ural Branch

Chelyabinsk
SUSU
Publishing Centre
2019

T3(2)
И907

ИСТОРИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

Министерство науки
и высшего образования
Российской Федерации

Южно-Уральский
государственный университет
(Национальный
исследовательский
университет)

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
«Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук»,
Южно-Уральский филиал

Челябинск
Издательский
центр ЮУрГУ
2019

УДК 94(470.55)
ББК ТЗ(2Р36)
И907

Печатается по решению Ученого совета
Южно-Уральского государственного университета.
Протокол № 4 от 29.12.2018 г.

Approved by the Academic Council
of South Ural State University
Minutes No. 4 dated 12.29.2018

И907

История Южного Урала / сост. С. Г. Боталов. —
Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 392 с.

ISBN 978-5-696-05157-4

В издании на основе обобщения накопленных материалов по археологии Южного Урала и сопредельных территорий представлена история социального, культурного и экономического развития населения региона в эпоху камня, бронзы и в раннем железном веке. Комплексный анализ археологических и письменных источников раскрывает исторические процессы, протекавшие в южноуральских степях с эпохи Великого переселения народов до распада Золотой Орды. Новые данные, полученные в результате архивных исследований и подробного анализа горного законодательства дореволюционной России, представляют Южный Урал в XVI–XIX веках. Современные исследования раскрывают ключевые события истории Южного Урала в XX веке.

Рассчитано на студентов и учащихся, специалистов-историков и широкий круг читателей, интересующихся историей России.

ISBN 978-5-696-05157-4

Руководитель проекта
Г. П. Вяткин,
член-корреспондент
Российской академии наук,
президент ЮУрГУ

Project Manager
G. P. Vyatkin,
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
President of SUSU

History of the South Urals / ed. S. G. Botalov. —
Chelyabinsk : SUSU Publishing Centre, 2019. 392 P.

Based on a synthesis of the accumulated materials on the archaeology of the South Urals and adjacent territories, the publication presents the history of the social, cultural and economic development of the region's population in the Stone, Bronze and Early Iron Ages. A comprehensive analysis of archaeological and written sources reveals the historical processes that took place in the South Ural steppes in the period from the Great Migration of Peoples to the collapse of the Golden Horde. New data obtained in the course of the archival research and detailed analysis of the pre-revolutionary Russia mining legislation present the South Urals of the XVI–XIX centuries. Modern research reveals key events in the history of the South Urals in the XX century.

The book is aimed at graduate and postgraduate students, professional historians and a wide range of readers interested in the history of Russia.

УДК 94(470.55)
ББК ТЗ(2Р36)

© Боталов С. Г., Епимахов А. В., Мосин В. С. и др., текст, 2019
© Шарапов Р. Я., оформление, макет, 2019
© Издательский центр ЮУрГУ, 2019

Настоящее издание является кратким содержанием восьмитомной «Истории Южного Урала» подготовленной ведущими учеными-историками Южно-Уральского государственного университета при поддержке ректора ЮУрГУ А. Л. Шестакова и президента вуза Г. П. Вяткина.

В издании на основе обобщения накопленных материалов по археологии Южного Урала и сопредельных территорий представлена история социального, культурного и экономического развития населения региона в эпоху камня, бронзы и в раннем железном веке. Комплексный анализ археологических и письменных источников раскрывает исторические процессы, протекавшие в южноуральских степях с эпохи Великого переселения народов до распада Золотой Орды. Новые данные, полученные в результате архивных исследований и подробного анализа горного законодательства дореволюционной России, представляют Южный Урал в XVI–XIX веках. Современные исследования раскрывают ключевые события истории Южного Урала в XX веке.

Том 1. В. С. Мосин.

Южный Урал в каменном веке

Том 2. А. В. Епимахов и коллектив

авторов. Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век

Том 3. А. Д. Таиров. Южный Урал

в эпоху ранних кочевников

Том 4. С. Г. Боталов. Эпоха Великого переселения народов и раннее средневековье Южного Урала (II–VIII века)

Том 5. С. Г. Боталов и коллектив авто-

ров. У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху

Золотой Орды (IX — начало XV века)

Том 6. Г. Х. Самигулов и коллектив

авторов. Южное Зауралье

(первая треть XV — конец XIX века)

Том 7. В. М. Свистунов, А. Г. Тептеев.

Горнозаводская политика России

и заводы Южного Урала (1734–1900)

Том 8. И. В. Сибиряков и коллектив

авторов. Южный Урал. Век двадцатый

This publication is a summary of the eight-volume «History of the South Urals» prepared by the leading historians of South Ural State University and supported by SUSU rector A. L. Shestakov and university president G. P. Vyatkin.

Based on a synthesis of the accumulated materials on the archaeology of the South Urals and adjacent territories, the publication presents the history of the social, cultural and economic development of the region's population in the Stone, Bronze and Early Iron Ages. A comprehensive analysis of archaeological and written sources reveals the historical processes that took place in the South Ural steppes in the period from the Great Migration of Peoples to the collapse of the Golden Horde. New data obtained in the course of the archival research and detailed analysis of the pre-revolutionary Russia mining legislation present the South Urals of the XVI–XIX centuries. Modern research reveals key events in the history of the South Urals in the XX century.

Volume 1. V. S. Mosin.

The South Urals in the Stone Age

Volume 2. A. V. Epimakhov et al.

The South Urals at the beginning of the metal era. The Bronze Age

Volume 3. A. D. Tairov. The South Urals in the era of the early nomads

Volume 4. S. G. Botalov. The era of the Great Migration of Peoples and the Early Middle Ages in the South Urals (II–VIII centuries)

Volume 5. S. G. Botalov et al. At the origins of the South Ural peoples.

The South Urals in the era of the Golden Horde (IX — early XV century)

Volume 6. G. Kh. Samigulov et al. The South Trans-Urals

(the first third of the XV century — the end of the XIX century)

Volume 7. V. M. Svistunov, A. G. Tep-teev. Mining policy of Russia

and the South Ural plants (1734–1900)

Volume 8. I. V. Sibiriyakov et al. The South Urals. The twentieth century

Главная задача науки — получение новых знаний. Главная задача образования — передавать эти новые знания учащимся. В проекте «История Южного Урала» цели и задачи ученых и преподавателей слиты воедино. И это чрезвычайно важно не только для Южно-Уральского государственного университета, который реализует этот проект, но и для всей образовательной системы Уральского региона. Со времени выхода единственного обобщающего труда по истории Урала «История Урала с древнейших времен до 1861 года» прошло тридцать лет. Многое изменилось за этот период в уральской исторической науке, и главное — сменилась парадигма исторического мышления. Значение многотомной «Истории Южного Урала» заключается и в том, что это существенный сдвиг в осознании молодым поколением глубины истории своего региона и его роли в истории России в целом.

Проект «История Южного Урала» имеет исключительное значение не только для Южно-Уральского государственного университета, который выступил его инициатором и сыграл ключевую роль в его реализации. Значение проекта выходит далеко за пределы локального научного или образовательного эксперимента.

Создание многотомной «Истории Южного Урала» — это серьезный шаг в процессе конструирования нового образа региона, сыгравшего заметную роль в истории России. Формирование такого образа является сложной и ответственной задачей — политической, экономической, социальной, нравственной.

Данная книга содержит краткое изложение материалов восьмитомного издания «История Южного Урала». В авторских очерках ее глав в сжатой форме описаны основные исторические этапы от периода заселения человеком нашего региона до конца XX века. При этом ввиду срединного положения Южного Урала в евразийском пограничье многие вопросы его истории и культуры проливают свет на понимание исторических процессов развития значительных территорий России и сопредельных государств.

И хотя цель настоящего издания — дать достоверную картину прошлого с опорой на последние достижения археологии и других наук, наиболее полно они раскрываются на страницах всех томов «Истории Южного Урала». В этой связи данная книга является своеобразной презентацией — приглашением читателя к постижению невероятно интересных и насыщенных глубин южно-уральской истории.

Ректор Южно-Уральского
государственного университета
А. Л. Шестаков

The main task of science is to obtain new knowledge. The main task of education is to transfer this new knowledge to students. In the project «History of the South Urals», the goals and objectives of scientists and teachers are merged together. This is extremely important not only for South Ural State University that implements this project but also for the entire educational system of the Ural region. Thirty years have passed since the publication of «History of the Urals from Ancient Times to 1861», the only work that overviews the history of the Urals. Much has changed during this period in the Ural historical science, and, what is most important, the paradigm of historical thinking has changed. The significance of the multi-volume «History of the South Urals» lies in that it shows a great shift in the young generation's awareness of the depth of their region history and its role in the history of Russia as a whole.

The project «History of the South Urals» is of exceptional importance not only for South Ural State University that initiated the project and played a key role in its implementation. The significance of the project goes far beyond the limits of the local scientific or educational experiment. The creation of the multi-volume «History of the South Urals» is a serious step in the process of constructing a new image of the region, which has played a prominent role in the history of Russia. The formation of such an image is a complex task of high responsibility in the political, economic, social and moral aspects.

This book contains a brief summary of the eight-volume publication «History of the South Urals». In the author's overviews of its chapters, the main historical stages spanning the period from human settlement in our region to the end of the XX century are concisely described. Due to the South Urals middle position in the Eurasian borderland, its history and culture shed light on the understanding of the historical processes in the development of the significant Russian territories and neighbouring states.

Rector of South Ural
State University
A. L. Shestakov

История Южного Урала неразрывно связана с важнейшими эпохами в истории человечества. Проект, который был инициирован учеными Южно-Уральского государственного университета, по-своему уникален. Он призван показать тесную историческую взаимосвязь социальных, экономических и культурных процессов, протекавших на Южном Урале на протяжении тысячелетий, с аналогичными процессами в различных точках евразийского пространства. Исследования ведущих ученых региона раскрывают особую роль, которую сыграл Южный Урал в истории Евразии, открывают новые грани исторических проблем, решение которых может оказать существенную помощь политикам, деятелям культуры, ученым, размышляющим не только о прошлом страны, но и о ее будущем.

Реализация этого научно-образовательного проекта поможет молодому поколению студентов и школьников понять глубину южноуральской истории и ее значимость в современном гражданском обществе. Территория Южного Урала является неотъемлемой частью Большого Урала, и все исторические процессы человеческой истории были единими не только для этого макрорегиона, но и для России в целом.

Представленная вашему вниманию книга является кратким изложением многотомного издания «История Южного Урала». В яркой очерковой форме авторы попытались заострить внимание лишь на наиболее значимых событиях и фактах исторического развития региона. Значение многих из них выходит далеко за рамки региональной истории, приобретая яркое звучание в общерос-

сийских и даже евразийских цивилизационных событиях и достижениях.

Так, в эпоху верхнего палеолита Южный Урал становится наиболее восточным центром пещерной палеолитической живописи. Бронзовый век превратил Южный Урал с эпицентр основных индоевропейских миграций. Эпоха древних кочевников (ранний железный век) ознаменовалась созданием очага культур сакского и скифо-сарматских центров. Бесконечный поток племен в эпоху Великого переселения народов — гуннов, болгар, тюрков, мадьяр, кыпчаков и монголов — неизменно превращал южноуральский регион в своеобразный плацдарм сложнейших этнокультурных и этнополитических трансформаций. После этого, обретя новый облик в пределах урало-казахстанских степей, они выплескивались на порог европейской истории как ее грозные преобразователи. История горнозаводского дела и уральского грозного металла и атома превратил наш регион в «опорный край державы». Эти и другие славные события кратко освещены на страницах книги. Однако для того чтобы познать все тонкости и переплетения исторических событий, преобразований и модернизаций, безусловно, следует ознакомиться со всеми восемью томами «Истории Южного Урала».

То, что данный проект реализовывался в год 75-летия Южно-Уральского государственного университета, на наш взгляд, очень показательно: ЮУрГУ с момента своего создания неизменно играл заметную роль в жизни Челябинской области, Южного Урала, страны в целом. История ЮУрГУ неразрывно связана с историей Южного Урала, и наш проект это, безусловно, подтверждает.

Президент Южно-Уральского
государственного университета
Г. П. Вяткин

The history of the South Urals is inextricably linked to the most important eras in the history of mankind. The project, which was initiated by the South Ural State University scientists, is unique in its own way. It is intended to show the close historical relationship of the social, economic and cultural processes, which have been taking place in the South Urals for millennia, with similar processes in various parts of the Eurasian space. The studies by the region leading scientists reveal a special role played by the South Urals in the Eurasia history and open new facets of the historical problems, the solution of which can significantly assist those politicians, cultural actors and scientists who care not only for the country's past, but also for its future.

The implementation of this scientific and educational project will help the younger generation of students and schoolchildren to understand the depth of the South Ural history and its significance for the modern civil society. The territory of the South Urals is an integral part of the Great Urals, and this macro-region and Russia as a whole are characterized by common processes of the human history.

The book presented to your attention is a summary of the multi-volume «History of the South Urals» publication. In a bright concise form, the authors tried to only focus on the most significant events and facts of the region historical development. The importance of many of them goes far beyond the framework of the regional history and is echoed in the all-Russian and even Eurasian civilizational events and achievements.

In the Upper Palaeolithic Period, the South Urals became the most eastern centre of the Palaeolithic Cave paintings. The Bronze Age turned the South Urals into the epicentre of the main Indo-European migrations. The ancient nomad era (the Early Iron Age) was marked by the creation of the culture hearth of the Saki and Scythian-Sarmatian centres. The endless stream of tribes, Huns, Bulgarians, Turks, Magyars, Kipchaks and Mongols, during the period of the Great Migration of Peoples, unavoidably turned the South Ural region into a kind of springboard for the most complex ethnical-cultural and ethnical-political transformations. After that, having acquired new features within the Ural-Kazakhstan steppes, they spilled into the European history as its formidable reformers. The history of the Ural mining industry, formidable metal and atom has turned our region into the «main pillar of the state». These and other glorious events are briefly covered on the pages of the book.

G. P. Vyatkin,
President of South Ural
State University

На Урале. Челябинская область.
2019 год. Фото: В. Шаратов
In Ural. Chelyabinsk Oblast.
2019. Photo: V. Sharapov

ОГЛАВЛЕНИЕ CONTENTS

Введение

17

Introduction

1

В. С. Мосин.
Южный Урал
в каменном веке

25

V. S. Mosin.
The South Urals
in the Stone Age

2

А. В. Епимахов.
Южный Урал в начале
эпохи металлов.
Бронзовый век

65

A. V. Epimakhov.
The South Urals
at the beginning
of the metal era.
The Bronze Age

3

А. Д. Таиров.
Южный Урал
в эпоху ранних
кочевников

103

A. D. Tairov.
The South Urals
in the era
of the early nomads

4

С. Г. Боталов.
Эпоха Великого
переселения народов
и раннее Средневековье
Южного Урала
(II–VIII века)

151

S. G. Botalov.
The era of the Great
Migration of Peoples
and the early Middle Ages
in the South Urals
(II–VIII centuries)

5

С. Г. Боталов.
У истоков южноуральских
народов. Южный Урал
в эпоху Золотой Орды
(IX — начало XV века)

197

S. G. Botalov.
At the origins
of the South Ural peoples.
The South Urals in the era
of the Golden Horde
(IX — early XV century)

6

Г. Х. Самигулов.
Южное Зауралье
(первая треть XV —
конец XIX века)

231

G. Kh. Samigulov.
The South Trans-Urals
(the first third
of the XV century —
the end of the XIX century)

7

В. М. Свистунов.
Горнозаводская
политика России
и заводы Южного Урала
(1734–1900)

281

V. M. Svistunov.
Mining policy of Russia
and the South Urals plants
(1734–1900)

8

И. В. Сибиряков.
Южный Урал.
Век двадцатый

321

I. V. Sibiryakov.
The South Urals.
The twentieth century

Заключение

367

Conclusion

**Сведения
об авторах**

383

Information
about authors

An aerial photograph of a large, calm lake in a valley. The lake's surface is a mix of blue and green, reflecting the sky and surrounding vegetation. A bright, shimmering reflection of the sun is visible in the lower-left portion of the water. The right side of the lake is bordered by a steep, densely forested hillside with trees in shades of brown and yellow. In the upper part of the image, a small settlement with several buildings is visible on a hillside overlooking the lake. The overall scene is a natural landscape in a mountainous region.

ВВЕДЕНИЕ
INTRODUCTION

На озерах. Урал. Челябин-
ская область. 2016 год.
Фото: В. Шаратов
On the lakes. Ural. Chelyabinsk
Oblast. 2016. Photo: V. Sharapov

ВВЕДЕНИЕ

Южный Урал — особый регион на карте Российской Евразии. Его континентальное пограничье, сложившееся издревле как природно-ландшафтный и климатический рубеж между европейским Западом и азиатским Востоком, между лесным севером и степным югом, имело решающее значение в формировании особого, не похожего на другие регионы историко-культурного своеобразия.

Природная аazonальность горно-таежного Урала, простирающегося на юг до Зилаирского плато, а на север до Полярного Урала, являлась своеобразным коммуникационным ареалом, связывающим леса и тайгу Большого Урала и Западной Сибири с необъятным лесостепным коридором, протянувшимся от Енисея до Среднерусской равнины. На этом пути только Урал-камень, прорезаемый руслами Чусовой, Сылвы, Уфы, Юрюзани, Сима и других рек, связывал восток и запад. Это порубежье было своеобразным входным порогом из Европы в Азию, из Азии в Европу. На его ступенях трансформировались новые традиции в культурах славянских, угро-финских и тюркских миров.

Пояс урало-мугоджарских степей, сосредоточенный в большой азиатско-европейской горловине от южных отрогов Урала и Мугоджар до аральского Хорезма, явился своеобразным эпицентром сосредоточения и трансформации человеческих миграционных импульсов вначале, в эпоху палеометаллов, из Передней Азии, с Кавказа и из Юго-Восточной Европы в Азию, а затем, в эпоху раннего железа и Великого переселения народов, из глубин Азии через Монголию, Алтай, необъятные просторы казахской Сары-Арки — далеко на запад, на Кавказ, в Переднюю Азию и Центральную Европу.

В этой связи региональная история Южного Урала представляется как бесконечный процесс транскультурных преобразований, которые происходили с древнейших времен — от первого заселения региона охотниками и рыбаками, следующими за уходящим ледником, до промышленных модернизаций XX века.

Южный Урал в археолого-географическом плане можно разделить на две подобласти — западную, или Приуральскую, включая Западный Казахстан, и восточную, или Зауральскую. Граница между ними проходит по центральным хребтам Урала и Мугоджар. В археологической литературе западную подобласть принято именовать Южным Приуральем, восточную — Южным Зауральем. Границы Южного Урала как историко-культурного региона достаточно условны. С юга он ограничен линией, идущей от низовий Тургая через южную оконечность Мугоджар (плато Шагырай) до устья реки Урал. Западная граница Южного Приуралья проходит по правобережью Урала до города Уральска, далее по средней части Бугульминско-Белебеевской возвышенности до устья реки Белой. На севере границу Южного Урала можно условно провести по северной границе Башкирии и Челябинской области до города Каменска-Уральского и далее по

INTRODUCTION

The South Urals is a special region on the map of the Russian Eurasia. Its continental borderline established in the ancient times as a natural-landscape and climatic boundary between European West and Asian East, between the forest North and the steppe South was of crucial importance for the formation of a special, unlike any other, region of historical and cultural identity.

The natural azonality of the mountain-taiga Urals extending south up to the Zilair plateau and north up to the Polar Urals was a kind of communication area connecting the forests and taiga of the Great Urals and Western Siberia with the immense forest-steppe corridor stretching from the Yenisei River to the Central Russian Plain. On this path, only the Urals-stone, cut through by the riverbeds of the Chusovaya, Sylva, Ufa, Yuryuzan, Sim and other rivers, connected the East and the West. This borderland was a kind of an entry threshold from Europe to Asia and from Asia to Europe. At the threshold steps, new traditions were created by the merger of the Slavic, Ugro-Finnish and Turkic worlds.

The belt of the Urals-Mugodzhzar steppes, which is located in the large Asian-European neck stretching from the south spurs of the Urals and Mugodzhzar to the Aral Khorezm, was a kind of the concentration and transformation epicentre of human migratory impulses. First, in the era of paleo-metals, the migration went from West Asia, the Caucasus and Southeast Europe to Asia. Then, in the Early Iron Age and Great Migration of Peoples periods, people migrated from the depths of Asia through Mongolia, Altai, and the vast expanses of the Kazakh Sary-Arka far to the west, the Caucasus, Front Asia and Central Europe.

In this regard, the regional history of the South Urals looks like an endless process of trans-cultural transformations that have taken place since ancient times, since the first settlement of the region by hunters and fishermen, who followed the outgoing glacier, to the industrial modernization of the 20th century.

Archaeologically and geographically, the South Urals can be divided into two subregions, the western or Cis-Ural part including West Kazakhstan and the eastern or Trans-Ural part. The border between them runs along the central ridges of the Urals and Mugodzhzar Hills. In archaeological literature, the western sub-region is usually called the South Cis-Urals; the eastern region is called the South Trans-Urals. The borders of the South Urals as a historical and cultural region are rather conventional. In the south, it is bounded by the line running from the lower reaches of the Turgai River through the south tip of the Mugodzhzar Hills (Shagyray plateau) to the mouth of the Ural River. The western border of the South Cis-Urals extends along the right bank of the Ural River to the city of Uralsk and then, it goes along the middle part of the Bugulminsk-Belebeyevskaya upland to the mouth of the Belaya River. In the north, the border of the South Urals can be conventionally drawn along the northern border between Bashkiria and the Chelyabinsk region up to the city of Kamensk-Uralsk and further along

реке Исети до ее устья. Восточная граница Южного Зауралья проходит по рекам Тобол и Убаган, Тургайской ложбине и реке Тургай до ее низовий.

Различия в историческом окружении, в направлении этнокультурных связей населения Южного Зауралья и Южного Приуралья, обусловленные естественно-географическими факторами, нашли отражение в их материальной культуре, традициях погребальной обрядности и, в конечном счете, в особенностях исторического развития.

Южное Зауралье (территории Челябинской и восточных районов Оренбургской областей, Восточной (Зауральской) Башкирии, западных районов Кустанайской и восточных Актюбинской областей Казахстана) географически лежит в пределах как урало-казахстанских степей, так и Южного Урала. Эта географическая особенность определила специфику исторического развития Южного Зауралья на протяжении по крайней мере последних четырех тысячелетий.

Настоящее издание содержит восемь очерков, в которых кратко излагаются этапы исторического развития Южного Урала. Очерки соответствуют восьми томам «Истории Южного Урала», подготовленной большим коллективом авторов — историков Южно-Уральского государственного университета и Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. На страницах книг в доступной для широкого круга читателей форме освещается жизнь южноуральского региона от времени заселения его древнейшим человеком до конца XX века. Отдельные книги (тома) издания построены по территориально-хронологическому принципу. Однако тематическая направленность каждой книги подчас диктовала авторам необходимость как расширения или, наоборот, сужения научно-исследовательского пространственного ракурса, так и параллельного рассмотрения единовременных исторических процессов, происходивших в различных ландшафтных зонах или микрорайонах, вмещающих разные хозяйственные уклады южноуральского региона.

Так, при рассмотрении историко-культурных процессов, предшествовавших Великому переселению народов (том четвертый — «Великое Переселение народов и раннее Средневековье Южного Урала (III–VIII века)»), автором С. Г. Боталовым рассматриваются вопросы формирования культур юэчжей-тохаров и хунну, происходившего в Центральной Азии в раннем железном веке (раздел «Великие предтечи»).

В первой главе пятого тома («У истоков южноуральских народов»), говоря о вложении лесостепных культур Южного Урала, этот же автор обращается к этапу поздней Древности и раннего Средневековья (III–VIII века), поскольку этого требует логика результатов исследований и последующего изложения их для читателя.

Том шестой «Южное Зауралье (1420 год — конец XIX века)» (авторы Г. Х. Самигулов, Д. Н. Маслюженко) и седьмой «Горнозаводская политика России и заводы Южного Урала (1734–1900)» (В. М. Свистунов, А. Г. Тептеев) построены по тематическому принципу. В первом случае авторами рассматривается весь спектр вопросов этнополитической истории. В связи с тем, что фабула исторических процессов весьма сложна и многообразна, рассмотрены они непосредственно в рамках Южного Зауралья (Челябинская и Курганская области) на протяжении периода от XV до конца XIX века. Такой территориальный и временной охват диктовала исследовательская логика. Исторические события, связанные с возникновением на Южном Урале горнозаводского дела и первых заводов в XVIII веке, а также с промышленным развитием в XIX веке, рассматриваются отдельно в седьмом томе. Возникновение уральской металлургии и железодельного производства, а также государственная политика, осуществлявшаяся в этой области, являются важнейшими историческими вехами развития промышленного Урала. В этой связи редакционная коллегия издания и авторский коллектив сочли необходимым поместить рассмотрение данных вопросов в рамках единого тематического тома.

the Iset River to its mouth. The eastern border of the South Trans-Urals passes along the Tobol River, Ubagan River, Turgai valley and Turgai River to its lower reaches.

Differences in the historical environment and in the directions of the ethnical-cultural ties between the population of the South Trans-Urals and South Cis-Urals caused by natural geographical factors are reflected in their material culture, burial rites and in the long run in the specificity of historical development.

The South Trans-Urals (the territories of the Chelyabinsk region, eastern areas of the Orenburg region, eastern (Trans-Ural) Bashkiria, western areas of the Kustanai region and eastern areas of the Kazakhstan Aktubinsk region) geographically lies within the limits of both, the Ural-Kazakhstan steppes, and the South Urals. This geographical feature determined the specifics of the historical development of the South Trans-Urals for at least the last four millennia.

The current publication contains eight essays, which summarize the stages of the South Urals historical development. The essays correspond to the eight volumes of the «History of the South Urals» prepared by a large team of authors, the historians of South Ural State University and Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. In the form attractive to a wide range of readers, the book covers the life of the South Ural region from the first human settlements in the region to the end of the XX century. Individual books (volumes) of the edition are written according to the territorial-chronological principle. However, the thematic focus of each book sometimes dictated to the authors both, the need for expanding or, on the contrary, narrowing the research perspective, as well as the need for parallel descriptions of one-time historical processes that took place in the various landscape zones or micro-districts encompassing different economic structures of the South Ural region.

Thus, when considering the historical and cultural processes that preceded the Great Migration of Peoples (the fourth volume — «The Great Migration of Peoples and the Early Middle Ages of the South Urals (III–VIII centuries)»), the author S. G. Botalov considers the formation of the Yuezhe-Tohar and Hun cultures, which took place in Central Asia in the Early Iron Age (the section «The Great Forerunners»).

In the first chapter of the fifth volume («At the Origins of the South Urals Peoples») speaking about the contribution of the South Ural forest-steppe cultures, the author addresses the stages of Late Antiquity and the Early Middle Ages (III–VIII centuries), since it is required by the logic of research results and their subsequent presentation to the reader.

The sixth volume «South Trans-Urals (1420 — the end of the XIX century)» (by G. Kh. Samigulov & D. N. Maslyuzhenko) and the seventh volume «Mining policy of Russia and the South Ural plants (1734–1900)» (by V. M. Svistunov & A. G. Tepteev) are built on the thematic principle. G. Kh. Samigulov and D. N. Maslyuzhenko consider the whole range of ethnical-political historical issues. As the plot of historical processes is very complex and diverse, they are considered directly in the framework of the South Trans-Urals (the Chelyabinsk and Kurgan Regions) over the period from the XV to the end of the XIX century. Such territorial and temporal coverage was dictated by the research logic. The historical events, which are connected with the emergence of the mining industry and first plants in the South Urals in the XVIII century, as well as with the industrial development in the XIX century, are considered separately in the seventh volume. The emergence of the Ural metallurgy and iron production and of the state policy that was implemented in that area are the most important historical milestones in the development of the industrial Urals. Therefore, the editorial board and the team of authors decided to describe these issues within the framework of a single thematic volume.

However, the abovementioned peculiarities are more clearly seen on the pages of the full eight-volume edition. In the essay chapters of this book, many key issues of the region historical development and the reconstruction of historical and cultural processes are presented in a short, concise form. Thus, this publication is a kind of presentation or invitation to the infinitely interesting and multifaceted history of the South Urals.

Однако обозначенные особенности в большей мере отчетливо просматриваются на страницах полного восьмитомного издания. В очерковых главах данной книги многие узловые вопросы исторического развития региона и реконструкции историко-культурных процессов приводятся в краткой, сжатой форме. В этой связи данное издание является своеобразной презентацией или приглашением в бесконечно интересную и многогранную область истории Южного Урала.

Тимьян. Республика Башкор-
тостан. Фото С. Арканова

Thyme. The Republic
of Bashkortostan.
Photo: S. Arkanov

В. С. Мосин.
**ЮЖНЫЙ УРАЛ
В КАМЕННОМ
ВЕКЕ**

1

V. S. Mosin.
**THE SOUTH
URALS
IN THE STONE
AGE**

Река Белая у пещеры
Шульган-Таш.
Фото: С. Арканов
The river Belaya near Shulgan-
Tash cave. Photo: S. Arkanov

Глава 1. ЮЖНЫЙ УРАЛ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

Заселение Южного Урала древним человеком началось около 300–250 тысяч лет назад и было связано со второй волной миграции из Африки позднего вида *Homo erectus ergaster* (человека прямоходящего работающего). Свидетельством этому служит бифас, найденный в окрестностях села Краснокаменка на реке Увельке в Челябинской области. Наличие двух удобных упоров-обушков — скошенной площадки и выемки на левом краю, а также асимметричность изделия позволяют предполагать его использование в качестве ножа. Наиболее вероятным местом, откуда люди пришли на Южный Урал, являются Мугоджары. Здесь в архаичных комплексах памятников Мугоджары 4–6 были открыты комплексы изделий, включающие двусторонне обработанные формы («ашель с бифасами»), которые наиболее близки к орудию из Краснокаменки не только типологически, но и по характеру сырья. Вероятно, к этому же периоду можно отнести несколько бифасов и рубило-чоппинг со стоянки Мысовой, расположенной на озере Карабалыкты в Республике Башкортостан. В это время на Южном Урале климат был теплее и влажнее современного. В горных районах широколиственные деревья, такие как дуб, клен и граб, соседствовали с сосной, березой и пихтой. В лесах бродили стада теплолюбивых травоядных животных — древних лесных слонов, эласмотериев, большерогих и благородных оленей, древних быков. В горах жили крупные пещерные медведи.

Имеющиеся на сегодняшний день данные из разных регионов планеты позволили ученым составить вероятную картину образа жизни древнейших людей. Прежде всего homo эректус эргастер уже научился строить жилища для защиты от непогоды, в быту начал использовать огонь. Преобладающим занятием стала охота, что повысило процентное содержание мяса в рационе питания и способствовало ускорению темпа эволюции. На стоянках обнаружены кости животных, специально разбитые для того, чтобы можно было добраться до костного мозга, а также

Вторая волна расселения древнего человека из Африки. По А. П. Деревянко с дополнением автора
Second settlement wave of ancient man migrated from Africa. By A.P. Derevyanko with the author comments

Бифас со стоянки Краснокаменка
Biface from the Krasnokamenka site

Chapter 1. THE SOUTH URALS IN THE STONE AGE

The settlement of ancient humans in the South Urals began about 300–250 thousand years ago and was associated with the second migration wave of the late *Homo erectus ergaster* species (upright walking working man) from Africa. The evidence is a biface found in the vicinity of the Krasnokamenka village on the Uvelka River in the Chelyabinsk region. Two comfortable stoppers, a beveled pad and recess on the left edge, as well as the tool asymmetry suggest its use as a knife. Humans most likely came to the South Urals from the Mugodzhary Hills. There, in archaic Mugodzhary monument complexes 4–6, discovered were sets of objects of bilaterally worked shapes (“the biface Acheulean”), which are the closest to the Krasnokamenka tool not only typologically but also by the nature of the raw materials. Probably, several bifaces and a chopper from the Mysova site located at Lake Karabalykty in the Republic of Bashkortostan can be attributed to the same period. At that time, the South Urals climate was warmer and wetter than nowadays. In the mountainous areas, deciduous trees such as oaks, maples and hornbeams grew next to pines, birches and firs. Herds of heat-loving herbivores, ancient forest elephants, elasmotherias, large-horned red deers and ancient bulls roamed in the forests. Large cave bears lived in the mountains.

The data currently available from different regions of the planet have allowed scientists to compose a likely picture of ancient human’s life-style. First of all, *Homo erectus ergaster* already knew how to build weather-proof dwellings and began using fire in everyday life. The predominant occupation was hunting, which increased the percentage of meat in their diet and helped accelerate the pace of evolution. In the sites, animal bones were discovered, which had been specially broken in order to reach for the bone marrow. In addition, on long bones, parallel cutting traces were registered, which may serve evidence for a systematic carcass butchering. The hunting tools and animal bones found in the sites can indicate that ancient people were patient and prudent hunters, who were

Карта памятников раннего палеолита Урала
Map of the Ural Paleolithic Monuments

Homo erectus.
Реконструкция выполнена Олегом Осиповым специально для сайта антропогенез.ру
Homo erectus. The reconstruction was performed by Oleg Osipov specifically for the site антропогенез.ру

зафиксированы параллельные следы разрезания на длинных костях, что может быть свидетельством систематической разделки туш. Обнаруженные на стоянках орудия охоты и кости животных могут свидетельствовать о том, что древние люди были терпеливыми и предусмотрительными охотниками, умевшими упорно ждать добычу в засаде у звериной тропы и совместно устраивать облавы. Такие облавы требовали не только большой сноровки, но и применения охотничьей хитрости, основанной на знании повадок животных. Орудия, предназначенные для охоты, хомо эректус эргастер изготовлял намного искуснее своих предшественников. Тщательно обработанным галькам и обломкам кремнистой породы придавалась нужная форма: заостренный конец, режущие края по обеим сторонам; размер орудия подбирался точно по руке.

Вполне вероятно, что человек прямоходящий уже умел наблюдать за сезонными миграциями промысловых животных и охотился там, где можно было рассчитывать на хорошую добычу. Он учился запоминать ориентиры и, уйдя далеко от стоянки, находить путь обратно. Охота постепенно стала основным способом добывания пищи, а передвижения за мигрирующими животными приводили охотников в новые места обитания, давали новые впечатления и расширяли опыт.

Особенности строения черепа и шейного отдела позвоночника древнейших людей позволяют предполагать, что человек прямоходящий «говорил» очень медленно и с трудом. Главное, что он научился общаться при помощи символов и обозначать предметы комбинациями звуков. Значительную роль как средство общения между древнейшими людьми играли, вероятно, мимика и жесты. Коллективная охота не только требовала речевого общения, но и способствовала развитию социальной организации, которая имела явно человеческий характер, так как опиралась на разделение труда между мужчинами-охотниками и женщинами — собирателями пищи.

Вполне возможно, что первоначально миграции древнейшего человека были связаны с миграциями промысловых животных. Переходя на новые места, коллективы хомо эректус эргастер часто попадали в экстремальные ситуации, им приходилось адаптироваться к новым условиям, что в конечном итоге позволило освоить огромные пространства Евразии, в том числе дойти до Южного Урала.

Заселение Урала в раннем палеолите не было постоянным. Следующий этап освоения уральской земли наступает уже в среднем палеолите, в эпоху мустье. На Урале это время характеризуется наличием лесотундровых ландшафтов с мелколиственными ольхово-березовыми колками, холодолюбивым кустарником ольховником, луговым разнотравьем с заболоченными участками и от-

ражают холодные и влажные условия. По лесостепным споро-пыльцевым спектрам реконструируются смешанные елово-сосново-березовые лесные массивы с пихтой, ольхой и лугостепными участками, открытые ландшафты холодных приледниковых степей с мамонтовой фауной раннего типа. В целом фауна млекопитающих этого периода представлена обитателями открытых и холодных ландшафтов. На юге Урала преобладали сухие степи, древесная растительность была развита в предгорьях и в долине реки Урал.

Опорным памятником для изучения этой эпохи на Южном Урале является стоянка Богдановка на реке Урал, где были найдены следы разделки туш пяти мамонтов, двух бизонов, благородного оленя, северного оленя, сайги, лошади и малого пещерного медведя. Во время функционирования стоянки здесь был пляж, на который весенним половодьем эпизодически выносило один-два трупа мамонтов. Найденные кости животных были сильно раздроблены. По-видимому, пищи было немного, и людям приходилось использовать все части добытых животных по максимуму. Скорее всего, Богдановка являлась сезонной (весенней) стоянкой людей, приходивших на излучину реки для сбора и утилизации вынесенных сюда половодьем останков животных. Возраст стоянки предварительно оценивается первой половиной позднего плейстоцена — периодом примерно 90–70 тысяч лет назад.

К среднему палеолиту относятся и несколько древних артефактов, найденных на стоянке Мысовой. Для изготовления орудий использовались кремнистые породы черного цвета и серые со слабым голубоватым оттенком. В окрестностях стоянки наблюдаются небольшие скальные и гребешковые коренные выходы этих кремнистых пород и красноцветных яшм. Проведенные на стоянке геологические исследования подтвердили раннепалеолитический возраст находок. Время формирования палеолитического культурного слоя было отнесено к интервалу примерно 75–50 тысяч лет назад. Кроме этих коллекций артефактов с раскопанных памятников известно несколько предметов среднего палеолита, обнаруженных в ходе археологических разведок на территории Карталинского, Брединского и Троицкого районов Челябинской области. Вероятно, во второй раз Южный Урал был заселен около ста тысяч лет назад людьми, пришедшими с территории современного Казахстана, где наибольшее количество известных палеолитических памятников относится к эпохе мустье.

Основным жителем среднего палеолита традиционно считается неандерталец — *Homo neanderthalensis*. Согласно имеющимся данным, можно говорить о том, что неандертальцы были похожи на нас по многим анатомическим характеристикам: строению ступни, кисти, объему

able to patiently wait for their prey in ambush by the bestial trail and make joint raids. Such raids required not only a lot of skills, but also hunting tricks based on the knowledge of animal habits. *Homo erectus ergaster* made hunting tools much more skilfully than his predecessors. Carefully worked pebbles and fragments of flint stone were shaped as necessary to get a point and cutting edges on both sides; the size of the tool was made so as to exactly fit the arm.

It is quite likely that *Homo erectus* could already observe seasonal migrations of game animals and hunted in places where it was possible to catch a good prey. He learned to remember landmarks and to find a way back having gone far from the settlement site. Hunting gradually became the main way of getting food, and movements to follow migrating animals led the hunters to new habitats, gave them new impressions and expanded their life experience.

The structural features of the skull and cervical spine of ancient people suggest that *Homo erectus* "spoke" very slowly and with difficulty. The main thing is that he learned to communicate using symbols and designate objects with combinations of sounds. A significant role as a means of communication between ancient people was probably played by facial expressions and gestures. Collective hunting did not only required verbal communication but also contributed to the development of a social organization that was clearly human in nature as it relied on the division of labour between male hunters and female food gatherers.

It is quite possible that initially, the migrations of the ancient man were associated with the migrations of game animals. Moving to new places, the teams of *Homo erectus ergaster* often faced extreme situations; they had to adapt to new conditions, which ultimately led them to explore the vast expanses of Eurasia including the South Urals.

The settlement of the Urals in the Early Palaeolithic was not continuous. The next stage of the Ural land exploration began in the Middle Palaeolithic in the Mousterian era. In the Urals, this period is characterized by the forest-tundra landscapes with small-leaved alder-birch chippings, a cold-loving alder shrub and meadow forbs with wetlands, which reflect cold and humid conditions. Mixed spruce-pine-birch forests with fir, alder and meadow-steppe areas, open landscapes of cold glacial steppes with early-type mammoth fauna are reconstructed based on the forest-steppe spore-pollen spectra. In general, the mammal fauna of this period is represented by the inhabitants of open and cold landscapes. Dry steppes predominated in the south of the Urals, while in the foothills and in the Ural River valley there was woody vegetation.

The reference monument for studying that period in the South Urals is the Bogdanovka site at the Ural River, where the traces of butchering the carcasses of five mammoths, two

Ашельские
охотники
Acheulean
hunters

bisons, a red deer, a reindeer, a saiga, a horse and a small cave bear were found. In the site, there was a beach, on which one or two mammoth corpses were occasionally carried out in the spring flood. The animal bones found in the site were crushed. Apparently, there was little food and people had to use all parts of the animals they got to the maximum. Most likely, Bogdanovka was a seasonal (spring) camp for the people who came to the river bend to collect and use the animal remains brought by the flood. The age of the site is tentatively expected to date to the first half of the Late Pleistocene, the period of about 90–70 thousand years ago.

Several ancient artifacts found in the Mysovaya site also belong to the Middle Palaeolithic. To make tools, black and grey with a faint bluish tint siliceous rocks were used. In the vicinity of the site, small rocky and scalloped root outcrops of these siliceous rocks and red-coloured jaspers are observed. A geological research conducted in the site confirmed the Early Palaeolithic age of the finds. The formation of the Palaeolithic cultural layer was dated to the period of about 75–50 thousand years ago. In addition to these collections of artifacts from the excavated sites, several objects of the Middle Palaeolithic were discovered during archaeological explorations in the territories of the Kartaly, Bredinsky and Troitsky districts of the Chelyabinsk region. Probably, the second settlement of the South Urals occurred about a hundred thousand years ago. That time, people came from the territory of modern Kazakhstan, where the largest number of the known Palaeolithic monuments dates back to the Mousterian.

The Neanderthal, *Homo neanderthalensis* is traditionally considered to be the main species that lived in the Middle Paleolithic. According to the available data, it can be said that the Neanderthals were similar to us in many anatomical characteristics: the structures of the foot and hand, brain volume, etc. At the same time, it is obvious that they nevertheless differed from modern people in many of their features. The average

**Стоянка
Богдановка**
Bogdanovka
site

**Каменные
орудия.
Стоянка
Богдановка**
Stone tools.
Bogdanovka
site

мозга и т. д. В то же время очевидно и то, что многими своими чертами они все-таки отличались от современных людей. Средний рост мужчин составлял порядка 165 см, женщины были ниже примерно на 10 см. И те и другие отличались крепким телосложением и были, что называется, «широки в кости». Они, несомненно, обладали немалой физической силой, значительно превосходя в этом отношении большинство представителей современного человечества. Отличительными чертами внешности являлись массивное, нависающее над орбитами глаз сплошным валиком надбровье, слишком широкий нос и выдающаяся вперед тоже широкая верхняя челюсть при полном отсутствии подбородка и с чересчур крупными передними зубами. Пища неандертальцев состояла в основном из мяса крупных травоядных животных, обитавших преимущественно в ландшафтах открытого типа. Основным способом добычи пищи являлась охота. Что касается растительных продуктов, то имеется немало фактов, свидетельствующих о том, что таковые не только входили в рацион неандертальцев, но и играли в нем важную роль. Вероятно, доля растительной пищи в рационе неандертальцев была

height of men was about 165 cm; women were about 10 cm smaller. Both of them featured a strong physique and were, as they say, "wide in bone". They undoubtedly possessed considerable physical strength, significantly exceeding in this respect the majority of representatives of the modern mankind. Their appearance was distinguished by a massive brow overhanging the eyes' orbits, a nose that was too wide and a wide upper jaw protruding forward with a complete absence of chin and too large front teeth. The Neanderthal food mainly included the meat of large herbivores that predominantly lived in open landscapes. The main way to get food was hunting. As for plant products, there are many facts that indicate that these were not only included in the diet of the Neanderthals, but also played an important role in it. Probably, the proportion of plant food in the Neanderthals diet differed depending on seasons and geographical areas. The same can be said about modern hunter-gatherers.

The third and final human settlement in the Urals occurred in the Late Palaeolithic 40–12 thousand years ago. To date, in the Urals, a little more than 150 Palaeolithic monuments of various types have been discovered. Among them are settlements with seasonal shelters, short-term campsites and sanctuaries. In the South Urals, these are sites in the Kulyurt-Tamak caves, Bayslantash, Muradymovskaya I, Smelovskaya I and Smelovskaya II; cave sanctuaries Shulgan-Tash (Kapova), Ignatievskaya and Serpievskaya 2; open air campsites Sergeevka 1, Troitskaya I, Shikaevka II, Big Allaki 2 and others.

Most of the monuments are sites with a small number of artifacts. As humans had to adapt to the adverse natural environment of the last glacial, the life support system of the Late Paleolithic period is characterized by the sites of various economic orientations: hunting camps, short-term shelters in caves and grottoes, campsites in natural "cemeteries" of mammoths, campsites at the "places of butchering mammoths" and cave sanctuaries. High mobility of the ancient hunter groups who had to follow animals in the glacial tundra steppe and thus cover distances up to several hundred kilometres makes the intersection of group routes and frequent intercommunal contacts highly probable and allows suggesting the transfer of some technical standards, which can be considered as specific features of similarity between sufficiently distant stone industries. All this was a prerequisite for the formation of the population social-cultural space in the Volga-Urals, South Urals and Western Siberia in Late Palaeolithic about 20 thousand years ago. At the next chronological stage (15–13 thousand years ago), differences got more contrasting and regional variants acquired more distinct intrinsic characteristics.

The Late Palaeolithic (Last Glacial Period) is the period when the man of modern anatomical type, *Homo sapiens*, appeared.

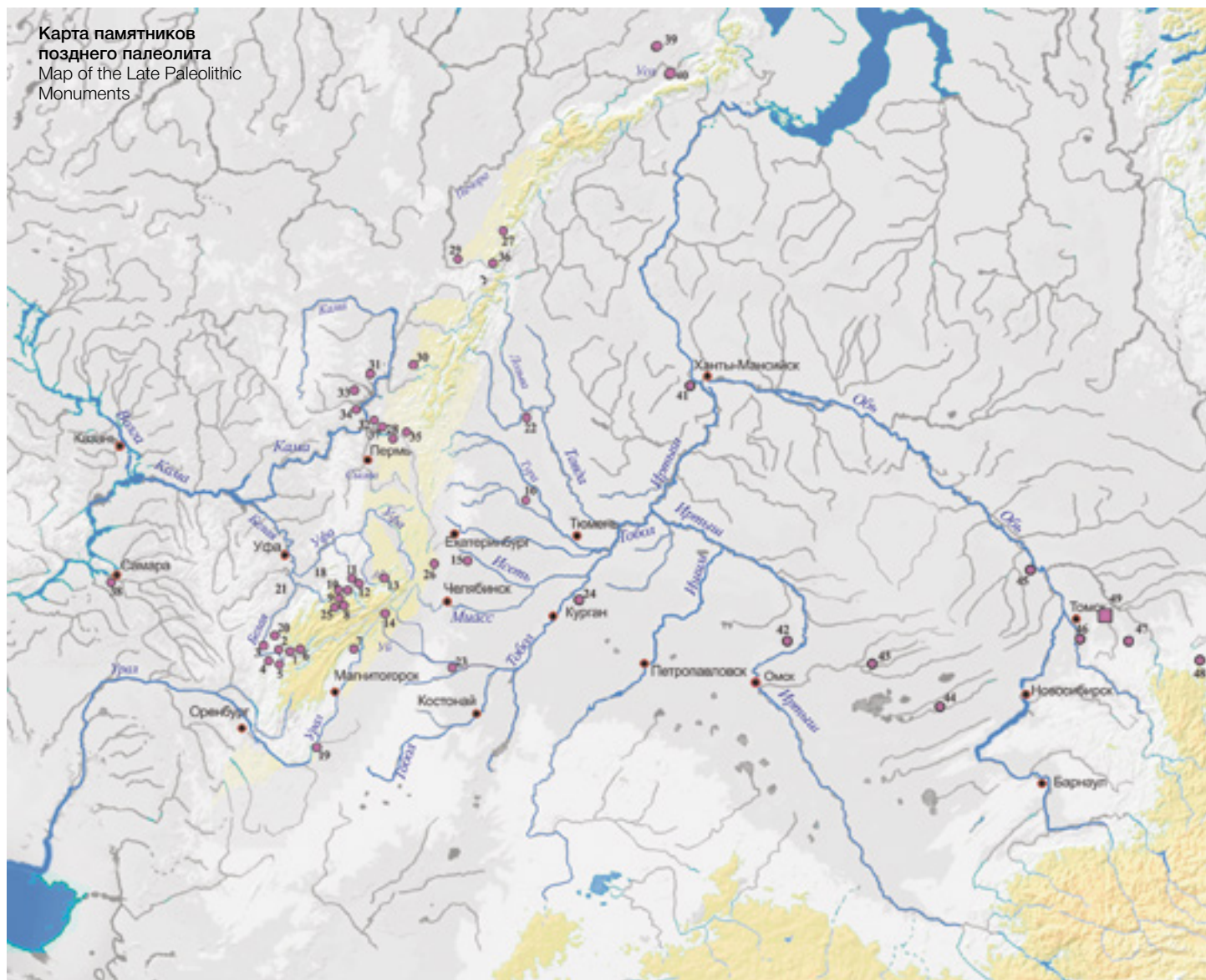
It is the period of the formation of a complex and developed material culture. The most striking evidence for the maturity of the human society in the Upper Palaeolithic is the emergence of art. In the South Urals, cave painting could so far be only found in three caves: Kapova (Shulgan-Tash), Ignatievskaya (Yamazy-Tash) and Serpievskaya 2. For a long time, the Palaeolithic cave painting was only found in Western Europe and therefore, the discovery of cave painting in the Kapova cave in 1959 was truly sensational. There, more than 50 different types of colourful paintings were revealed. In many ways, they are similar to the classical cave painting found in the caves of the Franco-Cantabrian region (Western Europe), which served as sanctuaries in the late Palaeolithic epoch.

In the Ignatieva cave, there were found about 60 locations with paintings or painting fragments of two colours, red of various shades and black. The paintings are predominately images of the Pleistocene animals, mammoths and horses; there were also several iconic figures and images of anthropomorphic creatures. On one of the panels of the Far Hall, most of the paintings are of red colour (Red panel). The most important composition of these paintings is the figures of a beast and a woman. On the Black panel, there are a mask, a triangle, mammoths, horses, a tour and a camel, as well as a parallelogram drawn in the black colour. In the Great Hall, the figures of animals and anthropomorphic creatures are painted in red; there are many paintings of a symbolic character represented by sets of lines. The paintings were also found in the Serpievskaya 2 cave; however, they were poorly preserved because of seasonal changes in air flow due to the specifics of the cavity morphology

Неандертальцы. Реконструкция
Neanderthals. Reconstruction

неодинаковой в разные сезоны и в разных географических зонах, как и у современных охотников-собирателей.

Третье и окончательное заселение Урала человеком произошло в позднем палеолите — 40–12 тысяч лет назад. К настоящему времени на Урале открыто немногим более 150 палеолитических памятников разных типов: поселения с сезонными жилищами, кратковременные стоянки, святилища. На Южном Урале это стоянки в пещерах Кульюрт-Тамак, Байсланташ, Мурадымовская I, Смеловская I и Смеловская II; пещерные святилища Шульган-Таш (Капова), Игнatieвская и Серпиевская 2; стоянки под открытым небом Сергеевка 1, Троицкая I, Шикаевка II, Большие Аллаки 2 и другие.

Большая часть памятников — это местонахождения с малым количеством артефактов. Систему жизнеобеспечения в эпоху позднего палеолита характеризуют стоянки различной хозяйственной направленности, обусловленной необходимостью адаптации человеческих коллективов к неблагоприятной природной обстановке последнего ледниковья: охотничьи лагеря, кратковременные стоянки в пещерах и гротах, стоянки на природных «кладбищах» мамонтов, стоянки у «мест разделки мамонтов», пещерные святилища. Повышенная мобильность общин древних охотников, вынужденных следовать за животными в приледниковой тундростепи на расстояния до нескольких сотен километров, предполагает высокую вероятность пересечения маршрутов отдельных общин, частые

and constant flooding in flood periods. A total of nine image groups are known.

The paintings are located deep in the caves and were created for ritual ceremonies. The caves were mainly used for initiation ceremonies, rites of transformation, in which an initiate is 'reborn' into a new role (for example, formally admitted to adulthood). The South Ural centre of cave painting indicates the stability of relations between numerous groups of hunters, as well as the similarity of their worldview, which is the main condition for functioning of each individual society. The compositions of the Great Hall of the Ignatievskaya Cave and the Painting Room of the Kapova Cave are mainly related to hunting. These are paintings of various animals and signs resembling arrows and spears, corral hedges and traps. The Kapova Cave Chaos Hall and the Ignatievskaya cave Far Hall were probably the main rooms for the rituals. In their paintings, myths about the creation of the world are reflected.

About 10,300 years ago, a new page in history opens in the South Urals. There occurs a sharp climatic change associated

with warming and mitigation of the continental climate. According to the paleo-botanical data, during warming, in the mid-latitudes across Northern Hemisphere on the border of the Late Pleistocene and Holocene, the rise in summer air temperature averaged about 1.7°C per hundred years. The periglacial zone broke up, the landscape structure changed and various nature zones replaced the huge tundra-steppe. The Ice Age was over; a new geological period, the Holocene came, which continues up to this day.

In the late periods of the Stone Age — Mesolithic, Neolithic and Eneolithic, the population of the South Urals was akin to the Central Urals population in their traditions including the life support system and spiritual culture. These Trans-Ural territories were united by a common social-cultural space.

The Mesolithic period of the Trans-Urals is represented by 32 excavated sites and settlements and is divided into three stages: the Early Mesolithic (10,200–9,000 years ago), the Middle Mesolithic (9,000–8,000 years ago) and the Late Mesolithic (8,000–7400 / 7300 years ago). The main sites

Черное и красное панно.
Игнatieвская пещера
Black and red panels.
Ignatiev cave

Каменный инвентарь.
Игнatieвская пещера. Фото В. Н. Широкова
Stone inventory.
Ignatiev cave.
Photo by V. N. Shirokov

межобщинные контакты и допускает возможность передачи и преемственности некоторых технических стандартов, составляющих особенные элементы сходства между достаточно удаленными друг от друга каменными индустриями. Все это явилось предпосылками к образованию около 20 тысяч лет назад социокультурного пространства населения позднего палеолита Волго-Уралья, Южного Урала и Западной Сибири. На следующем хронологическом этапе (15–13 тысяч лет назад) различия становятся более контрастными и региональные варианты приобретают более отчетливые собственные характеристики.

Эпоха позднего палеолита (последняя ледниковая эпоха) — это время появления человека современного физического типа *Homo sapiens*, время формирования сложной и развитой материальной культуры, и наиболее ярким выражением зрелости человеческого общества в эпоху верхнего палеолита служит появление искусства. На Южном Урале пещерная живопись известна пока в трех пещерах: Каповой (Шульган-Таш), Игнatieвской (Ямазы-Таш) и Серпиевской 2. Долгое время единственным в мире центром, где была известна пещерная палеолитическая живопись, была Западная Европа, поэтому поистине сенсационным было открытие в 1959 году пещерной живописи в Каповой пещере. Здесь выявлено более 50 разнотипных красочных рисунков. Они во многом сходны с классическими настенными изображениями в пещерах Франко-Кантабрийской области (Западная Европа), служивших святилищами в эпоху позднего палеолита.

В Игнatieвской пещере обнаружено около 60 мест с рисунками или их фрагментами двух цветов — красного различных оттенков и черного. Преобладают изображения плейстоценовых животных — мамонта и лошади, зафиксированы также знаковые фигуры и несколько изображений антропоморфных существ. На одной из панелей Дальнего зала большинство рисунков — красного цвета (Красное панно), важнейшую композицию среди них составляют фигуры зверя и женщины; на Черном панно черной краской нанесены личина, треугольник, мамонты, лошади, тур и верблюд, параллелограмм. В Большом зале красной краской выполнены фигуры животных и антропоморфного существа, много рисунков знакового характера — группы линий. Рисунки были обнаружены и в пещере Серпиевская 2, однако они плохо сохранились вследствие изменений воздухоотока в различные сезоны года в силу специфики морфологии полости и постоянного подтопления во время паводков. Всего известно девять групп изображений.

Рисунки находятся в глубине пещер и созданы были для обрядовых церемоний. В основном в пещерах проводились обряды инициации — посвящения, перехода человека

Игнatieвская пещера
Iglatiev cave

that are studied are: Yangelka, Yakty-Kul, Andreevka III, Evgenievka I, Krasnokamenka, Sukhrino I, and Tashkovo IV, Black Mountain, Vyika II, Chebarkul XVII, Gray Stone, Coastal Peat II and others.

The materials from the Mesolithic monuments of the Trans-Urals show close similarity in basic characteristics. The existence of ground dwellings in seasonal campsites is indicated by foci including those with stone lining and by accumulations of stone equipment contoured by large and medium-size stones or pillar pits. A ground dwelling was made of barlings fixed in the ground that served as a frame, which was then covered with skins. On the outside, the skins were pressed by stones. It is almost impossible to reconstruct the structure of such dwellings but following the logic and location of the stones and pits from the barlings, they were probably rounded, as this shape is the most optimal and less labour-consuming. A hearth was built inside; for it, a small depression was made in the floor, which was lined with stones. Such dwellings were seasonal and functioned in the warm season, since they could not retain heat well enough. In the settlement of Grey Stone, the remains of more capital dwellings, half dugouts, were found as well. Two dwellings were located close to the central part of the

site on the remnant of the terrace and were deepened into the mainland by 40–60 cm.

The material culture was based on laminar microlith complexes, characterized by flake blanks not more than a centimeter wide. In the collections, the share of the flakes with such cross-sections is more than 80% and sometimes even more than 90%. The nuclei (cores) were made in three main shapes: conical, prismatic and frontal. The microliths without any additional working, as well as part of the microliths with edge retouching were used as inserts for composite tools. Secondary retouching is usually found on less than 15 % of the microliths. In most cases, retouching was applied along one side. The main sets of tools include corner cutters, end scrapers on blades, spear points and arrowheads (including oblique ones), backed edge blades, notched flakes and racloirs (scrapers on flakes). In the part of the monuments, geometric microliths, in particular, symbolic ones, such as asymmetric trapezoids or triangles are found. In peat settlements, bone and horn products are discovered. To manufacture such items, bones of large mammals, primarily moose, and less often, bones of small animals and birds were used. Among the main tools made of bone and horn, there are loose tips and daggers, arrowheads,

из одного состояния в другое (например, подростка в мужское звание). Существование южноуральского центра пещерной живописи свидетельствует о стабильности связей между многочисленными коллективами охотников, единстве их мировосприятия, что является основным условием функционирования каждого отдельного общества. Композиции Большого зала Игнatieвской пещеры и Зала рисунков Каповой пещеры в основном связаны с охотничьей темой — это рисунки различных животных и знаки, напоминающие стрелы и копья, загонные изгороди и ловушки. Зал Хаоса в Каповой пещере и Дальний зал в Игнatieвской, вероятно, были главными помещениями для проведения обрядов, и в их рисунках отражены мифы о сотворении мира.

Около 10 300 лет назад на Южном Урале открывается новая страница в истории. Происходит резкий природно-климатический перелом, связанный с потеплением и смягчением континентальности климата. Повышение летней температуры воздуха в средних широтах Северного полушария во время потепления на границе позднего неоплейстоцена и голоцена, по палеоботаническим данным,

составило в среднем около 1,7 °С в сто лет. Приледниковая зона распадается, происходит перестройка структуры ландшафтов, вместо огромной тундростепи появляются различные природные зоны. Закончилась ледниковая эпоха, наступил новый геологический период — голоцен, который продолжается по сей день.

В поздние эпохи каменного века — мезолите, неолите и энеолите — население Южного Урала по своим традициям как в системе жизнеобеспечения, так и в духовной культуре было родственным среднеуральскому населению. Эти зауральские территории объединяло общее социокультурное пространство.

Эпоха мезолита Зауралья представлена 32 раскопанными стоянками и поселениями и делится на три этапа: ранний (10 200–9000 лет назад), средний (9000–8000 лет назад) и поздний (8000–7400/7300 лет назад). Основными исследованными стоянками являются: Янгелька, Якты-Куль, Андреевка III, Евгеньевка I, Краснокаменка, Сухрино I, Ташково IV, Черная гора, Выйка II, Чебаркуль XVII, Серый Камень, Береговая торфяниковая II и другие.

Наземное жилище.
Реконструкция
Ground housing. Reconstruction

Трапеции, треуголь-
ники и острия
Trapezoid, triangles and spikes

Основные мезолитические памятники Зауралья

Main Mesolithic monuments of the Trans-Urals

harpoons, hornbills, etc. Recently, polished tools, including axes, adzes, chisels and wedges, as well as grinding slabs, have become more commonly discovered.

It is necessary to note a certain duality of the Trans-Urals Mesolithic complexes: the collections of objects from some sites (Vyyka II, Sukhrino I, Rodniki II, Tashkovo II, IV) do not contain such characteristic types of tools as geometric microliths (trapezoids and triangles), while in the collections from other sites (Gray Stone, Yangelka, Andreevka, Chebarkul XVII, Chernaya Gora), geometric microliths are found. However, the noted specific features do not violate the general similarity between the flint microlith complexes of the Mesolithic Trans-Urals material culture.

The end of the Last Glacial Period with its retreat of the glacier and global climate change (10–11 thousand years ago) was the most difficult period for the Ural population. Simplifying the situation, we can say that human groups that survived these events got “experience”, which largely ensured their survival over the next millennia. A sharp rise of humidity and temperature at the beginning of the Holocene and the permafrost thawing led to the complete destruction and disruption of the old migratory animal paths, loss of campsites and changes in flora and fauna. Of course, the swiftness of these transformations was catastrophic for the inhabitants of many territories. While in the previous periods, dry air and rather low temperatures prevailed, in the beginning of the Holocene, humidity and temperature rise occurred and began to influence various aspects of human life. In general, from the point of view of human ecology, the main task of the Early Holocene Mesolithic population was to adapt to the emerging conditions of the temperate climate. The main problems of the early Mesolithic population were associated

Костяные наконечники.
Фото
С. Н. Савченко
Bone arrowheads. Photo
by S. N. Savchenko

Вкладышное орудие.
Фото
А. Ф. Мельничука
Composite tool. Photo
by A. F. Melnichuk

Материалы с мезолитических памятников Зауралья обнаруживают близкое сходство между собой по основным характеристикам. На существование наземных жилищ на сезонных стоянках указывают очаги, в том числе с каменной обкладкой, скопления каменного инвентаря, оконтуренные крупными и средних размеров камнями или столбовыми ямками. Наземное жилище сооружалось из жердей, которые укреплялись в земле, создавая каркас, затем покрывались шкурами. Снаружи шкуры прижимались камнями. Конструкцию таких жилищ восстановить практически невозможно, но, следуя логике и месторасположению камней и ямок от жердей, можно предположить, что они имели округлую форму как наиболее оптимальную и менее трудоемкую. Внутри сооружался очаг, для него делалось небольшое углубление в полу, которое обкладывалось камнями. Такие жилища были сезонными и функционировали в теплое время года, поскольку недостаточно хорошо сохраняли тепло. Были выявлены также остатки более капитальных жилищ — полуземлянок — на поселении Серый Камень. Два жилища располагались близко к центральной части площадки на останце террасы и были углублены в материк на 40–60 см.

Основу материальной культуры составляли микропластинчатые комплексы, характеризующиеся наличием пластинчатых заготовок шириной не более сантиметра. Доля таких пластинок и сечений в коллекциях более 80 %, а на некоторых памятниках — более 90 %. Нуклеусы изготавливались трех основных форм: конические, призматические, торцовые. Пластины без дополнительной подработки, как и часть пластинок с краевой ретушью, использовались в качестве вкладышей для составных орудий. Вторичную обработку ретушью имеет, как правило, менее 15 % пластинок. Ретушь наносилась в большинстве случаев по одному краю — со спинки или брюшка. В основные наборы орудий входят угловые резцы, концевые скребки на пластинах, острия, в том числе скошенные, пластинки с обработанным торцом, пластинки с выемкой, скребки на отщепках. На части памятников встречаются геометрические микролиты, в частности такие знаковые, как асимметричные трапеции или треугольники. На торфяниковых поселениях встречаются изделия из кости и рога, для изготовления которых в основном употреблялись кости крупных млекопитающих, прежде всего лося, реже мелких животных и птиц. Среди основных орудий из кости и рога можно отметить прежде всего вкладышевые наконечники и кинжалы, наконечники стрел, гарпунов, рогатин и др. В последнее время чаще стали встречаться шлифованные изделия, в том числе топоры, тесла, стамески и клинья, а также шлифовальные плиты.

Необходимо отметить наметившуюся дуальность мезолитических комплексов Зауралья: коллекции предметов с некоторых стоянок (Выйка II, Сухрино I, Родники II, Ташково II, IV) не содержат таких характерных типов орудий, как геометрические микролиты (трапеции и треугольники); в коллекциях другой части стоянок (Серый Камень, Янгелька, Андреевка, Чебаркуль XVII, Черная Гора) геометрические микролиты присутствуют. Однако отмеченные своеобразные черты не нарушают общей картины близости кремневых микропластинчатых комплексов материальной культуры мезолита Зауралья.

Время окончания последнего оледенения, отступления ледника, глобального изменения климата (10–11 тысяч лет назад) было труднейшим для населения Урала. Упрощая ситуацию, можно сказать, что человеческие коллективы, пережившие эти события, получили «опыт», в значительной мере обеспечивший их выживание в последующие тысячелетия. Резкое повышение влажности и температуры в начале голоцена, таяние вечной мерзлоты привели к полному разрушению, нарушению старых миграционных путей животных, утрате мест стоянок, изменению флоры и фауны. Стремительность этих трансформаций, безусловно, была катастрофичной для обитателей многих территорий. Если в предшествующие эпохи господствовали сухой воздух и довольно низкие температуры, то в начале голоцена на самые разные стороны жизни человеческих коллективов стали влиять влажность и повышение температуры. В самом общем виде, с точки зрения экологии человека, основной задачей раннеголоценового мезолитического населения являлось приспособление к формирующимся условиям умеренного климата. Основные проблемы раннемезолитического населения были связаны с освоением новых ландшафтов и источников пищи, появлением новых коммуникационных возможностей. Необходимость их решения обуславливала изменение материальной культуры, которую приспособляли к новой природной обстановке. Человек на постоянной основе осваивал такой новый источник белковой пищи, как некрупная рыба и беспозвоночная фауна, добыча которой не сопряжена с опасностью для жизни. Они стали надежным источником еды в самые тяжелые и неблагоприятные сезоны года. Обеспеченность легкодоступными пищевыми ресурсами значительно облегчила жизнь менее защищенным членам общества — женщинам и детям. Результатом этого стал рост численности населения, особенно заметный у охотников-рыболовов-собирателей.

Система жизнеобеспечения основывалась на охоте и рыболовстве. Образ жизни охотника, постоянно находящегося в движении, вынуждал иметь очень легкий, компактный, быстро воспроизводимый охотничий инвентарь.

with the exploration of new landscapes and food sources, as well as with new communication opportunities. The need for solutions to all the problems caused changes in the material culture, which had to be adapted to the new natural environment. The people explored new sources of protein food, small fish and invertebrate fauna to understand which of those were not life-dangerous. Small fish and invertebrate fauna became a reliable source of food in the most difficult and disadvantaged seasons of the year. The availability of easy-to-get food resources made life much easier for the less protected members of human groups, women and children. The result was a rise in population especially noticeable among hunter-fisherman-gatherers.

The life support system was based on hunting and fishing. The lifestyle of a hunter, who was constantly in motion forced him to have a very light, compact, quickly reproduced hunting equipment. In the Mesolithic, the main hunter armament was a bow with arrows. With the microlith technology, a tradition of manufacturing composite tools arose. In the Mesolithic times, the technique and manufacturing technology of such tools reached perfection. The microliths used as points, which can be attached to a composite weapon or tool, had certain advantages. The wounds inflicted by these points were more dangerous, as they cut through the body of a victim, rather than pierce it. The inserted points more often fell out of the wide wound together with the pole; the hunter less often lost his weapon and could deliver several blows.

On the peat bog campsites, bones of elk, beaver, wolf, bear, hare, red deer, reindeer, wolverine, otter and fur animals, such as sable, marten and polecat, are found in large numbers. Numerous remains of bones of various waterfowl and forest birds, as well as many fish bones of pike, crucian carp, perch, roach, cyprinids and taimen were also found. They can often be seen in the form of piles probably formed as a result of cleaning

the catch. In all sites, there are bones of dogs that accompanied hunters. In the forest-steppe regions, the horse, saiga and tur bones are discovered. The shared territory, same raw materials and types of artifacts discovered in the Trans-Urals monuments of the Late Palaeolithic and Mesolithic allow assuming the autochthonous genesis of the Trans-Ural Mesolithic.

The territorial differences observed in the complexes of stone artifacts allow concluding about the emergence of already different cultural traditions of the human groups, which explored the natural landscape zones of the Urals and Trans-Urals. These traditions make it possible to outline the approximate settlement boundaries for quite identifiable human groups that consisted of interconnected families and communities, which inhabited the Trans-Urals, Volga-Urals and Kama-Urals. These connections are confirmed by the tradition transfer process that lasted for hundreds of years within the Mesolithic period. These traditions can probably be considered as clan traditions (kinship lines).

In the archaeological periodization, the history segment of the Late Stone Age following the Mesolithic is divided into two periods, the Neolithic (New Stone Age) and Eneolithic (Copper-Stone Age). Despite the division into two periods or even into two epochs, this is the time of the formation and thriving of the hunters and fishermen society, the time when people lived following the traditions that were characteristic of their family and community. At that time, the entire space of the Urals from the mountain taiga to the dry steppes was finally populated. Today, archaeologists know thousands of sites and settlements dated to that time. Further development of the main features of the material culture in the Neolithic period of the Stone Age (the second half of the VII — V millennium BC), which is commonly called by the term “Neolithization,” is a complex process that combined various factors of the material

Наконечники гарпунов.
Фото Е. Ф. Тамплон
Harpoon heads.
Photo E. F. Tamplon

Основным вооружением охотников в мезолите являлся лук со стрелами. Вместе с микропластинчатой техникой возникла традиция изготовления вкладышевых орудий. Во времена мезолита техника и технология изготовления таких орудий достигли совершенства. Вкладышевые наконечники имели определенные преимущества. Раны, наносимые ими, были более опасными, поскольку не столько прокалывали, сколько прорезали тело жертвы. Из широкой раны они чаще выпадали вместе с древком, охотник реже терял оружие, имел возможность наносить несколько ударов.

На торфяниковых стоянках в большом количестве встречены кости лося, бобра, волка, медведя, зайца, благородного оленя, северного оленя, россомахи, выдры, пушных зверей — соболя, куницы, хоря. Также были найдены многочисленные остатки костей различных водоплавающих и лесных птиц, в большом количестве — кости рыб (щуки, карася, окуня, плотвы, карповых, тайменя). Они часто встречаются в виде скоплений, образовавшихся, вероятно, при чистке улова. На всех стоянках присутствуют кости собаки, которая сопровождала человека на охоте. В лесостепных районах встречаются кости лошади, сайги и тура. Общая территория, единое сырье, наличие одинаковых типов изделий на памятниках позднего палеолита и мезолита Зауралья позволяют предполагать автохтонный генезис зауральского мезолита.

Наблюдаемые нами территориальные различия комплексов изделий из камня позволяют сделать вывод о формировавшихся и уже отличавшихся друг от друга культурных традициях, которые были характерны для человеческих коллективов, осваивавших природно-ландшафтные зоны Предуралья и Зауралья. Эти традиции позволяют очертить примерные границы проживания вполне идентифицируемых коллективов Зауралья, Волго-Уралья и Прикамья, состоящих из семей и общин, связанных между собой. Эти связи подтверждаются про-

Охота и рыболовство. Реконструкция
Hunting and fishing.
Reconstruction

цессом передачи традиций на протяжении сотен лет в пределах мезолитического времени. Природу этих традиций мы, вероятно, можем рассматривать как традиции родов (кровнородственных линий).

Следующий за мезолитом отрезок истории позднего каменного века делится на два периода в археологической периодизации — неолит (новый каменный век) и энеолит (медно-каменный век). Несмотря на разделение на два периода, или даже на две эпохи, это время становления и расцвета общества охотников и рыболовов, время, когда люди жили, следуя традициям, свойственным своему роду и своей общине. В это время было окончательно заселено все пространство Урала — от горной тайги до сухих степей. На сегодняшний день археологам известны тысячи стоянок и поселений этого времени. Дальнейшее развитие основных черт материальной культуры в неолитический период эпохи камня (вторая половина VII — V тысячелетие до н. э.), которое сегодня принято обозначать термином «неолитизация», — это сложный процесс, сочетающий различные факторы материального мира: изменения природного окружения, развитие техники и технологии. В материальной культуре конкретных человеческих коллективов этот процесс отражается, с одной стороны, как стремление к сохранению существующих традиций, поскольку они являются основой стабильности, с другой стороны — как необходимость выработки и принятия новых элементов материальной культуры и, соответственно, формирования новых традиций. Не в последнюю очередь это связано с уникальными природными условиями геологического периода, который называется атлантическим, или атлантиком. Продолжавшееся в течение атлантического периода потепление, начало которого разные исследователи относят ко времени около 8000–7500 лет назад, привело в середине периода к климатическому оптимуму — наиболее благоприятному сочетанию тепла и влаги. В это время окончательно сформировались природно-ландшафтные зоны Урала и установились границы, близкие к границам современных ландшафтных зон.

Начало процесса неолитизации на Урале относится к середине VII тысячелетия до н. э., когда технология керамического производства появляется в Зауралье. Какими путями это произошло, пока до конца непонятно. Возможно, это был результат межобщинных контактов местного населения с коллективами елшанской традиции Волго-Уралья или же результат давних, еще с мезолита, связей с населением Арало-Каспия. Скорее всего, и то и другое, включая внутреннее развитие местной системы жизнеобеспечения. Хронология неолита построена на значительной серии радиоуглеродных анализов, и неолитический период в Зауралье может быть разделен на два этапа:

Природные зоны голоцена
Holocene Nature areas

world, changes in the natural environment and technology development. In the material culture of specific human groups, this process is reflected, on the one hand, by the desire to preserve existing traditions, since they were the basis of stability, and, on the other hand, by the need to develop and adopt new material culture elements and, accordingly, to form new traditions. Not least of all, that was due to the unique natural conditions of the geological period, which is called the Atlantic Period, or Atlantic. Warming continued through the whole Atlantic period, the beginning of which various researchers date back to about 8000–7500 years ago. In the middle of the period, the warming led to the climatic optimum, the most favourable combination of warmth and moisture. At this time, the Ural natural landscape zones were completely formed and the borders close to the borders of the modern landscape zones were established.

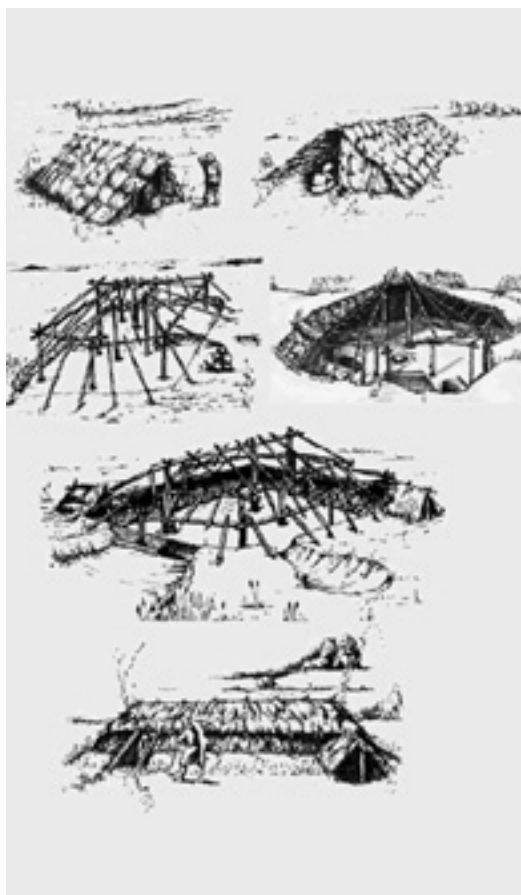
The beginning of the Neolithization in the Urals dates back to the middle of the VII millennium BC, when the ceramic manufacturing technology appears in the Trans-Urals. In what ways this happened is not yet fully understood. Perhaps, this was the result of the intercommunal contacts of the local population with the Volga-Urals groups of the Yelshan tradition, or it could be due to the long-standing dating back to the Mesolithic ties

with the Aral-Caspian population. Most likely, this happened due to the both of these factors including the internal development of the local life support system. The chronology of the Neolithic is based on a significant series of radiocarbon analyses. The Trans-Ural Neolithic period can be divided into two stages: the Early Neolithic (mid VII — VI millennium BC) and the Late Neolithic (V millennium BC).

In the Neolithic, the invention of the baked clay (ceramics) tableware was one of the largest events in the human creative activity in the Stone Age. Ceramics tableware best preserved food; it could be used for cooking and therefore, ceramics solved the most important economic problems. At the beginning of the Neolithic, about 7,500 years ago, the vessels were hand-made round-bottomed, sharp-bottomed, rarely flat-bottomed decorated with patterns made by scratching and pruning with a rounded point bone tool. Ceramics seems to be the most obvious and striking feature of the Neolithic Period; its ornamentation convey images that partially reflect the traditions of various societies, which people embodied in the visual art. Ceramic complexes make it possible to more clearly delineate the areas of individual communities. It should be borne in mind, however, that within the framework of the life support system, ceramic tableware had an undeniably secondary role, since it was not related to manufacturing, but was exclusively used in the consumption sphere, mainly

Сосуды раннего неолита и деревянный черпачок. находки с озера Увильды
Early Neolithic vessels and a wooden scoop. Finds from the Uvildy Lake

Неолитические жилища. Реконструкция по Д. Н. Еньшину
Neolithic dwellings. Reconstruction by D. N. Yenshin

ранний (середина VII — VI тысячелетие до н. э.) и поздний (V тысячелетие до н. э.).

Изобретение в неолите посуды из обожженной глины (керамики) было одним из крупнейших событий в созидательной деятельности человека в эпоху камня. Она лучше всего сберегала продукты питания, в ней можно было варить пищу, и поэтому керамика решала важнейшие хозяйственные задачи. В начале неолита, около 7500 лет назад, сосуды были ручной лепки — круглодонные, остродонные, редко плоскодонные, украшенные узорами, выполненными прочерчиванием и наколами костяным орудием с округлым кончиком. Керамика представляет наиболее очевидной и яркой чертой неолитического времени, орнаментация ее способна донести до нас образы, отражающие часть существовавших в тех или иных социумах традиций, которые люди воплощали в изобразительном искусстве. Керамические комплексы позволяют четче отграничивать ареалы отдельных сообществ. При этом необходимо иметь в виду, что в рамках системы жизнеобеспечения керамическая посуда имеет определенно второстепенную роль, поскольку не связана со сферой производства, а задействована исключительно в сфере потребления, в основном в домашнем хозяйстве, являвшемся прерогативой женской части социума. Принимая во внимание распространенность преимущественно вирилокальных браков и, как следствие, постоянное перемещение женщин между различными, порой весьма отдаленными в пространстве коллективами, нужно признать значительную вариативность керамических комплексов в относительно стабильной традиции изготовления каменного инвентаря, передающейся по мужской линии.

К настоящему времени в той или иной мере исследовано более шестидесяти памятников, содержащих материалы раннего неолита козловской и кошкинской традиций. Козловская культурная традиция (название происходит от козловской фазы в периодизации неолита Зауралья по В. Н. Чернецову) представлена такими поселениями и стоянками, как Евстюниха I, Уральские Зори II, Шайдурихинское V (жилище 3), Черников Брод I, Ташково I, Южный берег Андреевского озера (ЮАО) XV, Дуван V и др., а также святилищем Кокшаровский холм. Жилища — прямоугольные полуземлянки (Ташково I) глубиной до 0,8 м, площадью 37–46 кв. м, с очагом в центральной части. В Южном Зауралье на стоянке Черников Брод I исследовано жилище, сооруженное в карстовой воронке овальной формы площадью около 25 кв. м, с коридорообразным выходом в направлении с севера на юг. Котлован жилища углублен в материк на 0,35–0,45 м.

Керамика козловской культурной традиции представлена сосудами открытой, у крупных экземпляров слегка

in the household, which was the prerogative of the female part of the society. Taking into account the prevalence of virilocal marriages and, as a consequence, constant movement of women between different, sometimes very distant clans, it is necessary to recognize the significant variability of ceramic complexes in the relatively stable tradition of making stone instruments, which was transmitted along the male line.

To date, more than sixty monuments containing materials from the Early Neolithic of the Kozlovo and Koshkino traditions have been studied to one degree or another. The Kozlovo cultural tradition (the name comes from the Kozlovo (Kozlovskaya) phase in the periodization of the Neolithic Trans-Urals by V. N. Chernetsov) is represented by such settlements and sites as Evstyunikha I, Uralsky Zori II, Shaidurikhinsky V (dwelling 3), Chernikov Brod I, Tashkovo I, South Coast St. Andrew's Lake (YuAO) XV, Duvan V and others, as well as by the Koksharovsky hill sanctuary. Dwellings are rectangular half-dugouts (Tashkovo I) of 0.8 m in depth and 37–46 sq. m

area with a hearth in the central part. In the South Trans-Urals, at the Chernikov Brod I site, investigated was a dwelling made in an oval-shaped karst funnel of an area of about 25 sq. m with a corridor-shaped exit in the direction from north to south. The pit of the dwelling is extended into the mainland by 0.35–0.45 m.

In the Kozlovo cultural tradition, ceramics is represented by open-shaped vessels (the large ones of which are slightly closed) with an influx on the inside of the corolla and rounded or pointed bottoms. In the technology of making tableware, the selection of raw materials was predominantly uniform. It was silty clay mixed with an organic solution. Ornamentation was done by a combination of several techniques: retreating insertions made with a tool having a rounded-pointed end and double-toothed stamp; retreating insertions in combination with the imprints of a toothed stamp (about 15 % of the tableware). The ornament covers the entire surface of the vessels; the horizontal zones are mainly separated by the belts of larger punctures or toothed stamp imprints. The stone inventory of the lamellar microlith

Раскопки жилища на стоянке
Черников Брод I
Excavations of the dwelling in
the Chernikov Brod I site

Каменный инвентарь
раннего неолита

Stone inventory of the
Early Neolithic

закрытой формы, с наплывом на внутренней стороне венчика и округлыми или приостренными днищами. В технологии изготовления посуды наблюдается преимущественная однородность в отборе сырья — илестые глины с добавлением органического раствора. Техника орнамента сочетает несколько приемов: отступающие наколы, выполненные инструментом с округло-приостренным концом и двузубым штампом; отступающие наколы в сочетании с оттисками зубчатого штампа (около 15 % посуды). Орнамент покрывает всю поверхность сосудов, преимущественно горизонтальные зоны разделяются поясками более крупных наколов или оттисками зубчатого штампа. Каменный инвентарь микропластинчатого облика включает призматические, конические и торцовые нуклеусы, пластинки и микропластинки, пластинки с ретушью, угловые резцы, пластинки с выемкой, остря, сверла, наконечни-

ки стрел на пластинах. Реже встречаются геометрические микролиты, двусторонне обработанные наконечники, «утюжки», шлифованные топоры и тесла.

Кошкинская культурная традиция (выделена В. Т. Ковалевой, название происходит от стоянки Кошкино V, исследованной Л. Я. Крижевской) представлена поселениями и стоянками Чебаркуль XVI, Кошкино V, Береговая II торфяниковая, Ташково III, Кокшаровско-Юрьинская, Убаган I, III, ЮАО V, VI, XII, XV и др., а также святилищем Кокшаровский холм. На поселении ЮАО XII жилищные впадины подпрямоугольной формы, площадью от 50 до 120 кв. м, углублены в материк на 0,5–0,8 м и расположены на расстоянии 6–10 м друг от друга. На поселении Ташково III жилищная впадина квадратной формы, площадью около 56 кв. м, заглублена в материк на 1,6 м, в центре располагался очаг, вход был оформлен в виде ступенек. Характерной чертой жилищ являлось наличие канавок и ям в полу.

Керамические комплексы кошкинской культурной традиции включают в себя сосуды закрытой и прямостенной открытой форм, с воротничком на внешней стороне венчика, приостренными, округлыми, в меньшей степени плоскими днищами. В технологии кошкинского гончарства зафиксирована разнородность традиций. Часть сосудов изготовлена из илестой глины с добавлением органического раствора, часть содержит примесь шамота. В технике орнамента основными приемами являются отступающие наколы и прочерчивание. Часть сосудов без орнамента или с одним пояском из волнистых или прямых горизонтальных линий по верхнему краю. В расположении узоров характерно сочетание горизонтальной и вертикальной разбивки орнаментального поля, чаще всего украшались верхние и придонные части сосудов. Наиболее распространены мотивы из прямых и волнистых линий, реже встречены мотивы в виде концентрических окружностей, крестов, спиралей на днищах в виде дерева с параллельными ветвями. Каменный инвентарь изготовлен в пластинчатой технике расщепления. Ширина пластин преимущественно 0,8–1,2 см. Среди орудий отмечаются ножи, проколки, скребки, наконечники стрел, единичны геометрические микролиты. Скрепки изготовлены на пластинах и отщепках, часто встречаются шлифованные орудия.

Посуда кошкинской и козловской культур имеет общую технологическую основу — использование илестых глин с органическим раствором. Некоторые различия в использовании талькосодеждающего сырья в кошкинской и козловской посуде объясняются тем, что обе традиции формировались как в предгорных районах Зауралья, где распространены тальковые глины, так и в лесостепной части Притоболья, где тальковые породы (хлориты) отсут-

Сосуды козловской культурной традиции. Стоянка Ташково 1
Vessels of the Kozlovo cultural tradition. The Tashkovo 1 site

Сосуд кошкинской культурной традиции
Vessel of the Koshka cultural tradition

type includes prismatic, conical and face nuclei, flakes and microflakes, retouched flakes, corner cutters, notched flakes, points, drills and flake arrowheads. Less common are geometric microliths, bifacially worked points, “small irons”, polished axes and tesla.

The Koshkino cultural tradition (distinguished by V. T. Kovaleva; the name comes from the Koshkino V site studied by L. Ya. Krizhevskaya) is represented by the Chebarkul XVI, Koshkino V, Beregovaya II peat bog, Tashkovo III, Koksharovsko-Yuryinskaya, Ubagan I, III, YuAO V, VI, XII, XV, etc., settlements and sites, as well as by the Koksharovsky hill sanctuary. In the YuAO XII settlement, the housing depressions of rectangular shape, ranging from 50 to 120 sq. m are deepened into the mainland by 0.5–0.8 m and located at the distance of 6–10 m from each other. In the settlement of Tashkovo III, the housing depression of square shape and the area of about 56 sq. m is deepened into the mainland by 1.6 m. There was a hearth in the centre, and the entrance was done in the form of steps. Characteristic features of the dwellings were grooves and pits in the floor.

The ceramic complexes of the Koshkino cultural tradition include vessels of closed and straight-walled open forms with a collar on the outside of the corolla and with slightly pointed, rounded, or to a lesser extent flat bottoms. In the Koshkino

pottery technology, the tradition heterogeneity can be noted. Vessels are made of silty clay with some added organic solution or chamotte. The main ornamentation techniques are retreating insertions and incisions. Some vessels are undecorated or have one belt of wavy or straight horizontal lines along the upper edge. The arrangement of patterns is characterized by a combination of horizontal and vertical divisions of the ornamental field; most often decorated are the upper and bottom parts of the vessels. The most common motifs are straight and wavy lines; less seen are concentric circles, crosses and tree-like spirals with parallel branches drawn on the bottoms. The stone tools are made using flaking techniques. The width of the flakes is predominantly 0.8–1.2 cm. The tools are knives, punctures, staples, arrowheads, and geometric microliths. Scrapers are made on blades and flakes; polished tools are often found.

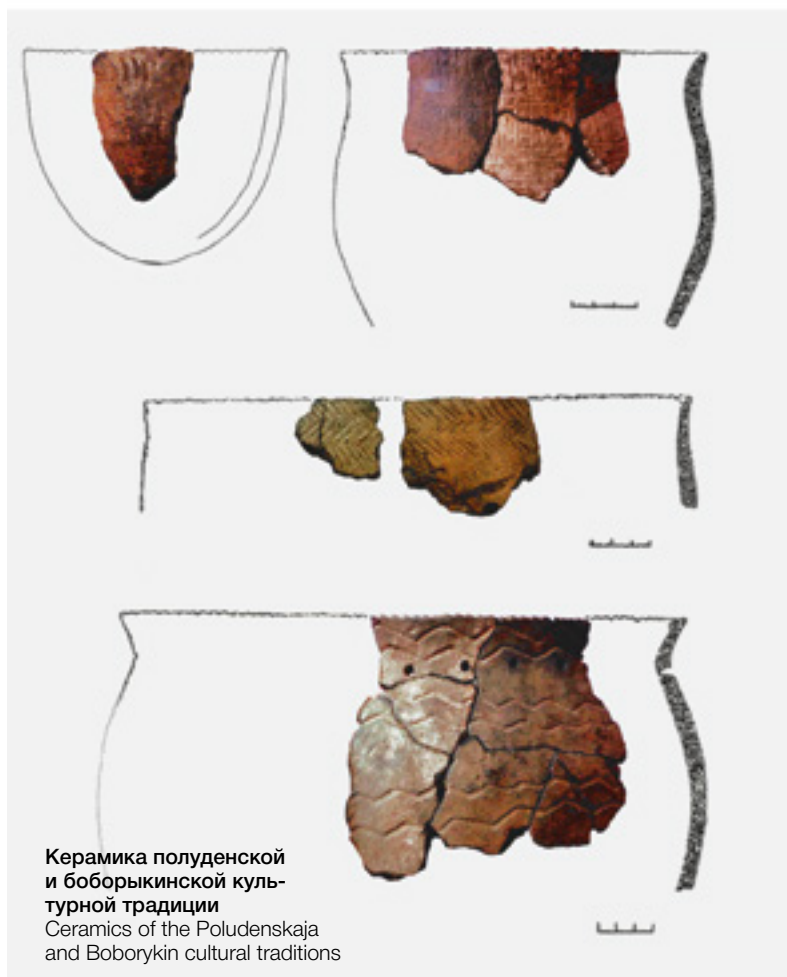
The tableware of the Koshkino and Kozlovo cultures has a common technological basis, the use of silty clays with organic solutions. Some differences in the use of talc-containing raw materials in the Koshkino and Kozlovo dishes are explained by the fact that these traditions were formed both, in the Trans-Urals foothills, where talc clays are common, and in the forest-steppe part of the Tobol region, where there are no talc rocks (chlorites). Both types of the tableware have much in common. The ornament is made using the same techniques:

ствуют. Оба типа посуды имеют много общих черт — орнамент нанесен одними техническими приемами: гладким прочерчиванием, отступающими наколами без отрыва орнамента от поверхности, отдельными наколами. Среди орнаментальных мотивов общими являются самые простые: горизонтальные волнистые линии, вертикальные зоны, заполненные наклонными линиями, взаимопроницающие треугольники. В качестве отличий можно отметить преимущественное использование отступающего накола и разреженность орнамента на кошкинской посуде и более разнообразную орнаментацию козловской керамики. Фрагменты обоих типов посуды залегают совместно в культурных слоях памятников. К тому же в конце раннего неолита обе традиции слились в одну, так что различить их на поселенческих комплексах практически невозможно.

Каменный инвентарь козловской и кошкинской традиций по своим характеристикам близок предшествующему мезолитическому. При использовании тех же типов нуклеусов микропластинчатость сокращается до 70–60 %, однако как основной набор пластинчатых орудий (пластинки с ретушью, угловые резцы, концевые скребки, скребки на отщепках), так и характерные изделия, такие как острия с крутой ретушью, отдельные геометрические микролиты и скошенные острия, сохраняются с небольшими изменениями. Появляются отдельные пластинчатые и двусторонне обработанные наконечники стрел, чаще встречаются шлифованные орудия. В целом мезолитический и неолитический комплексы можно считать генетически связанными.

Поздний неолит Зауралья изучен по двум основным культурным традициям — полуденской и боборыкинской, — существование которых приходится на V тысячелетие до н. э. Полуденская культурная традиция (название происходит от стоянки Полуденка I, исследованной О. Н. Бадером; позднее был выделен полуденский этап неолита, далее, по В. Т. Ковалевой, — полуденская культура) представлена материалами со стоянок Полуденка I и II, Чебаркуль I и II, Карьер II, Ташково I, Кедровый Мыс I и др. Поселения могли состоять из двух-трех прямоугольных полуземлянок площадью до 70–100 кв. м.

Посуда полуденской культурной традиции имеет закрытую или прямостенную форму, наплыв на внутренней стороне венчика, округлое или приостренное дно. Орнамент представляет собой чередующиеся горизонтальные зоны, выполненные в технике прочерчивания, и отступающе-накольчатые, шагающе-протасненные, шагающие и печатные оттиски гребенчатого штампа, иногда преимущественно штампованные оттиски и «шагающую» гребенку. В целом орнаменты полуденской традиции очень разнообразны и включают также варианты с сочетанием

Керамика полуденской и боборыкинской культурной традиции
Ceramics of the Poludenskaja and Boborykin cultural traditions

smooth painting, retreating incisions without tearing the ornamenting tool from the surface and individual incisions. Among the ornamental motifs, common are the simplest ones: horizontal wavy lines, vertical zones filled with oblique lines, and interpenetrating triangles. As differences, one can note the predominant use of the retreating incisions and the sparseness of the ornament on the Koshkino dishes contrary to the more diverse ornamentation of the Kozlovo ceramics. Fragments of both types of the tableware lie together in the cultural layers of the monuments. By the end of the Early Neolithic, both traditions merged into one, so that it is next to impossible to distinguish them in the settlement complexes.

The stone inventory of the Kozlovo and Koshkino traditions is close in its characteristics to the previous Mesolithic tools. With the same types of nuclei, the lamellar microlith design is reduced to 70–60 %, however, both, the basic set of the microlith tools (retouched blades, angle cutters, end scrapers, scrapers on flakes), and such characteristic tools, as sharp retouched points, individual geometric microliths and bevel points persisted with slight changes. Individual lamellar microlith and bilaterally processed arrowheads appeared; more often polished tools are found. In general, the Mesolithic and Neolithic complexes can be considered genetically related.

The Trans-Ural Late Neolithic was studied on the two main cultural traditions, the Poludenskaya and Boborykino traditions, which fall on the V millennium BC. (The name Poludenskaya tradition comes from the Poludenskaya I site, studied by O. N. Bader; later the Poludenskaya stage of the Neolithic was distinguished and according to V. T. Kovaleva, the Poludenskaya culture was identified) The Poludenskaya culture tradition is represented by the materials from the sites of Poludenskaya I and II, Chebarkul I II, Quarry II, Tashkovo I, Cedar Cape I and others. The settlements could consist of two or three rectangular half-dugouts with the area of up to 70–100 sq. m.

The tableware of the Poludenskaya cultural tradition has a closed or straight-walled shape, an influx on the inside of the corolla and a rounded or slightly pointed bottom. The ornament consists of alternating horizontal zones made with the incision technique and imprints of a comb stamp that can be made by retreating incisions, dragged steps, walking steps or simply printed. The ornament is sometimes predominantly stamped imprints and the “walking” comb. In general, the ornaments of the Poludenskaya tradition are very diverse and also include patterns made with combinations of different techniques, such as retreating incisions executed with a stylus or two-toothed stamp, drawing with the same tools and the comb technique. The stone tools are mostly lamellar microliths. The inventory of tools on flakes as well as bilaterally processed and polished tools expanded. The origin of the tradition is associated with

отступающе-накольчатой, выполненной палочкой или двузубым штампом, прочерчиванием таким же инструментом и гребенчатой техники. Каменный инвентарь в основном пластинчатый. Расширяется ассортимент орудий на отщепках, двусторонне обработанных и шлифованных орудий. Происхождение традиции связано с эволюцией козловской и кошкинской культурных традиций конца раннего неолита.

Боборыкинская культурная традиция (названа по поселению Боборыкино II, исследованному К. В. Сальниковым) представлена поселениями Боборыкино II, Пикушка, Ук VI, Палатки I, Юртобор 3, Мергень 6, ЮАО V, IX, XII, XV и др. Жилища — квадратные или прямоугольные полуземлянки, углубленные в материк на 0,5–1 м, площадью от 25 до 100 кв. м. Очаги располагались в центральной части жилищ. Характерной чертой боборыкинских жилищ являются канавки и ямки в полу, иногда заполненные золой.

Боборыкинская керамика представлена профилированными и баночными плоскодонными или округлодонными сосудами и отличается многообразием форм. У плоскодонных сосудов днища имеют своеобразный наплыв. Орнамент выполнен в прочерченно-накольчатой технике, часто — отдельными наколами. Узор располагается в верхней и придонной частях сосудов и на дне и состоит из прямых и волнистых линий, зигзагов, вертикальных отрезков, сложных геометрических фигур. Каменный инвентарь преимущественно пластинчатый с присутствием микропластин и единичных геометрических микролитов — ассиметричных трапеций. В составе орудийного набора ножи, проколки, сверла, наконечники стрел, резцы и др. Присутствуют также шлифованные орудия и «утюжки». Происхождение их, как, впрочем, и дальнейшая судьба этой традиции, до конца не ясны.

Неолитическое население Зауралья представляло собой определенное количество общин, которые занимали общую территорию и были связаны между собой сложной системой отношений, создав социокультурное пространство. Единая присваивающая система жизнеобеспечения, основанная на охоте, рыболовстве и собирательстве, объединяла обитателей лесных предгорных и равнинных территорий и зауральской лесостепи.

На рубеже позднего неолита и энеолита в Зауралье отступающе-накольчатая составляющая полуденских комплексов эволюционирует в ложношнуровую, гребенчатая — в гребенчатый энеолит с простыми и геометрическими узорами. Хронология энеолита Южного Зауралья определяется второй половиной V — IV тысячелетием до н. э. К настоящему времени в той или иной степени исследовано более ста памятников, материалы которых целиком или частично можно отнести к энеолиту.

Основные неолитические памятники Зауралья

Main Neolithic monuments of the Trans-Urals

В энеолите получают распространение жилища различных форм: округлые наземные летние постройки, овальные полуземлянки. Сезонные постройки имели площадь от 13 до 28, долговременные — от 40 до 70 кв. м. Столбовые ямки по периметру котлована свидетельствуют о наличии каркасных построек, которые обогревались чаще всего очагом, расположенным у одной из стен. Котлованы жилищ прямоугольной формы, площадью от 23 до 42 кв. м, глубиной до 0,7 м. Очаг, как правило, располагался в центре жилища. Выходы были коридорообразного типа, со ступеньками или без них. Ранее неизвестный тип жилищ был исследован на поселении Кочегарово I: шесть из восьми жилищных впадин располагались в суффозионных котловинах.

Наземное жилище было полностью исследовано на стоянке Шатанов 3, расположенной на острове Шатанов на озере Иртыш. Здесь были изучены остатки наземного жилища, предположительно округлой или подпрямоугольной формы, площадью около 60 кв. м, с выходом на южную сторону, фиксируемым по вытоптанности расположенного в этой части площадки материкового песка. Центральную часть жилища занимало углубление (0,5 м от уровня пола) овальной формы размером 2,4×2 м, устроенное путем выемки расслоившихся гранитных плит. Последние использовались для перекрытия, которое держалось на четырех столбах. Когда вся конструкция сгорела, плиты почти вертикально упали в углубление. На дне были зафиксированы плоский камень средних размеров и кольцевая выкладка из мелких камней под сосуд. Характер конструкции позволяет интерпретировать функцию сооружения в качестве

Основные энеолитические памятники Зауралья

Main Eneolithic monuments of the Trans-Urals

the evolution of the Kozlovo and Koshkino cultural traditions of the end of the Early Neolithic.

The Boborykino cultural tradition (named after the Boborykino II settlement, studied by K. V. Salnikov) is represented by the settlements of Boborykino II, Pikushka, Uk VI, Tents I, Yurtobor 3, Mergen 6, YuAO V, IX, XII, XV, etc. The dwellings are square or rectangular half dugouts of 25 to 100 sq. m deepened into the mainland by 0.5–1 m. Hearths were located in the central part of the dwellings. The characteristic features of the Boborykino dwellings are grooves and pits in the floor, sometimes filled with ash.

The Boborykino ceramics is represented by profiled and can-like flat-bottomed or round-bottomed vessels and is characterized by a variety of shapes. In the flat-bottomed vessels, the bottoms have a peculiar influx. The ornament is made with the incision technique, often by individual incisions. The pattern is located in the upper and bottom parts of the vessels, as well as at the bottom and consists of straight and curved lines, zigzags, vertical line segments and complex geometric patterns. The stone inventory is mainly lamellar microliths including single geometric microliths and asymmetric trapezoids. The tool inventory consists of knives, punctures, drills, arrowheads, cutters, etc. There are also polishing tools and "small irons." Their origin, as well as the future of this tradition, is not completely clear.

Расчищенные котлованы жилищ. Поселение Кочегарово I
Cleared foundation pits of the dwellings. Kochegarovo I Settlement

погреба. С северо-запада к «погребу» примыкал не убранный в процессе строительства жилища скальный останец неправильной формы с уплощенной поверхностью размером 2,4×1,8 м, который предположительно можно рассматривать как «стол». С южной стороны от «погреба» находились небольшой очаг и три кольцевые выкладки под сосуды, частично разрушенные. Рядом зафиксировано скопление небольших кварцитовых галек сходных размеров, которые могли использоваться для нагревания воды в сосудах. Похожий клад галек был найден на стоянке Чебаркуль Ха. В южной и юго-восточной частях жилища также располагались круглая и подовальные неглубокие ямы непонятного назначения. Подавляющее большинство найденных предметов располагалось в пределах этой хозяйственной зоны жилища — у «стола», «погреба», очага и кольцевых выкладок.

За пределами жилища с северной стороны находился крупный открытый очаг овальной формы размером 2,5×2 м. Три линзы прокала, разделенные более темными прослойками золы и расположенные под углом к западу, показывают нам преобладающее направление ветров —

с восточной стороны, то есть со стороны озера. Очаг, безусловно, функционировал одновременно с жилищем, поскольку в нем обнаружены фрагменты сосудов, в основном залежавших по полу сооружения. Совокупность таких фактов, как легкость наземной жилищной конструкции, наличие открытого очага за пределами жилища, углубление в скальном основании («погреб») внутри жилища, незначительная мощность внутреннего очага, недостаточного для отопления всего объема жилища, позволяют говорить о функционировании стоянки в теплое время года.

Набор орудий, предназначенных в основном для добычи и разделки животных, а также для различных хозяйственных нужд (обработка камня, дерева и кости), позволяет уверенно интерпретировать комплекс стоянки как промысловый. Исходя из полученных в процессе изучения прямых и косвенных данных, можно смоделировать следующий исторический сюжет. Небольшой коллектив охотников в течение трех теплых сезонов проживал в сооруженном на береговой площадке озера Иртяш наземном жилище, занимаясь охотой, разделкой туш и частичной обработкой шкур. Приходя на стоянку из более южных

Центральная часть жилища. Стоянка Шатанов 3
The central part of the dwelling. Shatanov 3 site

The Neolithic population of the Trans-Urals consisted of a number of communities that shared the territory and were interconnected by a complex system of relations, which created a social-cultural space. The common life supporting system based on hunting, fishing and gathering united people who lived in the forest foothill and lowland territories and the Trans-Ural forest-steppe.

At the turn of the Late Neolithic and Eneolithic in the Trans-Urals, the retreating-incision component of the Poludenskaya complexes evolves into a false-cord component, while the comb component evolves into the comb Eneolithic with simple and geometric patterns. Chronologically, the South Trans-Urals Eneolithic dates to the second half of the V — IV millennia BC. To date, the materials of more than a hundred monuments that in whole or in part can be attributed to the Eneolithic have been to some degree studied.

In the Eneolithic, dwellings of various forms, rounded ground summer constructions and oval half-dugouts became common. The seasonal constructions were of 13 to 28 sq. m; the long-term constructions had from 40 to 70 sq. m. The pillar recesses along the perimeter of the pit indicate the presence of frame constructions, which were most often heated by a hearth located near one of the walls. The pits of the dwellings are rectangular in shape, with the area ranging from 23 to 42 sq. m and depth up to 0.7 m. A hearth as a rule was located in the centre of the dwelling. The exits were of a corridor type, with or without steps. The previously unknown type of dwellings was investigated in the settlement of Kochegarovo I: six out of eight housing depressions were located in suffusion basins.

The ground dwelling was completely explored at the Shatanov 3 camp, located in Shatanov Island on Lake Irtyash. Here, studied were the remains of a ground-based presumably round or sub-rectangular dwelling of about 60 sq. m with the exit to the south. The location of the exit was defined by that the trampled down mainland sand in that part of the site. The central part of the dwelling was occupied by a 2.4×2 m in size oval-shaped depression (0.5 m down the floor level) made by excavating stratified granite slabs. The latter were used for the ceiling, which was held on four pillars. When the whole structure burned down, the slabs fell almost vertically into the recess. At the bottom, a flat stone of medium size and an annular layout of small under-vessel stones were found. The nature of the structure suggests that it was probably a cellar. In the north-west, adjoined to the cellar, there was a rocky outcrop of an irregular shape with a flattened surface of 2.4×1.8 m in size, which was not cleared during the construction and can be taken for a "table". In the south side of the "cellar" there was a small hearth and three annular layouts of small under vessel stones, partially destroyed. Nearby, a cluster of small quartzite pebbles, which could be used to heat

water in vessels, was discovered. A similar treasure of pebbles was found in the Chebarkul Xa site. In the south and south-east parts of the dwelling there were round and sub-oval shallow recesses of unknown purpose. The vast majority of the found objects were located within this economic zone of the dwelling, at the "table", "cellar", hearth and annular layouts of small under-vessel stones.

Outside the dwelling, on the north side there was a large open oval hearth 2.5×2 m in size. Three lenses of burnt material separated by darker layers of ash and located at an angle to the West show us the prevailing wind direction from the east side, that is, from the lake. The hearth, of course, functioned simultaneously with the dwelling, as inside, vessel fragments mainly lying on the floor of the structure were found. The totality of such facts as the fragility of the ground-based housing structure, open hearth outside the dwelling, recess in the rocky base ("cellar") inside the dwelling and the insignificant power of the internal hearth that was insufficient to heat the entire volume of the dwelling show that probably the site functioned in the warm season.

A set of tools intended mainly for hunting and butchering animals, as well as for various household needs (processing stone, wood and bone) allows the confident interpretation of the site complex as commercial. Based on the direct and indirect data obtained during the study, we can simulate the following historical plot. For three warm seasons, a small team of hunters lived in a ground-based dwelling built on the shore of Lake Irtyash and was engaged in hunting,

Каменный инвентарь. Энеолит

Stone inventory. Eneolithic

районов, охотники приносили с собой часть уже готовых орудий и заготовок, а также качественное кремнистое сырье — кремль и яшму в виде плиток. Если принесенного с собой традиционного качественного материала не хватало, люди брали менее качественный халцедон с берега соседнего озера, на месте обкалывая непригодную поверхность и забирая на стоянку только нуклеусы и другие заготовки. Несмотря на развитую в то время технологию изготовления двусторонне обработанных орудий, необходимость экономить качественное сырье предопределяла использование в хозяйстве более экономичных вкладышевых орудий и максимальную утилизацию имеющихся нуклеусов. Добытые на охоте животные разделявались, часть шкур предварительно обрабатывалась. Остальные, вероятно, как и, возможно, пищевые запасы, хранились в специально сооруженном в жилище «погребе». После того как жилище было окончательно оставлено, внешний очаг был тщательно забутован сверху желтой глиной. Впоследствии жилище сторело, о чем свидетельствуют мощные углистые прослойки в заполнении «погреба».

На примере стоянки Шатанов 3 мы видим один из вариантов адаптации зауральского населения неолитического времени в процессе хозяйственного освоения вмещающего ландшафта. Переход в другую, рядом расположенную природно-географическую зону, отчасти связанный со сменой времени года, подразумевал изменение направления хозяйственной деятельности. Следовательно, и вариантов адаптации к периодически меняющимся условиям было несколько.

Для немногочисленных энеолитических погребений характерны: захоронения в неглубоких ямах; использование камня при сооружении надмогильных знаков; погребение умерших в вытянутом положении на спине; использование охры; применение огня в погребальном обряде; захоронение покойных с личными украшениями, реже с наконечниками стрел или кремневыми орудиями; отсутствие в погребальном инвентаре сосудов. Неординарными являются захоронения без головы или, наоборот, только одной головы, отдельные захоронения в необычных позах.

В Зауралье изучены энеолитические святилища с кольцевой структурой Савин I, Слабодчики, Велижаны 2, которые служили местом проведения обрядов соседних общин и объединяли родственные коллективы населения Урало-Сибирского региона.

Рассматривая развитие материальной культуры в мезолите, неолите и энеолите Зауралья в целом, мы можем констатировать, что этот процесс протекал эволюционно, без видимых миграционных вмешательств, в русле единой линии развития культуры от мезолита к энеолиту, что отразилось в формировании автохтонных мезолитических, неолитических и энеолитических традиций.

Зауралье богато различными кремнистыми породами и минералами высокого качества (кремень, яшма, халцедон, опал и др.). Наиболее употребляемыми в неолите — энеолите Южного Зауралья были кремень темных тонов (фтаниты и фтанитоиды) — черный и серый, яшма зеленого, сургучно-зеленого, сургучного цветов, халцедон. Эти породы легкодоступны и сегодня, встречаются в виде плиток и галек на речных и озерных отмелях.

Основной набор орудий из пластин — угловые резцы, пластинки с выемками, резчики, острия, пластины с обработанным торцом, концевые скребки — начал формироваться в конце палеолита, окончательно оформился в стандартный набор в мезолите и существовал вплоть до позднего энеолита с незначительными изменениями. По сравнению с мезолитом неолит и энеолит характеризуются значительным расширением ассортимента орудий. Прежде всего это наконечники стрел. Наряду с составными (вкладышевыми) появляются наконечники, полностью изготовленные из кремня и яшмы. В качестве заготовок

Неолитический каменный инвентарь: 1–8, 11–12 — наконечники стрел; 9, 10, 13–14 — острия; 15–20 — скребки на пластинах; 21 — резчик; 22–24 — пластины с выемками (скобели); 25 — пластина с ретушью; 26, 27, 29 — резцы; 28 — сверло; 30 — рубящее орудие; 31 — тесло

Neolithic stone inventory: 1–8, 11–12 — arrowheads; 9, 10, 13–14 — points; 15–20 — lamellar scrapers; 21 — a carver; 22–24 — plates with recesses (braces); 25 — a plate with retouching; 26, 27, 29 — cutters; 28 — a drill; 30 — a chopping tool; 31 — tesla

butchering carcasses and partial skin processing. Coming to the site from the more southern regions, the hunters brought some already-made tools and blanks, as well as high-quality siliceous raw materials, flint and jasper slabs. If the traditional high-quality materials that had been brought ran out, people took a lower-quality chalcedony from the neighbouring lake shore, chipped it on the spot and took only nuclei and other blanks to the site. Despite the technology was quite developed at that time, the need to save quality raw materials predetermined

the use of more economical composite tools and maximum utilization of available nuclei for manufacturing bilaterally processed tools. Hunted animals were butchered; some skins were pre-processed. Probably, the rest of the skins, as well as food supplies, were stored in a “cellar” specially built in the dwelling. After the dwelling was finally abandoned, the outer hearth was carefully topped with yellow clay. Later, the dwelling burned down, as evidenced by the powerful carbonaceous layers in the filling of the “cellar”.

On the example of the Shatanov 3 site, we see one of the ways of the Neo-Eneolithic Trans-Ural population adaptation to the new living conditions in the process of the economic exploration of the surrounding landscape. Transition to another nearby located natural-geographical zone was partly related to season changes and implied a change in economic activity. Consequently, there were several ways to adapt to the periodically changing conditions.

A few Eneolithic burials are characterized by the following: burials in shallow pits, use of stone to mark tombs, burial of the dead in an elongated position on the back, use of ochre and fire in funeral rites, burial of the dead with personal jewellery, less often with arrowheads or flint tools and the absence of vessels in the funeral inventory. Extraordinary are headless burials or, conversely, head-only burials, and some burials with the dead in unusual poses.

In the Trans-Urals, the Eneolithic circular shrines Savin I, Slabodchiki, Velizhany 2, are studied. The shrines served as venues for neighbouring communities’ ceremonies and united the related groups of the Ural-Siberian region population.

Considering the development of the material culture in the Trans-Ural Mesolithic, Neolithic and Eneolithic as a whole, we can claim that this process unfolded evolutionarily from the Mesolithic to the Eneolithic without visible migratory interventions, which was reflected in the formation of autochthonous Mesolithic, Neolithic, and Eneolithic traditions.

The Trans-Urals is rich in various siliceous rocks and high-quality minerals (flint, jasper, chalcedony, opal, etc.). The most commonly used in the Southern Trans-Urals Neolithic–Eneolithic were dark flint (phthanites and phthanitoids) of black and grey colours, green, wax green, sealing wax colour jasper and chalcedony. These rocks are easy to get today and they are found in the form of slabs and pebbles on river and lake shallows.

The main inventory of tools based on flaking techniques, such as angular incisors, notched blades, cutters, points, blades with a worked end and end scrapers emerged at the end of the Palaeolithic, and finally formed into a standard inventory set in the Mesolithic. This tool set continued to be used with minor changes until the Late Eneolithic. As compared with the Mesolithic, the Neolithic and Eneolithic are characterized

использовались пластинки и отщепы. Пластинчатые наконечники немногочисленны. В основном ретушью с одного конца пластинки оформлялось острие — жало наконечника, а с другой — насад для удобства крепления в древке. Очень оригинальны миниатюрные наконечники на пластинках, края которых обработаны ювелирной ретушью, создающей пильчатый край. Более разнообразными являются наконечники, выполненные из отщепов путем сплошной обработки с двух сторон — так называемые двусторонне обработанные наконечники иволистной, лавролистной или простой листовидной форм. Можно встретить также наконечники удлиненной формы с прямыми или вогнутыми насадами, в форме вытянутого треугольника, иногда со специально оформленным черешком. Такое разнообразие наконечников стрел можно объяснить расширением сферы охоты и повышением ее качества. Еще одним типом орудий, хорошо нам известным и получившим распространение в неолите и энеолите Урала, были сверла. Их изготавливали из пластинок, причем лезвие оформлялось таким образом, что разворот рабочей плоскости удивительно соответствует современным образцам. Дальнейшее развитие охоты и, как результат, большее разнообразие добываемых животных и птиц потребовали значительного расширения ассортимента скребков. Немногочисленные в мезолите скребки теперь образуют целые серии разных форм: подчетырехугольные, подтреугольные, округлые, стрелчатые и др. Больше становится и скребел, более массивных, чем скребки. Кроме ножей на пластинках появляются ножи на отщепе с двусторонней обработкой и выпуклым рабочим лезвием.

Еще одной отраслью хозяйства, получившей широкое распространение в неолите и энеолите, является деревообработка. В археологических раскопах часто фиксируются шлифованные топоры и тесла. Изготавливались они чаще всего из более мягких, чем кремь и яшмы, пород камня — сланцев, песчаников, известняков и т. п., поскольку шлифовать кремнистую породу очень тяжело. Применение топоров и тесел в неолите и энеолите связывается чаще всего со строительством жилищ, с производством различных бытовых деревянных предметов, развитием рыболовства (изготовление плотов и лодок-долбленок).

Одной из особенностей каменной индустрии энеолита Зауралья является широкое распространение плиток — заготовок для изготовления рубящих орудий, грузил и абразивных инструментов. Тонкие плитки углисто-черного кремнистого сланца использовались для изготовления режущих, скребущих орудий, а также наконечников стрел и копий. Только в неолите и энеолите появляются различные изделия из талька, в том числе утюжки. «Утюжки» в археологической литературе называют также «выпря-

«Утюжок»
“Small irons”

мителями древков стрел», «шлифовальниками», «човниками», «гладилками». Это изделия из мягкого камня, чаще талька или хлорита, реже из глины, овальной, ромбовидной или близкой к прямоугольной в плане формы, с более или менее плоским основанием, выпуклой верхней стороной, которую пересекает поперечный желобок. Версии использования «утюжков» разнообразны: абразивы для шлифования древков стрел и дротиков, полировальники каменных орудий, приспособления для наматывания ниток, выпрямители древков стрел, гладилки для разглаживания неровностей кожи и швов, грузики для копьеметалок, приспособления для добывания огня трением, приспособления для изготовления из волокнистых материалов крученых изделий типа бечевки, маховички лучковых сверел, использовавшихся для добывания огня. Есть и такая версия: «утюжки» использовались в ритуалах, это предметы для культовых или магических действий. Наиболее непротиворечивой является версия использования «утюжков» для полировки древков стрел, хотя такая полировка могла применяться не только в чисто утилитарных, но и в ритуальных целях.

Анализ комплексов каменных орудий демонстрирует плавный переход от неолитической пластинчато-отщеповой техники изготовления орудий к отщепово-пластинчатой в позднем энеолите. Зафиксированные следы появления металлургии и металлообработки меди, как и, собственно, металлические орудия, единичны и практически не повлияли на общий облик эволюции каменного инвентаря и хозяйства в целом. На Урале предметы из меди или следы металлургии обнаружены на 20 памятниках из

by a significant expansion of the range of tools. First of all, these were arrowheads. Along with the composite arrowheads (inserts), the arrowheads completely made of flint and jasper appeared. Blades and flakes served as blanks. Fake arrowheads are not numerous. On one end of the flake, a point, a tip dart, was worked basically by retouching and on the other end, there was a nozzle for easy mounting on the haft. Very original are miniature microlith arrowheads, the edges of which are worked with fine retouching to get a serrated edge. More diverse are the arrowheads made of flakes by bifacial retouching over the entire flake, the so-called bilaterally worked arrowheads of willow-, laurel- or simple leaf-shape. The arrowheads shaped as elongated triangles with straight or concave nozzles and sometimes with specially decorated petioles can also be found. Such a variety of arrowheads can be explained by the expansion of the scope of hunting and improving its quality. Another well-known to us tool type, which was widely used in the Urals

Neolithic and Eneolithic, is a drill. Drills were made of flakes and their blades were designed in such a way that the working surface surprisingly corresponded to modern samples. Further development of hunting and, as a result, a greater variety of animals and birds to be caught required a significant expansion of the range of scrapers. Scrapers, which had not been numerous in the Mesolithic, were now made in a whole series of different shapes: four-angled, sub-triangular, rounded, lancet, etc. More massive scrapers than those made previously emerged. In addition to knives on blades, knives on flakes worked into bifaces with a convex working blade appeared.

Another branch of economy, which got widespread in the Neolithic and Eneolithic, is woodwork. Polished axes and adzes are often found in archaeological sites. They were most often made of such stones as shale, sandstone, limestone, etc. which are softer than flint and jasper, as it was very difficult to polish siliceous rock. In the Neolithic and Eneolithic, the use

Шлифованные топоры.
Клад возле города Миасса
Polished Axes. Treasure found
near the city of Miass

более чем сотни изученных, и это при богатой рудной базе Урала. Практически все типы энеолитической керамики встречены на памятниках со следами металлургических процессов или металлообработки.

В культурных слоях памятников присутствуют, часто в совместном залегании, но в различных сочетаниях, основные типы энеолитической керамики: гребенчатая с простыми и геометрическими мотивами, ложношнуровая, гребенчатая с косой нарезкой зубцов, частично с гусеничками, крупногребчатый штамп, веревочкой. Такое сочетание характерно для всей территории, но отмечается в разных вариациях на конкретных памятниках. Отличительной особенностью керамических комплексов памятников восточных склонов Урала является использование при приготовлении теста для формовки сосудов тальковых глин или же искусственное добавление в тесто толченого хлоритового сланца (талька), месторождения которого встречаются только в этом регионе Зауралья. Керамические комплексы центральной части Притоболья представлены сосудами полуяйцевидной открытой либо закрытой формы. Днища сосудов округлые и округлоприостренные. Большинство сосудов орнаментировано различными вариантами оттисков гребенчатого штампа с дополнением поясов шагающей гребенки и жучков, а также угловыми оттисками того же штампа. Использовались также штампы с косой и треугольной нарезкой зубцов. Большинство сосудов украшено простыми (линейными) мотивами, геометрические мотивы представлены ромбической сеткой, горизонтальными и вертикальными цепочками ромбов и треугольников, многоугольников. В значительно меньшем количестве представлена посуда с орнаментом, выполненным углом гребенчатого штампа (шапкульская), а также посуда с отступающе-накольчатый (ложношнуровым), накольчатый (с отдельными наколами) и крупнонакольчатый орнаментом, составляющая с гребенчатой единые комплексы. Отличительной чертой керамических комплексов является наличие ямок различной формы, поставленных поверх отпечатков гребенчатого штампа с оставлением жемчужин на внутренней поверхности и в основном по венчику сосуда в виде однорядных, реже двухрядных горизонтальных поясов.

Торфяниковые памятники Зауралья дают нам представление о деревянных и костяных орудиях неолита и (большей частью) энеолита, которые не сохраняются на обычных стоянках и поселениях. Население в основном использовало сосну, ель, березу, иногда осину. Деревянная посуда — ложки, ложки-ковшики, ковши-черпаки, ковши-блюда, сосуды, крышки, берестяные туюски — фиксируется как в целом виде, так и в обломках. Орудия рыболовства представлены поплавками из сосновой коры, трубчатыми

Энеолитическая керамика
Eneolithic ceramics

of axes and adzes is most often associated with the construction of dwellings, production of various household wooden objects and development of fishing (manufacture of rafts and dugout boats).

One of the specificities of the stone industry of the Trans-Ural Eneolithic is the wide use of slabs and blanks for manufacturing chopping tools, sinkers and abrasive tools. Thin slabs of carbon-black siliceous slate were used to make cutting and scraping tools, as well as arrowheads and spears. It is only in the Neolithic and Eneolithic, that various talc products including “little irons” appeared. In the archaeological literature, “little irons” are also called “straighteners of arrowheads and spear points”, “grinders”, “chovniki”, and “straighteners”. These are tools made of soft stone, more often talc or chlorite, less often of clay and are oval- or diamond- shaped. They can also be shaped subrectangular in plan. The “little iron” tools feature a relatively flat base and a convex upper side that is crossed by a transverse groove. There are numerous versions of what “little irons” were used for. They might be abrasives for grinding arrowheads and darts, polishers of stone tools, devices for winding threads, straighteners of arrowheads, ironers for smoothing irregularities of skin and seams, weights for spear throwers, devices for producing fire by friction, devices for manufacturing twisted products, such as twine from fibrous materials and hand wheels of bow drills to produce fire. There is also one more version: the “little irons” were used in rituals, they were objects for religious or magical actions. The most consistent version is that “little irons” were used for polishing arrow hafts, although such polishing could be used for both, purely utilitarian and ritual purposes.

Analysis of the stone tool complexes demonstrates a smooth transition from the Neolithic core and flake tool technologies to the Late Eneolithic blade tool industry. The recorded traces of the emergence of metallurgy and copper metalwork, as well as, really metal tools are rare and they practically did not affect the general picture of the evolution of stone equipment and economy as a whole. In the Urals, copper objects or traces of metallurgy were found in 20 monuments out of more than a hundred studied sites, notwithstanding that the Urals is rich in ore. Almost all types of the Eneolithic ceramics found in the monuments have traces of metallurgical processes or metalwork.

In the cultural layers of the monuments, there are often found together but in various combinations the main types of the Eneolithic ceramics distinguished by the decoration patterns, such as comb with simple and geometric motifs, false-cord and comb with oblique tooth incision and partially with caterpillars, coarse comb stamp and twisted cord. This combination is typical for the entire territory, but is noted in different combinations in particular monuments.

поплавками из бересты, грузилами-кибасами. Коллекцию орудий охоты составляют почти целый лук с Шигирского торфяника и обломки деревянных древков стрел. Деревянные скульптуры, выполненные с четкой передачей форм и тщательно обработанные, изображали лосей, гусей, уток, лебедей. Антропоморфная скульптура представлена личинами. В энеолитический период, судя по находкам, деревообработка была широко распространенным и традиционным видом деятельности человека.

Восточные склоны Урала и лесные и лесостепные территории, протянувшиеся к востоку до Иртыша, представляют собой единую историко-географическую зону. Территория проживания населения восточного склона не ограничивалась бассейном верхнего течения реки Урал, а имела протяженность в меридиональном направлении от района Орска на юге до районов, прилегающих к Нижнему Тагилу на севере. Вмещающим для этого населения являлось разнообразие близко расположенных друг к другу горнолесного и холмисто-увалистого лесостепного ландшафтов Южного и Среднего Урала. Данные типологии, трасологии и остеологии позволяют говорить об охотничье-рыболовческой системе жизнеобеспечения с сезонной сменой видов деятельности и различными вариантами сезонных стоянок. Кратковременные стоянки в горной части, которые фиксируются в гротах и пещерах, содержат немногочисленный, типологически бедный орудийный набор и, как правило, незначительное количество фрагментов керамики. Такой состав коллекций закономерен, поскольку это места, которые целевые группы охотников посещали на короткий период зимой — для охоты на пушного зверя, боровую дичь, крупных лесных животных. Набор, необходимый для одного-двух месяцев зимней охоты, очень ограничен и функционален. Здесь не изготавливали орудий, а в лучшем случае ремонтировали испорченные или просто выбрасывали. Отщепы и чешуйки — это, скорее всего, результат использования кресал для добывания огня. Кости животных из культурного слоя мелкие, раздробленные, поскольку мясо съедали сами охотники, а кости доставались собакам. И если на таких стоянках встречаются более многочисленные следы жизнедеятельности, значит, это место посещалось в течение долгих лет.

Стоянки-поселения на озерах и реках предгорной зоны, которые заселялись на период с весны до осени, содержат многочисленный и разнообразный инвентарь, поскольку на них одновременно реализовывались различные направления хозяйственной деятельности: охота, рыболовство, домашние промыслы, изготовление орудий, охотничьего снаряжения, заготовка продуктов на зиму. Кроме того, на этих поселениях делался запас заготовок кремневого инвентаря на зиму-весну, если эти поселения располагались

рядом с местами, богатыми кремнистым сырьем (памятники на озерах Суртанды, Узункуль и т. п.). Коллекции каменного инвентаря содержат предметы, свидетельствующие о полном технологическом цикле, — от заготовок до использованных орудий. При этом богатство сырьевых ресурсов не обязательно должно выражаться в коренном залегании кремнистых пород по соседству со стоянкой, это могли быть базальные горизонты террас с кремневым галечником либо косовые отложения или остаточный галечный кремль на размытой древней поверхности.

На стоянках холмисто-увалистой лесостепи, где осенью велась охота на копытных, инвентарь может быть количественно немногочисленным, но разнообразным. Здесь практически нет сырьевой базы в изначальном виде, но присутствуют следы всех этапов технологической цепочки изготовления и использования орудий. На этих стоянках орудия делали из принесенного с собой небольшого количества плиток или галек (кремень, яшма), которые собирались на соседних территориях. В таком случае сырьевые запасы срабатывались полностью, при этом использовались экономичные технологии, в частности на основе применения микропластин, а также все пригодные местные породы камня. В пределах стоянок частично производились орудия охоты и домашняя утварь, обрабатывались шкуры и т. д.

При изготовлении орудий в качестве заготовок для них чаще использовались пластины и отщепы. Эволюцию каменной индустрии от микропластинчатой в мезолите до отщепово-пластинчатой в энеолите можно рассматривать лишь как общую историческую тенденцию. Состав и характер комплексов изделий из камня на каждом конкретном памятнике в большей степени зависели не от времени существования стоянки, а от наличия или отсутствия поблизости качественных кремнистых пород и особенности хозяйственной деятельности людей. Один и тот же коллектив охотников в течение одного годового хозяйственного цикла на одной стоянке, например озерной, использовал преимущественно микропластинчатый инвентарь, а на другой, например в предгорной или лесостепной в Магнитогорско-Тагильской кремненесущей зоне, — преимущественно отщеповый.

Идентичность социумов восточного склона легко определяется по следующим признакам: керамическая посуда изготовлена из глины с примесью талька, имеет характерный блеск и красноватый оттенок; техника орнаментации построена на применении двух основных традиций (в неолите — отступающе-накольчатая и прочерченная; в энеолите — гребенчатая и отступающе-накольчатая — ложношнуровая); орнаментальные узоры имеют вид простых (линейных) и сложных геометрических композиций;

Изделия
из дерева.
По Н. М. Ча-
иркиной
Wood objects.
By N. M. Cha-
irkina

The distinctive feature of the ceramic complexes found in the monuments of the Ural eastern slopes is the use of talc clays or crushed chlorite shale (talc) additions in dough for forming vessels. Talc deposits are only found in this region of the Trans-Urals. The ceramic complexes of the Cis-Tobol central part are represented by open or closed semi-egg shaped vessels. The bottoms of the vessels are rounded and roundly pointed. Most of the vessels are ornamented with various types of comb-stamp impressions with the addition of walking comb belts and bugs, as well as angular impressions of the same stamp. The stamps with oblique and triangular cut of teeth were also used. Most vessels are decorated with simple (linear) motifs, while the geometric motifs are represented by a rhombic grid, horizontal and vertical chains of rhombuses, triangles and polygons. In much smaller quantities, presented is crockery with ornaments made with the angle of a comb stamp (Shapkulskii dishes), as well as crockery ornamented with retreating incisions (false-corded), incisions (with individual incisions) and coarse incisions, which form an integral complex with the comb-type crockery. The distinctive feature of the ceramic complexes is pits of various shapes placed over the imprints of a comb stamp with the single-row, rarely double-row horizontal belts of pearls on the inner surface mainly along the rim of the vessel.

The Trans-Ural peatland monuments give us an idea of the Neolithic and (to a large extent) Eneolithic wooden and bone

tools, which are not preserved in ordinary sites and settlements. The population mainly used pine, spruce, birch, and sometimes aspen. Wooden utensils, such as spoons, ladle spoons, ladles, dishes, vessels, lids, and birch bark baubles are found both, undamaged and, in fragments. The fishing tools are represented by pine bark floats, tubular birch bark floats, and kibass sinkers. A collection of hunting tools consists of an almost undamaged bow from the Shigir peatland and fragments of wooden arrow shafts. The carefully crafted clearly shaped wooden sculptures depicted moose, geese, ducks and swans. The anthropomorphic sculpture is represented by masks. Judging by the finds, woodworking was a widespread and traditional type of human activity in the Eneolithic period.

The eastern slopes of the Urals, forest and forest-steppe territories stretching east to the Irtys River represent a single historical and geographical zone. The territory occupied by the population of the eastern slope was not limited to the basin of the upper reaches of the Ural River but meridionally stretched from the Orsk region in the south to the areas adjacent to Nizhny Tagil in the north. The population occupied the whole diversity of the mountain-forested and hilly-bumpy forest-steppe landscapes of the South and Middle Urals closely located to each other. The typology, traceology and osteology data allow speaking about the hunting and fishing life support system with seasonal change in activities and various seasonal sites. The short-term sites in the mountainous part, which were

каменный инвентарь изготовлен из кремнистых пород и минералов восточного склона Урала (разноцветных фтанитов, фтанитоидов и яшм, разного цвета кремня, халцедона, кварца, горного хрусталя), которые являются своеобразной визитной карточкой Зауралья в эпоху камня.

Зауральская холмисто-увалистая лесостепь на востоке без видимых географических границ переходит в лесостепную Западно-Сибирскую равнину, протянувшуюся от Притоболья до Приобья. Определенное однообразие окружающего ландшафта не могло не отразиться и на образе жизни, и на характере опредмечивания, выразившегося в комплексах артефактов. Различия составляющих энеолитической материальной культуры изученных поселений Притоболья, Пришимья и Прииртышья не так очевидны и на общем фоне фиксируются отдельными деталями в орнаментации керамики или типологии каменного инвентаря. Основой системы жизнеобеспечения населения лесостепного Притоболья являлись охота и рыболовство.

Объектами охоты, по данным с поселения Кочегарово I, являлись лошадь, лось, медведь, благородный олень, косуля, барсук, куница и выдра, а также водоплавающая дичь. Рыболовство реконструируется по встречающимся среди артефактов наборам грузил различных форм и остаткам костей и чешуи рыб. Важными отраслями экономики являлись кожевенное производство и деревообработка. Вероятно, так же как и на восточном склоне, население лесостепи практиковало передвижения, соответствующие годовому хозяйственному циклу, и каждая община имела сеть стоянок и поселений — долговременных зимних и кратковременных летних.

Актуальной задачей современной археологии является выявление социокультурных пространств, внутри которых происходили события, дошедшие до нас в артефактах и дающие нам возможность моделировать историю тех или иных древних социумов. Для выделения социокультурного пространства каждого региона Урала — Волго-

Социокультурные пространства
мезолита–энеолита Урала
Social-cultural spaces of the
Mesolithic–the Urals Neolithic

found in grottoes and caves, contain a small typologically poor tool set and, as a rule, a small number of ceramics fragments. Such composition of the collections can be expected, since these sites are places that target groups of hunters visited for a short period in winter for hunting fur animals, boars and large forest animals. The tool set, which was required for one to two months of winter hunting, is very limited and functional. Hunters didn't manufacture their tools in these sites where they either repaired their damaged tools or simply threw them out. The flakes and chips most likely resulted from using kresats for making fire. The bones of animals from the cultural layer are small and crushed, since the hunters themselves ate the meat, while the bones went to their dogs. If more numerous signs of vital activity can be found in such sites, then the places were visited for many years.

The sites-settlements at the lakes and rivers of the foothill zone, which were inhabited from spring to autumn, contain a large and varied inventory of objects, since they were used for various economic activities: hunting, fishing, house crafting, manufacturing of tools and hunting equipment, as well as food procurement for winter. In addition, a blank stock for winter-spring flint tools was made in these sites, if they were located near places rich in siliceous raw materials (monuments on the Surtandy, Uzunkul, etc.). Collections of stone tools include objects indicating a complete technological cycle, from blanks to used tools. The wealth of raw materials in the vicinity of the sites might not necessarily contain siliceous rocks, there can also be basal horizons of terraces with flint pebbles, plat deposits or residual pebble flint on a washed out ancient surface.

In the sites of the hilly forest-steppe, where ungulates were hunted in the fall, the inventory may be few in number but varied. There is practically no raw material base in its original form but there are traces of all stages of the technological chain of tool manufacturing and use. In these sites, the tools were made of a small number of slabs or pebbles (flint, jasper) collected in the neighbouring territories. In such a case, raw material reserves were fully utilized and economical technologies, in particular the microlith technologies were used. All suitable local rock types found in the site were also used. Within the site areas, partially the hunting tools and household ware were manufactured, skins were processed, etc.

To manufacture tools, more often lamellar and flakes were used as blanks. The evolution of the stone industry from the Mesolithic micro-lamellar to the Eneolithic flake-lamellar can only be considered as a general historical trend. In each particular monument, the composition and nature of stone object complexes to a great extent depended on the availability (or non-availability) of nearby high-quality siliceous rocks and the characteristics of people's economic activity, rather than on the period of the site's existence. In one annual economic

cycle, a team of hunters mainly used micro-lamellar inventory in one, for example, lake, site, while in another site, for example, in the foothill or forest-steppe siliceous Magnitogorsk-Tagil zone, the same team mainly used flake technology.

The identity of the eastern slope societies is easily determined by the following features: ceramic crockery is made of clay with an admixture of talc, it has a characteristic glitter and reddish tint; the ornamentation technique is based on the two main traditions (in the Neolithic it was retreating incision and drawing; in the Eneolithic — comb and retreating incision — false-cord); the ornamental patterns are simple (linear) and complex geometric compositions; the stone inventory is made of siliceous rocks and the Ural eastern slope minerals (multi-colored phthanites, phthanitoids and jasper, different color flint, chalcedony, quartz, rock crystal), which are a kind of the visiting card of the Trans-Urals in the Stone Age.

In the east, the Trans-Ural hilly forest-steppe extends without any visible geographical boundaries into the forest-steppe West Siberian Plain stretching from The Tobol River to The Ob River. A certain uniformity of the surrounding landscape could not but affect the way of life and the nature of objectification reflected in the artefact complexes. The differences between the components of the Eneolithic material culture in the studied settlements of The Tobol River, Ishim River and Irtysh River are not so obvious and are distinguished by individual details in the ornamentation of ceramics or by the typology of the stone tools. The life support system of the population in the Tobol River forest-steppe zone was based on hunting and fishing. According to the data from the settlement of Kochegarovo I, the people hunted horses, elks, bears, red deer, roe deer, badgers, martens, otters and waterfowls. Fishing industry is reconstructed by the sets of sinkers of various shapes and the remains of fish bones and fish scales found among artifacts. The important sectors of the economy were tanning and woodworking. Probably, just like the eastern slope population, the forest-steppe people moved depending on the annual economic cycle and each community had a network of long-term winter and short-term summer camps and settlements.

The urgent task of modern archaeology is to identify the social-cultural spaces, within which events took place that have come down to us in artifacts and that give us the opportunity to model the history of various ancient societies. To distinguish the socio-cultural spaces of each of the Urals, Volga-Ural, Kama River and Trans-Ural regions, it is necessary to distinguish a number of basic material culture features that determine the identity of these region societies. It is possible to determine specific social-cultural spaces by mapping the complexes with the indicated features. The settlements within the territory will differ from one another in the percentage of feature combinations even if they are of the same time periods, since

Уралья, Прикамья и Зауралья — нужно выделить ряд основных признаков материальной культуры, определяющих идентичность социумов указанных регионов. Картографирование комплексов с указанными признаками позволяет определить социокультурные пространства. При этом каждое поселение в пределах этой территории будет отличаться от другого, даже если они одновременны, по процентному сочетанию указанных признаков, поскольку каждая община была центром своих социальных связей, и не было «ядра» культуры, как не было и «центра и периферии». Зауральские социумы в конце каменного века занимали территорию от основных хребтов Урала до междуречья Тобола и Ишима и от верховьев реки Тавды до широтного течения реки Урал, охватывающую несколько ландшафтных зон — лесостепную, горнолесную и южную часть равнинной лесной, — которые являлись жизненным пространством для зауральского населения и составляли основу хозяйственного цикла. Обозначенные условные границы существования зауральских традиций оттенялись культурным фоном населения с отличными «незауральскими» традициями, характеризовавшими «другую» идентичность, зафиксированную на сопредельных территориях. При этом часто образовывалось пространство, занятое социумами, в которых в той или иной степени сочетались зауральские и иные традиции.

Социокультурное пространство волго-уральского населения распространялось от реки Белой на востоке до реки Суры на западе, захватывая лесостепь и северную часть степи. Однако в позднем неолите оно было нарушено миграционным потоком с юга носителей съезжинских и хвалынских традиций. Социокультурное пространство Прикамья занимало обширную зону лесов Предуралья.

Понятие «социокультурное пространство» можно использовать как комплексную детерминанту идентичности расположенных в этом пространстве социумов и в качестве основы при реконструкциях и моделировании исторической составляющей археологии, обуславливая связанность, непрерывность, организованность социально-исторического процесса. Социокультурное пространство — это пространство, в котором социальные процессы культурно опосредованы и доступны нам в артефактах как опредмеченных социальных потребностях. Оно может иметь условные границы, очерченные в соответствии с традициями и взаимодействиями коллективов, объединенных в социальную сеть родством, свойством и другими социальными, культурными, экономическими и личностными характеристиками. В основе социокультурного пространства могут лежать различные связи, как синхронные разного уровня, так и диахронные, отражая тем самым тысячелетние традиции, создающие многомерную систему существования человеческого общества. Понятие «социокультурное пространство» является фундаментальным для археологии, поскольку объединяет в себе понятия пространства (физического и социального), материи (материальной культуры и социальных потребностей, в ней отраженных) и времени.

each community was the centre of its own social ties and there was neither the “core” of culture, nor the “centre and periphery”. At the end of the Stone Age, the Trans-Ural societies occupied the territory stretching from the Ural main ridges to the interfluvium of The Tobol River and The Ishim River and from the upper reaches of the Tavda River to the latitudinal course of the Ural River covering several landscape zones, the forest-steppe, mountain-forest and southern part of the plain forest, which were the living spaces for the Trans-Ural population and formed the basis of their economic cycle. These conditional boundaries of the Trans-Ural traditions were singled out by the cultural background of the population with different “non-Ural” traditions that characterized another identity recorded in the adjacent territories. At the same time, a space was often formed, occupied by the societies, in which the Trans-Ural and other traditions were combined.

The social-cultural space of the Volga-Ural population spread from the Belaya River in the east up to The Sura River in the west covering the forest-steppe and the steppe northern part. However, in the Late Neolithic, this social-cultural space was disturbed by the migration flow of the bearers of the Syezhinsk and Khvalyn traditions from the South. The social-cultural space of the Kama River region occupied the Cis-Ural vast forest zone.

The concept of the “social-cultural space” can be used as an accumulative determinant of the identity of the societies located in this space and as a basis for the reconstruction and modelling of the archaeological historical component highlighting the connectedness, continuity, organization of the social-historical process. A social-cultural space is a space, in which social processes are culturally conditioned and are available to us through artifacts as objectified social needs. It can have conditional boundaries outlined in accordance with the traditions and interactions of population groups united in a social network by kinship, property, and other social, cultural, economic, and personal characteristics. The social-cultural space can be based on various connections, both synchronous of different levels, and diachronous reflecting millennia-old traditions that create a multidimensional system of the human society. The concept of “social-cultural space” is fundamental for archaeology, since it combines the concepts of space (physical and social), matter (material culture and social needs reflected in it) and time.

А. В. Епимахов.
**ЮЖНЫЙ УРАЛ
В НАЧАЛЕ
ЭПОХИ
МЕТАЛЛОВ.
БРОНЗОВЫЙ
ВЕК**

2

А. V. Epimakhov.
**THE SOUTH
URALS AT THE
BEGINNING
OF THE METAL
ERA. THE
BRONZE AGE**

Предгорья Урала. Оренбургская область. Август 2016 года.
Фото: В. Шарапов
The Urals foothills. Orenburg Oblast.
August, 2016. Photo: V. Sharapov

Глава 2.

ЮЖНЫЙ УРАЛ В НАЧАЛЕ ЭПОХИ МЕТАЛЛОВ. БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Бронзовый век — ключевая эпоха в истории мира в смысле вступления человечества на путь современной цивилизации с ее городами, государствами и письменностью. Именно в бронзовом веке берут свое начало многие современные народы, в том числе относящиеся к индоевропейской, уральской и другим языковым семьям.

Единственным источником наших знаний об эпохе бронзы Урала, как и в случае с предшествующей эпохой камня, являются памятники археологии. Археология — одна из немногих наук, способных пролить свет на далекое прошлое человечества. Для Южного Урала она основа наших знаний вплоть до периода появления письменных источников. Археология работает с тем, что нашло вещественное отражение (руины построек, захоронения, изделия и т. д.).

Если сравнить археологический памятник с книгой, то процесс его «прочтения» можно разбить на несколько этапов. Сначала надо разделить плохо сохранившиеся страницы, далее попытаться восстановить утраченные части и в конце концов «перевести текст» с языка вещей на язык исторических реалий. Все три стадии требуют приложения изощренных методик полевой работы и кабинетного анализа.

Бронзовый век — второй крупный период в истории человечества после каменного века. Неравномерность развития отдельных территорий — одна из черт периода — отчасти обусловлена относительной редкостью доступных залежей медных руд. Многие тысячелетия понадобились для освоения технологии выплавки меди даже там, где позднее возникли производящие центры. В числе таких территорий Урал, обретший свою металлургическую славу более пяти тысяч лет назад.

Археология использует понятие «археологические культуры», которые в нашем изложении объединены в этапы. Впрочем, Урал всегда был включен в систему связей евразийского масштаба. На раннем этапе развития

Аркаим с высоты птичьего полета. Фото А. Д. Таирова

Arkaim aerial view.
Photo by A. Tairov

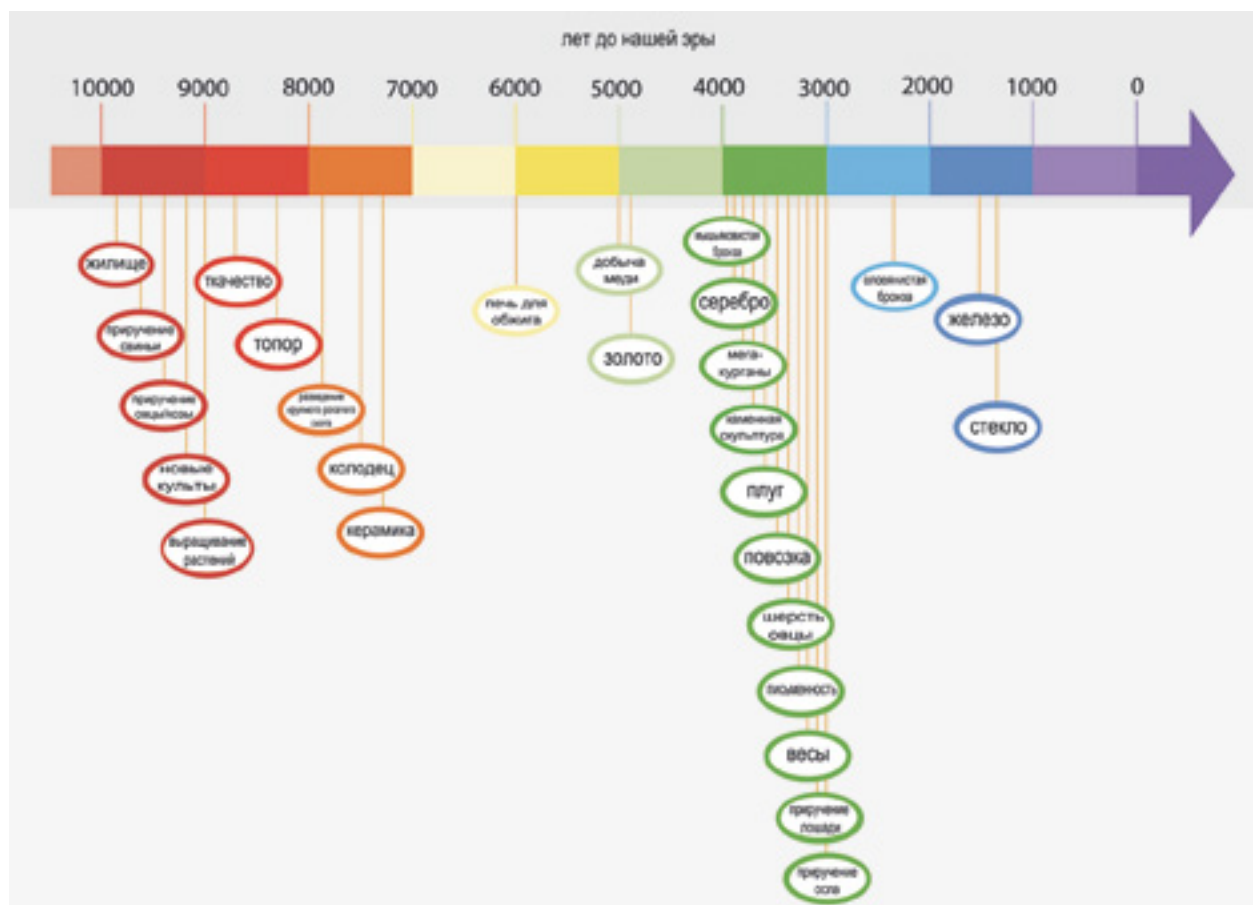
Chapter 2. THE SOUTH URALS AT THE BEGINNING OF THE METAL ERA. BRONZE AGE

The Bronze Age is the key period in the history of the world in the sense that mankind stepped on the road to modern civilization with its cities, states and written language. It is from the Bronze Age, that many modern peoples originate including those belonging to the Indo-European, Uralic and other language families.

As in the case of the previous Stone Age, the only sources of our knowledge about the Ural Bronze Age are archeological

monuments. Archaeology is one of the few sciences that can shed light on the distant past of mankind. It is the basis of our knowledge on the South Urals up to the period when written sources appeared. Archaeology works with what has been reflected in material objects (ruins of buildings, burials, artifacts, etc.).

If we compare the archaeological site with a book, then the process of “reading” it can be divided into several stages.

Всемирная хронология инноваций в древности (по Hansen et al., 2016)
World chronology of innovations in antiquity (by Hansen et al., 2016)

Зауральский пенепплен — выровненные участки пологих долин. Фото А. Таирова
Trans-Urals peneplain, flattened sections of gently sloping valleys. Photo by A. Tairov

металлургии меди (III тысячелетие до н. э.) регион был частью Циркумпонтийской металлургической провинции (степь и лесостепь Восточной Европы и пространство вокруг Черного моря). Одним из важнейших центров добычи руды и производства металла стал Каргалинский очаг в Оренбуржье. С точки зрения археологии, речь идет о ямной культурно-исторической общности. С этой группой связано также широкое распространение навыков животноводства.

На смену Циркумпонтийской пришла еще более масштабная по площади (около 8 млн кв. км) Евразийская (Западноазиатская) провинция. Вновь Урал оказался одним из важных центров этой системы. Многочисленные древние выработки обнаружены по обеим сторонам Уральских гор, в изобилии зафиксированы следы производства на поселениях и даже в могильниках бронзового века. Огромный по протяженности период — II — начало I тысячелетия до н. э. — разделен на этапы: абашевско-синташтинский, срубно-андроновский, межовско-саргаринский — по названиям ключевых археологических культур региона.

Переход местного населения к производящим формам хозяйства (поначалу только в степной зоне) — процесс

огромной важности. Выросли размеры коллективов, усложнилась социальная структура и пр. Однако мы не видим накопления сокровищ, резких различий в материальной культуре и других признаков высокого уровня дифференциации.

Природные ресурсы Южного Урала в жизни населения бронзового века

Южный Урал — территория крайне разнообразная с точки зрения физической географии и геологической структуры. Это прямо повлияло на историю региона в эпоху металлов. Древние геологические структуры Уральских гор подверглись значительному разрушению, а современный рельеф создан молодыми тектоническими поднятиями. Южный Урал состоит из множества хребтов, разделенных глубокими котловинами. Восточные предгорья Среднего и Южного Урала представляют собой пенепплен — выровненный участок суши, образовавшийся в результате длительного выветривания.

Южный Урал, в первую очередь его горная часть и Зауралье, — место сосредоточения разнообразных запасов минерального сырья. Основным богатством недр являются комплексные руды. Начиная с эпохи бронзы, местное

First, you need to separate the poorly preserved pages, then, try to restore the lost parts and finally, “translate the text” from the language of things into the language of historical realities. All the three stages require sophisticated fieldwork and desk analysis.

The Bronze Age is the second major period in the history of mankind after the Stone Age. The uneven development of individual territories, one of the features of the period, is partly due to the relative rarity of the available deposits of copper ores. Many millennia had been required to master the technology of copper smelting even in those territories where later production centres emerged. Among such territories is the Urals, which gained its metallurgical glory more than five thousand years ago.

Archaeology uses the concept of “archaeological cultures”, which in our presentation are combined into periods. However, the Urals has always been included in the system of ties of the Eurasian scale. At an early stage of the development of copper metallurgy (III millennium BC), the region was part of the Circumpontian metallurgical province (the Eastern Europe steppe and forest-steppe and the Black Sea basin). One of the most important centres of ore mining and metal production was the Kargaly mine in the Orenburg region. From the point of view of archaeology, we are speaking about the Yamnaya cultural-historical community. The wide outspread of animal husbandry is also associated with this group.

The Circumpontian province was replaced by the even larger (about 8 million sq. Km) Eurasian (West Asian) province. Once again, the Urals turned out to be one of the important centres of this system. Numerous ancient workings have been found on both sides of the Ural Mountains and multiple manufacturing traces have been discovered in the Bronze Age settlements and even in burial grounds. The lengthy period between the II and the beginning of the I millennium BC is subdivided into the Abashevsk-Sintashtinsky, Srubno-Andronovo, Mezhevsk-Sargarinskiy stages according to the names of the key archaeological cultures of the region.

The transition of the local population to the productive forms of farming (first only in the steppe zone) is a process of great importance. The size of the communities grew; the social structure became more complex, etc. However, we do not see the accumulation of treasures, sharp differences in the material culture or other signs of a high level differentiation.

Natural resources of the South Urals in the life of the Bronze Age population

The South Urals is an extremely diverse territory in terms of physical geography and geological structure. This directly affected the history of the region in the Bronze Age. The ancient geological structures of the Ural Mountains

underwent significant destruction and the modern relief was created by young tectonic uplifts. The South Urals consists of many ridges separated by deep basins. The eastern foothills of the Middle and South Urals are penplain, a more or less levelled land surface that resulted from a long period of erosion.

The South Urals and in the first place its mountainous part and the Trans-Urals, is a place where various mineral reserves are concentrated. The main mineral wealth is complex ores. Starting from the Bronze Age, the local population made extensive use of precious metals, as well as of precious and ornamental stones. With the advent of the Bronze Age, people did not abandon stone artifacts, although some of them were replaced by objects made of copper and copper alloys. Stone raw materials were in demand for manufacturing massive tools (for example, hammers or abrasives).

The landscapes of the South Urals are diverse (steppe, forest-steppe and forest covered mountains). Due to this, various biocenoses coexist on this compact territory. Different groups of the local population approached the problem of getting food in different ways often successfully combining different economic systems.

The climate change significantly influenced the economy and social organization of the population. In North Eurasia, at the time of the climatic extremes, mass migrations occurred; the people’s intellectual potential was mobilized, etc. Nowadays, there are significant landscape-climatic differences between the Cis-Urals and Trans-Urals, which also existed in antiquity. Climatologists distinguish various length cycles of changes in the level of humidity and temperature.

The II millennium BC is the period of the formation of the modern soil-geographical zonality. The first half of the II millennium BC was optimal for the productivity of the plant world. The climate was milder and wetter than nowadays, which led to the heyday of animal husbandry in the unusual for us settled version. The population could feed themselves on relatively small sections of river valleys. None of the steppe inhabitants could repeat it afterwards.

The following episodes of the climate history had the greatest impact on the Bronze Age processes. The favourable conditions of the end of IV — beginning of III millennium BC contributed to the spread of Yamnaya traditions in the Cis-Ural steppe zone. In the Trans-Urals, the Yamnaya culture traces were found in the foothills and partially in the forest-steppe zone. It is quite possible that this territory was explored later, at the beginning of the aridization period. The second episode of the climatic optimum (the turn of the III — II millenniums BC) contributed to the widespread adoption of the Abashev and Sintashta traditions, as well as the settled version of integrated animal husbandry. The third episode (temperature drop period) is associated with the formation of the nomadic

Миниатюрная скульптура лошади. Случайная находка. Раннее свидетельство особого отношения к этому животному. Музей «Народы и технологии Урала» ЮУрГУ. Фото А. Таирова
Horse figurine. Accidental find. Early evidence for a special attitude to this animal. Museum "Peoples and Technologies of the Urals" SUSU. Photo by A. Tairov

население широко использовало золото и серебро, драгоценные и поделочные камни. С наступлением века металлов человек не отказался от каменных изделий, хотя часть из них была замещена предметами из меди и сплавов из нее, однако каменное сырье было востребовано при изготовлении массивных орудий (например молотов или абразивов).

Ландшафты Южного Урала разнообразны (степь, лесостепь, покрытые лесами горы). В связи с этим на компактной территории соседствуют не похожие друг на друга биоценозы. Группы местного населения по-разному решали проблему обеспечения пищей, часто успешно сочетая разные экономические уклады.

Изменения климата существенно влияли на экономику и социальную организацию населения. В Северной Евразии на время климатических экстремумов приходились массовые миграции, мобилизовался интеллектуальный потенциал и т. д. Значительные ландшафтно-климатические различия между Предуральем и Зауральем есть сейчас, были они и в древности. Специалисты-климатологи выделяют циклы изменений уровня влажности и температуры различной протяженности.

II тысячелетие до н. э. — время становления современной почвенно-географической зональности. Первая половина II тысячелетия до н. э. была временем, оптимальным для продуктивности растительного мира. Климат был более мягким и влажным в сравнении с современным, что привело к расцвету животноводства в непривычном для нас оседлом варианте. Население могло прокормиться на сравнительно небольших участках речных долин. Это не удалось повторить никому из обитателей степей впоследствии.

Наибольшее влияние на процессы в бронзовом веке, оказали следующие эпизоды в истории климата. Благоприятные условия конца IV — начала III тысячелетия до н. э. способствовали распространению ямных традиций в степной зоне Предуралья. В Зауралье следы ямного проникновения обнаружены в предгорьях и частично в лесостепной зоне. Не исключено, что эта территория осваивалась позже, в начале периода аридизации. Второй

эпизод климатического оптимума (рубеж III–II тысячелетий до н. э.) способствовал широкому утверждению абашевских и синташтинских традиций, а также оседлого варианта комплексного животноводства. Третий эпизод (время похолодания) увязывается со становлением в степи кочевнических традиций в конце бронзового века (конец II тысячелетия до н. э.).

Эпоха бронзы в истории Южного Урала является одним из ключевых периодов, задавших основные направления развития, положивших начало длительному взаимодействию представителей принципиально разных культурных (и, видимо, лингвистических) традиций. Формирование основных черт археологических культур местного бронзового века определялось их происхождением и характером экономической активности. Регион явно существовал как единое целое, что иллюстрируют многочисленные следы контактов и заимствований.

Процессы происхождения и развития культур демонстрируют чередование фаз эволюции с трансформациями, часто сопровождаемыми экологическими катаклизмами и миграциями. Приток нового населения оказался решающим в кардинальной перестройке всех социальных систем в начале бронзового века, а также в абашевско-синташтинский период. Новаии охватили основные структуры социума, резко усложнили социальную организацию, изменили идеологию.

Анализ эволюции экономики показал, что на протяжении бронзового века не было ярко выраженных изменений системы жизнеобеспечения. Базовым оставалось многоотраслевое животноводство, достоверных следов знакомства людей с земледелием не обнаружено. Различия облика животноводства касаются соотношения видов животных в стаде. Некоторые отличия фиксируются также в составе костных остатков на памятниках Предуралья и Зауралья (в основном речь идет о наличии или отсутствии следов свиноводства). В целом можно констатировать нарастание сложности использования продукции животноводства: от преобладания мясного направления к мясомолочному и пр.

Экономическая динамика прослеживается по отраслям, не включенным прямо в производство продуктов питания. В этом плане наиболее выразительна металлургия. Если на поселениях абашевско-синташтинского периода выявлены многочисленные прямые свидетельства производства, то большинство южноуральских поселений последующих этапов содержат минимальное количество таких материалов. Возможно, специализированные поселки восточной части Урала либо основные производящие центры к этому времени оказались за пределами рассматриваемой территории, например, в районе Мугоджар.

Северная лесостепь.
Фото А. Епимахова
Northern forest-steppe.
Photo by A. Epimakhov

traditions in the steppe at the end of the Bronze Age (end of the II millennium BC).

The Bronze Age in the history of the South Urals is one of the key periods that set the main development directions and laid the foundation for a long interaction between the representatives of fundamentally different cultural (and, apparently, linguistic) traditions. The formation of the archaeological culture main features of the local Bronze Age was determined by their origin and the nature of economic activity. The region clearly existed as an integrated whole, which is illustrated by the numerous traces of contacts and borrowings.

The processes of the origin and development of the cultures demonstrate the alternation of evolution phases and transformations often accompanied by environmental disasters and migrations. The influx of a new population turned out to be the main factor that led to radical restructuring in all social systems at the beginning of the Bronze Age, as well as in the Abashev-Sintashta period. The innovations affected the basic structures of the society, dramatically complicated its social organization and changed the society ideology.

The analysis of the economy evolution showed that during the Bronze Age, there were no pronounced changes in the life support system. The diversified livestock breeding remained basic; no reliable traces of people's acquaintance with agriculture were found. The differences in the animal husbandry relate to the ratio of animal species in the herd. In the Cis-Ural and Trans-Ural monuments some differences are also recorded in the composition of the bone residues (we are mainly speaking about the presence or absence of pig farming traces). In general, one can note an increase in the complex use of the livestock products that already included meat, milk products, etc., rather than predominantly meat.

The economy dynamics can be traced in the industries, which were not directly included in food production. In this regard, metallurgy is most expressive. While much direct evidence for manufacturing has been discovered in the Abashev-Sintashta period settlements, most of the South Ural settlements of the subsequent periods contain a minimum amount of such materials. Perhaps by that time, the specialized villages of the Ural eastern part or main manufacturing centres were located outside the considered territory, for example, in the Mugodzhazhar region.

Thus, in the South Urals, extremely rare were such dramatic changes in the life support system as the formation of the producing economy at the beginning of the Bronze Age and the transition to nomadism (nomadic way of life) in the steppe zone at the turn of the Early Iron Age. In the Bronze Age, animal husbandry could only develop extensively (due to the expansion of pasture areas).

Таким образом, на Южном Урале были крайне редкими кардинальные изменения в системе жизнеобеспечения: становление производящего хозяйства в начале эпохи бронзы и переход к номадизму (кочевому образу жизни) в степной зоне на рубеже раннего железного века. Развитие животноводства в бронзовом веке могло идти только по экстенсивному пути (за счет расширения площади пастбищ).

В начале бронзового века происходит скачок в уровне развития производительных сил, обеспечивший возникновение и длительное существование сложного общества. Кардинально изменилась вся общественная система

Древний рудник на реке Каменке — место добычи медной руды в бронзовом веке.
Фото А. Таирова

An ancient mine on the Kamenka River, a place of mining copper ore in the Bronze Age.
Photo by A. Tairov

за счет усложнения структуры производительных сил, повышения производительности труда и трансформации способов взаимодействия с природой. Новая система оказалась устойчивой и обеспечила некоторый излишек благ. Этот процесс был комплексным, системным и необратимым. Все изложенное позволяет определить события этого периода как аграрную революцию.

Жизнь день за днем

Для уральского бронзового века мы можем говорить о коренных изменениях во всех сферах повседневной жизни в сравнении с предшествующей эпохой. Освоение металлургии — лишь малая часть глобальных и революционных перемен. Достижения предшественников не были забыты, они стали фундаментом для новых открытий, продолжали использоваться, но их значение сильно уменьшилось и в технологической сфере, и в экономике.

В бронзовом веке решительно изменился способ взаимодействия человека с окружающей средой — произошел переход от присваивающего хозяйства (охота, рыболовство и собирательство) к производящему (комплексное животноводство). Этот процесс можно назвать «вторичной революцией в производстве продуктов питания». Естественно, картина животноводства не была единой для всех периодов и культур. Стартовой точкой перехода стало степное Приуралье уже в начале эпохи металлов. Интересно, что металл был включен в производство продуктов питания только в поздний период эпохи бронзы.

Начало бронзового века на Урале — переходный период, время сосуществования групп населения с разным типом хозяйства. Судя по всему, местные энеолитические охотники и рыболовы жили параллельно с пришедшими с запада животноводами. Последних рассматривают в рамках ямной культурно-исторической общности. Вероятно, эти группы контактировали и обменивались продукцией.

Ямные древности Южного Урала (III тысячелетие до н. э.) представлены практически только курганными могильниками, которые содержат свидетельства развития животноводства, горного дела, металлургии и металлообработки. К этому можно добавить деревообработку, о чем говорят инструментарий и четырехколесные повозки. Состав стада у носителей ямных традиций восстанавливается с оговорками. Наличие коров, овец и коз сомнений не вызывает, а вот лошадь среди жертвенных животных на Урале достоверно не представлена. Большинство специалистов склоняются к заключению о мобильности стад в пределах речных долин и прилегающих к ним территорий. Основные виды домашних животных служили прежде всего источником мяса.

At the beginning of the Bronze Age, there was a boost in the development of the productive forces, which ensured the emergence and continued existence of a complex society. The whole social system radically changed due to the more complex structure of productive forces, increased labour productivity and transformation of ways to interact with nature. The new system proved to be sustainable and provided some surplus benefits. This process was complex, systemic and irreversible. All of the above allows defining the events of this period as the Agricultural Revolution.

Life day after day

In the Ural Bronze Age, there were fundamental changes in all areas of everyday life in comparison with the previous period. The development of metallurgy is only a small part of global and revolutionary changes. The achievements of the predecessors were not forgotten; they became the foundation for new discoveries and continued to be used but technologically and economically their value decreased a lot.

In the Bronze Age, the way people interacted with the environment decisively changed; there occurred transition from the appropriating economy (hunting, fishing and gathering) to the producing economy (integrated animal husbandry). This process can be called the "secondary revolution in food production". Naturally, the picture of animal husbandry was not uniform for all periods and cultures. Already in the beginning of the metal era, the Cis-Ural steppe became the starting point for the transition. Interestingly, metal was included in food production only in the late period of the Bronze Age.

The beginning of the Bronze Age in the Urals was a transitional period; it was the time of coexistence of the population groups with different types of economy. Apparently, the local Eneolithic hunters and fishermen lived in parallel with the livestock breeders who came from the West. The latter are considered within the framework of the Yamnaya cultural-historical community. These groups probably contacted and exchanged their products.

The Yamnaya antiquities of the South Urals (III millennium BC) are represented almost exclusively by burial barrows, which evidence the development of animal husbandry, mining, metallurgy and metalworking. To this, we can add woodworking, as evidenced by the tools and four-wheeled carts. The herd composition of the Yamnaya tradition bearers is reconstructed with reservations. There is no doubt that they had cows, sheep and goats, but the horse is not reliably represented among the sacrificial animals in the Urals. Most experts are inclined to claim the mobility of herds within river valleys and adjacent territories. The main types of domestic animals served primarily as sources of meat.

At the end of the III millennium BC, (*The Abashev-Sintashta period*), the South Urals became the scene of new complex migrations and the transformation of the whole way of life. The main cultures had similarities in their material culture although they were located in different landscape zones on both sides of the Urals. The main unifying moment was the developed settled animal husbandry. Numerous bones of domestic animals were discovered in the excavations of the settlements; they show which animals' meat was used as a source of protein. Along with meat, animals gave milk, skin and partially served as land transport. Cattle played the main role.

The Sintashta and Abashev populations apparently used horse in different ways. This animal was not used exclusively for meat. The Sintashta burials directly indicate the use of horses as vehicles. The horse's ability to get food from under the snow was also important. The value assigned to this animal is clearly embodied in the ritual activities. The specificity of the Abashev animal husbandry in the Cis-Urals is pig breeding; there are very few traces of this type of activity in the synchronous Sintashta monuments. The evidence for hunting, fishing and gathering are more than modest, but they are there: in the monuments, wild animals' bones, fish bones and scales, as well as metal hooks and harpoons are found.

Thus, the population lived mainly on the diversified animal husbandry of the distant-pasture type and kept the livestock

Бронзовый серп. Случайная находка у села Менеузтамак (Башкортостан). Служил для заготовки растительной пищи для животных и людей. Фото А. Таирова

Bronze sickle. Accidental find near the village of Meneuztamak (Bashkortostan). Served for gathering plant food for animals and people. Photo by A. Tairov

В конце III тысячелетия до н. э. (*абашевско-синташтинский период*) Южный Урал становится ареной новых сложных миграций и трансформации всего жизненного уклада. Основные культуры в материальном облике имеют черты сходства, хотя и расположены в разных ландшафтных зонах по обе стороны Урала. Главный объединяющий момент — развитое оседлое животноводство. Многочисленные кости домашних животных обнаружены в ходе раскопок поселений, они показывают, мясо каких животных использовалось в качестве источника белка. Наряду с этим животные давали молоко, кожи, частично служили сухопутным транспортом. Главная роль отводилась крупному рогатому скоту.

Синташтинское и абашевское население, видимо, по-разному использовало лошадь. Эксплуатация этого животного точно не сводилась к его участию в пищевом рационе. Синташтинские погребения прямо указывают на использование лошадей в качестве транспортного средства. Важна также способность лошади к тебеневке (добыче корма из-под снега). Ценность этого животного наглядно воплощена в ритуальной деятельности. Особенностью абашевского животноводства в Предуралье является разведение свиней, на синхронных синташтинских памятниках следов этого вида деятельности очень мало. Свидетельства охоты, рыбной ловли и собирательства более чем скромны, но они есть: на памятниках встречаются кости диких зверей; кости и чешуя рыб, а также металлические крючки и гарпуны.

Таким образом, основой существования населения было многоотраслевое животноводство отгонного типа с круглогодичным содержанием скота на подножном корму. Степень его подвижности ограничивалась резким преобладанием крупного рогатого скота (КРС). Присваивающие отрасли играли вспомогательную роль.

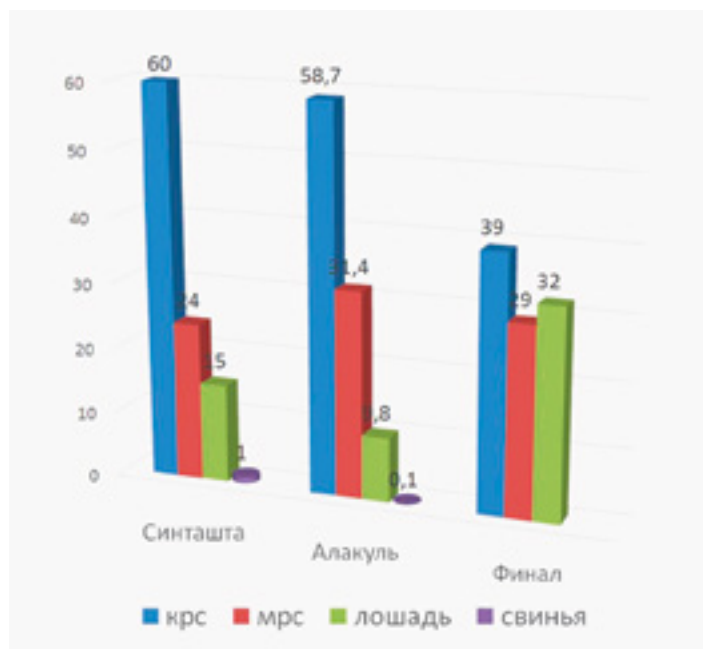
Сведений о других отраслях хозяйства много. Наряду со следами производства и обработки металла обнаружены орудия для обработки камня, кости, кожи и шерсти. Специализация этих отраслей (за исключением колесничного производства), вероятно, не выходила за рамки домашнего производства. В отличие от металлургов статус других «специалистов» никак не подчеркивался в погребениях.

Следующий *срубно-андроновский период* представлен наибольшим количеством археологических материалов. Судя по всему, животноводство оставалось главной отраслью хозяйства у населения степной и лесостепной зон. Данные по Приуралью и Зауралью близки, а вот разница в составе костных остатков на отдельных поселениях оказалась существенной. Причина в ландшафтной неоднородности территории и элементах специализации в разных

областях экономики. Обитатели некоторых поселений посвящали основное время не животноводству, а иным отраслям, например добыче руды и выплавке металла.

Некоторые расхождения между памятниками связаны также с ландшафтом. Высокий снежный покров требовал большего числа лошадей для круглогодичного выпаса. По мере продвижения на север население активнее использовало мясо диких копытных и другую дичь. В целом можно констатировать постепенное углубление производственной специализации, которое более четко проявлялось в сфере производства и обработки металла. Это стимулировало обменные отношения. Наиболее отчетливо дальние связи фиксируются благодаря распространению оловянистых сплавов.

Финал бронзового века пока изучен недостаточно, но очень важен для понимания событий следующего периода, когда вся степная зона оказалась под властью ранних кочевников. На рубеже эпох произошли радикальные изменения в хозяйстве, образе жизни и культуре населения. Эволюция животноводства в сравнении со срубно-алакульским периодом коснулась соотношения видов животных в составе стада. Малое число находок на некоторых поселениях также сигнализирует об изменении образа

Соотношение костей домашних животных в коллекциях поселений степного Зауралья (по периодам). К финалу бронзового века снижается доля крупного рогатого скота, возрастает роль лошади. Это свидетельство возрастания мобильности общества

Ratio of domestic animals bones in the settlement collections of the steppe Trans-Urals (by periods). By the end of the Bronze Age, the proportion of cattle is reduced; the role of horse is increasing. This is the evidence for the increase of the society mobility

on pasture year-round. The degree of the population mobility was limited by the strong predominance of cattle. Appropriating industries played a supporting role.

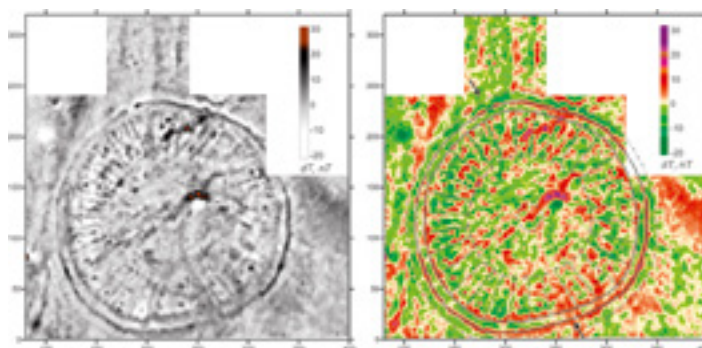
There is a lot of information about other sectors of the economy. Along with the traces of metal production and processing, tools were found for working stone, bone, leather and wool. The specialization of these industries (with the exception of chariot production) probably did not go beyond the domestic framework. Unlike metallurgists, the status of other “specialists” was not emphasized in burials.

The next *log house-Andronovo period* is represented by the largest number of archaeological materials. Apparently, among the population of the steppe and forest-steppe zones, animal husbandry remained the main economy sector. The data on the Cis-Urals and Trans-Urals are quite similar, but the difference in the compositions of bone residues in individual settlements turned out to be significant. The reason is the landscape heterogeneity of the territory and elements of specialization in the different areas of the economy. In some settlements, inhabitants devoted most of their time to such industries as ore mining and smelting, rather than to animal husbandry,

Some differences between the monuments are also related to the landscape. High snow cover required more horses for year-round grazing. As the population moved north, they used more wild ungulates and other game meat. In general, we can note a gradual deepening of production specialization, which is more clearly manifested in metal production and metalworking. This stimulated exchange relationships. Distant ties are fixed most distinctly due to the distribution of tin alloys.

The Late Bronze Age has not yet been sufficiently studied, but it is very important for understanding the events of the next period, when the entire steppe zone was ruled by the early nomads. At the turn of the era, radical changes took place in the economy, lifestyle and culture. The evolution of animal husbandry as compared with the log house — Alakul period affected the ratio of animal species in a herd. A small number of finds in the settlements also signals a lifestyle change. The inhabitants of the settlements began to spend much more time away from the dwellings leaving less and less traces. In search of pastures, the people were forced to move farther away from the settlements, and more and more people were involved in this movement.

A different scenario developed in the forest-steppe. The people still lived in settlements, but their diet was supplemented by agricultural products. In fact, this life support system was also preserved in the Early Iron Age. Probably, in the Cis-Urals, it was agriculture (along with the availability of broad-leaved plants), that mainly supported the development of pig farming.

Укрепленное поселение
Сакрым-Саклы по результатам
геофизических исследований
В. В. Носкевича. Без раскопок
удалось очертить границы
рва, вала, стены построек
и других сооружений

Sakrym-Sakly fortified settlement
according to the results of geo-
physical surveys by V. V. Noskevich.
Without excavation, it was
possible to outline the boundaries
of the moat, rampart, walls
of buildings and other structures

We stress that at the beginning of the metal period, the South Urals population made a powerful breakthrough to the new era. From the appropriation of nature gifts, the people moved on to food production, settled life, developed social institutions and a new ideology.

It is the development of architecture as an independent activity, which can be considered the important milestone and hallmark of the Bronze Age. This was probably prompted by that the ancient humans got able to develop an ideal image of the object to be built. The ideal images had to be implemented in reality. Of great importance became the harmony and systematic nature of a structure or complex. That is, of value were not only the “usefulness” and “strength”, which are quite confidently reconstructed by archaeologists, but also the “beauty”, which is more complicated. The notions of beauty and harmony significantly changed in time and from one archaeological culture to another.

In the era of metals, for the first time in the South Urals, the monumental artifacts appeared that can be proudly called “architectural”. The earliest of them were erected as gravestones and are called “kurgans” (burial barrows). These structures have long become part of the steppe landscape as the impact of time and nature have turned them into kinds of hills.

Almost all objects of the Bronze Age Ural architecture including “kurgans” (burial barrows) were built out of soil or earth, sometimes with wooden elements. This means that over the course of several centuries, the structure was losing its shape and took on a look close to modern. The earliest South Ural barrows are quite simple (although monumental) and only occasionally, additional details, such as ditches and other elements are found.

We are forced to consider them as the emergence of architecture due to the stable reproduction of a particular shape,

жизни. Все более значительную часть времени обитатели поселений стали проводить вдали от построек, оставляя после себя все меньше следов. Поиск пастбищ заставлял людей отходить все дальше от поселений, и в это движение вовлекалось все больше населения.

В лесостепи возобладал иной сценарий. Отказа от оседлости не произошло, но рацион дополнился продукцией земледелия. По сути, эта система жизнеобеспечения сохранялась и в раннем железном веке. Возможно, именно земледелие (наряду с наличием широколиственных растений) станет в Приуралье основой развития свиноводства.

Подчеркнем, что в начале периода металлов население Южного Урала совершило мощный прорыв в новую эпоху. От присвоения даров природы человек перешел к производству продуктов питания, оседлости, развитым социальным институтам и новой идеологии.

Важной вехой и отличительной чертой эпохи бронзы можно считать становление архитектуры как самостоятельного рода деятельности. Видимо, решающим шагом к этому явилось формирование устойчивых представлений древнего человека об идеале возводимого объекта. Эти представления должны были проявиться в стабильном воспроизведении идеала в реальности. Не менее важны гармоничность и системность строения или комплекса. То есть важны не только «польза» и «прочность», которые археологи довольно уверенно реконструируют, но и «красота», с которой все сложнее. Представления о красоте и гармонии очень существенно меняются во времени и от одной археологической культуры к другой.

В эпоху металлов на Южном Урале впервые стали появляться монументальные рукотворные объекты, которые могут претендовать на гордое название «архитектурных». Самые ранние из них воздвигнуты в качестве надмогильных сооружений и называются курганами. Эти сооружения давно стали частью степного ландшафта, поскольку время и природное воздействие превратили их в подобие холмов.

Почти все объекты уральской архитектуры бронзового века, и курганы не исключение, были возведены из грунта, иногда с деревянными элементами. Это означает, что в течение нескольких столетий сооружение теряло форму и приобретало вид, близкий к современному. Самые ранние южноуральские курганы достаточно просты (хотя и монументальны), лишь изредка встречаются дополнительные детали в виде ровиков и других элементов.

Оценивать их как начало архитектуры заставляет стабильное воспроизведение конкретной формы. Значит, за этой деятельностью стояли идеи, важные для коллектива, и строители имели в голове некий идеальный образ объекта. Курганы явно вписаны в ландшафт. Правда, го-

ворить о пользе такого объекта можно лишь с некоторой натяжкой.

Гораздо чаще становление местной архитектуры связывают с синташтинскими древностями. В публикациях об исследованных поселениях (самые известные из них — Синташта, Аркаим, Устье, Каменный Амбар) в основном речь идет о планировке пространства (рвы и канавы, колодцы и ямы, котлованы жилищ). Иногда в современном рельефе читаются и руины оборонительных сооружений. Неразрушающие методы позволяют обнаружить основные структуры еще до начала раскопок.

На сегодня обнаружено более двух десятков укрепленных поселений. На планах хорошо читаются расположение улиц и площадей, стен и рвов, важнейшие детали интерьера. Для территории, где ранее не существовало традиций оседлости, они выглядят сложно организованными крупными объектами. Часть памятников имеет округлую форму (около 140–170 м в диаметре). В этом случае внутреннее пространство за вычетом центральной площади занято радиально расположенными постройками — подобно спицам в колесе. Постройки трапециевидной формы (до 200 кв. м), имеют выходы на внутреннюю площадь. Они образуют блоки с общими стенами, при этом внешняя торцевая стена наиболее массивная (4–5 м у основания). Именно объединенные торцевые стены и формируют основной элемент фортификации. Сегодня он выглядит как грунтовый вал, но в прошлом его внутренняя поверхность была вертикальной и укреплялась деревом. На других памятниках прослеживается линейная планировка внутреннего пространства с промежуточными улицами. В этом случае абрис внешней стены прямоугольный. Объединяет оба варианта сходство технологий строительства с абсолютным преобладанием деревянных и грунтовых конструкций. Во всех случаях поселения окружены рвами, которые служили главным образом для отвода воды во время наводнений или ливней.

Культурный слой хорошо иллюстрирует повседневную жизнь. В нем в изобилии встречаются кости животных, фрагменты керамической посуды. Прочих следов жизнедеятельности (металлургии, обработки кости и дерева, ткачества) гораздо меньше. Нет построек или участков, резко отличающихся по архитектуре или артефактам.

В организации пространства и интерьера построек четко прослеживается общая идея. Все постройки сходны по размерам, их форма задана блочным способом застройки. Судя по хорошо сохранившимся образцам, внутренне пространство было разделено на несколько отсеков поперечными перегородками. Уверенно распознается предназначение некоторых «отсеков».

which means that this activity was based on the ideas important for the group and that the builders followed a certain ideal image of the object. The barrows clearly fit into the landscape. However, considering such objects as something useful is a stretch of the imagination.

More often, the development of the local architecture is associated with the Sintashta antiquities. The publications on the studied settlements (the most famous of them are Sintashta, Arkaim, Ustye, Kamenny Barn) mainly deal with the space layout (trenches and grooves, wells and pits, dwelling ditches). Sometimes the ruins of fortifications can also be noticed in the relief. The non-destructive methods make it possible to detect the basic structures even before the excavations.

To date, more than two dozen fortified settlements have been discovered. On the plans, one can clearly see the locations of streets, squares, walls and ditches, as well as the most important interior details. For the territory, where previously there were no settling traditions, they look complexly organized large objects. Some of the monuments have a rounded shape (about 140–170 m in diameter). In this case, the inner space with the exception of the central square is occupied by radially arranged buildings looking like spokes in a wheel.

The trapezoidal buildings (up to 200 sq. m) have exits to the inner square. They form blocks with shared walls, the outer end wall being the most massive (4–5 m at the base). It is the joint end walls, which form the main element of the fortification. Today it looks like a soil rampart, but in the past its inner surface was vertical and strengthened by wood. In other monuments, a linear layout of the inner space with intermittent streets can be traced. In this case, the contour of the outer wall is rectangular. Both variants are similar in construction technologies with the absolute predominance of wooden and soil structures. In all cases, the settlements are surrounded by moats, which served primarily to divert water during floods or heavy rains.

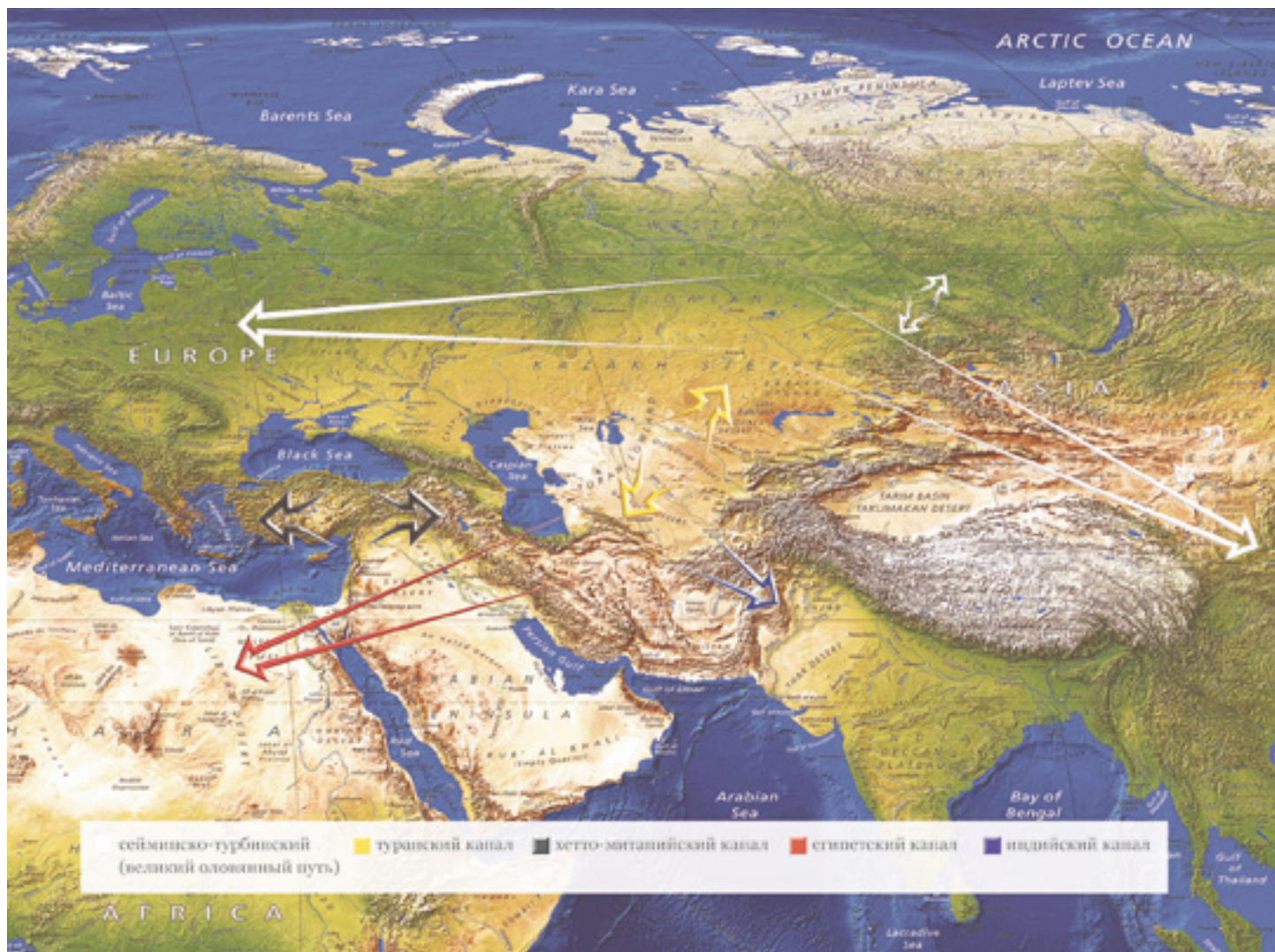
The cultural layer illustrates well the everyday life of that period. It contains an abundance of animal bones and fragments of ceramic tableware. Other traces of life activity (metallurgy, bone and wood processing, weaving) are not so numerous. There are no dwellings or sites that dramatically differ in architecture or artifacts.

In the organization of the outer space and interior of the constructions, a general idea is clearly traced. All constructions are similar in size; their shape is set by the block method of construction. Judging by the well-preserved samples,

Реконструкция интерьера жилища с колодцами и печью. Поселение Аркаим. Фото А. Таирова
Reconstruction of a dwelling interior with wells and a stove. Arkaim settlement. Photo by A. Tairov

Южный Урал — важный центр коммуникаций евразийского масштаба (по В. А. Новожену)

The South Urals, an important centre of the Eurasian scale communications (by V. A. Novozhenov)

Строительные технологии базировались на широком использовании деревянных столбовых конструкций и грунта. Постройки были слабо углублены в грунт. Вертикальные столбы обычно образовывали продольные ряды и служили опорой для стропил. Эти же столбы позволяли возвести промежуточные стенки. Население хорошо владело также навыками плетения из лозы. В целом уровень мастерства плотников был высоким. Часть информации о древних технологиях дают и сложно оформленные погребальные камеры (срубы, наборные деревянные стены из досок, столбы с продольными пазами и пр.).

Следует ли называть эти археологические объекты архитектурными? Ответить на вопрос трудно, так как невозможно уверенно реконструировать мотивацию, кото-

рая руководила древними зодчими. Задача строительства укрепленных поселений с замкнутой структурой не могла быть успешно решена без элементов проектирования, а это значит, что организаторы строительства имели некую идеальную модель, которой старались придерживаться. Это касается и поселений в целом, и отдельных жилищ. В этой связи и возникло определение «протоархитектура», предполагающее не только гармоничность построения объекта, но также наследование и воспроизведение социального опыта.

Традиция создания таких поселений не получила продолжения и развития, оставшись кратким локальным примером. Скорее всего, концентрация населения оказалась неэффективна в условиях аридного климата и животноводческого хозяйства. На смену сложно организованным укрепленным объектам с элементами стандартизации пришли более простые. Сохранились основные технологические

the internal space was divided into several compartments by transverse partitions. The purpose of some “compartments” can be confidently identified.

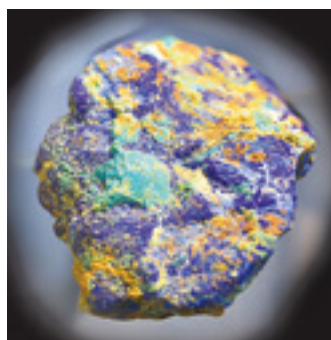
The building technologies were based on a wide use of wooden pillar structures and soil. The constructions were slightly deepened into the ground. Vertical columns usually formed longitudinal rows and served as supports for rafters. The same columns allowed building partition walls. The population also had good skills of wickerwork. In general, the carpenters’ skill level was high. Certain information about the ancient technologies is also provided by the complexly designed funerary chambers (log houses, composite wooden walls made of planks, columns with longitudinal grooves, etc.).

Should these archaeological sites be called architectural? It is a difficult question, since it is impossible to confidently reconstruct the motivation of the ancient architects. The task of building the fortified settlements of a closed structure could not be successfully solved without designing, which means that the builders had some kind of an ideal model, which they tried to follow. This applies to the settlements in general and to the individual dwellings. In this regard, the term “proto architecture” was coined, suggesting not only the harmonious construction of an object, but also the inheritance and reproduction of social experience.

The tradition of creating such settlements was not pursued, remaining a brief local example. Most likely, the concentration of the population turned out ineffective under the arid climate and livestock economy. The complexly organized fortified facilities with elements of standardization were replaced by simpler objects. The main technological methods were preserved but the fortification lines and densely built dwellings disappeared, houses began to be built at a distance from each other. That was caused by certain changes in the society. The elements of the social hierarchy were clearly disappearing, and the sizes of the people’s groups were getting smaller. This marked a new stage of adaptation to the ecological niche conditions and to the new social realities. The hierarchy was replaced by a wide network of spatial ties; enormous in territory cultural communities formed.

Ancient mines, slags and metal objects of the Urals

The study of the ancient copper ore mines and related metallurgy is only possible with the combined efforts of geologists and archaeologists. This work includes the analysis of the information on the region’s mineral resources, discovery and study of the ancient mines, as well as the composition analysis of the discovered slags and metal objects. The first information on the “miraculous” mines is given in the notes

Азурит и малахит
Azurite and malachite

of the XVIII century travellers and currently, a huge amount of facts has been accumulated.

The copper minerals used in antiquity were formed in the upper, oxidized part of deposits. Among them, malachite and azurite and to a lesser extent sulphide were of primary importance for ancient mining and processing. The number of copper-containing minerals is great, over three hundred types, including native copper. The deposits are diverse in form and composition of ore bodies, which depends on their origin. The type of the deposits determines the composition of ores, slags and smelted metal.

In assessing the scale of copper mining in ancient times, geoarchaeology relies on the remote (georadar) and field (exploration and excavation) studies of a number of mines. As a result, for some of them, it was possible to establish the weight of the mined ore. Taking into account the coefficient of metal extraction during the metallurgical processing, it is possible to determine the probable amount of smelted metal.

The work of many generations of archaeologists and geologists has established the distribution of ancient copper mines in Eurasia. Active copper mining lasted from the IV millennium BC up to the V century AD, when copper was replaced by iron. In the zone of our interest is the Ural-Mugodzhzar mining and metallurgical region. It includes the Kargalinsky, Zauralsky, Mugodzharsky, Sredneural'sky centres.

The Kargaly mining and metallurgical centre in the Orenburg region is widely known for its large-scale workings that amaze the imagination. Copper mineralization is connected with the copper-bearing sandstones, which can be traced along the Ural western slope. Some mines were worked out in antiquity, but most of them were used in the XVIII–XIX centuries. It is rather difficult to distinguish between them, since they were mined using the same technology. The production assessment of the Kargaly site was done by E. N. Chernykh. In the XIX century, 5 million tons of ores were exported to plants, of which approximately 125 thousand tons of copper were obtained. Based on the proportion of copper

приемы, но исчезли линии фортификации и плотная застройка, жилища стали возводиться отдельно друг от друга. За этим стоят и изменения в обществе. Элементы социальной иерархии явно шли на убыль, а размеры коллективов сокращались. Это стало новым этапом адаптации к условиям экологической ниши и к новым социальным реалиям. На смену иерархии приходит широкая сеть пространственных связей, формируются огромные по территории культурные общности.

Древние рудники, шлаки и металлические изделия Урала

Исследование древних разработок медных руд и сопутствующей металлургии возможно только при объединении усилий геологов и археологов. Эта работа включает анализ информации о полезных ископаемых региона, поиск и изучение древних рудников, анализ состава обнаруженных шлаков и металлических изделий. Первые сведения о «чудских» копиях содержатся в записках путешественников XVIII века, на сегодня накоплен огромный фактический материал.

Минералы меди, использовавшиеся в древности, формировались в верхней, окисленной части месторождений. Среди них основное значение для древней добычи и переработки имели малахит и азурит, в меньшей степени сульфиды. Число медьсодержащих минералов велико — свыше трехсот видов, включая самородную медь. Месторождения разнообразны по форме и составу рудных тел, что определяется их происхождением. От типа месторождений зависит состав руд, шлаков и выплавляемого металла.

В оценке масштаба добычи меди в древности геоархеология опирается на дистанционные (георадар) и полевые (разведки и раскопки) исследования ряда рудников. В результате для некоторых из них удалось установить вес добытой руды. Приняв в расчет коэффициент извлечения металла при металлургическом переделе, можно определить вероятное количество выплавленного металла.

Трудами многих поколений археологов и геологов установлено распределение древних медных рудников на территории Евразии. Активная деятельность по добыче меди длилась с IV тысячелетия до н. э. до V века н. э., пока медь не была вытеснена железом. В зоне нашего интереса Урало-Мугоджарская горно-металлургическая область. Она включает Каргалинский, Зауральский, Мугоджарский, Среднеуральский центры.

Каргалинский горно-металлургический центр в Оренбургской области широко известен масштабными разработками, поражающими воображение. Медное орудование приурочено к меденосным песчаникам, которые прослеживаются вдоль западного склона Урала. Некоторые

рудники пройдены в древности, но большая их часть — в XVIII–XIX веках. Различить их довольно сложно, так как они проходились по единой технологии. Оценка добычи на Каргалинском участке дана Е. Н. Черныхом. В XIX веке на заводы было вывезено 5 млн тонн руд, из которых получено примерно 125 тысяч тонн меди. Если исходить из пропорции полученной меди в древности и в XVIII–XIX веках (1:10), можно сделать вывод, что древние каргалинские металлурги произвели около 12 тысяч тонн этого металла.

На некоторых поселениях выявлены обломки руд, обычно представленных прожилками и выделениями малахита и азурита. Они малопригодны для определения источников сырья. Для этой цели предпочтительны малахит-турмалиновые руды, так как турмалин является минералом сложного состава и по нему можно определить тип разрабатывавшихся месторождений.

На многих поселениях бронзового века обнаружены обломки металлургических шлаков. Их минеральный состав разнообразен. Часть содержала металлические включения (медь, мышьяковая бронза, сульфид меди, бронза оловянная и др.). Особенно важно выявление оловосодержащих шлаков, что свидетельствует о местном металлургическом переделе оловянных руд. Это позволяет не только реконструировать технологию производства, но и в некоторых случаях определить источник сырья для металлургического производства.

Интересную информацию дает также анализ состава металлических изделий из меди и медных сплавов. В результате установлена рецептура металлов: медь (чистая, мышьяковистая и серебристая) и бронза (мышьяковая, оловянная, свинцово-оловянная и никелевая). Каждый из археологических памятников имел свои традиции металлургии и разные источники медных руд. Подчеркнем, что источником сырья для оловянной бронзы, вероятно, являлись другие горно-металлургические центры (скорее всего, Алтайский).

Анализ состава артефактов, обнаруженных на южноуральских поселениях и рудниках бронзового века, позволяет оценить критерии определения источников минерального сырья. Прямой путь заключается в изучении состава специфических медьсодержащих обломков руды, обнаруженных на вскрытых поселениях. Например, на Аркаиме выявлены куски руды медно-турмалинового состава. Этот редкий тип известен пока только на Еленовском месторождении. Но в большинстве случаев обломки представлены малахитом, по составу которого невозможно определить тип минерализации.

Минералогические критерии базируются на минеральных микровключениях в шлаках. Геохимические критерии основаны на исследовании расплавных включений

Уникальный кинжал сейминско-турбинского облика в погребении петровской культуры. Могильник Степное VII. Фото Е. Куприяновой

Unique dagger of the Seima-Turbino kind in the burial of Petrovka culture. Burial ground of Stepnoy VII. Photo by E. Kupriyanova

produced in antiquity as compared to the XVIII–XIX centuries (1:10), we can conclude that the ancient Kargaly metallurgists produced about 12 thousand tons of this metal.

In some settlements, some ore fragments usually with streaks and drops of malachite and azurite have been found. They cannot be used for determining the sources of raw materials. For this purpose, the malachite-tourmaline ores are preferable, since tourmaline is a mineral of complex composition that can point to the type of mined deposits.

In many settlements of the Bronze Age, fragments of metallurgical slag were discovered. They are of diverse mineral composition. Part of them contained metallic inclusions (copper, arsenic bronze, copper sulphide, tin bronze, etc.). The identification of the tin-containing slag is especially important, as it evidences the local metallurgical processing of the tin ores. This does not only allow reconstructing the production technology, but in some cases, it also points to the raw material source for the metallurgical production.

Interesting information is also provided by the analysis of the composition of the metal objects made of copper and copper alloys. It allowed determining the composition of the metals that included copper (pure, arsenic and silver) and bronze (arsenic, tin, lead-tin and nickel). Each of the archaeological sites had its own metallurgy traditions and different sources of the copper ores. Note, that probably other mining-metallurgical centres (most likely, Altai) were the raw material sources for the tin bronze production.

The analysis of the artefacts' composition found in the South Ural settlements and Bronze Age mines allows assessing the criteria for determining the sources of mineral raw materials. The best way is to study the composition of the specific copper-containing ore fragments found in the excavated settlements. For example, some pieces of the copper-tourmaline composition ore were discovered in Arkaim. This rare ore type was found so far only in the Elenovsky deposit. But in most cases, found are some malachite fragments, the composition of which cannot be used to determine the type of mineralization.

The mineralogical criteria are based on slag mineral micro-inclusions. The geochemical criteria are based on the study of slag melted inclusions. About half of them are represented by pure copper, in which measuring instruments cannot determine any additives. It is most likely that, these ores were mined from the worked out oxidation zones of different genesis copper deposits.

For the largest mines of the Trans-Urals and Mugodzhar, the volume of the mined copper ore was determined; it was about 50 thousand tons, of which about 1500 tons of copper could be produced. The leading types of the ores used were the malachite and azurite-malachite varieties mined in hyperbasites.

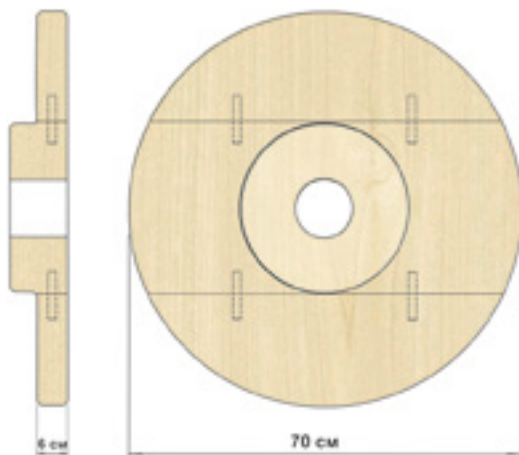
в шлаках. Около половины их представлены чистой медью, примеси в которой не фиксируются измерительными приборами. Наиболее вероятно, что эти руды были добыты из проработанных зон окисления медных месторождений разного генезиса.

Для наиболее крупных рудников Зауралья и Мугоджар был определен объем добычи медных руд — около 50 тысяч тонн, из которых могло быть получено порядка 1500 тонн меди. Ведущим типом использовавшихся руд являлись малахитовые и азурит-малахитовые разности, добытые в гипербазитах.

Транспорт бронзового века

Человечество с давних пор пыталось расширить горизонты обитаемого пространства, да и переход к животноводству требовал передвижения человека вместе со стадами.

Реконструкция колеса повозки ямной культуры (III тысячелетие до н. э.)
Reconstruction of a wheeled wagon of the Yamnaya culture (III millennium BC)

Каменная скульптура «возничего». Случайная находка близ города Костаная. Костанайский областной историко-краеведческий музей. Фото Э. Усмановой
Stone sculpture of a "charioteer". Accidental find near the city of Kostanay. Kostanay Regional Museum of History and Local Lore. Photo by E. Usmanova

Новый и очень важный шаг в этом направлении был сделан в бронзовом веке. Одним из замечательных изобретений стало привычное нам колесо. На самом деле простота открытия колеса мнимая, как и технология его изготовления. Ученые уверены, что для изготовления повозки необходимы были металлические инструменты.

О ранних этапах можно судить по немногочисленным находкам в погребениях под курганами и их аналогам с сопредельных территорий. В южноуральских курганах находок сделано совсем немного. Во всех случаях мы не видим полноценных повозок. Видимо, устроители погребальной церемонии считали достаточным обозначить ее символически (например, использовали одно колесо или даже глиняные модели колес). Тем не менее определены размер, конструкция повозок, порода дерева, из которого они изготавливались, и пр. Судя по всему, главной идеей похоронного ритуала было путешествие в загробный мир с использованием привычного транспорта, который служил также домом. Правда, тот мир был перевернутым (зеркальным) отражением реального.

Повозка была четырехколесной. Диаметр этой детали составлял 60–70 см. Колесо собирали из трех частей. Отверстие для оси (7–10 см) было усилено ступицей диаметром до 30 см. Толщина обода (внешней части колеса) была 4–5 см. Ось была прочно скреплена с кузовом. Интересно, что в ямных погребениях встречается, хотя и не очень часто, настоящий плотницкий инструмент из метеоритного железа.

Повозка предназначалась не только для перемещения грузов, но и позволяла ее обладателям двигаться вместе со стадами. Вряд ли такой транспорт развивал большую скорость, но зато обладал хорошей грузоподъемностью. «Движущей силой» были быки. Эти животные способны перетаскивать тяжелый груз, особенно помещенный на колеса, ведь трение качения несравнимо меньше трения скольжения. В этом и заключалась гениальная догадка изобретателей колеса. Управлять такой повозкой должен был возничий. Не их ли изображают небольшие скульптуры сидящих людей, найденные на территории сопредельного Казахстана?

Не менее яркой страницей в развитии транспорта было начало II тысячелетия до н. э. — время изобретения колесницы. Это совершенно другой тип транспорта, с другими возможностями, функциями и технологиями. Колесница станет одним из главных символов мифологии многих народов.

Создатели колесницы опирались на долгий опыт создания и эксплуатации повозок. Но самое главное, впервые удалось объединить этот опыт с сильным и быстрым

Transport in the Bronze Age

Since ancient times, mankind has been trying to expand the horizons of the inhabited space; in addition, transition to the animal husbandry required the people to move along with their herds. A new and very important step in this direction was made in the Bronze Age. One of the wonderful inventions was the familiar wheel. In fact, both the invention of the wheel, and the technology of its manufacture only seem easy. Scientists are sure that to make a wagon, metal tools were needed.

The early stages can be judged by a few finds in the burials under the barrows and their analogues in the neighbouring territories. Very few finds have been discovered in the South Ural barrows. In all cases, we do not see any full-fledged wagons. Apparently, the organizers of the funeral ceremonies found it sufficient to mark a wagon symbolically (for example, they used one wheel or even clay models of wheels). Nevertheless, determined were the wagon size, design, wood types, from which the wagons were made, etc. Apparently, the main idea of the funeral ritual was a trip to the underworld using the usual transport, which also served as a home. The underworld was an inverted (mirror) reflection of the real world.

The wagon was four-wheeled with the wheel diameter of 60–70 cm. A wheel was assembled of three parts. The hole for the axis (7–10 cm) was reinforced with a hub up to 30 cm in diameter. The thickness of the rim (outer part of the wheel) was 4–5 cm. The axis was firmly fixed to the body. It is interesting that, in the Yamnaya burials, there can be found though not very often real carpentry tools made of copper. Once, even a plane with a blade of meteorite iron was found.

The wagon was not only meant to move goods, but it also allowed its owners moving along with their herds. It is unlikely that, such a vehicle developed a high speed but it possessed a good carrying capacity. The “driving force” was bulls. These animals were able to drag a heavy load, especially placed on wheels, because the rolling friction is incomparably less than the sliding friction. This was the ingenious guess of the wheel inventors. It took a driver to control such a wagon. Couldn't it be those drivers who were depicted by the figurines of seated people found in the territory of the neighbouring Kazakhstan?

No less striking page in the transport development was the beginning of the II millennium BC, the time when the chariot was invented. This is a completely different type

Имитация запряжки на подкурганной площадке. Могильник Табалды (Центральный Казахстан). Раскопки И. П. Кукушкина. Фото В. Новоженова
Imitation of harness on the underbarrow platform. Burial ground of Tabaldy (Central Kazakhstan). Excavations by I. P. Kukushkin. Photo by V. Novozhenov

животным — лошадей. Человек был знаком с лошадью на протяжении многих веков, но предстояло заставить ее работать в упряжке, да еще и в парной. Животные должны были синхронно поворачивать, ускорять бег или останавливаться. Понадобились упорные тренировки возничего и лошадей и целая система упряжи для передачи тягового усилия и контроля.

Первые открытия степных колесниц были сделаны в середине 1970-х годов на реке Синташте, где исследовался могильник, давший название культуре. На дне погребальной камеры были обнаружены вкопанные части колес со спицами. Так, впервые в распоряжение ученых попали прямые доказательства использования легкой повозки. Удалось реконструировать диаметр колеса, число спиц, ширину колеи. Картину дополняли многочисленные жертвоприношения лошадей, в том числе парные. В этом же могильнике найдено множество роговых деталей упряжи — псалиев.

Далее эта серия умножилась за счет уральских и казахстанских материалов, но всего дважды были найдены комплексы, где сохранились не только сегменты колес, но и части кузова. На сегодня найдено более двух десятков подобных комплексов, но обычно речь идет всего лишь о ямках — следах установки колес. Часто колесница или пара колес устанавливались в могильную яму на время ритуала, но изымались по завершении церемонии. Пара лошадей могла располагаться у края могилы на древней дневной поверхности. В этом случае вся погребальная камера напоминала повозку, запряженную лошадьми.

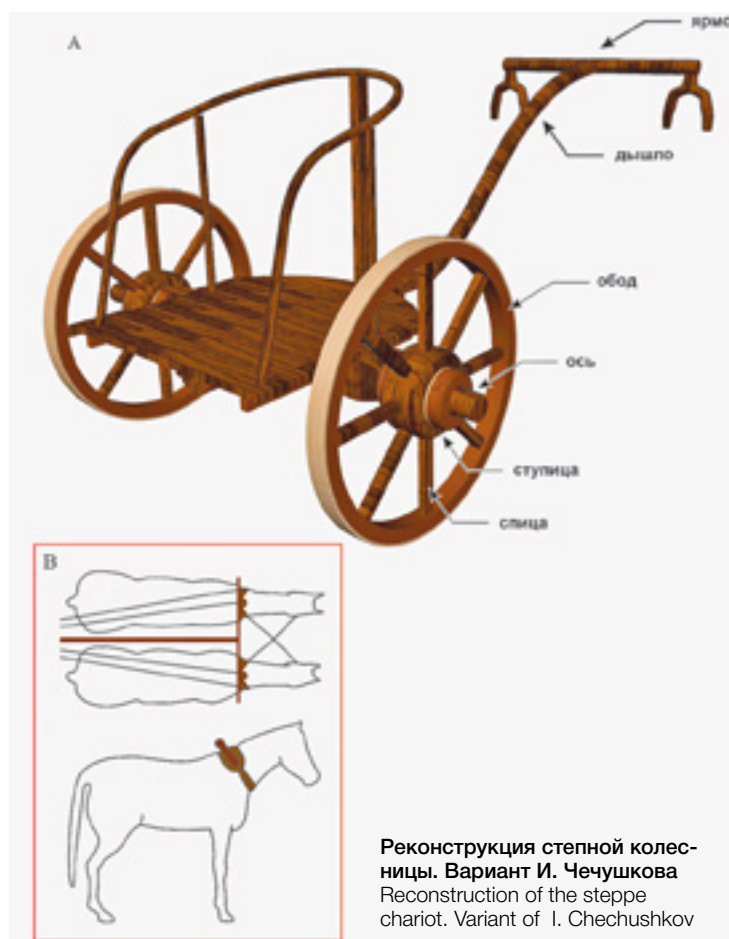
Важной и очень информативной частью колесничного комплекса является упряжь. Ее кожаные детали обычно не сохраняются, а мы можем изучить только одну деталь оголовья, к которой крепились основные элементы узды — псалии из рога или кости. В отличие от колесниц псалии встречаются на огромном пространстве степи и лесостепи. Это позволяет судить об истинном распространении колесничных комплексов. Около половины псалиев имеют следы использования. Некоторые эксплуатировались в течение сотен (!) часов.

Надо упомянуть и об изображениях колесниц, коих великое множество. Иногда это очень схематичные рисунки колес или повозок на стенках сосудов, но самые впечатляющие примеры — это изображения на скальных поверхностях (петроглифы). Ближайшие к Южному Уралу петроглифы встречены на территории современного Казахстана. Они точно передают главные детали колесниц, которые выглядят как очень небольшие двухколесные повозки с единственной стоящей в ней фигурой человека. По обе стороны от дышла мы видим лошадей.

Возникает вопрос: «Где и когда изобрели колесницу?» Самые впечатляющие образцы колесниц и изображений

обнаружены на территории Египта и Передней Азии, есть в этой части мира и письменные источники. В условиях государственных систем колесницы стали грозной военной силой, здесь было налажено их массовое производство. Но ответ о приоритете не так очевиден, как кажется. Открытия на Синташте и успехи в области радиоуглеродного датирования заставили вернуться к этому вопросу.

Степная зона в бронзовом веке стала территорией, где соединились две важнейшие и очень длительные традиции — использование лошади и колесного транспорта. Без них нет и не может быть колесничного комплекса. Достоверное массовое знакомство с лошадью на Востоке произошло заведомо позже, чем в степи. Без лошади колесница теряет свои основные преимущества. При непредвзятом взгляде степные колесницы вполне могут быть самыми ранними. Их технологические и военные преимущества быстро были осознаны там, где существовали профессиональное ремесло и профессиональная армия, то есть в зоне первичных цивилизаций. Так началась долгая и славная история этого вида транспорта в Древнем Китае, Греции или Риме.

Реконструкция степной колесницы. Вариант И. Чечушкова
Reconstruction of the steppe chariot. Variant of I. Chechushkov

of transport; it has other features, functions and requires different technologies. The chariot would become one of the main symbols in the mythology of many peoples.

The creators of the chariot relied on the long experience of constructing and driving wagons. But the most important was that, for the first time, a strong and fast animal, a horse, was used to drag the chariot. The man was familiar with a horse for many centuries, but the important thing was to teach it work harnessed, and even paired with another horse. The animals had to simultaneously turn, accelerate running or stop. It took hard training of both, the charioteer and horses. A whole harness system to transmit traction and control had to be created.

The first discoveries were made in the mid-1970s on the Sintasht River, where the burial ground, after which the culture was named, was investigated. At the bottom of the burial chamber dug in the soil found were parts of wheels with spokes. Thus, for the first time, scientists got direct evidence for the use of a light chariot. They managed to reconstruct the wheel diameter, number of spokes and gauge. The picture was complemented with numerous horse sacrifices, including paired ones. In the same burial ground, many horn harness parts (psalii) were found.

Further, this series was augmented by the Ural and Kazakhstan materials but it was only twice, when the complexes were found with both, preserved wheel segments, and body parts. To date, more than two dozen of such complexes have been discovered but usually only pits, traces of wheels, are found. Often a chariot or a pair of wheels were placed in a grave pit only for the duration of the ritual and were taken away at the conclusion of the ceremony. A pair of horses could be located at the edge of the grave on an ancient day surface. In this case, the entire burial chamber resembled a horse-drawn chariot.

An important and very informative part of the chariot complex is the harness. Its leather details are usually not preserved and we can only study one detail of the ancient bridle set, to which the main elements of the reins were attached, psalii made of horn or bone. Unlike chariots, psalii are found on the vast steppe and forest-steppe expanse. This allows guessing a more likely expansion of chariot systems. About half of the psalii have signs of use. Some were exploited for hundreds (!) of hours.

We should mention the images of chariots, of which there are a great many. Sometimes these are very sketchy drawings of wheels or wagons on the walls of vessels. The most impressive examples are images on rocky surfaces (petroglyphs). The closest to the South Urals petroglyphs are found on the territory of modern Kazakhstan. They accurately depict the main parts of the chariots, which look like very small two-wheeled carts with a human figure standing on it. On both sides of the drawbar, we see horses.

The question arises: "Where and when did they invent the chariot?" The most impressive samples of chariots and their images, as well as written sources are found in Egypt and West Asia, where chariots became a formidable military state force, and their mass production was established. But the answer to the question on the priority of the chariot invention is not as obvious as it seems. The discoveries in Sintasht and achievements in the field of radiocarbon dating demanded to reconsider this issue.

In the Bronze Age, the steppe zone became the territory where two most important and very long traditions were combined, the use of horses and wheeled vehicles. Without them, there could be no chariot complex. It is confirmed that mass acquaintance with horses in the East occurred later than in the steppe. Without a horse, the chariot loses its main advantages. With an open mind, the steppe chariots may well be considered the earliest. Their technological and military advantages were quickly realized in regions with professional crafts and professional army, that is, in the zone of primary civilizations. Therefore, a long and glorious history of this transport type began in ancient China, Greece or Rome.

The function of the chariot in the state systems is obvious; they were used as wars and ceremonies, often closely intertwined. As for the steppe zone, some experts are sceptical about even the very possibility of riding in the steppe chariots. Nevertheless, the reality of the steppe chariots should not be questioned. Their use is confirmed by the traces of psalii. The only question that remains is: why did such a complex and laborious technology arose and was maintained? The carrying capacity of the four-wheeled carts drawn by oxen is obviously greater and they are easier to drive. Consequently, of importance were other qualities, such as speed and manoeuvrability. It is unlikely, that chariots were in demand in the ritual sphere; the intensity of the harness use points to something else, e.g., to the chariot use in wars. However, little is known about the Bronze Age wars. Probably, in the period of migrations, a military elite was formed, which became the main organizing force in the exploration of new territories. During that period, which that can be figuratively described as "the time of heroes", a new mythology and rituals developed. The chariot abundantly depicted in the rock paintings of the steppe zone became their visual embodiment and part.

War and Warfare

In the Bronze Age, the South Ural population warfare reflects the global trends of the technological revolution and changes in the social and economic living conditions. New technologies appeared and labour productivity rose. The people started living in large groups, and for survival, a strong organization was required. The society accumulated and stored their resources

Функция колесницы в государственных системах очевидна — войны и церемонии, часто тесно переплетенные. Что же касается степной зоны, то некоторые специалисты настроены скептически относительно даже самой возможности ездить на степных колесницах. И все же реальность степных колесниц не должна подвергаться сомнению. Работоспособность их подтверждена следами использования псалиев. Остается лишь вопрос: зачем столь сложная и трудоемкая технология возникла и поддерживалась? Грузоподъемность четырехколесных телег, запряженных волами, заведомо больше, и управлять ими проще. Следовательно, важны были иные качества — скорость и маневренность. Вряд ли они были востребованы в ритуальной сфере, да и интенсивность использования упряжи говорит о другом. Остается только война, хотя о войнах бронзового века мы знаем мало. Вероятно, во время миграций сформировалась военная элита, которая стала главной организующей силой в период освоения новых территорий. В этот период, который можно образно охарактеризовать как «время героев», сложились новая мифология и обряды. Их наглядным воплощением и частью стала колесница, обильно представленная в наскальных изображениях в степной зоне.

Война и военное дело

Военное дело населения Южного Урала в бронзовом веке отражает общемировые тенденции технической революции, смены социальных и экономических условий жизни. Появились новые технологии, производительность труда выросла. Люди начали жить большими группами, а для выживания требовалась четкая организация. Социум накапливал и хранил ресурсы, которые нуждались в охране, возникали развитые торговые отношения. Все это требовало подготовленных и хорошо экипированных воинов. Земли с их богатствами, пастбища, скот, металлы и другие ценные ресурсы стали полем для вооруженных споров и жесткой конкуренции.

Самым информативным источником для археолога являются материалы погребений. Вещи, в том числе связанные с военной сферой жизни, помещались в погребения намеренно: это обеспечивало им лучшую сохранность, погребальный обряд отображал мировоззрение общества. Археолог старается выявить образцы специализированного вооружения или комплекс военных атрибутов, узнать технологию их изготовления, проследить связь находок с полом и возрастом погребенного, понять его положение в обществе.

Важнейшим источником информации о войне для археологии являются повреждения на костях. Погребальные материалы бронзового века Южного Урала не демонстри-

руют яркого травматизма, однако отдельные примеры существуют. Так, в могильниках ямной культуры Приуралья исследователями были обнаружены рубленые повреждения черепа, некоторые из которых предположительно оставлены топором. Однако и в случае невооруженного конфликта такие виды травм могли иметь место. В могильнике Бестамак найдено богатое погребение мужчины. Анализ его травм показал, что он с большой долей вероятности являлся профессиональным кулачным бойцом. В составе погребального инвентаря обнаружены 20 наконечников стрел, бронзовый нож и топор-тесло, что может указывать на принадлежность погребенного к воинской субкультуре.

Поскольку материалы с поселений представлены в основном остатками жизнедеятельности человека, по сохранности и качеству эти артефакты чаще всего уступают погребальным. Впрочем, имеются и исключения. Первое из них — Малокизильское селище абашевской культуры, исследованное в 1947–1950 годах К. В. Сальниковым. Уникальность поселения заключается в яркой картине военной катастрофы. Несмотря на существовавшие укрепления в виде рва и, вероятно, ограды, оно было уничтожено врагом. Об этом говорят следы пожара, скелеты людей и домашних животных в неестественных позах, а также значительное количество ценных находок. Картину сражения иллюстрирует большое количество предметов вооружения. На площадке селища был найден уникальный Верхнекизильский клад. Древний тайник содержал 43 предмета из меди, бронзы и серебра, в том числе богатые украшения, топоры, копье и пр. Очевидно, защитники поселения осознавали возможность разгрома и старались сберечь ценное имущество.

Процесс освоения новых территорий активизировался в XXI–XVIII веках до н. э., когда сформировалась фортификационная традиция синташтинской и петровской культур. Возникновение укрепленных поселений, одним из которых является знаменитый Аркаим, обозначает новый этап в истории восточной части евразийских степей. Оседлая жизнь скотоводов побудила их закрепить за собой пастбища и источники медной руды. Южный Урал стал одним из центров формирования новой Евразийской металлургической провинции. В условиях концентрации населения, конкуренции и освоения территории поселения защищали запасы металла, а при необходимости и скот.

Все укрепленные поселения расположены на притоках Урала и Тобола (за исключением поселения Чекатай), имеют замкнутую планировку с внешней оборонительной стеной и схожее устройство жилищ по отношению к системе фортификации. Несмотря на внушительные размеры, укрепленные поселения не содержат следов ведения

that had to be protected; new advanced trade relations arose. All this required trained and well-equipped warriors. Lands with their wealth, pastures, cattle, metal and other valuable resources became the fields of armed disputes and fierce competition.

The most informative archaeological source is burial materials. Objects including those related to the military sphere of life were placed in burials on purpose: this way they could be better preserved; the funeral rite reflected the society worldview. Archaeologists are trying to discover the samples of specialized weapons or sets of military attributes to learn the technology of their manufacture, to connect the finds with the sex and age of the buried for understanding the deceased' society ranks.

The most important archeological sources of information on wars are bone damages. The Bronze Age funeral materials of the South Urals do not show a lot of traumatism, however, there are some examples of it. Thus, in the in burial grounds of the Cis-Urals Yamnaya culture, researchers discovered chopped skull injuries, some of which were allegedly done with an axe. However, such types of injuries could have occurred even in the event of an unarmed conflict. In the burial ground of Bestamak, a rich burial of a man was found. The analysis of his injuries showed that he was highly likely a professional fist fighter. Among the funerary inventory, 20 arrowheads, a bronze knife and an axe-tesla were found, which may indicate that the buried man belonged to the military subculture.

As the materials from the settlements are mainly represented by the remnants of human life, they are often inferior to the funeral artifacts in terms of preservation and quality. However, there are exceptions. The first of them is the Malokizilskoe village of the Abashev culture, investigated in 1947–1950 by K. V. Salnikov. The uniqueness of the settlement is that it gives a vivid picture of a military catastrophe. Despite the fortification in the form of a moat and, probably, a fence, it was destroyed by the enemy. This is evidenced by fire traces, people and pet skeletons in unnatural poses, as well as by a significant number of valuable objects. The picture of the battle is illustrated by a large number of weapons. The unique Verkhnekizilsky treasure was found in the site of the village. The ancient cache contained 43 items made of copper and bronze, including rich jewellery, axes, spears, etc. Obviously, the defenders of the settlement were aware of the possibility of defeat and tried to preserve their valuable property.

The development of new territories intensified in the XXI–XVIII centuries BC, when the fortification traditions of the Sintasht and Peter the Great cultures were formed. The emergence of fortified settlements, one of which is the famous Arkaim, marks a new stage in the history of the Eastern part of the Eurasian Steppe. The sedentary life of herders prompted them to secure pastures and sources of copper ore. The South Urals became one of the centres of the new

Бронзовый топор — оружие и символ статуса. Могильник Синташта. Фото Н. Виноградова
Bronze axe, weapon and status symbol. Burial ground of Sintasht. Photo by N. Vinogradov

Eurasian metallurgical province. In this period of the high concentration of population, competition and territory exploration, the settlements protected their metal reserves, and, if necessary, cattle.

All fortified settlements are located on the tributaries of the Ural River and Tobol River (with the exception of the Chekantai settlement); they have a closed layout with an external defensive wall and a similar in relation to the fortification arrangement of the dwelling systems. Despite their impressive size, the fortified settlements do not contain any war traces; there are only traces of fires that are not accompanied by other signs of a military catastrophe. The settlements were built without taking into account the defensive capabilities of the relief. When choosing a site for construction, what was primarily taken into account, was the possibility of providing the population and livestock with water; however, the level of fortification solutions was high and more than covered the needs of the society for protecting its resources. It is also possible that the monumentality of the fortifications could play a status role and reflected the power of the community.

The concentration of the population and resources gradually created serious problems. In the South Urals, sedentary cattle breeding under the urban development turned out to be unpromising. The population grew, more cattle were required and the increased number of livestock drained the steppes. The cattle breeders began to settle more scattered and erected small unprotected villages. The fortification tradition decayed, and in the log-house Alakul period, it disappeared completely.

No fortifications and reduction in settlement sizes negatively affected the defence capabilities of the settlements.

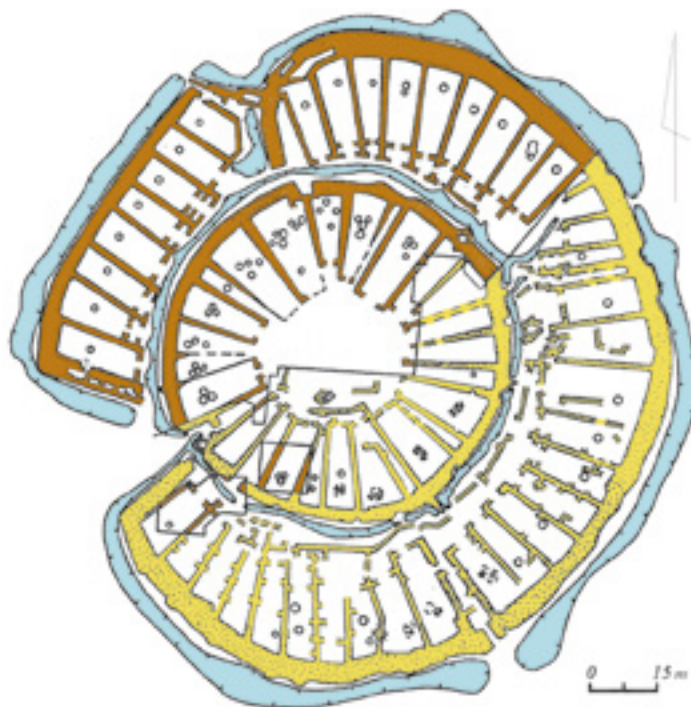
войн — только следы пожаров, которые не сопровождаются другими признаками военной катастрофы. Поселения возведены без учета оборонительных возможностей рельефа. При выборе площадки для строительства учитывалось прежде всего обеспечение населения и скота водой, в то же время уровень фортификационных решений был высок и с избытком покрывал потребности социума в защите ресурсов. Впрочем, монументальность укреплений могла играть и статусную роль, отображающую могущество общины.

Концентрация населения и ресурсов постепенно породила серьезные проблемы. Оседлое скотоводство при урбанистическом пути развития на Южном Урале оказалось неперспективно. Население росло, требовалось больше скота, увеличившееся поголовье истощало степи. Скотоводы начали расселяться более широко, возводя малые неукрепленные поселки, фортификационная традиция пришла в упадок и в срубно-алакульский период исчезла вовсе.

Отказ от сооружения фортификаций и уменьшение размеров поселений негативно сказались на их обороноспособности. Слабозащищенные ресурсы неизбежно провоцировали попытки набегов. К примеру, поселения алакульской культуры Южного Урала Мирный IV и Коркино I содержат следы пожаров, скелеты людей и предметы вооружения. Наиболее наглядны драматические события на поселении Коркино I. Здесь в колодце были найдены расчлененные останки нескольких человек. Отсутствие черепов может указывать на присвоение их врагами в качестве трофеев. Останки еще 12–17 человек были рассредоточены вокруг сгоревшей постройки. Внезапная гибель поселения послужила тому, что до нашего времени сохранилось множество уникальных вещей, в том числе атрибуты военного дела (копья, топоры, костяные и бронзовые наконечники стрел), иллюстрирующие сражение.

Пик военизированной эпохи бронзы Южного Урала приходится на время бытования синташтинской и петровской культур. Распространяется революционная технология выплавки оловянистой бронзы. Она дает возможность отливать более сложные вещи и является крепчайшим металлическим сплавом в древнем мире. Новый материал позволяет изготавливать копья с цельной литой втулкой, которые были гораздо прочнее прежних и лучше насаживались на древко. Известны также примеры кинжалов со сложными художественными элементами.

Традиция изготовления боевых топоров получила в синташтинской культуре большое развитие. Появились образцы оружия с узким лезвием и узким бойком-клевцом с обухной стороны. Морфология изделий не оставляет со-

Укрепленное поселение Аркаим. Схема раскопанной части (темный цвет) и результатов геофизического исследования (светлый цвет) (по Г. Б. Здановичу)

Fortified settlement of Arkaim. Diagram of the excavated part (dark colour) and the results of geophysical research (light colour) (by G. B. Zdanovich)

мнений в их военной специализации и оптимизации проникающей способности.

Несмотря на развитый комплекс металлического вооружения, основным оружием древних воинов-пастухов оставался лук. Исследователями были обнаружены костяные детали корпуса сложносоставного, усиленного лука. В колчанном наборе синташтинских лучников присутствовали каменные, костяные и невероятно технологичные для того времени бронзовые наконечники стрел (на рубеже III–II тысячелетий до н. э. бронзовые наконечники только начали появляться на Ближнем Востоке).

С технологической точки зрения самой важной новацией синташтинской культуры является не уникальная традиция фортификации и не развитый комплекс вооружения, а революция в области колесного транспорта. До появления всадничества в конце бронзового века колесница давала воину огромные преимущества в схватке: он перемещался быстрее любого пешего воина, в него было трудно попасть, сам же он мог нести большой арсенал в виде стрел и копий и стремительно поражать неприятеля. Таким образом, колесница представляла собой мобильную боевую платформу.

The poorly protected resources inevitably provoked raids. For example, the South Ural settlements of the Alakul culture Mirny IV and Korkino I have traces of fires, people skeletons and weapons. Most illustrative are the dramatic events in the Korkino I settlement. There, in the well, the dissected remains of several people were found. The absence of skulls may indicate their appropriation as trophies by the enemies. The remains of another 12–17 people were scattered around a burnt housing structure. The sudden death of the settlement people resulted in the preservation of many unique things up to our time including military attributes (spears, axes, bone and bronze arrowheads) that illustrate the battle.

The peak of militarization in The Bronze Age South Urals falls in the Sintasht culture period. The revolutionary technology of smelting tin bronze was spreading. Tin bronze made it possible to produce more complex objects and was the strongest possible metal alloy in the ancient world. The new material allowed making spears with solid cast sleeves, which were much stronger than the previous ones and were better fixed to the shaft. There are also examples of daggers with complex artistic elements.

In the Sintasht culture, the tradition of manufacturing battle axes developed greatly. There were weapons with narrow blades and narrow striker- crow's beak on the butt side. The morphology of objects leaves no doubt about their military specialization and optimization of penetration capability.

Despite the developed complex of metal weapons, the main weapon of the ancient shepherd warriors remained the bow. Researchers discovered the bone parts of the compound reinforced bow body. In the quiver set of the Sintasht archers, there were stone, bone, and incredibly technologically advanced for that time bronze arrowheads (at the turn of the III–II millennium BC, in the Middle East, bronze arrowheads only started appearing).

From the technological point of view, the most important innovation of the Sintasht culture is a revolution in the field of wheeled transport, rather than a unique tradition of fortification or developed weapon system. Before horsemanship appeared at the end of the Bronze Age, the chariot gave warriors enormous advantages in the battle: they moved faster than any warrior on foot. They were difficult to be hit, could carry a large arsenal of arrows and spears and quickly hit the enemy. The chariot was thus a mobile combat platform.

In the Late Bronze Age (XII–VIII centuries BC), transformations in the life of the South Ural population continue. The weapon complex was rooted in the previous era but there emerged one fundamental innovation, rod-shaped psalii (harness parts for equestrianism). The equestrian archery tactics characteristic of the subsequent epochs emerged. Improved were combat daggers, the prototypes of the Early Iron Age nomad short swords (akinakes).

Отпечаток
колеса
со спицами,
вкопанного
в дно могилы.
Могильник
Синташта.
Фото Н. Ви-
ноградова
Imprint
of a wheel with
spokes dug
into the bottom
of the grave.
Burial ground
of Sintasht.
Photo by
N. Vinogradov

В финале эпохи бронзы (XII–VIII века до н. э.) преобразования в жизни населения Южного Урала продолжают. Комплекс вооружения имеет корни в предыдущей эпохе, но возникает одно принципиальное новшество — стержневидные псалии, то есть детали упряжи, необходимые для всадничества. Зарождается всадническая тактика боя конного лучника, характерная для последующих эпох. Совершенствуются и боевые кинжалы — прообраз коротких мечей кочевников раннего железного века — акинаков.

История военного дела населения Южного Урала в бронзовом веке — это ярчайшие страницы не только региональной, но и мировой военной археологии. Был пройден путь от рождения первых настоящих воинов, сквозь расцвет военной мысли к перерождению в совершенно новую военную формацию, которой уготовано было стать основой жизнестойкости будущего скифо-сармато-сакского мира раннего железного века.

Мир мужчин и мир женщин — отражение в погребальных обрядах и ритуалах эпохи бронзы

У многих древних племен зафиксировано существование мужских и женских союзов, имевших целью защиту, сохранение и передачу тайн своего пола. В погребальных ритуалах бронзового века Южного Зауралья отмечаются предметы, являющиеся отражением не только мужской и женской сфер деятельности, но и эстетических канонов красоты, женственности и мужественности, свидетельства существования сложных идеологических и религиозных предпосылок взаимоотношений полов.

К женской сфере в бронзовом веке можно уверенно отнести ткачество и изготовление одежды, уход за детьми, приготовление пищи, собирательство. Преимущественно женскими видами деятельности были, вероятно, гончарство и уход за некоторыми видами домашнего скота. В скотоводстве принимали определенное участие и мужчины, и женщины. При исследовании обрядов жертвоприношений отмечено, что некоторые виды домашних животных семиотически больше связаны с женской сферой (коровы, овцы, козы), а другие — с мужской (лошадь, собака). В бронзовом веке выпас скота, очевидно, осуществлялся мужчинами, но в зимнее время обязанности по уходу за ним выполняли в основном женщины, больше привязанные к поселению.

Кроме забот об обеспечении быта семьи в бронзовом веке получили развитие различные ремесла и даже профессиональные сообщества. В археологических памятниках фиксируются предметы, выполненные на высоком профессиональном уровне. Наиболее революционным достижением, оказавшим воздействие на мировоззрение,

оказалась металлургия. Сложная система определяла весь строй обществ древних металлургических провинций, в одну из которых входило Южное Зауралье. Обладание передовыми технологиями и контроль над источниками металла давали преимущество определенной группе населения. Сложная структура металлургического производства предполагала, что внутри клана металлургов также имели место профессиональная специфика и деление на рудознатцев, рудокопов, кузнецов, ювелиров. В древних обществах часто почитали металлургов так же, как шаманов, знахарей, колдунов.

Другим свидетельством существования мужских профессиональных сообществ в бронзовом веке может считаться возникновение в южноуральских степях колесничества, которое являлось отдельным и совершенно специфичным видом деятельности. Изготовление колесниц, обучение лошадей требовали большого мастерства. Вполне возможно, что определенная специализация существовала в гончарстве, косторезном и камнерезном деле.

Социальные роли мужчин и женщин частично могут быть реконструированы по материалам погребений. Можно предположить, что у племен эпохи бронзы Южного Зауралья имели место относительно ранние браки, по крайней мере у женщин. Скорее всего, практиковался вариант, когда невеста переходила жить в дом мужа. Именно этой традицией можно объяснить наличие женских украшений одной культуры в погребениях другой. Однако нет оснований предполагать, что женщина занимала приниженное и подчиненное положение в обществе. О высоком статусе женского начала в ритуальной сфере свидетельствуют так называемые погребения «в позе объятия» и погребения женщин в богатых костюмах. Специфической мужской категорией погребений можно считать могилы с остатками колесниц, костяков коней и конской упряжи, с оружием.

В материальной культуре бронзового века была широко распространена половая символика: парные шишечки (популярный элемент орнаментации синташтинских сосудов), фаллические статуэтки, песты из камня и кости.

Ярким проявлением женской субкультуры является костюм, не только несущий эстетическую нагрузку, но и отражающий религиозные и символические идеи, картину мира, а также сведения о социальном статусе и положении женщины. Судя по всему, костюм, надевавшийся на умершую перед погребением, при ее жизни был ритуальным (праздничным, свадебным). Важной его частью являлся головной убор — налобная повязка или шапочка с крепившимися к ней лицевыми подвесками и украшениями для кос (накосник). Эти украшения отмечены на «памятниках» бронзового века только в нашем регионе и встречаются в костюмах девушек начиная с 6/10-летнего возраста.

The history of the military production in the Bronze Age South Urals manifests the brightest pages of not only the regional but world military archaeology. A way was passed from the birth of the first real warriors through the heyday of military thought to the emergence of a completely new military formation, which was destined to become the basis for the vitality of the future Scythian-Sarmatian-Saka world of the Early Iron Age.

The world of men and the world of women as reflected in the funeral rites and rituals of the Bronze Age

In many ancient tribes, traces of male and female unions aimed at protecting, preserving and transmitting the secrets of their gender were found. In the funeral rituals of the Bronze Age South Trans-Urals, objects are noted that reflect not only the male and female fields of activity, but also the aesthetic canons of beauty, femininity and masculinity that evidence the existence of complex ideological and religious prerequisites for gender relations.

In the Bronze Age, weaving and making clothes, child care, cooking and gathering can be reliably attributed to the female sphere of activity. Mostly female activities were probably pottery and caring for some types of livestock. Both men and women took part in husbandry. In studying the sacrificial rites, it was noted that some types of domestic animals (cows, sheep and goats) are semiotically more associated with the female sphere, while other animal types can be associated with the male sphere (horse and dog). In the Bronze Age, grazing was obviously carried out by men, but in winter, the livestock care duties were performed mainly by women, that were more attached to the settlements.

In the Bronze Age, in addition to the household skills, various crafts and even professional communities developed. In the archaeological sites, objects made at a high professional level are found. The most revolutionary achievement that had an impact on the worldview was metallurgy. A complex structure determined the entire system of the ancient metallurgical province societies, one of which was the South Trans-Urals. Advanced technologies and control over metal sources gave an advantage to a certain group of the population. The complex structure of metallurgical production suggested that within the clan of metallurgists there were also professional specificity and division into ore miners, miners, blacksmiths, and jewellers. In the ancient societies, metallurgists were often honoured just like shamans, healers and sorcerers.

Another evidence for the existence of male professional communities in the Bronze Age is probably the emergence of chariotry in the South Ural steppes, which was a separate and completely specific type of activity. Making chariots and training horses required advanced skills. It is also possible

that a certain specialization existed in pottery, bone carving and stone-cutting.

The social roles of men and women can be partially reconstructed from the burial materials. It can be assumed that the tribes (at least women) of the Bronze Age in the South Trans-Urals practiced relatively early marriages. Most likely, the bride moved to her husband's house. This tradition can explain the presence of one culture female jewellery in the burials of another culture. However, there is no reason to assume that women occupied a lowered and subordinate position in society. The high female status in the ritual sphere is evidenced by the so-called "embrace posture" burials and burials of women in rich costumes. The graves with the remains of chariots, skeletons of horses, horse harness and weapons can be considered a specifically male category of burials.

In the Bronze Age material culture, sexual symbolism was widespread: paired cones (a popular element in the ornamentation of the Sintasht vessels), phallic figurines, stone and bone pestles.

A bright manifestation of the female subculture is the costume, which does not only reflects the aesthetic tastes, but also conveys the religious and symbolic ideas, the picture of the world, as well as the information on women's social status and position. Apparently, the costume put on a deceased woman for burial was the ritual costume (holiday, wedding) during her life. An important part of the costume was a headdress, a headband or a hat with facial pendants and braid jewellery attached to it. This jewellery is noted in the Bronze Age

Женские украшения —
лицевые подвески
Women's jewellery, face pendants

Основой повседневной одежды служила туникообразная рубаха длиной немного ниже колена. Ткань для праздничной одежды окрашивалась в красный цвет красителями растительного происхождения. На запястьях женщины носили браслеты, на груди — нагрудники, расшитые мелкими украшениями. Вероятно, в женский костюм входили также штаны, сшитые из той же ткани, что и рубаха. Обувь представляла собой невысокие сапожки с разрезом спереди. Голенища сапожек обвязывались кожаными шнурками, иногда с нанизанными на них бронзовыми бусинами.

Костюм женщин и детей в эпоху бронзы изобилует различными украшениями, одной из основных их функций в древности была роль оберегов. Дети и женщины, как наиболее слабые существа, особенно нуждались в защите. В мужских погребениях эпохи бронзы украшений практически не зафиксировано. Наибольшее количество украшений встречается в костюмах девушек 6–11 лет. Погребения женщин пожилого, по меркам бронзового века, возраста (после 35–50 лет) отличают более скромные наряды.

Мир детства бронзового века

Дети — общественная группа, уникальная во многих отношениях. Первая часть жизни является универсальным периодом для всех человеческих сообществ (но только наш вид, *homo sapiens*, практикует достаточно продолжительную заботу о своем потомстве), при этом пути и особенности включения детей в жизнь коллектива (социализация) отличаются в каждом обществе. Именно в детстве закладываются базовые черты характера будущих взрослых, основы их знаний и умений, формируются социальные нормы поведения. Все это обеспечивает выживание социума. Социологи отмечают, что «модель детства» всегда направлена на поддержание и воспроизводство существующей модели общественного порядка и, следовательно, очень важна для нормального функционирования социума.

В древности дети были самой многочисленной социальной категорией, так как для выживания популяции необходимо было, чтобы индивиды до 15 лет составляли как минимум 50 % всего населения. Из-за высокой смертности в раннем возрасте и низкой продолжительности жизни детство было единственной порой, которую удавалось прожить значительному числу, если не большинству людей. Древние общества были намного более «молодыми» по возрастному составу, нежели современные. Таким образом, ответ на вопрос, следует ли археологии изучать «детей прошлого», очевиден.

Погребальные памятники зачастую являются единственным источником, позволяющим нам напрямую «увидеть» индивида, в данном случае ребенка. Взрослые, обустроившие погребения, без сомнения, клали туда вещи

не случайные, а наполненные символическим смыслом. Ребенка хоронили в своей одежде, с украшениями или предметами, которые если и не принадлежали ему лично, то имели отношение к его возрасту, полу и прочим социальным характеристикам. На ранних стадиях жизни именно взрослые формируют внешний вид ребенка (одежда, прическа, украшения), поэтому только через отношение взрослых археология может проникнуть в мир древних детей. Археология позволяет увидеть три основные группы артефактов, имеющих непосредственное отношение к детям: предметы в погребениях детей; предметы, изготовленные самими детьми в процессе обучения или игры; предметы, изготовленные взрослыми для детей (игрушки). Что же это нам дает?

В первую очередь, можно реконструировать этапы социализации детей, их постепенное взросление и превращение в полноправных взрослых членов коллектива. Приобщение детей к миру взрослых происходит как через процесс обучения, так и через бессознательное восприятие и последующее подражание. Этапы социализации могут сопровождаться изменениями внешнего облика индивида — от одежды и прически до разрешения использования и/или ношения определенных предметов — украшений, оружия, аксессуаров. Именно эти маркеры археологи пытаются установить, исследуя остатки погребальных ритуалов. В рамках бронзового века можно увидеть, насколько разнятся традиции, связанные с детьми.

Пиктограмма, нарисованная ребенком (?). Поселение Степное VIII. Фото Е. Куприяновой
Pictogram drawn by a child (?).
Settlement of Steppe VIII.
Photo by E. Kupriyanova

monuments only in our region and is found in the costumes of girls from the age of 6/10.

The basic casual wear was a tunic shirt slightly below the knee. Fabric for festive clothing was dyed red with dyes of plant origin. Women wore bracelets on their wrists and had bibs embroidered with small ornaments on their chests. Probably, pants made from the same fabric as the shirt were also included in the woman's costume. The shoes were low boots with a slit in the front. The bootlegs were tied with leather laces, sometimes with bronze beads strung on them.

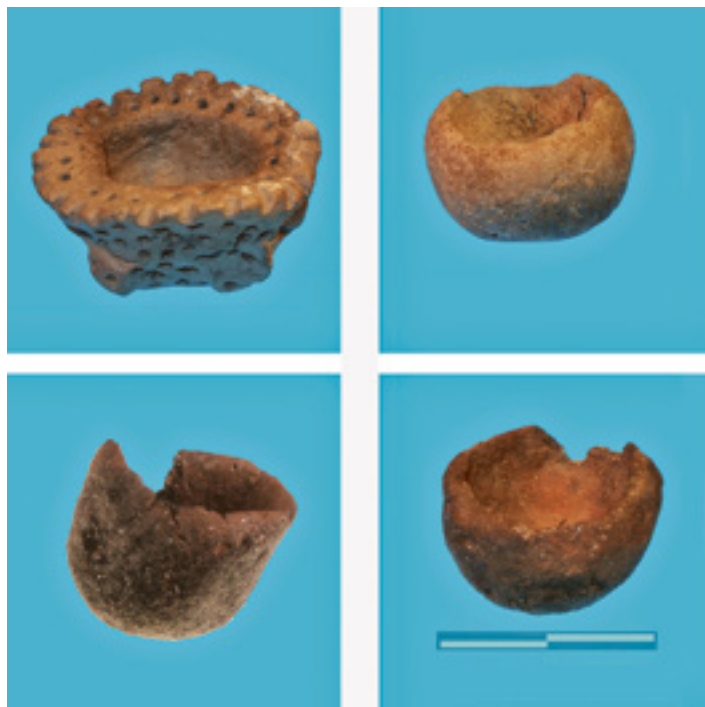
In the Bronze Age, the costumes of women and children had a lot of various decorations; in antiquity one of the decoration main roles was the role of amulets. The children and women as the weakest creatures especially needed to be protected. In the men's burials of the Bronze Age, jewellery was practically not noted. The greatest number of jewellery is found in the costumes of girls aged 6–11. The burials of elderly by the standards of the Bronze Age women (of 35–50 years old) are distinguished by more modest outfits.

Childhood world in the Bronze Age

Children are a social group that is unique in many ways. The first part of life is a universal period for all human societies (but only our species, *Homo sapiens*, practices a rather long-term care for their offspring). However, the ways and specifics of including children in the social life (socialization) are different in every society. It is in childhood, that the basic character traits of future adults, the foundations of their knowledge and skills as well as the social norms of behaviour are formed. All this ensures the survival of the society. Sociologists note that the «childhood model» is always aimed at maintaining and reproducing the existing model of public order and therefore is very important for the functioning of a normal society.

In ancient times, children were the largest social category, since for the survival of the population it was necessary that the individuals under 15 years of age accounted for at least 50 % of the total population. Due to the high mortality at an early age and low life expectancy, childhood was the only time that a significant, if not most, number of people, managed to live through. The ancient societies were much “younger” in age composition than modern ones. Thus, the answer to the question whether archaeology should study the “children of the past” is obvious.

The funeral monuments are often the only source to directly “see” an individual, in this case a child. The adults who arranged the burials no doubt put things filled with symbolic meaning in children's graves. A child was buried in his/her clothes, with jewellery or objects that, if they were not personal belongings, were related to the child age, gender and other social characteristics. In the early stages of life, it is the adults who

Миниатюрные глиняные сосуды. Часть из них были игрушками. Поселение Каменный Амбар. Фото А. Берсенева

Miniature clay vessels. Some of them were toys. Settlement of Kamenny Ambar. Photo by A. Bersenev

form the appearance of a child (clothes, hairstyle, and jewellery) and therefore, only through the attitude of adults, archaeology can penetrate the world of the ancient children. Archeology reveals three main groups of artifacts that are directly related to children: the objects in the burials of children; the items made by children themselves in the process of learning or playing and the items made by adults for children (toys). What does this give us?

First of all, it is possible to reconstruct the stages of children socialization, their gradual maturation and becoming the full-fledged adult members of the society. The familiarization of children with the adult world takes place both through a learning process and through perception and subsequent imitation. The stages of socialization can be accompanied by changes in the appearance, from clothes and hair to the permission to use and/or wear certain items, jewellery, weapons, and accessories. It is these markers, that archaeologists are trying to establish by examining the remains of the funeral rituals. Within the framework of the Bronze Age, one can see how diverse the traditions associated with children are.

The South Urals Bronze Age is characterized by a large number of children's burials (more than 50 %). In the Sintashtime, children were generally buried in the same position as adults. Children's burials are very diverse in size, complexity

Для эпохи бронзы Южного Урала характерно большое количество детских погребений (более 50 %). В синташтинское время дети в основном укладывались в такой же позе, что и взрослые. Детские захоронения очень разнообразны по размеру, сложности сооружений и инвентарю. Погребения детей старших возрастов (от трех лет и выше) в целом имели более сложное устройство и более разнообразный инвентарь. Артефакты в синташтинских детских захоронениях представлены обильно: посуда, украшения, орудия труда, даже предметы вооружения. Однако основными предметами в детских могилах были мелкие украшения, в большинстве своем бусины и пронизи (возможно, детали костюма), так называемые амулеты из клыков хищников, раковины моллюсков и астрагалы.

В петровский период манера захоронения детей резко изменилась. Преобладали индивидуальные погребения в небольших и неглубоких ямах с деревянными перекрытиями. Всех без исключения детей сопровождала посуда, но не более трех сосудов на человека. В это время большинство детей начали хоронить с украшениями.

Детские погребения алакульского периода также преимущественно индивидуальные, устроены в мелких ямах небольшого размера и глубины; часто сооружались перекрытия и рамы из дерева, реже из каменных плит. Детские могилы располагались по периферии погребальных комплексов, иногда были устроены во рвах или пристроены к каменным оградкам. Известно нечто вроде «детских кладбищ», когда до нескольких десятков захоронений располагались на периферии курганного пространства, где центральное место занимали погребения взрослых. Судя по сохранившимся останкам, детей хоронили по тому же обряду, что и взрослых: в скорченном положении, на левом боку, с руками, сложенными перед лицом. Около 46,6 % детей были похоронены без инвентаря, за исключением посуды. По сути, все предметы, обнаруженные в детских могилах, представляют собой украшения или детали костюма.

Детские могильные ямы срубной культуры, как и могилы взрослых, в абсолютном большинстве (88,4 %) индивидуальные. Обычно они довольно неглубокие. Видимо, все ямы так или иначе перекрывались. Характерной особенностью срубной погребальной обрядности на Южном Урале было перекрывание детских могил каменными плитами. Инвентарь срубных детских погребений крайне скромный; 69,1 % детей были захоронены без инвентаря, остальные сопровождалась посудой. Инвентарь представлен украшениями, в основном пастовыми бусинами.

Мы можем видеть, что этапы социализации детей отражены в памятниках различных культур в разной степени, при этом синташтинские памятники наиболее, а захо-

ронения срубной культуры — наименее информативны. Вероятнее всего, это свидетельствует о том, что в каждом обществе существовали свои представления о том, какие предметы следует или не следует класть в погребение. Возможно, это было связано с представлениями о загробной жизни. В синташтинском обществе погребальный инвентарь включал различные предметы: оружие, орудия труда, предметы быта, в петровском и алакульском — украшения, ну а в срубном — в большинстве случаев лишь посуду. Таким образом, мы можем узнать больше о детях в синташтинский период и меньше — в последующие периоды.

Представленные факты показывают, что изучение мира детей, этапов их социализации, их занятий при жизни и отношения к ним после смерти принципиально возможно по данным археологии. Большинство детей в бронзовом веке жили недолго и никогда не становились взрослыми. До недавнего времени археология не интересовалась ими, они являлись лишь слабыми тенями в глубинах далекого прошлого. Сейчас наука может помочь этим бессловесным теням заговорить и рассказать нам о своих коротких жизнях, которые, тем не менее, были важны для их сообществ. Принципиально важно, что во всех обществах упомянутого этапа бронзового века дети, даже новорожденные, подвергались такому же посмертному обращению в его главных чертах, что и взрослые. Между тем археология, этнография и история знают множество совершенно противоположных примеров, когда лишь малая часть детей погребалась на общих кладбищах. Дети, начиная с самого рождения, были встроены в социальную структуру, и степень заботы коллектива о них, вероятно, была очень высокой. Несмотря на постепенное упрощение ритуала в течение эпохи бронзы, можно предположить, что отношение к детям продолжало оставаться стабильно позитивным. Возможно, они даже приобрели большую важность и ценность для обществ позднего бронзового века, так как количество детских захоронений в этот период возрастает по сравнению с синташтинским этапом.

Лингвистическая карта Южного Урала эпохи бронзы

Археологические культуры Южного Урала эпохи бронзы — это культуры без письменности. И все же не знавшие письма языки не исчезают бесследно. Поиск этих следов — задача не менее увлекательная, чем расшифровка незнакомой письменности.

Современная карта распространения языков не отражает картину прошлого. Но, используя современную карту, сравнительно-исторический метод языкознания позволяет обнаружить, что в языках, удаленных на тысячи

of facilities and objects. The burials of older children (from three years old and above) as a whole had a more complex structure and a more diverse inventory of objects. The artifacts of the Sintasht children's burials are plentiful: dishes, jewellery, tools and even weapons. However, the main objects in children's graves were small jewellery, most of them beads and piercings (possibly costume details), the so-called amulets from fangs of predators and shells of mollusks and astragalus.

During the Peter the Great period, the manner, in which children were buried, changed dramatically. Individual burials prevailed in small and shallow pits with wooden floors. All children without exception were accompanied by dishes but not more than three vessels per person. At that time, most of children began to be buried with decorations.

Children's burials of the Alakul period are also mostly individual, arranged in shallow pits of small size and depth. Often, the decks and frames of wood, less often of stone slabs were constructed. Children's graves were located on the periphery of the burial complexes, sometimes they were arranged in ditches or annexes to stone walls. Something like "children's cemeteries" are known, where up to several dozens of burials were located on the periphery of the barrow space; the central place was occupied by adult burials. Judging by the preserved remains, children were buried according to the same ritual as adults: in a crouched position, on the left side, with their hands clasped in front of their faces. About 46.6 % of children were buried without any objects, with the exception of dishes. In fact, all the objects found in children's graves are jewellery or costume details.

Children's grave pits of the log-house culture like the graves of adults are in the vast majority (88.4 %) individual. Usually they are quite shallow. Apparently, all the pits were covered in one way or another. In the South Urals, the characteristic feature of the log-house culture ritual ceremony was the coverage of children's graves with stone slabs. The inventory of the log-house children's graves is extremely modest; 69.1 % of the children were buried without any inventory, but the vast majority were accompanied by dishes. The inventory is represented by jewellery, mainly paste beads.

We can see that the stages of children socialization are reflected in the monuments of different cultures to varying degrees. The Sintasht monuments are the most informative, while the graves of the log-house culture provide the least of information. Most likely, this indicates that each society had its own ideas about what objects should or should not be put in a burial. Perhaps this was due to the ideas about the afterlife. In the Sintasht society, the funerary inventory included various objects: weapons, tools and household items; in the Petrovo and Alakul society they included jewellery, but in the log-house culture in most graves, there were only dishes. Therefore,

we can learn more about children in the Sintasht period and less in the subsequent periods.

The given facts show that the study of the children's world, the stages of children's socialization and their activities during life as well as adult's attitude to them after death is only possible on the archaeological data. Most of the children in the Bronze Age did not live long and never became adults. Until recently, archaeology was not interested in children; they were only weak shadows in the depths of the distant past. Science can now help these dumb shadows speak and tell us about their short lives, which, however, were important to their communities. It is fundamentally important that in all the societies of the mentioned stage of the Bronze Age, children, even new-borns, were subjected to the same in its main features posthumous treatment as adults. However, in archaeology, ethnography and history, there are many completely opposite examples of only a small part of children buried in common cemeteries. Starting with birth, children were built into the social structure, and the degree of the society concern about them was probably very high. Despite gradual simplification of the ritual during the Bronze Age, it can be assumed that the attitude towards children continued to remain stably positive. Perhaps, children even acquired greater importance and value for the Late Bronze Age societies, since the number of children's burials during this period increased as compared to the Sintasht stage.

Linguistic map of the South Urals in the Bronze Age

The archaeological cultures of the South Urals in the Bronze Age are the cultures without written language. And yet, languages without written form did not disappear without a trace. Search for these traces is as exciting as deciphering unfamiliar writing.

The modern language map does not reflect the picture of the past. But, using the modern map, the linguistics comparative historical method makes it possible to find out that languages spaced thousands of kilometres apart can have words, which are identical in sound and meaning. This may mean that once, these remote languages were in close contact with each other. The task is to map the territory where this contact took place. Collecting such words, which are scattered like mosaics pieces around the world, can restore the picture of the ancient tribe settlement. Certain evidence for the linguistic state of the past can be given by the toponymical substrate, geographical names that have some preserved traces of the ancient languages.

The archaeological studies have shown that the beginning of the Bronze Age in the Urals is associated with the arrival of new tribes from Eastern Europe in the South Urals. They brought the bronze metallurgy of already existing cultural and technological level. At the same time, scholars admit that

километров, встречаются одинаковые по звучанию и смыслу слова. Это может означать, что когда-то эти удаленные языки близко контактировали между собой. Задачей является поиск территории, где происходил этот контакт. Собирая эти слова, словно рассеянные по всему миру кусочки мозаики, можно восстановить картину расселения древних племен. Часть свидетельств о языковом состоянии прошлого выделяется в топонимическом субстрате — географических названиях, сохранивших следы древних языков.

Археологические исследования показали, что начало бронзового века на Урале связано с приходом на Южный Урал новых племен из Восточной Европы. Они приносят металлургию бронзы в виде уже сложившегося культурного и технологического уклада. Ученые допускают, что между населением лесной зоны Урала и Западной Сибири эпохи каменного века и современными финно-угорскими народами существует этнографическая преемственность. Поэтому допустимо предполагать, что в финно-угорских языках следует искать языковые свидетельства древних контактов с пришлыми племенами металлургов. В то же время эти контакты растянулись на многие столетия: приход племен, владеющих тайнами металлургии, не был одномоментным, он осуществлялся в виде нескольких неоднородных импульсов. Среди них выделяются: 1) проникновение носителей ямной культурно-исторической общности; 2) обоснование на Южном Урале пришлых абашевской и синташтинской культур; 3) распространение сеймино-турбинского культурного феномена. Носители этих импульсов оставили следы своих миграций на огромных пространствах.

Займствования в финно-угорских языках, произошедшие в бронзовом веке, исчисляются десятками. Время займствования надежно устанавливается по закономерностям фонетических изменений в языках. Все они были сделаны из языков индоевропейской семьи. Четко прослеживается связь с языками индоиранской (арийской) ветви, а также с обособленной группой языков, условно называемых «тохарскими», происхождение которых является предметом исследований. К числу самых ранних займствований принадлежат, к примеру, названия мёда и пчелы. Они пришли из языков индоиранской ветви:

фин. *mete*, венг. *mez*, удм. *му* — «мёд»: др.-инд. *madhu* — «мёд»;

фин. *mehi-läinen*, коми *мази*, удм. *муш* — «пчела»: др.-инд. *mákṣ* — «пчела»; авест. *maxšī* — «муха».

Согласно закономерностям фонетических изменений займствование понятий «мёд» и «пчела» могло произойти не позднее середины III тысячелетия до н. э. Но кроме указаний на время в этих лексемах содержится и дру-

гая важная информация — о месте этого займствования. Биологи, изучая популяцию пчел, выявили их ареал в постледниковый период. Естественным путем медоносные пчелы распространились в Восточной Европе до Урала. Непреодолимыми для пчел оказались вершины Уральских гор, поросшие к тому же хвойными растениями. Поэтому в прафинно-угорском языке, ареалом которого была преимущественно Западная Сибирь, не было таких понятий, как «мёд» и «пчела». Так, в мансийском языке не разделяются понятия «пчела» и «овод», и оба вида насекомых называются одним словом *палум*. Человек также не мог завезти в Западную Сибирь пчел в бронзовом веке, так как пчела была одомашнена в Европе всего две-три тысячи лет назад, а в Западной Сибири она и вовсе появилась уже в Новое время. Для первой половины III тысячелетия до н. э. наиболее вероятным регионом арийско-прафинно-угорского контакта остается Южное Предуралье, западные склоны Уральских гор.

Наиболее ранние языковые контакты между индоевропейскими и прафинно-угорским языком начались в раннем бронзовом веке — в начале III тысячелетия до н. э. Они происходили в Южном Предуралье между представителями ямной культуры и прафинно-уграми, начинающими осваивать территории к западу от Уральских гор. В это же время контакты между представителями ямной культуры и племенами лесного пояса были возможны и в Южном Зауралье, в пограничье степной и лесостепной зон. Сношения между ними были довольно редкими и касались в основном определения территориальных границ и обмена продуктами собирательства. Индоевропейские слова, которые в процессе первых контактов перешли в прафинно-угорский язык, принадлежат раннеарийскому языку. Это позволяет предполагать раннеарийскую атрибуцию ямных памятников на Южном Урале.

С приходом на Южный Урал племен синташтинской и абашевской культур возрастает степень интенсивности контактов. Они обогащают формирующиеся финно-угорские языки важнейшими терминами. Среди них слова, касающиеся отношений родства, религиозных представлений, строительства переправ, числительные, понятия обмена, названия домашнего скота и продукции ткачества. Языковые факты показывают, что степное население говорило на индоарийском языке. Эти термины находят подтверждение и в культурных реалиях поселений «Страны городов». Индоарийский язык закрепляется на восточных склонах Южного Урала на весь бронзовый век. Влияние индоарийского языка здесь не прерывается в период бытования культур андроновского круга. Племена алакульской, федоровской, коптяковской и черкакульской культур продолжают говорить на индоарийском языке. Вероятно,

Древо индоевропейских языков
Tree of Indo-European languages

there is an ethnographic continuity between the population of the Stone Age Ural forest zone and Western Siberia and the modern Finno-Ugric peoples. Therefore, it can be assumed that one should look in the Finno-Ugric languages for the linguistic evidence for ancient contacts with the metallurgical tribe newcomers. These contacts lasted for many centuries: the arrival of the tribes, which knew the secrets of metallurgy, was not a onetime event; the contacts occurred in the form of several heterogeneous impulses. Among them, the following stand out: 1) the penetration of the Yamnaya community cultural-historical bearers; 2) the settlement of the alien Abashevskaya and Sintasht cultures in the South Urals; 3) the spread of the Seima-Turbino cultural phenomenon, the bearers of which left the traces of their migrations in vast territories.

The borrowings in the Finno-Ugric languages that occurred in the Bronze Age are in the tens. The borrowing time is reliably set according to the laws of phonetic changes in languages. All of the borrowings were taken from the languages of the Indo-European family. The connection is clearly traced with the languages of the Indo-Iranian (Aryan) branch and with a separate group of languages, conditionally called "Tochar", the origin of which is the subject of research. For example, among the earliest borrowings there are the names of honey

and bees. They came from the languages of the Indo-Iranian branch:

Fin. *mete*, Hung. *mez*, Udm. *му* — “honey”: other Ind. *madhu* u — “honey”;

Fin. *mehi-läinen*, Komi *мази*, Udm. *муш* — “bee”: other Ind. *máqs* — “bee”; Avest. *maxšī* — “fly”.

According to the laws of phonetic changes, the borrowings of the concepts of “honey” and “bee” could occur no later than in the middle of the third millennium BC. But besides the time indications, these lexemes contain other important information, the information about the place of these borrowings. Biologists studying the population of bees discovered where they lived in the postglacial period. In a natural way, honey bees spread in Eastern Europe up to the Urals. The peaks of the Ural Mountains, which were also overgrown with conifers, turned out to be insurmountable for the bees. Therefore, in the Pragino-Ugric language, of which was spread mainly in Western Siberia, there were no such concepts as “honey” and “bee”. Thus, in the Mansi language, the concepts of “bee” and “gadfly” are not separated and both types of insects are named by the same word *palum*. The people also could not bring bees to Western Siberia in the Bronze Age, since the bee was domesticated in Europe only two to three thousand years ago; in Western Siberia it only appeared in modern times. For the first half

некоторая часть заимствований из индоарийских языков происходит уже из андроновских культур. Эти выводы подтверждаются анализом индоиранского и «тохарского» субстрата в топонимике, который в действительности исчисляется единицами.

В период первой половины II тысячелетия до н. э. на Южном Урале не исключена возможность арийского двуязычия — индоарийского и праиранского. Праиранские племена приходят из Северного Причерноморья и Прикаспия позже индоарийских, и в одном случае праиранский топоним накладывается на предшествующее индоарийское название. Праиранское влияние усматривается в названиях гор западных склонов Южного Урала. Существенного воздействия на финно-угорские языки со стороны праиранского языка не отмечается. Это объясняется тем, что основная часть праиранцев продолжила мигрировать в южном направлении до Восточного Ирана, сохранив из пребывания в уральском регионе мифологические представления о горах Высокой Хары. Часть праиранцев могла смешаться с андроновским населением в южных и юго-восточных пределах андроновской культуры. Эта часть впоследствии могла принять участие в формировании восточно-иранских племен скифов, сако-массагетов и сарматов.

Синхронно с абашевско-синташтинским периодом на Среднем Урале отмечается влияние «тохарских» или «паратохарских» языков, особенно очевидное в области металлургии. Однако металлургические инновации очень скоро осваиваются алакульской и другими андроновскими культурами. «Алакульцы» также успевают оказать языковое влияние на название металлов в финно-угорских языках.

Изменение языковой ситуации происходит в финале бронзового века, датируемого концом II тысячелетия до н. э. Начало раннего железного века будет связано с распространением в зоне степей и лесостепей Южного Урала кочевых племен сарматов и саков, говорящих на восточно-иранских языках. Взаимные заимствования между иранскими и финно-угорскими языками будут исчисляться уже десятками. Название железа придет в финно-угорские языки из иранского сармато-аланского языка.

Тени предков (о методе восстановления лица по черепу и людях бронзового века, живших на территории Южного Урала и Зауралья)

Изучение костных остатков людей позволяет ответить на вопрос, какими были создатели и носители древних культур, как они питались, чем болели, какого они были антропологического типа. Исследование черепа предоставляет антропологу объективный инструмент для сравнений ин-

дивидов и групп, но цифры не дают представления о внешнем облике людей. Это способен сделать только метод восстановления лица по черепу М. М. Герасимова.

Для начала о расах. Человечество делится на популяции, которые можно объединить в крупные группы по сходству наследственных биологических признаков. Выделяются минимум три расовых ствола: азиатско-американский (монголоиды), евразийский (европеоиды) и экваториальный (негро-австралоиды). Каждый ствол (большая раса), подразделяется на ряд малых рас. Одна из них получила название «уральской», сочетающей признаки евразийской и азиатско-американской больших рас. Эти термины мы будем использовать далее, продвигаясь от начала бронзового века к его финалу. Наглядно проиллюстрировать расовые различия помогают реконструкции лиц жителей Урала бронзового века. Они помогают приблизить нас к людям далекого прошлого, создавая реальные образы их лиц. Главным в данном случае является достоверное, документальное изображение облика человека по костным остаткам, включая и воспроизведение исторической

**Мужчина ямной культуры
(начало III тысячелетия до н. э.).
Скульптурная реконструкция.
Могильник Кумсай.
Автор А. И. Нечвалода**

Man of the Yamnaya culture
(beginning of the third millennium BC). Sculptural reconstruction. Kumsai burial ground. Author A. I. Nechvaloda

of the III millennium BC, the South Cis-Urals. i.e., the western slopes of the Ural Mountains, is thus the most probable region of the Aryan-Prafin-Ugric contact.

The earliest linguistic contacts between the Indo-European and Praha-Ugric language began in the Early Bronze Age at the beginning of the III millennium BC. They took place in the South Cis-Urals between the representatives of the Yamnaya culture and the Prafin-Ugrians, who began to explore the territories west of the Ural Mountains. At the same time, the contacts between the representatives of the Yamnaya culture and the tribes of the forest belt were also possible in the South Trans-Urals, in the borderland of the steppe and forest-steppe zones. These contacts were rather rare and mainly concerned setting up the territorial boundaries and the exchange of gathered products. The Indo-European words, which in the process of the first contacts passed into the Pragino-Ugric language, belong to the Early Aryan language. This suggests the early Aryan attribution of the South Urals Yamnaya monuments.

With the advent of the Sintasht and Abashev tribes to the South Urals, the degree of contacts intensity increases. These contacts enrich the emerging Finno-Ugric languages with important terms. Among them are words meaning the relations of kinship, religious beliefs, construction of crossings, numerals, concepts of exchange, names of livestock and weaving products. The linguistic facts show that the steppe population spoke the Indo-Aryan language. These terms are also confirmed in the cultural realities of the "country of cities" settlements. The Indo-Aryan language settled on the eastern slopes of the South Urals for the entire Bronze Age. The influence of the Indo-Aryan language was not interrupted there over the life period of the Andronovo circle cultures. The tribes of the Alakul, Fedorovo, Koptyakovo and Cherkaskul cultures continued speaking the Indo-Aryan language. Probably, some of the borrowings from the Indo-Aryan languages came from the Andronovo cultures. These conclusions are supported by the analysis of the Indo-Iranian and "Toahara" toponymy substratum, which actually contains a very small number of words.

In the first half of the II millennium BC in the South Urals, the Aryan- Indo-Aryan and Prairanian bilingualism cannot be ruled out. The Prairan tribes came from the North Black Sea and Caspian Sea regions later than the Indo-Aryan tribes. One case is noted, when the Prairan toponym is superimposed on the previous Indo-Aryan name. The Prairan influence is seen in the names of the mountains in the South Urals western slopes. No significant impact of the Prairan language on the Finno-Ugric languages is noted. This is due to the fact that the main part of the Prairans continued migrating southward to Eastern Iran but preserved myths about the mountains of High Khara,

which they picked up during their stay in the Ural region. Part of the Prairans could mingle with the Andronovo population within the South and South-eastern borders of the Andronovo culture. This population could subsequently take part in the formation of the East Iranian Scythians tribes, Sako-Massagets and Sarmatians.

Synchronously with the Abashev-Sintasht period, the influence of the "Tochar" or "Paratohar" languages, which is especially obvious in the field of metallurgy, is noted in the Middle Urals. However, the Alakul and other Andronovo cultures soon mastered metallurgical innovations. The "Alakulians" also managed to exert a linguistic influence on the name of metals in the Finno-Ugric languages.

A change in the language situation occurs at the end of the Bronze Age, which is dated to the end of the II millennium BC. The beginning of the Early Iron Age was associated with the spread of the nomadic Sarmatian and Sak tribes who spoke the East Iranian languages in the zones of steppes and forest-steppes of the South Urals. The mutual borrowings between the Iranian and Finno-Ugric languages would number in the tens. The name of iron would come to the Finno-Ugric languages from the Iranian Sarmatian-Alanian language.

Shadows of ancestors (on the method of facial reconstruction on the skull and on the Bronze Age people who lived in the South Urals and Trans-Urals)

The study of the people's bony remains allows finding out what the creators and bearers of the ancient cultures were, what they ate, what illnesses they had and what their anthropological type was. The skull examination provides the anthropologist with an objective tool for comparing individuals and groups but the figures do not show people's external appearances. This can only be done by M. M. Gerasimov's method of facial reconstruction on the skull.

To begin with let's consider races. Humanity is divided into populations that can be combined into large groups according to the similarity of hereditary biological traits. There are at least three racial trunks: the Asian-American (Mongoloids), Eurasian (Caucasoids) and Equatorial (Negro-Austroloids) trunks. Each trunk (large race) is divided into a number of small races. One of them was called the "Ural" race combining the characteristics of the Eurasian and Asian-American large races. We will further use these terms while moving from the beginning of the Bronze Age to its end. The facial reconstructions of the Bronze Age Ural inhabitants help illustrate the racial differences. They help bring us closer to the people of the distant past by creating the real images of their faces. The main thing in this case is a reliable documentary image of the human appearance on the bone remains, as well as the reconstruction of the historical attributes,

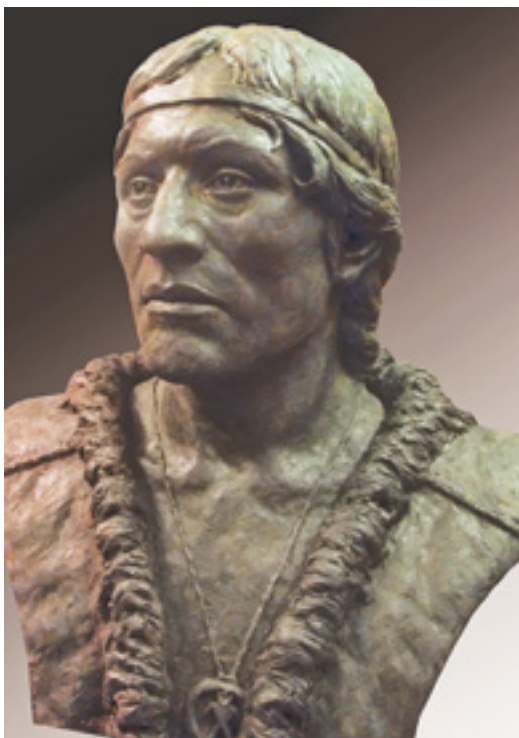
атрибутики, в частности одежды, прически, характерных для определенной эпохи, возрастного, социального статуса, полученных из археологических источников.

Первыми в этом списке будут представители восточного фланга ямной общности. Антропологические данные указывают, что в составе этой популяции были два комплекса краниологических признаков — средиземноморский и варианты протоевропейского европеоидного краниологического типа. Анализ ямных черепов демонстрирует их сходство в первую очередь с черепами эпохи неолита казахстанских степей, то есть основные краниологические особенности могли быть унаследованы от местных древних популяций.

Финал средней бронзы в Приуралье и Зауралье — это настоящий плавильный котел племен, народов и культур, представлявших разное сочетание антропологических признаков. Антропологические материалы из синташтинских могильников позволяют говорить о поразительном разнообразии популяции — результате смешения разных по генетике групп. Брачные контакты европеоидных мигрантов и местного населения приводили к повышению уралоидности. Автохтонное население, вероятно, имело древнеуральское происхождение и включало в себя коллективы как степного, так и лесостепного происхождения.

Срубно-андроновский период представлен многими археологическими культурами и столь же многочисленными памятниками к западу (срубный ареал) и востоку от Урала

Мужчина
финала брон-
зового века
(XIV–XII века
до н. э.).
Скульптурная
реконструк-
ция. Могиль-
ник Шатро-
во I. Автор
А. И. Нечва-
лода
Man
of the Bronze
Age end (XIV–
XII centuries
BC). Sculptural
reconstruction.
Shatrovo
burial ground I.
Author
A. I. Nechva-
loda

(андроновский ареал). На андроновских материалах выделено несколько краниологических вариантов (в рамках европеоидной расы), различающихся соотношением длины и ширины черепной коробки, высотой лица и пр.: протосредиземноморский, протоевропейский южноевропеоидный и др. В отдельных случаях прослеживаются признаки уралоидности.

Огромные по масштабам материалы накоплены для срубной общности с ее крупными некрополями и многомогильными курганами. Мужчины-срубники обладали крупным удлинённым черепом с сильно выступающим носом и «острым», хорошо профилированным лицевым скелетом. Измерение костей скелета позволяет говорить и о высоком росте срубников. В свете огромности территории неудивительно отсутствие единого антропологического типа. Часть популяции явно имеет глубокие местные корни, восходящие к энеолиту и раннему бронзовому веку. Несмотря на некоторые различия, речь идет о вариантах европеоидной расы.

«Темные» века перехода от эпохи бронзы к эпохе железа — не самый информативный период с археологической точки зрения, некоторыми антропологическими материалами мы располагаем. Есть и скульптурные реконструкции по двум черепам (могильники Лисаковский I и Шатрово I). Оба мужчины принадлежали к европеоидной расе, имели хорошо профилированный рельеф лица.

Таким образом, в состав населения ранней, средней и поздней бронзы входили преимущественно представители различных типов древних европеоидов, разных по происхождению. Важную роль играли процессы метисации с носителями уралоидного антропологического комплекса. В наступающую эпоху ранних кочевников будет складываться новый антропологический «ландшафт». На территории региона появятся популяции с чертами монголоидного расового типа.

Завершая краткий экскурс по Южному Уралу бронзового века, заметим, что в его изучении наряду с большими успехами остается немало белых пятен. Несомненно лишь его историческое значение в локальной и глобальной истории — это время первых колесных повозок, первых курганов, первых рудников, зарождения архитектуры и т. д. Среди главных черт эпохи — экономическая революция, обусловленная переходом от присвоения к производству продуктов питания, и начало добычи медных руд и выплавки металла. Так, Южный Урал стал одним из немногих горно-металлургических центров своего времени. В результате изменились все сферы: система жизнеобеспечения, социальные отношения, технология, транспорт, идеология, включение региона в общеевразийскую систему и т. д.

such as clothing and hairstyles characteristic of a particular era, age and social status, which are obtained from archaeological sources.

The first on this list will be the representatives of the eastern flank of the Yamnaya community. The anthropological data indicate that in this population, there were two types of craniological traits, the Mediterranean type and the variants of the Protoeuropean Caucasoid European craniological type. The analysis of the Yamnaya skulls demonstrates their similarity primarily to the skulls of the Neo-Eneolithic era Kazakhstan steppes, that is, the main craniological features could be inherited from the local ancient populations.

The end of the Middle Bronze Age in the Urals and Trans-Urals was a real melting pot of tribes, peoples and cultures representing different combinations of anthropological features. The anthropological materials from the Sintasht burial grounds allow speaking about the amazing diversity of the population, which resulted from the mixture of different genetics groups. The marriage contacts of the Caucasian migrants and local population led to an increase in uraloidity. The autochthonous population was probably of the ancient Ural origin and included groups of both, steppe and forest-steppe origin. The log-house-Andronovo period is represented by many archaeological cultures and by equally numerous monuments in the West (log-house area) and East of the Urals (Andronovo area). Several craniological variants (within the European race, such as proto-Mediterranean, proto-European South European, etc.) were distinguished in the Andronovo materials that differ in the ratio of the length and width of the cranium, face height, etc.

A great lot of materials has been accumulated for the log-house community with its large necropolises and multi-grave barrows. The men of this community had a large elongated skull with a strongly protruding nose and a "sharp", well-shaped facial skeleton. The measurements of the skeleton bones show that the log-house culture people were probably rather tall. Taking into account the vast territory, it is not surprising that there were several anthropological types. Part of the population obviously had deep local roots dating back to the Eneolithic and Early Bronze Age. Despite some differences, we are speaking about the variants of the Caucasian race.

The "dark" centuries of transition from the Bronze Age to the Iron Age are not the most informative periods from the archaeological point of view. But we do have some anthropological materials at our disposal. There are also sculptural reconstructions of two skulls (the burial grounds Lisakovsky I and Shatrovo I). Both men belonged to the Caucasian race and had a well-shaped face relief.

Thus, the population of the Early, Middle, and Late Bronze Age consisted mainly of the various type ancient Caucasian representatives of different origin. The important role was

Женщина синташтинской культуры (рубеж III — II тысячелетие до н. э.).
Скульптурная реконструкция. Могильник Танаберген II. Автор А. И. Нечвалода
Woman of the Sintashta culture (the turn of the 3rd — 2nd millennium BC). Sculptural reconstruction. Burial ground of Tanabergen II. Author A. I. Nechvaloda

Женщина ямной культуры (начало III тысячелетия до н. э.).
Скульптурная реконструкция. Могильник Александровский IV. Автор А. И. Нечвалода
Woman of the Yamnaya culture (beginning of the third millennium BC). Sculptural reconstruction. Burial ground of Alexandrovsky IV. Author A. I. Nechvaloda

played by the processes of crossbreeding with the bearers of the uraloid anthropological complex. In the coming era of the early nomads, a new anthropological "landscape" would be formed. In the region, populations with the features of the Mongoloid racial type would appear.

Concluding a brief excursion to the South Urals of the Bronze Age, we note that in its study, along with a lot of success cases, there are many white spots. What goes without saying is only the Bronze Age South Urals historical significance in the local and global history. That was the time of its first wheeled carts, first barrows, first mines, architecture birth, etc. Among the main features of the era is the economic revolution that was caused by the transition from the appropriation to production of food and by the beginning of excavating copper ores and metal smelting. The South Urals thus became one of the few mining and metallurgical centres of its time. As a result, all spheres of life changed including the life support system, social relations, technology, transport, ideology, etc. The region was included into the pan-Eurasian system.

А. Д. Таиров.
**ЮЖНЫЙ УРАЛ
В ЭПОХУ
РАННИХ
КОЧЕВНИКОВ**

3

А. D. Tairov.
**THE SOUTH
URALS
IN THE ERA
OF THE EARLY
NOMADS**

Река Сухарыш, Увельский район, Челябинская область.
Фото: А. Таиров
The Sukharysh River.
Uvelsky District, Chelyabinsk Oblast. Photo: A. Tairov

Глава 3. **ЮЖНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ**

Введение

В изучении исторических процессов, протекавших в Древности и Средневековье в евразийских степях, особое место принадлежит Южному Зауралью. Это обусловлено тем, что любое крупное перемещение кочевников с востока степной Евразии на запад или с запада на восток проходило, в силу географических особенностей степного пояса, через Южное Зауралье. Древности этого региона отразили динамику взаимодействия населения восточной и западной частей евразийских степей. На этой территории осуществлялся сплав привнесенных переселенцами традиций Востока и Запада, здесь зарождались новые этнокультурные образования, сыгравшие в дальнейшем свою роль в древней истории западной части Евразии, особенно Восточной Европы.

Вместе с тем степи Южного Зауралья являлись составной частью системы «оазис–степь–лесостепь», включавшей три основные подсистемы: государственные образования оседло-земледельческих обществ Центральной (Средней) Азии, кочевые объединения урало-казахстанских степей и оседлые и полuosедлые образования лесостепи. Естественно, каждая из названных подсистем имела свою специфику, присущие только ей особенности и закономерности развития. Однако, входя в систему взаимоотношений, любая из этих подсистем так или иначе влияла на другие и в свою очередь испытывала обратное воздействие. Ключевым звеном в этой системе, звеном, объединяющим систему, были кочевники урало-казахстанский степей, в частности номады Южного Зауралья.

Южное Зауралье в раннесакскую эпоху (VIII–VI века до нашей эры)

Переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку в степях Центральной Евразии от Урала до Иртыша характеризовалось прогрессирующим потеплением и пониженной по сравнению с современностью увлажненно-

стью. Сложившаяся в степной зоне аридная экологическая ситуация вызвала отток значительной части населения в соседние регионы, прежде всего в лесостепные районы Западной Сибири и предгорья Алтая и отчасти в земледельческие области Центральной (Средней) Азии. Оставшееся немногочисленное население степей концентрировалось в районе горных массивов Северного и Центрального Казахстана, предгорьях Южного Урала. Эти группы смогли адаптироваться к новым условиям, перейдя к ведению

Chapter 3. **THE SOUTH URALS IN THE ERA OF EARLY NOMADS**

Introduction

In the study of the historical processes of Antiquity and the Middle Ages in the Eurasian Steppe, a special place belongs to the South Trans-Urals, as any major movement of nomads from the east of the Eurasian Steppe, to the west or from the west to the east passed through the South Trans-Urals due to the geographical features of the steppe belt. The antiquities of this region reflected the dynamics of the interaction between the eastern and western parts of the Eurasian Steppe population.

In this territory, the East and West traditions brought by the immigrants were fused; there emerged new ethnical-cultural formations, which later played their role in the ancient history of western Eurasia and, especially, Eastern Europe.

At the same time, the South Trans-Urals steppes were an integral part of the oasis–steppe–forest–steppe system, which included three main subsystems: the state formations of the settled agricultural communities of Central (Middle) Asia, the nomadic associations of the Ural-Kazakhstan steppes,

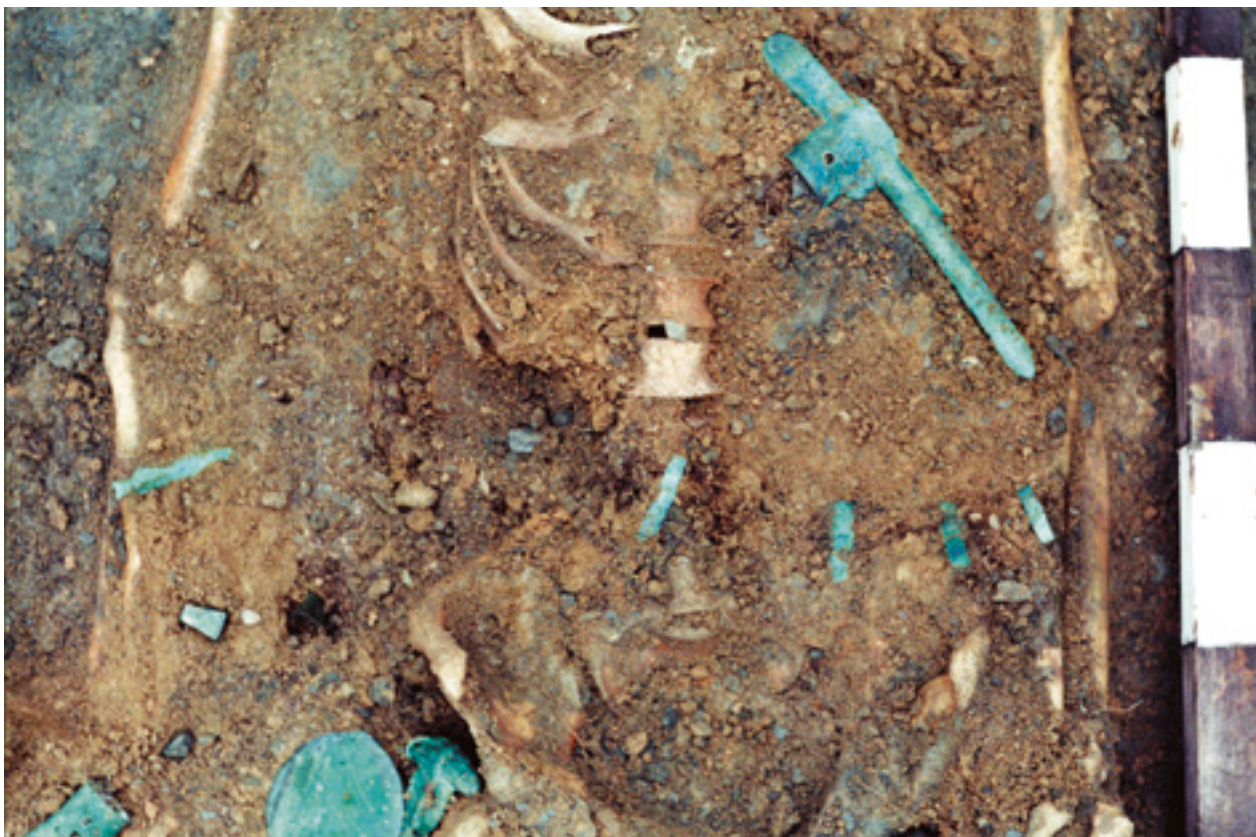

Раскопки кургана раннесакского времени. Могильник Кичигино I (вторая половина VII века до н. э.)

Excavations of the Early Saka period barrow. The Kichigino I burial ground (second half of the VII century BC)

**Предметы
вооружения.
Погребение
знатного
воина ранне-
сакского
времени
(VII–VI века
до н. э.)
Могильник
Иртыш-14**
Burial of a noble
warrior
of the Early
Saka time.
The Irtyash-14
burial ground
Weapons (VII–
VI centuries BC)

хозяйства, основанного на различных формах специализированного скотоводства. Практиковалось, где это было возможно, земледелие.

Улучшение экологических условий в начале раннего железного века привело к тому, что в VIII–VII веках до н. э. степи от Южного Урала до Иртыша после долгого периода относительного запустения были вновь освоены носителями трех родственных культур — тасмолинской Центрального Казахстана, улубаевско-тасмолинской Северного Казахстана и бобровско-тасмолинской Южного Зауралья, — входившими в тасмолинскую историко-этнографическую общность. Основное ядро носителей этих культур составили выходцы из Внутренней Азии (Северный и Северо-Западный Китай и Монголия).

Движение кочевых племен Внутренней Азии за пределы этой области проходило, вероятно, в несколько этапов, имело различную интенсивность и было направлено в разные регионы. Первое, возможно, незначительное по своим масштабам переселение началось, очевидно, в конце IX века до н. э. и было направлено главным образом в горные районы Алтая. Более массовый характер миграция в этот регион приобрела в начале VIII века до н. э. Вторая, более массовая волна миграций произошла, скорее всего, в конце VIII века до н. э. или на рубеже VIII–

as well as the settled and semi-settled formations of the forest-steppe. Naturally, each of the aforementioned subsystems had its own specifics, particular features and development patterns. However, entering a relationship system, any of these subsystems in one way or another influenced the others and, in turn, experienced a reciprocal effect. The key link in this system, the link uniting the system was the nomads of the Ural-Kazakhstan steppe, in particular the nomads of the South Trans-Urals.

The South Trans-Urals in the Early Saka era (VIII–VI centuries BC)

The Late Bronze Age–Early Iron Age transition in the steppes of Central Eurasia between the Urals and the Irtysh River was characterized by progressive warming and reduced moisture as compared to modern times. The arid ecological situation in the steppe zone caused an outflow of a significant part of the population to neighbouring regions, primarily to the forest-steppe regions of Western Siberia and the Cis-Altai foothills and partly to the agricultural regions of Central (Middle) Asia. The remaining small groups of the steppe population were concentrated in the mountains of north-central Kazakhstan and on the foothills of the South Cis-Urals. These groups were able to adapt to the new conditions

by moving on to farming based on various forms of specialized cattle breeding. Agriculture was practiced where possible.

Improvement in the environmental conditions at the beginning of the Early Iron Age led to the fact that in the VIII–VII centuries BC after a long period of relative desolation, the steppes between the South Urals and the Irtysh River were again explored by the bearers of three related cultures of Central Kazakhstan Tasmola, Northern Kazakhstan Ulubaev-Tasmola and South Trans-Urals Bobrov-Tasmola. The main core of these people, who belonged to the Tasmola historical and ethnographic community consisted of the migrants from Inner Asia (North and Northwest China and Mongolia).

The movements of the Inner Asia nomadic tribes out of their area probably took place in several stages, had different intensities and were directed to different regions. The first possibly insignificant in scale resettlement probably began at the end of the IX century BC and headed mainly to the mountainous Altai region. The migration to this region got more massive at the beginning of the VIII century BC. The second, more massive wave of migration most likely occurred at the end of the VIII century BC or at the turn of the VIII–VII centuries BC. This migration wave covered much larger territories and seemed to go in two ways. One group of the nomads passed through the Dzungarian gate, Alakol depression, Semirechye

Горит.
Погребение
раннесакско-
го времени.
Могильник
Кичигино I
Gorita. Burial
of the Early
Saka time.
The Kichigino I
burial ground

VII веков до н. э. Она охватила более обширные территории и проходила, как представляется, двумя путями. Одна группа кочевников прошла через Джунгарские ворота, Алакольскую котловину, Семиречье и Южный Казахстан и достигла низовий Сырдарьи и Амударьи. Путь другой группы пролегал через Джунгарскую впадину и долину Черного Иртыша, вдоль западных (Восточный Казахстан) и северо-западных предгорий Алтая в Центральный и Северный Казахстан и далее в степи Южного Зауралья. Отдельные группы мигрантов этой волны проникли, очевидно, и в районы Горного Алтая.

Общие пути расселения родственных групп кочевников в конце VIII века до н. э. или на рубеже VIII–VII веков до н. э. явились основой близости погребальных памятников перечисленных выше регионов, отмечаемой многими исследователями. Состав мигрантов был, по всей вероятности, весьма неоднороден. Возможно, первую волну переселенцев составили носители традиции «скорченных погребений» — у них умерший помещался в погребальную камеру в скорченном положении, то есть на бок с согнутыми в коленях ногами. Вторая волна охватила главным образом носителей традиции «вытянутых погребений» — умерший укладывался на спину в вытянутом положении с руками, как правило, вдоль тела.

Смещение же мигрантов с местным населением — носителями культурных традиций эпохи бронзы, имевшими свои, региональные особенности в погребальной обрядности, — привело к формированию некоторых особенностей культур раннесакского времени того или иного региона. Однако немногочисленное, в силу неблагоприятных экологических условий, местное население Южного Зауралья, так же как население Северного и Центрального Казахстана, очевидно, не смогло оказать существенного влияния на погребальные традиции пришельцев. Поэтому, как представляется, и не прослеживается почти никакой преемственности в погребальной обрядности населения эпохи поздней бронзы и раннесакского времени этих территорий.

Причина неоднократных миграций населения из Внутренней Азии в ту далекую эпоху кроется не столько в политических событиях на границах Китая и кочевого мира, сколько в изменении экологических условий в степях Монголии, Северного и Северо-Западного Китая. Период около рубежа II–I тысячелетий до н. э. в степях Внутренней Азии, так же как и в урало-казахстанских степях, в Приаралье, Семиречье, на Алтае, характеризуется как эпоха с достаточно выраженными аридными климатическими условиями. В дальнейшем эпохе ярко выраженного экологического кризиса в степях Монголии и периода опустынивания Северного и Северо-Западного

Антропологическая реконструкция мужчины раннесакского времени по материалам погребения знатного воина. Могильник Иртыш-14 (VII–VI века до н. э.). Автор А. И. Нечвалода

Anthropological reconstruction of a man of the early Saka time based on the materials of a noble warrior burial. The Irtyash-14 burial ground (VII–VI centuries BC). Author A. I. Nechvaloda

Китая соответствуют оптимальные экологические условия в Центральном Казахстане, Южном Зауралье и Южном Приаралье. Эти изменения природно-климатических условий и обусловили в эпоху близ рубежа VIII–VII веков до н. э. миграцию кочевого населения Внутренней Азии в регионы с более благоприятными экологическими условиями, прилегающие к ней с севера и северо-запада.

Основой сложения общности культур ранних кочевников Казахстана и Центральной Азии, в том числе тасмолинской историко-этнографической общности, явилась пастбищно-кочевая система, или система посезонного распределения пастбищ и водных источников. Ею же во многом было обусловлено и взаимодействие кочевников Южного Урала с окружающим миром как в раннесакское время, так и в последующие эпохи.

and South Kazakhstan and came to the lower reaches of the Syr Darya and Amu Darya rivers. Another group moved through the Dzungarian depression and the Black Irtysh valley, along the Cis-Altai western (East Kazakhstan) and north-western foothills to Central and Northern Kazakhstan and further to the South Trans-Ural steppes. Some of these migrating groups apparently penetrated into the regions of the Altai Mountains.

At the end of the VIII century BC or at the turn of the VIII–VII centuries BC common settlement paths of related nomad groups formed the basis for the similarity of the funerary monuments in the abovementioned regions that was noted by many researchers. The composition of the migrants was most likely very heterogeneous. Perhaps, the first migration wave included the bearers of the “crouched burials” tradition, by which the deceased was placed in the burial chamber in a crouched position, that is on his/her side, legs bent at the knees. The second migration wave included mainly the bearers of the “extended burials” tradition, by which the deceased was laid out in a fully extended supine position, arms by the side of the body.

Mixing of the migrants with the local population who were the bearers of the Bronze Age cultural traditions with their own regional funeral ritual peculiarities led to the formation of certain regional specifics of the Early Saka cultures. However, the local population of the South Trans-Urals, which were not that numerous due to adverse environmental conditions, as well as the population of Northern and Central Kazakhstan obviously, could not have significant impacts on the funeral traditions of the aliens. Therefore, in these territories, one can notice almost no continuity in the funerary rituals of the Late Bronze Age and Early Saka periods population.

In that distant era, the repeated population migrations from Inner Asia was not so much due to the political events on the borders of China and the nomadic world; it was rather due to the environmental change in the steppes of Mongolia and in North and North-West China. In the Inner Asia steppes, Ural-Kazakhstan steppes, as well as in the Cis-Aral, Semirechye and Altai regions, the period near the turn of the II–I millennia BC is considered to be the era of rather pronounced arid climatic conditions. Later, when in the steppes of Mongolia, there was a pronounced ecological crisis and northern and north-western China were going through the period of desertification, in Central Kazakhstan, the South Trans-Urals and South Cis-Aral region, there developed optimal environmental conditions. In the period close to the turn of the VIII-VII centuries BC, these climatic changes caused the Inner Asia nomadic population to migrate to the regions with more favourable environmental conditions that were adjacent to Inner Asia in the north and north-west.

The basis for the formation of the cultural similarity of the Kazakhstan and Central Asia early nomads including

the Tasmola historical and ethnographic community was the nomadic pasture system, i.e., the seasonal system of pastures and water sources distribution. This distribution system also largely determined the interaction of the South Ural nomads with the outside world, both in the Early Saka time and in the subsequent periods.

The main wintering area for the early nomads who lived in the steppes between the Urals and the Irtysh River, the South Ural nomads included, was a band of deserts and foothills stretching from the Caspian Sea in the west to the lakes Balkhash and Alakol in the east. In winter this area was inhabited by the nomadic population from the steppes and semi-deserts of the Ural-Irtysh interfluvium, as well as by the -nomads and semi-nomads from Central Asia. This prompted the development of communication between the kin nomadic tribal groups, which were separated and isolated by the vastness of the steppe territories at other times of the year.

The nomads of the Ural-Kazakhstan steppes and semi-deserts who migrated to the Central Asian deserts for the winter interacted with the nomadic and semi-nomadic population who lived there permanently and were not necessarily ethnically distinct from the migrants. They could partially consist of the nomad or tribal communities that for some reason were nomadizing around there or leading a semi-nomadic

Бляха с изображением свернувшегося в кольцо кошачьего хищника. Клад на берегу озера Травакуль (VII–VI века до н. э.). МНТУ ЮУрГУ

Plaque depicting a feline predator curled into a ring. The treasure on the shores of the Travakul Lake (VII–VI centuries BC). ISTU SUSU

Основным районом зимовок ранних кочевников степей от Урала до Иртыша, в том числе и номадов Южного Урала, являлась полоса пустынь и предгорий, протянувшаяся от Каспийского моря на западе до озер Балхаш и Алаколь на востоке. Здесь в зимний период концентрировалась основная масса кочевого населения степей и полупустынь Урало-Иртышского междуречья, кочевников и полукочевников Центральной Азии, что способствовало общению между родственными кочевыми племенными объединениями, в другое время года разобщенными и обособленными обширностью степных территорий.

Перекочевывающие на зиму в центральноазиатские пустыни номады урало-казахстанских степей и полупустынь взаимодействовали с кочевым и полукочевым населением, обитавшим здесь постоянно. Это население не всегда было этнически отличным от них. В его состав могла входить часть кочевой народности или племенного объединения, по тем или иным причинам кочующая здесь или осевшая и ведущая полукочевой или оседлый образ жизни. Встречи кочевников, занимавших различные регионы степей меж-

ду Уралом и Иртышом, происходили не только на зимовках, но и в местах летовок.

Контакты ранних кочевников урало-казахстанских степей и номадов центральноазиатских пустынь и предгорий, обусловленные концентрацией их в зоне пустынь, на местах зимних пастбищ, расположением летовок отдельных групп в непосредственном соседстве, определили быструю передачу новшеств в области материальной культуры, особенно вооружения и конской упряжи. Единая же генетическая основа и близкий уровень социально-экономического развития способствовали этим контактам, облегчали заимствования не только в материальном производстве, но и в духовной сфере. Все это в конечном счете приводило к нивелировке культур ранних кочевников из различных регионов азиатской части степной Евразии, входящих в единую сакскую историко-этнографическую область.

Именно природные условия, которые являлись главным обстоятельством при выборе номадами урало-казахстанских степей маршрутов своих сезонных переко- чевков, мест летних и зимних пастбищ и, в конечном счете,

Стрелы и бляшка. Погребение
раннесакского времени.
Могильник Кичигино I
Arrows and a plaque.
Early Saka time burial.
The Kichigino I burial ground

or sedentary lifestyle. The nomads that lived in different steppe regions between the Urals and the Irtysh River crossed paths not only in wintering places, but also in summering locations.

The contacts of early nomads from the Ural-Kazakhstan steppes and from the Central Asian deserts and foothills, which occurred due to the nomad concentration in the desert zone and in winter pasture sites, as well as due to the close neighbourhood of the summering locations of individual groups, led to the rapid transfer of innovations in the field of material culture; especially it concerned weapons and horse harness. The same genetic basis and close level of social and economic development boosted these contacts and facilitated borrowings not only in the domain of material production but also in the spiritual sphere. In the long run, all this led to the cultural levelling of the early nomads from various regions of the Steppe Eurasia Asian part that were united into the Saka historical and ethnographic space.

It was the natural conditions, that were the main reason for the Ural-Kazakhstan steppe nomads to select the routes of their seasonal migrations, as well as to choose their summer and winter pastures, and that ultimately caused the nomads to enter the Tasmola historical and ethnographic community and determined the similarity of their rites and inventory, which is quite clearly traced in the analysis of the burial monuments in the South Trans-Urals and in Northern and Central Kazakhstan.

The location of the winter pastures of the Tasmola community nomads in the immediate vicinity of the lower reaches of the Syr Darya River led to their close contacts with the Syr Darya Saks, who were part of a different historical and ethnographic community. Describing the contacts between the South Trans-Ural nomads and the tribes of the lower reaches of the Syr Darya River, we first of all note that these contacts were direct and interactive (mutually influential). In the adjacent territories, the contacts took place mainly during the wintering period, that is periodically, and probably embraced wide sections of the society. As for the character of the contacts, they could be both peaceful, and military caused by the struggle for better pastures, attempts to enrich themselves at the expense of the neighbours, etc. From the functional point of view, these contacts were most likely not only economic or technological, but also potestarian-political and spiritual-ideological. The borrowings were mainly samples of weapons and horse harnesses. Potestarian-political contacts were expressed in forming unions, making agreements, sending embassies, etc. These spiritual and ideological contacts resulted in the dissemination of similar cult objects, in particular altars and mirrors, and in the art similarity of the interacting societies.

Assuming that the nomadic cycle "Cis-Aral-Cis-Ural" existed already in the VII-VI centuries BC, we can conclude that the South Trans-Urals nomads directly contacted the Amu

Darya Saks in the summering places of the South Cis-Ural eastern and northern regions. In such a case, the character, methods and functional orientation of the contacts of the South Trans-Ural nomads with the nomadic tribes of the South Cis-Aral region (the lower reaches of the Amu Darya River) did not differ much from their contacts with the Saks of the south-east Cis-Aral region (the lower reaches of the Syr Darya River).

While the relations of the South Trans-Ural nomads with the nomads and semi-nomads of Central Asia and, in particular of the Cis-Aral region were due to the locations of their winter pastures, their relations with the forest-steppe tribes of the Trans-Urals and Western Siberia were conditioned by the locations of their summering places. Coming to the summering sites, the nomads contacted in various ways, including military clashes with the semi-nomadic population of the forest-steppe that strove to use the rich pastures of the steppe zone.

Based on the archeological data and written sources of the Middle and New Ages, as well as taking into account the ethnographic materials on the peoples of the Urals and Western Siberia that were nomadic and semi-nomadic not so long ago, we can claim that in the 1st millennium BC, the contacts of the early steppe nomads with the forest-steppe population were very diverse in form, intensity, width, depth, nature, method and functional orientation. They could be permanent, periodic or episodic, embrace either all sectors of the society, or its individual strata and appear in the form of interaction and (or) impact. By their nature and method, these contacts could be military or peaceful, migrational and infiltrational. The migrational contacts resulted from the movements of relatively large people groups; the infiltrational contacts resulted from the movements of small groups or even individuals (for example, the movements that occurred due to mixed marriages, inclusion of foreigners in military squads, etc.). All contacts can be divided into business contacts including the division of labour between the contacting societies, social (mass and elite), political, cultural, and ideological contacts. All these contact types changed in time and space in accordance with specific evolving and changing circumstances. At one and the same time, the types of contacts with different groups of the population (bearers of the Gorokhov, Itkul, and Sargat cultures of the forest-steppe Trans-Urals) could be different. The contacts with the same population group could also be different at different times. Every particular historical period was characterised by its own prevailing types of contacts. It depended on many subtle nuances that are currently difficult to reveal.

In relatively stable periods, permanent economic contacts evidently dominated and included trade and exchange, as well as infiltrations, such as marriages, relationships that embraced both the elite, and ordinary population. In such periods,

стали причиной вхождения их в тасмолинскую историко-этнографическую общность, определили то сходство обряда и инвентаря, которое достаточно отчетливо прослеживается при анализе погребальных памятников Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана.

Расположение зимних пастбищ кочевников тасмолинской общности в непосредственной близости от низовьев Сырдарьи обусловило их тесные контакты с сырдарьинскими саками, входившими в другую историко-этнографическую общность. Характеризуя контакты между южнозауральскими номадами и племенами низовий Сырдарьи, отметим прежде всего, что они были непосредственными и выступали в форме взаимодействия (взаимовлияния). Осуществлялись они главным образом в период зимовки на сопредельных территориях, то есть периодически, и охватывали, вероятно, широкие слои общества. По способу осуществления контакты могли быть как мирными, так и военными, связанными с борьбой за лучшие пастбища, со стремлением обогатиться за счет соседей и т. п. С функциональной точки зрения контакты эти были, скорее всего, не только хозяйственными, вернее, технологическими, но и потестарно-политическими и духовно-идеологическими. Заимствовались в основном образцы вооружения и конской упряжи. Потестарно-политические контакты выражались в заключении союзов, договоров, в отправке посольств и т. п. Результатом духовно-идеологических контактов являлись распространение однотипных предметов культа, в частности жертвенников и зеркал, близость искусства контактирующих обществ.

Исходя из предположения о существовании уже в VII–VI веках до н. э. кочевого цикла «Приаралье — Приуралье», можно сделать вывод, что кочевники Южного Зауралья вступали с амударьинскими саками и в непосредственные связи на местах летовок, в восточных и северных районах Южного Приуралья. В таком случае по своему характеру, способу осуществления и функциональной направленности контакты номадов Южного Зауралья с кочевыми племенами Южного Приаралья (низовья Амударьи) мало отличались от контактов с саками Юго-Восточного Приаралья (низовья Сырдарьи).

Если одно направление связей южнозауральских номадов — с кочевниками и полукочевниками Центральной Азии и, в частности, Приаралья — было обусловлено расположением зимних пастбищ, то другое — с лесостепными племенами Зауралья и Западной Сибири — местонахождением летовок. Приходя на них, кочевники вступали в разнообразные контакты, в том числе военные, с полукочевым населением лесостепи, стремившимся к использованию богатых пастбищных возможностей степной зоны.

Исходя из данных археологии и письменных источников эпохи Средневековья и Нового времени, а также принимая во внимание материалы этнографии кочевых и полукочевых в недавнем прошлом народов Урала и Западной Сибири, можно констатировать, что в I тысячелетии до н. э. контакты ранних кочевников степи с населением лесостепи были весьма разнообразны по форме, интенсивности, широте и глубине, по своему характеру, способу осуществления и функциональной направленности. Они могли быть постоянными, периодическими или эпизодическими, охватывать все слои общества или отдельные его страты, выступать в форме взаимодействия и (или) воздействия. По своему характеру и способу осуществления эти контакты могли быть военными или мирными, миграционными и инфильтрационными. Миграционные контакты — результат перемещения относительно больших групп людей; инфильтрационные — результат перемещения небольших групп или даже отдельных лиц (например, при смешанных браках, включении в военную дружину иноплеменников и т. п.). Контакты можно разделить на хозяйственные, включая разделение труда между контактирующими обществами, социальные (массовые и элитарные), потестарно-политические и культурно-идеологические. Все эти типы контактов менялись во времени и пространстве в соответствии с конкретными складывающимися и меняющимися обстоятельствами. В одно и то же время типы контактов с разными группами населения (носителями гороховской, иткульской, саргатской культур лесостепного Зауралья) могли быть разными. Различными в разное время могли быть и контакты с одной и той же группой населения. На том или ином отрезке истории преобладали те или иные типы контактов. Это зависело от множества трудно уловимых в настоящее время нюансов.

В относительно стабильные периоды преобладали, очевидно, постоянные хозяйственные, в том числе торгово-обменные контакты, инфильтрации, включая брачные связи, охватывающие не только элитарные, но и рядовые слои населения. В такие периоды открывались значительные возможности и для культурно-идеологических контактов, проводниками которых в обществах лесостепи выступала родоплеменная верхушка, связанная своим происхождением с кочевым миром. В периоды же политической и экологической нестабильности преобладали, скорее всего, потестарно-политические контакты военного характера, сопровождавшиеся миграционными (включение в состав того или иного объединения достаточно крупных групп инородного населения).

Однако в VIII — начале VII века до н. э. зауральская лесостепь была еще слабо связана с формирующимися культурами тасмолинской общности степей Зауралья

significant opportunities for cultural and ideological contacts also opened up, which in the forest-steppe societies were conducted by the kintribal elite originated from the nomadic world. In the periods of political and environmental instability, the potestarian-political contacts of a military nature most likely prevailed, which were accompanied by migratory processes (inclusion of fairly large groups of foreign population in different associations).

However, in the VIII — early VII century BC, the Trans-Ural forest-steppe was still weakly connected with the emerging cultures of the Tasmola community of the Trans-Urals and Kazakhstan steppes. It retained its own internal relationships and in the North, it experienced the pressure of the forest-origin cultures. However, already in the VII century BC, the impact of the steppe Saki world on the forest-steppe population increased significantly. The favourable climatic conditions of the VII–VI centuries BC contributed to the widespread exploration of the steppe and south forest-steppe zones by the nomads. Judging by the location of the barrows, the early nomads of that time occupied very vast territories in the modern Trans-Ural-West Siberian forest-steppe. In the South Trans-Urals, they embraced the entire modern south forest-steppe up to the Miass River in the north. Obviously, the Miass River served as a natural border that separated the forest-steppe Trans-Ural population from the nomadic world.

At the turn of the VIII–VII centuries BC in the South Trans-Ural forest-steppe, the first townlike settlements appeared. First the Gamayun, then the Itkul settlements were built. Among all the reasons for the settlement construction, like the need to settle on the developed lands (important for the Gamayun community) or the needed to protect the means of metallurgical production, technical secrets and manufactured objects (priority for the Itkul community), the main determining reason was the need for effective defence from the nomads.

Evidence for the contacts of the forest-steppe population with the steppe population in the VII–VI centuries BC are given by the findings from the large and small ancient settlements located in the forest-steppes of the Trans-Urals, Cis-Tobol River and Tobol-Irtysh interfluvium. Probably, there was a direct penetration of the military contingents of the nomads far deep into the forest-steppe. However, no matter these penetrations, the nomads did not settle in this zone. The nomad burials left in this region seem to only mark the extreme limits of their summer movements being kinds of “sphere of interests” symbols.

What attracted the South Ural nomads to the Trans-Ural forest-steppe? It is unlikely that this region could supply the nomads with agricultural products, which, even if existed there, could not be widely spread due to the specific natural conditions. The main role in the economy of the forest-steppe

Ural tribes was played by livestock breeding. The role of hunting was also palpable; the main game animals were elk and roe deer. Hunting fur species was of significant importance only in the Trans-Ural forest-steppe; for the tribes of the Urals eastern slope (the Itkul and Gamayun cultures) this type of hunting was not important and was apparently limited to only what was needed for the tribes' own consumption.

The main thing that attracted the South Trans-Ural nomads and what they were heading north for was obviously metal, copper and iron, as the tribes that were better provided with metal had an advantage over their neighbours primarily in armaments. The spectral analytical study of the non-ferrous metals from the monuments of the VII–VI centuries BC in the territory of the Chelyabinsk region shows the dominance of the Saka metal, which was not associated with the South Ural sources. Most likely, at the beginning of this period, the South Trans-Ural nomads received both finished products, and raw materials for their own metalworking production mainly from their eastern neighbours, the Central Kazakhstan tribes. However, a number of that time objects found in the Trans-Ural steppe zone are made of the metal produced by the Itkul metallurgists. Obviously, it was the need for metal that stimulated the intensive activity of the nomads in the northern borders of their territory. Significant in this regard is the fact that the majority of objects that have analogues in the nomadic world came from the monuments of the Itkul culture.

It was in the territory of the Itkul culture localization (the eastern slopes of the Ural ridge), where large copper ores reserves were concentrated, and judging by the archaeological data, exploration of these resources began as early as in the Bronze Age.

For the Itkul people who were able to sufficiently provide themselves not only with metal but also with livestock and livestock products, interaction with the nomadic world was not necessary. Naturally, under favourable conditions, the nomads were not averse to getting the metal they needed by means of predatory raids. This was one of the reasons (along with internal social-economic factors in the local societies' development) of the emergence and widespread use of fortified settlements in the forest-steppe Trans-Urals. Therefore, the construction of fortifications was a natural reaction of the Trans-Ural forest-steppe population to the aggressiveness of their steppe neighbours. The chain of the Gamayun and Itkul fortifications, which formed in the VI–IV centuries BC along the Bagaryak and Sinara rivers and in the middle reaches of the Iset River, protected the inland forest areas from the expansion of the nomadic tribes.

The earliest (second half of the VIII — the first half of the VII century BC) traces of the penetration of the steppe

и Казахстана. В ней сохранялись собственные внутренние отношения, к тому же с севера она испытывала давление лесных по происхождению культур. Но уже в VII веке до н. э. воздействие степного сакского мира на население лесостепи значительно усилилось. Благоприятные климатические условия VII–VI веков до н. э. способствовали широкому освоению номадами степной и южной лесостепной зон. Судя по расположению курганов, ранние кочевники этого времени занимали весьма обширные территории в пределах современной зауральско-западносибирской лесостепи. В Южном Зауралье ими была освоена вся современная южная лесостепь до реки Миасс на севере. Очевидно, Миасс и являлся той естественной границей, которая отделяла лесостепное зауральское население от кочевого мира.

На рубеже VIII–VII веков до н. э. в лесостепи Южного Зауралья появляются первые городища — сначала гамаюнские, затем иткульские. Среди причин, обусловивших их строительство,— необходимость закрепления на осваиваемых землях у «гамаюнцев» и потребность в охране средств металлургического производства, технических секретов и производимого продукта у «иткульцев» — главной, определяющей следует считать необходимость эффективной защиты от кочевников.

О контактах лесостепного населения со степным в VII–VI веках до н. э. свидетельствуют находки с поселений и городищ, расположенных в лесостепи Зауралья, Притоболья и Тоболо-Иртышского междуречья. Вероятно, имело место и прямое проникновение воинских контингентов номадов далеко вглубь лесостепи. Однако эти проникновения не приводили к оседанию кочевников в этой природной зоне. Оставленные же здесь номадами погребения маркировали, как представляется, лишь крайние пределы их летних кочевий, являясь своеобразным символом «сферы интересов».

Чем же привлекала южноуральских номадов зауральская лесостепь? Вряд ли она могла снабжать кочевников продуктами земледелия, которое здесь если и существовало, то не могло иметь в силу специфических природных условий широкого распространения. Главную роль в хозяйстве лесостепных зауральских племен играло скотоводство. Ощутима была и роль охоты, главными промысловыми животными являлись лось и косуля. Промысел пушных видов имел солидное значение лишь в зауральской лесостепи, у племен восточного склона Урала (иткульская, гамаюнская культуры) он был очень мал и ограничивался, видимо, только собственным потреблением.

Главное, что привлекало кочевников Южного Зауралья, то, ради чего они стремились на север, был, очевидно, металл — медь и железо, ибо те племена, которые ока-

зываются лучше обеспеченными металлом, получают преимущество, прежде всего в вооружении, над соседями. Спектроаналитическое исследование цветного металла из памятников VII–VI веков до н. э. с территории Челябинской области показывает доминирование в это время металла сакского круга, не связанного с южноуральскими источниками. Скорее всего, в начале этого периода номады Южного Зауралья получали как готовые изделия, так и сырье для собственного металлообрабатывающего производства в основном от своих восточных соседей — племен Центрального Казахстана. Однако ряд предметов этого времени, найденных в степной зоне Зауралья, изготовлены уже из металла, произведенного иткульскими металлургами. Очевидно, что именно потребность в металле стимулировала активную деятельность номадов на северных рубежах своей территории. Показательно в этом отношении то, что большинство предметов, имеющих аналоги в кочевом мире, происходит с памятников иткульской культуры.

Именно на территории локализации иткульской культуры (восточные склоны Уральского хребта) сосредотачивались крупные запасы медных руд, разработка которых, судя по археологическим данным, началась еще в эпоху бронзы.

Для иткульцев, способных обеспечить себя в достаточном количестве не только металлом, но и скотом и продуктами скотоводства, связи с кочевым миром не были необходимы. Естественно, при благоприятных условиях кочевники не прочь были и силой добыть необходимый им металл — путем грабительских набегов. Именно это стало одной из причин, наряду с внутренними социально-экономическими факторами развития местных обществ, появления и широкого распространения в лесостепном Зауралье укрепленных поселений. Таким образом, строительство фортификаций явилось закономерной реакцией лесостепного населения Зауралья на агрессивность их степных соседей. Цепь гамаюнских и иткульских фортификаций, оформившаяся к VI–IV векам до н. э. по рекам Багаряк, Синара, в среднем течении Исети, защищала внутренние лесные районы от экспансии кочевых племен.

Наиболее ранние (вторая половина VIII — первая половина VII века до н. э.) следы проникновения степных кочевников в ареал формирующейся иткульской культуры маркируются немногочисленными случайными находками, представляющими собой предметы вооружения и конской упряжи, на берегах зауральских озер Увильды, Иртыш, Травакуль. Одним из наиболее ярких свидетельств военной активности кочевников на южных рубежах иткульского мира является погребение 3 в кургане 2 могильника Иртыш. Следует подчеркнуть, что на берегах

nomads into the area of the emerging Itkul culture are marked by a few incidental finds of weapons and horse harness objects discovered on the banks of the Trans Ural lakes of Uvildy, Irtyash and Travakul. One of the most striking evidence for the nomad military activity on the southern borders of the Itkul world is burial 3 in barrow 2 of the Irtyash burial ground. It should be emphasized, that on the banks of the nearby lakes Irtyash and Bolshaya Nanoga, there are several settlements of the Itkul culture (Irtyash I and II, Semenovskoye, etc.). These monuments together with the ancient settlement of Itkulskoye I on Lake Itkul 30 km north of the Irtyash cite are part of the Irtyash culture nest, which functioned in the VII–VI centuries BC. The earliest monument of the nest, the settlement of Itkulskoye I, is also one of the first metal-lurgical centres of the Itkul copper metallurgy.

Noteworthy is the coincidence in time of the Itkul culture formation with its metallurgical centre and the beginning of the nomad active penetration into the forest-steppe, in particular into the area of the emerging Itkul culture. It seems that it was the need of the nomadic world for non-ferrous metals, which determined the formation of the Itkul culture and its metallurgical centre and stimulated their further development. The Itkul metallurgical centre was further closely connected with the steppe.

However, the raids could not provide for a regular and sufficient supply of metal; when both sides, the nomads and settled population, retain their political independence, the exploitation of this kind could not be reliably guaranteed and did not have any strictly fixed forms. In addition, and this is probably most important, the raids did not stimulate the production of metal and other things; they threatened to destroy the very foundations of the settled population

Городище Иткульское I.
Художник Ю. В. Шмелев

Itkulskoye I ancient settlement.
Artist Yu. V. Shmelev

близлежащих озер Иртыш и Большая Нанюга находятся несколько городищ иткульской культуры (Иртышские I и II, Семеновское и др.). Эти памятники вместе с городищем Иткульское I на озере Иткуль, в 30 км севернее Иртыша, входят в Иртышское гнездо культуры, которое функционировало уже в VII–VI веках до н. э. Наиболее ранний памятник гнезда — городище Иткульское I — является также одним из первичных металлургических центров иткульского очага медной металлургии.

Обращает на себя внимание совпадение во времени процесса становления иткульской культуры и функционировавшего на ее базе металлургического очага и начала активного проникновения кочевников в лесостепь, в частности в ареал формирующейся иткульской культуры. Как представляется, именно потребность кочевого мира в цветном металле определила становление и стимулировала дальнейшее развитие иткульской культуры и иткульского очага металлургии, который и в дальнейшем был тесно связан со степью.

Однако набеги не могли обеспечить регулярное и в необходимых объемах поступление металла; когда обе стороны — кочевники и оседлое население — сохраняют свою политическую самостоятельность, эксплуатация подобного рода не является надежно гарантированной, не имеет каких-либо строго фиксированных форм. Кроме того, и это, пожалуй, главное, набеги не стимулировали производства металла, да и не только металла, тая в себе и возможность разрушения самих основ хозяйственной жизни оседлого населения. Поэтому набеги не могли служить удовлетворению все возрастающих потребностей кочевников Южного Зауралья в металле.

Одним из способов обеспечения бесперебойного и в достаточном количестве поступления необходимых для кочевников продуктов (земледелие, ремесла, металлургия) на самых выгодных для них условиях, способом, к которому стремились все кочевники, а при благоприятных условиях и проводили в жизнь, было внеэкономическое подчинение (завоевание) их производителей. В этом случае необходимыеномадам продукты поступали в виде регулярной дани в обмен на покровительство, защиту от других кочевников и т. д.

Характерной особенностью данничества как формы эксплуатации было то, что при даннических отношениях речь шла об изъятии прибавочного (а иногда и части необходимого) продукта у побежденных коллективов, которые, тем не менее, в основном сохраняли свою целостность как социально-потестарные и экономические общности.

Скорее всего, результатом военной активности южноуральских номадов в VII–VI веках до н. э. в зауральской лесостепи явилось установление системы даннических от-

ношений: в обмен на гарантии «покровительства» иткульские племена поставляли кочевникам цветной металл и изделия из него. При этом «иткульцы», очевидно, в основном сохраняли свою целостность как социально-потестарная и экономическая общность.

Военно-грабительский характер первых контактов, а в дальнейшем и даннические отношения привели к почти полному отсутствию культурно-идеологических контактов между «иткульцами» и кочевниками. Их взаимоотношения, не затрагивая сферу духовной культуры, ограничивались лишь постоянными хозяйственными контактами, в которые вступали отдельные, прежде всего элитарные группы населения.

Итак, в начале I тысячелетия до н. э. в результате резкого ухудшения климатических условий степные пространства от Волги до Иртыша практически опустели. Проживавшее здесь ранее многочисленное население в массе своей уходит в районы, более благоприятные по своим природно-климатическим показателям. И когда в конце VIII века до н. э. в степях наметилось улучшение природных условий, немногочисленное и разрозненное их население не смогло противостоять мощной волне мигрантов из Внутренней Азии, районов современного Северного и Северо-Западного Китая и Западной Монголии. Двигаясь вдоль западных предгорий Алтая в Центральный и Северный Казахстан и далее в Южное Зауралье, мигранты заселили огромные пространства урало-казахстанских степей.

Генетическая близость мигрантов и естественно-географические особенности урало-казахстанских степей привели к оформлению уже в VII веке до н. э. тасмолинской историко-этнографической общности, включающей три крупных объединения кочевников — североказахстанское (улубаевско-тасмолинская культура), центральноказахстанское (тасмолинская культура) и южнозауральское (бобровско-тасмолинская культура). Ведущую роль в этой общности играли, несомненно, племена Центрального Казахстана. Их главенствующее положение в общности базировалось на контроле источников цветного металла — медных месторождений региона. Из меди этих месторождений изготавливали оружие, конскую упряжь, орудия труда и украшения не только номады Центрального Казахстана, но и кочевые племена Северного Казахстана и Южного Зауралья.

Основой не только сложения, но и функционирования тасмолинской историко-этнографической общности являлась пастбищно-кочевая система, или система посезонного распределения пастбищ и водных источников. Эта система во многом определила связи ранних номадов урало-казахстанских степей с кочевыми и полукочевыми племенами Центральной Азии, прежде всего номадами Приаралья.

Знатный воин раннесакского времени. Реконструкция Е. Края по материалам могильников Кичигино I (Южное Зауралье) и Гилево 10 (Алтай)

Noble warrior of the Early Saka time. Reconstruction by E. Krai based on the materials of the Kichigino I (South Trans-Urals) and Gilevo 10 (Altai) burial grounds

economic life. Therefore, the raids could not provide for the ever increasing metal needs of the South Trans-Ural nomads.

For the nomads, one of the ways to ensure an uninterrupted and sufficient supply of the essential products (agricultural stuff, crafts, metallurgy) on the most favourable for them terms was non-economic subordination (conquest) of their producers. If succeeded, the nomads could get the products they needed in the form of regular tributes in exchange for patronage, protection from other nomads, etc.

A characteristic feature of tributaries as a form of exploitation was that, though a surplus and sometimes part of the needed product were withdrawn from the defeated, they basically maintained their integrity as social-potestarian and economic communities.

Most likely, in the VII–VI centuries BC, the South Ural nomads' military activity in the Trans-Ural forest-steppe resulted in the establishment of a tributary system: in exchange for guaranteed "patronage", the Itkul tribes supplied the nomads with non-ferrous metals and metal products. However, the Itkul people most likely basically retained their integrity as a social-potestarian and economic community.

The military-predatory nature of the first contacts and subsequent tributary relations led to the almost complete absence of cultural and ideological contacts between the Itkul

people and nomads. Without affecting the sphere of spiritual culture, their relationship was limited to permanent economic contacts, which were maintained by individual, first of all elite groups of the population.

At the beginning of the first millennium BC due to a sharp deterioration in the climatic conditions, the steppe spaces between the Volga and the Irtysh rivers got practically deserted. Most of the population that had inhabited the region earlier moved to the areas of more favourable natural and climatic conditions. When at the end of the VIII century BC, the steppe natural conditions improved, the remaining small and scattered population was not able to oppose the powerful wave of migrants from Inner Asia, the regions of modern Northern and North-Western China and Western Mongolia. Moving along the western Altai foothills to Central and Northern Kazakhstan and further to the South Trans-Urals, the migrants populated vast areas of the Ural-Kazakhstan steppes.

Already in the VII century BC, the genetic similarity of the migrants and natural-geographical specifics of the Ural-Kazakhstan steppes led to the formation of the Tasmola historical and ethnographic community, which included three large nomad groups: the North Kazakhstan (the Ulubaev-Tasmola culture), Central Kazakhstan (the Tasmola culture) and South Trans-Urals (the Bobrov-Tasmola culture) groups. The leading role in this community was undoubtedly played by the Central Kazakhstan tribes. Their dominant position in the community was based on the control of the non-ferrous metal sources, namely, the copper deposits of the region. Not only the Central Kazakhstan nomads, but also the nomadic tribes of Northern Kazakhstan and South Trans-Urals used these deposits to make copper weapons, horse harnesses, tools and jewellery.

The nomadic pasture system, i.e., seasonal distribution system of the pastures and water sources was the basis of the formation and functioning of the Tasmola historical and ethnographic community. This system largely determined the relations of the early nomads from the Ural-Kazakhstan steppes with the nomadic and semi-nomadic tribes of Central Asia, primarily with the nomads of the Cis-Aral region. However, the main vector of interests of the South Trans-Ural nomads was directed to the north, to the Trans-Ural forest-steppe, primarily to the area of the emerging Itkul culture. The need for non-ferrous metals, desire to get them independently of the Central Kazakhstan tribes, and the proximity of metal sources stimulated the military activity of the South Trans-Ural nomads. Probably, already in the VI century BC, the Itkul culture tribes got (most likely tributary) dependent on the nomads. The nomadic world need for metal along with the internal development of the forest-steppe communities boosted the development of the Itkul metallurgy and metalworking centre.

Однако основной вектор интересов южнозауральских кочевников был направлен на север, в лесостепное Зауралье, прежде всего в ареал формирующейся иткульской культуры. Потребность в цветном металле, стремление к независимости от центральноказахстанских племен в его получении, близость источников металла стимулировали военную активность южнозауральских номадов в этом направлении. Вероятно, уже в VI веке до н. э. племена иткульской культуры попали в определенную, скорее всего, данническую зависимость от кочевников. Потребность же кочевого мира в металле, наряду с внутренним развитием лесостепных обществ, стимулировала развитие иткульского очага металлургии и металлообработки.

Южное Зауралье в савроматское время (вторая половина VI — третья четверть V века до нашей эры)

Во второй половине VI века до н. э. в степи и лесостепи Евразии происходят значительные изменения, связанные с распадом прежних этнокультурных образований раннесакского (раннескифского) времени и формированием новых. В урало-казахстанских степях наиболее ярко этот период представлен в Южном Зауралье. Здесь на смену бобровско-гасмолинской культуре VII–VI веков до н. э. приходит прохоровская (раннесарматская) культура конца VI — II века до н. э., первый этап которой (древнепрохоровский, или обручевский) датируется второй половиной VI — третьей четвертью V века до н. э.

Формирование прохоровской культуры в Южном Зауралье явилось результатом сложного взаимодействия, по крайней мере, четырех основных компонентов. Один из них местный, представленный носителями бобровско-гасмолинской культуры, остальные — пришлые. Последние, судя по имеющимся материалам, представлены саками Юго-Восточного Приаралья, «скифами» восточноевропейской степи и лесостепи, а также кочевниками Внутренней Азии. Появление их на территории Южного Урала, обусловленное различными обстоятельствами, скорее всего, не было синхронным.

Появление отдельных групп «скифов» на Южном Урале, прежде всего в Южном Приуралье, фиксируется уже на рубеже VII–VI веков до н. э. и в первой половине VI века до н. э. Но наиболее массовым и целенаправленным проникновением скифского этнического компонента, скорее всего, приднепровского лесостепного, было в конце VI века до н. э. и обуславливалось изменением этнополитической ситуации в Причерноморье и Волго-Камье. Массовый отток в конце VI века до н. э. ананьинского населения Среднего Поволжья на север и восток приво-

Каменный жертвенник на трех ножках со стилизованными изображениями волчьих голов. Могильник Обручевский (VI–V века до н. э.). МАиЭ ЧелГУ

Stone altar on three legs with stylized images of wolf heads. Obbruchevka burial ground (VI–V centuries BC). MAEE ChelSU

дит к тому, что основной источник, стабильно снабжавший в VII–VI веках до н. э. население степи и лесостепи Причерноморья цветным металлом, иссякает. Военная же активность номадов Южного Зауралья на южных рубежах иткульской культуры в VII–VI веках до н. э. привела к установлению уже в VI веке до н. э. каких-то форм зависимости иткульцев от кочевников. Эксплуатация иткульского населения включала помимо неэквивалентного обмена сбор дани продуктами металлургии и металлообработки. Полученный кочевниками металл мог идти на экспорт в качестве платы за престижно значимые вещи. Уже во второй половине VI века до н. э. кочевники Южного Зауралья включаются в обменные операции по «торговому пути Геродота», который связывал Южное Зауралье с лесостепным Поднепровьем и степями Северного Причерноморья. Массовый отток ананьинцев из Среднего Поволжья приводит к тому, что кочевники Южного Зауралья становятся, по-видимому, основными поставщиками металла в лесостепное и степное Причерноморье. Проникновение групп скифского лесостепного приднепровского населения в Южное Зауралье было обусловлено не только стремлением контролировать пути поступления уральского металла в Причерноморье, но и желанием поставить под свой контроль его производство. С конца VI века до н. э. устанавливаются прочные двухсторонние связи кочевников Южного Зауралья — носителей прохоровской культуры — с населением лесостепного Поднепровья и Среднего Подонья, отчетливо фиксируемые археологическими материалами.

The South Trans-Urals in the Sauromates period (second half of the VI — third quarter of the V century BC)

In the second half of the VI century BC in the steppe and forest-steppe of Eurasia, significant changes were taking place that were associated with the disintegration of the old ethnical-cultural formations of the Early Saka (Early Scythian) period and the emergence of new ethnical-cultural communities. In the Ural-Kazakhstan steppes, this period is most clearly represented in the South Trans-Urals. There, the Bobrov-Tasmola culture of the VII–VI centuries BC was replaced by the Prokhorovka (Early Sarmatian) culture of the late VI — II century BC, the first stage of which (ancient Prokhorovka or Obruchevka) dates to the second half of the VI — the third quarter of the V century BC.

The formation of the Prokhorovka culture in the South Trans-Urals was the result of a complex interaction of at least four main components. One of them was the local bearers of the Bobrov-Tasmola culture, the rest components were represented by the newcomers, which judging by the available materials were the Saks of the southeast Cis-Aral region, the “Scythians” of the East European steppe and forest-steppe and the Inner Asia nomads. Most likely due to various circumstances, their appearance in the South Urals was not synchronous.

In the South Urals, primarily in the South Cis-Urals, certain “Scythians” groups are recorded to appear as early as

at the turn of the VII–VI centuries BC and in the first half of the VI century BC. But the most massive and targeted penetration of the Scythian ethnic component, which most likely was the Cis-Dnieper forest-steppe component, occurred at the end of the VI century BC and resulted from a change in the ethnical-political situation in the Black Sea and Volga-Kama regions. The massive outflow of the Anan'ino population of the Middle Volga region to the north and east, which happened at the end of the VI century BC, led to the disappearance of the main source that stably supplied the steppe and forest-steppe population of the Black Sea region with non-ferrous metals. Due to the military activity of the South Trans-Ural nomads on the southern borders of the Itkul culture in the VII–VI centuries, already in the VI century BC, the Itkul people got to some extent dependent on the nomads. In addition to the non-equivalent exchange, the exploitation of the Itkul population included the tribute of the metallurgy and metalworking products. The metal that the nomads got could be exported as payment for prestigious objects. As early as in the second half of the VI century BC, the South Trans-Ural nomads got involved in exchange operations along the “Herodotus trade route,” which connected the South Trans-Urals with the Trans-Dnieper forest-steppe and Northern Black Sea steppe regions. Due to the massive outflow of the Anan'ino population from the Middle Volga region, the South Trans-Ural nomads apparently became the main suppliers of metal to the forest-

Расчистка
каменного
изваяния
савроматско-
го времени.
Могильник
Елантау
(VI–V века
до н. э.)
Clearing
of the Savromat
period stone
statue. Yelantau
burial ground
(VI–V centuries
BC)

Вероятно, сразу же за «скифами» на Южный Урал приходят саки Юго-Восточного Приаралья. Основной причиной, вызвавшей включение сакских племен Приаралья в состав кочевого населения Южного Урала, а также проникновение их в лесостепь Зауралья и Западной Сибири, были исторические события в Центральной (Средней) Азии, связанные с завоевательной политикой Ахеменидов в этом регионе во второй половине VI века до н. э.

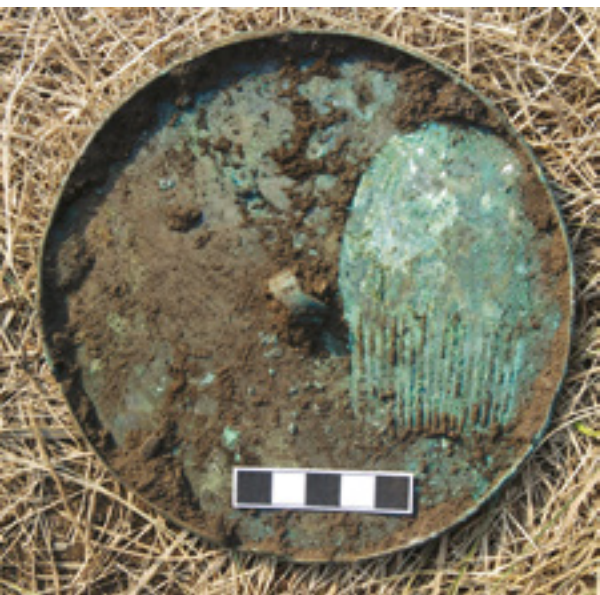
Предметы погребального инвентаря и отдельные элементы погребального обряда кочевников Южного Урала второй половины VI — начала V века до н. э. близки таковым на памятниках Семиречья, Юго-Восточного Казахстана, лесостепи и степи Обь-Иртышского междуречья, Верхнего Приобья, Тувы, Минусинской котловины и Ордоса, что является следствием процессов, протекавших во второй четверти — середине VI века до н. э. во Внутренней Азии (Монголия, Северный и Северо-Западный Китай). Изменения в соотношениях сил коче-

вых объединений Внутренней Азии вызвали перемещения племен внутри этого региона. Однако в результате перегруппировки сил произошла, очевидно, и общая подвижка части населения региона с востока на запад во второй половине VI века до н. э. В ходе нее кочевое население Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана, примыкавшего к Восточному Туркестану и составлявшего с ним единое историко-культурное пространство, было частично вытеснено из этого региона. Наличие же в степях Центрального Казахстана мощного объединения номадов, находящегося на стадии расцвета, обусловило два основных направления этого движения. Одна часть кочевого населения Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана, двигаясь вдоль предгорий Алтая, достигает Верхнего Приобья, где и закрепляется на территориях, ранее занимаемых племенами большеберченской культуры. Вторая часть номадов Восточного Туркестана двинулась на запад — через Семиречье, Среднюю и Нижнюю Сырдарью

Фрагмент коллективного погребения савроматского времени. Могильник Кичигино I (VI–V века до н. э.)
Fragment of the Savromat period collective burial. Kichigino burial ground I (VI–V centuries BC)

Бронзовое зеркало савроматского времени с отпечатком деревянного гребня на оборотной стороне. Могильник Кичигино I (VI–V века до н. э.)
Savromat period bronze mirror with the imprint of a wooden comb on the back.
Kichigino burial ground I (VI–V centuries BC)

steppe and steppe Black Sea regions. The penetration of the Scythian forest-steppe Cis-Dnieper population into the South Trans-Urals was caused by their desire to control both the flow of the Ural metal to the Cis-Black Sea region, and the production of metal as such. As confidently supported by the archaeological materials, at the end of the VI century BC, strong bilateral relations were established between the South Trans-Ural nomads, the carriers of the Prokhorovka culture, with the population of the forest-steppe Trans-Dnieper and Middle Don regions.

It is likely that immediately after the “Scythians”; the South-Eastern Cis-Aral Saki came to the South Urals. The inclusion of the Cis-Aral Saka tribes into the South Urals nomadic population, as well as their penetration into the Trans-Urals forest-steppe and Western Siberia were mainly caused by the historical events in Central Asia, which were associated with the Achaemenids aggressive policy in this region in the second half of the VI century BC.

The burial inventory and individual elements of the burial rite of the South Urals nomads in the second half of the VI — early V centuries BC are close to those found in the monuments of Semirechye, Southeast Kazakhstan, the Ob-Irtysh interfluvial forest-steppe and steppes, the Upper Ob, Tuva, the Minusinsk depression and Ordos, which is a consequence of the processes that took place in the second quarter — mid-VI century BC in Inner Asia (Mongolia, North and Northwest China). Changes in the balance of power of the nomadic associations of Inner Asia caused the tribe movements within this region. However, probably as a result of force regrouping, in the second half of the 6th century BC, a general resettlement of part of the region's population from east to west took place. During

this process, the nomadic population of East Turkestan and adjoining South-east Kazakhstan, which made up a single historical and cultural space, was partially driven out of this region. The presence of the powerful association of nomads in the steppes of Central Kazakhstan, which was in its heyday, determined two main directions of this movement. One part of the nomadic population of East Turkestan and Southeast Kazakhstan moved along the Altai foothills and reached the Upper Cis-Ob region, where it settled in the territories previously occupied by the tribes of the Bolsherechensky culture. The second part of the East Turkestan nomads moved west through the Semirechye and Middle and Lower Syr Darya regions to the South Urals. This movement most likely had the character of gradual resettlement. It resulted in the exploration of the Semirechye region and the inclusion of certain migrant groups in the nomadic and semi-nomadic associations of the south-eastern Cis-Aral region, South Trans-Urals and Cis-Urals.

While the composition of the new nomadic component in the South Trans-Urals and South Urals was the same, the ratio of its constituents in the re-gions varied. This, as well as the differences between the aboriginal population groups determined the uniqueness of the Cis-Ural and Trans-Ural variants of the South Ural Prokhorovka (Early Sarmatian) culture at the ancient Prokhorovka stage of its development. In the South Urals, the “Scythian” ethnic component played a decisive role in the social-political structure of the early nomad society. For the South Trans-Urals, the question about

Жреческий комплекс (каменный жертвенник, бронзовое зеркало, минеральные краски). Курган у поселка Мирный (VI–V вв. до н. э.)

Priestly complex (stone vessel, bronze mirror, mineral paints).
Mound near Mirny village
(VI–V centuries BC)

Костяное навершие с зооморфными изображениями. Курган у села Варна (VI–V века до н. э.). ГИМЮУ

Bone top with zoomorphic images. Barrow near the Varna village (VI–V centuries BC). SHMSU

на Южный Урал. Это движение, скорее всего, имело характер постепенного расселения. Результатом стало освоение Семиречья, вхождение отдельных групп мигрантов в состав кочевых и полукочевых объединений Юго-Восточного Приаралья, Южного Зауралья и Приуралья.

Если состав пришлого кочевого компонента в Южном Зауралье и Южном Приуралье был одинаков, то соотношение его составляющих в этих регионах явно варьировалось. Данное обстоятельство, так же как и различия между аборигенным населением, обусловило своеобразие приуральского и зауральского вариантов единой прохоровской (раннесарматской) культуры Южного Урала на древнепрохоровском этапе ее развития. В Южном Приуралье решающую роль в социально-политической структуре общества ранних кочевников играл «скифский» этнический компонент. Для Южного Зауралья вопрос о ведущем компоненте в формирующейся социально-политической структуре общества пока остается открытым и требует дальнейших исследований.

Приток нового населения в степи Южного Зауралья в конце VI — начале V века до н. э. привел, очевидно, к ожесточенной борьбе за передел не только пастбищных угодий. В ходе столкновений отдельные группы аборигенного бобровско-тасмолинского населения были вытеснены из степных равнинных территорий в восточные предгорья Южного Урала. Изменив формы ведения кочевого хозяйства, они вплоть до IV века до н. э. сохраняли свои традиции в погребальной обрядности. Часть же прежних хозяев южно-зауральских степей была вынуждена уйти в зауральскую лесостепь, в среду местных племен, оставивших памятники воробьевского типа. Здесь на основе

смешения воробьевских, бобровско-тасмолинских, а также пришедших сюда кочевых групп из Юго-Восточного Приаралья формируется гороховская культура.

Уход части центральноазиатских кочевников с прежних мест обитания на Южный Урал не повлек за собой разрыва их традиционных экономических и культурных связей с сельскохозяйственными областями, особенно с Хорезмом. Для кочевников Южного Приуралья основные векторы внешних связей были направлены на юг и на запад — в сторону Хорезма, восточноевропейской степи и лесостепи. Ранние кочевники Южного Зауралья поддерживали связи прежде всего с кочевым и оседлым населением Юго-Восточного Приаралья и племенами зауральской лесостепи — носителями иткульской и гороховской культур. В конце VI — V веке до н. э. южнозауральские номады по-прежнему сохраняли этнокультурные связи с тасмолинцами Северного и Центрального Казахстана, а через них и с более восточными регионами Евразии. Однако значение этого вектора связей для них постоянно уменьшается.

Появление в конце VI — начале V века до н. э. на территории Южного Урала нового быстро крепнущего этнопопестарного кочевого объединения кардинальным образом изменило расстановку сил в урало-казахстанских степях. Результатом борьбы номадов Южного Зауралья и кочевников Северного и Центрального Казахстана за наиболее ценные зимние пастбища, примыкавшие к Средней и Нижней Сырдарье, стало вытеснение северо- и центральноказахстанских племен в низовья Сарысу и пески Мойынкум. Тем самым номады Южного Зауралья не только значительно сократили площади зимних пастбищ тасмолинцев, но и лишили племена Центрального и Северного Казахстана возможности непосредственных контактов с кочевыми и полукочевыми племенами Центральной Азии, а также с присырдарьинскими ремесленно-земледельческими центрами. В то же время различного рода контакты, в том числе военно-политические, с южнозауральским населением способствовали быстрому распространению среди кочевников Северного и Центрального Казахстана, а через них и у ряда племен востока Евразии, новых типов конской упряжи, наконечников стрел и клинкового оружия.

Одним из факторов, обусловивших усиление роли южноуральских номадов в урало-казахстанских степях, было то, что население Южного Урала, в особенности племена Южного Зауралья, стали независимыми в получении цветного металла от кочевников Центрального Казахстана. Потребности в нем удовлетворялись теперь за счет иткульских племен лесостепного Зауралья. Военная активность номадов Зауралья на южных границах ареала иткульской культуры привела к тому, что уже в конце VI века до н. э. иткульское население становится основным поставщиком

the leading component of the emerging social-political society structure remains open and requires further research.

The influx of new population to the South Trans-Ural steppes in the late VI — early V century BC obviously led to a fierce struggle for more than just a pasture land redivision. During the clashes, certain groups of the aboriginal Bobrov-Tasmola population were driven out of the plain steppe territories to the eastern foothills of the South Urals. Having changed the forms of the nomadic economy, they kept their burial rite traditions up to the IV century BC. Some of the former owners of the South Trans-Ural steppes were forced to leave for the Trans-Ural forest-steppe, the environment of the local tribes who left the Voro-byev type monuments. There, as a mixture of the Vorobyev and Bobrov-Tasmola cultures with the culture of the nomads who came from the South-East Cis-Aral region, the Gorokhov culture was formed.

The departure of some Central Asian nomads from their former habitats to the South Urals did not entail a break in their traditional economic and cultural ties with the agricultural regions, especially with Khorezm. For the South Ural nomads,

the main vectors of external relations were directed south and west towards Khorezm and the East European steppe and forest-steppe. The early South Trans-Ural nomads primarily maintained contacts with the south-eastern Cis-Aral nomadic and sedentary population as well as with the tribes of the Trans-Ural forest-steppe, the bearers of the Itkul and Gorokhov cultures. At the end of the VI — V century BC, the South Trans-Ural nomads still maintained ethnical-cultural ties with the Tasmola people of Northern and Central Kazakhstan and through them with the population of the more eastern regions of Eurasia. However, the importance of this interaction vector was constantly decreasing.

A new rapidly growing ethnical-potestarian nomadic association that appeared in the territory of the South Urals in the late VI — early V century BC radically changed the balance of power in the Ural-Kazakhstan steppes. The struggle between the South Trans-Ural nomads and the nomads of Northern and Central Kazakhstan for the most valuable winter pastures adjacent to the Middle and Lower Syr Darya regions resulted in driving out the Northern and Central Kazakhstan tribes

Раскопки кургана савроматского времени Шихан (Уба-Тай) (VI–V века до н. э.)
Excavations of the Savromat period Shihan barrow. (Uba-Tau) (VI–V centuries BC)

металла кочевникам Южного Урала. Увеличение внутренних потребностей в цветном металле, а также интересы «внешней торговли» у южнозауральских номадов, очевидно, стимулировали и рост его производства на зауральских городищах, расцвет иткульского очага металлургии и металлообработки.

Контакты номадов урало-казахстанских степей с племенами лесостепи Зауралья и Западной Сибири, прослеживаемые еще с VII–VI веков до н. э., достигли своего расцвета в V–IV веках до н. э. В это время население лесостепи подверглось интенсивному иранскому воздействию, что нашло отражение, кроме всего прочего, как в угорских языках, так и в системе угорского мировоззрения. Усиление контактов с ираноязычными кочевниками степей сопровождалось, вероятно, проникновением отдельных их групп в зауральско-западносибирскую лесостепь. Эти пришлые группы сыграли решающую роль в ускорении социально-экономического развития лесостепного населения, приняли участие в формировании саргатской (на востоке) и гороховской (на западе) культур. Иранский суперстрат явился культурообразующим фактором и стабилизатором этнополитической структуры лесостепного населения, заняв господствующее положение в среде саргатцев и гороховцев.

Южное Зауралье в конце V — II веке до нашей эры

Во второй половине V века до н. э. во многих регионах степной Евразии вновь происходят существенные изменения в погребальной обрядности и материальной культуре кочевого и полукочевого населения. В урало-казахстанских степях они отчетливо фиксируются на материалах Южного Урала в целом и Южного Зауралья в частности при переходе от древнепрохоровского (вторая половина VI — третья четверть V века до н. э.) к раннепрохоровскому (последняя четверть V — третья четверть IV века до н. э.) этапу раннесарматской (прохоровской) археологической культуры.

Инновации, фиксируемые в погребальном обряде и инвентаре кочевников Южного Зауралья, связаны, очевидно, не только с дальнейшим развитием общества, его внутренними изменениями, но и с притоком в третьей четверти V века до н. э. новой волны переселенцев с территории Северо-Западного Китая (Восточного Туркестана). Однако количество мигрантов было, очевидно, невелико. Представлены они были, скорее всего, богатыми и знатными родами, занявшими господствующее положение в ряде регионов степи. Привнесенная ими традиция захоронений в подбоях с ориентировкой покойников головой на юг нашла на Южном Урале благодатную почву, тем более что выделение южного сектора как маркера высокого со-

циального, прежде всего воинского и жреческого статуса существовало здесь и ранее. Очень быстро подбойные захоронения с южной ориентировкой погребенных, являясь первоначально показателем принадлежности их при жизни к определенному этносу, стали своеобразным маркером высокого социального статуса среди воинского и жреческого сословий кочевого общества Южного Урала.

Первое и, по всей видимости, наиболее массовое переселение из Внутренней Азии осуществлялось, очевидно, несколькими последовательными волнами, но на протяжении достаточно короткого промежутка времени — в пределах, скорее всего, третьей четверти V века до н. э. В дальнейшем на протяжении IV века до н. э. миграции из этого региона уже имели менее массовый характер. На запад, главным образом на Южный Урал, уходили небольшие

Реконструкция кургана и погребения по материалам кургана Темир (IV век до н. э.).
Музей-заповедник Аркаим

Reconstruction of the barrow and burial based on the materials of the Temir barrow (IV century BC).
The Arkaim Museum-Reserve

to the lower reaches of the Sarysu River and the Moyynkum sands. The South Trans-Ural nomads thus did not only significantly reduced the area of the Tasmola population winter pastures but also deprived the tribes of Central and Northern Kazakhstan of the opportunity to have direct contacts with the nomadic and semi-nomadic tribes of Central Asia, as well as with the handicraft and agricultural centres of the Cis-Syr Darya region. At the same time, various kinds of contacts including military-political ones with the South Trans-Ural population contributed to the rapid spread of new types of horse bridles, arrowheads and blade weapons among the nomads of Northern and Central Kazakhstan, and through them, among a number of eastern Eurasian tribes.

One of the factors that led to the increasing role of the South Ural nomads in the Ural-Kazakhstan steppes was that the South Urals population and especially the South Trans-Ural tribes could get non-ferrous metals independently of the Central Kazakhstan nomads. Their needs for non-ferrous metals got satisfied by the Itkul tribes of the Trans-Ural forest-steppe. The military activity of the Trans-Ural nomads on the southern borders of the Itkul culture area led to the fact that already at the end of the VI century BC, the Itkul population became the main metal supplier to the South Urals nomads. Increase in the domestic demand of the South Trans-Ural nomads for non-ferrous metals, as well as their "foreign trade" interests obviously stimulated the growth of metal production in the Ural settlements and the heyday of the Itkul metallurgy and metalworking centre.

Contacts of the Ural-Kazakhstan steppe nomads with the tribes of the Trans-Ural forest-steppe and Western Siberia traceable from the VII–VI centuries BC reached their peak in the V — IV centuries BC. At that time, the population of the forest-steppe was subjected to the intense Iranian influence, which was reflected among other things both, in the Ugric languages and, in the system of the Ugric worldview. The intensification of contacts with the Iranian-speaking steppe nomads was probably accompanied by the penetration of their individual groups into the Trans-Ural West-Siberian forest-steppe. These alien groups played a decisive role in accelerating the social-economic development of the forest-steppe population and contributed to the formation of the Sargat (in the east) and Gorokhov (in the west) cultures. The Iranian superstratum was a culture-forming factor and stabilizer of the ethnical-political structure of the forest-steppe population and got a dominant position among the Sargat and Gorokhov people.

The South Trans-Urals at the end of V — II century BC

At the second half of the V century BC in many regions of the steppe Eurasia once again, significant changes occurred in the burial rites and material culture of the nomadic and semi-nomadic population. In the Ural-Kazakhstan steppes, they are clearly seen in the materials of the South Urals as a whole, and in particular in the materials of the South Trans-Urals in the transition period from the ancient Prokhorovka stage (second half of the VI — to the third quarter of the V century BC) to the early Prokhorovka stage of the Early Sarmatian (Prokhorov) archaeological culture (the last quarter of the V — third quarter of the IV century BC up to AD).

The innovations found in the burial ritual and inventory of the South Trans-Ural nomads are obviously connected not only with the further development of the society and its internal changes, but also with a new wave of migrants from the territory of Northwest China (East Turkestan) in the third

Антропологическая реконструкция мужчины сарматского времени по материалам погребения из могильника Кичигино I (IV век до н. э.). Автор А. И. Нечвалода

Anthropological reconstruction of the Sarmatian time man based on the burial materials from the Kichigino I burial ground (IV century BC). Author A. I. Nechvaloda

родовые подразделения, которые вливались в среду родственных племен, ушедших сюда ранее.

Первый этап этого движения (в третьей четверти V века до н. э.) проходил, вероятно, почти по тому же сценарию, что и миграция конца VI века до н. э. Основная масса кочевого населения шла через Семиречье на Южный Урал, вливаясь по ходу своего движения в среду местных кочевых племен. Небольшая же часть переселенцев из Восточного Туркестана откололась от основного массива и передвинулась на север — в степь и лесостепь Обь-Иртышья.

Судьба переселенцев была различной. В степи и лесостепи Обь-Иртышья в силу своей малочисленности они довольно быстро растворились в аборигенной среде. На Южном Урале пришельцы быстро и органически слились с местным населением, заняв, вероятно, ведущие позиции в общественной жизни. Привнесенные же ими инновации (как в погребальном обряде, так и в инвентаре) продолжали развиваться на протяжении всего раннесарматского

времени. Процесс этот стимулировался притоком в течение IV века до н. э. новых немногочисленных групп кочевников из Восточного Туркестана, принесших с собой, в частности, обряд захоронения в катакомбах, где погребальная камера являлась продолжением входной ямы. Приход в Южное Зауралье кочевых родов из Внутренней Азии имел своим следствием и зарождение традиции центрически-круговой планировки погребений под курганной насыпью, получившей развитие позднее и уже на другой территории — в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье.

Чем конкретно было вызвано движение кочевников Восточного Туркестана на запад, сказать в настоящее время сложно. В основе его могли лежать как климатические изменения в регионе, так и события политической истории на северных и северо-западных границах Китая. Именно они вызывали изменения в соотношении сил кочевых объединений, перегруппировку и перемещение кочевников

Погребение воина сарматского времени в могильной яме с подбоем. Могильник Кичигино I (IV век до н. э.)
Burial of a Sarmatian warrior in a grave pit with a niche.
The Kichigino I burial ground (IV century BC)

quarter of the V century BC. However, the number of migrants was obviously small. They were represented, most likely, by rich and noble families, who occupied a dominant position in a number of the steppe regions. The burial tradition brought by the migrants, according to which the deceased was put in the niche of a pit-type grave with the head orientated southward, was easily accepted in the South Urals, where even before, the southern sector was recognized as a marker of a high social, primarily military or priestly status. In a short time, the burial in the niched pit-type grave with the deceased oriented southward, which originally indicated the ethnicity of the dead, became a kind of a high social status marker in the military and priestly strata of the South Ural nomadic society.

The first and apparently the most massive resettlement from Inner Asia most likely occurred in several successive waves but over a rather short period of time, probably within the third quarter of the V century BC. Later, throughout the IV century BC, migrations from this region were less massive. Small clan

communities moved to the west, mainly to the South Urals and merged with the kindred tribes that had come there earlier.

The scenario of the first stage of this movement (in the third quarter of the V century BC) was probably similar to that of the migration at the end of the VI century BC. The bulk of the nomadic population passed through the Semirechye region to the South Urals and merged into the environment of the local nomadic tribes in the course of their movement. A small part of the migrants from East Turkestan broke away from the main body of population and moved north to the Ob-Irtysh steppe and forest-steppe.

The fate of the newcomers was different. Due to their small numbers, they quickly melted into the aboriginal environment of the Ob-Irtysh steppes and forest-steppes. In the South Urals, the newcomers quickly and organically merged with the local population and probably occupied leading positions in the social life. The innovations they brought (both in the burial rites, and in the inventory) continued

Погребение женщины-жрицы (IV век до н. э.) в процессе расчистки. Могильник Кичигино I
Female priestess burial (4th century BC) in the process of clearing. The Kichigino I Burial ground

Каменные и стеклянные бусы
(конец V — IV век до н. э.).
Курганная группа у поселка
Победа. МАиЭ ЧелГУ

Stone and glass beads (end of V —
IV century BC). Barrow group
near the Victory village. ChelSU

внутри региона начиная со второй половины V века до н. э. и на протяжении всего IV века до н. э. Следствием этих же событий явился и отток части кочевого населения Восточного Туркестана за пределы Внутренней Азии.

Северными соседями ранних кочевников урало-казахстанских степей в последней четверти V — II веке до н. э. были племена байтовской, иткульской, гороховской и саргатской культур. В V–IV веках до н. э. иткульцы оставались основными поставщиками металла кочевым народам Южного Урала. Одновременно они снабжали медью, ее сплавами и готовыми изделиями племена Прикамья, лесостепного Зауралья и Западной Сибири.

В V веке до н. э. гороховцы активно осваивают земли байтовских и иткульских племен, причем прослеживается определенная тенденция к постепенному перемещению гороховского населения на восток, вытеснению байтовцев и заселению их территорий. В конце V — начале IV века до н. э. гороховцы уже занимали северную часть зауральской лесостепи от восточного склона Урала до Среднего Тобола. Однако это движение гороховского населения на восток было остановлено встречным движением саргатских племен. Под давлением пришельцев гороховское население из северной зауральской лесостепи вынуждено было передвинуться на запад, на территорию, занимаемую племенами иткульской и гамаюнской культур (восточные склоны Урала и его горно-лесные районы). Часть гороховских племен, включив в свой состав отдельные группы иткульского и гамаюнского населения Зауралья, продолжила свой путь на запад и осела на правобережье среднего течения реки Белой, оттеснив, а частично и ассимилировав

местные племена. Другая же группа оказалась в Северо-Восточной Башкирии. В Зауралье ареал гороховской культуры в конце V — начале IV века до н. э., по-видимому, несколько смещается к югу, захватывая северную часть южной лесостепи, где до этого, в VII–V веках до н. э., фиксируются лишь памятники кочевого населения. Это продвижение гороховского населения на юг сопровождалось переходом некоторых групп к кочевому скотоводству и включением их в состав номадов Южного Зауралья.

В конце V — начале IV века до н. э. Южное Зауралье вследствие резко наступившей аридизации вступило в эпоху экологического кризиса, продолжавшегося до II–III веков н. э. В этих условиях передвижение в южную лесостепь гороховского населения привело, по-видимому, к обострению демографической ситуации в Южном Зауралье — перенаселенности. Все это в конечном счете и предопределило передвижение части южнозауральских кочевников и вошедших в их состав лесостепных зауральских племен. В начале IV века до н. э. оно было направлено главным образом на запад и юго-запад, в степные районы Южного Приуралья, которые в ландшафтно-климатическом отношении соответствовали их традиционному хозяйству и быту. Очевидно, переселения продолжались и в дальнейшем, на протяжении всего IV века до н. э., возможно, постепенно затухая. Новый массовый приток южнозауральских номадов в степи Южного Приуралья произошел, вероятно, в последней четверти IV века до н. э. Вызван он был не столько продолжавшей ухудшаться экологической обстановкой, сколько нестабильной политической ситуацией на южных границах их расселения. Имеется в виду центральноазиатский поход Александра Македонского и последовавшие за этим процессы. Эти события вызвали подвижки в кочевом мире и стимулировали активное проникновение южнозауральских, а вслед за ними и приуральских кочевых племен на запад. На рубеже IV–III веков до н. э. южнозауральские мигранты, количество которых уже вряд ли было велико, уходят не в степи Южного Приуралья, а в степное Заволжье, в степную и лесостепную Приуральскую Башкирию. Сюда в это же время устремляется основная масса приуральских кочевников.

Продвинувшиеся в Южное Приуралье зауральские номады восприняли ту систему ведения хозяйства, которая существовала здесь и была в наибольшей степени приспособлена к условиям жизнедеятельности в данном ареале. То есть пути их сезонных перекочевок неизбежно должны были совпадать с таковыми у местного населения в предшествующее время. Об этом в какой-то мере могут свидетельствовать погребения прохоровского времени на Устюрте — месте зимних пастбищ части южноприуральских кочевников. Особенно ощутимым присутствие

developing throughout the whole Early Sarmatian time. During the IV century BC, this process was stimulated by the influx of new small groups of nomads from East Turkestan, who brought in particular the catacomb burial rite, where the burial chamber was a continuation of the entrance pit. The arrival of nomadic clans in the South Urals from Inner Asia led to the emergence of the centrally circular layout burial under the barrow embankment; this tradition developed later in another territory as well, namely, in the South Urals and the Lower Volga region.

It is currently difficult to say exactly what the reasons for the East Turkestan nomad movement to the west were. It could be both, the climatic changes in the region and the political history events on the northern and north-western borders of China. It was these factors, that caused changes in the balance of power of the nomadic associations, and from the second half of the V century BC and throughout the IV century BC made the nomads to regroup and move within the region. The same events caused the outflow of part of the East Turkestan nomadic population beyond the borders of Inner Asia.

In the last quarter of the V — II centuries BC, the tribes of the Baitovo, Itkul, Gorokhov and Sargat cultures were the northern neighbours of the early Ural-Kazakhstan steppe nomads. In the V–IV centuries BC, the Itkul community remained the main supplier of metal to the nomadic peoples of the South Urals. At the same time, this community supplied copper, copper alloys, and finished products to the tribes of the Cis-Kama region, forest-steppe Trans-Urals, and Western Siberia.

In the V century BC, the Gorokhov people actively explored the lands of the Baitovo and Itkul tribes, and one can see a certain tendency towards a gradual movement of the Gorokhov population to the east while driving out the Baitovo people and occupying their territories. At the end of V — beginning of IV century BC, the Gorokhov population already occupied the northern part of the Trans-Ural forest-steppe from the Ural eastern slope to the Middle Tobol region. However, this movement of the Gorokhov population to the east was stopped by the oncoming movement of the Sargat tribes. Under the alien pressure, the Gorokhov population of the North

Комплект украшений из погребения женщины-жрицы сарматского времени (IV век до н. э.). Могильник Кичигино I. ГИМЮУ
Set of jewellery from the burial of the Sarmatian time woman priestess (IV century BC). The Kichigino I burial ground. SHMSU

южноуральских кочевников на Устюрте становится с начала IV века до н. э. И связано это, скорее всего, с политическими событиями на южной границе кочевого мира — в Приаралье и прежде всего в Хорезме. С середины IV века до н. э. в связи с передвижением в Южное Приуралье части номадов Южного Зауралья, включивших в свой состав выходцев из зауральского лесостепного населения, масса кочевников, зимующих на Устюрте, возрастает. Усиление кочевников и возрастание их политического влияния в Центральной Азии способствовало тому, что они стали чувствовать себя полными хозяевами пространств между

Аралом и Каспием, не опасавшимися за свои родовые могильники и святилища. В этой же обстановке на Устюрте возникают комплексы байтинского типа, связанные, очевидно, с кочевниками Южного Приуралья. Появление святилищ обусловлено, как представляется, переходом ранних кочевников Южного Урала во второй половине IV века до н. э. от сетевой политико-экономической стратегии к корпоративной.

Перемещения и перегруппировки кочевых племен на территории Южного Урала, дальние их походы на Запад уже в IV веке до н. э., продвижение отдельных групп в Подонье

Антропологическая реконструкция женщины сарматского времени по материалам погребения из могильника Кичигино I (IV век до н. э.).

Автор А. И. Нечвалода

Anthropological reconstruction of the Sarmatian time woman based on the materials of the Kichigino I burial ground (IV century BC).

Author A. I. Nechvaloda

Trans-Ural forest-steppe was forced to move westward to the territory occupied by the tribes of the Itkul and Gamayun cultures (the eastern slopes of the Urals and the Ural mountain-forest regions). One part of the Gorokhov tribes included individual groups of the Trans-Urals, Itkul and Gamayun population and continued its journey to the west and settled on the right bank of the Belaya River middle reaches having ousted and partially assimilated the local tribes. Another part of the Gorokhov tribes ended up in North-Eastern Bashkiria. At the end of V — beginning of IV century BC in the Trans-Urals, the area of the Gorokhov culture was probably shifted to the south and occupied the Northern part of the southern forest-steppe, where earlier only the monuments of the nomadic population are recorded, which were dated to VII–V centuries BC. This expansion of the Gorokhov population to the south was accompanied by the transition of some groups to the nomadic cattle breeding; these groups were included in the South Trans-Urals nomad communities.

At the end of V — beginning of IV century BC due to a sharp onset of aridization, the South Trans-Urals entered the era of ecological crisis, which lasted until the II–III centuries AD. Under these conditions, the movement of the Gorokhov population to the southern forest-steppe probably led to the aggravation of the South Trans-Urals demographic situation, namely to the region overpopulation. All this ultimately predetermined the migration of the part of the South Trans-Ural nomads and the forest-steppe Trans-Ural tribes who joined them. At the beginning of the IV century BC, this migration was mainly directed to the west and south-west, to the South Urals steppe regions, which climatically corresponded to migrants' traditional economy and their way of life. Obviously, the resettlement continued further, throughout the entire IV century BC possibly gradually fading. A new massive influx of the South Trans-Ural nomads in the South Ural steppes probably occurred in the last quarter of the IV century BC. It was caused by the unstable political situation on the southern borders of their settlement, rather than by the continuing environmental degradation. We here refer to the Central Asian campaign of Alexander the Great and the processes that followed. These events stimulated the active penetration of the South Trans-Ural and then Cis-Ural nomadic tribes to the west. At the turn of the IV–III centuries BC, the South Trans-Ural migrants that were already not so numerous instead of moving to the South Cis-Ural steppes went to the Trans-Volga steppes and Cis-Ural Bashkiria steppe and forest-steppe. It is to these regions that at the same time, the bulk of the Cis-Urals nomads headed to.

The Trans-Ural nomads, who advanced to the South Cis-Urals, adopted the local farming system that was most adapted to the living conditions in this area. That meant that the routes

of their seasonal migrations inevitably had to be the same as those of the local population in the previous time. To some extent, this can be evidenced by the burials of the Prokhorovka time in Ustyurt, the place of winter pastures for some groups of the South Ural nomads. The presence of the South Ural nomads in Ustyurt becomes especially noticeable from the beginning of the IV century BC. This is most likely associated with the political events on the southern border of the nomadic world in the Cis-Aral region, and first of all in Khorezm. From the middle of the IV century BC in connection with the movement of a part of the South Trans-Ural nomads, who also included people from the Trans-Ural forest-steppe, to the South Cis-Urals, the number of the nomads wintering in Ustyurt increased. The nomads got stronger, increased their political influence in Central Asia and thus considered themselves full masters of the spaces between the Aral and the Caspian seas, who were not afraid to lose their tribal burial barrows and sanctuaries. In the same setting in Ustyurt, the Baitovo type complexes arose, that are probably connected with the South Cis-Urals nomads. The sanctuaries seem to appear due to the transition of the early Southern Ural nomads from the network political and economic strategy to the corporate strategy in the second half of the IV century BC.

The movement and regrouping of the nomadic tribes in the South Urals, their trips deep to the west as early as in the IV century BC, the movement of certain groups to the Don region and the Northern Black Sea region, which caused the hostility of the Scythians, led to the disappearance of the "Herodotus trade route." As early as in the IV century BC, there occurred a noticeable decrease in the number of metal products in the eastern group in the monuments of the forest-steppe Lower Dnieper region. But in the IV–III centuries BC, metal export from the Trans-Urals to the west still continued. However, at that time it was mainly directed to the Lower Volga, Lower Don and Kuban regions.

In the III century BC in the Sayany-Altai and adjacent regions including the Ural-Kazakhstan steppes, certain ethnical-cultural changes are observed due to the movements of the Inner Asia nomadic population. Quite often they are associated only with the northern campaign of the Huns' shanuy Mode. However, the advance of certain nomad groups or clan divisions (not only the Huns) of this region to the north and north-west could have occurred earlier, at least as early as in the middle of the III century BC during the creation and strengthening of the Hunnic tribal community in this region.

In the South Urals, in particular in the South Trans-Urals, the emergence of certain innovations in the material culture, primarily in weapons technology as early as in the III century BC and especially in the II century BC can probably be associated

и Северное Причерноморье и вызванные этим враждебные отношения со скифами привели к прекращению функционирования «торгового пути Геродота». Уже в IV веке до н. э. происходит заметное уменьшение количества изделий из металла восточной группы в памятниках лесостепного Поднепровья. Но экспорт металла из Зауралья на запад продолжался и в IV–III веках до н. э. Однако теперь он был направлен главным образом в Нижнее Поволжье, на Нижний Дон и в Прикубанье.

В III веке до н. э. на территории Саяно-Алтая и сопредельных с ним регионов, в том числе в урало-казахстанских степях, отмечаются определенные этнокультурные изменения, обусловленные подвижками кочевого населения Внутренней Азии. Достаточно часто их связывают лишь с северным походом хуннского шаньюя Модэ. Однако продвижение на север и северо-запад отдельных групп или родовых подразделений кочевников этого региона, и не только хунну, могло происходить и ранее, по крайней мере, уже в середине III века до н. э., в период создания и усиления хуннского племенного объединения в этом регионе.

На Южном Урале, в частности в Южном Зауралье, с передвижениями племен Внутренней Азии и Саяно-Алтая в III–II веках до н. э. можно, очевидно, связать появление уже в III веке до н. э., и особенно в II веке до н. э., ряда инноваций в материальной культуре, прежде всего в вооружении.

В IV–II веках до н. э. отток кочевников Южного Зауралья происходил не только на запад, но и на юг. Вторжение в 329 году до н. э. в Центральную Азию армии Александра Македонского вызвало энергичное сопротивление местного земледельческого населения, на стороне которого выступили и кочевые племена. Среди тех, кто активно противостоял завоевателям, источники неоднократно называют даев — номадов, обитавших за Сырдарьей. К ним на помощь пришли и кочевники из соседних северных областей, в том числе, вероятно, и дахи. Греко-македонское завоевание привело к значительному уменьшению численности центральноазиатского населения, уничтожению производительных сил и материальных ценностей. Оно разорвало то экономическое единство оседлых и кочевых народов, которое существовало здесь в предшествующее время. Война за передел сатрапий, разгоревшаяся после смерти Александра между его полководцами, борьба Бактрии и Парфии за независимость вряд ли способствовали быстрому восстановлению хозяйства региона. Все это, естественно, не могло не сказаться на экономических связях оседлого мира Центральной Азии с кочевниками. Включение же значительной части центральноазиатского региона в состав Селевкидского государства вызвало переориентацию торговли его земледельческого населе-

ния на запад и юг. Торговые связи с кочевым миром были нарушены, поток сельскохозяйственной и ремесленной продукции, идущий на север, резко уменьшился. В этих условиях кочевники, крайне заинтересованные в торговле с оседло-земледельческими центрами, вынуждены были предпринять меры по обеспечению своих жизненных потребностей. С конца IV века до н. э. идет активный процесс освоения номадами окраин земледельческих оазисов Центральной Азии. Здесь они ведут свое традиционное кочевое хозяйство либо переходят к полуседлому или оседлому образу жизни. Процессу оседания на границах оазисов способствовали неблагоприятные климатические условия, относительная перенаселенность степи и, что вполне допустимо, политика социальной верхушки кочевого общества, заинтересованной в обладании продуктами земледелия и ремесла, в постоянном контроле над земледельческим населением оазисов, особенно необходимым в периоды политической дестабилизации. Среди тех племен, которые появились в это время близ земледельческих центров Центральной Азии, были, вне всякого сомнения, и номады Южного Зауралья. Особенно массовым это проникновение стало, вероятно, в II веке до н. э. Толчком, вызвавшим массовый отток кочевого населения Южного Зауралья вглубь Центральной Азии, стал, видимо, приток с востока новой волны кочевников, известных в китайских источниках под именем юэчжи.

Юэчжи, пришедшие с востока в середине — второй половине II века до н. э. вытеснили, главным образом на юг, племена Нижней и Средней Сырдарьи, в том числе и номадов Южного Зауралья, с их зимних пастбищ. Немногочисленное аборигенное население Южного Зауралья было, вероятно, включено в состав пришлых народов и довольно быстро ими ассимилировано. Придя на новое место, кочевники с востока неизбежно должны были воспринять ту систему материального производства, которая существовала здесь до них и была наиболее приспособлена к условиям жизнедеятельности в данном ареале. Иначе говоря, пришлые с востока племена стали кочевать теми же маршрутами, которыми передвигались до этого местные номады, располагаться на тех же самых летних и зимних пастбищах, что в конечном счете было обусловлено физико-географическими условиями региона. Со второй половины II века до н. э. Южное Зауралье становится местом летовок пришедших с востока кочевников, включивших в свой состав остатки местного населения, и входит в сферу влияния кочевых политических образований Центральной Азии.

Значительные изменения этнокультурной ситуации происходят в III–II веках до н. э. и в лесостепном Зауралье. После освоения Среднего Притобья лесостепное

with the movements of the Inner Asia and the Sayany-Altai tribes in the III–II centuries BC.

In the IV–II centuries BC, the outflow of the South Trans-Ural nomads was directed both, to the west and, to the south. In 329 BC, the invasion of Alexander the Great army to Central Asia provoked a vigorous resistance of the local agricultural population, on the side of which the nomadic tribes also fought. Among those, who actively opposed the conquerors, sources repeatedly mention the Dai, the nomads who lived beyond the Syr Darya River. They were supported by the nomads of the neighbouring northern regions, including, probably, the Dahi. The Greek-Macedonian conquest led to a significant decrease in the Central Asian population and the destruction of productive forces and material values. It broke the economic unity of the settled and nomadic peoples that existed there in the past. The war for the redistribution of satrapies, which broke out between Alexander's generals after his death and the struggle of Bactria and Parthia for independence were unlikely to contribute to the rapid restoration of the region's economy. All this of course could not but affect the economic ties of the Central Asia settled world with the nomads. The inclusion of a significant part of the Central Asian region in the Seleucid state forced its agricultural population to redirect their trade interests to the west and south. Trade relations with the nomadic world were disrupted and the flow of agricultural and handicraft products going north sharply decreased. Under these conditions, the nomads, who were extremely interested in trade with the settled agricultural centres, were forced to take measures to ensure the satisfaction of their vital needs. Starting at the end of the IV century BC, the nomads actively explored the margins of the Central Asia agricultural oases. There, they lived according to their traditional nomadic economy or switched to the semi-sedentary or sedentary lifestyle. The process of settling in the oases' margins was prompted by the unfavourable climatic conditions, a relative overpopulation of the steppe and, which is quite probable, by the policy of the nomadic society social elite interested in possessing agricultural products and crafts and permanent control over the oases agricultural population, which they especially needed during the periods of political destabilization. Among those tribes that appeared at that time near the Central Asia agricultural centres were, without any doubt, the South Trans-Urals nomads. This penetration probably got especially massive in the II century BC. The impetus that caused a massive outflow of the South Trans-Ural nomadic population into the depths of Central Asia was apparently the influx from the east of a new wave of nomads, mentioned in the Chinese sources as the Yuezhi.

The Yuezhi, who came from the east in the middle — second half of the II century BC, ousted the tribes of the Lower

and Middle Syr Darya regions that included the South Trans-Ural nomads from their winter pastures mainly to the south. The small indigenous South Trans-Ural population was probably included and fairly quickly assimilated in the communities of the newcomers. Arriving in a new place, the nomads from the East inevitably had to accept the material production system, which had existed there before they came and was most adapted to the conditions of life in that area. In other words, the tribes that came from the East began to roam the same routes, along which the local nomads had travelled before their arrival, and got located in the same summer and winter pastures, which was ultimately due to the geographic conditions of the region. From the second half of the II century BC, the South Trans-Urals became a summering place for the nomads, who came from the East and included the remnants of the local population into their communities. From that time, the South Trans-Urals got under the influence of the nomadic political formations of Central Asia.

In the III–II centuries BC in the Trans-Urals forest-steppe, significant ethnical-cultural changes occurred. After the exploration of the Middle Cis-Tobol region, the forest-steppe Sargat population gradually included the Itkul metallurgists, fishers, and hunters of the forest Trans-Urals into the orbit of their influence. The Sargat tribes maintained various contacts with the Northern Kazakhstan nomads, which were based on the genetic similarity of the Sargat society leaders and the North Kazakhstan nomads. However, in the V–III centuries BC, the contacts of the Sargat tribes with the South Trans-Ural nomads probably got limited to only military-political processes. The southward movement of the northern forest-born Kulai tribes that began at the end of the III century BC somewhat changed the situation in the Eastern range of the Sargat culture and caused the outflow of part of the Barabinsky and Irtysh population to the west and partially to the southeast, to the Altai regions. Probably, the pressure of the Sargat tribes from the east led to the movement of the forest-steppe Trans-Ural population as well. The consequences were the final absorption of the Gorokhov and Itkul populations by the Sargats and the spread of the Sargat cultural stereotypes throughout the forest-steppe Trans-Urals.

The migration of the South Trans-Ural nomads to both, west and, south and the defeat of the remaining population by the Yuezhi had far-reaching consequences for the Ural-Aral region. The Trans-Ural-West Siberian forest-steppe tribes who were the bearers of the Sargat culture, could then establish direct contacts, including trade ones, with the agricultural regions of Central Asia. Probably, the control over the trade routes leading to the South also fell into their hands. Of high probability are constant direct contacts of the forest-steppe Trans-Ural population with the state entities of Central Asia.

саргатское население постепенно включило в орбиту своего влияния иткульских металлургов, рыбаков и охотников лесного Зауралья. Саргатские племена поддерживали с кочевниками Северного Казахстана различного рода контакты, в основе которых лежала генетическая близость верхушки саргатского общества с североказахстанскими номадами. Однако контакты саргатских племен с кочевниками Южного Зауралья в V–III веках до н. э. ограничивались, вероятно, лишь военно-политическими процессами. Начавшаяся в конце III века до н. э. подвижка северных лесных по происхождению кулайских племен в южном направлении несколько изменила ситуацию в восточном ареале саргатской культуры, вызвав отток части барабинского и прииртышского населения на запад и частично на юго-восток, в районы Алтая. Вероятно, давление саргатских племен с востока привело к подвижке населения и в лесостепном Зауралье. Следствием этого явилось окончательное поглощение гороховского и иткульского населения и распространение саргатских культурных стереотипов по всему лесостепному Зауралью.

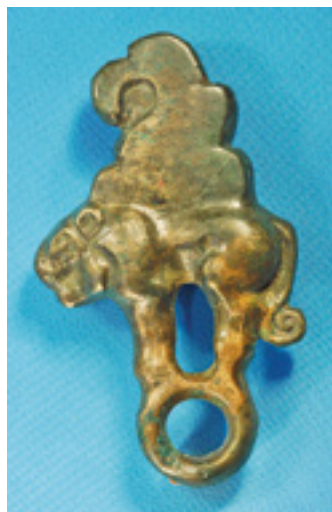
Миграция кочевников Южного Зауралья как на запад, так и на юг, разгром оставшихся юэчжами имели далеко идущие для Урало-Аральского региона последствия. Племена зауральско-западносибирской лесостепи, носители саргатской культуры, теперь могли установить непосредственные, в том числе и торговые связи с земледельческими районами Центральной Азии. В их руки перешел, вероятно, и контроль над торговыми путями, ведущими на юг. Вполне допустимо и предположение о постоянных прямых контактах лесостепного населения Зауралья с государственными образованиями Центральной Азии. Запустение южнозауральских степей, очевидно, способствовало расцвету саргатского племенного союза, что сопровождалось ростом населения в лесостепи, особенно в Зауралье.

Искусство Южного Зауралья эпохи ранних кочевников

Искусство кочевников Южного Урала

Отличительной чертой искусства ранних кочевников евразийских степей являлся звериный стиль, для которого характерно изображение отдельных животных, частей их тела, а также сложных композиций из нескольких животных. Стиль этот возник у ряда народов в бронзовом веке, но в наиболее развитом виде он выступает именно в искусстве номадов евразийских степей I тысячелетия до н. э. и за ним закрепилось название «скифо-сибирский звериный стиль».

Скифо-сибирский звериный стиль сложился под влиянием искусства Внутренней Азии и Китая, Передней Азии

Деталь поясного набора (бляха в виде стоящего на кольце кошачьего хищника со стилизованной головой орла над спиной; вторая половина VII века до н. э.). Могильник Кичигино I. МНТУ ЮУрГУ
Detail of a belt set (a plaque in the form of a feline predator standing on a ring with a stylized eagle's head above its back; second half of the 7th century BC). Kichigino I burial ground. MPTU SUSU

и Ирана, а в Причерноморье он испытал значительное влияние древнегреческого искусства. Сплав разных элементов, подвергшихся местной переработке и дополнявшихся местными элементами, привел к формированию оригинального звериного стиля. Для него характерна реалистическая передача форм животных и их движений. Наиболее распространены изображения травоядных животных, хищных зверей и птиц, а также фантастических существ. Наряду с изображениями фигур животных встречаются сцены борьбы зверей. Реалистичность изображений сочеталась с определенной условностью: фигуры зверей располагались применительно к форме вещи, которую они украшали; животные изображались в канонических позах (скачущие, борющиеся; копытные с подогнутыми ногами; хищники — иногда свернувшиеся в кольцо). Существовали условные приемы и в передаче отдельных частей тела животного (глаза в виде кружков, рога — в виде завитков, пасть — полукругом и т. д.). Часто вместо целого животного изображалась только часть, служившая его символом (голова, лапы, когти зверей и птиц, клюв и т. п.). Тело зверя иногда заполнялось фигурками животных или их частями и схематичной головой хищной птицы. Достаточно часто отдельные части животного или птицы (лапа, коготь, нога с копытом, клюв, хвост птицы, глаз и пр.) воспринимались как целое, символизируя определенное качество. Изображения выполнялись в невысоком рельефе при помощиковки, чеканки, литья, тиснения и резьбы, чаще всего из бронзы, золота, серебра и железа. Известна резьба по дереву и кости, аппликации из кожи и войлока; встречена татуировка человеческого тела, выполненная в зверином стиле.

В наборе предметов, на которые помещались изображения животных, особенно в ранний период развития

The desolation of the South Trans-Ural steppes obviously contributed to the flourishing of the Sargat tribal union, which was accompanied by an increase in the forest-steppe population, especially in the Trans-Urals.

The art of the South Trans-Urals of the early nomad period

The art of the South Ural nomads

A distinctive feature of the Eurasian steppe early nomad art was the animal style, which is characterized by the images of individual animals, parts of their bodies, as well as complex compositions of several animals. This style arose among a number of peoples in the Bronze Age but in its most developed form, it appeared precisely in the Eurasian steppe nomad art of the I millennium BC. This style was called «Scythian-Siberian animal style».

The Scythian-Siberian animal style developed under the influence of the art of Inner Asia, China, Western Asia and Iran, while in the Black Sea region it was significantly influenced by the ancient Greek art. The fusion of various elements that underwent local processing and were supplemented by the local elements led to the formation of the original animal style. It is characterized by realistic depiction of animal forms and their movements. The most widespread are the images of herbivores, carnivores and birds, as well as fantastic creatures. Along with the images of animal figures, there are scenes of fighting animals. The realism of the images was combined with a certain convention: the figures of animals were located in relation to the shape of the thing that they decorated; the animals were depicted in canonical poses (galloping, fighting; ungulates with bent legs; predators sometimes curled into a ring). There were conditional techniques in the transfer of certain parts of the animal's body (eyes in the form of circles, horns in the form of curls, mouths as semicircles, etc.). Often, instead of the whole animal only its part that served as its symbol was depicted (head, paws, claws of animals and birds, beak, etc.). The body of the beast was sometimes filled with the figures of animals or animal parts and a sketchy head of a predator bird. Quite often, individual parts of an animal or bird (paw, claw, foot with a hoof, beak, bird's tail, eyes, etc.) were perceived as a whole, symbolizing a certain quality. Images were done in a low relief using forging, embossing, casting, embossing and carving and were most often made of bronze, gold, silver and iron. Documented are wood and bone carvings, appliques made of leather and felt, as well as human body tattoo in the animal style.

Particularly in the early period of the Scythian-Siberian animal style, the set of objects, on which the images of animals were placed, clearly manifests its connection with the military environment and military life. Three main groups of objects

can be distinguished: weapons, objects of war horse harness and objects of sacred and social-religious meaning (mirrors, altars). The animal style is seldom found on everyday items and jewellery. In the steppe Eurasia, it was probably the military environment that was decisive in the formation of the art aesthetic principles of the early nomads. These principles were manifested by both, the choice of subjects and, the style of the images. Most likely, the animal style in its essence has magical meaning. According to the rules of magic, the images of certain animals or individual parts of their bodies help transfer the features of these animals to the owner of the images. All this is characteristic of the Scythian-Siberian animal style, the plots of which almost always reflect the ideal of a warrior. Those animal organs that symbolize vigilance and acuity

Рукоять бронзового кинжала раннесакского времени. Случайная находка у села Мариинского. МАиЭ ЧелГУ

Handle of a bronze dagger of the early Saka time. An accidental find near the Mariinsky village. ChelSU

скифо-сибирского звериного стиля, отчетливо проявляется его связь с воинской средой и военным бытом. Можно выделить три основные группы предметов: оружие, предметы сбруи боевого коня и предметы сакрального и социально-культурного назначения (зеркала, жертвенники). На вещах повседневного обихода и украшениях звериный стиль встречается лишь изредка. Вероятно, именно воинская среда и явилась определяющей в формировании эстетических принципов искусства ранних кочевников степной Евразии, которые проявлялись не только в выборе сюжетов, но и в стилистике изображений. В своей основе звериный стиль имеет, скорее всего, магические представления. Согласно правилам магии, изображение определенных животных или отдельных частей их тела способствует перенесению на обладателя таких изображений присущих этим животным черт. Все это и характерно для скифо-сибирского звериного стиля, сюжеты которого почти всегда отражают идеал воина. Особо выделяются и подчеркиваются те органы животных, которые символизировали зоркость и остроту слуха, силу, ловкость и смелость в борьбе — глаз, ухо, рога, зубастая пасть, клюв, когтистые лапы. Вполне вероятно, что отдельные образы звериного стиля связаны с конкретными божествами или представлявшими божественными космическими силами. Причем одно и то же божество могло воплощаться в различных животных, а животные одного и того же вида могли служить для воплощения различных божеств.

Во второй половине V и особенно в IV веке до н. э. скифо-сибирский звериный стиль претерпевает существенные изменения, отражающие эпохальные этнокультурные изменения в степной и лесостепной Евразии. Наиболее характерной чертой звериного стиля этого времени является усиление орнаментализации и схематизации, что приводит к утрате тех черт условного и обобщенного реализма, которые были присущи ему в предшествующий период. Возрастает парадно-декоративная функция звериного стиля, а его связь с чисто военным бытом уменьшается. Растет популярность антропоморфных образов и сюжетов, не составляющих, однако, единого стилистического направления. Распространяются жанровые сцены, вероятно, связанные с героическим эпосом. Уменьшается и значение религиозной функции звериного стиля, однако магическая его сторона, вероятно, еще сохраняется. В III веке до н. э. почти повсеместно происходит быстрое и полное исчезновение звериного стиля.

В скифо-сибирском зверином стиле отчетливо выделяются его варианты, в числе которых звериный стиль ранних кочевников Южного Урала. Географическое положение южноуральских степей определило тесные связи и зависимость звериного стиля кочевников этого реги-

Бляшка с изображением лежащего льва (вторая половина VII века до н. э.). Могильник Кичигино I. МНТУ ЮУрГУ
A plaque depicting a lying lion (second half of the 7th century BC). Kichigino I burial ground. MPTU SUSU

она, с одной стороны, от зооморфного искусства скифов Причерноморья и Прикубанья, с другой стороны — от звериного стиля саков Казахстана и Центральной Азии, ранних кочевников Южной Сибири и Внутренней Азии. Среди зооморфных изображений в южноуральском варианте звериного стиля первое место занимают хищники кошачьей породы, достаточно часто изображаются волк и медведь, а также хищная птица орлиной породы или фантастический орлиноголовый грифон, а затем уже олень, лось, кулан, горный козел и баран, верблюд, сайгак, лошадь и баран. Наиболее излюбленные образы местной фауны — волк и медведь. Иногда животные изображены в борьбе или представлены сцены терзания и борьбы животных, что является особенностью южноуральского варианта звериного стиля. Кроме изображений отдельных фигур животных или их частей в этой группе известны композиции из ряда животных. Специфическую для культуры Южного Урала группу предметов представляют каменные жертвенники с зооморфными изображениями. В памятниках этого региона найдена и серия изображений птиц, выполненных очень схематично. Силуэтно передана голова с большим клювом, иногда намечен круглый глаз. В некоторых случаях такое контурное изображение головы птицы сочетается с солярным знаком в виде сегнерова колеса и хвостом-палметкой. Обычное явление для Южного Урала — использование мотивов хвоста, клюва, копыта, когтя в качестве символов определенных животных.

Важнейшим элементом культуры кочевников Евразии эпохи древности и Средневековья являются монументальные антропоморфные изваяния. Из всех известных к настоящему времени южноуральских антропоморфных каменных изваяний и стел эпохи ранних кочевников с территории Южного Зауралья происходит наиболее древнее из них. Обнаружено оно в могильнике Елантау близ села Варна.

of hearing, strength, dexterity and courage in struggle, such as the eye, ear, horns, toothy mouth, beak, and clawed feet are especially emphasized. It is likely that individual animal style images are associated with specific deities or represent divine cosmic forces. Moreover, the same deity could be embodied in different animals, while animals of the same species could serve to incarnate different deities.

In the second half of the V and especially in the IV century BC, the Scythian-Siberian animal style undergoes significant changes reflecting the epoch-making ethnical-cultural changes in the Eurasia steppe and forest-steppe. The most characteristic feature of the animal style of that time is ornament augmentation and schematization, which lead to the loss of those features of conditional and generalized realism that had been inherent to the style in the previous period. The ceremonial and decorative function of the animal style was growing and its connection with a purely military life was decreasing. The popularity of anthropomorphic images and plots, which did not, however, constitute a single stylistic trend, was growing. Genre scenes were spreading, which were probably related to the heroic epic. The significance of the religious function of the animal style was also decreasing, but its magical side was probably still

preserved. In the III century BC almost everywhere, the animal style quickly and completely disappeared.

The Scythian-Siberian animal style has clearly distinguished variants, and the animal style of the South Ural early nomads is one of them. The geographical location of the South Ural steppes made the nomads' animal style dependent, on the one hand, on the zoomorphic art of the Scythians from the Black Sea and Kuban regions and, on the other hand, on the animal style of the Kazakhstan and Central Asia Saks, the early nomads of South Siberia and Inner Asia. In the South Ural version of the animal style, the first place among the zoomorphic images is occupied by the feline predators, then go the wolf, bear, predator eagle bird, fantastic eagle-headed griffin that are often depicted and then, less frequent are the deer, elk, kulan, mountain goat, mountain ram, camel, saiga, horse and ram. The most favourite images of the local fauna are the wolf and bear. Sometimes animals are depicted struggling or tormenting other animals, which is a characteristic feature of the South Ural version of the animal style. In addition to images of individual animal figures or their parts, in this group, some compositions of a number of animals are found. The group of objects specific to the culture of the South Urals is represented by stone altars

**Фрагмент
гривны сар-
матского вре-
мени (IV век
до н. э.).
Могильник
Кичигино I.
ГИМЮУ**
Sarmatian
time hryvnia
fragment
(IV century BC).
Kichigino I
burial ground
SHMSU

Изваяние, выполненное из серого гранита, представляет собой верхнюю половину плоской скульптуры. Посредством изображения на шее гривны голова четко отделена от туловища. С помощью дополнительной обработки голове была придана яйцевидная форма, выведены широкие брови, удлиненный прямой нос, миндалевидные глаза. Рот, показанный едва заметным углублением, окантовывают усы. От лба к макушке идет валикообразное ребро, с помощью которого мастер попытался передать шлем. На боковых гранях изваяния видны уши в виде овалов с углублением по центру. На груди контррельефом переданы детали защитного доспеха. Ниже едва просматривается правая рука, согнутая в локте. У варненского изваяния

Каменное изваяние савроматского времени (VI–V века до н. э.). Могильник Елантау, Варненский РКМ

Savromat period stone sculpture (VI–V centuries BC). Yelantau Burial ground

имеются многочисленные аналоги среди каменных антропоморфных скульптур Северного Кавказа и Украины раннескифского времени (VII–V века до н. э.), поэтому оно является ярким свидетельством участия «скифских» племен Северного Причерноморья в сложении культуры кочевников Южного Урала второй половины VI — V века до н. э.

Искусство племен иткульской культуры

Основу иткульского искусства малых форм составляют орнито- и антропоморфные фигурки, которые имеют достаточно устоявшуюся иконографию. Они входили в состав святилищных комплексов или кладов либо представляют собой отдельные (случайные) находки.

Орнитоморфные фигурки, как правило, схематичны, но, тем не менее, исходя из общего абриса фигур, исследователи предварительно выделяют четыре их класса: с условной головой (безголовые); хищные («соколы», «орлы», «коршуны», «совы»); нехищные («дятлы», «вороны», «голуби»); фантастические. По форме крыльев они разделяются на три группы: с дугообразно изогнутыми узкими и широкими, с изогнутыми под прямым углом узкими и широкими, с изогнутыми под тупым углом трапециевидными или треугольными крыльями. Во всех группах имеются как гладкие крылья, так и украшенные поперечными валиками. Иногда валики выступают за края крыльев с одной или двух сторон, придавая крыльям «взъерошенный» вид. В ряде случаев на сгибах крыльев присутствуют выступы разной формы. В каждой из групп фигурки различаются и формой головы, которая может быть смоделирована в плоской манере либо высоким рельефом. Голова может быть в виде выступа, антропоморфной или птицевидной. На ней встречаются: один выступ-«полугорошина», который можно трактовать как нос или клюв; две «полугорошины» — «глаза»; три «полугорошины» (или две «полугорошины» с валиком или «каплей» между ними), изображающие, вероятно, личину. У ряда фигурок на голове справа или слева, иногда с обеих сторон, имеются выступы, показывающие, очевидно, клювы. По форме хвоста можно выделить три группы: с прямым, веерообразным и выемчатым хвостом. Хвосты, так же как и крылья, могут быть гладкими или украшенными вертикальными или веерообразно расходящимися валиками. Изредка они украшались горизонтальными или перекрещивающимися в виде сетки валиками. Кроме того, орнитоморфы различаются по наличию или отсутствию кия на груди, выступов по бокам тулова, лапок-полугорошин, орнаментации валиками, петли на обороте.

Иконография антропоморфных фигурок достаточно устойчива, и их можно разделить на две большие группы —

with zoomorphic images. A series of bird images drawn very schematically was also found in the monuments of this region. The silhouettes of the bird heads with large beaks can be found; sometimes a round eye is only outlined. In some cases, such contour image of the bird's head is combined with a solar sign in the form of the Segner wheel with a tail-palmette. Quite spread in the South Urals is the use of the tail, beak, hoof, claw motifs as symbols of certain animals.

The most important elements of the Eurasia nomad culture of the Antiquity and Middle Ages periods are monumental anthropomorphic sculptures. It is in the territory of the South Trans-Urals, where the oldest of all currently known anthropomorphic stone sculptures and stelae of the early nomad period is discovered. It was found in the Lantau burial near the village of Varna.

The sculpture made of grey granite represents the upper half of a flat statue. By means of a depicted hryvnia on the neck, the head is clearly separated from the body. With additional finish, the head was given an ovoid shape and wide eyebrows; an elongated straight nose and almond-shaped eyes were made. The mouth shown by a barely noticeable indentation is embraced by moustache. A ridge-shaped rib extends from the forehead to the crown; the master thus tried to show the helmet. On the side faces of the sculpture, the ears in the form of ovals with depressions in the centres are visible. On the chest, the details of the protective armour are made in the counter-relief technique. Below, the right arm bent at the elbow is barely visible. The Varna statue has numerous analogues among the stone anthropomorphic sculptures of the North Caucasus and Ukraine of the Early Scythian time (VII–V centuries BC) and therefore, it is a clear evidence for the participation of the «Scythian» tribes of the North Black Sea region in the formation of the South Ural nomadic culture in the second half of VI — V century BC.

The art of the Itkul culture tribes

The basis of the Itkul art of small form is anthropo-ornithomorphic figurines, which have a fairly well-established iconography. They are either part of sanctuary complexes or treasures, or individual (incidental) finds.

The ornithomorphic figurines are as a rule sketchy but nevertheless based on the general figurine contours, researchers tentatively distinguish four of their classes: the figurines with a conditional head (headless), predatory figurines (“falcons”, “eagles”, “kites”, “owls”), non-predatory figurines (“woodpeckers”, “crows”, “pigeons”) and fantasy figurines. According to the shape of the wings, they are divided into three groups: the figurines with archly curved narrow and wide wings, the figurines with curved at right angles narrow and wide wings and the figurines with curved at an obtuse angle trapezoidal or triangular wings.

Птицевидная
фигурка
иткульской
культуры
(VII–IV века
до н. э.). ОГМ
Itkul culture
bird-shaped
figurine of (VII–
IV centuries BC)

In all groups, there are wings which are smooth or decorated with transverse rollers. Sometimes, the rollers protrude beyond the wing edges on one or two sides, giving the wings a “ruffled” look. In some cases, there are protrusions of various shapes on the wings’ folds. In each of the groups, the figurines also differ in head shapes, which can be modelled either in a flat manner, or in high relief. The head may be in the form of a protrusion, anthropomorphic or birdlike. On the head there might be: one “half-pea” protrusion, which can be interpreted as a nose or beak, two “half peas” (“eyes”) and three “half-peas” (or two “half-peas” with a roller or a “drop” between them) probably depicting a mask. A number of figurines have protrusions on their heads on the right, left, or sometimes on both sides probably depicting beaks. According to the shape of the tail, which can be straight, fan-shaped and notched, three corresponding groups can be distinguished. Tails, as well as wings, can be smooth or decorated with vertical or fan-shaped diverging rollers. Occasionally, they are decorated with horizontal or intersecting rollers in the form of a grid. In addition, the ornithomorphic figurines differ in the presence or absence of a keel on the chest, protrusions on the sides of the body, half-pea legs, ornamentation with rollers and loops on the back.

The iconography of the anthropomorphic figures is quite established, and they can be divided into two large groups: the group with a column-shaped contour and the group with a human figure contour.

Most anthropomorphic figurines have a rectangular elongated contour. In literature, they are called “pillar-shaped”, “tree-like” or “sun-headed”. In the upper part of such figurines, a mask is worked out, ending with rays or triangular protrusions.

со столбообразным абрисом и абрисом человеческой фигуры.

Большинство антропоморфных фигур имеют прямоугольный вытянутый контур. В литературе для их обозначения применяются такие термины, как «столбообразные», «древовидные» или «солнцеголовые». В верхней части таких фигур прорабатывается личина, завершающаяся лучами или треугольными выступами. У некоторых фигур прямой горизонтальной линией показаны брови, с которыми смыкается длинный нос, моделированный валиком. Глаза показаны крупными выпуклинами, иногда обведенными рельефным валиком, а рот — выпуклиной, коротким валиком или узким овалом. Изредка обозначены короткие трехпалые руки, иногда их заменяют небольшие бугорки. Ноги обычно не выделены. Встречаются фигурки, на боку которых изображен ползущий или стоящий зверь. Иногда верхняя часть фигуры отделяется от нижней несколькими валиками-поясками.

Антропоморфные «столбообразные» фигурки могут быть одиночными, сдвоенными или тройными, с соединенными руками или связанные по «поясу» перемычкой. Встречена композиция из пяти фигур, соединенных как пальцы одной руки.

Изредка встречаются антропоморфные фигурки с поднятыми вверх руками, заключенные в дугообразную рамку. На голове фигурки с горы Азов шлем, руки подняты вверх, центральную линию тулова пересекают поперечные полосы — имитация ребер. В состав клада на горе Азов входила и уникальная фигурка человека с расставленными в стороны руками с четырьмя растопыренными пальцами, сидящего «по-дамски» на спине крупного зверя (волка?).

Вторую группу антропоморфных фигурок составляют изображения человеческих фигур с опущенными и слегка отведенными от туловища беспальными руками. В отличие от фигурок первой группы у них хорошо выражены расставленные ноги. Выполнены они чаще всего весьма небрежно. Большинство их безлики, хотя у одной из фигурок с горы Азов показаны глаз и нос. У некоторых фигурок подчеркнуты признаки мужского пола.

Искусство племен гороховской культуры

С территории степной и лесостепной Евразии, главным образом лесостепного Зауралья, происходят многочисленные так называемые жертвенные камни, или плитки, с изображением головы барана. За более чем столетний период их изучения было высказано множество предположений об их датировке и культурной принадлежности. Ситуация с плитками с изображением головы барана осложняется тем, что абсолютное их большинство — это случайные находки, ни одна из плиток не была найдена в хорошо

Древовидный
идол
иткульской
культуры
(VII–IV века
до н. э.).
ГИМЮУ
Itkul culture
tree-like idol
(VII–IV centuries
BC). SHMSU

In some figurines, a straight horizontal line shows the eyebrows that merge into a long nose, modelled by a roller. The eyes are shown by large bulges sometimes surrounded by a relief roller, and the mouth is done with a bulge, short roller or narrow oval. Occasionally, short three-fingered hands are marked, which are sometimes replaced with small tubercles. As a rule, legs are not marked. There are figurines, on the side of which a creeping or standing beast is depicted. Sometimes, the upper part of a figurine is separated from the bottom by several roller belts.

The anthropomorphic “pillar-like” figurines can be single, double or triple, with their hands joined or “waists” tied by a band. A composition of five figurines joined as the hand fingers was found.

Occasionally, found are the anthropomorphic figurines with arms raised up and enclosed in an arched frame. On the head of the Mount Azov figurine there is a helmet, hands are raised up, and the central line of the body is crossed by transverse stripes, the imitations of ribs. The treasure found in Mount Azov also included a unique figurine of a man with spread apart arms, each with four spread fingers, sitting “like a woman” on the back of a large beast (a wolf?).

The second group of the anthropomorphic figurines present humans with downcast and slightly stretched off the body fingerless hands. Unlike the figurines of the first group, their wide spread legs are well pronounced. Such figurines are most often crafted very carelessly. Most of them are faceless, although one of the figurines from Mount Azov has an eye and a nose. Some figurines have pronounced male members.

Плитка
с изображе-
нием головы
барана. Село
Каракуль-
ское. Случай-
ная находка.
ОРКМ
Slab depicting
the head
of a ram.
Karakul village.
Accidental find

The art of the Gorokhov culture tribes

In the territory of steppe and forest-steppe Eurasia, mainly in the forest-steppe Trans-Urals, numerous so-called sacrificial stones, or slabs depicting ram heads are found. Over a hundred-year period of their study, many assumptions were made about their dating and cultural affiliation. The situation with slabs depicting ram heads is complicated by the fact that the majority of them are incidental finds; no slabs were found in a well-dated complex. Nevertheless, at present, the vast majority of researchers associate them with the Gorokhov culture population of the forest-steppe Trans-Urals of the middle of the I millennium BC.

As for the functional purpose of the slabs, most researchers call them altars, which served to perform various ritual actions.

In the steppe zone of the South Trans-Urals within the Chelyabinsk region, three slabs with ram heads images were found. This is, first of all, the slab found in 1958 near Troitsk. It is round with slightly convex side walls and straight edges. The head of the animal is raised; the muzzle is complexly modelled: the nose has a hump, the lower lip and submandibular part sag. The lips conveyed by a convex strip are underlined by grooves above and below. The oval eyes are shown by tubercles; the nostrils are presented by fossae with convex edges. The horns are shown by a prominent relief; their curls descend to the front of the slab.

The slab found “near the Miass River in the Chelyabinsk Uezd” is oval in plane and has vertical side walls; the base of a ram’s head is shaped as a regular tetrahedral truncated

датированном комплексе. Но, тем не менее, в настоящее время подавляющее большинство исследователей связывает их с населением гороховской культуры лесостепного Зауралья середины I тысячелетия до н. э.

Определяя функциональное назначение плиток, большинство исследователей называют их жертвенниками, служившими для выполнения различных ритуальных действий.

В степной зоне Южного Зауралья в пределах Челябинской области найдены три плиты с изображением головы барана. Это, прежде всего, плита, найденная в 1958 году близ Троицка. Она круглая в плане, со слегка выпуклыми боковыми стенками и прямыми гранями. Голова животного приподнята, морда сложно моделирована: нос с горбинкой, нижняя губа и подчелюстное пространство провисают. Губы, переданные выпуклой полосой, сверху и снизу подчеркнуты желобками. Овальные глаза показаны бугорками, ноздри — ямками с выпуклым краем. Рога переданы выступающим рельефом, их завитки спускаются на переднюю сторону плитки.

Плитка, найденная «близ реки Миасс в Челябинском уезде», имеет овальную в плане форму и вертикальные боковые стенки, основание головы барана — правильную форму четырехгранной усеченной пирамиды. Морда немного сужается к средней части, а затем вновь расширяется к округлому носу. Губы, округлые глаза и каплевидные ноздри показаны выступающим рельефом. Выпуклостью переданы и уши. Рога, показанные выпуклой полосой, подчеркнуты снизу желобком. Завитки рогов, более объемные, чем сами рога, опускаются на переднюю сторону плитки.

Самая большая из известных в настоящее время плит с изображением головы барана найдена на реке Уй у села Каракульского Октябрьского района. Голова животного приподнята над нижней поверхностью плитки, из-за чего сбоку выглядит устремленной вперед и вверх. В профиле хорошо выделяется горбатый нос животного. Впалые щеки оформлены слегка углубленными плоскостями. Круглые глаза, миндалевидные ноздри и прямые губы переданы выпуклым рельефом. Очень выпуклые спиралевидные рога расходятся из одной точки над лбом, опускаются вниз и, делая крутой завиток, сильно выступают вперед. На противоположном торце плитки вертикальной выпуклой полосой показан хвост.

В 1900 году крестьянин В. М. Говорухин при распашке участка земли в 4,5 версты от деревни Сапогово (ныне село Новобурино Кунашакского района Челябинской области) нашел в слое чернозема двадцать бронзовых антропоморфных фигурок. «Сапоговский клад» — под таким наименованием найденные человечки вошли в историческую науку. Датировка клада в пределах конца IV — III века

до н. э. хорошо обосновывается аналогами изображенных на них предметов вооружения в древностях южноуральских степей. Культурная принадлежность клада окончательно не определена, но большинство исследователей связывает его с племенами гороховской археологической культуры.

Фигурки Сапоговского клада были отлиты в двуставных глиняных формах с частичной последующей обработкой. Очевидно, что изготовление форм для их отливки производилось путем оттиска в глине деревянных фигурок. У них в высоком рельефе были выточены борода, прическа, нависающий лоб, а также черты лица, пальцы рук и предметы вооружения. Затем лицевая сторона обрабатывалась каким-то составом или ложились, тогда как оборотная оставалась необработанной. После чего фигурки оттискивались в глине. После дополнительной обработки, просушки и обжига створок форма была готова к употреблению.

Сапоговский клад не только позволяет охарактеризовать одно из направлений искусства населения лесостепного Зауралья второй половины I тысячелетия до н. э., но и дает нам редкую возможность составить представление

pyramid. The muzzle tapers slightly towards its middle part and then again expands to the rounded nose. The lips, round eyes and drop-shaped nostrils are shown by a prominent relief. The ears are also convex. The horns are shown by a convex strip and underlined by a groove underneath. The horns' curls more voluminous than the horns themselves descend to the front of the slab.

The largest of the currently known slabs depicting a ram head was found on the Uy River near the village of Karakulsky of the Oktyabrsky district. The animal's head is raised above the lower surface of the slab, which on the side view makes it look directed forward and upward. In the profile, the humpback nose of the animal stands out clearly. The ram's hollow cheeks are formed with slightly recessed planes. The round eyes, almond-shaped nostrils and straight lips are shown by convex relief. The ram's very convex spiral horns diverge from one point above the forehead, fall down and making a steep curl strongly protrude forward. At the opposite end of the slab, a vertical convex strip shows the tail.

In 1900, a peasant V. M. Govorukhin, when ploughing a plot of land 4.5 versts from the village of Sapogovo (now the village of Novoburino, Kunashaksky district, Chelyabinsk

region), found twenty bronze anthropomorphic figurines in a layer of black soil. In historical science, these figurines are known as the "Sapogovsky treasure". The treasure is dated to the late IV — III century BC, which is well supported by the analogues of the weapons depicted on the figurines that were found in the antiquities of the South Ural steppes. The cultural affiliation of the treasure is not fully determined but most researchers associate it with the tribes of the Gorokhov archaeological culture.

The Sapogovo treasure figurines were cast in two-part clay moulds with subsequent partial finishing. Obviously, the casting moulds were manufactured by imprinting the wooden figurines in clay. The beard, hair, overhanging forehead, as well as the facial features, fingers and arms were carved in a high relief. Then the front side was treated with some kind of composition or polished, while the back remained unprocessed. The figurines were then imprinted in clay. After additional processing, drying and firing the flaps, the mould was ready for use.

The Sapogovo treasure does not only allows characterizing one of the art styles developed by the forest-steppe Trans-Ural population in the second half of the I millennium BC, but it also

Бронзовые антропоморфные
фигурки. Гороховская культура
(III–II века до н. э.).
Сапоговский клад. ГЭ
Bronze anthropomorphic figurines.
Gorokhov culture (III–II centuries BC).
Sapogovsky treasure

о социальной структуре этого населения. Тщательный анализ всех сохранившихся фигурок Сапоговского клада позволил В. Ю. Зуеву разделить их на восемь типов изображений, ранжированных не только по размерам, но и по обозначенным на них атрибутам (длинные мечи, кинжалы, гориты, украшения). Все эти типы образуют три иерархично соподчиненные группы персонажей, представляющих разные страты древнего общества.

Первая группа включает три типа самых больших фигурок. Главными среди них являются, очевидно, два бронзовых человечка с золотыми гривнами на шеях и многовитковыми браслетами на правых запястьях. К их ногам прикреплена пара набедренных кинжалов в ножнах. Это, безусловно, изображения правителей, главных лиц социума, который они возглавляли.

Следующий тип образует фигурка, отличительной особенностью которой является чрезмерная вооруженность — длинный меч, боевой пояс, два набедренных кинжала. На шее и верхней части груди изображена многовитковая гривна. Сочетание этих и ряда других деталей заставляет видеть в фигурке изображение верховного жреца.

Фигурки третьего типа из первой группы изображают, вероятно, военачальников. Об этом говорят, помимо их размеров, набор вооружения, включающий длинные мечи и гориты, а также изображения каких-то символических предметов, возвышающихся над плечами человечков.

Вторая группа человечков включает фигурки двух типов. Это прежде всего три фигурки, изображающие мужчин-воинов с характерным для всадников набором вооружения, включающим всаднический меч, набедренный кинжал и горит, в котором четко просматривается лук. Это, вероятнее всего, воины-дружинники. Фигурки второго типа из этой группы олицетворяют, скорее всего, жен богатырей — на фигурках именно этой группы явно подчеркнута их половая принадлежность.

Третья группа человечков из Сапоговского клада состоит из трех типов фигурок. Первую группу составляют фигурки воинов, все вооружение которых состоит из набедренного кинжала. Из, предположительно, трех фигурок сохранилась лишь одна, найденная в поселке Элеватор Кунашакского района.

Второй тип человечков из третьей группы представлен тремя схематическими женскими фигурками. На лице у них валиками показаны лишь горизонтальная линия бровей и короткий нос, на теле — бугорки груди. Мужские и женские фигурки из третьей группы характеризуют «средний» слой общества — свободных общинников. К этому же социальному слою относятся и изображения

Бронзовые антропоморфные фигурки. Случайная находка у поселка Карино. Гороховская культура (III–II века до н. э.). ГИМЮУ

Bronze anthropomorphic figurines. An accidental find near the Carino village. Gorokhov culture (III–II centuries BC). SHMSU

«стариков» — немощных старцев с окладистыми бородами и иссохшими телами.

В июне 2014 года в Государственный исторический музей Южного Урала поступили две медные антропоморфные фигурки, найденные на берегу реки Синары близ поселка Карино Кунашакского района. Сделаны они достаточно небрежно и после отливки дополнительно не обрабатывались. Несомненно, это изображения мужчин-воинов. За правым плечом первой фигурки длинным слегка изогнутым выступом показан лук в чехле. К поясу подвешен длинный меч. На левом плече выступ, напоминающий схематическую фигуру человека с расставленными руками. У второй фигурки также к поясу подвешен длинный меч. За правым плечом короткий выступ, такой же длины и формы выступ имеется на левом плече. В верхней части головы у обеих фигурок — необработанный литник.

Этногеография Южного Урала VII–IV веков до нашей эры

Рассматривая этническую картину Южного Урала раннего железного века, необходимо иметь в виду, что на протяжении всей эпохи она неоднократно менялась в соответствии с вековыми циклами, характерными для природы

gives us a rare opportunity to get an idea of this population social structure. A thorough analysis of all the Sapogovsky treasure preserved figures allowed V. Yu. Zuev dividing them into eight types of images ranked not only by size, but also by the depicted attributes (long swords, daggers, goritas, and jewellery). All these types form three hierarchically subordinate groups of characters representing different strata of the ancient society.

The first group includes three types of the largest figurines. The main among them are, obviously, two bronze men with gold hryvnias on their necks and multi-turn bracelets on their right wrists. A pair of thigh daggers in holsters is attached to their legs. These are, of course, the images of the rulers, the most important persons of the society.

The next type is formed by a figure, the distinguishing feature of which is excessive armament, a long sword, a combat belt and two thigh daggers. A multi-turn hryvnia is depicted on the neck and upper chest. The combination of these and a number of other details makes us see the image of a high priest.

The third type of the first group figurines probably represents military leaders. In addition to their size, it is evidenced by a set of weapons including long swords and goritas, as well as images of some symbolic objects towering over the figurines shoulders.

The second group of the figurines is divided into two types. First of all, these are three figurines depicting male warriors with a set of weapons characteristic of riders, including a horseman's sword, thigh dagger and gorita, in which the bow is clearly seen. These are most likely warriors. The second type of these group figurines most likely personify the wives of the heroes, as on such figurines, the female gender attributes are clearly emphasized.

The third group of the Sapogovo treasure figurines consists of three figurine types. The first type includes the figurines of warriors whose armament only consists of a thigh dagger. Only one of supposedly three figures found in the village of Elevator, Kunashak district was preserved.

The second figurine type of the third group is represented by three schematic female figurines. Only horizontal lines of eyebrows and short noses are shown as rollers on their faces, while on the bodies there are only the breast tubercles. The male and female figurines from the third group characterize the "middle" stratum of the society, free community members. The images of "old people", feeble old men with rich beards and withered bodies refer to the same social stratum.

In June 2014, two copper anthropomorphic figurines found on the banks of the Sinara River near the village of Karino, Kunashaksky district were given to the South Ural State Historical Museum. They are made quite carelessly and after casting were not further finished. Undoubtedly, these are images of male warriors. Behind the right shoulder of the first figure,

a bow in a holster is shown by a long slightly curved protrusion. From the belt, a long sword is suspended. On the left shoulder there is a protrusion resembling a schematic figure of a person with arms apart. The second figurine also has a long sword suspended from its belt. Behind the right shoulder there is a short protrusion. A protrusion of the same length and shape is located on the left shoulder. Both figurines have unremoved sprues in the upper parts of the heads.

The South Ural ethnogeography of the VII–IV centuries BC

Considering the ethnic picture of the South Urals of the Early Iron Age, it must be borne in mind that throughout the period, it repeatedly changed following the secular cycles of the nature and society. Not only the ethnic composition of the population but also the dominant tribal community changed many times, which explains the change of ethnonyms recorded by different written sources.

In the ancient literature sources, the earliest information on the Eurasian Steppe peoples is associated with the name of Aristaeus, a citizen of the small Greek city of Prokonnesos located on the Prokonnesos Island in the Marmara Sea. In the second half of the VII century BC, Aristaeus made a long journey to the north and visited the country of the Issedones, who lived "near waters at a river". The main reference to the locality of this people can be found in the work of the ancient Greek historian Herodotus, who in the V century BC visited the city of Olbia, founded by the Greeks on the northern shore of the Black Sea. According to Herodotus, the Issedones lived east of the Argippeis and "opposite" the Massageteans, that is, east of the Middle Urals and north of the Caspian region steppes and deserts. This reference allows localizing the Issedones of the Herodotus time (VI — V centuries BC) in the Trans-Urals forest-steppe and tracing them in the name of the Iset River. Most researchers currently believe that at the Aristaeus time, the Issedones lived in the South Ural and Trans-Ural steppes and forest-steppes, where the Kampas River (the Tobol or the Ishim rivers) flowed. At the Herodotus time, the Issedones were probably the bearers of the forest-steppe Trans-Ural semi-nomadic cultures.

"Above" the Issedones, that is, upstream of the river, there lived the mighty Arimaspsans who were rich in horses, herds of sheep and bulls. They constantly fought with monstrous vulture animals for the gold that was mined in the meadows of the Pluto River, possibly, in the upper reaches of the river, on the banks of which the Issedones lived. The Arimaspsans also raided the Issedones driving them out of their lands. It is quite obvious that both, Aristaeus and, Herodotus gave the name of "Arimaspsans" to the nomads of the South Trans-Ural steppes and the Cis-Tobol River region.

Грифон,
поедающий
аримаспа.
Греция.
125–75 годы
до н. э. Музей
Гетти, Лос-
Анджелес
Griffin eating
an Arimaspan.
Greece. 125–
75 years BC.
Getty Museum,
Los Angeles

и общества. Менялся не только этнический состав населения, но менялось и доминирующее племенное объединение, что объясняет смену этнонимов, фиксируемую различными письменными источниками.

Самые ранние сведения в античной литературной традиции о народах евразийских степей связаны с именем Аристея, гражданина небольшого греческого города Проконнеса на одноименном острове в Мраморном море. Во второй половине VII века до н. э. он совершил далекое путешествие на север и побывал в стране исседонов, обитавших «у вод, близ реки». Основные указания на местобитание этого народа содержатся в сочинении древнегреческого историка Геродота, который побывал в V веке до н. э. в городе Ольвия, основанном греками на северном берегу Черного моря. Согласно Геродоту, исседоны жили к востоку от аргиппеев и «напротив» массагетов, то есть к востоку от Среднего Урала и к северу от степей и пустынь Прикаспия. Это указание позволяет локализовать исседонов времени Геродота (VI–V века до н. э.) в лесостепи Зауралья и видеть их след в названии реки Исеть. Большинство исследователей в настоящее время считают, что во времена Аристея исседоны обитали в степи и лесостепи Южного Урала и Зауралья, где протекала река Кампас (Тобол или Ишим). Во времена Геродота исседоны были, вероятно, носителями полукочевых культур лесостепного Зауралья.

«Выше», то есть выше по течению реки исседонов, обитали могучие аримаспы, богатые лошадьми, стадами овец и быков. Они постоянно воевали с чудовищными животными-грифонами из-за золота, которое добывалось на лугах реки Плутон — возможно, верхнего течения той же реки, на берегах которой жили исседоны. Аримаспы делали набег и на исседонов, тесня их. Вполне очевидно, что под именем «аримаспы» у Аристея и Геродота выступают кочевники степей Южного Зауралья и Притоболья.

В четвертом томе своего сочинения «отец истории» Геродот описывает торговый путь, идущий из Северного Причерноморья далеко на северо-восток, к аргиппеям, которые жили, скорее всего, в Южном Приуралье, на территории современной Приуральской Башкирии. Конечно, аргиппеев нельзя считать прямыми предками нынешних башкир. Однако нет ничего невероятного в том, что часть потомков аргиппеев могла влиться позднее в состав башкир, сохраняя многие свои обычаи и черты внешнего облика.

Прежде чем перейти к этнической картине Южного Урала конца IV века до н. э., напомним, что южноуральские степи были лишь местом летовок крупного этнопотестарного объединения кочевников, сложившегося еще в конце VI — начале V века до н. э. и состоявшего из двух тесно связанных между собой, но достаточно самостоятельных частей, или орд — зауральской и приуральской.

Во второй половине IV века до н. э. величайшим полководцем древности Александром Македонским была создана крупнейшая мировая держава, простирающаяся от Египта до Индии и от Аральского моря до Персидского залива. В течение 329–328 годов до н. э. Александр вел боевые действия в Центральной Азии. Ключевым событием этого похода был конфликт с кочевым народом, жившим на границе с Согдианой по Сырдарье. Источники не называют этнонима этого народа, а дают ему условные географические обозначения: европейские скифы; скифы, живущие за Танаисом; скифы, живущие у Танаиса; даи, живущие на этой стороне Танаиса или даи с Танаиса. Свидетельства античных источников позволяют заключить, что под обозначением «даи с Танаиса» фигурирует зауральская орда этнопотестарного объединения южноуральских кочевников конца V — IV века до н. э.

В период центральноазиатского похода Александра Македонского в Согдиане вспыхнуло восстание под предводительством Спитамена, в котором активное участие приняли отряды кочевников. Ни одно предприятие Спитамена не обходилось без их поддержки. Этими кочевниками были дахи и массагеты, которые в источниках выступают как дахи, массагеты, скифы-кочевники или скифы.

In the fourth volume of his essay, the “father of history” Herodotus describes a trade route, going from the north Black Sea coast farther to the north-east, to the Argippeis, who most likely lived in the South Urals in the territory of the modern Cis-Ural Bashkiria. Of course, the Argippeis cannot be considered the direct ancestors of the modern Bashkirs. However, there is nothing improbable in the fact that a part of the Argippeis’ descendants could later join the Bashkirs, preserving many of their own customs and appearance features.

Before moving on to the ethnic picture of the South Urals at the end of the IV century BC, let’s recall that the South Ural steppes were only used for summerings by a large ethnical-potestarian association of nomads that developed back in the late VI — early V centuries BC and consisted of the Trans-Ural and Cis-Ural parts or hordes that were closely interconnected but rather independent.

In the second half of the IV century BC, the largest world power stretching from Egypt to India and from the Aral Sea to the Persian Gulf was created by the greatest commander of Antiquity, Alexander the Great. During the years of 329–328 BC Alexander fought in Central Asia. The key event of this campaign was the conflict with the nomadic people living on the border with Sogdiana along the Syr Darya River. Sources do not exactly name the ethnonym of this people, but call them conditional geographical names, like the European Scythians, the Scythians living beyond Tanais, the Scythians living at Tanais, the Dai living on this side of Tanais or the Dai from Tanais. Evidence given by ancient sources allows concluding that the term the “Dai from Tanais” is used to name the Trans-Ural horde of the ethnically-motivated association of the South Ural nomads of the late V — IV centuries BC.

During the Central Asian campaign of Alexander the Great in Sogdiana, an uprising led by Spitaman broke out, in which the nomad groups took an active part. Not a single Spitaman’s campaign went without their support. These nomads were the Dahi and Massageteans, who in the sources are called the Dahi, Massageteans, Scythian nomads, or Scythians.

However, the Spitaman’s Dahi should not be confused with the Dai from Tanais, since in the Antiquity tradition, these two peoples were always clearly distinguished; the Spitaman’s Dahi can be identified as nomads, who along with the Massageteans lived near the Khorezm borders, i. e., on Mangyshlak, Ustyurt and in the lower reaches of the Amu Darya River. Obviously, in the events associated with the Spitaman’s uprising, in the sources, the ethnonym “Dahi” was given to the Cis-Ural horde of the ethnically-motivated South Ural nomad association of the late V — IV century BC.

Всадник, стреляющий из лука. Сибирская коллекция Петра I. V–IV века до н. э. ГЭ
Horseman shooting a bow. The Siberian collection of Peter the Great. V–IV centuries BC

After the collapse of the state created by Alexander the Great, one of the Dahi tribes, the Parni (Aparni) started systematic raids in the territories adjacent to the South-East coast of the Caspian Sea. The conquest of the Seleucid satrapy of Parthian by the Parni about 238 BC led to the formation of the Parthian state, one of the largest powers of the ancient world.

After these events for a long time, the South Ural steppes remain out of the attention of ancient and medieval authors, which lead to a long period of almost complete absence of any written sources on the South Urals.

Однако дахов Спитамена нельзя путать с даями с Танаиса, поскольку в античной традиции эти два народа всегда четко различались. Дахов Спитамена можно отождествить с кочевниками, которые вместе с массагетами жили близ границ Хорезма, то есть на Мангышлаке, Устюрте, в низовьях Амударьи. Очевидно, что под этнонимом «дахи» в событиях, связанных с восстанием Спитамена, в источниках фигурирует приуральская орда этнопотестарного объединения южноуральских номадов конца V — IV века до н. э.

После распада державы, созданной Александром Македонским, одно из дахских племен — парны (апарны) — стало совершать систематические набеги на территории, примыкавшие к юго-восточному побережью Каспийского моря. Завоевание парнами около 238 года до н. э. селевкидской сатрапии Парфиены привело к образованию Парфянского государства — одной из крупнейших держав древнего мира.

После этих событий южноуральские степи надолго остаются вне зоны внимания древних и средневековых авторов, что приводит к длительному периоду почти полного отсутствия каких-либо письменных источников по Южному Уралу.

Мужчина и женщина сарматского времени по материалам погребений могильника Кичигино I (IV век до н. э.). Антропологические реконструкции. Автор А. И. Нечвалода

Sarmatian period man and woman reconstructed based on the materials of Kichigino I burial grounds (IV century BC). Anthropological reconstructions. Author A. I. Nechvaloda

Раскопки могильника
Кичигино I. 2009 год.
Фото А. Таирова

Kichigino I burial ground excavation.
2009. Photo: A. Tairov

С. Г. Боталов.
**ЭПОХА
ВЕЛИКОГО
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
НАРОДОВ
И РАННЕЕ
СРЕДНЕ-
ВЕКОВЬЕ
ЮЖНОГО
УРАЛА
(II–VIII века)**

4

S. G. Botalov.
**THE ERA
OF THE GREAT
MIGRATION
OF PEOPLES
AND THE EARLY
MIDDLE AGES
IN THE SOUTH
URALS
(II–VIII centuries)**

Окрестности Темясово.
Республика Башкортостан.
Фото: С. Арканов
In the vicinity of Temyasovo village.
The Republic of Bashkortostan.
Photo: S. Arkanov

Глава 4.

ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ЮЖНОГО УРАЛА (II–VIII века)

В конце I века н. э. хуннская эра в Центральной Азии закончилась, но с этого времени начался новый этап их истории: гуннская инвазия в Европу и их опустошительные завоевания в Старом Свете. И хотя вопрос о прямой связи азиатских хунну (сюнну) и европейских гуннов до настоящего времени остается дискуссионным, едва ли кто из сторонников различных точек зрения сомневается в том, что именно азиатские номады дали первотолчок Великому Переселению народов.

Н. Н. Крадин. Империя Хунну

К поздней Древности в среде сообществ кочевников уже сформировалась система рационального использования степных и лесостепных природно-климатических ландшафтных зон, возникла пастбищно-кочевая система, приведшая к тому, что в степной и отчасти лесостепной зоне окончательно оформились хозяйственно-экономические регионы. Консолидация населения внутри них в рамках единых пастбищно-кочевых провинций происходила как по этнородовому, так и по территориально-политическому принципу. Среди этих пастбищно-кочевых провинций можно назвать Ордос-Халха, Северо-Монгольские предгорья, пригобийские степи, хакасско-минусинские степи, Алтай (Приобский, Джунгарский, Монгольский), Присаянье, Притяньшанье, Обь-Иртышье, урало-аральские степи, Приурало-Каспийский регион, Волго-Донье и др. Как правило, в этих регионах происходило сложение крупных кочевых племенных союзов и раннегосударственных образований.

Возникновение империи хунну привело к многочисленным миграциям кочевых и полукочевых народов в ареале обширного пояса евразийских степей, лесостепей, полупустынь и оазисов. Апогеем этих миграций явилось переселение и последующие нашествия гуннов на Восточную и Западную Европу, а позже на Центральную Азию и Индию. Эти процессы сыграли решающее значение в трансформации евразийской кочевой цивилизации.

Хунны-гунны, с одной стороны, приведшие в движение все население степи, и тюрки — с другой, исторически обусловили и реализовали практически некий механизм всеобщей культурной взаимосвязи народов, проживавших в пределах единого вмещающего ландшафта. Они заложили основы гигантской евразийской трансконтинентальной культурной коммуникации, проявлением которой стал Великий шелковый путь.

Длительный процесс перемещений и взаимодействий, который вошел в историю как «эпоха Великого переселения народов», на самом деле ознаменовал собой культуриацию некой макрокультурной интеграции, произошедшей в степи на стыке гуннской и тюркской эпох. Результатом этой интеграции явилось не только создание первых континентальных кочевых империй — Великих тюркских каганатов, но и окончательное сложение особой системы взаимодействия и взаимообусловленности историко-культурного развития степных сообществ кочевой цивилизации. Особенно ярко это проявилось

Аул спускается с жайляу.
Синьцзян. Алтай. 2006 год

Aul descending from Zhailau.
Xinjiang. Altai. 2006

Chapter 4.

THE ERA OF THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES AND THE EARLY MIDDLE AGES OF THE SOUTH URALS (II–VIII centuries)

At the end of the 1st century AD, the Hunnu era in Central Asia ended, but from this time, a new stage in their history began: the Hunnish invasion of Europe and their devastating conquests in the Old World. And although the question of the direct connection of the Asian Hunnu (Xiongnu) and the European Huns remains debatable to this day, hardly any proponent of various points of view doubts that it was the Asian nomads who gave the first impetus to the Great Migration of Peoples.

N. N. Kradin. Hunnu Empire

By Late Antiquity, the system of rational use of steppe and forest-steppe natural and climatic landscape zones had already formed in the nomad communities; the pastoral-nomadic system emerged, which led to the final formation of economic regions in the steppe, and partly forest-steppe zones. The consolidation of the population in these zones in the form of united pastoral-nomadic provinces occurred both, on the ethnical-patrimonial and, territorial-political bases. Among these pastoral nomadic provinces, one can name the provinces of the Ordos-Khalkha region, North Mongolian foothills, Cis-Gobi steppes, Khakass-Minusinsk steppes, Altai (Cis-Ob), Dzhungarsky, Mongolian) regions, Cis-Sayan range, Cis-Tian Shan region, Ob-Irtysh River Basin, Ural-Aral steppes, Cis-Ural-Caspian region, Volga-Don River Basin, etc. As a rule, it was in these regions, where the formation of large nomadic tribal unions and early state formations took place.

The emergence of the Hunnu Empire led to numerous migrations of nomadic and semi-nomadic peoples in the vast belt of the Eurasian steppes, forest-steppes, semi-deserts and oases. The apogee of these migrations was the resettlement and the subsequent Hunnic invasions of Eastern and Western Europe, and later of Central Asia and India. These processes played a decisive role in the transformation of the Eurasian nomadic civilization. It was, on the one hand, Hunnu-Huns who set in motion the entire steppe population and, on the other hand, the Türks, that historically determined

and practically implemented a mechanism of the universal cultural interconnection of the peoples living within a the same landscape. They laid the foundations of a giant Eurasian transcontinental cultural communication, which was manifested by the Great Silk Road.

The long process of movements and interactions, which went down in history as the “era of the Great Migration of Peoples,” actually marked the culmination of a kind of macro-cultural integration that took place in the steppe at the border of the Hunnic and Turkic eras. This integration resulted not only in the creation of the first continental nomadic empires, the Great Turkic Khaganates, but it also brought a special system of interaction and interdependence to the historical and cultural development of the nomadic steppe communities. This was especially pronounced after the formation of the Turkic empires. But there are many more manifestations of the nomadic civilization specificity. The extraordinary cultural and political mobility of the nomadic communities is striking. The nomads were capable of not only making migration movements or continuous raids in the gigantic territories of the steppe Oikumena, but they could also in no time from the historical point of view build cities and headquarters in the Kazakhstan steppe oases, Caucasus foothills and Balkans, as well as on the banks of the Volga River, Don River and Danube River. Finally, one more manifestation of the emergence of the nomadic civilization was the spread of the runic writing both, among the nomadic elite and, possibly among the ordinary population. Probably, the runic writing being a kind of steppe Esperanto quite clearly and succinctly performed its main information functions.

In the Ural-Kazakhstan steppes, to the Early Hunnic period attributed are the monuments mainly dated to the II–IV centuries. There is a certain tradition to call these complexes the late Sarmatian complexes by analogy with the Lower Volga and Volga-Don region monuments and accordingly attribute

после формирования тюркских империй. Но это далеко не все проявления особенностей кочевой цивилизации. Поражает чрезвычайная культурно-политическая мобильность кочевых сообществ, способных не только совершать миграционные рейды или беспрестанные набеги в пределах гигантских территорий степной ойкумены, но и молниеносно, с исторической точки зрения, отстраивать города и ставки в степных оазисах Казахстана, в предгорьях Кавказа, на Балканах, на берегах Волги, Дона и Дуная. И, наконец, еще одним проявлением факта возникновения кочевой цивилизации явилось всеобщее внедрение рунического письма как в среде кочевой элиты, так и, возможно, среди рядового населения. Вероятно, руническая письменность, будучи неким степным эсперанто, довольно четко и лаконично исполняла свои основные информационные функции.

К раннегуннской эпохе в урало-казахстанских степях относятся памятники, в основном датируемые II–IV веками. Сложилась определенная традиция называть эти комплексы, по аналогии с нижневолжскими и волго-донскими памятниками, позднесарматскими и, соответственно, относить их к позднесарматской культуре. Однако в процессе исследований последнего десятилетия нами и другими исследователями было обращено внимание на определенное своеобразие урало-казахстанских комплексов этого периода, вследствие чего было предложено отнести их к гунно-сарматской культуре.

Историко-культурный комплекс ранних гуннов

Раннегуннские или гунно-сарматские комплексы представляют собой особый историко-культурный феномен для археологии Южного Урала и севера казахстанских степей. Появившись здесь совершенно неожиданно в середине или конце II века н. э., они постепенно исчезают к концу IV века. В отличие от поволжских и донских комплексов или памятников лесостепного Приуралья рубежа эр они не имеют непосредственной генетической связи с предшествующим этапом развития. Следы исчезнувшего населения урало-казахстанских степей проявляются в материалах памятников Приуральской (турбаслинские) и Зауральской (прыговские) лесостепи и даже леса, в комплексах низовьев Сырдарьи (джетысарские), в погребениях Поволжья, Волго-Донья и Предкавказья.

На сегодняшний день исследовано более 350 погребальных и культовых комплексов, расположенных вдоль северной кромки степной зоны Казахстана и Южного Урала. Территориально гунно-сарматская культура урало-казахстанских степей включает в себя четыре микрорайона: Западный Казахстан, Южное Приуралье, Южное

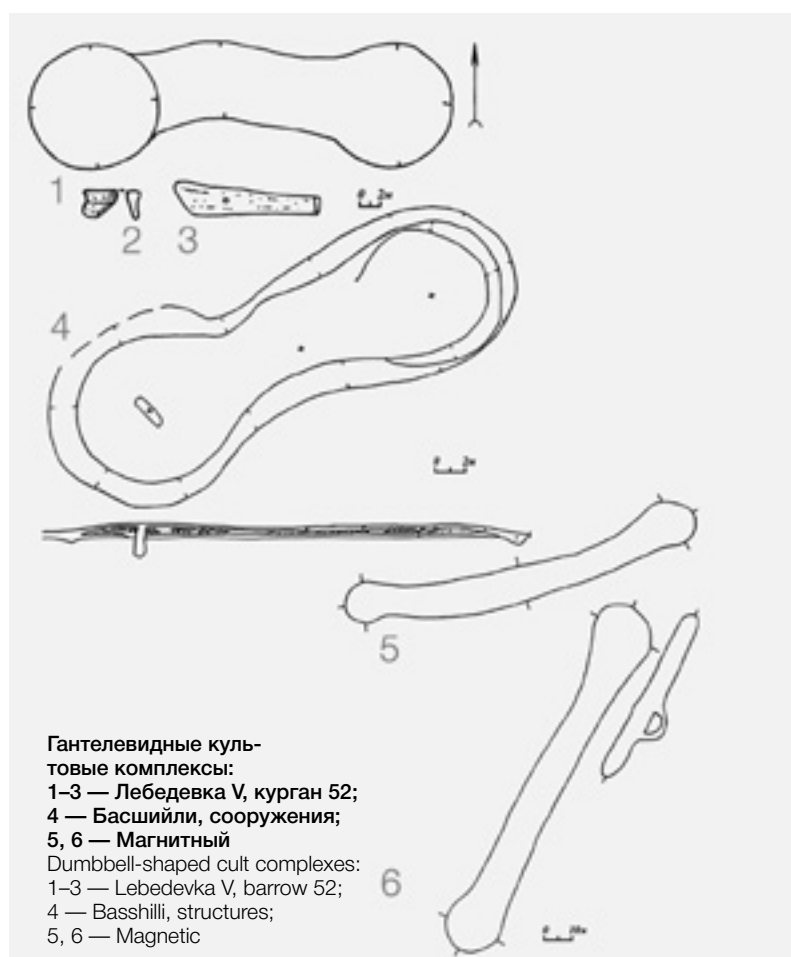
Зауралье и североказахстанское Поишимье. Эти территории неравномерно представлены памятниками на различных хронокультурных этапах.

Похоронный ритуал, или погребальный обряд этих памятников включает следующие обязательные элементы.

Гантелевидные курганы.
Могилиник Солёный Дол.
Брединский район,
Челябинская область

Dumbbell-shaped barrows. Salyony Dol burial ground. Bredinsky district, Chelyabinsk region

Гантелевидные культовые комплексы:
1–3 — Лебедевка V, курган 52;
4 — Басшилли, сооружения;
5, 6 — Магнитный
Dumbbell-shaped cult complexes:
1–3 — Lebedevka V, barrow 52;
4 — Basshilli, structures;
5, 6 — Magnetic

them to the Late Sarmatian culture. However, in the process of the last decade research, we and other scholars paid attention to a certain originality of Ural-Kazakhstan complexes dated to this period, as a result of which it was proposed to attribute them to the Hunnic-Sarmatian culture.

The historical and cultural complex of the early Huns

For the archaeology of the South Ural and Northern Kazakhstan steppe region, the Early Hunnic or Hunnic-Sarmatian complexes represent a special historical and cultural

Могильник Солёный Дол. Брединский район, Челябинская область. Аэрофотоснимок
Salyony Dol burial ground.
Bredinsky district, Chelyabinsk region. Aerial view

На современной поверхности исследователи обнаруживают насыпи курганов, сложенные из земли. Семнадцать курганов из пяти могильников имели насыпь из земли и камня или каменную кольцевую ограду. В ряде случаев фиксировалась забутовка ямы камнем. Диаметр курганов обычно не превышает 10–15 м, высота — 0,5 м.

Особую группу поминальных конструкций составляют сооружения, имитирующие грунтовые склепы, подковообразные, длинные или гантелевидные курганы. Эти особенные конструкции являются обязательным элементом, своеобразной визитной карточкой в наиболее представительных могильниках этого времени. Большинство склепов-курганов располагаются в степной зоне. Количество этих сооружений в могильниках возрастает к востоку. Благодаря своеобразию конструкций сегодня к общему числу исследованных комплексов этого вида можно прибавить до двух десятков могильников, включающих от 2–3 до 15 гантелевидных или длинных курганов и склепов, которые были обнаружены в степном Зауралье по результатам инвентаризации и аэродешифровочного обследования. Особой формой наземных кон-

струкций, входящих в состав могильников с длинными гантелевидными и склепообразными насыпями, является выложенное из грунта изображение вихревой свастики диаметром до 70 м (подобное обнаружено у поселка Урпек в Костанайской области).

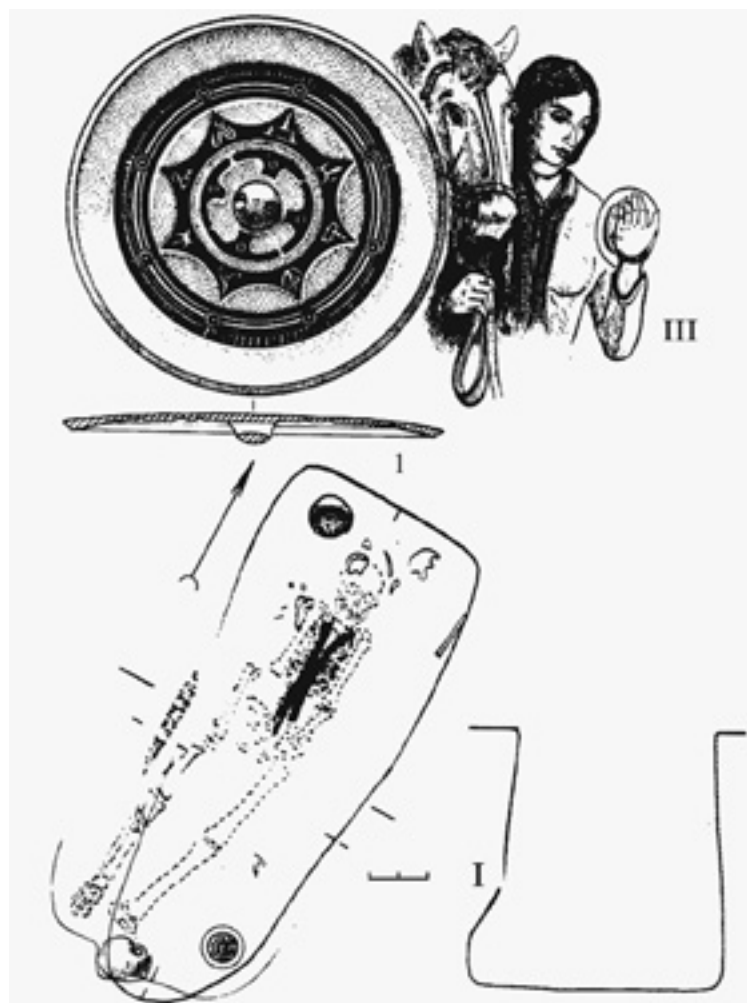
Несложная реконструкция позволяет установить, что наземные сооружения возводились путем выемки грунта с внутренней площадки и из рвов вокруг нее. Затем, скорее всего, дерновые блоки укладывались в виде стены шириной до 1,5–2 м. В южной части склепа оставлялся проход, сужающийся к югу.

Вероятнее всего, склепообразные, гантелевидные и валообразные насыпи являются ритуальными жертвенно-поминальными сооружениями. На это указывает наличие продуктов горения, обломков посуды и керамических курильниц. Хотя следует отметить, что в восьми случаях в пределах площадок были обнаружены погребения. Однако места их сооружений были устроены без видимой системы и не имели конструктивного единства с наземными мегаплановыми конструкциями.

Могильник Темясово-1.
Курган 9 (по Ф. А. Сунгатову).
Республика Башкортостан

Temyasovo-1 burial ground.
Barrow 9 (by F. A. Sungatov).
Republic of Bashkortostan

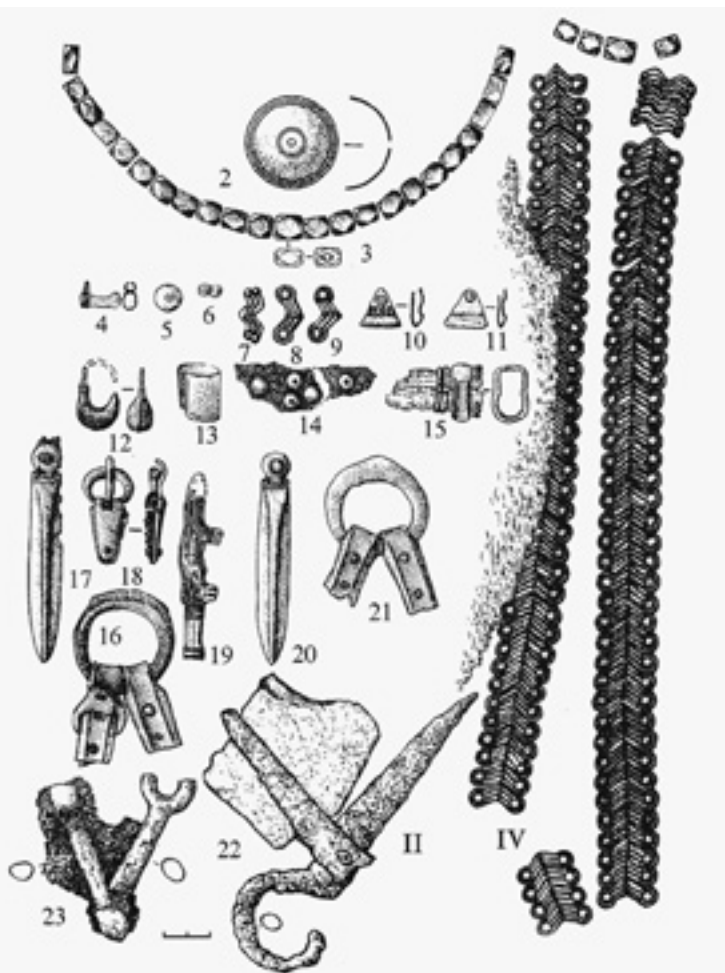

phenomenon. They appeared there completely unexpectedly in the middle or end of the II century BC and gradually disappeared by the end of the IV century. In contrast to the Volga and Don rivers regional complexes or the Cis-Ural forest-steppe monuments of the turn of that period, they do not have any direct genetic link to the previous stage of development. The traces of the disappeared Ural-Kazakhstan steppe population are noted in the forest-steppe and even forest monuments of the Cis-Urals and Trans-Urals (the Turbaslinsky and Prygovskii monuments, correspondingly), as well as in the complexes of the lower Syr Darya region (the Dzhetyasarsky monument) and in the burials of the Volga, Volga-Don and Cis-Caucasus regions.

To date, more than 350 burial and religious complexes located along the northern edge of the Kazakhstan and South Ural steppe zones have been investigated. Territorially, the Hunnic-Sarmatian culture of the Ural-Kazakhstan steppes includes four micro-districts: West Kazakhstan, the South Urals, the South Trans-Urals and the North Kazakhstan Ishim regions. These territories are unevenly represented by the monuments of various chronical-cultural stages.

The burial ritual or funeral rite of these monuments includes the following obligatory elements. On a modern surface, researchers find barrows made of earth. Seventeen barrows from five burial grounds had an earth and stone embankment or a stone ring fence. In some cases, the pit was backfilled by stone. The barrows usually do not exceed 10–15 m in diameter and 0.5 m in height.

A special group of memorial constructions is made up of structures imitating soil crypts, horseshoe-shaped, long or dumbbell-shaped barrows. These special constructions are an indispensable element, a kind of a visiting card in the most representative burial grounds of that time. Most crypt-barrows are located in the steppe zone. The number of these structures in the burial grounds is increasing to the east. Due to the peculiarity of the designs, up to two dozen burial grounds can be added to the total number of the studied complexes of this type, including from 2–3 to 15 dumbbell-shaped or long barrows and crypts, which were discovered in the steppe Trans-Urals due to the inventorization and aerial decoding survey. A special feature of the ground structures, which are part of burial grounds with long dumbbell-shaped and crypt-like

Могильник Малковский.
Курган 1 (Чебаркульский район, Челябинская область):
1, 2, 19, 20 — бронза; 3, 5, 6 — стекло; 4 — стекло, серебро; 7–13 — серебро; 14 — серебро, кожа; 15 — бронза, дерево; 16–18, 21 — бронза, кожа; 22 — железо, камень; 23 — железо; 24, 25 — керамика
Malkovsky burial ground. Barrow 1 (Chebarkul district, Chelyabinsk region): 1, 2, 19, 20 — bronze; 3, 5, 6 — glass; 4 — glass, silver; 7–13 — silver; 14 — silver, leather; 15 — bronze, wood; 16–18, 21 — bronze, leather; 22 — iron, stone; 23 — iron; 24, 25 — ceramics

Могильник Магнитный.
Агаповский район
Челябинская область
Magnitnyy burial ground. Agapovsky district, Chelyabinsk region

Бронзовый колокольчик.
Темясовские курганы. Уфа,
Республика Башкортостан.
Слева: фрагмент колокольчика
Bronze bell. Temyasovsk barrows.
Ufa, Republic of Bashkortostan.
Left: bell fragment

Бронзовый колокольчик.
Могильник Сары-Тау.
Западный Казахстан
Bronze bell. Sary-Tau burial
ground. West Kazakhstan

Как правило, насыпи гунно-сарматских курганов содержат остатки жертвоприношений в виде костей животных. Преобладают кости овцы, единичны находки в виде костей крупного рогатого скота и лошади, они встречаются в основном в курганах самого позднего периода.

Значительное количество погребений (40 случаев) включали деревянные конструкции — гробы размером 1,5...2×0,5...0,8 м либо трапециевидной формы с расширением к голове погребенного, либо вытянуто-прямоугольные.

Преобладающее количество погребенных (74,2 %) лежали вытянуто на спине, головой на север.

В гунно-сарматскую эпоху появляются новые категории вещевого инвентаря, которые несут на себе явные заимствования и инновации восточной (китайской) и западной (римской) цивилизаций.

Гуннский трензель. Реконструкция верховой упряжи в гунно-сарматских всаднических погребениях II–IV веков убеждает нас в том, что с II века н. э. в евразийских степях окончательно складывается принципиально новый тип конской упряжи. Его характерной особенностью является трензельное оголовье, которое включает односоставные кольчатые удила и недоуздок. Количество небольших металлических пряжек и подвесок с наконечником на ремнях указывает на то, что недоуздок включал в себя ремень пере-

носья, налобный и два нащечных ремня, украшенных сферическими или призматическими круглыми накладками.

Характерной особенностью наиболее представительных мужских погребений являются наборы конской узды, которые состоят из кольчатых удил, крупных прямоугольных накладок, пряжек, листовидных накладок-подвесок и накладок-зажимов. Яркие образцы такой ременной гарнитуры — массивные прямоугольные накладки из золотой фольги, натянутой на деревянную основу, обнаруженные в погребении 1 кургана 9 могильника Покровка 2 (Оренбургская область). Уздечные ремни украшают аналогичные сферические накладки, листовидные подвески и полувосьмерковидные зажимы накладок. Таковы же узкие пояса, украшенные округлыми восьмерковидными накладками, имеющие небольшие пряжки с круглой или овальной рамкой и округлым, прямоугольным или треугольным щитком, а также наконечники пояса.

Наличие крупных прямоугольных накладок и пряжек, которые, как правило, в погребении располагаются поодаль от деталей оголовья, наводит на мысль о том, что они украшали нагрудные ремни. В этот комплект, как правило, входит центральная накладка-псевдопряжка с двумя горизонтальными параллельными прорезями, которая, вероятно, является концевой частью крепления нагрудника к подпруге. Ремни нагрудника украшают прямоугольные или круглые фигурные пряжки и фигурные прямоугольные накладки с рыбковидными привесками, по сторонам груди лошади располагались два квадратных фалара с тамгообразными знаками. Все они деревянные, обтянуты золотой фольгой. Металлические круглые фалары, плакированные золотом, найдены во «всаднических» позднесарматских погребениях II–III веков на Дону (Кобяковский, курган 5; Центральный VI, курган 16).

Таким образом, в раннегуннскую эпоху в среде кочевого населения сформировался тип узды и упряжи, которые по своим функциональным качествам позволили вплотную приблизиться к возникновению жесткого седла и стремени. На наш взгляд, с гуннского времени основные составляющие трензельного оголовья не претерпели принципиальных изменений.

В постгуннскую-раннетюркскую эпоху появляются особые элементы конской упряжи, хотя остаются и прежние традиции раннегуннского трензеля. Для тюрко-телесского населения Алтая не характерно применение в элементах крепежа и украшения ремней оголовья металлических пряжек, накладок-зажимов, ременных наконечников. В упряжи в большей мере используется кость (подпружные пряжки, двудырчатые псалии, чумбурные блоки и застежки для пут). Это отражает традиции населения пазырыкского и постпазырыкского времени, у которого

embankments, is a vortex swastika of up to 70 m in diameter made of earth (a similar one was found near the village of Urpek in the Kostanai region).

A simple reconstruction allows establishing that the ground structures were built by excavating the earth from the internal site and from the ditches around it. Then, most likely, sod blocks were laid in to make a wall up to 1.5–2 m wide. In the south part of the crypt a passage narrowing to the south was left.

Most likely, the crypto-shaped, dumbbell-shaped and shaft-shaped barrows are ritual sacrificial memorial constructions. This is indicated by the presence of combustion products, fragments of dishes and ceramic incense burners. However, it should be noted that in eight cases, burials that were found within the sites. These constructions were arranged without any visible system and did not have a constructive unity with the ground mega-plan designs.

As a rule, embankments of the Hunnic-Sarmatian barrows contain the remains of sacrifices, namely, animal bones. Sheep bones predominate; there are incidental and rare finds of cattle and horse bones; they are found mainly in the barrows of the latest period.

A significant number of burials (40 cases) included wooden structures, coffins of 1.5...2×0.5...0.8 m in size; some of the coffins were elongated-rectangular or of trapezoidal shape expanded to the head of the buried.

The predominant number of those buried (74.2 %) lay elongated on their backs with their heads to the north.

In the Hunnic-Sarmatian period, new categories of object inventory appear that are obvious borrowings and innovations of the Eastern (Chinese) and Western (Roman) civilizations.

The Hun snaffle. The reconstruction of the horse harness in the Hunnic-Sarmatian horseman burials of the II–IV centuries

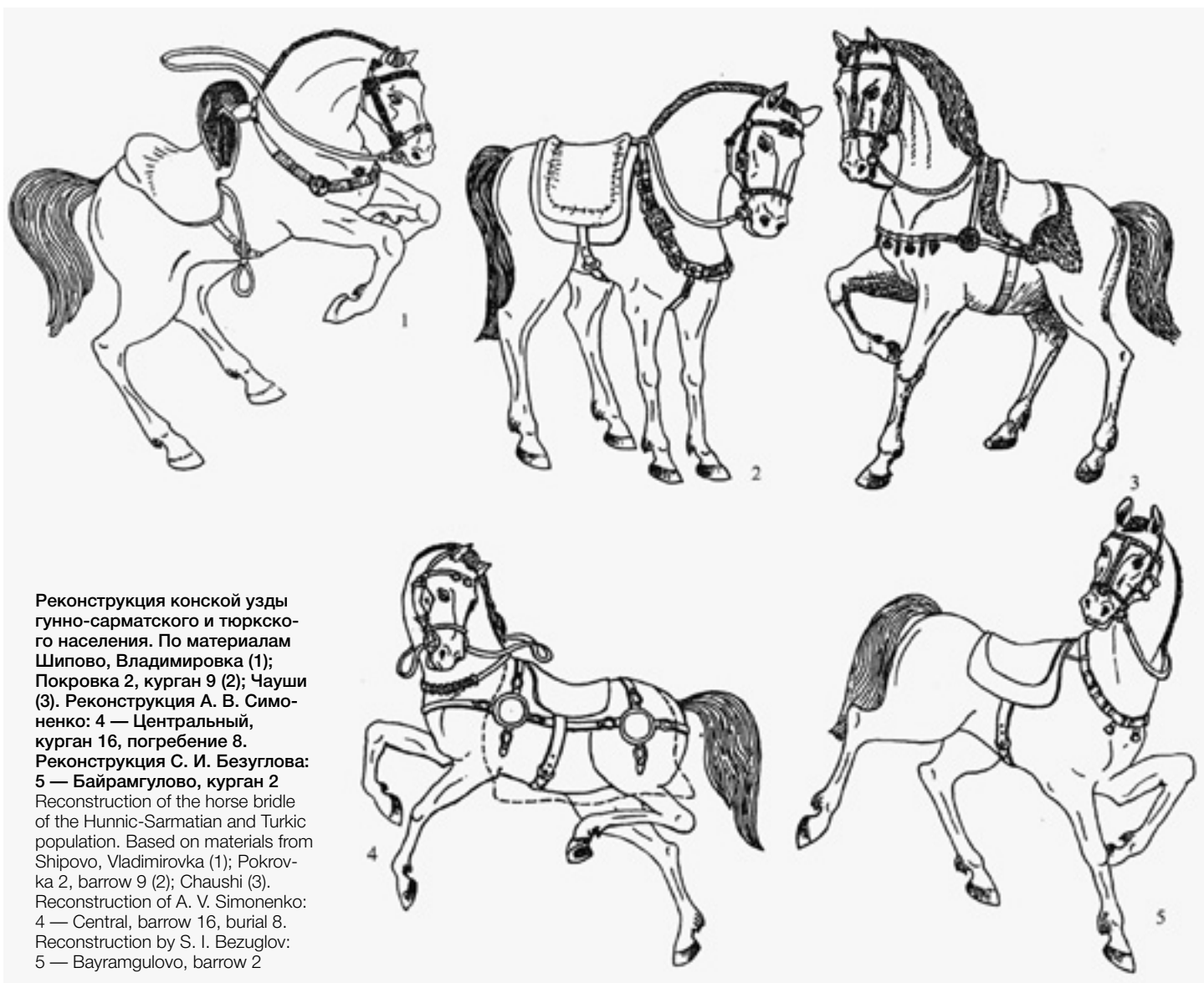
convinces us that from the II century AD in the Eurasian Steppe, a fundamentally new type of horse harness finally took shape. Its characteristic feature is the snaffle headband, which includes a one-piece ring-shaped bit and a halter. The number of small metal buckles and pendants with tips on the belts indicates that the halter included a nose strap, a forehead strap and two cheek straps decorated with spherical or prismatic round pads.

A characteristic feature of the most representative male burials is horse bridle sets, which consist of ringed bits, large rectangular pads, buckles, leaf-shaped pads-pendants and pads-clips. Impressive samples of such sets are massive rectangular pads made of gold foil stretched on a wooden base that were found in burial 1 of barrow 9 in the burial ground Pokrovka 2 (The Orenburg region). Bridle belts are decorated with similar spherical pads, leaf-shaped pendants and half-eight-shaped pad clips. Similar are narrow belts decorated with rounded eight-shaped pads, small buckles, which have a round or oval frame and a rounded, rectangular or triangular shield, and belt tips.

The presence of large rectangular pads and buckles, which, in the burial are often located at a distance from the headband parts, suggests that they decorated chest straps. This set as a rule includes a central pad-pseudobuckle with two horizontal parallel cuts, which probably served the end part of the bib-to-cinch fastener. The bib straps are decorated with rectangular or round shaped figured buckles and figured rectangular pads with fish-shaped pendants; two square phalerae with tamga-shaped signs are located on the sides of the horse's chest. All of them are wooden, covered with gold foil. Round metal phalerae plated with gold were found in the "horseman" late Sarmatian burials of the II–III centuries in the Don River region (Kobyakovskiy, barrow 5; Central VI, barrow 16).

Элемент конской узды. Могильник Байрамгулово. Курган 2. Аргаяшский район Челябинская область. Раскопки Н. А. Полушкина
Element of the horse bridle. Bayramgulovo burial ground. Barrow 2. Argayash district, Chelyabinsk region. Excavations by N. A. Polushkin

Реконструкция конской узды гунно-сарматского и тюркского населения. По материалам Шипово, Владимировка (1); Покровка 2, курган 9 (2); Чауши (3). Реконструкция А. В. Симоненко: 4 — Центральный, курган 16, погребение 8. Реконструкция С. И. Безуглова: 5 — Байрамгулово, курган 2
Reconstruction of the horse bridle of the Hunnic-Sarmatian and Turkic population. Based on materials from Shipovo, Vladimirovka (1); Pokrovka 2, barrow 9 (2); Chaushi (3). Reconstruction of A. V. Simonenko: 4 — Central, barrow 16, burial 8. Reconstruction by S. I. Bezuglov: 5 — Bayramgulovo, barrow 2

костяная фурнитура узды была известна на самом раннем этапе истории. На раннетюркском этапе почти исчезают украшения оголовья и нагрудника. Известен лишь один раннетюркский образец украшения оголовья узды — из Чатырского погребения VI–VII веков (Горный Алтай). Бронзовые накладки этой узды (якорьковидные, прямоугольные со сферическими боковыми выемками), весьма отличные от гуннских форм, можно отнести, скорее всего, к образцам раннегеральдического стиля. На наш взгляд, они своеобразно маркируют появление нового — тюркского стиля в ременной гарнитуре.

Почему гуннский лук сменил ханьский меч?

Интересным является тот факт, что в урало-казахстанских погребениях раннегуннского времени значительно сокращается процент наконечников в вооруженческом комплексе, в отличие от хуннских традиций, где остатки вооружения дальнего боя, сообразно военной тактике сюнну, составляли абсолютно преобладающее количество. Гунно-сарматский воинский комплекс в большей мере содержал оружие ближнего боя. Это были двулезвийные мечи и кинжалы с дисковидным или фигурным каменным навершием, без перекрестья или с небольшим брусковидным перекрестьем, в степях Центральной Евразии они впервые появляются в памятниках гунно-сарматского времени.

Thus, in the early Hunnic era among the nomadic population, the types of rein and harness were formed, which in their functional qualities made it possible to come close to a rigid saddle and stirrup. In our opinion, since the Hunnic time, the main components of the snaffle headband have not undergone fundamental changes.

In the post-Hunnic-Early Turkic era, new special elements of horse harness appeared, although, the old traditions of the Early Hun snaffle remained. For the Altai Turkic-Telesk population, it was not typical to use metal buckles, pads-clips and belt tips for decorating headbands and fasteners. In harness, it is bone that is mostly used for spring buckles, double-hole psalii, pendants, and tie fasteners). This reflects the traditions of the Pazyryk and Post-Pazyryk period population, who were acquainted with the bridle accessories at the earliest stage of history. At the early Turkic stage, the headband and bib decorations almost disappeared. Only one early Turkic sample of the harness headband decoration is known, that from the Chatyr burial of the VI–VII centuries (Altai Mountains). The harness bronze pads (anchor-shaped, rectangular with spherical lateral recesses), which are very different from the Hunnic shapes, can most likely be attributed to the samples of the early heraldic style. In our opinion, they kind of mark the appearance of a new, Turkic style in a belt set.

Why did the Han sword replace the Hunnic bow?

An interesting fact is that in the Ural-Kazakhstan burials of the early Hunnic time, the percentage of bowheads in the military complex is significantly reduced, in contrast to the Hunnic traditions, where the remnants of ranged weapons, in accordance with the military tactics of the Huns, made up an absolutely predominant amount. The Hunnic-Sarmatian military complex mostly contained close combat weapon. These were two-blade swords and daggers with a disk-shaped or figured stone pommel with a small bar-shaped cross-hair or without it. In the steppes of Central Eurasia, they first appeared in the monuments of the Hunnic-Sarmatian time. This sword type is of particular interest, since the majority of Hunnic-Sarmatian samples have narrow blades tapering down and a pin-shaped handle; they have no crosshair, and in some cases the top is round. However, in the subsequent period, it was precisely this type of armament that received logical development.

Most likely, the described types of early Hunnic swords and daggers are of Chinese origin. The comparative table shows a wide range of analogues of the Hunnic-Sarmatian swords originating from the Chinese monuments not only of the Han time, but also of an earlier period. The Chinese origin of these types of swords is evidenced by the finds of specific loops for the scabbard (Lebedevka VI, barrow 37; Sladkovsky, barrow 19,

burial 1), which is absolutely characteristic of the Chinese prototypes.

Further development of this type of melee weapons continues in the Hunnic and post-Hunnic times (IV–V centuries). In the samples of this period, the tops are often in the form of stone disks or inlaid umbons (Novogrigoryevka IX, Bryukhanovsky settlement), although the blade becomes much wider (Novogrigoryevka, Dmitrievka).

Apparently, the broad-blade Hun swords with a straight crosshair and a disk-shaped pommel (or without them) were spread in the East along the latitude of the Urals and Central Kazakhstan steppes. This is indicated by the fact that in the Hun and post-Hun times in the Eurasian steppe, there still exist narrow-blade swords, which during this period are transformed into single-blade broadswords. This is clearly seen on the example of the Altai monuments of the V–VI centuries.

It is known that in the Early Hunnic (Hunnic-Sarmatian) burials of the II–IV centuries in the Ural-Kazakhstan and Volga steppes, there are very few arrowheads as compared to the burials of the Early Hunnic period, the II–I centuries BC. Their typological composition is also different. While in the first case,

1. Железный меч из кургана 2. Могильник Мандесарка (по М. Р. Макуровой, Ю. С. Макурову, Е. О. Шиманскому)
2. Железный кинжал с бронзовыми накладками на рукояти. Могильник Мандесарка, курган 4
1. Iron sword from barrow 2. Mandesarka burial ground. (according to M. R. Makurova, Yu. S. Makurov, E. O. Shimensky)
2. Iron dagger with bronze pads on the handle. Mandesarka burial site, barrow 4

Данный тип мечей представляет особый интерес, так как основное количество гунно-сарматских образцов имеют неширокое лезвие, сужающееся книзу, штыревидную ручку, перекрестие у них отсутствует, навершие в ряде случаев круглое. Однако в последующее время именно этот тип вооружения получает логическое развитие.

Вероятнее всего, описанные типы раннегуннских мечей и кинжалов имеют китайское происхождение. В сравнительной таблице приведен широкий круг аналогов гунно-сарматских мечей, происходящих из китайских памятников не только ханьского, но и более раннего периода. В пользу китайского происхождения этих типов мечей свидетельствуют находки специфических петель для ножен (Лебедевка VI, курган 37; Сладковский, курган 19, погребение 1), что абсолютно характерно для китайских прототипов.

Дальнейшее развитие этого типа вооружения ближнего боя продолжается в гуннское и постгуннское время (IV–V вв.). В образцах этого периода часто встречаются навершия в виде каменных дисков или инкрустированных умбонов (Новогригорьевка IX, Брюхановский выселок), хотя лезвие становится значительно шире (Новогригорьевка, Дмитриевка).

По всей видимости, распространение широколезвийных гуннских мечей с прямым перекрестием и дисковидным навершием (либо без таковых) на востоке проходит по широте уральских и центральноказахстанских степей. На это указывает тот факт, что в гуннское и постгуннское время в восточной части евразийской степи продолжают бытовать узколезвийные мечи-клинки, которые в данный период трансформируются в однолезвийные палаши. Это хорошо видно на примере памятников V–VI веков Алтая.

Известно, что в раннегуннских (гунно-сарматских) погребениях II–IV веков урало-казахстанских и поволжских степей крайне мало наконечников стрел по сравнению с погребениями раннехуннского периода — II–I веков до н. э. Отличен и их типологический состав. Если в первом случае мы можем констатировать значительную унификацию колчана, который, как правило, составляют трехлопастные железные наконечники подтреугольной формы, то в хуннских погребениях наряду с этим типом распространены ромбовидные трехлопастные, плоские листовидные, ассиметричные ромбические двулопастные и др.

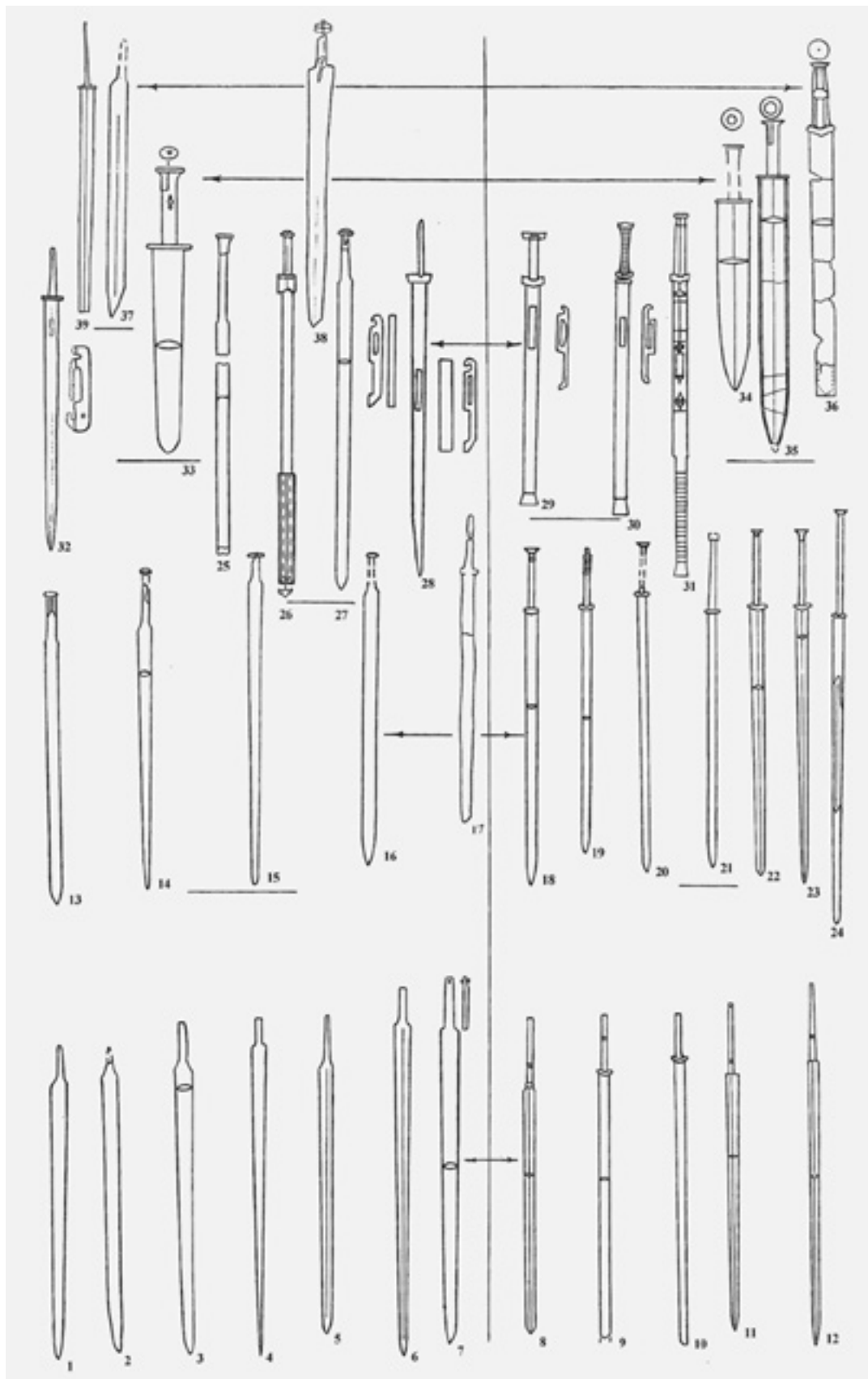
Эти факты, вероятнее всего, указывают на изменение тактики боя на раннегуннском этапе, что было связано, по всей видимости, с повсеместным внедрением защитного доспеха (кольчужного, ламеллярного) в первой половине I тысячелетия н. э. у кочевников евразийских степей и в армиях оседлых цивилизаций. Столкновение гуннов в конце IV — V веке с римской армией, защищенной кроме

1. Железный меч. Могильник Солнце. Варненский район, Челябинская область. Раскопки А. В. Епимахова
2. Железный меч. Могильник у села Малково. Челябинская область
3. Темясово 1. Республика Башкортостан. Раскопки Ф. А. Сунгатова

1. Iron sword. Solntse burial ground. Varna region, Chelyabinsk region. Excavations by A. V. Epimakhov
2. Iron sword. Burial ground near the village of Malkovo. Chelyabinsk region
3. Temyasovo 1. Republic of Bashkortostan. Excavations by F. A. Sungatov

Мечи из урало-казахстанских степей и Китая: 1 — Лебедев-ка VI, курган 22; 2 — Лебедев-ка V, курган 23; 3 — «Четыре брата»; 4 — Целинный I, сооружение 13; 5 — Лебедев-ка IV, курган 1; 6 — Целинный I, курган 64; 7 — Кобяково, курган 5; 8, 9 — Цзысин; 10 — Иньцю э шань; 11 — Сяньцзяовэй; 12 — Гаочжуан; 13 — Лебедев-ка VI, курган 24; 14 — Сладковский, курган 20, погребение 1; 15 — Покровка, курган 2; 16 — Целинный I, курган 3; 17 — Весняное, погребение 1; 18 — Хэшаньмяо; 19 — Лаохэ-шэнь; 20, 21, 29, 30 — Иньцюэ-шэнь (по Сунь Цзину); 22, 36 — Юнань; 23 — Яньсяду; 24 — Цзяньпин; 25 — Лебедев-ка VI, курган 37; 26 — Целинный I, курган 6; 27 — Лебедев-ка VI, курган 37; 28 — Сладковский, курган 19, погребение 1; 31 — Сяньцзяовэй; 32 — Жамантогай; 33 — Целинный, курган 9; 34, 35 — Цжансин; 37 — Ата II, курган 3; 38 — Кара Тобе, курган 4; 39 — случайная находка близ села Малково

Swords from the Ural-Kazakhstan steppes and China: 1 — Lebedevka VI, barrow 22; 2 — Lebedevka V barrow 23; 3 — "Four brothers"; 4 — Tselinniy I, building 13; 5 — Lebedevka IV, barrow 1; 6 — Tselinniy I, barrow 64; 7 — Kobyakovo, barrow 5; 8, 9 — Zixing; 10 — Yinqu e Shan; 11 — Xianjiaowei; 12 — Gaozhuang; 13 — Lebedevka-VI, barrow 24; 14 — Sladkovsky, barrow 20, burial 1; 15 — Pokrovka, barrow 2; 16 — Virgin Soil I, barrow 3; 17 — Spring, burial 1; 18 — Heshanmiao; 19 — Laohe-shen; 20, 21, 29, 30 — Yinquue-shen (according to Sun Jing); 22, 36 — Yunan; 23 — Yansyadu; 24 — Jianping; 25 — Lebedevka VI, barrow 37; 26 — Tselinniy I, barrow 6; 27 — Lebedevka VI, barrow 37; 28 — Sladkovsky, barrow 19, burial 1; 31 — Xianjiawei; 32 — Zhamantogay; 33 — Tselinniy, barrow 9; 34, 35 — Jiangxing; 37 — Atpa II, barrow 3; 38 — Kara Tobe, barrow 4; 39 — an accidental find near the village of Malkovo

ламеллярного доспеха касками, латами и кирасами, привело к тому, что клинковая часть у мечей и кинжалов гуннского облика усиливается для эффективности рубящего удара.

Очевидно, появление массивных широколезвийных мечей в среде кочевников гуннской орды на евразийском пограничье отчасти может объясняться тем, что в связи со значительной удаленностью от основных производственных центров ограничилась возможность приобретать узкоклинковые мечи и кинжалы из центров-производителей, которые, вероятнее всего, находились в пределах Китая или провинций, подчиненных позднему Хань, Сунской или Танской империям (государства Западного края).

По всей видимости, к концу V века происходит окончательная унификация колчанного набора и крупные ромбические трехлопастные наконечники полностью вытесняют все предшествующие типы. Чуть позже появляются новые

типы — трапециевидные, ярусные, трехгранные, боеголовые и плоские двухлопастные,— которые встречаются в памятниках гуннской эпохи в единичных экземплярах. В этой связи весьма показательны колчанные наборы, обнаруженные в комплексах курганов с «усами» раннеселен-ташского типа, в которых абсолютно преобладают ромбические, трехлопастные наконечники.

Евразийский маршрут бронзовых котлов и неповторимые формы гуннских кувшинов

Бронзовый котел — вместилище души кочевого коша (рода). Трудно представить, какой из рукотворных артефактов несет столь высокую сакральную социализирующую нагрузку, как священный котел рода. Геродот приводит такую легенду: чтобы познать могущество своего клана, скифский вождь повелел своим соплеменникам принести по одному бронзовому наконечнику стрелы;

Бронзовый котел. Боровое.
Центральный Казахстан
Bronze cauldron. Borovoe.
Central Kazakhstan

we can ascertain a significant unification of the quiver, which as a rule consists of three-lobed iron sub-triangular arrowheads, then in the Hunnic burials along with the mentioned type other arrowhead types, such as rhomboid three-blade, flat leaf-shaped, asymmetric rhombic bilobate, etc., are common.

These facts most likely indicate a change in the battle tactics at the early Hunnic period, which was most likely associated with the emergence and widespread of protective armour (chain mail and lamellar) among the nomads of the Eurasian steppes and in the armies of settled civilizations in the first half of the first millennium AD. At the end of the IV — V centuries, the battles between the Huns and the Roman army, which in addition to the lamellar armour was protected by helmets and cuirasses, made the Huns strengthen the blade parts of their swords and daggers to increase the effectiveness of the cutting blow.

Obviously, the spread of massive broad-blade swords among the Eurasian borderland Hunnic horde nomads can partly be explained by a limited opportunity to purchase narrow-bladed swords and daggers from the manufacturing centres, which were located at a considerable distance, most likely at the China borders or in the provinces subordinate to the late Han, Song and Tang empires (states of the Western Territory).

Apparently, by the end of the V century, the final unification of the quiver set occurs and the large rhombic three-lobed arrowheads completely replace all previous types. A little later, new arrowhead types appeared, — trapezoidal, longline, trihedral, warhead and flat two — lobed, unique samples of which are found in the Hunnic era monuments. In this regard, very indicative are the quiver sets found in the Early Selentash type complexes of barrows with “ridges” (“moustache”), in which the rhombic three-lobed arrowheads absolutely dominate.

The Eurasian route of bronze cauldrons and unique shapes of Hunnic jugs

A bronze cauldron is a reservoir for the soul of a nomadic clan (kin). It is difficult to imagine another man-made artefact that could carry such a highly sacred social load as the sacred cauldron of a clan. Herodotus tells the following legend: in order to find out how powerful his clan was, the Scythian leader ordered his fellow tribesmen to bring one bronze arrowhead each; he remelted them into a cauldron, by the size of which, the Scythian king could judge the grandeur of his tribal union. Of course, this tradition has a real historical foundation. It is enough to be present at the preparation of the traditional Kazakh beshbarmak, Uzbek pilaf or Mongolian tsuivan to understand that this is a special ritual inherited from the nomadic ancestors. Of course, the action takes place primarily around an open fire and a cauldron that crowns the fire. Interestingly, this process was undergoing changes throughout the entire period of late Antiquity.

Modern researchers are facing a very important issue. In the literature, cauldrons of elongated cylindrical proportions with frame handles, sometimes decorated with mushroom-shaped tops (IV line of development) were conditionally named “Hun cauldrons”.

The cartography of these cauldrons showed that they appeared in a practically finished form in the V century and are found in the territory extending from East Turkestan (Xinjiang) to Central Europe.

In the early Hunnic period in the Central Asian region, there was a clear tendency toward a decrease in volume and shape unification of cauldron ware. That resulted in the emergence of small egg-shaped no-tray cauldrons in the Hunnic-Sarmatian and Late Sarmatian settlements, as well as small ceramic cauldrons in the tribes of the Shurmak, Kokel and Tashtyk circles. At the same time, it is almost impossible to associate them with the most recent (the so-called Hunnic) samples that are of small size and have a conical or hemispherical low body.

Котел из Сакмарского района Оренбургской области
Cauldron from the Sakmarsky district of the Orenburg region

Бронзовый котел. Темясово. Республика Башкортостан
Bronze cauldron. Temyasovo, Republic of Bashkortostan

Котел. Случайная находка у деревни Липнягово. Краеведческий музей города Шадринска

Cauldron. Accidental find near the village of Lipnyagovo. Museum of Local Lore of the City of Shadrinsk

переплавив их, мастер вылил котел, по размерам которого скифский царь мог судить о грандиозности своего племенного союза. Безусловно, это предание имеет под собой реальную историческую основу. Достаточно присутствовать при приготовлении традиционного казахского бешбармака, узбекского плова или монгольского цуйвана, чтобы понять, что это особый ритуал, оставшийся в наследство от кочевых пращуров. Безусловно, действие разворачивается прежде всего вокруг открытого огня и котла, венчающего его. Интересно, что этот процесс видоизменялся в течение всего периода поздней Древности.

Весьма важный вопрос стоит перед современными исследователями. Котлы вытянутых цилиндрических про-

порций с рамчатыми ручками, иногда украшенные грибовидными навершиями (IV линия развития), в литературе получили негласное наименование «гуннские котлы».

Картография этих котлов показала, что они получают свое распространение фактически в готовом виде с V века и встречаются на территории от Восточного Туркестана (Синьцзяна) до Центральной Европы.

Для раннегуннского же времени в центральноазиатском регионе отчетливо намечается тенденция уменьшения объемов и унификации форм котловой посуды. Результатом этого стало появление небольших котлов яйцевидной формы без поддона в гунно-сарматских и позднесарматских поселениях, а также небольших керамических котелков у племен шурмакского, кокэльского и таштыкского круга. При этом почти невозможно провести параллель между наиболее поздними (так называемыми гуннскими) их образцами, имеющими небольшие размеры, конусовидное или полусферическое невысокое тулово.

Интересен тот факт, что в хуннских памятниках, как, впрочем, и среди случайных находок на территории Большой Монголии и Северного Китая, на сегодняшний день мы не обнаружили ни одного образца цилиндрических котлов «гуннского облика». Однако в сопредельных регионах Восточного Туркестана они появились в сложившейся форме, которая, несколько видоизменившись, впоследствии была представлена в кованых котлах тюрков Тувы.

Трудно предположить, что отдельная часть хунно-гуннского населения на каком-то этапе существования империи (вероятно, на кратковременном финальном — конец I — начало II века н. э.), переселившись в Туркестан, стала изготавливать совершенно новые образцы ритуальных котлов и впоследствии пронесла их через степи Западной Азии и Восточной Европы как свои особые этнокультурные фетиши. Ситуация осложняется тем, что подавляющая часть котлов этой типологической группы — случайные находки, и точная их датировка весьма затруднена.

Таким образом, на крайнем востоке и в средней части ареала котлов «гуннского типа» их образцы датируются, вероятнее всего, серединой — второй половиной I тысячелетия н. э., то есть они относятся к тому периоду, когда гунны либо господствовали в Восточной и Центральной Европе, либо сошли с политической арены. Здесь, на востоке, на смену им пришли другие союзы племен и сложились новые кочевые империи. Следовательно, сегодня, при наличии современной источниковой базы, вопрос этнокультурной атрибуции цилиндрических котлов «гуннского типа» остается открытым. Более или менее определенно можно сказать, что этот тип котлов вряд ли может быть

An interesting fact is that to date, in the Hunnic monuments, as, actually among incidental finds in the territory of Greater Mongolia and Northern China, we have not found a single sample of cylindrical cauldrons of the “Hunnic look”. However, in the adjacent regions of East Turkestan, they appeared in the established shape, which, slightly changed, was later presented in the forged cauldrons of the Tuva Turks.

It is difficult to assume that a certain part of the Hunnu-Hun population at a certain stage of the existence of their empire (probably at the short-term final stage, at the end of the I — beginning of the II century AD), having moved to Turkestan, began to produce completely new models of ritual cauldrons and subsequently carried them as their special ethnical-cultural fetishes through the steppes of Western Asia and Eastern Europe. The situation is complicated by the fact that the vast majority of the cauldrons of this typological group are incidental finds, and their exact dating is very problematic.

Thus, in the extreme east and in the middle part of the “Hun type” cauldron area, their samples date most likely to the middle — second half of the I millennium BC, that is, they relate to the period when the Huns either dominated Eastern and Central Europe, or left the political arena. There, in the east, they were replaced by other tribal unions and new nomadic empires emerged. Therefore, today, in the present state of the modern source base, the question of ethnical-cultural attribution of the cylindrical “Hun type” cauldrons remains open. It can be said more or less definitely, that this type of cauldrons can hardly be connected with the Asian Hunnu-Huns due to obvious typological and chronological inconsistencies.

Ceramic tableware of the early Huns is divided into two categories. The largest part is hand-made pots of various sizes (from large to small) and shapes, from high pitcher-shaped pots with a slightly expanding body and a shoulder, to narrow bottom small spherical pots of a characteristic pear-like shape.

Керамическая посуда.
Могильник Магнитный, курган 21. Агаповский район,
Челябинская область
Ceramic dishes. Magnitny burial
ground, barrow 21. Agapovsky
district, Chelyabinsk region

соотнесен с азиатскими хуннами-гуннами из-за явных типологических и хронологических нестыковок.

Керамическая посуда ранних гуннов делится на две категории. Наибольшую долю составляют горшки ручной лепки различных размеров (от крупных до мелких) — от высоких кувшинообразных горшков со слегка расширяющимся туловом и плечиком, нешироким дном до маленьких шаровидных горшочков характерной грушевидной формы. В их число входят также небольшие горшки с шишечками и защипами на уровне плеча.

Другую группу образуют серо- или красноглиняные гончарные кувшины с изящной петлевой ручкой и горизонтальным желобковым узором на шейке и венчике либо с прочерченным узором из треугольников, заполненных наколами.

Технологические различия этих групп керамики обычно принято связывать с тем обстоятельством, что гончарные кувшины могли быть приобретены урало-казахстанскими кочевниками где-то на юге (в Согде, Бактрии, Восточном Туркестане), а горшки ручной лепки появились в результате смешения местных традиций сарматского и саргатского облика, ранее существовавших в пределах урало-казахстанских степей и, главным образом, лесостепей.

Однако следует заметить, что урало-казахстанский керамический комплекс, состоящий из гончарной керамики и керамики ручной формовки, своеобразен по набору форм и типов сосудов. Создается впечатление, что он не имеет прямых аналогов в Восточном Туркестане, Средней Азии,

на Нижней Волге, Северном Кавказе и в Причерноморье. Вместе с тем отдельные кувшины и керамические горшки, составляющие этот комплекс, синкретическим образом находят самые широкие параллели в рамках упомянутых регионов Средней Евразии.

Ханьские зеркала и их подражания на службе у гуннских жриц

Среди предметов восточного импорта (как правило, китайского) наиболее популярны были бронзовые зеркала. Специалисты приходят к мнению, что большая их часть является подражаниями и изготовлена в мастерских Восточного Туркестана и Средней Азии по заказу кочевников. На это указывают экземпляры с тамгообразными изображениями.

Наиболее ранними раннегуннскими зеркалами являются бронзовые зеркала с TLV-орнаментом, известны они благодаря находкам в погребениях IV века до н. э. в провинциях Хэбэй и Ганьсу. Такое название этот шаблон оформления зеркал получил в литературе из-за внешнего сходства графических символов орнамента с латинскими буквами. Однако в семантике поля они представляют собой графические символы одной из древнейших предсказательной практики даосизма.

Наиболее массовыми находками являются зеркала восьмиарочного типа, которые относятся к эпохе Восточной Хань (I–II века н. э.). В основе схемы восьмиарочных зеркал — философско-космогонический

Керамическая посуда.
Большекараганский могильник, Брединский район, Челябинская область
Ceramic dishes. Bolshekaragansky burial ground. Bredinsky district, Chelyabinsk region

They also include small pots with bumps and braces at shoulder level.

Another group consists of grey- or red-clay pottery jugs with an elegant loop handle and a horizontal grooved pattern on the neck and on the corolla or with a drawn pattern of triangles filled with incisions.

The technological differences between these ceramic groups are usually associated with the fact that pottery jugs could be purchased by the Ural-Kazakhstan nomads somewhere in the South (in Sogd, Bactria, East Turkestan), while hand-made pots appeared as a result of mixing the local Sarmatian-Sargat image traditions, which previously existed within the Ural-Kazakhstan steppes, mainly forest-steppes.

However, it should be noted that the Ural-Kazakhstan ceramic complex, consisting of pottery ceramics and hand-moulded ceramics, is quite specific in terms of vessel shapes and types. It seems that it has no direct analogues in East Turkestan, Central Asia, the Lower Volga, North Caucasus and Black Sea regions. At the same time, individual jugs and ceramic pots that make up this complex sincretically find the widest parallels within the mentioned regions of Central Eurasia.

The Han mirrors and their imitations in the service of the Hun priestesses

Among the items of eastern imports (usually Chinese), bronze mirrors were the most popular. Specialists come to the conclusion that most of them were imitations and made in the workshops of East Turkestan and Central Asia

Зеркало, тип TLV. Курганская область
Mirror, type TLV.
Kurgan region

by the order of nomads. This is indicated by the mirror samples with tamga-like images.

The earliest Early Hunnic mirrors are the bronze mirrors with a TLV ornament; they are known due to the findings in the burials of the IV century BC in the Hebei and Gansu provinces. In the literature, this mirror ornamentation template got its name due to the similarity of its ornament graphic symbols to the Latin letters. However, in the semantics of the field, they are graphic symbols of one of the most ancient predictive practices of Taoism.

Most numerous finds are the mirrors of the eight-arched type, which date back to the era of the Eastern Han (I–

Зеркало.
Могильник Малково, курган 1.
Чебаркульский район, Челябинская область
Mirror.
The Malkovo burial ground, barrow 1.
Chebarkul district, Chelyabinsk region

Зеркало из окрестностей Охлебинино. Республика Башкортостан. Из коллекции С. А. Ханова

Mirror from the vicinity of Okhlebinino. Republic of Bashkortostan. From the collection of S. A. Khanov

орнамент. Центральное поле символизирует Землю, вокруг него, как правило, тонкий орнаментный пояс с прямой или чаще косой штриховкой. Он тоже несет смысловую нагрузку и трактуется как вода, испаряющаяся с земли ввысь или ниспадающая с небес. Соответственно выше или далее от центральной кнопки располагается небо с орнаментным пояском в виде горизонтальных параллельных линий с завитками, обозначающими потоки воздуха или ветер, несущий благовестные облака. Философские символы четырех деяний порождают расположенные на этом уровне восемь арочных секторов, определяющих в итоге Великое деяние.

Многие исследователи, касающиеся вопроса распространения ханьских зеркал, справедливо указывают на то, что их местонахождения очерчивают маршруты торговых путей в Евразии. Не оспаривая в целом данную точку зрения, наметим некоторые возникающие в этой связи вопросы. Почему именно в ханьский период китайский импорт был массово представлен именно зеркалами? Нельзя не согласиться с Б. А. Литвинским, указавшим на то, что различные типы китайских зеркал ханьского времени были весьма малочисленны в сравнении с общим количеством зеркал местного происхождения и не могли играть принципиального значения для экспортной торговли Китая.

Интересен тот факт, что китайские зеркала последующих (заханьских) эпох фактически отсутствуют в памятниках, расположенных вдоль Шелкового пути (Туркестан, Южный Казахстан и Урало-Поволжье), хотя традиция изготовления и сбыта бронзовых зеркал как одного из видов китайского экспортного товара продолжала существовать и активно развивалась и в танскую, и в суньскую эпохи. Если в конце I века до н. э. — второй половине I века н. э. импорт зеркал осуществлялся алано-кангюйским населением Ферганы и Средней Сырдарьи, то, на наш взгляд, в поздниханьское время, со II века н. э., на северо-запад этот вид зеркал переносился гунно-сарматскими кочевниками, вышедшими из районов Монголии и Восточного Туркестана. В этой связи факт массовой встречаемости восьмиарочных зеркал, как наиболее позднего типа ханьских зеркал (I–II века н. э.), в гунно-сарматских памятниках урало-казахстанских степей неслучаен, так как именно ранние гунны осуществляли этот транзит в период своего исхода из Северного Китая и Монголии.

«Кровь и солнце», или Как появился гуннский полихром?

В научной литературе понятие «полихром» означает особый вид украшения оружия, конской узда, поясных наборов и женской бижутерии, который в обязательном

Зеркало. Западный берег озера Уелги. Кунашакский район, Челябинская область
Mirror.
West Bank of Welga Lake.
Kunashaksky district,
Chelyabinsk region

Зеркало. Наваринка. Агаповский район, Челябинская область
Mirror.
Navarinka,
Agapovsky district,
Chelyabinsk region

II centuries A.D.). The basis of the eight-arch mirror scheme is a philosophical-cosmogonic ornament. The central field symbolizes the Earth, around it, as a rule, there is a thin ornamental belt with a straight or more often oblique hatching. It also carries a semantic load and is interpreted as water evaporating from the earth upward or falling from the sky. Accordingly, above or farther from the central button there is the sky with an ornamental belt in the form of horizontal parallel lines with curls denoting air currents or wind carrying benevolent clouds. Eight arched sectors located at this level are the philosophical symbols of the four acts, which, as a whole, determine the Great Act.

Many researchers investigating the Han mirror dispersion rightly point out that their locations outline the trade routes in Eurasia. Without challenging this point of view as a whole, we raise some questions. Why was it precisely during the Han period that Chinese imports were massively represented by

mirrors? One cannot disagree with B. A. Litvinsky who pointed out that various types of Chinese mirrors of the Han period were very few in comparison with the total number of mirrors of the local origin and could not play the key role in the China's export trade.

An interesting fact is that the Chinese mirrors of the subsequent (Zhan) periods are virtually absent in the monuments located along the Silk Road (Turkestan, South Kazakhstan and the Urals-Volga region), although the tradition of manufacturing and marketing bronze mirrors as a type of a Chinese export product continued and actively developed in both the Tang and Sun periods. If during the period of the end of the I century BC — the second half of the I century AD, the mirrors were imported by the Alan-Kangyu population of Fergana and the Middle Syr Darya region, then, in our opinion, in the late Han period, from the II century BC, this type of mirrors was brought to the north-west by the Hunnic-Sarmatian nomads who originated from the regions of Mongolia and East Turkestan. In this regard, the mass occurrence of the eight-arched mirrors, as the most late type of the Han mirrors (I–II centuries A.D.), in the Hunnic-Sarmatian monuments of the Ural-Kazakhstan steppes is not accidental, since it was the early Huns who transported the mirrors during their exodus from Northern China and Mongolia.

"Blood and the sun," or How did the Hun polychrome appear?

In the scientific literature, the term "polychrome" means a special type of the decoration of weapons, horse bridles, belt sets and women's jewellery, which without failure includes a combination of precious metals (gold, electrum, silver) and involves embedding precious and semiprecious stones, as a rule, of red (bloody) tones (garnets, almandines, rubies, chalcedony, red glass).

The process of the emergence of the polychrome style elements in other categories of objects in the Hunnic-Sarmatian time and further development of the style in the Hunnic and post-Hunnic eras is especially pronounced in the evolution of temporal colts and lunar earrings. This category also includes pendants, rings, buckles and belt tips with imbedded stones and glass. At the same time, the decoration of the nests and nearest spaces on these objects is made by the combination of the techniques that were well developed later.

Thus, polychrome style objects do not exclusively belong to the "Hunnic era" of the end of the IV — VI centuries. They are recorded in the earlier monuments of the II–IV centuries. Certainly, these early samples are less numerous and much poorer than the objects of the subsequent period but they sort of mark the penetration of the new tradition of the Hunnic polychrome style (gold, red stone or glass, grain, embossing,

Предметы полихромного стиля. Могильник Магнитный. Курган 3. Агаповский район, Челябинская область
Polychrome style objects. Magnitny burial ground. Barrow 3. Agapovsky district, Chelyabinsk region

порядке включает сочетание драгоценных металлов (золото, электра, серебро) и вставок из драгоценных и полудрагоценных камней, как правило, красных (красных) тонов (гранаты, алмадины, рубины, халцедон, красное стекло).

Процесс зарождения в гунно-сарматское время элементов полихромного стиля и в других категориях вещей и дальнейшее его развитие в гуннскую и постгуннскую эпохи особенно ярко просматривается на эволюции височных колтов и серег-лунниц. К этой же категории относятся и кулоны, подвески, перстни, пряжки и наконечники ремней со вставками из камней и стекла. При этом украшение гнезд и окологнездового пространства на этих предметах сочетало техники, которые получили яркое развитие впоследствии.

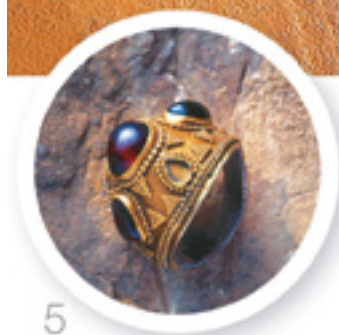
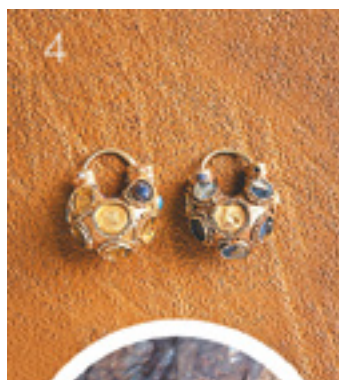
Таким образом, предметы полихромного стиля не являются вещами исключительно «гуннской эпохи» конца IV — VI века. Они фиксируются в более ранних памятниках II–IV веков. Безусловно, эти ранние образцы менее многочисленны и значительно беднее, чем предметы последующего периода, но они своеобразно маркируют проникновение с II века н. э. в казахстанские, волго-уральские степи и далее на запад новой традиции гуннского полихромного стиля (золото, красный камень или стекло, зернь, тиснение, гравировка). Основные традиции и приемы украшения

предметов полихромного стиля окончательно складываются уже к началу IV века. На рисунке приведены образцы полихрома, обнаруженные в памятниках II–IV веков. В раннегуннское время возник и продолжил свое развитие самый широкий спектр технологических приемов: зернь и псевдозернь, витая проволока и косичка, тиснение и гравировка, а также инкрустация и многослойная штамповка разнометаллических основ (бронза и золото, бронза и серебро, серебро и золото).

Новый европейский стиль. Плащевые застёжки — фибулы

В коллекциях вещей из гунно-сарматских погребений встречаются фибулы — металлические застёжки для одежды, как правило, скреплявшие два верхних плащевых конца у левого или правого плеча, с подвижными приемниками, изогнутой спинкой, покрытой продольной обмоткой. Четыре экземпляра представляют собой фибулы с изогнутой спинкой с частичной обмоткой и прямоугольным щитковым окончанием в нижней части. На внешней его плоскости выгравирован орнамент в виде точек, кружков и косых крестов, ограниченных в вертикальных зонах. Но наиболее распространены на Урале были фибулы со сплошным пластинчатым приемником, ромбовидным,

Украшения полихромного стиля. Золото, халцедон, гранат.
1. Могильник Магнитный. Агаповский район, Челябинская область
2. Могильник Большекараганский. Курган 8. Брединский район, Челябинская область
3–6. Могильник Лебедевка. Западный Казахстан
Polychrome style jewellery. Gold, chalcedony, garnet.
1. Magnitny burial ground. Agapovsky district, Chelyabinsk region
2. Bolshekaragan burial ground. Barrow 8. Bredinsky district, Chelyabinsk region
3–6. Lebedevka burial ground. West Kazakhstan

engraving) to the Kazakh and Volga-Ural steppes and further to the west starting from the II century BC. The main polychrome style traditions and techniques used for object decoration took final shape by the beginning of the IV century. The figure shows some polychrome samples found in monuments of the II–IV centuries. In the early Hunnic era, the widest range of technological methods arose and developed: grain and pseudograin, twisted wire and braid, embossing and engraving, as well as inlay and multi-layer stamping of different metal bases (bronze and gold, bronze and silver, silver and gold).

The new European style. Cape clasps - fibulae

In the collections of objects from the Hunnic-Sarmatian burials, found are fibulae, metal clasps for clothing with tied up receptacles and curved backs covered with a longitudinal winding, which fastened the two upper cloak ends, typically at

the left or right shoulder. Four samples are fibulae with curved backs, partial windings and rectangular shield ends in the lower parts. On the fibulae outer plane, an ornament is engraved in the pattern of dots, circles and oblique crosses bounded in vertical zones. But the most common in the Urals, were fibulae with solid plate-like receptacles and rhombic, oval or asymmetric shields and curls at their ends. A special subtype is represented by two fibulae with smoothly curved backs, on which there are oval shields with hooks for a bowstring. The spring has a wide spiral.

Imported hinged fibulae are particularly rare: one fibula has a rhombic shield with round protrusions on the edges and the second fibula is segment-like with concentric circles. One more hinged fibula has a rhombic shield with rounded protrusions on the corners and in the middle of the faces. It is covered with a complex decorative pattern of multi-coloured enamel. This fibula is of Roman origin.

Возможная реконструкция женского гунно-сарматского костюма. По материалам могильников Байрамгулово, Малково, Лебедевка V, Целинный I. Художник Л. Загирная
Reconstruction of the female Hunnic-Sarmatian costume. Based on the materials of Bayramgulovo, Malkovo, Lebedevka V and Tselinniy I burial grounds. Artist L. Zagirnaya

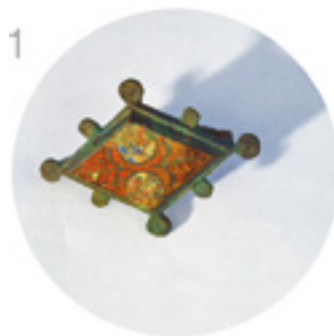

овальным или асимметричным щитком и завитком на конце. Особый подтип представляют две фибулы с плавно изогнутой спинкой, на которой есть овальный щиток с крючком для тетивы. Пружина имеет широкую спираль.

Особую редкость представляют импортные шарнирные фибулы: одна со щитком ромбической формы с круглыми отростками по краям, вторая сегментовидная с концентрическими кругами. Еще одна шарнирная фибула — с ромбическим щитком, имеющим округлые отростки на углах и на середине граней. Она покрыта сложным узором из разноцветной эмали. Эта фибула имеет римское происхождение.

Далекie окраины Великого шелкового пути. Торговый импорт, военные трофеи, мзда

В общей массе раннегуннских некрополей выделяются отдельные курганы, которые резко отличаются богатством сопровождающего материала. Археологи традиционно связывают это с особым статусом погребенных. Насыпи таких курганов, как правило, занимают центральные

Застежки-фибулы.
1. Могильник Магнитный, курган 21. Агаповский район, Челябинская область
2. Могильник Целинный 1, курган 6. Западный Казахстан
3. Темясовские курганы. Башкортостан
4. Могильник Солёный Дол, курган 3. Брединский район, Челябинская область

Fibula fasteners.
1. Magnitny burial ground. Barrow 21. Agapovsky district, Chelyabinsk region
2. Tselinny 1 burial ground. Barrow 6. Western Kazakhstan
3. Temyasovsk barrows. Bashkortostan
4. Salyony Dol burial ground. Barrow 3. Bredinsky district, Chelyabinsk region

места в могильниках и имеют более крупные размеры. Разнообразие и большое количество сопровождающего материала (если погребение не было разграблено) составляют особую удачу для исследователей, потому как благодаря этому разнообразию раскрывается необъятная география кочевого населения.

На Южном Урале близ Магнитогорска найден пока единственный из подобных объектов — курган 21 могильника Магнитный, который был исследован в 2010 году. Основная часть предметов из этого кургана относится к разряду предметов римского импорта — так называемого «винного набора» (кувшины, ковши, ситечки, стеклянный стакан, керамические фляги). На наш взгляд, они особым образом маркируют обратный, западный вектор движения из Подунавья в урало-казахстанские степи. Чрезвычайная адресность импортных предметов из кургана (в особенности керамического комплекса) позволяет нам говорить о том, что, по всей видимости, они могли быть получены в качестве подарков, мзды, даров, поднесенных где-то очень далеко на западе (вероятнее всего, в непосредственной близости от Паннонского лимеса), и принесены за более чем три тысячи километров в зауральские степи, где

Distant outskirts of the Great Silk Road. Trade imports, military trophies, bribes

In the total mass of the early Hunnic necropolises, some barrows differ sharply from the rest of them in the richness of the accompanying material. Archaeologists traditionally attribute this to the special status of those buried. Such barrows as a rule occupy central places in burial grounds and are larger than the others. The variety and large amount of the accompanying material (if the burial was not robbed) are a special fortune for researchers, because thanks to this diversity, the vast geography of the nomadic population is revealed.

So far, the only one of such barrows has been found in the South Urals near Magnitogorsk (barrow 21 of the Magnitny burial ground), which was investigated in 2010. Most of the objects from this barrow, the so-called “wine set”, is considered to be imported from Rome, (jugs, ladles, strainers, glass cups, ceramic flasks). In our opinion, they specially mark the opposite western movement vector from the Danube region to the Ural-Kazakhstan steppes. The extreme targeting of the imported

items from the barrow (especially the ceramic complex) allows saying that, apparently, they could be received as gifts or bribes somewhere very far in the west (most likely, in the immediate proximity to the Pannonian Limes) and brought over more than three thousand kilometres to the Trans-Urals steppes, where for a long time they functioned as ritual objects. It is difficult to say whether this communication was one-time or step-by-step (The Don River, Trans-Volga regions and beyond); one thing is obvious: there was a very important reason for such a grand outflow of the late Sarmatian (Hunnic-Sarmatian) population.

Despite the main western import vector, objects imported from the east are equally found in the Magnitny burial: they are either direct Han imports, or objects that are imitations of the Chinese traditions. These finds include weapons (narrow-blade disk-topped swords and daggers), mirrors and beads (blue and purple bugle).

The earliest egg-shaped small caldrons are likely to also appear in Northern China and Ordos. To this lot, we should add absolutely targeted oriental objects from individual burial

Бронзовые предметы из могильника Магнитный. Агаповский район, Челябинская область

Bronze objects from Magnitny burial ground. Agapovsky district, Chelyabinsk region

Стекланный стакан.
Могильник Магнитный,
курган 21. Агаповский район,
Челябинская область

Glass cup. Magnitny burial
ground. Barrow 21. Agapovsky
district, Chelyabinsk region

еще длительное время функционировали как вещи ритуального назначения. Трудно сказать, была ли эта коммуникация единовременной или поэтапной (Дон, Заволжье и далее), очевидно одно — существовала весьма важная причина столь грандиозного оттока позднесарматского (гунно-сарматского) населения.

Несмотря на основной западный вектор импорта, в Магнитном погребении в равной мере обнаруживается и восточный импорт: либо непосредственно ханьский, либо вещи, являющиеся прямыми подражаниями китайским традициям. К ним относятся предметы вооружения (узколезвийные мечи с диском-навершием, кинжалы), зеркала и бусы (синий и фиолетовый бисер).

Наиболее ранние котелки яйцевидной формы, судя по всему, появляются также в Северном Китае и Ордосе. К ним следует добавить абсолютно адресные восточные предметы из отдельных могильников (ханьский колокольчик из Темясовского могильника, бронзовый треножник и гончарный жертвенник из курганов Каратобе I), а также вещи с золотым шитьем и лаковые предметы из более ранних саргатских погребений, появившихся в Западной Сибири в раннеханьский период.

Обнаруживая и исследуя подобные артефакты, исследователи, как правило, связывают их происхождение с существованием активного торгового обмена в диапазоне основной существующей с определенного времени евразийской коммуникации, которая получила название «Великий шелковый путь». Насколько это справедливо?

Вероятно, появление такого разнообразного комплекса вещей на Южном Урале напрямую связано с существованием империи хуннов и последующих собы-

тий хунно-гуннской истории с возникновением и функционированием Великого шелкового пути.

Таким образом, из вышесказанного мы видим, что история хуннов-гуннов тесно переплелась с историей становления Великого шелкового пути. Однако при этом, думается, не стоит прямолинейно связывать наличие импортных вещей в памятниках северной части степной полосы Центральной Евразии с существованием каких-то ответвлений этой только что нарождавшейся торгово-культурной коммуникации. На наш взгляд, скорее всего, эти вещи попадали в могилы ранних гуннов — поздних сарматов урало-казахстанских степей и поздних саргатцев в Западной Сибири — непосредственно с ее носителями, стремительно переселившимися сюда в силу обстоятельств из глубин Азии. Удивительно другое: и Великий шелковый путь, связавший надолго глобальное межцивилизационное пространство, и возникшее хунно-гуннское единство впервые позволяют говорить о реальности огромной кочевой евразийской цивилизации на пространстве как минимум от Ордоса до Дуная.

Расовый облик гуннов

Несмотря на то что внутри гунно-сарматского населения существовали какие-то локальные варианты, включавшие местные комбинации признаков, по мнению М. А. Балабановой, в целом поздние сарматы обладали морфологическим комплексом, который можно диагностировать как тип южных европеоидов («длинноголовые европеоиды»). Он сочетает массивную долихокранную (длинноголовую) высокосводчатую мозговую коробку с высоким, широким, резко профилированным в горизонтальной плоскости и ортогнатным (уплощенным) в вертикальной части лицом. Глазницы крупные, широкие и высокие, нос и носовые кости высокие, сильно выступающие.

Фактически аналогичную характеристику (брахицефальный (высокоголовый) тип с широким, высоким и уплощенным лицом) вновь прибывшего танаисского населения — носителей новых палеоиранских имен и позднесарматских погребальных традиций, дают М. М. Герасимов и другие антропологи. При этом ими отмечается монголоидная метисация среди черепов с искусственной деформацией — от незначительной ее доли до явно монголоидных типов с высоким и широким плоским лицом. Отмечается также тенденция к большей монголоидности непосредственно ко времени Руги и Аттилы (IV–V вв.), что в определенной мере подтверждает мнение Л. Н. Гумилева об установлении монголоидности у гуннов на самом позднем этапе. Эти характеристики указывают на явное совпадение деталей в приведенных изобразительных, описательных и антропологических данных: европеоидность с неболь-

grounds (the Han bell from the Temyasovsky burial ground, the bronze tripod and pottery altar from the Karatobe I barrows), as well as the items with gold embroidery and lacquer objects from the earlier Sargat burials that appeared in Western Siberia in the early Han period.

When discovering and analysing such artifacts, researchers usually associate their origin with an active trade exchange within the main Eurasian communication network, which existed at a certain period of time and was called the Great Silk Road. How true is this?

The emergence of such a diverse complex of objects in the South Urals is probably directly related to the existence of the Hunnic Empire and subsequent events of the Hunnu-Hunnic history, to the time when the Great Silk Road appeared and functioned.

Thus, from the above, we see that the history of the Hunnu-Huns is closely intertwined with the history of the formation of the Great Silk Road. However, it is not worth to directly associate the imported items in the monuments of the Northern part of the Central Eurasia steppe zone with the existence of some branches of this nascent trade and cultural communication. In our opinion, these objects most likely fell into the graves of the early Huns, the late Sarmatians of the Ural-Kazakhstan steppes and the Late Sargatians of Western Siberia, directly together with their owners who promptly resettled to this region from the depths of Asia due to certain circumstances. Another thing is surprising: both the Great Silk Road, which connected the global inter-civilization space for a long time, and the emerged Hunnu-Hunnic unity allow for the first time speaking about the reality of a huge nomadic Eurasian civilization spanning at least from Ordos to the Danube River.

The racial shape of the Huns

According to M. A. Balabanova, despite the fact that within the Hunnic-Sarmatian population, there existed some population variants with the local combinations of characteristics, in general, the late Sarmatians' morphological complex can be diagnosed as a type of the South Europoids (the "long-headed Europoids"). It combines a massive dolichocephalic (long-headed) high vaulted cranium with a tall, wide, sharply profiled in the horizontal plane face orthognathic (flattened) in the vertical part. The orbits are large, wide and high, the nose and nasal bones are high and strongly protruding.

In fact, M. M. Gerasimov and other anthropologists similarly characterise the newly arrived Tanais population (brachycephalic (high-headed) type with a broad, tall and flattened face) who were the bearers of the Paleo-Iranian new names and late Sarmatian funeral traditions. At the same time, among the skulls with artificial deformation, they note Mongoloid cross-breeding ranging from the Mongoloid

insignificant fraction to the clearly Mongoloid type with a high and wide flat face. Also noted is a tendency toward greater Mongolization by the time of Rugi and Attila (IV–V centuries), which to a certain extent confirms the assumption of L. N. Gumilyov that the Huns got the Mongoloid features at the very late stage. These characteristics indicate a clear coincidence of details in the available pictorial, descriptive and anthropological data: the Europoid type with a small Mongoloid impurity, large-headedness, wide deep eye sockets, high massive protruding nose and slightly flattened face. This is definitely vividly confirmed by the materials of the early South Ural Hunnic monuments.

When arrived in the Ural-Kazakhstan steppes, the early Hunnic nomads encountered the Trans-Urals and Western

Антропологическая реконструкция облика гуннов. Могильник Солёный Дол. Раскопки И. Э. Любчанского. Автор реконструкции А. И. Нечвалода

Anthropological reconstruction of the Hun appearance. Salyony Dol burial ground. Excavations by I. E. Lyubchansky. The author of the reconstruction is A. I. Nechvaloda

шой монголоидной примесью, большеголовость, широкие глубокие глазницы, высокий массивный выступающий нос, слегка уплощенное лицо. Это определенно ярко подтверждается и материалами раннегуннских памятников Южного Урала.

С приходом в урало-казахстанские степи раннегуннские кочевники, столкнувшись на лесостепном пограничье с населением Зауралья и Западной Сибири, привнесли в их среду традицию кольцевой деформации черепа (Устуг I, Козлов Мыс 2, Усть-Тара VII и др.). Эта черта социальной престижности в гуннское и постгуннское время (IV–VI вв.) получила здесь свое особое развитие, достигая подчас гипертрофированных форм. Этот факт указывает на то огромное влияние и взаимодействие, которое оказывали гунно-сарматские кочевники на оседлое лесостепное население Средней Евразии в период своего наибольшего могущества в урало-казахстанской степи.

Язык и знаковое письмо гуннов

На наш взгляд, первые гунны, а впоследствии и господствующий гуннский клан, привнесли и какое-то время сохраняли палеоязык (слова, наименования, имена), который составляли наиболее древние палеоиндоевропейские (или иные праязыковые) наречия, длительное время сохранившиеся в замкнутом лингвистическом пространстве крайневосточного ареала индоиранского мира. В этой связи совершенно справедливо заключение о том, что этот язык не только мертв на сегодняшний день, но и был совершенно неведом европейским современникам поздней Древности и Средневековья. Учитывая сказанное, мы склонны считать, что выявленные исследователями параллели в славянских языках, вероятнее всего, являются заимствованиями из палеоиндоиранского языка гуннов, которые произошли в момент господства последних над лесостепным праславянским (антским) населением Подонья и Поднепровья.

Суммируя обширный материал по хуннской и гуннской лингвистике, можно заключить, что язык гуннов, по крайней мере из основного родового ядра, относится к неким палеонаречиям, на которых говорило древнее население Монголии и Ордоса.

Весьма интересным является вопрос о возможных зачатках гуннского письма. На обширной территории Азиатской и Европейской Сарматии известно огромное количество родовых знаков, получивших название «тамги». В научную литературу эта категория артефактов так и вошла под названием «сарматские тамги». Особый интерес вызывает изображение подобной тамги, обнаруженной в ритуальном комплексе Урпек в Тургайской сте-

пи. Тамга представляет собой вихреобразную свастику, вписанную в окружность диаметром почти сто метров, выложенную из грунта. Подобные изображения встречаются среди позднесарматских древностей Европы и Азии весьма редко.

Однако на определенном этапе исследований было обнаружено, что эти тамгообразные знаки заключаются в некий информационный смысловой ряд.

В Урало-Казахстанском регионе известна целая серия зеркал позднесарматского (гунно-сарматского) времени (II–IV века). Так, на подражаниях ханьским зеркалам восьмиарочного типа из могильников Малковский и Лебедевка в зоне на концах восьми лучей располагаются некие символы. Это пиктограммы, представляющие собой древние иероглифические знаки. Они, безусловно, отличаются от современных иероглифов, которые являются традиционным шаблоном «пожелания долгого продолжения рода и бесконечного потомства», хотя смысловая нагрузка их идентична.

В другом случае на ханьском подражании восьмиарочных зеркал, обнаруженных в окрестностях Охлебининского городища (Башкортостан), а также на зеркале из разрушенного погребения у поселка Наваринка, представляющем собой грубое варварское подражание восьмиарочному ханьскому зеркалу, хорошо просматриваются ряды тамгообразных знаков: в первом случае — по кругу вокруг петли для подвешивания, во втором — по внешнему кольцу, идущему вокруг восьмиарочного членения. Действительно, многие из изображенных знаков имеют аналоги среди сарматских и тюркских тамг, которые приводятся в работах С. А. Яценко и А. М. Досымбаевой. Данные символы и тамги существуют в пределах рассматриваемого региона и, вероятнее всего, в единую эпоху. На первый взгляд, они не имеют явной схожести со знаковым рядом. Тем не менее, если мы соотнесем эти знаки с алфавитом брахми, который будет активно использоваться на следующем историческом этапе населением Западно-Тюркского каганата, то высветится явная схожесть целого ряда знаков:

Ф С W 9 0 6 8 A 6 C

Хотя некоторые из упомянутых зеркал являются весьма точными (с точки зрения технологии) подражаниями китайским восьмиарочным зеркалам, вместо иероглифов, которые встречаются на китайских образцах, в письменное поле, вероятно, по желанию заказчика, наносились тамговые знаки. Очевидно, этот информационный ряд приравнялся к письменным традициям.

Siberia population in the forest-steppe borderland and introduced the tradition of ring-shaped skull deformation (Ustug I, Kozlovo Mys 2, Ust-Tara VII, etc.). This feature of social prestige of the Hunnic and post-Hunnic time (IV–VI centuries) developed there in a very special way, sometimes in hypertrophied forms. This fact indicates the enormous influence that the Hunnic-Sarmatian nomads exerted on the settled forest-steppe population of Middle Eurasia and points to their strong mutual interaction during the period of the nomads' greatest power in the Ural-Kazakhstan steppe.

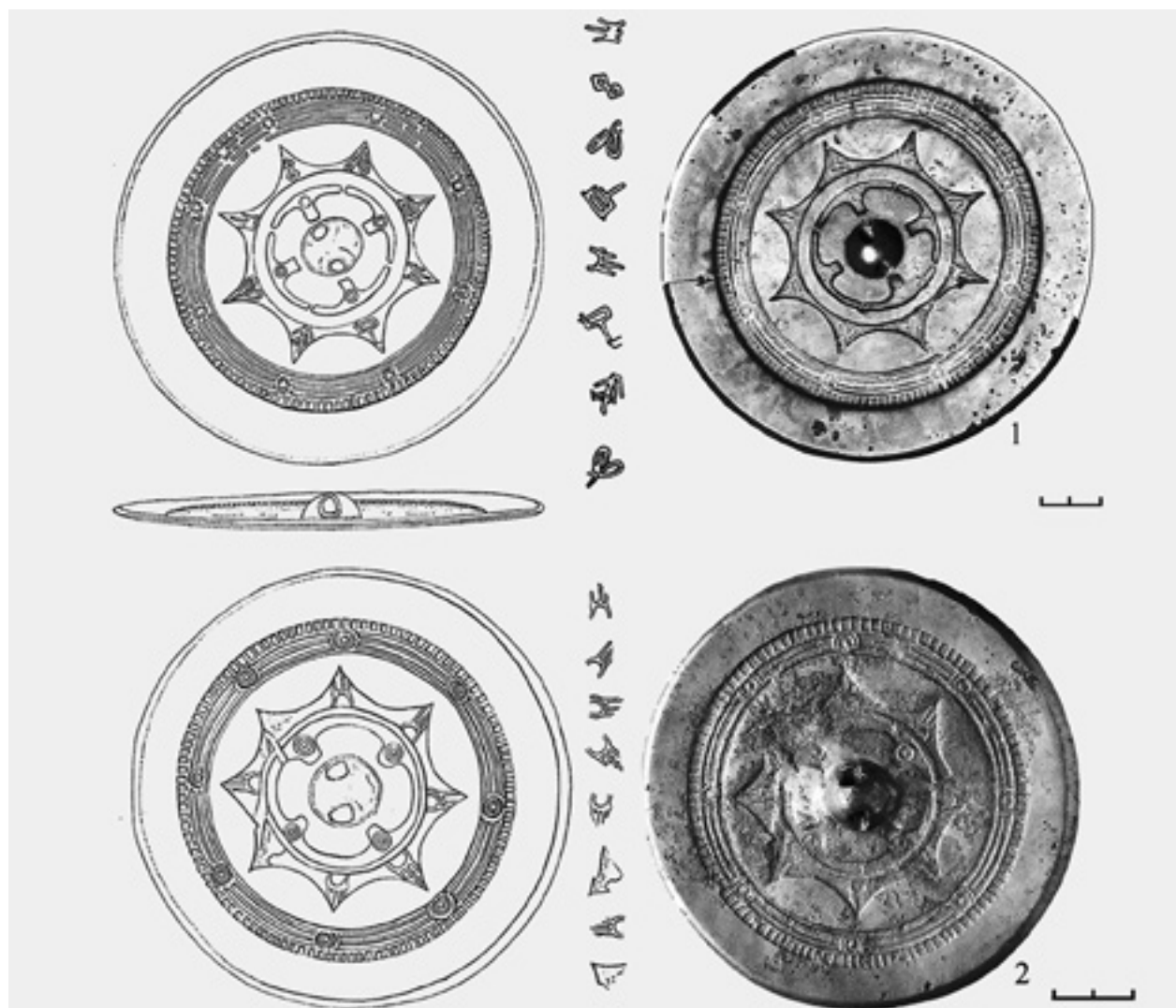
The Hunnic language and sign writing

In our opinion, the first Huns and subsequently the dominant Hunnic clan introduced and for some time preserved the Paleo-language (words, object and topological names, proper names), which consisted of the most ancient Paleo-Indo-European (or other proto-language) dialects preserved for a long time

in the closed linguistic space of the Far East region of the Indo-Iranian world. In this regard, the conclusion that this language is not only dead today, but was completely unknown to the Hun's European contemporaries of the Late Antiquity and Middle Ages, is absolutely true. We thus are inclined to believe that the parallels identified in the Slavic languages by researchers are most likely explained by the borrowings from the Paleo-Indo-Iranian-Hunnic language, which were made when the Huns dominated the forest-steppe Proto-Slavic (Antian) population of the Don and Dnieper regions.

Summing up the extensive material on Hunnu and Hunnic linguistics, we can conclude that the Hunnic language at least from the main patrimonial core refers to certain Paleo-dialects spoken by the ancient population of Mongolia and Ordos.

A very interesting issue is the possible beginnings of the Hunnic writing. In the vast territory of Asian and European Sarmatia, a huge number of patrimonial signs known as "tamgas"

Зеркало.
Гуннское
тамго-
руническое
письмо
Mirror. Hunnic
Tamga-Runic
script

Таинственные курганы с «усами» и смутная эпоха V–VII веков

Период V–VI веков стал своеобразным «смутным» (неведомым, непонятым) временем для урало-казахстанских степей. Однако, понимая его важность в культурогенезе восточноевропейских (авары, савиры, болгары и др.) и западноазиатских (огузы, печенеги, башкиры, мадьяры, кимаки, кыпчаки) этноплеменных образований последующего времени, мы попытаемся остановиться на отдельных вопросах интерпретации уже известных материалов и проанализировать вновь исследованные комплексы, позволяющие проследить культурно-исторические тенденции развития очерченного региона в тюркское время.

В этих условиях в пределах большого макрорегиона возникает интереснейший тип памятников, который получил название курганов с «усами» и памятников селенташского типа.

Курганы с «усами» представляют собой грандиозные наземные сооружения, состоящие из центрального каменного или грунтового кургана, от которого, как правило, на восток отходят своеобразные дуговидные гряды из камня или земли. Размеры их достигают в некоторых случаях более 300 метров. Вероятнее всего, эти сооружения являлись своеобразными культовыми пантеонами населения Западно-Тюркского каганата на территории Южного Урала, Северного и Центрального Казахстана.

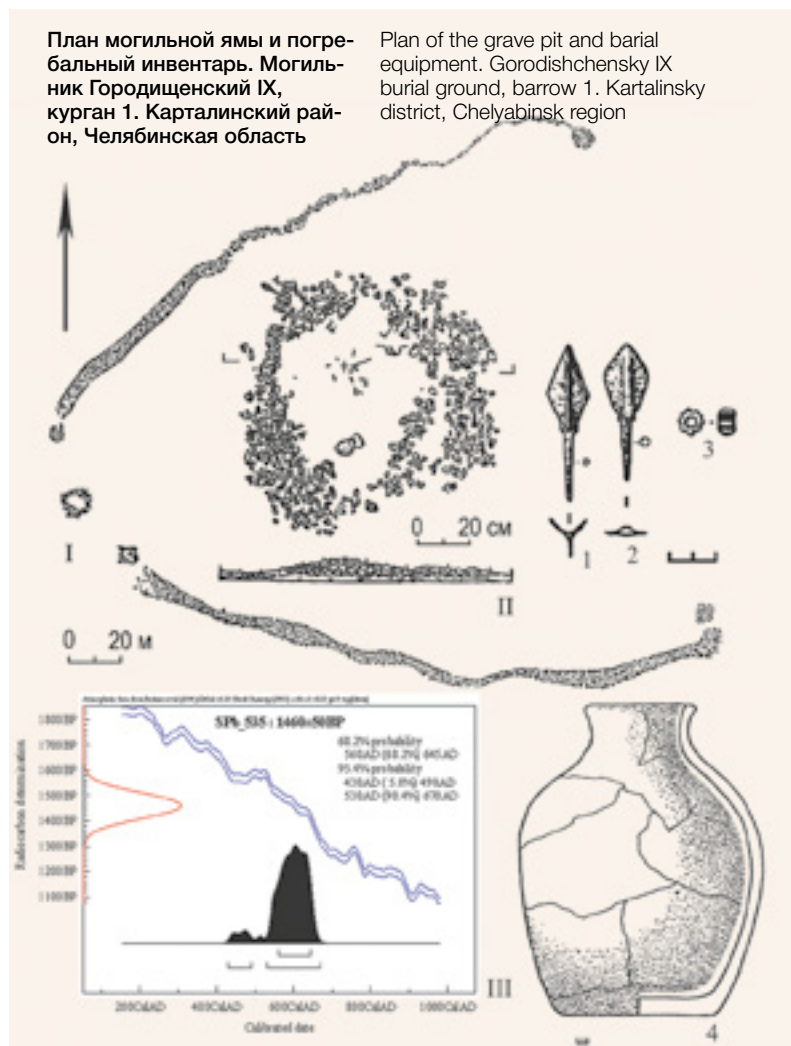
В урало-казахстанских степях курганы с «усами» и комплексы селенташского типа маркируют раннетюркский ареал. Они располагаются компактными микро-районами в Казахстане и особенно в Южном Зауралье. Возникновение этого ареала, как уже указывалось, падает на V век, а наиболее поздние комплексы, к которым относятся курганы селенташского типа, могут датироваться VIII веком.

Данный ареал мы связываем с конфедерацией племен Западно-Тюркского каганата, известной под названием он-ок будун («народ десяти стрел» — оногуры) или он-ок тюргеш и состоявшей из двух основных объединений — дулу и нушиби. К концу VII века с приходом на территорию Казахстана сначала из тюрко-телесского саяно-алтайского ареала огуров и кыпчаков-сеянто, а затем восточно-тюркских карлуков из Монголии и Алтая, данный ареал претерпевает кардинальную этнокультурную трансформацию. Это отразилось и на характере археологического материала: на смену курганам с «усами» и памятникам селенташского типа повсеместно приходит новая погребально-поминальная традиция — каменные прямоугольные и квадратные оградки и каменные изваяния. Появляются погребения по обряду ингумации с коном и широтной ориентировкой погребенных.

Курганы с «усами». Могильник
Городищенский IX. Карталин-
ский район, Челябинская
область. Фото С. М. Арканова

Barrows with "moustache".
Gorodishchensky burial ground IX.
Kartalinsky district, Chelyabinsk
region. Photo by S. M. Arkanov

are known. This category of artifacts has entered the scientific literature under the name "Sarmatian tamgas." Of particular interest is the image of a similar tamga discovered in the ritual complex of Urpek in the Turgai steppe. Tamga is a swirl-shaped swastika inscribed in a circle with a diameter of almost one hundred meters laid out of the earth. Similar images are very rare among the late Sarmatian antiquities of Europe and Asia.

However, at a certain stage of research, it was found that these tamga-shaped signs form a kind of an information-meaning set.

In the Ural-Kazakhstan region, a whole mirror series of the Late Sarmatian (Hunnic-Sarmatian) time (II–IV centuries) is known. On the imitations of the eight-arched Han type mirrors from the Malkovsky and Lebedevka burial grounds, there are certain symbols at the ends of eight rays. These are pictograms representing ancient hieroglyphic signs. They certainly differ from the modern hieroglyphs, which are the traditional patterns of "wishes for a long family life and endless offspring", although their semantics is identical.

In other cases, namely, on the Han imitation of the eight-arch mirrors found in the vicinity of the Okhlebininsky fortification (Bashkortostan), as well as on the mirror from the destroyed burial ground near the village of Navarinka, which is a rough barbaric imitation of the eight-arch Khan's mirror, rows of tamga-shaped signs are clearly visible: in the first case, the signs are arranged in a circle around a loop for hanging, and in the second case, they are depicted along the outer ring running around the eight-arched division. Indeed, many of the depicted signs have analogues among the Sarmatian and Turkic tamgas, which are given in the works by S. A. Yatsenko and A. M. Dosymbaeva. These symbols and tamgas existed within the region under consideration and, most likely, in the same period. At first glance, they do not have obvious similarities with the sign series. Nevertheless, if we correlate these signs with the Brahmi alphabet, which was actively used by the population of the Western Turkic Khaganate at the next historical stage, then we can notice the similarity of a number of signs:

Although some of the mentioned mirrors are very accurate (from the point of view of technology) imitations of the Chinese eight-arched mirrors, their tamga signs are put in the writing field, probably at the request of the customer, instead of the hieroglyphs as on the found Chinese samples. Obviously, this information set of signs was equated with written traditions.

Mysterious barrows with "ridges" ("moustache") and the "vague" era of the V–VI centuries

The period of the V–VI centuries became a kind of "vague" (unknown, incomprehensible) time for the Ural-Kazakhstan steppes. However, realizing its importance in the cultural genesis of the East European (Avars, Savirs, Bulgarians, etc.) and West Asian (Oguzes, Pechenegs, Bashkirs, Magyars, Kimaks, Kipchaks) ethnic tribal formations of the subsequent time, we will try to dwell on certain interpretation issues of already known materials and to analyse newly explored complexes that allow tracing cultural and historical trends in the development of the outlined region in the Turkic times.

Under these conditions, within a macro-region, two interesting types of monuments arise, one is called the barrows with "ridges" ("moustache" in the Russian sources) and another is the Selentash type monuments.

The barrows with "ridges" are grandiose ground structures consisting of a central stone or earth barrow, from which, as a rule, a kind of arcuate ridges of stone or earth extend to the east. In some cases, they reach more than 300 meters in size. Most likely, these structures were specific cult pantheons of the Western Turkic Khaganate population in the territory of the South Urals and Northern and Central Kazakhstan.

In the Ural-Kazakhstan steppes, the barrows with "ridges" and the Selentash type complexes mark the Early Turkic area. In Kazakhstan and especially in the South Trans-Urals, they are located in compact micro-districts. The emergence of this areal, as already indicated, falls on the V century, and the most recent complexes, which include barrows of the Selentash type, can date back to the VIII century.

We associate this area with the confederation of the Western Turkic Khaganate tribes, known as on ok budun or on ok turgesh ("people of ten arrows" – the Onogurs), which consisted of two main associations, Dulu and Nushibi. This area underwent a cardinal ethnical-cultural transformation by the end of the VII century, when, first, the Ogur-Kipchak-Seyanto from the Turkic-Telesky Sayan-Altai area and then, the Eastern Turkic Karluks from Mongolia and Altai arrived in Kazakhstan. This is also reflected in the nature of the archaeological material: the barrows with "ridges" or "moustache" and the Selentash type monuments were everywhere replaced by a new burial and memorial tradition, namely, by stone rectangular and square fences and stone sculptures. Burials that follow the rites of inhumation with a horse and the latitudinal orientation of the buried emerged.

Monuments of this type are found in the vast territory of the Eurasian steppe from East Turkestan to the lower Dnieper River region. However, they are most compactly located in seven micro-districts within the Ural-Kazakhstan

Памятники этого типа встречаются на огромной территории евразийской степи от Восточного Туркестана до Поднепровья. Однако наиболее компактно они располагаются в семи микрорайонах в пределах урало-казахстанских степей (картография И. В. Грудочко): I — Южное Зауралье (Тоболо-Уральский водораздел); II — Южное Зауралье (Мугоджары); III — Северный Казахстан, Западная Сары Арка (Улытау, Тургай); VI — Восточный Казахстан, Поиртышье; VII — Южный Казахстан, Семиречье. На сегодня исследовано археологами, а также обнаружено в ходе разведочных работ и аэродешифрирования до 400 курганов с «усами».

Анализ информации об исследованных полностью или частично 58 курганах с «усами» позволил установить, что

на сегодняшний день можно выделить два основных варианта типа, их элементы составляют единый комплекс и были сооружены одновременно. К первому типу относятся комплексы, состоящие из одного центрального кургана и отходящих от него двух гряд, начинающихся вымостками или курганными выкладками. Ко второму — комплексы, имеющие два (и более) кургана, расположенных по линии С–Ю, и отходящие от них гряды-«усы».

Тип 1 — наиболее распространенный и многочисленный среди всех комплексов курганов с «усами» (46 памятников из числа исследованных). В эту группу вошли те самые курганы с «усами», в которых от центральной насыпи по линии В–З отстоят насыпи погребальных курганов других эпох. Подобную интеграцию позволила сделать

Могильник Суходол. Аэро-
фотоснимок. Карталинский
район, Челябинская область

Sukhodol burial ground.
Aerial view. Kartalinsky district,
Chelyabinsk region

steppes as follows (cartography by I. V. Grudochko): I — South Trans-Urals (Tobolo-Ural watershed); II — South Trans-Urals (Mugodzhary); III — North Kazakhstan, West Sary Arka (Ulytau, Turgai); VI — East Kazakhstan, Poirtyshye; VII — South Kazakhstan, Semirechye. To date, during exploration and air decryption, up to 400 barrows with "ridges" or "moustache" have been discovered and investigated by archaeologists.

The analysis of archeological data obtained from 58 barrows with "ridges" that was fully or partially studied allowed establishing two main types that can be distinguished today; their elements make up a single complex and were built at the same time. The first type includes complexes consisting of one central barrow with two extending from them ridges, which begin with pavings or barrow layout of stones. The second type includes two (or more) barrows located along the North — South line and "moustache"- ridges extending from them.

Type 1 is the most common and numerous among all the complexes of barrows with «moustache" (46 of the studied monuments). This group includes those barrows with "moustache", in which the embankments of other period burial barrows are separated from the central embankment along the East – West line. Such integration was made possible by the different-time and multi-cultural differentiation of the materials that were found in the parts of these complexes having double planography or stratigraphy. The foreign cultural components were distributed as follows: 2 — the Bronze Age (XIII–IX centuries BC); 6 — the Tasmola culture (VII–V centuries BC); 4 — the Sarmatian culture (VI–V centuries BC).

Type 2. This group, as already mentioned, includes complexes, in which the central part is formed by two or more barrows located along the North–South line. Therefore, this group is unlikely to include complexes, in which the central barrows merge or adjoin each other. In the South Ural group, several complexes belong to this type: Sarbulat I, Solonchanka I, and Krutaya Gora.

The Selentash type complexes constitute a special category of the monuments under consideration. We believe that the main features and identified characteristic details are surprisingly similar to those found in the excavations of the central embankments of the barrows with "ridges" complexes (stone fences, paving, and traces of fire or annealing on a barrow site, horse bones and cattle, the location of ceramic fragments). This, as well as the typological similarity of ceramic inventory make it possible to combine these complexes into one cultural group of monuments. The Selentash monuments are barrows and pavings without any "moustache", although, some of them could have either symbolic, or subtle ridges. In some cases, the "moustache"- ridges simply did not survive. This is to a certain extent confirmed by the fact that in some

of these monuments "ridges"("moustache") were discovered a little later, as was the case with the eponymous barrows of the Selentash burial grounds 4 and 5. Thirty years later after their initial study, detailed airborne decoding of the adjacent area indicated the outlines of two earth (?) "moustache" extending along the W–E line to a distance of 70–100 m.

To date, 18 barrows of the Selentash type have been investigated in the territory of the South Trans-Urals, Western and Central Kazakhstan.

Summing up the characteristic features of the monuments included in the group of barrows with «moustache", we conclude that the central or side barrows had sub-rectangular, polygonal (hexagonal or octagonal), but mostly rounded embankments. Possibly, the conditions, under which excavations were carried out, as well as the excavation imperfect technique, did not always allow accurate determining the embankment configurations. The stone structures' corners or walls were oriented to the cardinal points. A sacrificial memorial ritual was performed inside these fences and under the pavings at the level of the burying soil. This ritual was based on fire. The remains of burned earth, coal, ash, calcined bones, burnt stones and objects from the accompanying inventory were located immediately under the stones in the centre of the site enclosed by the ground structure.

In the monuments we describe, the main sacrificial animal was the horse. Unlike the Hunnic traditions, the horse cult meant placing inside the ritual site either a whole horse carcass, or its dummy (a horse skin stuffed with stones), or small wooden horse figurines covered with gold foil. In the vast majority of cases when studying the remains of the ground structures, it was not possible to find whole horse skeletons; however, in the predominant number of studied complexes, horse jointed bones that were parts of their skeletons were found. For the same reason, horse harness objects (bit, bridle and spring buckles, saddle covers, and pads) are most often found in the barrows with "moustache". It goes without saying, that these artifacts indicate a special horse status in the early Turkic nomad society of the South Urals.

The above descriptions allow concluding that in their main characteristics, the Selentash complexes repeat the variations inherent to the central barrows of the "moustache" complexes. The only distinctive feature of the Selentash complexes is that they have no ridges. The barrow embankments are hexagonal, sub-rectangular (contoured by a ditch), oval or rounded. In the central part of the sub-barrow platforms there are individual or joint horse and ram bones. In one case (Selentash, barrow 5) a stuffed dummy horse (skin stuffed with stones) was found. There were also burned soil and annealed products. If found, in seven out of ten cases, whole vessels or their debris were located in the north-eastern sector in a small mainland

разновременная и разнокультурная дифференциация материалов, которые обнаруживались в этих комплексах в частях, имеющих двойную планиграфию или стратиграфию. Инокультурные составляющие распределились следующим образом: 2 — эпоха бронзы (XIII–IX века до н. э.); 6 — тасмолинская культура (VII–V века до н. э.); 4 — сарматская культура (VI–V века до н. э.).

Тип 2. В эту группу, как уже было сказано, входят комплексы, в которых центральную часть образуют два или более курганов, расположенных по линии С–Ю. Поэтому вряд ли в эту группу можно включить комплексы, в которых центральные курганы сливаются или прилегают друг к другу. В южноуральской группе к этому типу относятся несколько комплексов: Сарбулат I, Солончанка I, Крутая Гора.

Комплексы селенташского типа составляют особую категорию памятников рассматриваемого круга. Как нам представляется, основные черты и характерные детали, выявленные при их исследовании, удивительным образом схожи с теми, что обнаруживались при раскопках центральных насыпей комплексов курганов с «усами» (каменные ограды, вымостки, следы огня или прокала на подкурганной площадке, кости лошади и крупного рогатого скота, расположение фрагментов керамики). Это, а также типологическая схожесть керамического инвентаря позволяют объединить их в единокультурную группу памятников. Селенташские памятники представляют собой курганы и вымостки, не имеющие «усов». Хотя возможно, что некоторые из них могли иметь либо символические, либо слабо заметные гряды. В некоторых случаях гряды-«усы» попросту не сохранились. Это в определенной мере подтверждает тот факт, что в некоторых из них «усы» обнаруживались чуть позже. Так произошло в случае с эпонимными курганами 4 и 5 могильника Селенташ. Спустя тридцать лет с момента их исследования при детальной аэродешифровке прилегающей площади были обнаружены очертания двух грунтовых (?) «усов», идущих по линии 3–В на расстояние 70–100 м.

На сегодняшний день на территории Южного Зауралья, Западного и Центрального Казахстана исследовано 18 курганов селенташского типа.

Суммируя характерные черты памятников, вошедших в круг курганов с «усами», делаем вывод, что центральный или боковые курганы представляли собой подпрямоугольные, многоугольные (шести или восьмиугольные), но в большинстве своем округлые по форме насыпи. Возможно, условия, при которых производились раскопки, а также несовершенная их методика не позволили во всех случаях точно определить конфигурацию насыпи. Каменные конструкции были ориентированы углами или

стенками по сторонам света. Внутри этих оград и под вымостками на уровне погребенной почвы производился жертвенно-поминальный ритуал. Основу его составлял огонь. Остатки прокалов, уголь, зола, кальцинированные кости, обожженные камни и предметы из сопровождающего инвентаря располагались сразу же под камнями в центре площадки, ограниченной наземной конструкцией.

Основным жертвенным животным на рассматриваемых памятниках была лошадь. При этом, в отличие от гуннских традиций, культ коня подразумевал помещение внутри ритуальной площадки либо целой туши лошади (при исследовании остатков наземных сооружений в подавляющем большинстве случаев не удавалось фиксировать целые костяки лошадей, однако в преобладающем количестве исследованных комплексов были найдены части их скелетов в виде сочлененных костей), либо ее макета (шкура, набитая камнями), либо небольших деревянных фигурок лошадей, обтянутых золотой фольгой. По этой же причине наиболее часто в курганах с «усами» находят предметы конской упряжи (удила, уздечные и подпружные пряжки, обкладки седел, накладки). Безусловно, эти артефакты указывают на особый статус лошади в раннетюркском обществе кочевников Южного Урала.

Приведенные описания позволяют прийти к выводу, что селенташские комплексы представляют собой конструкции, по основным своим признакам повторяющие вариации, присущие центральным курганам комплексов курганов с «усами». Отличительной особенностью их является лишь отсутствие гряд. Насыпи курганов имеют шестигранную, подпрямоугольную (оконтуренную ровиком), а также овальную или округлую форму. В центральной части подкурганной площадок располагаются разрозненные или сочлененные кости лошади и барана. В одном случае (Селенташ, курган 5) зафиксировано чучело лошади (шкура, набитая камнями). Здесь же обнаруживаются продукты огня и прокалы. В семи из десяти случаев обнаружения целых сосудов или их развалов они находились в северо-восточном секторе в небольшом углублении в материке, в двух случаях фрагменты керамики располагались в центральной или восточной частях насыпи, в одном случае (Александровский, курган 28) сосуд был вкопан в северном секторе.

Систематизация материалов позволяет говорить, с одной стороны, об определенной культурной цельности, с другой — о существенной разнице между жертвенно-поминальными традициями двух рассматриваемых эпох. Гунно-сарматское время характеризуют грунтовые склепы с южными проходами, длинные и гантелевидные курганы, под которыми на древней поверхности помещались уголь, обломки керамики и отдельные предметы, а также

Сосуд из северной насыпи
могильника Сарбулат.
Карталинский район,
Челябинская область

Vessel from the embankment
of the Sarbulat burial ground.
Kartalinsky district,
Chelyabinsk region

depression; in two cases the ceramic fragments were located in the central or eastern parts of the barrow; in one case (Aleksandrovsky, barrow 28) a vessel was dug in the northern sector.

The systematization of the materials allows speaking, on the one hand, about a certain cultural integrity, and, on the other, about a significant difference between the sacrificial memorial traditions of the two considered periods. The Hunnic-Sarmatian times are characterized by soil crypts with southern passages, long and dumbbell-shaped barrows, under which on the ancient surface, coal, fragments of ceramics and individual objects were placed. In these crypts and barrows, burial rituals were performed; the sacrifice remains are represented mainly by sheep bones. The Turkic period is characterized by stone barrows, sub-rectangular fences with ridges ("moustache") or without them. Campfires, horse skeletons or dummies and calcined bones were located in the centre of the sites, while vessels and sheep carcass parts were found closer to the western edge.

Могильник Сарбулат. Карталинский район, Челябинская область. Фото С. М. Арканова
Sarbulat burial ground. Kartalinsky district, Chelyabinsk region.
Photo by S. M. Arkanov

совершались погребения, а остатки жертвоприношений представлены главным образом костями овцы. Тюркское время характеризуют каменные насыпи, подпрямоугольные ограды с грядами («усами») или без таковых. В центре площадок располагались кострища, скелеты или макеты лошадей, кальцинированные кости, ближе к западному краю — сосуды и части туши овцы.

В 2018 году южноуральскими археологами на юго-западе Тюменской области был обнаружен **Ингалинский святыщенный комплекс** (VI–VIII века). По основным своим показателям это святилище относится к тюркской эпохе (VI–VIII века). Памятник располагается на береговой террасе реки Ингала. На обширной площадке располагались многочисленные жертвенные комплексы и отдельные вещи: наконечники стрел, конская узда, украшения, обломки керамики и др., относящиеся к VI–VIII векам.

Думается, что в данном случае мы имеем дело со святилищным центром, где располагались (в земле, на деревьях, в специальных наземных сооружениях и т. п.) жертвенно-поминальные комплексы. Скорее всего, это место посещалось представителями народа он ок будун («десяти стрел») в период летнего кочевого цикла. И, возможно, это место выбрано не случайно. Реликтовый сосновый бор

в Ингальской долине оказался вполне пригодным для сооружения святилища.

Анализ вещевого инвентаря селенташского типа из курганов с «усами» и погребальных комплексов позволяет говорить, что рассматриваемые комплексы в целом можно отнести к довольно широкому интервалу раннего Средневековья в рамках V–VIII веков. Самую раннюю позицию занимают наиболее представительные комплексы, имеющие относительно надежно (на сегодняшний день) датируемый вещевой материал: курганы с «усами» Солончанка I; Канаттас, курган 19; Зевакинский, курган 1; Коктал. Эти памятники довольно часто в литературе включались в круг комплексов с изделиями полихромного стиля или времени Великого переселения народов и помещались в хронологический интервал V–VI веков. К этому же интервалу относятся комплексы вещей из Брюхановского выселка, Муслюмово, Борового, поселений Верхне-Погромное, Кара-Агач, Аркаим, Каменный Амбар (курганы 5, 6) и др. Большинство памятников, содержащих вещевой материал, могут быть датированы по принципу его типологического единства. Однако эти комплексы корректно будет поместить в более широкие временные рамки — V–VII века. Это казахстанские комплексы Ельшибек,

Святилище
Ингала.
Тюменская
область
Sanctuary
of Ingal.
Tyumen region

In 2018, the South Ural archaeologists discovered the **Ingalinskii sanctuary complex** (VI–VIII centuries) in the south-west of the Tyumen region. By its main characteristics, this sanctuary belongs to the Turkic era (VI–VIII centuries). The monument is located on the coastal terrace of the Ingala River. The vast site housed numerous sacrificial complexes and individual objects: arrowheads, horse bridles, jewellery, ceramics fragments, etc., dating back to the VI–VIII centuries.

Looks like in this case, we are dealing with the sanctuary centre, where the sacrificial memorial complexes were located (in the ground, on trees, in special ground constructions, etc.). Most likely, this place was visited by the representatives of the *ok budun* people (“ten arrows” people) during the summer nomadic cycle. And, perhaps, this place was not chosen by chance. The relict pine forest of the Ingal River valley turned out to be quite suitable for the construction of the sanctuary.

The analysis of the object inventory of the Selentash type from the barrows with “moustache” and burial complexes as such suggests that these complexes can be attributed to a fairly wide interval of the early Middle Ages within the V–VIII centuries. The earliest are the most representative complexes with the object material that (currently) can be relatively reliably dated; they are the following barrows with “moustache”: Solonchanka I, Kanattas barrow 19; Zevakinsky barrow 1 and Koktal”. In the literature, these monuments quite often were included in the group of the polychrome style object complexes or the Great Migration of Peoples period and were dated to the chronological interval of the V–VI centuries. To the same interval dated are the object complexes from the sites of the settlements of Bryukhanovsky, Muslumovo, Borovoye, Verkhne-Pogromnoye, Kara-Agach, Arkaim, Kamenny Barn (barrows 5, 6) and others. Most of the monuments containing object material can be dated according to the object typological similarity. However, such monuments as the Kazakhstani complexes of Yelshibek, Shederty, Sanguyr (barrows 1–3), Zevakino (barrows 2, 3), Kyzyltas II, Kyzyltas (barrow 1), etc., as well as the South Ural complexes of Gorodishchensky IX, Elizavetpolsky, Novoaktyubinsky I, Novokondurovsky I, Solonchanka IX, etc., should be more correctly placed in a wider time frame of the V–VII centuries.

To date, these conclusions are confirmed by the results of the radiocarbon analysis of three barrows with “moustache”, namely, the Sarbulat burial ground barrow 2 (Southern) (ceramics), Sukhodol (bone), Kainsai burial ground barrow 14 (ceramics), single barrow 2 and barrow 5 of the Sukhodol group (coal). As far as the results can be judged, the Sarbulat (barrow 2) and Sukhodol (barrow 5) sites are the earliest and actually synchronous: with the probability of 68.2 %, they date to the period spanning from the beginning of the V century

to the beginning of the VII century with the peak in the middle of the VI century. Then comes barrow 14 of the Kaynsay burial ground, which (with the probability of 68.2 %) was dated by the fragments of a large vessel (vase) to the period covering the middle of the VI century — end of the VII century with the peak at the turn of the VI–VII centuries. The latest date (with the probability of 68.2 %) is given by the coal from the burial area of the Sukhodol group barrow 2, the end of the VII century — end of the VIII century with the peak in the VII — mid VIII centuries. This barrow belongs to the group of the four Selentash type barrows located along the perimeter of the Sukhodol barrow with “moustache” (barrow 5). In barrow 4 of the same group, in a recess made in the burial soil, a vessel was put, which belongs to the first typological group of vessels from the barrows with “moustache” and the Selentash type barrows. Thus, for this group, which is part of the large Kamenny Barn micro-district on the Karagayly-Ayat River, on the one hand, the later dating of the Selentash type barrows is confirmed, and, on the other hand, the first and second barrow groups represent a single line of the historical and cultural development.

It follows from what has been said that the barrows with “moustache” and the Selentash type monuments existed in the period ranging from the V to VIII centuries, that is, in the period of the Western Turkic and Turgesh Khaganates.

Turks’ sacrificial memorial complexes in the South Urals and in Saryarka

In the 1980s in the territory of the Chelyabinsk region, Kartalinsky district, the archaeologist V. P. Kostyukov examined the rarest monuments in the South Urals called “sacrificial memorial fences”, Kamenny Barn 2 and Annenskoye. These structures consist of one or more stone sub-square boxes with walls oriented to the cardinal points. In case there are several fences, they are put at a small distance (up to 1–2 m) from each other and are arranged along a line close to the North–South direction.

A decade later, the same researcher excavated another similar complex in the north-east of the Orenburg region (Solonchanka 8 memorial complex). A distinctive feature of this type of monuments is the installation of a stone sculpture as a rule on the East side. Such objects have been long known and studied by Turkic archaeologists in Mongolia, Southern Siberia, Xinjiang and Kazakhstan. The complexes of this particular type are not unreasonably referenced with the monuments of the Turkic Khaganate period (VI–VIII centuries); though, the traditions of these memorial complexes and stone sculptures were preserved up to the Golden Horde period. The difficulty in studying the monuments of this type is that the absence of any artifacts inside the fences and in the immediate vicinity of them does not allow accurate dating of these objects. Their

Шедерты, Сангуыр (курганы 1–3), Зевакино (курганы 2, 3), Кызылтас II, Кызылтас (курган 1) и др.; южноуральские комплексы Городищенский IX, Елизаветпольский, Новоактюбинский I, Новокондуровский I, Солончанка IX и др.

На сегодняшний день эти выводы подтверждены результатами радиоуглеродного анализа материалов трех курганов с «усами»: кургана 2 (южного) могильника Сарбулат (керамика), Суходол (кость), кургана 14 могильника Кайнсай (керамика), одиночного кургана 2 и кургана 5 из группы Суходол (уголь). Насколько можно судить по результатам, наиболее раннюю и фактически синхронную позицию занимают памятники Сарбулат (курган 2) и Суходол (курган 5): с вероятностью 68,2 % они датируются в пределах начала V — начала VII века с пиком в середине VI века. Следующую за ними позицию занимает курган 14 могильника Кайнсай, датированный (с вероятностью 68,2 %) по фрагментам большого сосуда (вазы) серединой VI — концом VII века с пиком на рубеже VI–VII веков. Наиболее позднюю дату дает уголь с погребенной площадки кургана 2 группы Суходол (вероятность 68,2 %): конец VII — конец VIII века с пиком на VII — середине VIII века. Этот курган входит в группу из четырех курганов селенташского типа, расположенных по периметру кургана с «усами» Суходол (курган 5). В кургане 4 из этой же группы в углублении, сделанном в погребенной почве, был установлен сосуд, характерный для первой типологической группы сосудов из курганов с «усами» и курганов селенташского типа. Таким образом, в рамках этой группы, входящей в большой микрорайон Каменный Амбар на реке Карагайлы-Аят, с одной стороны, подтверждается более поздняя позиция курганов селенташского типа, с другой стороны, и первые и вторые представляют единую линию историко-культурного развития.

Из сказанного следует, что курганы с «усами» и памятники селенташского типа существовали в диапазоне от V до VIII века, то есть в период существования Западного Тюркского и Тюркешского каганатов.

Жертвенно-поминальные комплексы тюрков на Южном Урале и в Сары-Арке

В 1980-е годы археологом В. П. Костюковым на территории Карталинского района Челябинской области были исследованы редчайшие на Южном Урале памятники, получившие название «жертвенно-поминальные оградки», — Каменный Амбар 2 и Анненское. Эти сооружения представляют собой один или более каменных подквадратных ящиков со стенками, ориентированными по сторонам света. Если это ряд оградок, то они отстоят друг от друга

Могильник Каменный Амбар. Общие виды. Карталинский район, Челябинская область
Kamenny Ambar burial ground. General views. Kartalinsky district, Chelyabinsk region

на небольшом расстоянии (до 1–2 м) и располагаются по линии, близкой к направлению С–Ю.

Десятилетием позже этим же исследователем был раскопан еще один подобный комплекс на северо-востоке Оренбургской области (поминальный комплекс Солончанка 8). Отличительной особенностью этого вида памятников является установка, как правило, с восточной стороны, каменного изваяния. Подобные объекты достаточно давно известны и исследуются археологами-тюрковедом на территории Монголии, Южной Сибири, Синьцзяна и Казахстана. Комплексы именно этого типа небезосновательно соотносятся с памятниками эпохи

тюркских каганатов (VI–VIII века). Хотя традиции поминальных комплексов и каменных изваяний сохраняются вплоть до золотоордынского периода. Сложность в изучении памятников этого типа состоит в том, что фактическое отсутствие каких-либо артефактов внутри оградок и в непосредственной близости от них не позволяет точно датировать данные объекты. Их возраст определяется на основе типологии каменных изваяний, датировки изображенных на них предметов и конструктивных особенностей каменных оград и поминальных курганов — святилищ.

В пределах урало-казахстанских провинций Западно-Тюркского каганата разбросано достаточно большое

Тюрки урало-казахстанских степей по материалам курганов 5 и 6 могильного комплекса Каменный Амбар. Антропологические реконструкции. Раскопки В. П. Костюкова. Автор реконструкций А. Нечвалода. Фото С. М. Арканова
Anthropological reconstruction. Türks of the Ural-Kazakhstan steppes on the materials of barrows 5 and 6 from Kamenny Ambar burial complex. Excavations by V. P. Kostyukov. The author of the reconstruction is A. Nechvaloda. Photo by S. M. Arkanov

age is determined on the basis of the stone sculptures typology, dating of the objects depicted on them and design features of the stone fences and funeral barrows - sanctuaries.

In the Ural-Kazakhstan provinces of the Western Turkic Khaganate, a rather large number of various period stone sculptures and sacrificial memorial complexes, which were preserved and investigated, are scattered. Thus, up to 50 stone sculptures are known on the territory of the South Urals and adjacent North-Kazakhstan regions. In Central and Eastern Kazakhstan, over a hundred sculptures have been investigated and described. To the South Ural Early Turkic period, attributed can be the individual sculptures and the above-mentioned memorial fences. More than a third of thirty memorial structures are the late Kipchak sanctuaries; the rest are the ancient Turkic fences. A famous specialist in stone nomadic sculpture L. N. Ermolenko developed a special iconographic typology of statues and correlated them with the types of the Turkic fences (group 1) and Kipchak sanctuaries (group 2). The ancient Turkic fences and statues from group 1 belong to the period of the VI–VII — VIII–IX centuries.

The most famous and closest to the South Urals complex, which is part of the ancient Turkic Saryarkak complexes of Central Kazakhstan is Kumai. Kumai is located near the capital of Kazakhstan and Buiratau National Park. It has up to a dozen sanctuaries of the early Turkic time (Kosbatyr, Karagayly 1, 3, 5, 6). However, in the Kazakhstan territory of the Western Turkic Khaganate, the world-famous are the shrines of Merke and Zhaisan, located in the macro-region of Zhetysu (Semirechye).

Hot embrace of the Turkic nomadic civilization

In 2013, two interesting findings were made in the Kurgan region. On the banks of the Alabuga River, a stone slab with a runic inscription and tamga signs was discovered. In the vicinity of the city of Shadrinsk on the left bank of the Iset River, a bronze plate with five rows of written signs determined as the Brahmi script was found. Judging by the accompanying material and in accordance with the conclusion of linguists, these findings can be attributed to the early Middle Age (V–VIII centuries). Unique are also the objects illustrating the writing traditions of the Western Turkic Khaganate.

The most striking find in the studied site was a forged out bronze plate (tablet) of 5.9×6.3×0.11 cm with a hole of 0.35 cm in diameter located in its upper part and a ring for hanging made of a bronze wire. On the polished side of the plate, there are five written lines that are imprinted using the cold engraving technique and separated from each other by horizontal lines. They contain more than fifty writing signs. According to linguists, the signs on the tablet refer to the Brahmi script

and are written in Sanskrit, which is very characteristic of the Western Turkic Khaganate period.

Thus, these two findings allow concluding that the South Urals was fully drawn into the orbit of the cultural and civilizational influence of the Western Turkic Khaganate.

The era of Late Antiquity and the Early Middle Ages was the time of the formation of a single civilization Eurasian space. The resettlement of the northern Hunnu in the Ural-Kazakhstan steppes at the beginning of the II century became the starting point, which marked the formation of the Huns and Hunnic horde that rushed to Europe. This western migration was not a one-time movement, but occurred in multiple waves. The early Huns focusing on the European borderland in the steppes of the South Urals and Western Kazakhstan probably made multiple raids in the Volga-Don and Cis-Black Sea regions, Sarmatia, and Central Europe up to the Eastern borders of the Pannonian Limes. This is indicated by numerous bright artifacts of the Late Sarmatian appearance, which were found in the burials of the Ural-Kazakhstan Huns. During this period the Hunnic and Sarmatian ethnic groups, as well as the forest-steppe Ugro-Finnish population of the Urals and Volga-Don region were actively mixing. The Huns' movement to the west was suspended by the Goths' invasion in the middle of the III century, however, after a little more than a century (in 370), the Hun horde reached its highest consolidation and rushed from the Trans Volga region to the Cis Azov Sea and Black Sea regions, Crimea and even to the Low Danube region (the Uldis horde), where the Huns set new boundaries of their habitat. The Huns' European history began, which lasted up to the end of the 460s until the death of Attila and his son Elak and the exodus of the horde to Asia after the Danube Wars (468–469).

This was only one of the final episodes of the Hunnic history, which took place far in the South, in Central Asia, Peshawar and North India. At this time, the Ural-Kazakhstan steppes entered a new stage of the nomadic civilization development. It was marked by the emergence of an early Bulgarian association, the "people of ten arrows", or on is ok budun, which correlated with the union of the Oghur (Onogur) tribes, in the South Urals and Kazakhstan. This page of the South Urals history is perfectly illustrated by the specific mega-plane constructions called barrows with "moustache". Having formed in the late Hunnic period, this early Bulgarian association (of the Dulo clan) later became part of the Western Turkic Khaganate and existed at least until the end of the VII century; then, after the Karluks and Kipchaks (Seyanto) resettled there, it was forced to leave the Ural-Kazakhstan steppes. Probably, barrows with «moustache" were everywhere replaced by other ritual constructions, Turkic sub-square sacrificial memorial fences with stone sculptures at the eastern wall. In the South

количество каменных изваяний и жертвенно-поминальных комплексов различных периодов, которые удалось сохранить и исследовать. Так, на территории Южного Урала и примыкающих к нему северо-казахстанских регионов известно до 50 каменных изваяний. В Центральном и Восточном Казахстане исследовано и описано чуть более ста скульптур. При этом к раннетюркскому периоду на Южном Урале можно отнести единичные скульптуры и вышеперечисленные поминальные ограды. Из тридцати поминальных сооружений более трети относятся к числу поздних кыпчакских святилищ, остальные — древнетюркские оградки. Известный специалист по каменной кочевнической скульптуре Л. Н. Ермоленко разработала особую иконографическую типологию изваяний и соотнесла с ними типы тюркских оградок (группа 1) и кыпчакских святилищ (группа 2). Древнетюркские оградки и изваяния из группы 1 относятся к периоду VI–VII — VIII–IX веков.

Наиболее известным из близлежащих к Южному Зауралью древнетюркских комплексов Сары Арки Центрального Казахстана является Кумай, который находится неподалеку от столицы Казахстана и национального парка «Буйратау». Он насчитывает до десятка святилищ раннетюркского времени (Косбатыр, Карагайлы 1, 3, 5, 6). Однако всемирно известными на казахстанской территории Западно-Тюркского каганата являются святилища Мерке и Жайсан, расположенные в макрорегионе Жетысу (Семиречье).

Жаркие объятия тюркской кочевой цивилизации

В 2013 году на территории Курганской области были сделаны две интересные находки. На берегу реки Алабуги обнаружена каменная плита с рунической надписью и тамговыми знаками. В окрестностях города Шадринска на левом берегу реки Исети найдена бронзовая пластина (табличка) с пятью рядами письменных знаков, определяемых как письмо брахми. Судя по сопровождающему материалу и в соответствии с заключением специалистов-языковедов, эти находки могут быть отнесены к раннему Средневековью (V–VIII векам). Уникальными находками также являются предметы, иллюстрирующие письменные традиции Западно-Тюркского каганата.

Наиболее яркой находкой в пределах исследуемой площадки оказалась бронзовая раскопанная пластинка размерами 5,9×6,3×0,11 см с отверстием диаметром 0,35 см в верхней части и кольцом из бронзовой проволоки для подвешивания. На отшлифованной стороне пластины в технике холодной гравировки нанесены пять письменных строк, отделенных друг от друга горизонтальными линиями. Они содержат более пятидесяти письменных

знаков. По мнению специалистов-языковедов, знаки на табличке относятся к письму брахми, написаны на санскритском языке, что весьма характерно для эпохи Западного Тюркского каганата.

Таким образом, эти две находки позволяют говорить, что Южный Урал полноценным образом был втянут в орбиту культурного и цивилизационного влияния Западно-Тюркского каганата.

Эпоха поздней Древности и раннего Средневековья явилась временем становления единого цивилизационного евразийского пространства. Переселение северных хунну в начале II века в урало-казахстанские степи стало отправной точкой, ознаменовавшей момент формирования гуннов и гуннской орды, которые устремились в Европу. Этот западный исход был не одноразовым, а волнообразным. Ранние гунны, сосредоточившись на европейском пограничье, в степях Южного Урала и Западного Казахстана, вероятно, совершали многократные рейды в Волго-Донье, Сарматии, Причерноморье и Центральную Европу, вплоть до восточных границ Паннонского лимеса. На это указывают многочисленные яркие артефакты позднесарматского облика, которые обнаружены в погребениях урало-казахстанских гуннов. В этот период шло активное смешение гуннского и сарматского этносов, а также лесостепного угро-финского населения Урала и Волго-Донья. Гуннское движение на запад было приостановлено нашествием готов в середине III века, однако спустя чуть более века (в 370 году) гуннская орда достигла своей наивысшей консолидации и из Заволжья устремилась в Приазовье, Крым и Причерноморье и даже в Подунавье (орда Ульдиса), где обрела новые границы своего обитания. Началась европейская история гуннов, которая продолжалась до конца 460-х годов — до гибели Аттилы и его сына Элака и исхода его орды в Азию после Дунайских войн (468–469).

Это был лишь один из финальных эпизодов гуннской истории, который разворачивался далеко на юге — в Средней Азии, Пешаваре и Северной Индии. Урало-казахстанские степи вступали в это время в новый этап развития кочевой цивилизации. Его ознаменовало появление в пределах Южного Урала и Казахстана раннеболгарского объединения — «народа десяти стрел», или он ок будун, — которое соотносилось с союзом огурских (оногурских) племен. Эта страница южноуральской истории прекрасно иллюстрируется своеобразными мегалитными сооружениями, названными курганами с «усами». Сформировавшись еще в позднегуннское время, это раннеболгарское объединение (рода Дуло) позже вошло в состав Западно-Тюркского каганата и просуществовало в его составе как минимум до конца VII века, затем было вынуждено покинуть урало-казахстанские степи

Бронзовая табличка. Окрестности города Шадринска, Курганская область

Bronze tablet. Surroundings of the Shadrinsk city, Kurgan region

Urals and Kazakhstan, new sanctuary centres appeared (Kamenny Barn, Sistema, Solonchanka and Kumai, Zhaisan, Merke). The Turkic era was approaching, which finally changed not only the anthropological appearance of the South Ural population in the mongoloid direction but also the East Turkic Altai linguistic component.

The existence of the first nomadic empire, the Western Turkic Khaganate, prompted the integration of the Urals entire region into a single Eurasian communication artery, the Great Silk Road. Despite the fact that its northernmost segment ran through the south of Kazakhstan between the cities and capitals of the Western Turkic Khaganate, the seasonal meridional routes of the Ural-Kazakhstan nomads provided an uninterrupted exchange between the Khaganate cities and the North Urals and Western Siberia fur provinces. Direct evidence for this integration is given by an unprecedented amount of rich Sassanian and Sogdian silver, Byzantine and Sasanian coins and jewellery that got into the Ural-Siberian shrines and necropolises as objects of exchange between the South and North.

The existence of the Western Turkic Khaganate had a serious impact on the nomadic and settled population of the South Urals. It was caused by not only the fact that our region was drawn into the system of trade and exchange relations that arose along the entire Silk Road, but also because the cultural innovations were reflected in the emergence of a new style of clothing, jewellery, horse bridles and weapons. A special manifestation of this process was the emergence of written monuments in the South Trans-Urals. Thus, the discovery of a hanging tablet with a Brahmi inscription in the vicinity of Shadrinsk probably indicates the existence of very long Buddhist pilgrimage routes, which extended from Central Asia to the northern regions of the South Urals.

после переселения сюда карлуков и кыпчаков (сеянто). Вероятнее всего, на смену курганам с «усами» повсеместно пришли другие ритуальные сооружения — тюркские подквадратные жертвенно-поминальные оградки с каменными изваяниями у восточной стенки. Возникали новые святилищные центры на Южном Урале (Каменный Амбар, Система, Солончанка) и в Казахстане (Кумай, Жайсан, Мерке). Наступала тюркская эпоха, которая окончательно изменила не только антропологический облик населения Южного Урала в сторону монголоидности, но и языковую восточно-тюркскую алтайскую составляющую.

Существование первой кочевой империи — Западно-Тюркского каганата — позволило встроить весь регион Урала в единую коммуникационную артерию Евразии, которой являлся Великий шелковый путь. Несмотря на то, что самая северная его магистраль проходила по югу Казахстана, между городов и столиц Западного Тюркского каганата, сезонные меридиональные маршруты урало-казахстанских кочевников обеспечили бесперебойный обмен между городами каганата и северными пушными провинциями Урала и Западной Сибири. Прямым доказательством этого явилось беспрецедентное количество богатого сасанидского и согдийского серебра, византийских и сасанидских монет и украшений, попавших в урало-сибирские святилища и некрополи как предметы обмена между югом и севером.

Существование Западно-Тюркского каганата оказало серьезное влияние на кочевое и оседлое население Южного Урала. Причиной этого явилось не только то, что наш регион был втянут в систему торгово-обменных связей, возникших по всему Великому шелковому пути, но и то, что культурные инновации отразились в появлении нового стиля одежды, украшений, конской упряжки и вооружения. Особым проявлением этого процесса стало возникновение в Южном Зауралье письменных памятников. Так, обнаружение подвесной таблички с брахмийской надписью в окрестностях Шадринска, возможно, указывает на существование весьма протяженных маршрутов буддийского паломничества — из Средней Азии в северные районы Южного Урала.

Наконечники стрел. Могильник
Городищенский IX. Карта-
линский район, Челябинская
область. Фото С. Арканова

Arrowheads. Gorodishchensky IX
burial ground. Kartaly
District, Chelyabinsk Oblast.
Photo: S. Arkanov

С. Г. Боталов.
**У ИСТОКОВ
ЮЖНОУРАЛЬ-
СКИХ НАРОДОВ.
ЮЖНЫЙ УРАЛ
В ЭПОХУ
ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
(IX — начало
XV века)**

5

S. G. Botalov.
**AT THE ORIGINS
OF THE SOUTH
URAL PEOPLES.
THE SOUTH
URALS
IN THE ERA
OF THE GOLDEN
HORDE (IX —
early XV century)**

Погребальный комплекс
Уелги. Челябинская область.
Фото: С. Арканов
Burial complex Uyelgi. Chelyabinsk
Oblast. Photo: S. Arkanov

Глава 5. У ИСТОКОВ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ НАРОДОВ. ЮЖНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (IX — начало XV века)

Здесь табуны текли, как реки,
Из полноводного Востока.
Сливаясь в гулкие потоки,
Все нёс их век жестокий.
И в исцеляющем восторге,
В агонии насильных криков,
В смешенье языков и ликов,
В противоборстве всех святых,
Во взлете в паденье их
Рождалась Русь...

С. Боталов. Из цикла «Номады»

Урало-казахстанское и алтайское единство в недрах некрополя Уелги

Эпоха развитого Средневековья (IX — начало XIII века) на Южном Урале представлена в основном погребальными памятниками. Хотя в Приуралье в пределах Башкортостана на городищах по рекам Уфа, Белая, Дема и другим достаточно хорошо фиксируются слои данного периода. Наиболее известным на сегодняшний день в Южном Зауралье, в лесостепном пограничье, является погребальный комплекс Уелги, который был обнаружен в 2009 году. Он занимает площадку на восточном берегу озера Сайгырлы недалеко от села Кунашак и охватывает небольшие береговые возвышения — останцы террас между озерами Уелги и Сайгырлы. Первоначально на площадке было зафиксировано более тридцати небольших курганных насыпей.

За все время исследований вскрыто более половины площадки памятника, расчищены более ста погребений, два жертвенника, один тайник. Несмотря на то что в 2009 году могилы в приповерхностной части памятника подверглись разграблению (его достаточно оперативно удалось остановить), в течение двух недель археологи смогли собрать внушительную коллекцию артефактов (до 300 единиц), которые при самом поверхностном рассмотрении датировались ранним IX–XI веком и разделялись на несколь-

ко стилистических групп. Впоследствии сделанный вывод подтвердился благодаря результатам продолжавшихся археологических раскопок.

Предметы из стилистической группы 1 преимущественно не орнаментированы и изготовлены из бронзы, реже из серебра. Отличительные декоративные особенности — оформление псевдопетельчатых, лепестковых, когтевидных выступов и наличие нервюры или валика по центру. Отдельную категорию составляют лунницевидные (билунницевидные) накладки с парными выступами. По аналогии

Топографический план. Погребальный комплекс Уелги. Кунашакский район, Челябинская область
Topographic plan. Uelga burial complex. Kunashaksky district, Chelyabinsk region

Chapter 5.

AT THE ORIGIN OF THE SOUTH URAL PEOPLES. THE SOUTH URALS IN THE ERA OF THE GOLDEN HORDE (IX — beginning of XV century)

Here herds flowed like rivers
From the deep-water East.
Merging into echoing streams,
The cruel age carried them all.
And in the healing ecstasy,
In the agony of violent screams,
In a mixture of languages and faces,
In the confrontation of all the saints,
In their rise and their fall
Russia was being born...

*S. Botalov. From the cycle
"Nomads"(translated from Russian)*

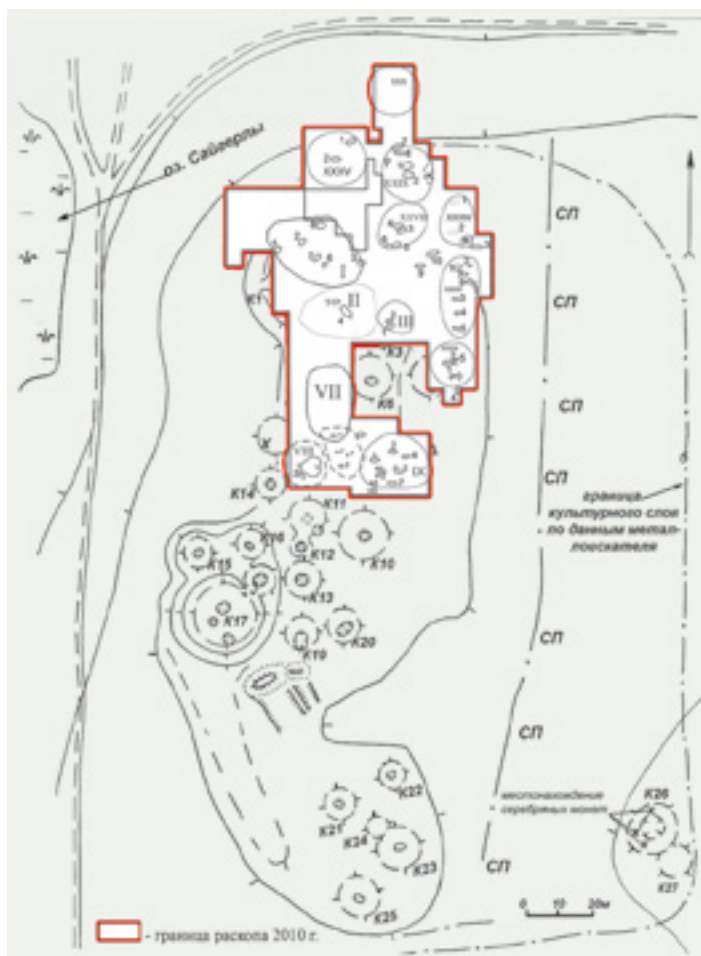
The Ural-Kazakhstan and Altai unity in the depth of the Uelgi necropolis

In the South Urals, the High Medieval Period (IX — early XIII centuries) is mainly represented by burial monuments. Though, in the Bashkortostan Cis-Urals, the layers of this period are well registered in the settlements located along the Ufa River, Belaya River, Dema River and others. Currently, the Uelgi burial complex, which was discovered in 2009, is considered to be the most famous monument in the South Trans-Urals forest-steppe borderland. It is situated on the eastern shore of Lake Saygyrly near the Kunashak village and covers small coastal elevations, the remains of the terraces between Lake Uelgi and Lake Saygyrly. Initially, more than thirty small burial barrows were registered in the site.

Over the entire period of research, more than half of the monument site was uncovered and more than a hundred burials, two altars and one cache were cleared. Despite the fact that in 2009, the burial grounds in the near-surface part of the monument were robbed (the monument was restored quite quickly), within two weeks, the archaeologists managed to collect an impressive collection of artifacts (up to 300 objects), which at the most superficial examination, date back to the early IX–XI centuries and fall into several stylistic groups. This

conclusion was later confirmed by the results of the ongoing archaeological excavations.

Stylistic group 1 includes objects that are mainly unornamented and made of bronze, less often of silver.

Погребальный комплекс
Уелги. Кунашакский район,
Челябинская область

Uelga burial complex. Kunashaksky
district, Chelyabinsk region

Инвентарь, стилистическая группа 1 (цветной металл). Погребальный комплекс Уелги. Кунашакский район, Челябинская область
Inventory, stylistic group 1 (non-ferrous metals). Uelga burial complex. Kunashaksky district, Chelyabinsk region

Инвентарь, стилистическая группа 2 (цветной металл). Погребальный комплекс Уелги. Кунашакский район, Челябинская область
Inventory, stylistic group 2 (non-ferrous metals). Uelga burial complex. Kunashaksky district, Chelyabinsk region

с материалами из памятников Южного Приуралья данная группа может быть датирована периодом от IX до XI века.

Стилистическую группу 2 составляют поясные, сбруйные и другие серебряные накладки и наконечники ремней, аналогичные предметам из отдельных погребений кочевой аристократии на Южном Урале, в Казахстане и Восточной Европе.

Стилистическая группа 3 — «венгерская». В нее входят в основном серебряные предметы с золотой плакировкой (с позолотой). Среди орнаментальных мотивов помимо растительного (трилистник либо четырехлепестковый) присутствуют зооморфный и антропоморфный рисунки.

Стилистическая группа 4 — восточно-казахстанская, алтайская. Предметы с толстыми стенками, выраженными бортиками. Растительный орнамент с обилием завитков, распространенный в сrostкинских памятниках Алтая.

Стилистическая группа 5 — лесная уральская. Аналоги таких вещей происходят из памятников Пермского Приуралья, а также из угорских памятников Западной Сибири и лесного Зауралья. Среди изобразительных сюжетов распространены антропоморфные (личины, человеческие фигуры) и зооморфные мотивы.

Керамика, обнаруженная в некрополе, представляет собой комплекс позднекушнаренковского и караякуповского облика (тонкостенность, гребенчато-прочерченная зональная орнаментация), а также петрогромско-юдинского

Инвентарь, стилистическая группа 3 (цветной металл). Погребальный комплекс Уелги. Кунашакский район, Челябинская область
Inventory, stylistic group 3 (non-ferrous metals). Uelga burial complex. Kunashak district, Chelyabinsk region

Инвентарь, стилистическая группа 5 (цветной металл). Погребальный комплекс Уелги. Кунашакский район, Челябинская область
Inventory, stylistic group 5 (non-ferrous metals). Uelga burial complex. Kunashaksky district, Chelyabinsk region

Инвентарь, стилистическая группа 4 (цветной металл). Погребальный комплекс Уелги. Кунашакский район, Челябинская область
Inventory, stylistic group 4 (non-ferrous metals). Uelga burial complex. Kunashaksky district, Chelyabinsk region

типа (горшки с орнаментацией шнуровым крупногребенчатым и плоским фигурным штампом, а также сосуды с ушками и большой примесью талька в тесте), что указывает на сильное влияние со стороны лесного угорского ареала.

Хронология существования могильника Уелги в настоящее время может быть восстановлена по данным радиоуглеродного анализа. Первые корректные даты получены для нескольких объектов: погребения 5 из кургана 7 (две пробы) и погребения 1 из кургана 3 (три пробы). Комбинирование результатов дало следующую картину. Первоначально общий диапазон совершения погребения 1 в кургане 3 — от 890 до 1020 года н. э. (95,4 % вероятности) с наиболее вероятным пиком (47,2 % вероятности) от 945 до 995 года н. э. Погребение 5 кургана 7 датируется периодом от 890 до 1040 года н. э. (95,4 %), а более узко (68,2 %) — от 970 до 1025 года н. э.

Однако с расширением площади раскопок и в результате исследования более ранних курганов обнаружилось, что начальную дату существования некрополя следует скорректировать. Так, наиболее раннее погребение 16 из кургана 32 дало радиоуглеродную дату от 803 до 842 года. Таким образом, сочетание радиоуглеродного датирования и традиционного метода археологического типологического сравнения дало общую дату существования Уелинского некрополя — от первой половины IX века до середины XI века.

На первый взгляд, погребальные обряды некрополя Уелги демонстрируют общие типологические черты, однако при детальном рассмотрении комплексов были выявлены весьма важные и интересные детали. Каждый год раскопок приносил все больше вопросов. Стало очевидным, что ни один комплекс (насыпь кургана, подкурганная площадка и могильные ямы) не походил на другой. Были ли это семейные захоронения или какие-либо внутривидовые мемориальные сектора, сказать трудно. Вся картина, бесспорно, смазывалась ввиду тотального разграбления

могильника (ему подверглось до 90 % захоронений). В этой связи совершенно невозможно было определить точный половозрастной состав погребенных под каждым из курганов. Также трудно было восстановить и внутреннюю стратиграфию курганных комплексов. В курганах других эпох часто четко фиксируется периодичность появления отдельных ям, так как земляные выкиды из поздних ям перекрывают выкиды из более ранних погребений. В нашем случае чаще всего фиксировались выкиды из грабительских ям. Создавалось впечатление, что погребения совершались в неглубокие ямы прямо с поверхности, а затем, спустя какое-то время, группы погребений (от двух до шести) покрывались гумусной насыпью. При этом на погребальной площадке в относительной близости от могил сооружались жертвенные вымостки из голов и конечностей лошади. Причем это могли быть выкладки из костей одного животного, а также гигантские скопления костей более двух десятков лошадей. Судя по неразграбленным погребениям и общей ориентировке могильных ям, покойники укладывались по линии 3–В с отклонением (по сезонам) в юго-западный либо (реже) в северо-западный сектора. Особым образом из этого числа погребений с ингумацией (то есть труположением) выделялись три погребения воинов-лучников, которые оказались неразграбленными (погребение 1 в кургане 14, погребение 2 в кургане 32, погребение 1 в кургане 11). В них были обнаружены колчаны со стрелами. Вероятно, там же лежали и луки, хотя достоверно присутствие лука удалось зафиксировать лишь в одном погребении — там сохранились специальные костяные накладки, усиливавшие убойность оружия. Приведем краткое описание этих трех захоронений.

Особый интерес представляет группа погребений из трех курганов (1, 6, 31), где зафиксирован обряд трупосожжения. Эти курганы сразу же отличались по характеру насыпей. Они были сложены из интенсивно обожженного на стороне грунта, а в погребениях находились лишь остатки кальцинированных костей погребенных и их вещей.

Distinctive decorative features are ornamentations of pseudo-loop, petal, claw-like protrusions and the presence of a rib or torus in the centre. A separate category consists of lunate (bilunate)-shaped pads with paired protrusions. By analogy with the materials from the South Ural monuments, this group can be dated to the period spanning from IX to XI centuries.

Stylistic group 2 consists of the belt, harness and other silver pads and belt tips similar to the objects from the individual burials of the nomadic aristocracy in the South Urals, Kazakhstan and Eastern Europe.

Stylistic group 3 is “Hungarian”. It mainly includes silver objects with gold plating (gilding). Among the ornamental motifs in addition to the plant one (three-or, four-petal rosette), there are zoomorphic and anthropomorphic drawings.

Stylistic group 4 is the East Kazakhstan, Altai group. There are objects with thick walls and pronounced skirtings. The ornament is floral with a lot of curls, which is common in the Srostkin monuments of Altai.

Stylistic group 5 is forest Ural. Analogues of such objects come from the monuments of the Perm Urals, as well as from the Ugric monuments of Western Siberia and the forest Trans-Urals. Anthropomorphic (faces, human figures) and zoomorphic motifs are common ornamental plots.

Ceramics found in the necropolis includes the objects of the late Kushnarenkov-Karayakupov look (thin-walled, comb-drawn zonal ornamentation), as well as the objects of the Petrogromsky-Yudinsky type (pots ornamented with cord large-comb and flat figured stamps, as well as vessels with “ears” and with a large admixture of talc in the dough), which indicates a strong influence of the forest Ugric area.

The chronology the Uelgi burial ground life-time can now be restored by means of the radiocarbon analysis. The first correct dates were obtained for several objects: burial ground 5 from barrow 7 (two samples) and burial ground 1 from barrow 3 (three samples). Combination of the results gave the following picture. Initially, the general range of using burial ground 1 in barrow 3 is from 890 to 1020 AD (probability of 95.4 %) with the most probable peak (probability of 47.2 %) from 945 to 995 AD. The use of burial ground 5 of barrow 7 dates to the period from 890 to 1040 AD (95.4 %), and more narrowly (68.2 %) to the period from 970 to 1025 AD.

However, with the expansion of the excavation area and studying of the earlier barrows, it was found that the initial date of the necropolis life period should be corrected. Thus, the radiocarbon analysis dated the earliest use of burial ground 16 from barrow 32 from 803 to 842. The combination of the radiocarbon dating and traditional archaeological method of typological comparison determined the Uelgi necropolis life period as started in the first half of the IX century and lasted up to the middle of the XI century.

Табаристанская драхма
(788–789 гг. (по заключению
К. В. Кравцова)). Погребальный
комплекс Уелги. Кунашакский
район, Челябинская область

Tabaristan Drachma (Dirham). 788–
789 (by definition of K. V. Kravtsov).
Uelga burial ground. Kunashaksky
district, Chelyabinsk region

At first glance, the burial rites of the Uelgi necropolis demonstrate common typological features, however, a detailed examination of the complexes revealed very important and interesting details. Each year, the excavations brought more and more questions. It became apparent that not a single complex (barrow embankment, sub-barrow ground and gravel pits) was like another. It was hard to say whether these were family burials or any intra-clan memorial sectors. The whole picture was blurred due to the total robbery of the burial ground (up to 90% of burials were robbed). As a result, it was completely impossible to determine the exact age and sex composition of those buried under each of the barrows. It was also difficult to restore the internal stratigraphy of the barrow complexes. In the barrows of other eras, the periodicity of the appearance of individual pits is often clearly fixed, since earthen barrows from later pits overlap those from earlier burials. In our case, most often registered were the earthen barrows from the robbed pits. It seemed that deceased were buried in shallow pits directly from the ground surface, and then, after some time, groups of burials (from two to six) were covered with a humus soil embankment. In addition, sacrificial pavements made of horse heads and limbs were built on the burial ground in relative proximity to the graves. Moreover, the pavements could be made of one animal bones or giant bone clusters of more than two dozen horses. Judging by the untouched burials and the general orientation of the grave pits, the deceased were laid along the W–E line with a deviation (depending on the season) to the south-west or (less often) to the north-west sector. Out of this number of burials with inhumation (i. e., corpse positioning), distinguished were three burials of archer warriors, which turned out not robbed (burial 1 in barrow 14, burial 2 in barrow 32, burial 1 in barrow 11). In these burials, quivers with arrows were found. Probably, bows

**Раскопки могильника Уелги.
Кунашакский район, Челя-
бинская область. 2010 год**

**Excavations of Uelga burial
ground. Kunashaksky district,
Chelyabinsk region. 2010**

**Раскопки могильника Уелги.
Кунашакский район, Челя-
бинская область. 2012 год**

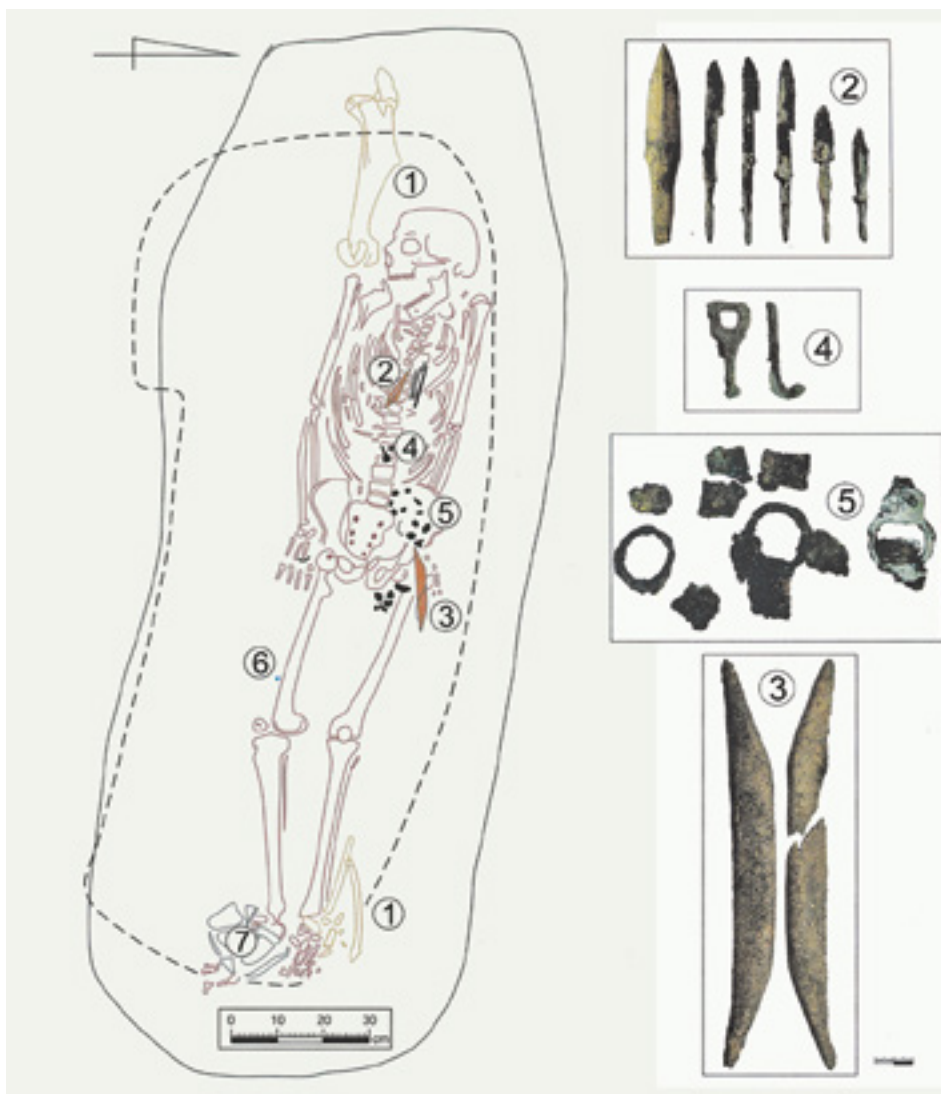
**Excavations of Uelga burial
ground. Kunashaksky district,
Chelyabinsk region. 2012**

Реконструкция лучника.
Могильник Уелги. Погребение
лучника. Кунашакский
район, Челябинская область
Reconstruction of an archer.
Uelga burial ground. Archer's
burial. Kunashaksky district,
Chelyabinsk region

Погребение лучника. Мо-
гильник Уелги. Кунашакский
район, Челябинская область
Archer's burial. Uelga burial
ground. Kunashaksky district,
Chelyabinsk region

could also be there, although a bow was reliably registered only in one burial; special bone plates that strengthened the killing potential of the weapon were found there.

Of particular interest is a group of three burial barrows (1, 6, 31), where a ritual of dead body burning was registered. These barrows strongly differed in the nature of the embankments. They were composed of intensely burned soil on the side; in the burials, there were only the remains of calcined bones of the buried and their belongings. In this burial rite, the obvious influence of the so-called Srostkin culture Altai tribe traditions was seen. Apparently, this group also includes later burials of soldiers with sabers from barrows 1 and 7, which is confirmed by the belt headset objects found in these burials that belong to the fourth (Altai) stylistic group. A distinctive feature of the graves in these barrows is the lack of ceramic dishes. The sabers, quivers with armour-piercing arrowheads and, finally, parts of complex lamellar armour (cuirass type) composed of numerous steel plates found in this burial group clearly distinguish these burials from the others in the Uelgi complexes. The burial rite and the accompanying material (stylistic group 4) make it possible to correlate these burials with a new migration wave of the Kipchak-Kyrgyz population, which came from the Sayan-Altai foothills to the South Urals in X–XI centuries to include the South Urals in the territories they owned. Probably, the population of this latest wave finally overlapped and altered the burial culture of the Uelgi complex.

Despite the circumstances described above, in the course of ten years' work at the monument, it was possible to study a significant number of untouched complexes, such as people's burials, hiding places and burials of bridled horses. The first burials, which were relatively untouched by robbers, contained the remains of a woman and a child. For example, in the embankment of barrow 32, there were female and child's burials. The woman's burial was located in the upper part of the embankment and was the entry burial. The archaeologists cleared a partially destroyed skeleton (only its upper part was preserved). The skeleton belonged to a woman of more than 55 years old, who was buried in a rich costume, the remains of which were also found in the grave. What attracted attention was the headgear, from which a number of densely arranged bilunate plates fixed on the skin and then on the birch bark, are preserved. Probably, this is a forehead diadem, in the composition of which symmetry can be traced (16 plates on each side); the central place on the forehead was occupied a dumbbell-shaped plate.

In the child's burial at the waist level, there was a belt with six plaques and four trenchiks (small leather rings where the free end of a belt is inserted so that it does not hang), the arrangement of which could be traced. The buckle was not found; perhaps the belt was to be tied. Cleared were a bracelet

План могильной ямы и погребальный инвентарь. Могильник Уелги, курган 1, погребение 8. Кунашакский район, Челябинская область

Plan of the grave pit and burial inventory. Uelga burial ground, kurgan 1, burial 8. Kunashaksky district, Chelyabinsk region

on the left hand and an earring on the temporal part of the skull. Below the waist, there was a ring. A ceramic vessel was placed at the feet. Such burials are typical of the South Urals burials in the Bashkortostan necropolises (the barrows Lagerevsky, Bekeshevsky, Khusainovsky).

The artifacts and burials with objects of stylistic group 3 (more than ten coins) that were discovered by V. S. Stokolos in 1958 in the Sineglazovsky quarry, are correlated with the Magyar complex.

The plates, as well as some other objects from the Sineglazovsky barrow (Iranian silk fabric, silver dish, plates with floral ornaments and zoomorphic plots) are the elements of the post-Sasanian fine art tradition.

The accompanying inventory from the cache found in barrow 29 that includes bracelets, an earring, an openwork

Детское погребение 11.
Могильник Уелги, курган 32.
Детали погребального инвентаря (пояс). Реконструкция костюма. Кунашакский район, Челябинская область

Children's burial 11. Uelga burial ground, barrow 32. Details of the grave inventory (belt). Costume reconstruction. Kunashaksky district, Chelyabinsk region

В этом погребальном обряде угадывалось явное влияние традиций алтайских племен так называемой сrostкинской культуры. К этой же группе, по всей видимости, относятся и более поздние погребения воинов с саблями из курганов 1 и 7, что подтверждается найденными в них предметами из ременной гарнитуры четвертой (алтайской) стилистической группы. Отличительной особенностью могил в этих курганах является отсутствие керамической посуды. Найденные в этой погребальной группе сабли, колчаны с бронебойными наконечниками стрел и, наконец, части сложного ламеллярного доспеха (панцирного типа), сложенного из многочисленных стальных пластин, ярко

Реконструкция женского головного убора с диадемой. Могильник Уелги, курган 32. Кунашакский район, Челябинская область

выделяют эти погребения на фоне уелгинских комплексов. Погребальный обряд и сопровождающий материал (стилистическая группа 4) позволяют соотнести эти погребения с новой волной миграции кыпчако-кыргызского населения, пришедшего в X–XI веках из Саяно-Алтайских предгорий на Южный Урал, чтобы присоединить его к своим владениям. Вероятно, население этой наиболее поздней волны окончательно перекрыло и видоизменило погребальную культуру Уелгинского комплекса.

Несмотря на указанные обстоятельства за десять лет работы на памятнике удалось исследовать значительное количество и неразграбленных комплексов — погребений людей, а также тайников и захоронений взнузданных лошадей. Первые относительно не тронутые грабителями погребения содержали останки женщины и ребенка. Так,

План погребения, погребальный инвентарь, реконструкция мадыарского воина. Могильник Синеглазово. Челябинская область

в насыпи кургана 32 располагалось женское и детское захоронения. Погребение женщины было совершено в верхней части насыпи и являлось впускным. Археологами был расчищен частично разрушенный скелет (сохранилась лишь верхняя его часть). Скелет принадлежал женщине старше 55 лет, при которой были обнаружены остатки богатого костюма. Внимание в первую очередь привлекает головной убор, от которого сохранился ряд плотно расположенных билунницевидных накладок, закрепленных на коже, а затем на берестяной полоске. Вероятно, это налобная диадема, в композиции которой прослеживается симметрия (по 16 накладок с каждой стороны), центральное место на лбу занимала гантелевидная накладка.

В детском погребении на уровне пояса находился ремень с шестью бляшками и четырьмя тренчиками, порядок расположения которых удалось проследить. Пряжка не была обнаружена — возможно, пояс завязывался. На левой руке расчищен браслет, у височной части черепа — серьга. Ниже пояса находился перстень. В ногах стоял керамический сосуд. Эти погребения типичны для южноуральских погребений в некрополях Башкортостана (курганы Лагереvский, Бекешевский, Хусаиновский).

Артефакты и погребения, которые были обнаружены В. С. Стоколосом в 1958 году в Синеглазовском карьере, с предметами стилистической группы 3 (более десяти монет) соотнесены с маvярским комплексом.

Накладки, как, впрочем, и некоторые другие предметы из Синеглазовского кургана (иранская шелковая ткань, серебряное блюдо, накладки с растительным орнаментом и зооморфными сюжетами), представляют собой элементы постсасанидской изобразительной традиции.

Сопровождающий инвентарь из тайника, обнаруженного в кургане 29, включающий браслеты, серьгу, ажурную подвеску с зооморфным сюжетом, а также подвески с орнаментацией («игольницы»), указывает на явное влияние лесного угорского ареала. Отсюда очевидно, что неслучаен факт присутствия такого большого количества керамических сосудов со шнуровой и крупногребенчатой орнаментацией, относящихся к юдинско-петрогромскому типу, наряду с теми предметами, которые образуют пятую стилистическую группу, характеризующую пермско-угорское культурное влияние. Эту культурную ориентацию подтверждает наличие накладки с изображением антропоморфных личин. Стилистически изображения также выполнены в традициях угорской пластики.

Таким образом, рассмотренные комплексы и их реконструкция позволяют говорить о чрезвычайной синкретичности погребального комплекса Уелги. Безусловно, эта разнокультурность складывалась и существовала не одновременно. Напомним, что сооружение некрополя

Декоративная накладка.
Могильник Уелги, курган 29.
«Тайник». Кунашакский район,
Челябинская область

продолжалось почти три столетия. И та картина, которая наблюдалась на раннем этапе существования Уелгинского некрополя, отнюдь не схожа с культурным калейдоскопом в самом финале. Однако, судя по этому динамическому изменению этнокультурного облика населения Уелгинской долины, можно воссоздать картину зарождения южноуральских народов в эпоху развитого Средневековья.

Историко-культурные реконструкции, которые удалось провести по результатам анализа материалов исследованного комплекса Уелги, указывают на то, что в недрах этого некрополя закладывался своеобразный алгоритм сосуществования различных этнических групп, как ранее обитавших на необъятных просторах урало-казахстанских степей и зауральской лесостепи, так и племен, пришедших из предгорий Алтая и западносибирских лесов. В итоге этих взаимодействий началось формирование облика многих современных народов Урала, Поволжья, Казахстана и основы венгерского этноса, переселившегося впоследствии в далекие пределы Восточной Европы.

Кочевники Восточного Дешт-и-Кыпчака (XI — начало XIII века)

Историческая канва достаточно убедительно показывает, что кочевники заурало-казахстанских степей в XI веке, безусловно, находились в ареале кыпчакской политической зависимости. В это время, вероятно, земли Урало-Аралья (от восточных склонов Урала) являлись кочевьями кыпчаков.

К XII веку восстановилась прежняя пастбищно-кочевая территория в рамках Урало-Аральского региона, что

Погребальный инвентарь. Могильник Уелги, курган 29. «Тайник». Кунашакский район, Челябинская область

pendant with a zoomorphic plot, as well as pendants with ornamentation (“needles”) indicates a clear influence of the Ugric forest area. It is thus obvious that the presence of such a large number of ceramic vessels with cord and large-ribbed ornaments of the Yudinsky-Petrogromsky type along with those objects that form the fifth stylistic group, which characterized the Perm-Ugric cultural influence, is not accidental. This cultural orientation is confirmed by the presence of plates with images of anthropomorphic masks. Stylistically, the images are also of Ugric plastic tradition.

Thus, the complexes considered and their reconstructions indicate the extreme syncretism of the Uelgi funerary complex. Of course, this multiculturalism did not take shape in an instant. Note, that the construction of the necropolis lasted for almost three centuries. And the picture that was observed at an early stage of the Uelgi necropolis existence is by no means similar to the cultural kaleidoscope in the finale stage. However, by this dynamic change in the ethnocultural image of the Uelgi

Общий вид. Могильник Уелги, курган 29. «Тайник». Кунашакский район, Челябинская область

способствовало этнической консолидации и окончательной тюркизации к XIII веку населения западноазиатских степей.

С конца XII — XIII веке кочевое население Дешт-и-Кыпчака активно осваивало северную часть южноуральских и западносибирских степей и частично юг лесостепей. Это обусловило появление комплексов XII–XIII веков в лесостепной Башкирии (могильники Мрясимовский, Кушулевский, Сыпты, Шах-Тау, у поселка Комсомольский, на Охлебнинском городище). Это население активно контактировало с угорскими племенами, оставившими памятники чияликского типа в лесостепном Приуралье и Зауралье и памятники «сылвенского» круга в Юго-Западной Сибири.

По нашему представлению, относительная малочисленность урало-казахстанских комплексов данного этапа объясняется определенными причинами историко-культурного характера. По всей вероятности, население кыпчакско-половецкого этапа было весьма дисперсным, особенно в удаленных провинциях Дешт-и-Кыпчака, коими являлись южноуральские и северо-казахстанские степи. Основная масса кочевников сосредоточивалась либо в наиболее благоприятных зонах северопричерноморских и волго-донских степей, либо вблизи азиатских оазисных городских цивилизаций, которые располагались в северных районах Средней Азии, предгорьях Улутая или Казахского мелкосопочника (Нуринско-Ишимское междуречье), где обнаружены города гузов X–XII веков. Исследования данных микрорайонов сегодня только начинаются (городище Бузок, окраина Астаны). Основные составляющие черты кимако-кыпчакского историко-культурного комплекса: погребение со шкурой коня, ориентировка погребенного в направлении ЗСЗ. В отличие от предыдущего периода эти комплексы располагаются в пределах обширного региона урало-казахстанских степей.

В целом они продолжают традицию раннекыпчакских погребений, которые появляются, судя по материалам погребального комплекса Уелги, уже в X–XI веках. Впервые на схожесть южноуральских материалов с материалами алтайских памятников сросткинской культуры, соотносимых с памятниками кимако-кыпчакского населения, обратил внимание Д. Г. Савинов. Наибольшую схожесть со сросткинскими памятниками, на его взгляд, демонстрировали самые поздние курганы (XI век) у озера Синеглазово, исследованные в начале XX века Н. К. Минко и С. А. Гатцуком. С нашей точки зрения, Синеглазовские курганы X–XI веков отражают этап становления Восточного Дешт-и-Кыпчака. На следующем этапе (XI–XII века) происходит широкое расселение кыпчакского населения в пределах урало-казахстанских степей.

В последние годы в степной зоне Южного Зауралья и Казахстана было исследовано несколько курганов этого этапа (Змеиный Дол, курган 2; Кайнсай, курган 5; курган у Третьего Плеса; Илекшар I, курган 1; Илекшар III, курган 1; Лисаковский, курган 4; Шумаевский II, курган 7). Все зауральские памятники располагались в сходных ландшафтных условиях — на невысоких мысовидных возвышенностях вблизи широких пойменных ложбин с высоким уровнем почвенных вод и хорошим травостоем. Все эти памятники можно датировать XI — первой половиной XIII века. По характерным особенностям погребального обряда, типам инвентаря данные комплексы весьма близки

Погребальный инвентарь. Синеглазовские курганы. Раскопки Н. К. Минко и С. А. Гатцука. Челябинская область. 1908 год
Burial inventory. Sineglazovsky barrows. Excavations of N. K. Minko and S. A. Gattcuk. Chelyabinsk region. 1908

Valley population, one can recreate a picture of the South Urals peoples' origin in the era of the High Middle Ages.

The historical and cultural reconstructions, which were carried out based on the results of the analysis of the Uelgi materials, indicate that in this necropolis, a specific algorithm of coexistence for various ethnic groups was founded. It covered both, the population that previously lived in the vast expanses of the Ural-Kazakhstan steppes and the Trans-Urals forest-steppe, as well as the tribes, which came from the Altai foothills and the West Siberian forests. As a result of these interactions, the formation of the appearance of many modern peoples of the Urals, Volga Region, and Kazakhstan began, and the foundation of the Hungarian ethnic group, which later moved to the far reaches of Eastern Europe, was laid

Nomads of the East Desht-I-Kipchak (XI — beginning of XIII century)

Historical events quite convincingly show that in the XI century, the nomads of the Trans-Ural Kazakhstan steppes were definitely politically dependent on the Kipchak khanate. Probably, at that time, the lands of the Urals-Aral regions (from the eastern slopes of the Urals) were the Kipchak nomadic sites.

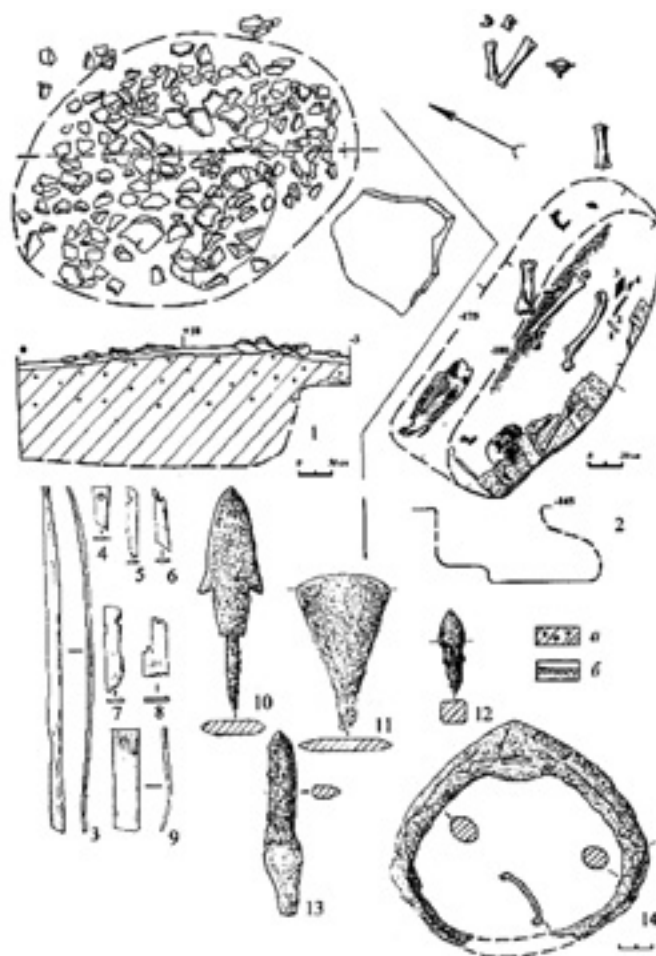
By the XII century within the Urals-Aral region, the former pastoral-nomadic territory was restored, which contributed to the ethnic consolidation and final Turkization of the West Asian steppe population by the XIII century.

Starting from the end of the XII — XIII centuries, the Desht-I-Kipchak nomadic population actively explored the Northern part of the South Urals and West Siberian steppes and partially the forest-steppes south. This led to the emergence of the XII–XIII centuries' complexes in the forest-steppe Bashkiria (the Mryasimovsky, Kushulevsky, Sypty and Shakh-Tau burial grounds in the Okhlebninsky settlement near the village of Komsomolsky). This population actively communicated with the Ugric tribes, who left the Chiyalik type monuments in the forest-steppe Cis Urals and Trans-Urals, as well as the Sylva region monuments in South-West Siberia.

In our opinion, the relative paucity of the Ural-Kazakhstan type complexes can be explained by certain historical and cultural specificity. Probably, the Kipchak-Polovtsian stage population was very dispersed, especially in the remote provinces of Desht-I-Kipchak, which were the South Urals and North-Kazakhstan steppes. The bulk of the nomads was concentrated either in the most favourable zones of the North Black Sea region and Volga-Don steppes, or near the Asian oasis city civilizations, which were located in the northern regions of Central Asia, the foothills of the Ulutau or the small Kazakh hills (The Nurinsk-Ishim interfluve region), where the Guz' cities of the X–XII centuries were discovered. Studies of these micro-districts are only beginning today (the Buzok settlement,

the outskirts of Astana). The main components of the Kimak-Kipchak historical and cultural complex are: burial with the horse skin and the diseased orientation in the direction of the VNV. Unlike the in the previous period, these complexes are located within the vast region of the Ural-Kazakhstan steppes.

On the whole, they continue the tradition of the Early Kipchak burials, which appear, judging by the materials of the Uelgi burial complex, already in the X–XI centuries. It was D. G. Savinov who was the first to draw attention to the similarity of the South Urals materials and the materials of the Altai Srostkin culture monuments, which in turn relate to the monuments of the Kimak-Kipchak population. In his opinion, the closest similarity with the Srostkin monuments was demonstrated by the most recent burial barrows (XI century) near Lake Sineglazovo investigated at the beginning of the 20 th century by N. K. Minko and S. A. Gattsuk. From our point of view, the Sineglazov barrows of the X–XI centuries

Погребальный обряд и инвентарь. Могильник Змеиный Дол, курган 2

Funeral rite and burial inventory. Zmeiny Dol burial ground. Barrow 2

к комплексам кыпчако-половецкого времени Восточной Европы.

Кыргызы в составе Дешт-и-Кыпчака и Улус Шибана. Аскизские памятники урало-казахстанских степей

Наиболее обширный свод археологических памятников аскизской культуры был составлен И. Л. Кызласовым. Он первым описал наиболее западный аскизский (кыргызский) комплекс предметов из разрушенного кургана в урочище Ак-Полак (Акмолинская область). Комплекс включает конскую узду (удила с псалием, низ которого оформлен в виде сапожка, подпружную пряжку и накладки-подвески, два стремени грушевидной формы, султан), а также навер-

шие нагайки и железную цилиндрическую пронизку с многочисленными перехватами, относящиеся к XII — началу XIII века. К этому типу памятников можно отнести и комплекс из кургана 1 Симбирского могильника (Кизильский район Челябинская область).

Особым памятником является курган Кула-Айгыр, расположенный в седловине коренного берега реки Шерубай-Нура (Карагандинская область). Инвентарь составили серебряный сосуд с оторванной подставкой, стоявший в головах погребенного, серебряные декоративные пластины и два железных стремени, лежащие у его ног. В заполнении ямы были найдены серебряные пластинки, поясные накладки и железные кольца, на поверхности — бронзовое зеркало. Предметы были выброшены из ямы барсуком.

Погребальный инвентарь. Могильник Кула-Айгыр. Казахстан
Burial inventory. Kula-Aygyr burial ground. Kazakhstan

reflect the formation stage of the East Desht-I-Kipchak. At the next stage (XI–XII centuries), the Kipchak population widely dispersed within the Ural-Kazakhstan steppes.

In recent years, several barrows of this stage have been investigated in the steppe zone of the South Trans-Urals and Kazakhstan (Zmeiny Dol, barrow 2; Kainsay, barrow 5; barrow at the Third Reach; Ilekshar I, barrow 1; Ilekshar III, barrow 1; Lisakovsky, barrow 4; Shumaevsky II, barrow 7). All the Trans-Ural monuments were located in similar landscapes, on low cape-like hills near wide floodplain hollows with a high level of soil water and good grass stand. All these monuments can be dated to the XI — the first half of the XIII century. In the characteristic features of the funeral rites and types of inventory, these complexes are very close to the complexes of the Kipchak-Polovtsian time of Eastern Europe.

Kyrgyzes as part of Desht-I-Kipchak and Shiban's Ulus. Askiz monuments of the Ural-Kazakhstan steppes

The most extensive list of Askiz culture archaeological monuments was compiled by I. L. Kyzlasov. He was the first to describe the westernmost Askiz (Kyrgyz) complex of objects from the destroyed barrow in the Ak-Polak tract (Akmola region). The complex includes a horse bridle (a bit with psalii, the bottom of which is made in the form of a boot, a spring buckle, plates-pendants, two pear-shaped stirrups, and a sultan), as well as a whip cap and cylindrical metal rope with numerous interceptions dating back to the XII — early XIII centuries. The complex from burial barrow 1 of the Simbirsk burial ground (Kizilsky district, Chelyabinsk region) can also be included in this type of monuments.

Погребальный инвентарь.
Могильник Кула-Айгыр.
Казахстан
Burial inventory.
Kula-Aygyr
burial ground.
Kazakhstan

Приведенные материалы позволяют выделить два этапа, в течение которых были наиболее вероятны миграции в Дешт-и-Кыпчак из кыргызского государства: 1) начало XIII — вторая половина XIII века; 2) конец XIII — начало XIV века. Переселение, вероятно, осуществлялось с востока на запад вдоль торгового пути Енисей — Волга.

Монгольское нашествие и его последствия для народов Средней Азии, Казахстана и Южного Урала

Монгольская империя («Великое Монгольское государство») — государство, сложившееся в XIII веке в результате завоеваний Чингисхана и его преемников и включавшее в себя самую большую в мировой истории смежную территорию от Восточной Европы до Японского моря и от Новгорода до Юго-Восточной Азии. Столицей государства стал Каракорум.

Монгольское вторжение в регионы, непосредственно граничащие с Южным Уралом, фактически по всему пространственному периметру началось еще в эпоху Великого Темучина — Чингисхана. Несмотря на ранее установившуюся многовековую культурно-хозяйственную связь с Юго-Западной Сибирью, Семиречьем, Сырдарьинско-Аральским и Прикаспийским регионами, кардинальная ломка этнокультурных институтов и коммуникаций южноуральского Дешт-и-Кыпчака происходила уже с первых годов XIII века. Так, в 1207 году Чингисхан направил своего старшего сына Джучи на завоевание племен, обитавших к северу от реки Селенги и в долине Иртыша, где возникла Иртышская ставка Чингисхана. В результате этих походов были покорены прииртышские и, вероятно, алтайские кыпчаки, а также уничтожено государство каракатаев в Семиречье (1211–1218). В этот период была разрушена культурно-торговая коммуникация кыпчакского, кыргызского населения Алтая и кочевников Южного Урала, которая действовала в предшествующий период.

Не столько собственно монгольское нашествие, сколько последствия, связанные с вынужденным переселением кочевников Восточного Дешт-и-Кыпчака в пределы Урала, вызвали кардинальную перестройку этнического состава южноуральского населения и изменение ранее налаженной системы хозяйства. Лучшие земельные угодья отошли пришлым племенам, а оставшаяся часть была перераспределена между местными племенами. Кроме того, в ходе освободительной войны многие башкирские племена прекратили свое существование, а их население под принуждением влилось в состав новых родоплеменных образований под предводительством завоевателей. Потерю земельных угодий в степной зоне башкирские племена старались компенсировать расширением своих вла-

дений на севере. Тогда возникли маршруты их кочевий от устья реки Уфы до Камы, о чем есть упоминание в эпосе «Алдар и Зухра». Появление группы башкирских племен на Средней Каме (до широты современной Перми), видимо, следует относить именно к этому времени. Летние кочевья отдельных башкирских племен восточнее проходили по Кунгурскому краю и всему Среднему Уралу. Судя по материалам археологических памятников (курганов), здесь появились постоянные группы башкирских племен. Все это способствовало дальнейшему возрастанию роли южноуральского региона как самостоятельной культурно-хозяйственной зоны.

Известно, что войско Чингисхана двинулось на запад с берегов Иртыша осенью 1219 года. Хотя следует заметить, что первое столкновение с войсками хорезмшахов произошло в 1216 году. В момент преследования мятежников кыпчаками Кадыр-хана (в некоторых интерпретациях — Кайыр-хан) Мухаммед столкнулся с войсками, вероятно, Джэбэ и Субэдэй. Это произошло в Тургайских степях, на реке Иргизе, куда они были посланы для уничтожения остатков миркитов. После кратковременного сражения монголы отступили в степь. По всей видимости, столкновение было случайным и произошло во время глубоких рейдов, которые совершали монголы накануне похода на Хорезм. Однако чрезвычайная близость места события к южноуральским степям в который раз подтверждает факт раннего монгольского присутствия в нашем регионе.

Сцена переговоров монголов:
«Я не убиваю, как ты — из-за спины. Я в честном бою сражусь за своего господина». Иллюстрация к «Джамиат-таварих» Рашид ад-Дина

Scene of the Mongol negotiations:
"I do not kill from the back, as you do. I fight for my master in a fair battle." Illustration for «Jamiat-Tavarih» by Rashid al-Din

A very special monument is the Kula-Aygyr barrow located in the saddle of the root bank of the Sherubay-Nura River (the Karaganda region). The inventory consists of a silver vessel with a torn support standing at the head of the deceased, silver decorative plates and two iron stirrups lying at the feet of the body. Also found in the pit were silver plates, waist pads, metal rings; a bronze mirror was found on the surface. The objects were thrown out of the pit by a badger.

The materials mentioned above make it possible to distinguish two stages, during which the migrations from the Kyrgyz state to Desht-I-Kipchak were most likely: 1) the beginning of the XIII — the second half of the XIII century; 2) the end of the XIII — the beginning of the XIV century. The people probably resettled from east to west along the Yenisei-Volga Rivers trade route.

The Mongol invasion and its consequences for the peoples of Central Asia, Kazakhstan and the South Urals

The Mongol Empire (“The Great Mongolian State”) is the state that emerged in the XIII century as a result of the conquests of Genghis Khan and his successors and included the largest in world history contiguous territory from Eastern Europe to the Japan Sea and from Novgorod to Southeast Asia. The capital of the state was Karakoram.

The Mongol invasion of the regions directly bordering the South Urals and actually along its entire spatial perimeter began in the era of the Great Temuchin — Genghis Khan. Despite the centuries-old cultural and economic ties with South-Western Siberia, the Semirechye, Syr Darya-Aral and Caspian regions, a radical breakdown of the ethnocultural institutions and communications of the South Urals Desht-i-Kipchak already started in the first years of the XIII century. So, in 1207, Genghis Khan sent his eldest son Jochi (Juchi) to conquer the tribes living north of the Selenga River and in the Irtysh valley, where the Genghis Khan Irtysh headquarters were set. These campaigns resulted in the conquest of the Cis-Irtysh and probably Altai Kipchaks, and the state of Karakata in Semirechye was destroyed (1211–1218). During this period, the cultural and commercial communication of the Kipchak and Altai Kyrgyz population with the South Urals nomads, which had existed in the previous period, was destroyed.

It was the consequences associated with the forced resettlement of the East Desht-I-Kipchak nomads to the Urals, rather than the Mongol invasion proper, that caused a radical restructuring of the ethnic composition of the South Urals population and changed the previously established economy. The best land was taken by the new tribes, while the rest was redistributed among the local tribes. In addition, during the liberation war, many Bashkir tribes ceased to exist, and their population was

forced to join new tribal formations led by the conquerors. The Bashkir tribes tried to compensate for the loss of their land in the steppe zone by expanding their possessions to the north. At that time, as mentioned in the “Aldar and Zuhra” epic, the Bashkir nomads’ routes from the mouth of the Ufa River to the Kama River emerged. The appearance of the Bashkir tribes group in the Middle Kama region (up to the latitude of modern Perm) should probably be attributed to this time. Eastward, summer nomadic movements of individual Bashkir tribes passed through the Kungur region and the entire Middle Urals. Judging by the materials of the archaeological sites (barrows), permanent groups of Bashkir tribes appeared here. All this contributed to further growth of the role of the South Urals region as an independent cultural and economic zone.

It is known that the Genghis Khan army moved to the west from the banks of the Irtysh River in the autumn of 1219. However, it should be noted that the first clash with the Khorezmshahs’ troops occurred in 1216. At the time of the persecution of the rebels by the Kipchaks of Kadyr Khan (in some interpretations — Kaiyr Khan), Muhammad clashed with the troops of probably Jebe and Subedei. This happened in the Turgai steppes in the Irgiz River region, where they were sent to exterminate what was left of the Mirkites. After a short battle, the Mongols retreated to the steppe. Apparently, the collision was accidental and occurred during Mongols deep raids on the eve of the Khorezm campaign. However, the extreme proximity of the battle scene to the South Urals steppes confirms once again the early Mongol presence in our region.

Both, during the conquest of Khorezm, and in the subsequent European campaigns, the conquest of Desht-I-Kipchak was cruel and bloody accompanied by mass extermination of not only the Kipchak and Kangly aristocracy, but also of ordinary population. Behind this, a purposeful policy is clearly visible that was explained by a number of reasons.

For the Mongols, the Kipchaks were one of the most stubborn and implacable opponents: almost a quarter of a century passed between their first clash and the Kipchaks final defeat. In order to break down the resistance of the indisputably freedom-loving and courageous people, ultimately, an all-empire action was needed, the significance of which was emphasized by the Ugedey’s intention to personally lead the Western campaign. This long fierce confrontation left the Kipchaks little hope for reconciliation and, if not for the pragmatism of the Mongolian military doctrine, and not for the first major split in the Chingizid camp that followed the Ugedey death, when Batu had to worry about the urgent strengthening of his forces, the solution of the Kipchak problem could probably be extreme.

Покорение Дешт-и-Кыпчака и в период завоевания Хорезма, и в последующих европейских кампаниях носило тяжелый и кровопролитный характер с массовым истреблением не только кыпчакской и канглытской аристократии, но и рядового населения. За этим отчетливо видна целенаправленная политика, обусловленная целым рядом причин.

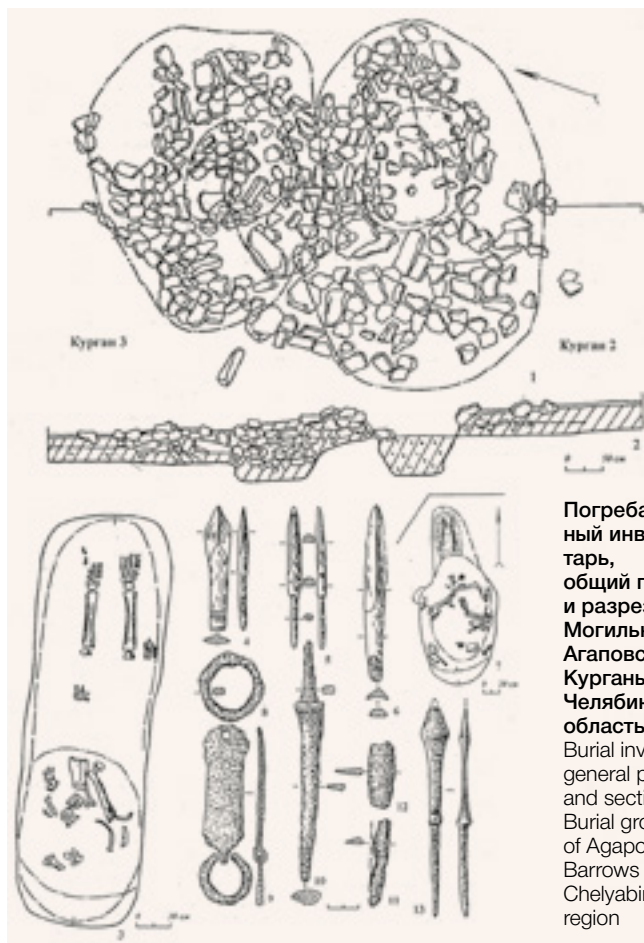
Кыпчаки явились для монголов одним из самых упорных и непримиримых противников: между первым столкновением и окончательным их разгромом прошло почти четверть века. Для того чтобы сломить сопротивление, бесспорно, свободолюбивого и мужественного народа, в конечном счете понадобилась общеимперская акция, значимость которой подчеркивалась намерением Угэдэя лично возглавить западный поход. Длительное ожесточенное противоборство оставляло кыпчакам мало надежды на примирение и, если бы не прагматизм монгольской военной доктрины да не первый крупный раскол в стане Чингизидов, последовавший за смертью Угэдэя, когда Бату пришлось обеспокоиться срочным укреплением своих сил, решение кыпчакской проблемы, вероятно, могло принять самые крайние формы.

Установление улусной системы и монгольской администрации, вероятнее всего, приостановило процессы инокультурных миграций и разноэтничной нестабильности. К этому периоду у башкир окончательно сформировалось типичное сословие — иерархическое общество во главе с ордынским ханом. Фактически же на правах вассалов от его имени страной управляли башкирские ханы — бии, обладавшие наследственной властью. Они распределяли земли между племенами, в необходимых случаях определяли маршруты кочевков отдельных племен, собирали налоги с подвластного населения, следили за выставлением подчиненными им нукерами, тысячниками воинов ханскому войску и т. п. Аналогичные функции в пределах своих кочевий, улусов выполняли царевичи — представители правящего дома. Но правосудие осуществляли монгольские судьи. Об их проживании среди башкир нам известно из источников XIII века. Например, упомянутый выше Юлиан сообщает: «...и были там татары, судьи баскардов». В башкирском обществе в роли крупных феодалов выступали представители родоплеменной знати — вожди. Вся территория расселения башкир была разделена между улусными владениями и практически превратилась в кочевья ордынских царевичей и их ближайшего окружения. В результате башкирские племена лишились своих лучших земельных владений и были насильно переселены на новые, но худшие земли. Помимо непомерного налогового бремени и наложения различных повинностей монголь-

ское иго сопровождалось массовым истреблением людских ресурсов, грабежом скота и других ценностей.

Археологические памятники населения улуса Шибана (XIII–XIV века)

Анализ материалов с памятников данного этапа показывает чрезвычайную пестроту археологических типов материальной культуры. Сегодня весьма сложно выявить устойчивые этнодиагностирующие признаки погребального обряда, позволяющие с высокой долей вероятности соотнести те или иные типы археологических комплексов с конкретными этноплеменными объединениями. Исключением являются памятники аскизского типа, а также погребения с северной и северо-восточной ориентировкой, которые уверенно связываются с монгольской культурной традицией. Однако в целом южноуральские материалы золотоордынского круга обнаруживают определенную тенденцию. Интересным в этой связи является комплекс небольших родовых могильников, сосредоточенных на сравнительно малой территории Агаповских гор и Кирсы (окрестности Магнитогорска).

Погребальный инвентарь, общий план и разрез. Могильник Агаповский I. Курганы 2, 3. Челябинская область
Burial inventory, general plan and section. Burial ground of Agapovsky I. Barrows 2, 3. Chelyabinsk region

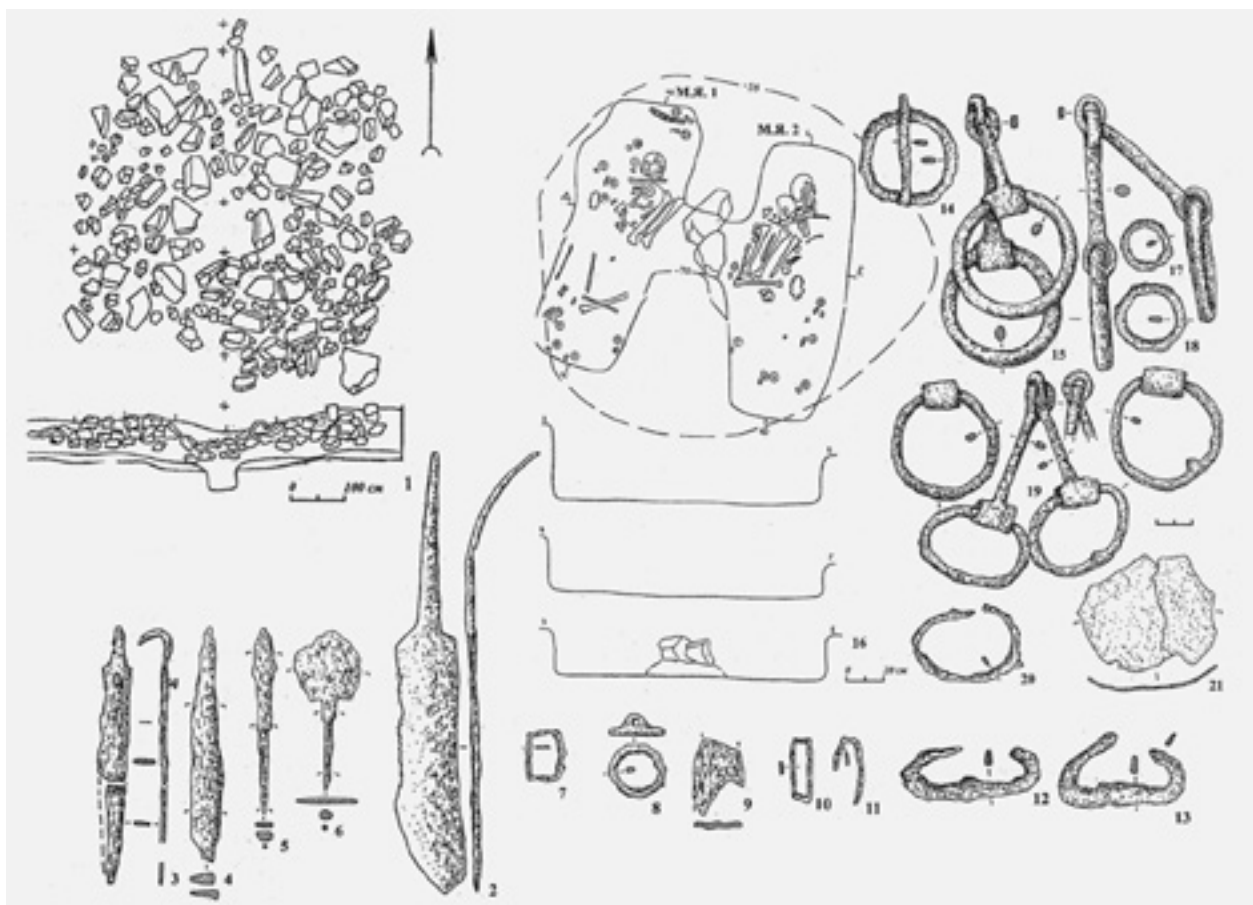

The establishment of the Ulus system and the Mongolian administration most likely suspended the processes of foreign cultural migrations and multi-ethnic instability. By this period, the Bashkirs finally formed a typical hierarchical society led by the Horde khan. In fact, on his behalf and as his vassals, the country was ruled by the Bashkir khans, bii, who had hereditary power. They distributed land among the tribes and, if necessary, determined the routes for individual nomadic tribes, collected taxes from the subservient population, supervised nukers who dealt with recruiting warriors to the khan's army, etc. Within their nomads or uluses, similar functions were performed by princes, representatives of the ruling dynasty. But justice was administered by Mongolian judges. We know about their presence among the Bashkirs from the sources of the XIII century. For example, one of the aforementioned source reports: "... and there were Tatars, judges of the Baskards". In the Bashkir society, the representatives of the tribal nobility, the leaders, acted as large feudal lords. The entire territory of the Bashkir settlement was divided between the uluses and practically turned into the nomad camps of the Horde princes and their close circles. As a result, the Bashkir tribes lost their best lands and were forcibly relocated to new but

worse territories. In addition to the exorbitant tax and various duty burdens, the Mongol yoke was accompanied by mass extermination of human resources and robberies of livestock and other valuables.

Archaeological monuments of the Shibani ulus population (XIII–XIV centuries)

The analysis of the materials from the monuments of this stage shows the extreme diversity of the material culture archaeological types. Today, it is very difficult to identify stable ethnical-diagnostic hints of the funeral rite, which could make it possible to reliably attribute certain types of the archaeological complexes to specific ethnic-tribal associations. The exceptions are the Askiz-type monuments, as well as the burials with the northern and north-eastern orientation, which are confidently associated with the Mongolian cultural tradition. However, in general, the South Urals materials of the Golden Horde circle show a certain tendency. In this regard, interesting is the complex of small tribal burial grounds concentrated in a relatively small territory of the Agapov Mountains and Kirsia (the vicinity of Magnitogorsk).

Общие планы и разрезы, погребальный инвентарь. Могильник Агаповские Горы 19, курган 1. Челябинская область
General plans and sections, burial inventory. Burial ground of Agapovskie Gory 19, barrow 1. Chelyabinsk Region

Монгольский лучник.
Персидская миниатюра

Mongolian archer. Persian miniature

Несмотря на небольшое количество исследованных в этом микрорайоне комплексов (до двух десятков), в целом погребальный обряд этой выборки демонстрирует основные тенденции историко-культурного комплекса южноуральских кочевников и Золотой Орды. Основные черты погребальной обрядности позволяют говорить, что основную часть ордынского общества составляло местное урало-казахстанское кочевое население, входившее накануне монгольского нашествия в Дешт-и-Кыпчак. В этой связи мы разделяем точку зрения исследователей, которые говорят о кыпчакской составляющей южноуральского населения в период Золотой Орды. Хотя бесспорно, что собственно название «кыпчак» теряет бывшее интегрирующее значение. Оно продолжает существовать среди многочисленных племенных наименований, которые вступают на арену в период глобальной этнокультурной деструкции.

Таким образом, несмотря на то что в течение XIII–XIV веков на территории Улуса Шибана шла активная этнокультурная нивелировка, которая естественным образом была обусловлена высокой плотностью совместного проживания, политическим и идеологическим единством, тюркокультурной общностью автохтонных кочевых народов урало-казахстанских степей, установление административной улусной системы и принятие единой религии завершили процесс этнокультурогенеза современных степных народов евразийского зарубежья.

Из числа статусно выделяющихся погребений наиболее близким является погребение из кургана у села Федоровка в окрестностях Челябинска. Оно представляло собой, вероятно, небольшой грунтовый курган, под насыпью которого располагалась подовальная могильная яма, забутованная камнем. Погребенный лежал головой на северо-запад, в го-

ловах его располагались кости (барана). Кости ступней ног имели характерное разрушение, указывающее на то, что сверху на них было уложено седло, остатки которого фиксировались у торцевой стенки ямы. Покойник был одет в шелковый (синий?) кафтан, украшенный золотым шитьем и подбитый войлоком (сукном?). В области поясицы был расчищен пояс, представлявший собой плетеную крупнотканую матерчатую (шелк?) ленту, украшенную 57 поперечными прямоугольными бронзовыми накладками с бордюром. Одна из накладок соединялась с подвесной бронзовой скобой, к которой, судя по остаткам кожаных изделий, подвешивался кожаный кошель, украшенный тисненым шахматным узором. В нем располагались деревянный (самшитовый?) двусторонний гребень и остатки кресала. Справа от правой кисти погребенного лежал железный нож с костяной рукоятью, обтянутой тисненой

Детали погребения и графическая реконструкция пояса с навесными элементами. Погребение у села Федоровка. Челябинская область
Burial near the village of Fedorovka. Chelyabinsk region

Despite a small number of complexes studied in this micro-district (up to twenty), in general, the funeral rite of this sample demonstrates the main trends in the historical and cultural complex of the South Urals nomads and the Golden Horde. The main features of the funeral rituals allow claiming that the main part of the Horde society was the local Ural-Kazakhstan nomadic population, which on the eve of the Mongol invasion, was included in Desht-I-Kipchak. We thus share the point of view of those researchers who claim the Kipchak component in the South Urals population during the Golden Horde period. However, it is indisputable that the name “Kipchak” itself loses its former integrating meaning. It continues to exist among numerous tribal names that enter the arena during the period of the global ethnical-cultural destruction.

Thus, despite the fact that during the XIII–XIV centuries in the territory of the Shiban’s Ulus an active ethnical-cultural

levelling took place, which was naturally caused by the high density of cohabitation, political and ideological unity and the Turkic-cultural similarity of the autochthonous nomadic peoples of the Ural-Kazakhstan steppes, the establishment of the administrative ulus system and adoption of a single religion completed the process of ethnical-cultural genesis of modern Eurasian borderland steppe peoples.

Among the most status-distinguished burials, the closest is the burial from the barrow near the village of Fedorovka in the vicinity of Chelyabinsk. It was probably a small soil barrow, under the embankment of which there was a sub-oval grave pit, covered with stone. The buried man was laid his head to the north-east; bones (of a ram) were put at his head. His feet bones had a characteristic destruction, indicating that on top of them there was a saddle, the remains of which were fixed at the end wall of the pit. The deceased was dressed

Общий вид, погребальный инвентарь. Погребение у села Федоровка. Челябинская область
General view, burial inventory. Burial near the village of Fedorovka. Chelyabinsk region

кожей. Судя по характеру сопровождающего материала, погребенный, скорее всего, прибыл на Южный Урал из областей Центральной Европы.

Раннемусульманская мемориальная архитектура Южного Урала. Мавзолей Кесене

К памятникам золотоордынского периода на Южном Урале относится, прежде всего, мавзолей Кесене. Погребальный комплекс Кесене расположен в Варненском районе Челябинской области, на расстоянии 3,5 км к юго-востоку от станции Тамерлан. Он состоит из портално-шатрового мавзолея Кесене («Башня Тамерлана»), а также курганного и грунтового могильников.

Кесене представляет собой трехсоставный портално-шатровый мавзолей: на квадратном в плане основании возведен 12-гранный барабан, увенчанный пирамидальным шатром. Общие размеры основания 9×12 м, высота сооружения (после реставрации) 18 м. Боковые стены основания переходят в портал, выдвинутый на 3 м вперед и вверх. В парадном портале (пиштаке) расположен сводчатый вход (айван), ориентированный на юг и оформленный

Мавзолей Кесене на фотографии XIX века. Варненский район, Челябинская область

Kesene Mausoleum in a photograph of the XIX century. Varna region, Chelyabinsk region

**Башня Тамерлана (Кесене).
Варненский район,
Челябинская область**

**Tamerlane Tower (Kesene).
Varna region, Chelyabinsk region**

in a silk (blue?) kaftan, decorated with gold embroidery and lined with felt (cloth?). In the lumbar region, a belt was cleared, which was a wattled large-woven fabric (silk?) ribbon decorated with 57 transverse rectangular bronze pads with friezes. One of the pads was connected to a pendant bronze bracket, to which judging by the remains of leather products, a leather wallet decorated with an embossed chess pattern was hung. It contained a wooden (boxwood?) two-sided comb and the remains of a flint. To the right of the deceased's right hand lay an iron knife with a bone handle covered in embossed leather. Judging by the nature of the accompanying material, the deceased most likely arrived in the South Urals from the areas of Central Europe.

Early Islamic memorial architecture of the South Urals. Kesene Mausoleum

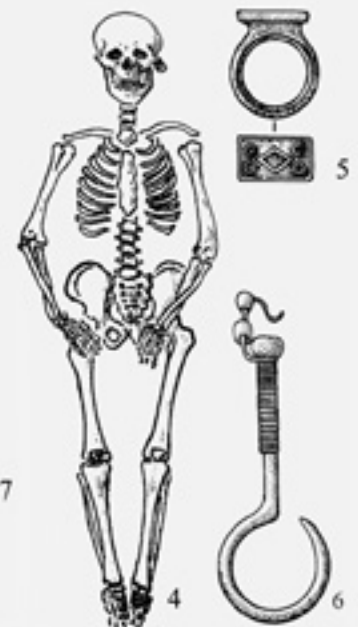
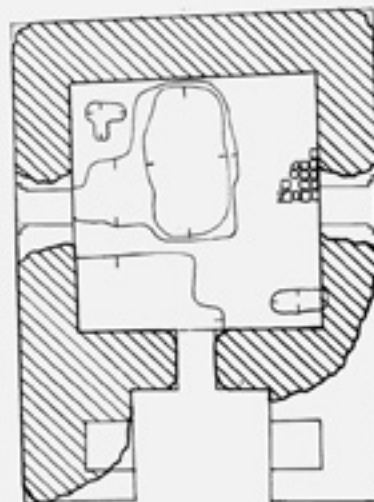
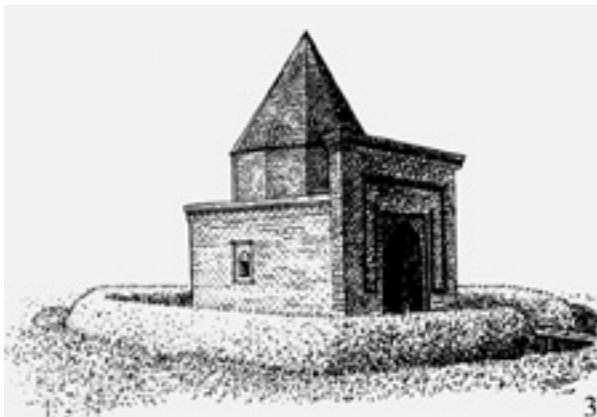
The monuments of the Golden Horde period in the South Urals include, first of all, the Kesene mausoleum. The Kesene burial complex is located in the Varna district of the Chelyabinsk region at a distance of 3.5 km south-east of the Tamerlane station. It consists of the portal-tented Kesene mausoleum ("Tamerlane Tower") as well as of barrow and soil burials.

Kesene is a three-part portal-dome mausoleum; a 12-sided drum crowned with a pyramidal dome is erected on a square base. The dimensions of the base are 9×12 m; the height of the structure (after restoration) is 18 m. The side walls of the base extend into the portal protruding 3 m forward

Вид мавзолея Кесене.
Рисунок И. А. Кастанье
View of Kesene Mausoleum.
Drawing by I. A. Castagne

and up. In the principle portal (pishtaq) there is a vaulted entrance (iwan) oriented to the south and decorated on both sides with vertical recesses; there are small rectangular windows in the northern and eastern walls of the structure. The inner vault is spherical.

Мавзолей Кесене: 3 — вид мавзолея, конец XX века (рисунок А. М. Федорова); 4 — женское захоронение (раскопки Э. Ю. Петри); 7 — план мавзолея (раскопки С. Г. Боталова и Г. Я. Маламуда). Варненский район, Челябинская область

Kesene Mausoleum:
3 — a view of the mausoleum, the end of the 20th century (drawing by A. M. Fedorov); 4 — female burial (excavations of E. Yu. Petri); 7 — plan of the mausoleum (excavations of S. G. Botalov and G. Ya. Malamud). Varna region, Chelyabinsk region

вертикальными углублениями по обеим сторонам; в северной и восточной стенах сооружения — небольшие прямоугольные окна. Внутренний свод сферический.

Такой тип мавзолеев появился в Средней Азии в XIV веке и стал результатом развития местных мусульманских архитектурных традиций. Однако существует точка зрения о сходстве мавзолея Кесене с памятниками Кавказа (в качестве аналогов выступают средневековые башенные мавзолеи Азербайджана). Архитектурное влияние в этом случае могло осуществляться через Волжскую Булгарию.

Первые археологические исследования в мавзолее Кесене были осуществлены в 1889 году профессором Э. Ю. Петри. Он расчистил и изучил три погребения во внутренней камере.

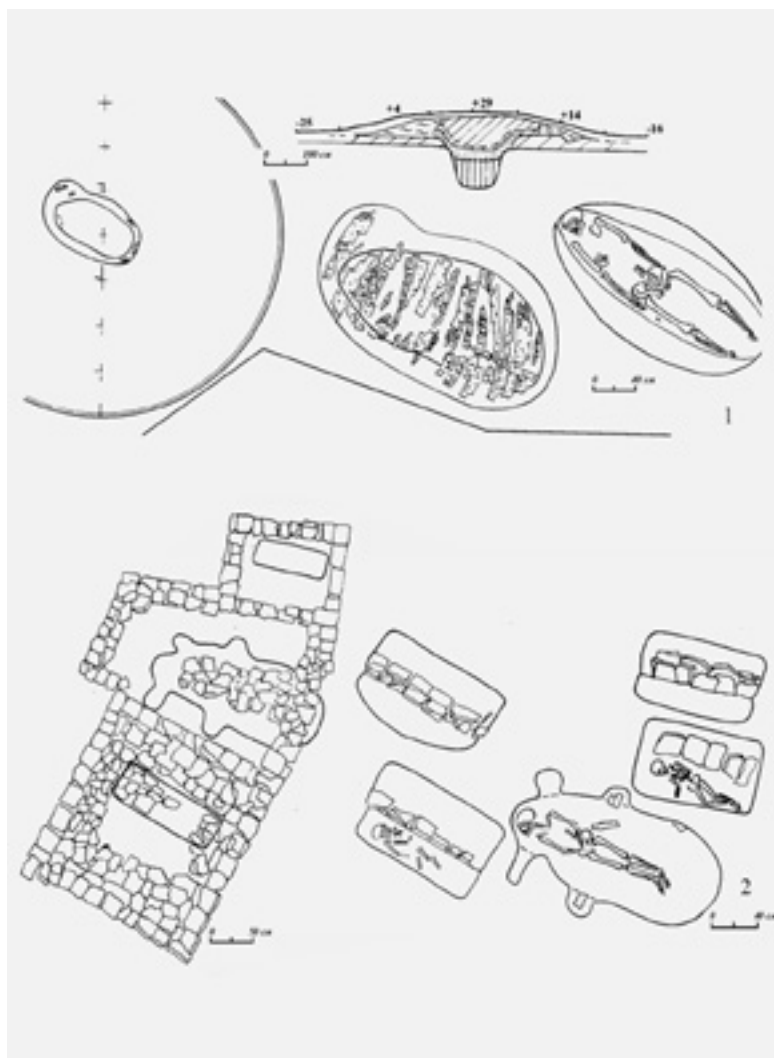
Погребение 1 принадлежало женщине. Покойная была обернута в бересту, на лицевой части березовой обертки были прорезаны отверстия для глаз и рта. Вокруг шеи фиксировались остатки шелковой ткани. В погребении обнаружены вещи: возле височных костей — две золотые серьги в форме знака вопроса с двумя жемчужинами и яхонтовой подвеской на каждой; на пальцах рук — два золотых перстня с прямоугольным выделенным щитком с арабесками и небольшими зеленовато-голубыми камнями (по всей видимости, бирюзой). Погребения 2 и 3 были разрушены.

На могильнике Кесене исследовано до 50 средневековых погребений. Выделяются следующие типы надмогильных сооружений: 1) земляные круглые и овальные насыпи; 2) земляные круглые насыпи, облицованные камнем и с выкладкой из камня над могильной ямой на уровне дневной поверхности; 3) овальные площадки, выложенные камнем; 4) кирпичные оградки вокруг могил. Все они датируются XV–XVIII веками.

Улус Шибана: основные проблемы истории

В период Золотой Орды Южное Зауралье входило в весьма слабо изученное административное образование, которое получило название Улус Шибана. Открытие этого достаточно загадочного улуса принадлежит челябинскому археологу и историку В. П. Костюкову. Улус Шибана — одно из наиболее крупных и, пожалуй, самых долговечных владений потомков Джучи, включавших районы Южного Урала и Казахстана.

В ранних письменных источниках наиболее пространственные сведения относятся к основателю династии. Шибан — пятый сын Джучи. Его (и Чилауна) матерью, согласно «Муизз ал-ансаб», была Несер. Вероятно, она исповедовала христианство, ибо имя Шибан, как показал П. Пеллио, является тюркской деформацией христианского имени «Степан». В XIII веке оно бытовало у уйгуров и онгутов,

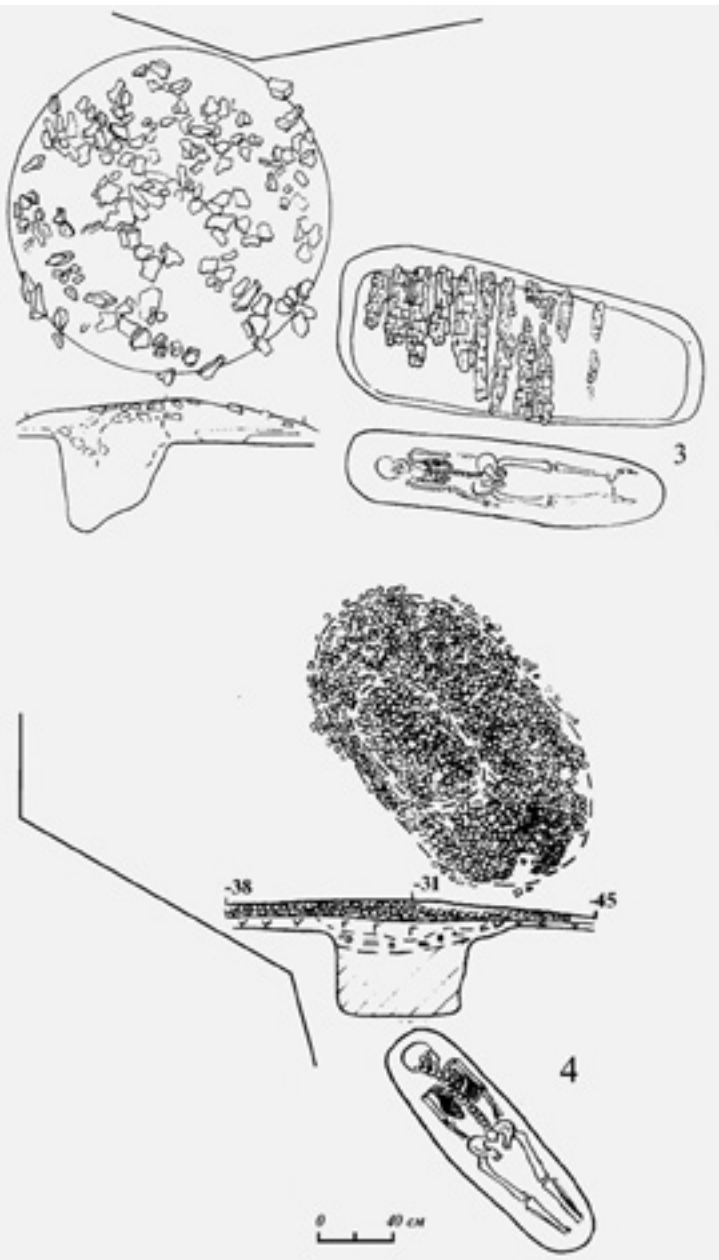

Погребальный комплекс
Кесене: 1 — курган 3;
2 — курган 4; 3 — курган 5;
4 — курган 7. Варненский
район, Челябинская область

Kesene burial complex:
1 — barrow 3; 2 — barrow 4;
3 — barrow 5; 4 — barrow 7.
Varna region, Chelyabinsk region

часть которых принадлежала несторианской конфессии. О дате рождения Шибана точных сведений нет, но Джувейни называет его среди тех сыновей Джучи, которые к моменту смерти отца «уже достигли степени независимости». Если принять во внимание, что третий сын Джучи (Берке) родился около 1210 года, то Шибану в 1227 году, когда он, в соответствии с хронологическими таблицами, стал ханом, было не более 17 лет. По легенде, переданной Утемиш-хаджи, в 1227 году он вместе с Бату и Орда-Едженом был особо отличен Чингисханом. Приглашенным после смерти Джучи в ставку деда Бату, Орда-Еджену

This type of mausoleums appeared in Central Asia in the XIV century due to the development of the local Islamic architectural traditions. However, some researchers point out the similarity of the Kesene mausoleum and the monuments of the Caucasus (e.g., the medieval tower mausoleums of Azerbaijan). In this case, the architectural influence could be transferred through the Volga Bulgaria.

The first archaeological research in the Kesene Mausoleum was carried out in 1889 by Professor E. Yu. Petri. He cleared and studied three burials in the inner chamber.

Burial 1 was one of a woman. The deceased was wrapped in birch bark, and on the front of the birch bark wrapper, holes for the eyes and mouth were cut. Remains of silk were fixed around the neck. The following objects were found in the burial: near the temporal bones, there were two gold earrings in the form of a question mark with two pearls and a yachont pendant on each of the earrings; on the fingers found were two gold rings with rectangular fetched out plates with arabesques and small greenish-blue stones (apparently turquoise). Burials 2 and 3 were destroyed.

Up to 50 medieval burials were investigated in the Kesene burial ground. The following types of grave structures are distinguished: 1) earthen round and oval embankments; 2) earthen round embankments lined with stone and stone pavings above the grave pit at the level of the day surface; 3) oval platforms paved with stone; 4) brick fences around the graves. All of them date back to the XV–XVIII centuries.

Shiban's Ulus: the main problems of history

During the period of the Golden Horde, the South Trans-Urals was part of a very poorly studied administrative unit, which was called Shiban's Ulus. The discovery of this rather mysterious ulus was made by the Chelyabinsk archaeologist and historian V. P. Kostyukov. Shiban's Ulus is one of the largest and, perhaps, the most durable possessions of the descendants of Jochi (Juchi) that included the regions of the South Urals and Kazakhstan.

In the earliest written sources, the most extensive information refers to the founder of the dynasty. Shiban is the fifth son of Jochi. According to the Mu'izz al-ansab, his (and Chilaun's) mother was Nesser. She probably professed Christianity, as the name Shiban, as shown by P. Pelliot, is a Turkic deformation of the Christian name "Stepan". In the XIII century, it was used by the Uighurs and Onguts, some of which belonged to the Nestorian denomination. There is no exact information about Shiban's date of birth, but Juvaini mentioned him among those sons of Juchi who "had already reached a degree of independence" by the time of his father's death. If we take into account that Juchi's third son (Berke) was born around 1210, then in accordance with chronological tables, in 1227, Shiban was no more than 17 years old when he became khan. According to the legend cited by Utemish Haji, in 1227, he along with Batu and Orda-Edjen was especially distinguished by Genghis Khan. When, after Juchi's death, Batu, Orda-Edjen and Shiban were invited to their grandfather's headquarters, supposedly three special yurtas, white with a golden threshold, blue with a silver threshold and grey with a steel threshold were put up for Batu, Orda-Edjen and Shiban, correspondingly, thereby predetermining the subordination between Jochi's eldest sons (and their descendants).

и Шибану якобы были поставлены юрты: соответственно белая с золотым порогом, синяя с серебряным порогом и серая со стальным порогом — тем самым предопределялась субординация между старшими сыновьями Джучи (и их потомками).

На курултае, утвердившем в 1229 году великим ханом Угедэя, Шибан вместе со старшими братьями представлял клан Джучидов. Любопытно, что в этом и других эпизодах, требующих упоминания сыновей Джучи, Рашид ад-Дин (равно как Джувейни и Джузджани) ставит имя Шибана непосредственно за именами Орда-Еджена и Бату, то есть впереди Берке и Беркечара. Между тем, во всех генеалогиях, в том числе и в приводимой Рашид ад-Дином, констатируется старшинство Берке и Беркечара перед Шибаном. Особенно примечательно, что в том же порядке выстраивает сыновей Джучи и Плано Карпини, называя первыми Бату, Орду, Шибана, а затем — «Бора» и «Берка». Учитывая вполне обоснованное мнение, согласно которому главным источником сведений, сообщаемых Плано Карпини, являлись представители высшей административной элиты, надо думать, что отмеченная иерархия имен не случайна. Она свидетельствует в пользу небеспопеченности повествования Утемиш-хаджи о вхождении Шибана в джучидский «триумвират».

В 1231–1234 годах Шибан воевал в Китае. Затем участвовал в европейском походе, к началу которого, несомненно, стал уже вполне зрелым военачальником. В описаниях похода проявивший «превосходную старательность» Шибан упоминается несколько раз. Поздний источник называет его командующим правым крылом войска, соединившегося осенью 1236 года у Булгара. В 1237 году, к началу нападения на русские княжества, тумыны Шибана все еще находились в Волжской Булгарии. В 1238 году Шибан был послан в восставший Крым, после чего водил свои тумыны против половцев Подонья и Предкавказья. Джувейни находит необходимым обратить внимание на редкостный для Чингизидов факт вступления Шибана в сражение, когда тот «лично двинулся в самую середину боя и произвел несколько атак сряду». Это произошло при завоевании «келаров и башгирдов» (по Рашид ад-Дину — «Булара и Башгирда»), что, как явствует из пояснений, относится к военным действиям на территории Польши, Венгрии или Дунайской Болгарии. Среди тех вождей, что воевали в Венгрии, называет Шибана и Плано Карпини.

Большинство авторов, очерчивая территорию улуса Шибана, оперируют сравнительно крупными географическими единицами. Кочевья шибанидов, видимо, можно считать их ядром: именно в этой части степи преимущественно сосредоточивались хозяйственная деятельность населения улуса и долговременные политические интере-

сы «ханов земель Арала», как наречены Шибаниды в одной из средневековых хроник. Западную границу улуса первоначально маркировала, вероятно, река Урал, а на севере, в горно-лесных и лесостепных районах Урала, кочевья Шибанидов выходили к кочевьям башкир. Степные и лесостепные пространства Зауралья и Западной Сибири являлись своеобразной рекреационной зоной, в которой можно было укрыться в случае неудачи и накопить силы для продолжения борьбы. Эта особенность расположения владений Шибана, в сравнении с долями других Чингизидов, может быть, не слишком богатых и завидных, надо полагать, сыграла свою роль в том, что, по замечанию В. В. Бартольда, «здесь в течение более 200 лет власть могла оставаться в руках членов одного и того же ханского рода — явление довольно редкое у кочевников. Менее всего затронутые городской культурой потомки Шибана остались более всего верны воинственным традициям кочевников и потому смогли выступать в роли завоевателей в такое время, когда могущество династии Чингиз-хана почти везде находилось в полном упадке».

Касааясь возможности очерчивания территории Улуса Шибана по археологическим источникам, следует сказать, что при нынешнем методическом и естественно-научном обеспечении всего цикла археологических исследований получение надежных результатов маловероятно. Прежде всего, такого рода опыты имели бы смысл лишь при уверенности в этнокультурной однородности и одновременно обособленности населения улуса. Это условие невыполнимо, поскольку ему противоречат и данные письменных источников, и общий облик фонда археологических памятников. Но и, помимо того, ряд факторов, таких как высокие динамические характеристики кочевых сообществ, размытость хронологии, семантическая неясность многих археологических признаков, сделали бы такую задачу в настоящее время трудноразрешимой.

Было бы упущением не заметить предпринятых в последнее время попыток привлечения к решению вопроса о локализации Улуса Шибана одного из наиболее популярных тезисов казахской этнологии, согласно которому формирование жузов было во многом предопределено природным районированием казахских степей. К примеру, по мнению С. Г. Боталова, юрты Шибана и Орды (а также Бату) должны были занимать территории естественно сложившихся крупных пастбищно-кочевых систем. Исследователь полагает, что Улус Шибана существовал на базе Урало-Аральской пастбищно-кочевой системы, позже ставшей местом обитания киргиз-кайсаков, а Улус Орды располагался в зоне Ишимско-Сырдарьинской пастбищно-кочевой системы, впоследствии занятой сибирийскими киргизами.

At the Kurultai, which in 1229 nominated Ugedey to be the great khan, Shiban together with his older brothers represented the Juchid clan. It is interesting that in this and other episodes, where the sons of Juchi were to be mentioned, Rashid al-Din (as well as Juwaini and Juzjani) puts the name of Shiban immediately after the names of the Orda-Edjen and Batu, that is, ahead of Berke and Berkechar. Meanwhile, in all genealogies, including the one cited by Rashid ad-Din, the seniority of Berke and Berkechar to Shiban is stated. It is especially noteworthy that Plano Carpini arranges the Juchi's sons in the same order first naming Batu, Orda, Shiban and then "Bor" and "Berke". Considering a well-founded opinion, according to which the main source of information reported by Plano Carpini was representatives of the highest administrative elite, the given hierarchy of names is evidently not accidental. It votes in favour of the reliability of the Utemish-Haji story that Shiban was included into the Juchid "triumvirate".

In 1231–123 Shiban fought in China. Then he participated in the European campaign, by the beginning of which he had undoubtedly already become a fully mature military leader. In the descriptions of the campaign, Shiban who showed "excellent diligence" is mentioned several times. A later source calls him the commander of the right wing of the army, which united with the Subedei army at the Bolgar in the autumn of 1236". In 1237, at the beginning of the attack on the Russian principalities, the tumans of Shiban were still in the Volga Bulgaria. In 1238, Shiban was sent to the rebellious Crimea, after which he led his tumans against the Polovtsy of the Don and Cis-Caucasus regions. Juwaini finds it necessary to pay attention to the fact (rare for Chingizids) that Shiban "personally moved to the very middle of the battle and performed several attacks in a row." This happened during the conquest of the "Kelars and Bashgirds" (according to Rashid ad-Din — "Bulara and Bashgird"), which, as is clear from the explanations, refers to the military operations in Poland, Hungary or in the Danube Bulgaria. Among those leaders who fought in Hungary, he calls Shiban and Plano Carpini.

Most authors delineating the territory of the Shiban's ulus operate with relatively large geographical units. The nomadic sties of the Shibanids, apparently, can be considered their core: it was in this part of the steppe that the economic activities of the ulus population and long-term political interests of the "khans of the Aral lands" (as the Shibanids were called in one of the medieval chronicles) were mainly concentrated. Initially, the western border of the ulus was probably marked by the Ural River, while in the north in the mountain-forest and forest-steppe regions of the Urals, the Shibanid nomadic sites extended to the nomadic Bashkirs. The steppe and forest-steppe spaces of the Trans-Urals and Western Siberia were kinds of recreational zones to take refuge in the event of failure

and to accumulate strength to continue the struggle. This specificity of the Shiban's land location that was much better in comparison with other Genghisides land shares, which were probably not that rich and enviable, presumably played its role in the fact that, according to V. V. Bartold's remark, "here for more than 200 years the power could remain in the hands of the same khanate members, which was quite rare among the nomads. The Shiban's descendants who were least affected by the urban culture remained most faithful to the warlike traditions of the nomads and therefore were able to act as conquerors at the time when the Genghis Khan dynasty power was in a complete decline almost everywhere."

As for delineating the territory of the Shiban's Ulus by means of archaeological sources, it should be said that at the current level of the methodological and scientific support of the entire cycle of archaeological research, reliable results are unlikely to be achieved. First of all, such experiments would make sense only, if one is confident in ethnocultural homogeneity and simultaneous isolation of the ulus population. This requirement is not feasible to meet, since it contradicts to the written source data and to the general appearance of archaeological sites. In addition, a number of factors, such as the high dynamic characteristics of the nomadic communities, chronology blurring and the semantic ambiguity of many archaeological features, would make such a problem currently unsolvable.

We cannot but notice recent attempts to solve the localization problem of the Shiban's Ulus by using one of the most popular Kazakh ethnology theses, according to which the formation of zhuzes was largely predetermined by the natural zoning of the Kazakh steppes. In the opinion of S. G. Botalov, the Shiban and Orda (as well as Batu) yurtas should have occupied the territories of naturally formed large pasture-nomadic systems. The researcher believes that the Shiban's Ulus existed on the basis of the Urals-Aral pasture-nomadic system, which later became the habitat of the Kyrgyz-Kaisaks, while the Orda's Ulus was located in the Ishim-Syrdarya pasture-nomadic system, which was later occupied by Siberian Kyrgyzes.

What place did the Shiban's ulus occupy among the states of the Golden Horde?

The Juchid state included at least three main possessions. The name of the first possession, which belonged to Batu, was the Horde, the Great Horde or the Volga Horde; the second possession, the owner of which was Orda-Edjen, was called Ak-Horde; the third possession is the Shiban's Ulus located between the possessions of the older brothers, or Kok -Horde, known in the Russian sources as the Blue, or Trans-Yaik Horde.

The specificities of the origin and cultural ties of the Shiban's Ulus population, its peripheral position and the absolute dominance of nomadic economy and life-style led to a peculiar

Какое место занимал улус Шибана среди государств Золотой Орды?

В государстве Джучидов — по меньшей мере три основных владения. Название первого, принадлежавшего Бату,— Орда, Большая Орда, Волжская Орда; второе, хозяином которого был Орда-Еджен, именовалось Ак-Ордой; третье — Улус Шибана, находившийся между владениями старших братьев, или Кок-Орда, известная в русских источниках как Синяя, или Заяицкая Орда.

Особенности происхождения и культурных связей населения Улуса Шибана, его периферийное положение и абсолютное господство кочевых форм хозяйства и быта обусловили своеобразное развитие конфессиональной ситуации. С образованием улуса религиозный пейзаж урало-казахстанской степи существенно усложнился. Сведение данных письменных и археологических источников позволяет зафиксировать в нем, помимо тенгрианства и ислама, буддизм и несторианство, пользовавшиеся определенной популярностью и до, и после реформы Узбека. Хотя ислам, как и в других степных регионах Золотой Орды, по видимому, являлся главным вектором изменений религиозного сознания, судя по довольно туманному известию Махмуда бен Вали, насильственная исламизация во владениях Шибанидов, вероятно, вызвала открытое сопротивление. По словам Шейбани-хана, «наш предок в пятом поколении от Чингиз-хана сподобился принять ислам, поспешив приобщиться к красе превосходства истинной веры. В тот день, когда его высочество, принял ислам, весь улус Ючи-хана, состоявший из разных родов узбеков, обратился в мусульманство». Этим приобщившимся к исламу предком Шейбани-хана, как позволяют заключить имеющиеся в литературе примеры счета поколений, был Бадакул бен Джучи-Бука.

Усиление позиций ислама в клане Шибанидов становится заметным уже в 1370-е годы, проявляясь в нарастании популярности мусульманских имен. Впрочем, до превращения ислама в господствующее мировоззрение их подданных, несмотря на усилия всех крупных лидеров Восточного Дешт-и-Кыпчака вплоть до Кучума, было далеко.

confessional situation. With the ulus formation, the religious landscape of the Ural-Kazakhstan steppe became much more complicated. The integration of the written sources and archaeological data shows that in addition to Tengrianism and Islam, there were also Buddhism and Nestorianism, which enjoyed certain popularity both before, and after the Uzbek reform. Although there, as in other steppe regions of the Golden Horde, Islam apparently was the main vector of changes in the religious consciousness, judging by the rather vague description of Mahmoud bin Wali, violent Islamization probably provoked open resistance in the Shibanid domains. According to Sheybani Khan “our fifth-generation ancestor of Genghis Khan converted to Islam hurrying to join the beauty of the superiority of the true faith. On the day when His Highness converted to Islam, the entire ulus of Yuchi Khan consisting of different Uzbek clans converted to Islam.” According to the examples of counting generations as given in the literature, this ancestor of Sheybani Khan, who converted to Islam, was Badakul bin Dzhuchi-Buka.

The strengthening of Islam in the Shibanid clan became noticeable already in the 1370s by manifesting itself in the growing popularity of Muslim names. However, despite the efforts of all the major leaders of East Desht-I-Kipchak before Kuchum, the transformation of Islam into the dominant worldview of their subjects was still a faraway future.

Г. Х. Самигулов.
**ЮЖНОЕ
ЗАУРАЛЬЕ**
(первая треть
**XV — конец
XIX века)**

6

G. Kh. Samigulov.
**THE SOUTH
TRANS-URALS**
(the first
third of the
**XV century —
the end of the
XIX century)**

Край озерный. Челябинская
область. Апрель 2016 года.
Фото: В. Шарапов
Land of lakes, Chelyabinsk Oblast.
April, 2016. Photo: V. Sharapov

Глава 6. **ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ** (первая треть XV — конец XIX века)

Тюменское и Сибирское ханства

Татарские государства на юге Западной Сибири были наследниками ранее существовавших здесь владений Шибанидов, входивших в состав Золотой Орды (Улуса Джучи). Они формировались по указу Бату для его младшего брата Шибана после окончания западного монгольского похода около 1242–1243 годов. На данный момент с определенной долей условности их существование можно разделить на два этапа. Столичный статус Чимги-Туры и указание на территориальную привязку («тюменский») самого известного из местных ханов Ибрахима позволяет говорить о Тюменском (Туранском) ханстве для XV века. Дальнейший перенос формальной столицы в Искер (Сибирь) и увеличение роли этого владения с середины XVI века свидетельствует в пользу наследования статуса Сибирским ханством. Однако за одним исключением: на престоле этих ханств находилась единая правящая семья потомков оглана 1410-х годов Хаджи-Мухаммада.

Начальный этап формирования местной государственности должен быть связан с междоусобицами Шибанидов в 1420-е годы, в результате которых в 1430 году в Чимги-Туре ханом был провозглашен Абу-л-Хайр, за год до этого уже избранный на курултае кочевой аристократии. Хотя можно предположить, что Тюменское ханство с центром в Чимги-Туре существовало в период с 1420-х годов по первую четверть XV века, долгое время оно было частью более значительных по территории владений узбекских ханов. В данном «узбеки» — это обобщенное самоназвание различных кочевых групп Восточного Дешта в XV веке. Для местных ханов этого времени собственно тюменские земли были северной периферией более обширных степных владений. Приоритетом для шибанидских правителей этого времени стала борьба за возврат присырдарьинских территорий и контроль над поволжскими землями. Помимо желания восстановить былое единство владений она выражала имперские устремления ханов и стремле-

ние к власти на значительной территории бывшего Улуса Джучи.

Источники позволяют с тюменским престолом однозначно связывать деятельность нескольких ханов. Прежде всего это Абу-л-Хайр (1429–1446), затем до 1457 года он находился в составе Узбекского ханства в качестве Тюменского юрта под управлением сыновей Хаджи-Мухаммада Махмудека и Сайидека, а также назначенных ханом даруг. Возможно, после поражения Хана-и Бузург (Великого хана), как именовали Абу-л-Хайра, от калмыков в 1457 году Махмудек и Саййидек стали проявлять тенденции к сепаратизму, что фиксируется по закреплению за ними в генеалогических списках титулов хана. В период независимого Тюменского ханства это были Ибрахим (Ибак) (1468(9)–1494(5)), его братья Мамук (1494(5)–1497) и Агалак (1497–1505(7)), сын Ибака Кутлук (1505(7)–1510-е гг.).

Во многих случаях новые правители начинали свою карьеру при своих родственниках, как правило, выполняя военные обязанности. В частности, это было характерно для Абу-л-Хайра при хане Джумадуке или для Мамука при Ибрахиме. В случае тюменских династов это могла быть реставрация системы соправления или отчасти желание при жизни правящего династа назначить его наследника. В любом случае ханы пользовались помощью родственников в военной сфере. Однако реализация внешней политики была невозможна без поддержки местных кланов и племен, элита которых в лице беков, мурз и бахадуров входила в состав курултая, а ее верхушка — в совет карачи-беков при ханском дворе. При проведении военных советов и построении армии фиксируется сохранение крыльевой системы, которая, видимо, переживала период стагнации, поскольку положение кланов в ней могло изменяться и представители одного и того же клана оказывались на разных крыльях, что было связано и со сменой политического статуса того или иного узбекского племени.

Chapter 6.

THE SOUTH TRANS-URALS

(first third of the XV — the end of the XIX century)

Tyumen and Siberian Khanates

The Tatar states in the south of Western Siberia were the heirs of the Shibanids' possessions that had existed there previously and that had been part of the Golden Horde (Jochi's Ulus). They were formed by the order of Batu for his younger brother Shiban after the western Mongol campaign around 1242–1243. At the moment, with a certain degree of uncertainty, the period of their existence can be divided into two stages. The capital status of Chimgi-Tura and the territorial reference ("Tyumenskii") of the most famous of the local khans, Ibrahim, allows speaking about the Tyumen (Turan) Khanate of the 15th century. The later transfer of the formal capital to Isker (Siberia) and the increasing role of this possession from the middle of the 16th century testify in favour of the inheritance of the status by the Siberian Khanate. However, there is one exception: the throne of these khanates belonged to one ruling family of the descendants of Hadji Muhammad, the oqlan of the 1410s.

The initial stage of the local statehood formation should have been connected with the Shibanids' civil strifes in the 1420s, as a result of which in 1430 in Chimgi-Tur, Abu-l-Khayr was proclaimed khan. Abu-l-Khayr had already been elected in the kurultai a year before by the nomad aristocracy. Although it can be assumed that the Tyumen Khanate with the centre in Chimgi-Tur existed in the period from the 1420s to the first quarter of the XV century, for a long time it was part of the Uzbek khans' possessions that were more significant in the territory. Here, "Uzbeks" is a generalized self-name of various East Desht nomadic groups of the XV century. For the local khans of that time, the Tyumen lands were the northern periphery of their vast steppe possessions. For the Shibanid rulers of that time, the priority was the fight to return the Syr Darya territories and regain control over the Volga River region lands. In addition to the desire to restore the former unity of their possessions, this fight expressed the khans' imperial ambitions and their

aspirations for power in the large territory of the former Jochi's Ulus.

The sources allow unambiguous association of the activity of several khans with the Tyumen throne. First of all, it is associated with Abu l-Khayr (1429–1446), then until 1457, the Tyumen throne was part of the Uzbek Khanate as the Tyumen yurt under the control of Mahmudek and Sayyidek, the sons of Hadji Muhammad, and under the control of darugas appointed by the khan. Perhaps, after the defeat of Khan-I Buzurg (Great Khan), as Abu-l-Khaira was called, by Kalmyks in 1457, Mahmudek and Sayyidek began showing separatism tendencies. This is evidenced by assigning them khan titles in the genealogical lists. During the period of the independent Tyumen Khanate, khan titles had Ibrahim (Ibak) (1468(9)–1494(5)), his brothers Mamuk (1494(5)–1497) and Agalak (1497–1505(7)), the son of Ibak Kutluk (1505(7)–1510s).

In many cases, the new rulers began their careers under the rule of their relatives usually fulfilling military duties. For example, Abu-l-Khaira served Khan Jumaduk, while Mamuk was subordinate of Ibrahim. For the Tyumen dynasties, this could be due to the restoration of the co-ruling system, or partly caused by the desire of the ruling dynast who was still alive to appoint his heir. In any case, the khans enjoyed the help of their relatives in the military sphere. However, the implementation of foreign policy was impossible without the support of the local clans and tribes, whose elite (beks, murzes and bahadurs) was part of the kurultai, and the elite top was in the Karachi-bek council at the Khan's court. In conducting military councils and building an army, the preservation of the wing system is fixed. This system was apparently in stagnation, since the position of clans could change and representatives of the same clan could find themselves in different wings, which was also associated with a change in the political status of a certain Uzbek tribe. With the collapse of the common Horde space under Abu l-Khair, the rituals and behavioural protocols including the distribution of dressing gowns and belts as power symbols were largely

В условиях распада общего ордынского пространства при Абу-л-Хайре ритуалы и формы поведения, в том числе раздача халатов и поясов как властных символов, в значительной степени были ориентированы именно на подобных лидеров, чья роль постоянно увеличивалась. Основным выразителем интересов этой степной элиты мог быть находившийся при хане беклярибек, который при Абу-л-Хайре поочередно выдвигался из кыйатов, буркутов и мангытов. При последующих тюменских ханах все известные беклярибеки были только из мангытов (ногаев), что и позволяло, например, Ибрахиму именоваться «ногайским царем», хотя его влияние на ногаев, по понятным причинам, было крайне ограниченным. Помимо этого сохранял свое существование и такой орган управления, как диван, которым при Абу-л-Хайре руководили представители уйгуров и кушчи. Значительную роль среди представителей аристократии могли играть управляющие Орду-Базаром, то есть кочевой ставкой хана. При Ибрахиме таким был «Базарский князь». Этот князь, как и другие лица с аналогичным титулом, в том числе происходившие из кыйатов, могли влиять на внешнюю политику.

В силу значительного размера Тюменского и Сибирского ханств, включавших степные, лесостепные и лесные территории, варьировались и группы населения и специфика хозяйства, которое включало в себя как различные виды скотоводства и земледелия, так и ремесла, охоту, в частности на пушных зверей, а также внутреннюю и внешнюю торговлю. Специфика происхождения, занятий и образа жизни свидетельствовала о выделении как «лучших людей», так и ясачного населения. Необходимо понимать, что использовать для населения этих ханств современные этнические названия не совсем верно и чревато модернизацией исторической ситуации. Если не учитывать находившееся в зависимости население хантыйских и мансийских княжеств, то для тюркоязычных групп населения Тюменского и Сибирского ханств характерны были два уровня идентификации, нашедшие отражение в письменных источниках. На первом из них они соотносили себя с конкретным племенем или кланом. Наиболее хорошо перечень этих политических единиц виден по окружению Абу-л-Хайра, в которое входили представители кланов буркут, дурман, карлук, конграт, курлаут, кушчи, кыйат, кытай, мангыт, найман (с подразделением на украш-найман), тубай, тюмень, уйгур, уйшин, утарчи, чат и ряда других. Часть из них однозначно связывается с сибирскими территориями и владениями Шибанидов.

В условиях ухода Тюменских Шибанидов в Среднюю Азию и ногайские степи беки Искера из династии Тайбугидов оказались оторваны от своих сюзеренов, которые, видимо, фактически перестали вмешиваться в вопро-

сы местной политики. Это и позволило беку Едигеру и его брату Бекбулату в 1554 году вступить в сепаратную переписку с московским царем Иваном IV, который в соответствии с новым титулом и значением казанского престола как «Тахт эли» выдал сибирским князьям новый ярлык и взял Сибирь «под свою руку». В результате дальнейших событий Тайбугиды утратили престол. С 1563 по 1582 год в определенной очередности шибанские ханы Муртаза и его сыновья Ахмад-Гирей и Кучум занимали как тюменский, так и сибирский престолы. При этом правление старшего из братьев, видимо, было довольно кратковременным, о нем, в отличие от Кучума, почти не сохранилось упоминаний в исторической памяти приуральских и сибирских народов.

С воцарением на искерском престоле около 1563 года Муртазы ибн Ибрахима и его сыновей Кучума и Ахмад-Гирея при поддержке ногаев за государством в русских летописях и дипломатических источниках окончательно закрепляется название «Сибирское царство» («Сибирская земля»). Хотя в письме в Москву от ногайского мирзы Хана, сына Уруса, в 1578 году сохранилось титулование Кучума «тюменским и сибирским» ханом, что, видимо, отражает двухсоставной характер владений.

Таким образом, только для второго этапа существования местной государственности допустимо говорить о закреплении названия «Сибирское ханство» (менее удачно, хотя и аутентично, наименование «Сибирский юрт»). При этом данное наименование, скорее, отражало именно русское представление об этом ханстве, в то время как для восточных авторов продолжало существовать Туранское ханство (Туран). Как и в предыдущие годы, ханская власть во многом зависела от поддержки не только приведенных ногайских и среднеазиатских войск, но и местных мурз и князей, управлявших различными по размерам юртами внутри ханства. Они в составе группы «лучших людей» подписывали вместе с правителем внешнеполитические соглашения.

Для Сибирского ханства перечень племен может быть восстановлен лишь по упоминаниям в контексте русского присоединения сибирских территорий как в составе войск Кучума и Кучумовичей, так и перешедших на русскую сторону: аялы, мякотин (бикотин), сынрян, табын, терсяк, чат и другие. Некоторые из них состояли из тюркизированных угуров (терсяк, бикотин). При этом не решен вопрос о связи кланов XV века с подобными структурами более позднего времени (например, табын были явно родственны уйшинам). Кроме того, как в Тюменском, так и в Сибирском ханстве значительным, особенно среди аристократии, было число лиц из Казани, Ногайской Орды и Средней Азии. На втором уровне идентификации с позиции внешнего

targeted precisely at such leaders, whose role was constantly increasing. The main representative defending the steppe elite interests could be a khan's beklyaribek, who, under Abu-l-Khair, was alternately selected from Kyyats, Burkuts and Mangyts. In the periods of subsequent Tyumen khans, all the famous beklaribeks were only Mangyts (Nogais), due to which, Ibrahim, for example, could be called "Nogai King", although his influence on the Nogais for obvious reasons was extremely limited. In addition to this, such a governing body as divan, which under Abu l-Khair, was controlled by the representatives of the Uyghurs and Kushchi, was preserved. A significant role among the representatives of the aristocracy could be played by the rulers of the Horde Bazaar, the khan nomadic headquarters. Under Ibrahim, it was "Bazar Prince". This prince, like others with a similar title, including those who came from Kyyats, could influence the foreign policy.

Due to the considerable size of the Tyumen and Siberian khanates including steppe, forest-steppe and forest territories, the population groups and the specifics of the economy varied; the economy included different types of cattle breeding and farming, crafts and hunting, in particular hunting for fur animals, as well as domestic and foreign trade. The origin, occupation and lifestyle led to distinguishing "best people" and the yasak-population. It must be understood that using modern ethnic names for the population of these khanates is not really correct and can lead to the modernization

of the historical situation. If you do not take into account the subdued population of the Khanty and Mansi principalities, then the Turkic-speaking population groups of the Tyumen and Siberian khanates were characterized by two levels of identification, which are reflected in the written sources. On the first level, they related themselves to a particular tribe or clan. The list of these political units is best seen in the Abu l-Khaira circle, which included representatives of the Burkut, Datura, Karluk, Congrat, Kurlaut, Kushchi, Kyyat, Kytay, Mangyt, Naiman (subdivided into Ukrash-Naiman), Tubay, Tyumen, Uyghur, Uyshin, Utarchi, Chat and some others clans. Some of them are unambiguously associated with the Siberian territories and the Shibanids' possessions.

When the Tyumen Shibanids departed to Central Asia and the Nogai steppes, the Isker beks from the Taibugid dynasty were torn away from their overlords, who apparently had virtually stopped interfering in local politics. In 1554, this allowed bek Ediger and his brother Bekbulat a separate correspondence with the Moscow Tsar Ivan the IV, who, in accordance with his new title and the meaning of the Kazan throne as "Takht Eli", gave new status (yarlyk) to the Siberian princes and took Siberia "in his own hands". As a result of further events, the Taibugids lost their throne. From 1563 to 1582, the Shiban khans Murtaza and his sons Ahmad-Girey and Kuchum occupied both the Tyumen and the Siberian thrones in a certain order. At the same time, the reign of the eldest of the brothers was

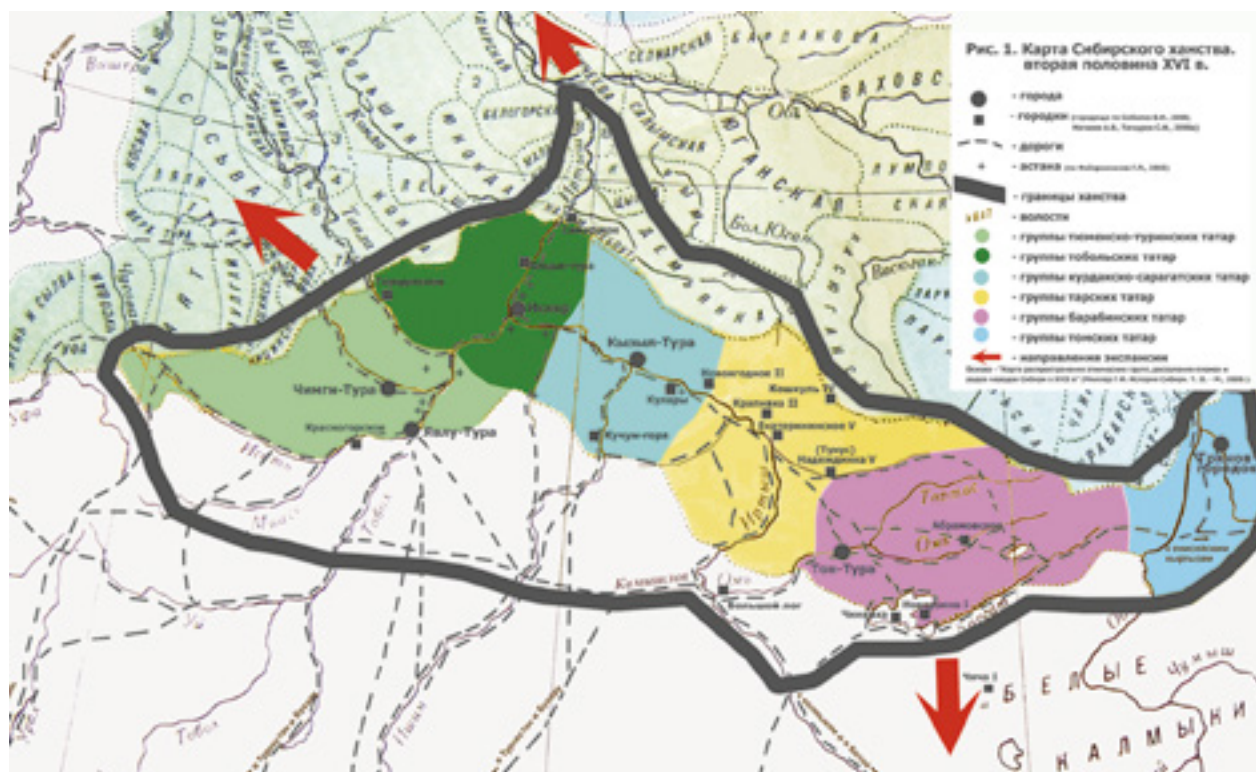

Рис. 1. Карта Сибирского ханства, вторая половина XVI в.
Территория Сибирского ханства при Кучуме.
Авторы А. В. Матвеев и С. Ф. Татаров
Territory of the Kuchum Siberian Khanate. By A. V. Matveev and S. F. Tataurov

наблюдателя местные группы однозначно соотносились в XV веке с «узбеками», а в XVI веке — с этнословной группой татар, представители которой образовывали слой аристократии. При этом среди них выделялись и «шибанские татары» («шибанцы»), и «тюменские татары». Очевидно, что связь с конкретными правителями местных государств была важным моментом оценки этнополитической картины региона. Еще в XVII веке часть групп, проживавших на территории бывшего Тюменского ханства, именовали туралинцами или туранскими татарами, что также свидетельствует о сохранении в исторической памяти представлений о Туранском ханстве.

Причины поражения Кучума и постепенного отступления к югу в 1582–1598 годах скрываются во многих факторах. Среди них выделяют и опору на традиционную степную конную тактику боя, которая оказалась непригодной для отражения русских речных отрядов казаков, и быстрый переход на русскую сторону ряда местных угорских и сибирских тюрко-татарских лидеров, и специфику внешнеполитической ситуации. В последнем случае в условиях калмыцкого нашествия в казахские степи и одновремен-

ных войн между среднеазиатскими Шибанидами Кучуму не удалось получить поддержки возможных союзников из Бухары или Алтыулов. Хотя в 1596–1597 годах реальность создания такого трехстороннего союза была довольно велика, что вызвало соответствующую обеспокоенность русских воевод. Сохранение ханского титула Кучумом при потере столицы может быть связано с тем, что Шибаниды, как и значительная часть их подданных, вели кочевой или полукочевой образ жизни, а столица выступала лишь временным административным и налоговым центром, обеспечивающим, прежде всего, контроль над северными землями и пушной торговлей. Собственно ханская ставка (орда-базар) подкочевывала к ней лишь на время летовки, что схоже с образом жизни золотоордынских ханов.

Историю Сибирского ханства (в русских источниках — юрта) не следует считать закончившейся с потерей Искера в 1582 году или даже со смертью хана Кучума (около 1599–1600). Можно говорить лишь о начале в то время третьего этапа в истории местной государственности, которая развивалась на фоне включения земель Сибирского ханства в состав Московского царства. Длительность этого

Московская империя.
Карта И. Магина. 1600 год
Moscow Empire. Map by I. Magin. 1600

apparently quite short-lived, and, unlike Kuchum, he is almost not kept in the historical memory of the Cis-Urals and Siberian peoples.

When supported by the Nogais, Murtaza ibn Ibrahim and his sons Kuchum and Ahmad Giray took the Iskar's throne around 1563, the name "Siberian kingdom" ("Siberian land") is permanently assigned to the state in the Russian chronicles and diplomatic sources. However, the Nogai mirza Khan (son of Urus) still calls Kuchum as "Tyumen and Siberian" khan in his letter to Moscow in 1578, which apparently reflects a double nature of the possessions.

Thus, it is only in the second stage of the existence of the local statehood, when the name "Siberian Khanate" (or "Siberian Yurt", which is less appropriate, though authentic) got fixed. This name reflected the Russian idea of this khanate, while for the eastern authors, the Turan Khanate (Turan) was still there. As in the previous years, the khan's power largely depended on the support of not only the Nogais and Central Asian troops, which were brought to the territory, but it also depended on the local mirzas and princes, who controlled yurts of various sizes inside the khanate. They, as part of the "best people" group signed foreign policy agreements together with the ruler.

The list of the Siberian Khanate tribes can only be restored by their mentioning in the context of the Russian annexation of the Siberian territories. These tribes included both, those that composed the Kuchum and Kuchumovichi troops, and the tribes switched to the Russian side: Ayalys, Myakotins (Bikotins), Syryans, Tabyns, Tersyaks, Chats and others. Some of them consisted of Turkized Ugrians (Tersyaks, Bikotins). At the same time, not answered is the question of the relationship of the XV century clans with the later similar structures (for example, the Tabyns were clearly related to the Uyshins). In addition, both in the Tyumen, and Siberian khanates especially among the aristocracy, there was a significant number of people from Kazan, the Nogai Horde and Central Asia. From the position of an external observer, at the second level of identification, in the XV century, the local groups were unambiguously related to the "Uzbeks", while in the XVI century, they were related to the Tatar ethnic group, whose representatives formed a layer of aristocracy. Among them, "Shiban Tatars" ("Shibans") and "Tyumen Tatars" were distinguished. Obviously, the relations of these groups with the local state rulers are very important for assessing the ethnical-political picture of the region. As far back as the XVII century, part of the groups which lived on the territory of the former Tyumen khanate, was called Turalins or Turanian Tatars that also indicates the survival of the Turanian khanate in the historical memory.

There were many reasons for the Kuchum defeat and his gradual retreat to the south in 1582–1598. Among them,

the researchers stress the reliance on the traditional steppe equestrian battle tactics, which turned out to be unsuitable to fight against the Russian cossacks and a rapid transition of a number of local Ugric and Siberian Turkic-Tatar leaders to the Russian side, as well as the specifics of the foreign policy situation. As for the political reasons, under the Kalmyk invasion of the Kazakh steppes and simultaneous wars between the Central Asian Shibanids, Kuchum failed to get the support of possible Bukhara or Altiul allies. However, in 1596–1597, creating such a tripartite alliance was quite realistic, which troubled the Russian commanders. The fact that Kuchum kept his khan's title after he had lost the capital could be due to the nomadic or semi-nomadic lifestyle that the Shibanids and a significant part of their subjects followed, while the capital was only a temporary administrative and tax centre to mainly control the Northern lands and the fur trade. Actually, the khan's headquarters (horde-bazaar) migrated to the capital only during the summer season, which is similar to the Golden Horde khans' life style.

The history of the Siberian Khanate (in Russian sources, the yurt) should not be considered ended with the loss of Iskar in 1582 or even with the death of khan Kuchum (about 1599–1600). We can only say that at that time, the third stage in the history of the local statehood began, which developed in the framework of the inclusion of the Siberian Khanate lands in the Moscow kingdom. The duration of this period is so far questionable. But the Kuchum's sons Ali who was captured by the Russians around 1608 and retained the title of "Siberian king" until his death in 1649, and Ishim (Ish-Muhammad) who probably had this title recognized by the Russian authorities in 1616, were clearly considered to be independent rulers. Certain eastern authors also recognized both Ali and Ishim to be khans and, while Abu al-Ghazi believes Kuchum to be the last khan of Turan, it is Ishim, who is called the last khakan of Siberia in other sources. It must be borne in mind, that until the 1660s, the Kuchumoviches continued to control part of the lands of the Siberian Khanate in the Cis-Tobol region. The Ishim's grandson Kuchuk was shown to control this territory in the 1660s even in the all Siberia map prepared on order of the Tobolsk governor P. I. Godunov. In all likelihood, they could be elected khans by the local Turkic-Tatar tribes at kurultais, which, their Genghisid origin taken into account made them completely legal rulers. Only after the failure of the 1660s uprisings, the disappointment of the local tribes' representatives in the Kuchumoviches and the final Kuchumoviches' departure to the steppes, did the Siberian Khanate cease to exist even as a political illusion.

периода пока вызывает вопросы. Еще сыновья Кучума — Али, плененный русскими около 1608 года и сохранявший титул «сибирского царя» до своей смерти в 1649 году, и Ишим (Иш-Мухаммад), за которым этот титул, видимо, признавался русскими властями в 1616 году, — однозначно рассматривались как независимые властители. Как Али, так и Ишим признавались ханами и отдельными восточными авторами, при этом, если Абу-л-Гази последним ханом Турана считает Кучума, то в иных источниках последним ханом Сибири именуется Ишим. Необходимо учитывать, что Кучумовичи вплоть до 1660-х годов продолжали контролировать часть земель Сибирского ханства в Притоболье. Власть над этой территорией признавалась за внуком Ишима Кучуком в 1660-е годы даже на чертеже всей Сибири, подготовленном по приказу тобольского воеводы П. И. Годунова. По всей видимости, они могли избираться ханами на курултаях местными тюрко-татарскими племенами, что в сумме с чингизидским происхождением делало их вполне законными правителями. Лишь после провала восстаний 1660-х годов, разочарования представителей местных племен в Кучумовичах и окончательного ухода последних в степи Сибирское ханство прекращает свое существование даже в качестве политической иллюзии.

Ногайская Орда

Ногайская Орда известна как одно из самых многочисленных государственных образований на территории Западного Дешта. Существуют различные мнения о численности ногаев. Наиболее фундаментальное исследование было проведено В. В. Трепавловым. По его наблюдениям, к середине XVI века в орде проживало от 720 000 до 960 000 человек. После Второй и Третьей Смут население Ногайской Орды сократилось и составляло 320 000 человек. В конце 1620-х годов Больших Ногаев было от 80 тысяч до 120 тысяч человек. Численность населения этого постордынского государства поддерживала внешнеполитическую активность его лидеров.

В течение первой половины XIV века в результате тюркизации монгольских племен Чагатайского улуса и Улуса Джучи (Золотой Орды) появились тюрки-мангыты. Одной из наиболее сложных проблем ногайской истории является вопрос о времени и причинах появления мангытов на реке Урал. Резонно, что такие перекочевки между улусами не могли происходить в период их расцвета и связаны были как с общим процессом дезинтеграции постмонгольского пространства в 1350–1360-е годы, так и с ослаблением Чагатайского улуса. Кочевники с его территории начали осваивать восточные пространства Золотой Орды, где пребывали Джучиды из рода Шибана и Тука-Тимура.

В результате местные династии вынуждены были решать вопросы с расселением пришлых племен и их интеграцией в состав узбеков, как к этому времени начинают называть кочевников Восточного Дешта.

Появление мангытов на реке Урал и формирование здесь Мангытского юрта необходимо связывать с деятельностью Эдиге (Эдигея, Идигея). Он, как и его брат Иса и Кепек-мангыт, были из тех представителей этого племени, которые остались в Центральной Азии и приняли участие в борьбе за власть в 1370–1390-е годы между Тимуром (Тамерланом) и представителями Тука-Тимуридов Урусом и Токтамышем. Братья в начале 1370-х годов входили в окружение хана Уруса, но после 1376 года заняли стабильное место при Токтамыше, вытеснив постепенно своих соперников из числа барынов и конгратов. Однако, в отличие от Исы, который всегда оставался сторонником этого

Ногайский оглан. Реконструкция А. Темникова
Nogai oglan. Reconstruction by A. Temnikov

хана, Идегей в 1389 году перешел на сторону Тамерлана, сопровождал и, возможно, был проводником его армии во время похода 1391 года на Золотую Орду. Вскоре после этого Идегей с родственником Уруса Тимур-Кутлугом откочевали «в такие места, добираться до которых тяжело и опасно». Сюда же он призвал своих сторонников и друзей из левого крыла, которые ушли от Тимура. В результате мангыты во главе с Идегеем оказались между реками Яик (Урал) и Эмба в Западном Казахстане. При этом резиденция главы Юрты была размещена в Сарайчике, единственном крупном ордынском городе в этом регионе. Откочевка заложила основу формирования Мангытского юрта (будущей Ногайской Орды), к которому позднее могли присоединиться и соплеменники с Кавказа и иных территорий. Понятно, что в составе юрта были не только представители титульного клана, но и другие племена «заяицких» узбеков. На момент своего возникновения Мангытский юрт являлся автономным образованием внутри Улуса Джучи и не обладал независимостью.

В начале XV века ханы Шадибек и Чекре (1407–1414), получившие престол при поддержке Идегея, по всей видимости, расширили сферу влияния к северу от Мангытского юрта — на территории Шибанидов в Приуралье и юге Западной Сибири. Несмотря на опору именно на Тука-Тимуридов, в 1419 году в ходе столкновений с Кадыр-Берди бен Токтамыш бий был вынужден обратиться за поддержкой к оглану Хаджи-Мухаммаду Шибаниду. Он стал последним из ханов, поставленных на престол Идегеем, однако заложил длительную традицию политических союзов шибанских ханов и ногайских биев. Тесные связи с Шибанидами привели к постепенному расселению ногаев на территории владений этих династий. К началу XVI века положение ногаев во владениях Шибанидов на Урале и в Приуралье было не просто стабильным, они начали здесь доминировать, во многом заменяя бывших местных правителей.

В. В. Трепавлов отмечает, что первые данные о ногайских мирзах в Башкирии относятся к 1489 году, когда Ямгурчи кочевал по реке Белой (Агидель), левому притоку Камы. Это привело ногаев в непосредственное пограничье Казанского ханства. К концу XV — началу XVI века Ногайская Орда сумела занять прочное место в системе международных отношений Западного Дешта. Более того, благодаря своим ресурсам это степное вождество стало заметным элементом этой региональной системы. В то время определились основные геополитические интересы и цели внешней политики Мангытского юрта. К таковым, без сомнения, можно причислить Среднее Поволжье, правобережье Волги и контроль над Хаджи-Тарханом и волжскими перевозами. Одним из важнейших внешнеполитических партнеров

для Ногайской Орды было Русское государство. Главным вопросом русско-ногайских отношений стал «казанский». Существенным моментом в становлении западнодештской региональной системы международных отношений была борьба с Большой Ордой. Следующей важной задачей для Ногайской Орды стал контроль над кочевьями по правому берегу Волги. Именно за обладание ими велась борьба ногаев с Крымским ханством, которая обрела долговременный характер. Эта борьба поставила перед ногаями еще один вопрос: для действенного контроля над волжским правобережьем было необходимо обладать волжскими перевозами, а следовательно, и Хаджи-Тарханом.

В 1520-е годы происходит рост влияния Ногайской Орды в Западном Деште. Ногаи в это время ведут чрезвычайно активную и агрессивную политику как против Крымского и Астраханского ханств, так и против Казахской Орды. В 1530-е годы ногаи начинают претендовать на «большеордынское наследство», в посланиях бия орды Саид-Ахмеда утверждается, что именно Мангытский юрт является правопреемником Большой Орды. Это приводит к напряженности в отношениях с Астраханским и Крымским ханствами, а также с Московским государством. К середине XVI века внутреннее напряжение и конкуренция в Ногайской Орде нарастают, что в итоге приводит к глубокой междоусобной борьбе. Последствия этой усобицы оказались плачевны. Сама орда распалась на несколько независимых образований, утратила внешнеполитический вес, понесла значительные демографические и экономические потери.

Слабость ногаев проявлялась в том, что вопросы кочевания контролировали уже не сами бии, а астраханские воеводы. Параллельно с этим внутреннее противостояние между группировками мирз не утихало. Так, к концу 1610-х годов образовались три основные группировки мирз, а в конце 1619 года русские власти зарегистрировали очередное деление Больших Ногаев на две «половины». Серьезным ударом по остаткам Большой Ногайской Орды нанесли калмыки. Под их давлением ногаи были вынуждены покинуть свои кочевья и перебраться на правый берег Волги. Последний правитель Большой Ногайской Орды — Канай — умер в 1638 году в заключении в астраханской тюрьме, вместе с ним исчезла и сама орда как некое государственное образование. Осколки Ногайской Орды в течение XVII века рассеялись по пространствам евразийской степи, образуя улусные потестарные структуры — орды. Самыми заметными и долговечными оказались Едисан, Едишкуль и Буджакская Орда, из ногайских кочевников сформировались каракалпаки.

those representatives of this tribe who remained in Central Asia and took part in the struggle for power between Timur (Tamerlane) and the Tuk-Timurid representatives, Urus and Toktamysch in 1370–1390. In the early 1370s, the brothers were included in the khan Urus's close circle, but after 1376, they got a stable position under Toktamysch, gradually kicking out their Baryn and Congrat rivals. However, unlike Isa, who always remained a supporter of this khan, in 1389, Edigey joined Tamerlane and probably accompanied and guided his army during the 1391 campaign to fight the Golden Horde. Soon after this, Edigey with Timur-Kutlug, relative of Urus, migrated "to places where it is difficult and dangerous to get to." He called to join him those of his supporters and friends from the left wing, who had left Timur. As a result, the Mangyts led by Edigey found themselves between the Yaik (Ural) River and Emba River in Western Kazakhstan. The residence of the yurt head was located in Saraichik, the only large Orda city in this region. This resettlement laid the foundation of the Mangyt yurt (the future Nogai Horde), to which the tribesmen from the Caucasus and other territories could later join. It is clear, that the yurt included both, the representatives of the titular clan, and other tribes of the "Zayitsky" Uzbeks. At the time of its emergence, the Mangyt yurt was an autonomous entity within the Jochi's Ulus and was not independent.

At the beginning of the XV century, khans Shadibek and Chekre (1407–1414), who got the throne with the Edigey support, apparently expanded the sphere of their influence north of the Mangyt yurt to the Shibanid territories in the Cis-Urals and south of Western Siberia. Despite the Tuk-Timurid support, in 1419, during the clashes with Kadyr-Berdy, bin Toktamysch bii was forced to turn for support to oglan Khadzhi-Muhammad Shibanid. He became the last of the khans who were put on the throne by Edigey; however, he laid down a long tradition of political unions of the Shiban khans and Nogai biis. Close ties with the Shibanids led to the gradual Nogai resettlement in the territories of these dynasts. By the beginning of the XVI century, the Nogai position in the Shibanid possessions in the Urals and Cis-Urals was not just stable; the Nogais began to dominate there largely replacing the former local rulers.

V. V. Trepavlov notes that the first data on Nogai mirzas in Bashkiria date back to 1489, when Yamgurchi wandered along the Belaya River (Agidel), the left Kama River tributary. This led the Nogais to the direct border of the Kazan khanate. Towards the end of the XV and beginning of the XVI centuries, the Nogai Horde managed to get a strong position in the system of Western Desht international relations. Moreover, thanks to its resources, this steppe chiefdom became a prominent element of this regional system. At that time, main geopolitical interests and goals of the Mangyt yurt foreign policy were determined.

These interests undoubtedly included getting the Middle Volga River regions, the right bank of the Volga River, as well as gaining control over Hadji-Tarkhan and the Volga transport. One of the most important Nogai Horde foreign policy partners was the Russian state. The main issue of Russian-Nogai relations was the "Kazan" problem. The fight against the Great Horde played an essential role in the formation of the West-Desht regional system of international relations. Another important Nogai Horde task was gaining control over the nomads on the Volga River right bank. It was these territories, which were the subject of a long-term fight between the Nogais and the Crimean Khanate. These fights made the Nogais face one more problem: for the effective control over the Volga River right bank, it was necessary to possess the Volga River transportation route, and, hence, Hadji-Tarkhan.

In the 1520s, the Nogai Horde influence in Western Desht increased. At that time, the Nogais were conducting an extremely active and aggressive policy both, against the Crimean and Astrakhan khanates, and against the Kazakh Horde. In the 1530s, the Nogais began to claim the "Great Horde inheritance"; in his letters, the horde bii Said-Ahmed claimed that it was the Mangyt Yurt that was the heir of the Great Horde. This caused tension in their relations with the Astrakhan and Crimean khanates, as well as with the Moscow state. By the middle of the XVI century, internal tension and competition in the Nogai Horde increased, which ultimately led to a deep internecine struggle. The consequences of this strife were deplorable. The horde itself broke up into several independent entities, lost its foreign policy weight, and suffered significant demographic and economic losses.

The weakness of the Nogais was manifested in that the nomadic issues were no longer controlled by the biis themselves, but by the Astrakhan governors. At the same time, the internal confrontation between the mirza groups did not subside. Thus, by the end of the 1610s, three main mirza groups were formed, and at the end of 1619, the Russian authorities registered the next division of the Great Nogais into two "halves". The Kalmyks inflicted a serious blow on the remnants of the Great Nogai Horde. Under their pressure, the Nogais were forced to leave their nomads and move to the right bank of the Volga River. The last ruler of the Great Nogai Horde, Kanai, died in 1638 in an Astrakhan prison and with his death, the Horde itself disappeared as a state entity. During the XVII century, the remnants of the Nogai Horde scattered across the Eurasian steppe forming ulus potestarian structures, hordes. The most noticeable and long-living of them turned out to be Edisan, Edishkul and the Budzhak Horde; the Nogai nomads gave birth to the Karakalpaks.

Южное Зауралье в XVI — конце XIX века

Южное Зауралье ко времени вхождения в состав Московского государства практически полностью было подконтрольно Сибирскому ханству. Общеизвестно, что принятие русского подданства населением Южного Приуралья началось в 1554 году. Менее известна ситуация с принятием в том же году русского подданства князем Едигером, возглавлявшим Тюменское княжество. В титулатуре русских царей с 1554 года присутствовало именование «Сибирской земли повелитель». В Сибирь из Москвы ездил специальный человек за ясаком, хотя сам механизм сбора подати в известных нам источниках не прописан. С большей долей вероятности можно предположить, что непосредственно сбором ясака занимались чиновники князя Едигера, позже хана Кучума, а посланнику Ивана Грозного передавали уже оговоренное количество шкурок. Но притом, что русский царь именовал себя повелителем Сибирской земли, шерсть ему приносило не все население, а только князь Едигер.

О начале реального принятия русского подданства населением территорий по Исети, Тоболу можно говорить после похода Ермака и последующего прихода в Сибирь войска под командованием воевод И. Н. Мясного и В. Б. Сукина, основания городов Тюмень и Тобольск. Мы говорим именно о начале процесса, поскольку, невзирая на разгром Кучума и его гибель в 1598 году, Российское государство и после этого де-факто признавало существование Сибирского ханства. Об этом свидетельствует хотя бы использование в официальных документах обозначения «царь» в отношении старшего сына Кучума — Али, который в русских источниках обычно фигурирует как «Алей».

Ни один из указанных выше походов русских войск не коснулся непосредственно территории Южного Зауралья — основные события происходили восточнее и севернее. Но поскольку здешнее население подчинилось Сибирскому хану, после падения Искера и последующего разгрома Кучума начинается постепенное вхождение Зауралья в состав Московского царства. Первые сведения о сборе ясака с населения по Исети и южнее относятся к 1586 году. В наказе, данном приставам Е. Ржевскому и Г. Васильчикову, отправленным для встречи польского

Карта Антонио Дженкинсона, составленная в 1562 году. Дженкинсон бывал в России, много путешествовал, проплыл по Волге вплоть до Астрахани. Карта отображает представления о географии того времени. Территория Южного Урала на этой карте входит в состав Сибирского ханства (Tumen) и Ногайской Орды (Nagaia)

Antonio Jenkinson's map of 1562. Jenkinson visited Russia, travelled a lot, and sailed along the Volga River up to Astrakhan. The map displays that time understanding of geography. In this map, the territory of the South Urals is part of the Siberian Khanate (Tumen) and the Nogai Horde (Nagaia)

посла М. Гарабурды, в составе ясака с сибирских территорий упоминаются «белки большие... илецкие». «Илецкие белки» — белки, добывавшиеся в Илецком бору. А этот бор тянулся в то время от среднего течения реки Миасс до места впадения ее в Исеть.

Тюркское население к востоку от Уральского хребта к «моменту» вхождения в состав Московского царства представляло собой единое культурно-хозяйственное сообщество. Это было обусловлено, прежде всего, особенностями ландшафта, общим типом хозяйства, сходством языка и, возможно, тем, что в течение довольно продолжительного времени эти территории входили в состав Тюменского (Сибирского) ханства. Это сообщество

The South Trans-Urals in the XVI — late XIX century

By the time of its joining the Moscow state, the South Trans-Urals was almost completely controlled by the Siberian khanate. It is well known that the adoption of the Russian citizenship by the population of the South Urals began in 1554. Less well known is the situation with the adoption of the Russian citizenship by Prince Ediger in the same year; the prince led the Tyumen principality. From 1554 in the title list of the Russian tsars there was the title of “the Siberian land ruler”. A special person went to Siberia from Moscow to collect yasak (natural tax); unfortunately, sources do not describe the mechanism of collecting taxes. With a high degree

Примерная схема расположения территорий некоторых тюркских волостей Зауралья в середине XVII века. Схема показывает общую ситуацию расположения границ волостей

Approximate layout of the territories of some Turkic volosts in the Trans-Urals in the middle of the XVII century. The diagram shows a general location of the volosts' boundaries

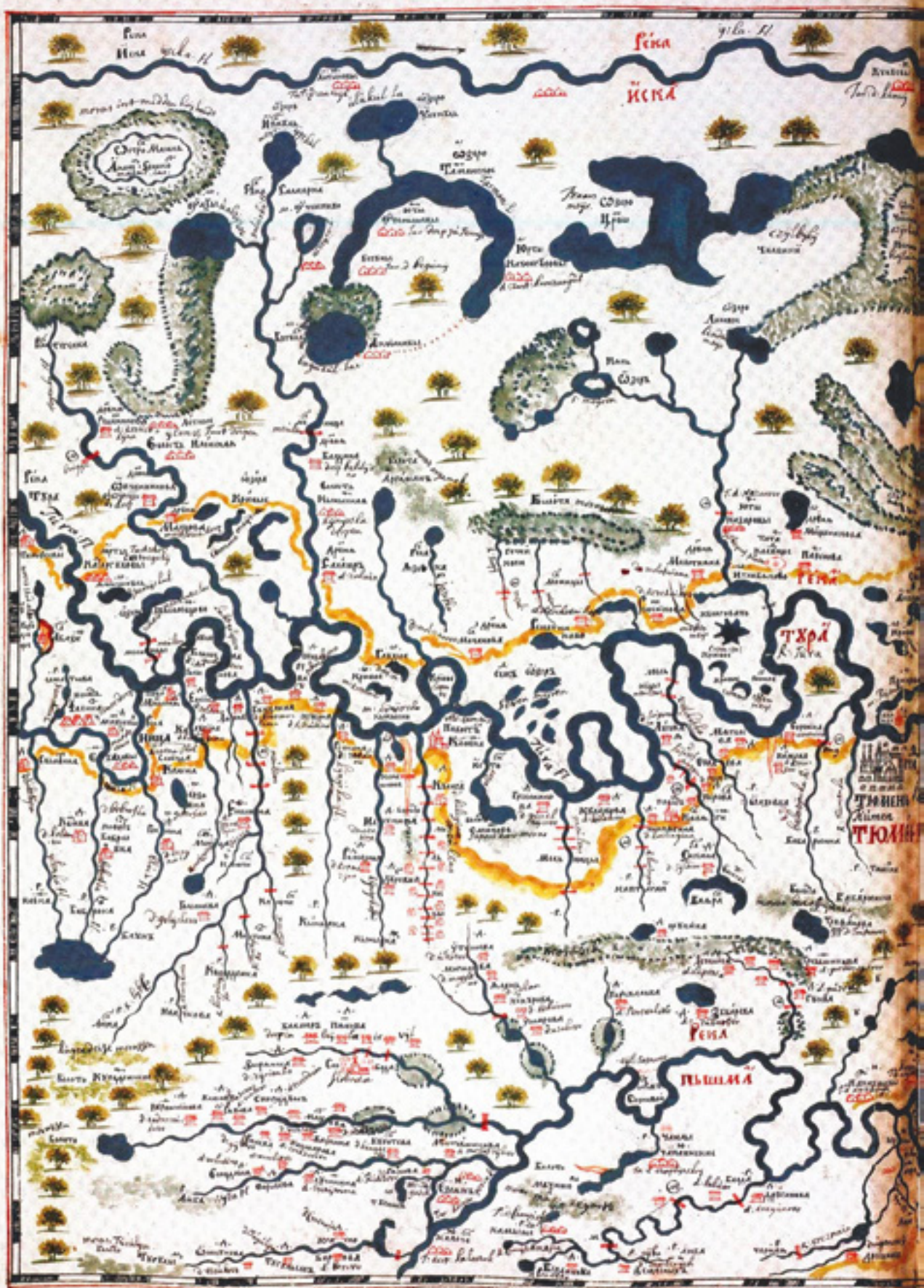
of probability, it can be assumed that it was the officials of prince Ediger, later of Khan Kuchum, who collected yasak directly, and then the agreed number of fur skins was given to the envoy of Ivan the Terrible. But though, the Russian tsar called himself the ruler of the Siberian land, shert was taken by Prince Ediger only and not by the whole Siberian population.

The beginning of the real adoption of the Russian citizenship by the population of the territories along the Iset River and Tobol River can only be seen after the Ermak campaign, the subsequent arrival of the troops under the command of governors I. N. Myasny and V. B. Sukin in Siberia, and the emergence of the Tyumen and Tobolsk cities. We are stressing the beginning of the process, as, even after the Kuchum defeat and his death in 1598, the Russian state de facto recognized the existence of the Siberian khanate. This is evidenced, for example, by the use of the title “tsar” in official documents when referencing to the eldest son of Kuchum, Ali, who usually appears as “Aleï” in the Russian sources.

None of the above campaigns of the Russian troops touched the territory of the South Trans-Urals directly; all main events took place more to the east and north. But since the local population was subordinate to the Siberian khan, after the fall of Iskar and the subsequent defeat of Kuchum, the Trans-Urals gradually enters into the Moscow kingdom. The earliest mention of collecting yasak from the population that lived in the Iset River region and more to the south dates to 1586. The order given to officers E. Rzhevsky and G. Vasilchikov who were sent to meet Polish ambassador M. Garaburdy mentions “big squirrels ... Iletsky” as part of the yasak from Siberian territories. “Iletsy squirrels” are the squirrels hunted in the Iletsy forest. At that

Чертеж Тюменского города и его уезда из «Большого чертежа Сибири» С. У. Ремезова. По рекам Тура, Пышма, Иска не показано ни одной слободы, зато обозначены ясачные волости, юрты, русские деревни и повосты (погосты), относящиеся именно к Тюменскому уезду. Все слободы относились к Тобольскому и Верхотурскому уездам, поэтому на карте не показаны. Исключение составляют земли по Тоболу и Исети и самое устье Туры, где мы видим Тарханский остров, Покровскую, Ингалинскую, Исетскую и другие слободы

Drawing of a Tyumen city and its uezd from the "Big drawing of Siberia" by S. U. Remezov. Not a single settlement is shown on the Tura, Pyshma, and Iska Rivers, but shown are yasak volosts, yurts, Russian villages, and pogosts (burials) that refer specifically to the Tyumen uezd. All settlements belonged to the Tobolsk and Verkhoturksky uyezds; therefore they are not shown on the map. The exceptions are the lands along the Tobol and Iset Rivers and the very mouth of the Tura River, where we see the Tarhansk ostrog and the Pokrovskaya, Ingalskiy, Isetsy and other slobodas

подразделялось на родоплеменные группы — улусы, которые впоследствии положили начало формированию волостей в составе Российского государства. Основой хозяйства тюркского населения Зауралья являлось скотоводство полукочевого типа. Соответственно хозяйственные территории каждой родоплеменной группы включали в себя летние и зимние пастбища, причем места летовок и зимовок могли находиться на достаточно большом расстоянии друг от друга.

Основной административно-территориальной единицей России конца XVI — начала XVIII века был уезд. Уезд включал в себя волости — податные, земельные и ясачные. В условиях Зауралья с 1630-х годов в качестве земельной волости зачастую выступала слобода, о чем подробнее будет рассказано ниже. Податное население каждого уезда подчинялось своему уездному руководству и было подсудно только в своем уезде. То есть ясачными людьми и крестьянами Тобольского уезда распоряжались тобольский воевода и тобольская приказная изба. Башкиры Уфимского уезда были подсудны в Уфе, ясачные татары и крестьяне Тюменского уезда — в Тюмени, а ясачные вогулы и крестьяне Верхотурского уезда — в Верхотурье. Разумеется, нарушения этого принципа были, но в целом подчинение и подсудность в «своем» уезде соблюдались. Процесс формирования территорий уездов в Зауралье был достаточно затяжным, границы их изменялись. На территории нынешней Челябинской области сходились границы нескольких уездов — Уфимского, Верхотурского, Тюменского и Тобольского, — хотя далеко не всех одновременно. Так, земли по Исети и Пышме перешли в ведение Тобольского уезда только в последней трети XVII века.

Важно понимать, что после вхождения в состав Московского государства тюркское население Зауралья оказалось разделено границами уездов, и, соответственно, разные группы одного родоплеменного объединения находились в ведении руководства разных уездов. Помимо различия в официальном обозначении это влекло и другие различия, зачастую серьезные. Так, ясачное население сибирских уездов помимо ясака платило государевы и воеводские поминки, то есть дополнительные сборы. В Уфимском уезде, в том числе и в зауральской его части, государевы и воеводские поминки не собирали.

В рамках практически каждого уезда существовало унифицированное обозначение ясачного населения. И в качестве такого обозначения обычно использовали те термины, которые мы привыкли считать «этнонимами»: башкиры, татары, вогулы, остяки. Так, ясачное население Уфимского уезда называлось башкирами, а служилые — тарханами. Ясачных людей Верхотурского уезда называли вогулами

вне зависимости от того, на каком языке они разговаривали и какую религию исповедовали. А в Тобольском и Тюменском уездах были ясачные, служилые и захребетные татары, причем захребетные являлись ближайшими родственниками служилых татар и составляли своего рода кадровый резерв для пополнения рядов служащих в случае убыли.

Есть устойчивый стереотип, транслируемый в работах некоторых уфимских коллег, что якобы башкиры были уникальным народом, поскольку только башкиры обладали вотчинным правом на землю. Это абсолютно неверно — вотчинным правом пользовалось все ясачное население. Но при этом имелись довольно существенные отличия в зависимости от типа хозяйства ясачного населения. Можно выделить два основных типа для населения Урала и Зауралья: охотники и рыболовы лесных территорий и скотоводы лесостепной и юга лесной зон. У охотников и рыболовов владельцем вотчинных угодий являлась отдельная семья/род. У тюрков-скотоводов коллективным вотчинником являлся родоплеменной коллектив, составлявший ясачную волость. Таким образом, под обозначением «ясачная волость» подразумевались и люди, составлявшие эту волость, и территории их хозяйствования (вотчинные земли).

Выкладки, транслируемые в большинстве современных исследований, основываются на стереотипах, сложившихся несколько десятилетий назад и зачастую не подтвержденных источниками, либо на неверном прочтении документов. Так, традиционно считается, что значительная часть зауральских башкир были покорены силой оружия и приняли российское подданство только в 1610-е (вариант — в 1630-е) годы. В связке с этим идут тезисы о том, что те зауральские башкиры, которые были покорены силой, не имели вотчинных прав на землю. Кроме того, якобы зауральские башкиры помимо ясака платили еще государевы и воеводские поминки.

Анализ известных и вновь выявленных документов позволил выяснить, что вхождение территории Зауралья в состав Московского государства действительно происходило постепенно, но связано это было не столько с процессом завоевания башкир, сколько с де-факто признаваемыми территориями Сибирского ханства. На рубеже XVI–XVII веков значительная часть Южного Зауралья фактически считалась относящейся к владениям потомков хана Кучума. Ситуация начала меняться после пленения Али (Алея в русских документах), преемника Кучума. При этом табынцы и сынряне, которых обычно указывают в качестве групп, воевавших на стороне Кучумовичей против Российского государства, упоминаются в документах конца XVI века как ясачное население Тюменского

time this forest stretched from the middle course of the Miass River to its confluence with the Iset River.

By the “moment” of entry into the Moscow kingdom, the Turkic population east of the Ural Range was a single cultural and economic community. This was due, first of all, to the landscape features, general economy type, language similarity, and possibly due to that these territories were part of the Tyumen (Siberian) khanate for quite a time. This community was divided into tribal groups, uluses, which subsequently laid the foundation for volosts within the Russian state. The economy basis of the Trans-Urals Turkic population was cattle breeding of the semi-nomadic type. Accordingly, the economic territories of each tribal group included summer and winter pastures; the summering and wintering sites could be at a fairly large distance from each other.

At the end of the XVI — beginning of the XVIII century, the main administrative-territorial unit of Russia was the uezd. Every uezd included volosts that were taxable, agricultural, or yasak-paying. From the 1630s in the Trans-Urals, a settlement called sloboda often acted as an agricultural volost, which will be described in more detail below. The taxable population of each uezd was subordinate to the uezd authorities and was jurisdictional only in this very uezd. That is, in the Tobolsk district, yasak-payers and peasants were controlled by the Tobolsk voevoda and the Tobolsk Prikaznaya Izba. Thus, the Ufa uezd Bashkirs, Tyumen Uyezd yasak paying Tatars and peasants, Verkhotursky uyezd yasak paying Voguls and peasants were, correspondingly, under Ufa, Tyumen Uyezd and Verkhoturye jurisdictions. Of course, there were violations of this principle, but on the whole, subordination and jurisdiction were respected in the “own” county. The process of forming the Trans-Urals uezd territories was quite lengthy, the uezd borders were changing. On the territory of the current Chelyabinsk region, the borders of several counties, such as Ufimsky, Verkhotursky, Tyumensky and Tobolsky converged, although not all of them at the same time. Thus, the lands along the Iset River and Pyshma River passed under the jurisdiction of the Tobolsky district only in the last third of the XVII century.

It is important to understand that after becoming part of the Moscow state, the Turkic population of the Trans-Urals was divided by the uezd borders and different groups of the same tribal associations were thus governed by the vevodas of different uezds. In addition to the difference in official designation, this entailed other differences, often serious ones. Thus, the yasak paying population of the Siberian uezds, in addition to yasak, paid tsar and vevoda pominki, that is, additional fees. In the Ufimsky uezd, including its Trans-Urals part, tsar and vevoda pominki were not collected.

In virtually every uezd, there was a uniform designation of the yasak-paying population. For such designations, the terms

that we now call “ethnonyms”, (Bashkirs, Tatars, Voguls, Ostyaks) were used. Thus, the Ufimsky uezd yasak-paying population was called Bashkirs, while the military service people of the same uezd were called Tarkhans. The Verkhotursky uezd yasak-paying people were called Voguls, regardless of what language they spoke and what religion they professed. In the Tobolsk and Tyumen uezds there were yasak-paying, military service and zakhrebetny Tatars; the latter were the closest relatives of the serving Tatars and made up a kind of personnel reserve to replenish the ranks of military service people in case of loss.

There is a persistent stereotype in the works of some Ufa colleagues, that Bashkirs were supposedly unique people, since it was only Bashkirs who had patrimonial land rights. This is absolutely wrong; the patrimonial land right was enjoyed by the entire yasak-paying population. But at the same time, there were quite significant differences depending on the economy type of the yasak-paying population. Two main types of the Urals and Trans-Urals population can be distinguished: hunters and fishermen of the forest territories, and cattle breeders of the forest-steppe and southern forest zones. The hunters and fishers had the patrimonial land right on the level of individual families / clan. For the Turkic cattle breeders, there was a collective-patrimonial land right that belonged to a patrimonial tribe, which constituted a yasak volost. Thus, the name “yasak volost” meant both, the people who lived in the volost and the territories these peopled owned (patrimonial lands).

The information given in most modern studies is based on stereotypes that have developed several decades ago and are either not confirmed by any sources, or based on wrong inferences from the existing documents. Thus, it is traditionally believed that a significant part of the Trans-Urals Bashkirs was subjugated by military force and adopted the Russian citizenship only in the 1610s (option — in the 1630s). In connection with this, there are theses that those Trans-Urals Bashkirs who were subjugated by force did not have patrimonial land rights. Moreover, it is also claimed that the Trans-Urals Bashkirs in addition to yasak paid sovereign and vevodas pominki.

Analysis of the known and newly discovered documents made it possible to find out that the Trans-Urals territory indeed was entering into the Moscow state gradually, but it happened by de-facto recognizing the Siberian khanate territories, rather than by conquering Bashkirs. At the turn of the XVI–XVII centuries, a significant part of the South Trans-Urals was actually considered to belong to the possessions of the Kuchum Khan descendants. The situation began to change after the capture of Ali (Aley, in the Russian documents), the successor to Kuchum. At the same time, Tabyns and Synryans, who are usually indicated as groups, which fought on the side of the Kuchumoviches against the Russian

и Уфимского уездов. Не находят подтверждения и выводы коллег о том, что значительная часть зауральских башкир не имела вотчинного права на землю. Как показывают источники, вотчинным правом пользовались башкиры всех волостей Зауралья. Что же касается уплаты воеводских и государевых поминков, то авторы, транслирующие этот тезис, опирались на документы, в которых говорилось о тюрках, плативших ясак в Верхотурском уезде и относившихся к сословной группе ясачных вогулов. Авторы никак не обосновали распространение этой информации на башкир зауральской части Уфимского уезда. Возможно, они просто не обратили внимания на то, что в документах речь идет о ясачных вогулах Верхотурского уезда, которые сами относили себя к башкирам. Это достаточно распространенная ошибка — многие смешивают использованное в документах понятие «башкиры» как отождествление с некоей территориальной или родоплеменной общностью и понятие «башкир» как обозначение сословной группы.

После вхождения территории Зауралья в состав Российского государства проживавшее здесь тюркское население в конце XVI века оказалось разделено границами уездов. В каждом из уездов, как уже говорилось, в XVII веке сложилась своя традиция обозначения (или обозначений) ясачного населения. При этом языковая или конфессиональная принадлежность ясачных людей особой роли не играла. Так, в Верхотурском уезде ясачными вогулами назывались все ясачные люди вне зависимости от того, были они уграми, тюрками или славянами. В Тюменском и Туринском уездах ясачное население обозначалось выражением «ясачные татары». В Тобольском уезде использовались два названия: ясачные татары и остяки. В Уфимском уезде ясачное население называли башкирами вне зависимости от происхождения. В частности, в составе башкир Салзавтской (Сальютской) волости в 1670-е годы было зафиксировано несколько человек «германской породы».

Однако уже к середине XVII века большая часть тюркоязычного ясачного населения Верхотурского уезда стала платить ясак в Уфу, перейдя в сословную группу башкир. При этом они не переселялись на территорию Уфимского уезда, а оставались на прежних местах жительства и хозяйствования — на реках Чусовая, Серга, Сысерть, Багаряк, Синара, в верхнем течении Уфы и т. д. Перешли в уфимский ясак жители Сырнянской, Терсякской и Верх-Чусовской (Салзавтской) волостей, а также двух волостей в верхнем течении Уфы. Территории по реке Уфе со временем перешли из состава Верхотурского уезда к Уфимскому уезду. Сказать точно, когда это произошло, пока сложно, но на чертежах С. У. Ремезова эта территория уже относится к Уфимскому уезду. В литературе господствует версия о том, что терсяки, сырняне и жители Верх-Уфимских

Чертеж Тобольского и Верхотурского уездов из «Хорографической книги Сибири» С. У. Ремезова. Фактически на карте не показана основная часть Тобольского уезда, располагавшаяся по Иртышу и Вагаю. Здесь мы видим тер-

ритории Тюменского, Туринского, Верхотурского уездов и земли Тобольского уезда по Тоболу и Исети. Но на территории Тюменского и Туринского уездов размещались слободы, которые относились к Тобольскому и Верхотурскому уездам,

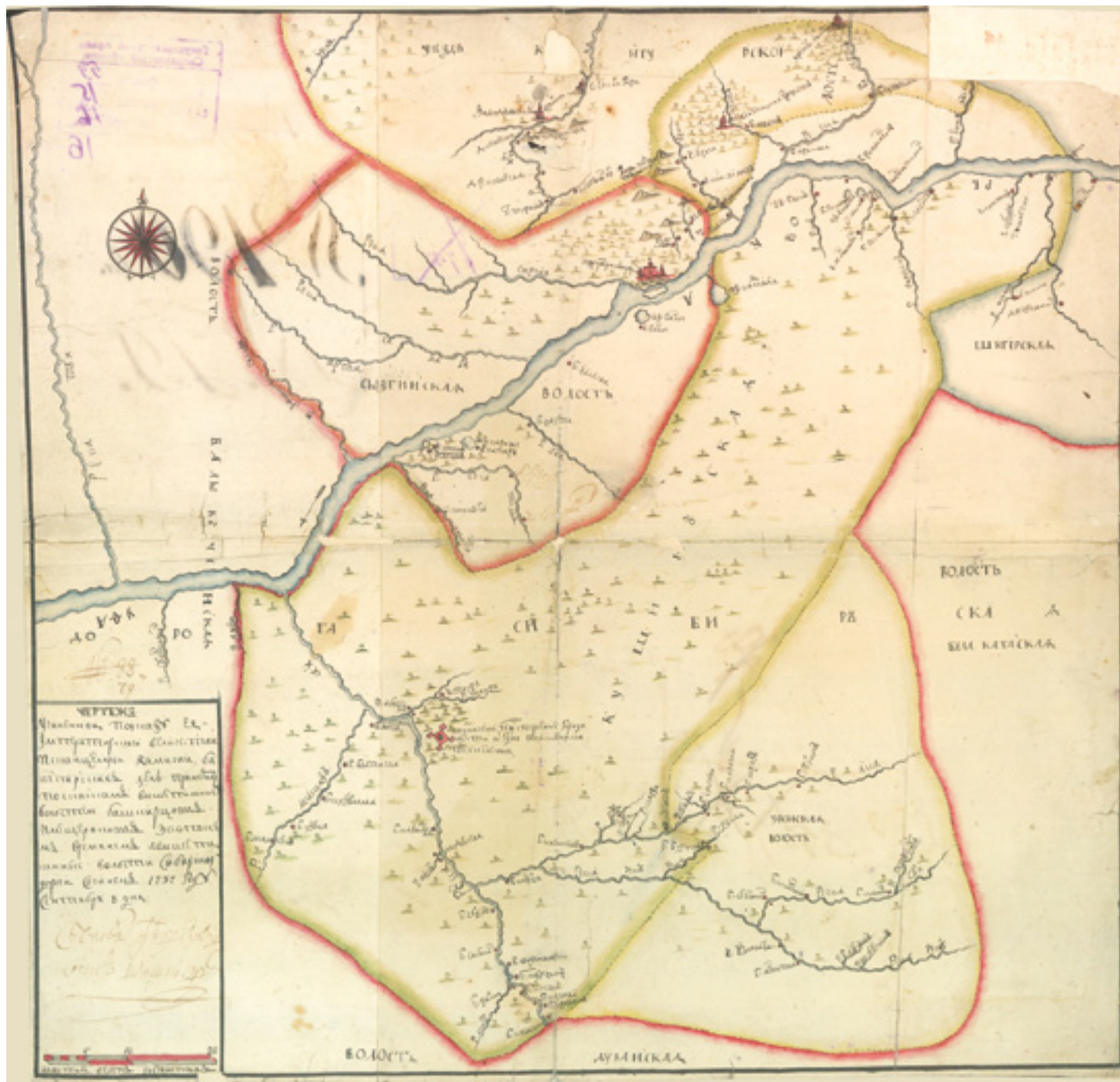
что и отражено на чертеже. При сравнении с «Чертежом Тюменского города» оказывается, что значительная часть слобод приходится именно на территорию Тюменского уезда, но на чертеже этого уезда не показано

The drawing of the Tobolsk and Verkhoturksky uyezds from the "Chorographic Book of Siberia" by S. U. Remezov. In fact, the map does not show the main part of the Tobolsk uyezd located along the Irtysh and Vagay Rivers. Here, we see the territories of the Tyumen,

Turin and Verkhoturksky uyezds, as well as the lands of the Tobolsk uyezd along the Tobol and Iset Rivers. The drawing also shows the slobodas that belonged to the Tobolsk and Verkhoturksky uyezds but were located on the territories of the Tyumen and Turin uyezds.

If we compare this drawing with the "Drawing of the Tyumen city", we can see that it is the Tyumen uyezd, in which territory a significant part of the slobodas falls, but this is not shown on the uyezd drawing

«Чертеж, учиненной по указу Ея Императорского величества из канцелярии камисии башкирских дел примерной по скаскам вышеписанных волостей башкирцов и мешеряков, за опасным временем. А вышеписанные волости Сибирской дороги. Сочинен в 1737 году сентября в 8 день. Сочинял геодезист Иван Шишков». Ситуация на чертеже расходится

со свидетельствами документов 1750-х годов, что допустимо, поскольку карта составлена на основании рассказов, а не является результатом топографической съемки. Это не точная фиксация, а попытка нанести на карту сведенную воедино информацию, полученную от нескольких людей. Чертеж дает представление о взаиморасположении волостей

“A drawing, established by the decree of Her Imperial Majesty from the Bashkir affairs office.... Composed in September 1737 on the 8th day. Composed by the surveyor Ivan Shishkov.” The drawing pictures the situation, which differs from the evidence given in the documents of the 1750s, which is permissible, as the map was drawn on the basis of stories, and is not the result

of a topographic survey. This is not an exact map, but an attempt to graphically present the information gathered from several people. The drawing gives an idea of the volosts' relative positions

state, are mentioned in the documents of the late XVI century as the yasak-paying population of the Tyumen and Ufa uezds. The conclusions made by our colleagues that a significant part of the Trans-Urals Bashkirs had not have the patrimonial land right do not find any confirmation either. According to sources, Bashkirs of all the Trans-Urals volosts enjoyed the patrimonial land right. As for the payment of tsar and vovoda pominki, the authors supporting this thesis relied on the documents that mentioned the Turks who paid yasak in the Verkhoturksky uezd and belonged to the group of yasak-paying Voguls. The authors gave no proof of the possibility to extrapolate this information to Bashkirs of the Trans-Urals part Ufa district. Perhaps they simply did not pay attention to the fact that the documents referred to the yasak-paying Voguls of the Verkhoturksky district, who considered themselves Bashkirs. This is a fairly common mistake; many researchers confuse the concept of "Bashkirs" used in the documents to name a certain territorial or tribal community with the concept of "Bashkirs" which refers to a class group of people.

At the end of the XVI century after the territory of the Trans-Urals had become part of the Russian state, the Turkic population who lived there was divided by the borders of uezds. In the XVII century in each of the uezds, as was already mentioned, there emerged a particular tradition of designating the yasak-payers. No linguistic or confessional affiliation of yasak-payers mattered. Thus, in the Verkhoturksky uezd, all yasak-payers no matter whether they were Ugrians, Turks, or Slavs were called yasak Voguls. In the Tyumen and Turinsky uezds, the yasak-payers were called "yasak Tatars." Two names were used in the Tobolsk uyezd: yasak Tatars and Ostyaks. In the Ufa uezd, the yasak-payers were called Bashkirs regardless of their origin. In particular in the 1670s, several people of the "German breed" were recorded as belonging to the Salzaut (Salyut) volost Bashkirs.

By the middle of the XVII century, the majority of the Verkhoturksky district Turkic-speaking yasak population began to pay yasak to Ufa having switched to the Bashkir class group. However, they did not move to the territory of the Ufa uezd but remained at their former places of residence and economy activities along the rivers of Chusovaya, Serga, Sysert, Bagaryak, Sinara, in the upper reaches of the Ufa River, etc. The residents of the Syryryanskaya, Tersyaskaya and Verkh-Chusovskoy (Salzautskaya) volosts and those people who lived in two volosts in the upper reaches of the Ufa River moved to the Ufa yasak. The territories along the Ufa River eventually were transferred from the Verkhoturksky uezd to the Ufa uezd. It is still difficult to say exactly when this happened, but on the drawings of S. U. Remezov, this territory already belongs to the Ufa uezd. The literature is dominated by the version that the Tersyaks, Syryans and the Upper Ufa volost residents left

their Verkhoturksky district habitats and went to the steppe, to the Tyumen and Ufa uezds. However, the documents do not confirm these conclusions. In the Verkhoturksky uezd, the Tersyak patrimonial lands lay along the rivers of Chusovaya, Revda, Serga, Ik, etc., and reached Ayat Lake. Their lands were partially occupied by the Ayat and Chusov slobodas. In the early 1730s, N. Demidov bought some land for the Revdinsky and Serginsky plants from the Tersyak volost Bashkirs. The map of 1741 shows the land of the Revdinsky plant as "bought from Bashkirs » by state adviser Demidov, and along the western and southern borders of this territory there is an inscription: "Bashkirs' Tersyak volost of the Ufa uezd Siberian road". Later, in 1755, the Tersyaks sold the land bordering the allotments of the Polevsky, Nyazepetrovsky and Serginsky plants to E. Ya. Yakovlev. At that time, the Tersyak groups lived in the Ufa and Tyumen uezds. In the 1660s and 1670s and at the very end of the XVII century, the Synrians lived in the territories expanding from the headwaters of the Iset River and Uktus River to the Sinara River, but they were driven out from most of their lands by the peasants of the Aramil and Bagaryak slobodas, Kolchedsky ostrom and Uktus and Sysert factories. In this situation, the principle described above emerged: people were affiliated to the uezd, in which they paid taxes or served in the military. Having moved to the Ufa yasak, the population of the Tersyak, Synriansk and Verkh-Ufa volosts ceased to appear in the documentation of the Verkhoturksky uezd. Hence, the conclusions were made by many researchers that they allegedly left the Verkhoturksky uezd. But physically they remained in their former places of residence; they just changed the place of yasak payment. It is characteristic that the yasak people themselves considered their lands to be related to the Siberian road of the Ufa uezd. The system of subordination and jurisdiction in those uezds where taxes were paid clearly manifested itself in the history of the sloboda settlement of the Russian peasantry in the Trans-Urals.

In the XVII — first half of the XVIII century, the Russian settlement in the Trans-Urals and Siberia went mostly through the north of the modern Sverdlovsk region. The main "official" road, i.e., the one, which was permitted and recommended for use by the tsarist authorities, was the road from European Russia to the Trans-Urals called Gosudareva Verkhoturkskaya, or, colloquially, the Babinovskaya road, which we have already mentioned. It went through the Ural Range to the upper reaches of the Tura River and considerably shortened the distance as compared to the old road that went along the Vishera River and then along the Lozva River. Besides the fact that the Babinovskaya road was shorter, it was also much more convenient. Therefore, the main flow of migrants first went through Verkhoturysk and farther dispersed throughout the Trans-Urals. Some people settled relatively

волостей покинули свои места обитания в Верхотурском уезде и ушли в степь, в Тюменский и Уфимский уезды. Однако документы не подтверждают этих выкладок. Вотчинные земли терсяков в Верхотурском уезде лежали по рекам Чусовая, Ревда, Серга, Ик и т. д. и доходили до Аятского озера. Частично их земли были заняты Аятской и Чусовской слободами. В начале 1730-х годов Н. Демидов купил у башкир Терсякской волости земли под Ревдинский и Сергинский заводы. На карте 1741 года показана земля Ревдинского завода статского советника Демидова, «купленная у башкирцов», а вдоль западной и южной границ этой территории — надпись: «Уфимского

уезда Сибирской дороги Терсякской волости башкирцов». Позже, в 1755 году, терсяки продали Е. Я. Яковлеву землю, граничившую с отводами Полевского, Нязепетровского и Сергинских заводов. При этом группы терсяков жили и на территории Уфимского и Тюменского уездов. Сырняне жили на территориях от верховьев Исети и Уктуса до реки Синары и в 1660-е, и в 1670-е годы, и в самом конце XVII века, но были вытеснены с большей части своих вотчин крестьянами Арамильской и Багарякской слобод, Колчеданского острога, Уктусского и Сысертского заводов. В этой ситуации проявился принцип, о котором написано выше, — люди числились по тому уезду, в котором платили

close to Verkhoturye in the upper reaches of the Tura River along its tributaries the Nitsa River and the Tagil Riverl.

Naturally, the Russian settlements also grew in the area of the already existing cities of Tyumen and Tobolsk, later the Tara city. The migration continued eastward, and it so happened that the territories of the faraway Yakutia and of the Angara River regions began to be explored simultaneously with much closer lands of the South Trans-Urals or even earlier. Moving gradually from north to south, from Verkhoturye and Tagil, a wave of peasant colonization gradually reached the Rezh River and the Irbit River. The authorities prohibited the use of roads other than Verkhoturyskaya (Babinovskaya) leading

«Изящное вновь начертание граду Кунгуру и всему Кунгурскому уезду, описи размерам чертежа, грани и межи по рекам с Верхотурьем и Уфою и с осинцами и со Строгановыми». Карта ориентирована на юг. В верховьях Чусовой указано: «Башкиры», а также «Борти и промыслы башкирские». Но территории по Чусовой входили в состав Верхотурского уезда, позже Екатеринбургского ведомства

"The new graceful outline of the Kungur city and the entire Kungur uезд". The map is south oriented. In the upper reaches of the Chusovaya River, it is indicated: "Bashkirs", as well as "Bashkir boats and crafts". But the territories along the Chusovaya River were part of the Verkhoturysky uезд, later the Yekaterinburg department

«Чертеж, колико приходов под слободы и кою сторону по дорогам и сакмам из одного места» С. У. Ремезова. Показаны дороги, существовавшие на относительно небольшой территории по рекам Миасс, Теча и в верхнем течении Исети. Именно по этим дорогам чаще всего приходили «воинские люди»

The drawing, by S. U. Remezov. Shown are the roads that existed in a relatively small area along the Miass and Techa Rivers and in the upper reaches of the Iset River. It is along these roads, that "military people" most often came

подати или несли службу. Перейдя в уфимский ясак, население Терсякской, Сырнянской и Верх-Уфимских волостей перестало фигурировать в документации Верхотурского уезда. Отсюда выводы многих исследователей о том, что они якобы ушли из Верхотурского уезда. Но физически они оставались на прежних местах, сменив место уплаты ясака. Характерно, что сами эти ясачные люди свои вотчинные территории считали относящимися к Сибирской дороге Уфимского уезда. Система подчиненности и под-

судности в тех уездах, где уплачивались подати, ярко проявилась и в истории слободского расселения русского крестьянства в Зауралье.

Русское заселение Зауралья и Сибири в XVII — первой половине XVIII века шло по большей части через север современной Свердловской области. Основной «официальной», то есть разрешенной и рекомендованной царскими властями, дорогой из Европейской России в Зауралье была Государева Верхотурская, или, в просторечии, Бабиновская дорога, которую мы уже упоминали. Она вела через Уральский хребет в верховья реки Туры и изрядно сокращала путь по сравнению со старой дорогой, которая шла по Вишере и затем по Лозьеве. Кроме того, что Бабиновская дорога была более короткой, она была и гораздо более удобной. Поэтому и основной поток переселенцев шел через Верхотурье и дальше уже рассеивался по Зауралью. Часть людей оседала относительно недалеко от Верхотурья — в верхнем течении Туры, по ее притокам Нице, Тагилу.

Естественно, разрастались русские поселения и в районе уже существовавших городов Тюмень и Тобольск, позже Тара, продолжалось продвижение на восток, и так получилось, что территорию в далекой Якутии и по Ангаре русские начали осваивать одновременно с гораздо более близкими землями Южного Зауралья или даже раньше. Постепенно продвигаясь с севера на юг, от Верхотурья, Тагила волна крестьянской колонизации постепенно дошла до рек Реж, Ирбит. Пользоваться другими дорогами, ведущими в Сибирь, кроме Верхотурской (Бабиновской), власти запрещали, поскольку это сокращало возможность контроля над переселением, в том числе и поимку беглых. На этих дорогах зачастую не было таможенных застав. По этой причине даже самый удобный путь через Урал — по Чусовой и Сылве и далее на Исеть — практически не использовался. Исеть пока еще оставалась дальним порубежьем, опасным для заселения.

Самый распространенный тип крупного поселения в Зауралье XVII — начала XVIII века — слобода. Со своими российскими «тезками» сибирскую слободу роднило лишь то, что ее население на первые годы освобождалось от уплаты податей. Во всем остальном крестьянская слобода в Зауралье очень сильно отличалась от «одноименных» поселений в Европейской России. Слобода — крестьянское поселение и земля, отведенная этому поселению. В отличие от традиционного русского крестьянского расселения починками и выселками в случае со слободой сразу создавалось центральное поселение (собственно слобода), которому отводилась значительная территория для развития. Впоследствии из центральной слободы выделялись отдельные семьи и группы семей и расселялись деревнями

to Siberia, as these other roads reduced the possibility of control over resettlement, including the capture of runaways. There were practically no customs outposts on these roads. Therefore, even the most convenient route through the Urals along the Chusovaya and Sylva Rivers and then farther to the Iset River was practically not used. The Iset River still remained far abroad and dangerous to settle.

The most common type of large settlements in the Trans-Urals of the XVII — beginning of the XVIII century is sloboda. A Siberian sloboda was similar to its Russian "namesakes" only in that its population was exempt from paying taxes for the first years. In all other respects, the Trans-Urals peasant sloboda was very different from its "namesakes" of European Russia. Sloboda

is a peasant settlement and the land allotted to this settlement. In contrast to the traditional Russian peasant settlements, such as *vysselki* and *pochinoks*, *sloboda* was created as a central settlement, which was allocated a significant territory for development. Subsequently, individual families and groups of families stood out from the central *sloboda* and settled in villages on the lands allotted to the *sloboda* and constituted its "prisud", or "uezd". The word "volost" to name a territory inhabited by Russian peasants who tilled the land was used in the Trans-Urals of the first half of the XVII century and referred to the northern territories of the Verkhotursky district, where in the 1600–1620s, the *Podgorodnaya*, *Tagil'skaya*, *Nevyanskaya* *volosts* appeared. Obviously, the North Russian and Kama

Карта «Вотчина статского советника господина Демидова, купленная у башкирцев» 1741 года. Показана земля Ревдинского завода статского советника Демидова, «купленная у башкирцев», а вдоль западной и южной границ этой территории надпись: «Уфимская уезда Сибирской дороги Терсыятской волости башкирцев»
The Map «The patrimony of the state adviser Demidov bought from Bashkirs" of 1741. Shown is the land of the Revdinsky plant "bought from Bashkirs" by state adviser Demidov; along the western and southern borders of this territory there is an inscription: "The Ufa uezd Siberian road of the Bashkir Tersyatskii volost"

Фрагмент карты С. У. Ремезова «Межа слободам и башкирским жилищам», составленной к сыску тобольского дворянина И. Полозова. Карта ориентирована на юг, поэтому Уральские горы на ней находятся справа, а не слева, как мы привыкли видеть на современных картах. Показана «прежняя Казанская Уральская дорога», которая идет от Катайского острога к Уральским горам; не доходя до озера Иртыш она раздваивается:

одна трасса уходит между озер Иртыш и Касли «до истоку, что течет в ыртыш» и дальше через горы; вторая огибает Иртыш с востока и уходит на юго-запад («дорога Уральская к Слюдным горам»). На карте эти дороги обрываются, в действительности они переваливали через Уральский хребет, являясь разными ветками той самой «прежней Казанской Уральской дороги»

Fragment of the map by S. U. Remezov "Borders between the slobodas and Bashkir settlements". Made on demand of the Tobolsk nobleman I. Polozov. The map is oriented to the south, therefore, in this map, the Ural Mountains are on the right, rather than on the left, as we are used to see on modern maps. The "former Kazan Ural road" is shown, which runs from the Kataysk ostrog to the Ural mountains; before reaching Lake Irtyash, it bifurcates:

one road goes between Lakes Irtyash and Kasli "up to the headspring that flows into the Irtysh River" and further through the mountains; the second road goes around the Irtysh River from the east and extends south-west ("the Ural road to the Mica Mountains"). In the map, these roads break off; in reality, they crossed the Ural Range, being different branches of the very same "former (that is, old — G. S.) Kazan Ural Road"

region traditions to settle in villages and *pochinoks* still existed there. For a territory related to a specific *ostrog* or *sloboda*, the same word "sloboda" or the expression "in the drawing" were used. If a village had to be mentioned, then they wrote: such and such village of such and such sloboda (for example, the Kalmatsky Brod village of the Techensky sloboda). The word "prisud" is quite rare and can be used as "in the prisud of such and such sloboda". Sometimes, the expression "in the uezd of such and such sloboda" can be seen.

The development of agriculture and increase in arable lands was one of the main tasks of the local *voevodas*. The requirements to make different categories of people plow the land are contained in many *voevodas'* orders starting from the end of the XVI century. The problem was that by the end of the XVI century in Western Siberia, agriculture was poorly developed. The Russian population of the initial stage of colonization was mainly represented by service people, who often simply did not have any chance to engage in tillage. Therefore, bread like many other things had to be brought from European Russia. Almost until the last third of the XVII century, the supply of bread to the Siberian population was largely due to the "Siberian *otpusks*", supplies from the Sea and Kama River regions. The "Siberian *otpusks*" imposed additional heavy tax burden on the population of those regions that supplied Siberia with plow stocks. Under these conditions, a quick and effective increase in arable lands was required.

As was already mentioned, the sloboda-type settlement had become the main kind of settlement in the Trans-Urals since the 1630s. In the 1640–1670s most of slobodas were set up in the territories of the Tyumen and Turin uezds, which is quite understandable; there were the most fertile lands there. When studying the issue, one very important detail was revealed: in these uezds, almost all the slobodas were founded following "nakaznaya pamyats" (instructions) issued by the Tobolsk or Verkhoturusk *voevodas*, rather than by the heads of the Tyumen or Turin uezds. Such a strange system is quite simply explained: almost all the territories of the Tyumen and Turin uezds were the patrimonial lands of the local *yasak*-paying and service (serving Tatars) population. The alienation of these lands was formally impossible, at least on a mass scale.

The population of the slobodas, which was set up on the territories of the Tyumen and Turinsky uezds according to the "nakaznaya pamyats" from Tobolsk and Verkhoturysk, paid taxes in the Verkhoturysk and Tobolsky uezds and was subordinate to the Tobolsk or Verkhoturysk *voevodas*. Therefore, they were not concerned about the issues of patrimonial land ownership of the local population. About 20×20 *versts* of land were cut for each sloboda for farming. Naturally, these lands were alienated from the lands the local *yasak* and service population. When attempts were made by the Tyumen or Turin *voevoda* to

influence the peasants of these slobodas, they claimed to obey the orders of the Tobolsk or Verkhoturysk *voevoda*. Thus, it turned out that the slobodas set up in the territory of the Tyumen and Turin uezds actually belonged to other uezds and their population was not subordinate to the local authorities.

There were other, possibly no less important factors that explain the use of the sloboda-type settlement: sloboda peasants were, first, encouraged to quickly develop the economy: in the 1620–1630s they were financed for starting up and were given a preferential term, that is, exemption from paying taxes up to six years; second, sloboda was more centralized form of peasantry organization; third, thanks to the system of the sloboda land allotment, at the beginning, the size of the land area, which peasants could have, was only defined by their physical capabilities to plough it. All this taken together attracted a lot of peasants to slobodas and contributed to the rapid expansion of ploughing on the sloboda lands.

The results of the sloboda-type settlement could be seen closer to the end of the XVII century. In 1685, the duty to deliver bread to Siberia was removed from the Sea cities. Siberia switched to bread self-supply, although the annual shortage of grain was still felt for a long time. In the last third of the XVII century in Siberia, four uezds of the Tobolsk rank, the Tobolsk, Tyumen, Verkhoturysk and Turinsky uezds provided the majority of the state grain supplies. In other words, it is only by that time, that Siberia had ceased to depend entirely on food supplies (primarily grain) from European Russia. The most fertile lands were along the Iset and Pyshma Rivers; therefore, the slobodas located there were especially important for supplying grain to the Siberian population. The interests of the *yasak* population turned out to be secondary in comparison with the need to supply the Siberian Russian population with bread. At the same time, no one removed the obligation to pay *yasak* from the *yasak* population of the Turin and Tyumen uezds.

The first Russian permanent settlement on the Iset River is the Assumption (Uspensky) Pustyn, founded by the monk Dalmat; it was later called the Assumption (Uspensk) Dalmatian Monastery. Since that time, intensive sloboda settlement began in the territories along the Iset and Pyshma Rivers and, starting with the 1670s, sloboda settlement expanded along the Tobol River, the lower and middle reaches of the Miass River, as well as along the Techa and Bagaryak Rivers. Quite an important point: the initiators of founding the first slobodas were the authorities of the Verkhoturysk and Tobolsk uezds; but in the 1650s the initiative passed to the population, namely, to peasants and *belomestny* cossacks. The process of sloboda-type settlement was thus launched and involved more and more people in the course of peasant colonization. At the same time, *prikazyaya pamyats* permitting the foundation of new slobodas

на землях, отведенных слободе, составляя ее «присуд», или «уезд». Слово «волость» для обозначения территории, населенной русскими пашенными крестьянами, использовалось в Зауралье первой половины XVII века применительно к северным территориям Верхотурского уезда, где в 1600–1620-е годы и возникли волости: Подгородняя, Тагильская, Невьянская. Очевидно, там еще сказывались северорусские и прикамские традиции расселения деревнями и починками. Когда речь шла о территории, относящейся к конкретному острогу или слободе, использовалось то же самое слово «слобода» либо выражение «в чертеже». Если говорилось о каких-то деревнях, то писали: такая-то деревня такой-то слободы (например, деревня Калмацкий Брод Теченской слободы). Довольно редко встречается слово «присуд» — в присуде такой-то слободы. Иногда встречается выражение «в уезде» такой-то слободы.

Развитие земледелия, увеличение площадей пахотных земель было одной из основных задач местных воевод. Требования сажать на пашню разные категории людей содержатся во многих воеводских наказах с конца XVI века. Дело в том, что земледелие в Западной Сибири к концу XVI века было развито слабо. Русское население начального этапа колонизации было представлено преимущественно служилыми людьми, у которых зачастую физически не было возможности заниматься хлебопашеством. Соответственно хлеб, как и многое другое, приходилось везти из Европейской России. Практически до последней трети XVII века снабжение населения Сибири хлебом производилось в значительной степени за счет «сибирских отпусков» — поставок из Поморья, Прикамья. «Сибирские отпуски» дополнительным тяжелым налоговым бременем ложились на население тех районов, которые поставляли в Сибирь сошные запасы. В этих условиях требовалось быстрое и эффективное увеличение пахотных земель.

Как уже было сказано, слободская форма расселения стала основной в Зауралье с 1630-х годов. Большая часть слобод в 1640–1670-е годы была поставлена на территории Тюменского и Туринского уездов, что вполне понятно — там были самые плодородные земли. При изучении вопроса выявилась одна очень важная деталь — практически все слободы в этих уездах были основаны по наказным памятям, выданным тобольским или верхотурским воеводами, а не руководством Тюменского или Туринского уездов. Объясняется столь странная система довольно просто: практически все территории Тюменского и Туринского уездов составляли вотчинные земли местного ясачного и служилого (служилые татары) населения. Отчуждение этих земель формально было невозможно, по крайней мере, в массовом порядке.

Население слобод, поставленных на территории Тюменского и Туринского уездов по наказным памятям из Тобольска и Верхотурья, платило подати в Верхотурском и Тобольском уездах и подчинялось либо тобольскому, либо верхотурскому воеводе. Соответственно, вопросы вотчинного землевладения местного населения их не волновали. Каждой слободе нарежалась земля в количестве примерно 20 на 20 верст, для ведения сельского хозяйства. Естественно, эти земли отчуждались из землепользования местного ясачного и служилого населения. При попытках тюменского или туринского воевод воздействовать на крестьян этих слобод, те отвечали, что они слушают грамоты тобольского или верхотурского воеводы. Таким образом, оказывалось, что слободы, поставленные на территории Тюменского и Туринского уездов, фактически относятся к другим уездам и их население местному руководству не подчиняется.

Были и другие, возможно, не менее важные аспекты, которые объясняют использование именно слободской формы расселения: крестьяне в слободах были, во-первых, стимулированы к быстрому развитию хозяйства — в 1620–1630-е годы им выдавались деньги на обзаведение, льготный срок, то есть освобождение от уплаты податей, доходил до шести лет; во-вторых, слободы были более централизованной формой организации крестьянства; в-третьих, благодаря системе отвода земли для слободы, крестьяне на первых порах были ограничены в размерах запашки только физическими возможностями. Все это, вместе взятое, способствовало активному привлечению крестьян в слободы и быстрому расширению запашки на слободских землях.

Результаты слободского расселения сказались ближе к концу XVII века. В 1685 году с поморских городов была снята повинность поставки хлеба в Сибирь. Сибирь перешла на самообеспечение в снабжении хлебом, хотя ежегодная нехватка зерновых ощущалась еще долго. В последней трети XVII века четыре уезда Тобольского разряда — Тобольский, Тюменский, Верхотурский и Туринский — обеспечивали большую часть казенных хлебных поступлений в Сибирь. Иначе говоря, только к этому времени Сибирь перестала полностью зависеть от поставок продовольствия (в первую очередь хлеба) из Европейской России. А наиболее плодородными были земли по Исети и Пышме, поэтому расположенные там слободы были особенно важны для снабжения населения Сибири своим хлебом. Интересы ясачного населения оказались вторичны по сравнению с необходимостью снабжения русского населения Сибири хлебом. При этом никто не снимал с ясачного населения Туринского и Тюменского уездов обязанности уплаты ясака.

Карта слобод из «Служебной
чертежной книги» С. У. Ремезова. Юг — вверху

Map of slobodas from the "Official
drawing book" by S. U. Remezov.
South is on the top

in the Tyumen uezd territory were still issued in Verkhoturys and Tobolsk.

It was said above that merchants, like migrants, were forbidden to travel to Siberia by the routes, other than through Verkhoturys. One of the reasons for the ban was precisely the need to collect customs duties on transported goods. However, the government understood that loopholes would be found, and therefore, the heads of the local self-government (slobodchiks, in this case) were given the powers of customs officials. Taking in consideration that most often slobodas were set either directly on the existing road or near it, merchants who travelled along "illegal" roads, nevertheless, had to pass through some of the slobodas. If they did not have a receipt certifying that they had paid the uezd customs duties on their goods, they had to pay them to a slobodchik, who issued them an appropriate receipt. It is to authorise such documents, that the Tsar Customs Seal was needed. But, as far as one can judge,

the Customs Seal was universal and was used to authorise all important documents.

The next step after the official allotment of land for a new sloboda and the receipt of the ukaznaya gramota (permission) for its construction, the slobodchik (or slobodchiks) was (were) to organize the recruitment of peasants and belomestny cossacks into a new sloboda. Peasants were recruited for grace years, that is, those enrolled in a new sloboda were exempt from paying tax for a certain period. In addition to peasants, recruited into a sloboda were "belomestny cossacks", people who were supposed to live off arable lands and serve the tsar without any monetary, grain and salt salary. They were supposed to protect their sloboda from raids, keep guard in its vicinity, and defend the sloboda and its population in the events of Kalmyk or Bashkir attacks. These duties were compensated by seven and a half tithes of arable land, which they used without paying taxes, that is, they lived on self-provision not receiving salaries from the state for their service. Anyone who wished to "serve off arable land" without any salary, but also without taxation could join this population group. The very word "belomestny

Портрет преподобного Далмата, писанный при его жизни.
Фото С. М. Прокудина-Горского

Portrait of reverend Dalmat painted during his lifetime. Photo by S. M. Prokudin-Gorsky

Первое русское постоянное поселение на Исети — Успенская пустынь, основанная старцем Далматом, впоследствии — Успенский Далматов монастырь. После этого началось активное слободское расселение на территориях по Исети и Пышме, а с 1670-х годов по Тоболу, нижнему и среднему течению Миасса, Тече, Багаряку. Достаточно важный момент: если инициаторами основания первых слобод были власти Верхотурского и Тобольского уездов, то в 1650-е годы инициатива перешла к населению: крестьянам, беломестным казакам. Процесс слободского расселения был запущен и вовлекал в ход крестьянской колонизации все большее количество людей. При этом наказные памяти на основание новых слобод на территории Тюменского уезда по-прежнему выдавались в Верхотурье и Тобольске.

Инициаторы строительства новой слободы обычно назначались ее руководителями — слободчиками. На них возлагались обязанности местного управления, им давалась «Государева таможенная печать», поскольку они должны были собирать пошлины (налоги) с проезжавших

через слободу купцов. Это одно из мест, которое человеку современному не совсем понятно — зачем таможня в каждой слободе, учитывая, что далеко не все из них стояли на границе? Дело в том, что вплоть до 1754 года в России кроме таможен пограничных (или портовых) существовали так называемые внутренние таможни. Теоретически они должны были стоять на границах каждого уезда, но для того, чтобы перекрыть все дороги, требовалось очень много людей. Выше говорилось, что торговым людям, как и переселенцам, запрещалось ездить в Сибирь другими путями, кроме как через Верхотурье. Одной из причин запрета была именно необходимость таможенных сборов с провозимых товаров. Однако правительство все же понимало, что лазейки отыщутся, и поэтому полномочиями таможенных чиновников наделяли глав местного самоуправления, в данном случае — слободчиков. Учитывая, что чаще всего слободы ставились либо непосредственно на существующей дороге, либо вблизи ее, купцы, едущие по «незаконным» дорогам, тем не менее, должны были проехать через какую-нибудь из слобод. Если у них не было свидетельства об уплате таможенных сборов с товара в этом уезде, они должны были оплатить их слободчику, который выдавал им соответствующую квитанцию о получении пошлин. Для того чтобы заверять такие документы, и нужна была Государева таможенная печать. Но, насколько можно судить, таможенная печать являлась универсальной, и ей заверялись все важные документы.

Следующим шагом после официального отведения земель под новую слободу и получения указной грамоты на ее строительство слободчик (или слободчики) должен был организовать набор в новую слободу крестьян и беломестных казаков. Крестьяне набирались на льготные годы, то есть записавшийся в новую слободу на какой-то срок освобождался от уплаты налога. Кроме крестьян в слободу набирались «беломестные казаки» — люди, которые должны были служить государеву службу с пашни без денежного, хлебного и соляного жалованья. Они должны были обеспечить безопасность слободы от набегов, нести караулы в ее окрестностях и в случае нападения калмыков или башкир оборонять слободу и ее население. За это они пользовались семьей с половиной десятинами пашни без уплаты податей, то есть жили на самообеспечении, не получая за службу жалованья от государства. В эту группу населения набирались все, желающие «служить с пашни», то есть без жалованья, но при условии наделения пашенными угодьями, не облагаемыми налогом. Само слово «беломестный» и означало владельца участка земли («места»), свободного от податей.

В 1680-е годы появляются первые слободы на территории современной Челябинской области. В 1682 году

крестьянин Катайского острога Иван Синицын заложил Белоярско-Теченскую слободу. В 1688 году была выдана указная память на строительство Багарятской слободы: «Шадринские слободы Дрягуном (драгунам.— Г. С.) Ивашку Кузнецу с сыном Данилком да Катайского острогу крестьянину Панкрашке Жданову». На этом русское продвижение на запад и юго-запад остановилось. Последняя попытка была предпринята вскоре после постройки Багарятской слободы — в 1693 году «Камышевской слободы слободчики Гришка, да Ивашко, да Филька Сысоевых» предпринимают попытку строительства «Изюзелской» слободы в месте впадения речки Зюзелги в Миасс. На основании царского указа слободчики получили в Тобольске наказную память и таможенную печать. Однако башкиры, не признавая тобольских грамот, требовали московских указов, разломали поставленные десять звеньев заплота, а строителей «били смертным боем». Из Тобольского воеводского дома было послано письмо главе беломестных казаков с просьбой о посылке казаков из Катайского и Колчеданского острогов и Арамильской слободы для защиты зюзельских слободчиков. Но уже в 1694 году в Уфу приходит грамота государей Ивана и Петра Алексеевичей, составленная в ответ на челобитную башкир всех четырех даруг Башкирии и запрещающая отдавать «башкирские угодыя... русским пришлым людям в оброк и в тягло и в службу». Таким образом, была фактически установлена граница русского расселения в Южном Зауралье.

Зауральские ясачные волости Уфимского уезда вовсе не были недоступны для русского населения — крестьяне брали в аренду озера для рыбной ловли, арендовали земли для щипания хмеля, в районе озера Чебаркуль и по реке Увелке производилась добыча слюды. Но русских поселений на этих территориях не было. Эта ситуация сохранилась до 1730-х годов.

В последней трети XVII — первой трети XVIII века достаточно серьезно изменились границы уездов в Зауралье. Если Тюменский уезд в начале XVII века включал в себя территории по Тоболу между устьями Исети и Туры, земли по Исети и Пышме до верховьев, то к концу этого века он достаточно сильно сократился, уступив территории в среднем течении Тобола, большую часть земель по Исети и Пышме Тобольскому уезду. В 1720-е годы возникло Екатеринбургское ведомство, или Екатеринбургский уезд, забрав, в свою очередь, часть территорий у Верхотурского и Тобольского уездов.

Отдельно стоит рассмотреть ситуацию с изменением границ Уфимского и Верхотурского уездов. Выше уже указывалось, что территории по верхнему течению реки Уфы в XVII веке входили в состав Верхотурского уезда. Ясачное население этих волостей, как и Терсятской

«Изящное вновь начертание граду Кунгуру и всему Кунгурскому уезду, описи размерам чертежа, грани и межи по рекам с Верхотурьем и Уфую и с осинцами и со Строгановыми». Карта ориентирована на юг. В верхней части между реками Ямаилга и Тюш

указано: «По Яманилге и по Тюше до Уфы верхотурская межа с уфинцы и по вершине по сей стороне Уфы реки, от Сотника 60 чюмкасов»¹.
"The graceful outline of the Kungur city and the entire Kungur uезд"
The map is south oriented

и Сынрянской, перешло в уфимский ясак. Но в случае с Терсяжской и Сынрянской волостями мы видим, что передачи их территорий Уфимскому уезду не произошло. У нас есть возможность посмотреть, как была размежевана территория Верхотурского и Уфимского уездов в самом начале XVIII века: в 1703 году Кунгурский уезд был передан в ведение Верхотурья, и для нужд заводского строительства было велено направить в Верхотурье для составления чертежа Кунгурского уезда С. У. Ремезова. К сожалению, границы уездов не показаны линиями, как мы привыкли, а описаны в комментариях на самом чертеже. Тем не менее все достаточно понятно. В частности, в верхнем течении реки Уфы есть пояснение: «По Яманилге и по Тюше до Уфы верхотурская межа с уфинцы и по вершине по сей стороне Уфы реки, от Сотника 60 чюмкасов¹». То есть от реки Тюша территория по правому берегу Уфы относилась к Верхотурскому уезду. Яманилга — возможно, река, которая позже называлась (и называется) Серга.

При этом в 1730-е годы земли по обеим берегам Уфы на всем ее протяжении являлись частью Уфимской провинции.

¹ Чюмкас, или чумкас — единица измерения расстояния, равная примерно 5–7 верстам.

Фрагмент чертежа «Вершина реки Тобола» из «Хорографической книги Сибири» С. У. Ремезова. В Уральских горах, западнее озера Чебаркуль, показаны «Избы слюдного промысла»
Fragment of the drawing "The Top of the Tobol River" from the "Chorographic Book of Siberia" by S. U. Remezov. In the Ural Mountains, west of Lake Chebarkul, "Izbas of mica production" are shown

the lands up to the upper reaches of the Iset and Pyshma Rivers, by the end of this century, it decreased significantly due to giving out the territories in the middle reaches of the Tobol River and most of the lands along the Iset and Pyshma Rivers to the Tobolsk uezd. In the 1720s, the Yekaterinburg department, or the Yekaterinburg uezd arose that took part of the Verkhotursky and Tobolsk uezd's territories.

It is worth considering separately the situation with changing the boundaries of the Ufa and Verkhotursky uezd. It was already pointed out above that in the XVII century, the territories along the upper reaches of the Ufa River were part of the Verkhotursky uezd. The yasak population of these volosts like that of Tersyat and Synryansk volosts passed to the Ufa yasak. But the Tersyak and Syryryan volosts did not transfer their territories to the Ufa uezd. We have a chance to see how the territories of the Verkhoturys and Ufa uezds were delimited at the very beginning of the XVIII century: in 1703, the Kungursky uezd was transferred to the jurisdiction of Verkhoturys and for the needs of factory construction, S. U. Remezov was sent to Verkhoturys to make a drawing of the Kungursky uezd. Unfortunately, the uezd's boundaries are not shown by lines, as we are used to, but are described in the comments on the drawing itself. Nevertheless, everything is quite clear. In particular in the drawing, in the upper reaches

of the Ufa River there is an explanation that the territory of 60 chumkases from the Yamanilga and Tyusha Rivers along the right bank of the Ufa River belonged to the Verkhotursky uezd. The Yamanilga River is probably the name of the river, which was later called (and is called now) the Serga River.

In the 1730s, the lands along both banks of the Ufa River throughout its entire length were part of the Ufa province. The territory was probably expanded during the formation of the Ufa province, that is, in 1708–1714. Be that as it may, the uezd's boundaries really changed in this period. The fact that researchers did not focus on this process is most likely due to the fact that the history of the Trans-Urals is generally very poorly studied and the issue of administrative boundaries simply was not considered by specialists.

In the first third of the 18th century, Kazakhs, pressed by Dzungars, shifted the routes of their migrations to the north, to the Yaik, Tobol and Uy Rivers. Here they clashed with Bashkirs, Kalmyks and Yaitsky cossacks. To smooth out the conflict, in 1730, the khan of the Younger zhuz Abulkhair appealed to the Empress Anna Ioannovna with a request to include him and all Kazakhs of his zhuz into the Russian kingdom. An embassy headed by the translator of the College of Foreign Affairs Kutlumammed (Alexey) Tevkelev was sent to the steppe. In 1733, Tevkelev returned to St. Petersburg with a message that the Younger zhuz Kazakhs were given the Russian citizenship. Soon after his return, Senate Secretary I. I. Kirilov submitted to the highest name the document on organizing an expedition to the South Urals and farther to Central Asia and Badakhshan. The initiative was approved; the Orenburg expedition was created; I. I. Kirilov and K. Tevkelev were appointed the expedition head and head deputy, correspondingly.

One of the tasks of the expedition was to found the city of Orenburg at the mouth of the Ori river (hence the expedition's name was Orenburg). The activities of the expedition in the South Urals caused discontent among Bashkirs, since they were not consulted on the issues of building a new city. The city was set up at the request of Abulkhair, which meant that the territories to the south of Ori were actually recognized as Kazakh territories, while Bashkirs considered them as their own. Discontent escalated into an uprising, which first swept the Cis-Urals part of the Ufa province and then spread to the Trans-Urals.

On February 11, 1736, Anna Ioannovna issued a decree addressed to I. K. Kirilov and A. V. Rumyantsev, which cancelled the inviolability of Bashkirs' patrimonial lands and allowed land requisition from those Bashkirs who participated in the uprising. The decree also permitted selling these lands and their long-term renting. In addition, it was allowed building "small towns" on the Bashkir lands for safe transportation

Возможно, территория была расширена в период создания Уфимской провинции, то есть в 1708–1714 годах. Как бы то ни было, изменение границ уездов в этот период было вполне реальным. То, что на этом процессе не акцентировалось внимание исследователей, связано, скорее всего, с тем, что история Зауралья вообще весьма слабо изучена и вопрос об административных границах просто не вставал перед специалистами.

В первой трети XVIII века казахи, теснимые джунгарами, сдвигают маршруты своих перекочевок на север, до рек Яик, Тобол, Уй. Здесь они столкнулись с башкирами, калмыками и яицкими казаками. Чтобы сгладить конфликтную ситуацию, хан Младшего жуза Абулхайр в 1730 году обратился к императрице Анне Иоанновне с просьбой о принятии его и всех казахов его жуза в российское подданство. В степь было направлено посольство, которое возглавил переводчик Коллегии иностранных дел Кутлумухаммед (Алексей) Тевкелев. В 1733 году Тевкелев вернулся в Петербург с сообщением о принятии в российское подданство казахов Младшего жуза. Вскоре после его возвращения секретарь сената И. И. Кирилов подает на высочайшее имя представление об организации экспедиции на Южный Урал и далее — в Среднюю Азию и Бадахшан. Инициатива получила одобрение, была создана Оренбургская экспедиция, начальником которой назначен И. И. Кирилов, а его помощником К. Тевкелев.

Одна из задач экспедиции заключалась в закладке в устье реки Ори города — Оренбурга (отсюда и ее название — Оренбургская). Деятельность экспедиции на Южном Урале вызвала недовольство башкир, поскольку вопросы постройки нового города с ними никто не согласовывал. При этом город ставился по просьбе Абулхайра, а это означало, что территории южнее Ори фактически признаются казахскими, в то время как башкиры считали их своими. Недовольство переросло в восстание, сначала охватившее приуральскую часть Уфимской провинции, а затем перекинувшееся в Зауралье.

11 февраля 1736 года вышел указ Анны Иоанновны, адресованный И. К. Кирилову и А. В. Румянцеву, который отменял неприкосновенность вотчинных земель башкир, разрешая реквизировать земли башкир, участвовавших в восстании, а также покупать и брать эти земли в долгосрочную аренду. Также разрешалось строить на башкирских землях «городки» для безопасного проезда к Оренбургу обозов, а расположение этих городков должны были определить Кирилов и Румянцев, как два главных руководителя на этой территории. Но в том, что касалось Зауральской Башкирии, реальными возможностями, знанием ситуации и опытом работы обладал В. Н. Татищев — начальник правления Сибирских и Казанских заводов,

Фрагмент «Ланкарты ведомства Екатеринбургского и провинций Соли Камской, Чердынского, Кунгурского, Верхотурского и Туринского уездов, вотчины баронов Строгановых, и заводов статского действительного советника Акинфия Демидова. В ней же и по части смежно окрестных уездов. Сочинена в 1734, 1735 и 1736 годах. С подлинной рисовал ундершихт мейстер Афанасий Кичигин, месяца октября 1744 года. При Екатеринбурхе». В левой части изображена «Сибирская дорога Уфимского уезду Башкирских жилищ». Река Уфа показана на территории Уфимского уезда. Очевидно, название «Уфимская провинция» еще не закрепилось в обиходе, и при составлении карты в 1734 году использовалось старое наименование «Уфимский уезд» Fragment of "the Lancart (territory map) of the Yekaterinburg departments and of the provinces of the Soli, Kama, Cherdynsky, Kungursky, Verkhoturksy and Turin uezdts, the Stroganovs' barony and factories of state adviser Akinfiy Demidov. Included also are some adjoining uezdts. Composed in 1734, 1735 and 1736. Copied from the original by Master Afonassii Kichigin, the month of October 1744. Yekaterinburg." On the left, shown is the "Siberian road of the Ufa uezd with Bashkir houses." The Ufa River is shown on the territory of the Ufa uezd. The name "Ufa province" was probably not yet used in everyday life, and in 1734 when the map was drawn, the old name "Ufa uezd" was popular

of wagon trains to Orenburg; the location of these small towns should have been determined by Kirilov and Rummyantsev, as the two main governors in this territory. But with regard to the Trans-Urals Bashkiria, it was V. N. Tatishchev, head of the Siberian and Kazan plant board located in Yekaterinburg, who had real power, knowledge and work experience to deal with the situation. It was to him that Kirilov and Rummyantsev actually transferred power to suppress the uprising in the Trans-Urals and to build fortresses along the road from the Siberian slobodas to Orenburg.

In fact, this decree (ukaz) marked the beginning of the active colonization of the Trans-Urals part of the Ufa province (uesd). First, they began to set up fortresses along the road that was used to supply food to Orenburg and that was under construction. This road went from the Techenskaya sloboda to the Verkhoyaitskaya pier (today the city of Verkhneuralsk). In 1736, the Chebarkul, Miass, and Chelyabinsk fortresses were built. Then in 1737, the Etkulskaya fortress was built; in 1738, Verkhoyitskaya fortress burned by Bashkirs in the winter of 1736 was restored and the Ukly-Karagayskaya fortress was constructed; in 1742 the Uyskaya fortress was founded. For a short time, these fortresses constituted the so-called Iset line, which completely lost its significance after the Uy line fortresses foundation in 1743–1744. For the Chebarkul, Miass, Chelyabinsk and Etkul fortresses, cossacks were recruited from the Trans-Urals slobodas peasants and from wandering people. These cossacks made up the Iset cossack army and were often called Iset cossacks in documents. It should be noted that the listed fortresses were unique for the South Trans-Urals, as their main population was cossacks. In all other fortresses built in 1738–1756 there were troops of the regular army. During the formation of the Orenburg cossack army, the Iset army merged into it as an integral part and retained its structure and its Voiskovaja (military) Izba until 1805.

In 1735, V. N. Tatishchev started the Zavodskaya line of fortresses, which protected the territory of the Yekaterinburg department from the Ufa province attacks. This line passed along the Bagaryak, Sinara, and Sysert Rivers, the territories that for about half a century had already been explored and densely populated by Russians. The specificity of this defensive belt was twofold: first, existing large and small villages were strengthened; second, the defence was echeloned (layered), since most of the fortified villages covered a fairly wide lane. The echeloned defence combined with that the fortified villages that protected the main river crossings made Bashkir attacks from the Ufa province unlikely. In 1737, peasants, sent from different slobodas and ostrogs, served in the following fortresses along the Zavodskaya line: Bagaryatskaya, Konevskaya, Karasyakh, Istotskaya, Shablinskaya, Okulova, Ulugushskaya, Zyryanskaya, Schelkunska, Sysertska,

располагавшегося в Екатеринбурге. Именно ему Кирилов с Румянцевым фактически передали полномочия по подавлению восстания в Зауралье, строительству крепостей по дороге от сибирских слобод на Оренбург.

Фактически этот указ положил начало активной колонизации зауральской части Уфимской провинции (уезда). Сначала начали ставить крепости вдоль дороги, по которой снабжали продовольствием строившийся Оренбург. Эта дорога шла от Теченской слободы к Верхояицкой пристани (сегодня город Верхнеуральск). В 1736 году были поставлены Чебаркульская, Миасская, Челябинская крепости. Затем в 1737 году построена Еткульская, в 1738 году восстановлена Верхояицкая, сожженная башкирами в зимой 1736 года, и возведена Уклы-Карагайская, в 1742 году основана Уйская. Эти крепости недолгое время составляют так называемую Исетскую линию, которая полностью теряет свое значение после постройки в 1743–1744 годах крепостей Уйской линии. В Чебаркульскую, Миасскую, Челябинскую и Еткульскую крепости были набраны казаки из крестьян зауральских слобод и гулящих людей. Эти казаки составили Исетское казачье войско и в документах зачастую назывались исетскими казаками. Надо отметить, что перечисленные крепости были уникальны для Южного Зауралья, поскольку основное их население составляли казаки. Во всех прочих крепостях, построенных в 1738–1756 годах, размещались части регулярной армии. При формировании Оренбургского казачьего войска Исетское войско вошло в него как составная часть и до 1805 года сохраняло свою структуру и свою войсковую избу.

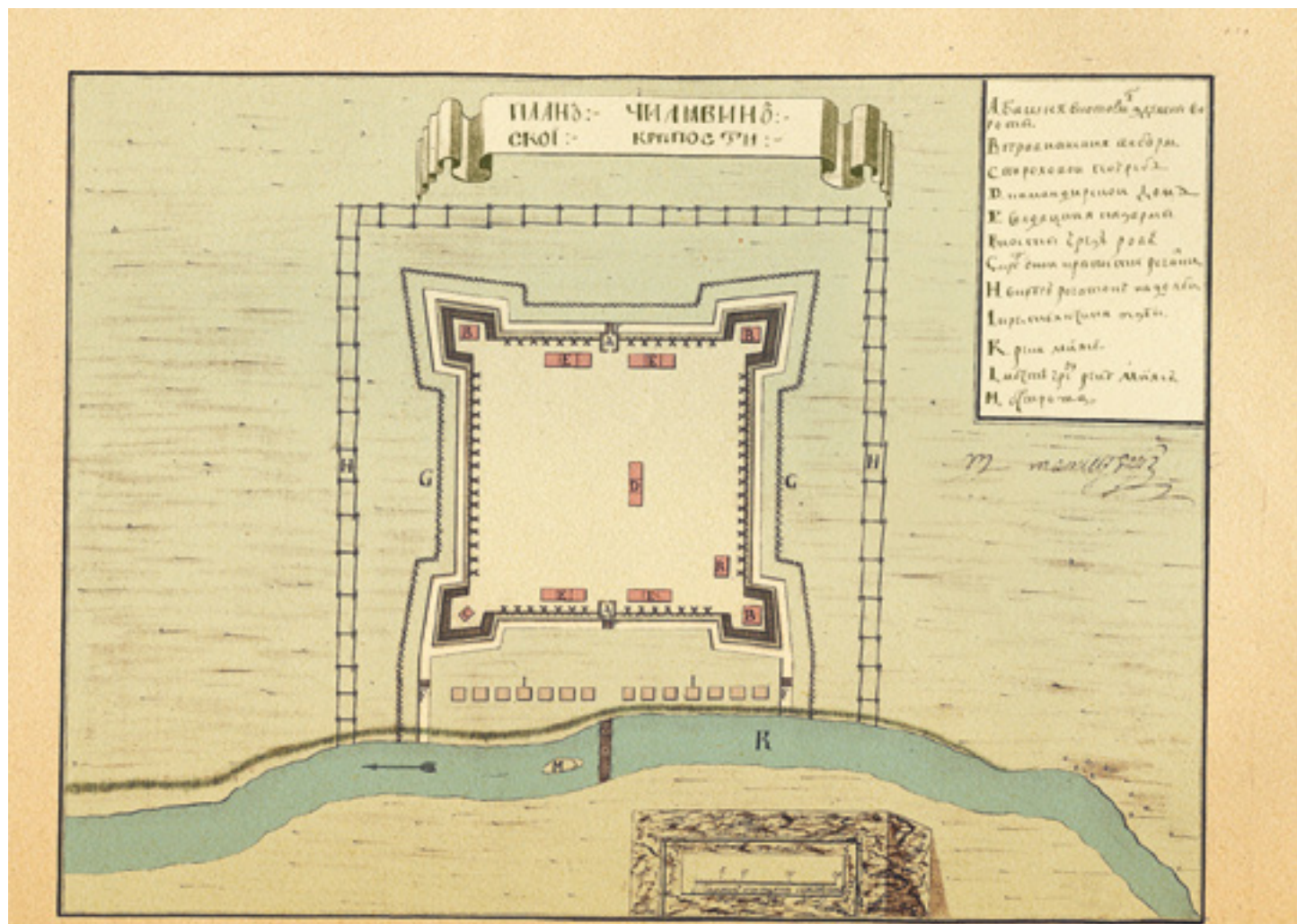
«Чертеж примерной крепостям имеющимся в Екатеринбургском ведомстве из которых по мнению Канцелярии Главного Правления Сибирских и Казанских заводов некоторым быть, а другие оставить вовсе надлежит». Реконструкция цвета Т. А. Дудник
Drawing of the fortresses that existed in the Yekaterinburg department, of which, according to the Office of the Main Board of the Siberian and Kazan plants, some plants should be kept, and others should be abandoned completely. Colored reconstruction by T. A. Dudnik

В 1735 году В. Н. Татищев начал организацию Заводской линии крепостей, которые прикрывали территорию Екатеринбургского ведомства от нападений со стороны Уфимской провинции. Эта линия проходила по рекам Багаряк, Синара, Сысерть — территориям, к тому времени уже около полувека освоенным русским населением и плотно заселенным. Своеобразие этого оборонительного пояса заключалось в двух моментах: во-первых, укреплялись существовавшие деревни и села; во-вторых, оборона получалась эшелонированной, поскольку укреплена была большая часть деревень в довольно широкой полосе. Эшелонированность обороны в сочетании с тем, что укрепленные деревни прикрывали основные переправы через реки, делало маловероятным нападение башкир с этой стороны. В 1737 году крестьяне, командированные из разных слобод и острогов, несли службу в следующих крепостях по Заводской линии: Багаряцкой, Коневской, Карасях, Истоцкой, Шаблишской, Окуловой, Улугушской, Зырянской, Шелкунской, Сысертской, Полевской и Северной. Последние три крепости были выстроены вокруг Сысертского, Полевского и Северского заводов, которые оказались в приграничной зоне Екатеринбургского ведомства. А Улугуш — деревня на одноименном озере (сегодня в Катайском районе Курганской области).

В 1742 году «главным командиром» Оренбургской комиссии (так теперь называлась бывшая Оренбургская экспедиция) был назначен И. И. Неплюев. В марте 1743 года он встретился с сибирским губернатором А. М. Сухаревым в Шадринске. На встрече разбирались целый комплекс

Polevskaya and Severskaya. The last three fortresses were built around the Sysert, Polevsky and Seversky plants, which turned out to be in the border zone of the Yekaterinburg department. Ulugush is a village on Ulugush Lake (today in the Kataysky district of the Kurgan region).

In 1742, I. I. Neplyuev was appointed the “chief commander” of the Orenburg Commission (the former Orenburg expedition). In March 1743, he met with the Siberian governor A. M. Sukharev in Shadrinsk. The meeting addressed a whole range of issues, such as the Iset province ruling, sloboda construction within the province, the border lines organization, etc. As for the Iset province, the recommendations of I. I. Neplyuev and A. M. Sukharev were embodied in two ukazes (decrees) issued in the fall of 1743. Namely, the status of the Iset province and the transfer of the Iset, Shadrinsky and Okunevsky districts to the Iset province were confirmed; the province chancellery was transferred to the Chelyabinsk fortress on a permanent basis; appointments were made

«План Челябинской крепости.
А — башни в которых зделаны
вороты; В — правянский
анбары; С — пороховой погреб;
D — командирской дом; E —
салдакия казармы; F — мосты
через ров; G — круг оной крепо-
сти рогатки; H — вкруг рогаток
надолбы; I — крестьянские
избы; K — река Мияс; L — мост
через реку Мияс; M — острова». Справа от крепости подпись
скорописью: «В. Татищев». Осень 1736 года. Реконструк-
ция цвета Т. А. Дудник

Plan of the Cheliabinsk fortress.
A — towers in which gates are
made; B — food barn; C — gun-
powder cellar; D — commander's
house; E — soldiers' barracks;
F — bridges across the moat;
G — tweakers surrounding the
fortress; H — gouges surrounding
the catapults; I — peasants' huts;
K — The Mias River; L — bridge
over the Mias River; M — islands.”
To the right of the fortress is the
cursive signature: “V. Tatishchev.”
Autumn of 1736. Colored
reconstruction by T. A. Dudnik

вопросов, в том числе по управлению Исетской провинцией, слободскому строительству в границах провинции, организации пограничных линий и т. д. В том, что касается Исетской провинции, рекомендации И. И. Неплюева и А. М. Сухарева были воплощены в двух указах, вышедших осенью 1743 года: был подтвержден статус Исетской провинции и передача ей Исетского, Шадринского и Окуневского дистриктов, провинциальная канцелярия была переведена в Челябинскую крепость на постоянной основе, проведены назначения на руководящие должности, назначены структуры, куда должны были поступать деньги подушного сбора с населения провинции, и т. д. Во время той же встречи 7 марта ее участники «учинили общее определение: «об учреждении вновь линий, с Оренбургской стороны по реке Ую до Утяцкого старого форпоста на Коркину слободу, а с той слободы к Иртышу на Чернолуцкую сло-

боду и о поселении в расположении на оных военных людей, а именно: на Уйской — Оренбургского, а с Сибирской стороны, на одной дистанции Сибирского старого, на другой — Сибирского ж, новоучрежденного, драгунских полков»». В тот же день был направлен ордер полковнику Угрюмову, который возглавлял оборону так называемой Заводской линии (ее составляли крепости, устроенные по рекам Сысерть, Багаряк, Синара, и она защищала территорию Екатеринбургского ведомства). В ордере сообщалось, что «заводское ведомство от степных народов прикрито, а впредь и наиболее прикритью имеет здешними, устроенными от Оренбургской комиссии крепостями учрежденной с Оренбургской же стороны, Уйской линией». В крепости по Уйской линии были определены роты Оренбургского драгунского полка. Командир полка, он же командующий линией, находился в Троицкой крепости.

Фрагмент «Карты Оренбургской губернии с показанием всех укрепленных во оной и от нее продолжившейся новой Сибирской линии». Карта не датирована, возможно, относится к началу 1780-х годов
Fragment of "The Orenburg uezd map with all its fortifications and a new Siberian line extending from it." The map is not dated. It probably dates back to the early 1780s

for the leadership's positions and structures, which were to receive provincial capitation money were defined and so on. During the same meeting on March 7, its participants made general decisions on the establishment of new lines from the Orenburg side along the Uyu River up to the Utyatsky old outpost, then further to the Korkin sloboda, and from the Korkin sloboda to the Irtysh River and the Chernolutsкая sloboda. They also decided to settle military people on these lines, namely, the Orenburg dragoon regiment was to be located in the Uy line and on the Siberian side at one distance, there had to be the old Siberian dragoon regiment and at another distance, the newly established Siberian dragoon regiment was to be settled." On the same day a warrant was sent to colonel Ugryumov who headed the defence of the so-called Zavodskaya line (it was made up of fortresses arranged along the Sysert, Bagaryak and Sinara Rivers, and defended the territory of the Yekaterinburg department). The warrant stated that "the factory department is protected from the steppe peoples, and henceforth should be protected by the local fortresses of the Uy Line established on the Orenburg side by the Orenburg Commission." To the fortresses along the Uy Line, the companies of the Orenburg dragoon regiment were sent. The regiment commander who was also the line commander stayed in the Troitsk fortress. In the summer, Bashkirs, Meshcheryaks and Cossacks were called to serve in the lines; they served primarily at the outposts and redoubts located along the Uy line between the fortresses.

Already at the end of 1737, the proposal of V. N. Tatishchev to create the Iset Trans-Urals Province, which was to include part of the Ufa province and parts of the Tobolsk and Tyumen uyezds, was approved. Initially, the Chebarkul fortress was designated to be the province centre. Then, from 1739 to 1743, the provincial chancellery «wandered»: in winter it was located in the Techenskaya sloboda, and in summer, it moved to one of the newly-built fortresses. In 1743, it was decided to transfer the provincial chancellery to the Chelyabinsk fortress on a permanent basis. In 1744, the Chelyabinsk fortress became the centre of the Iset province and thus acquired the status of a city.

The construction of fortresses led to the first massive land alienation from the Trans-Urals Bashkirs. Each fortress was given some land in the radius of about 20 versts. And there were a lot of such fortresses. For example, the lands of the Chelyabinsk, Chebarkul, Miass and Etkul fortresses closed together. The lands of the fortresses along the Uy River also closed together. Thus, huge sections were cut off from the Bashkir lands. In the 1740s in the Iset province, they started constructing plants. The first plants were the Nyazepetrovsky and Kaslinsky (Zauralsky) plants, and then the Satka, Zlatoustovsky, Verkhny-Kyshtymsky, Azyash-Ufa plants and others were built. Each plant was

allocated some land for its needs, it was primarily forest land. Forest was needed both, for the construction and for coal annealing (until the second half of the 19th century, almost all the local metallurgical industry used charcoal). Accordingly, lands for factory needs were bought or leased from Bashkirs. Bashkirs could not refuse selling the land, which resulted in the rapid decrease in the number of patrimonial lands in the 18th century. It should be noted that when selling or leasing land for factories Bashkirs did not lose all their rights to use the land. Usually, they retained the rights to use existing hives, hayfields and pastures. They could also take livestock through these lands and they fished in the lakes. Almost all the lakes on the lands sold to the Kaslinsky and Kyshtym plants remained Bashkirs' properties.

On March 15, 1744, the decree of the Empress Elizaveta Petrovna ordered: "... to form a gubernia (province) in Orenburg to be called the Orenburg gubernia, and to appoint the Privy Councillor Neplyuyev gubernator (governor) of this gubernia, and to include all the newly built fortresses and fortresses under construction of the Orenburg Commission, as well as regular and irregular troops and other people settled there in the Orenburg gubernia." The Ufa and Iset provinces were included in the new province: "The Orenburg Commission should act in the same province, but it should not be called a special commission; the gubernator should be in charge of the Kyrgyz people and the border affairs of the Orenburg province." That was the final stage of the Orenburg expedition transformation. The Orenburg gubernia would still be changing, but as a gubernia proper.

In the 1740–1760s, a rather interesting process took place, the formation of new yasak (later, service) volosts in the South Urals. In 1742, serving Meshcheryaks (the South Urals Tatars) headed by the foreman (colonel) Muslum Ashirov were given some land along the Techa River and a large land area to the north of this river; the border passed along Chebachye, Uelgi and Alikul Lakes. In the west and north, the allotment bordered the Bashkir lands of the Bala-Kataysky volost; in the south it bordered the lands of the Chelyabinsk and Miass fortresses, and in the east there was the territory of the Techenskaya Sloboda (the Russian Techa River). On September 17, 1748, by the decree of the Orenburg gubernia government, the land along the Chumlyak River (the right bank of the Chumlyak River) was allotted to serving Sarts and Ayukin Kalmyks, while the left bank of the Chumlyak River was given to serving Meshcheryaks. In the 1760s, the Katay volost Bashkirs were allotted lands adjacent to the possessions of the Ichkinsk Tatars, Sarts and Kalmyks; later this volost was called Yalan-Katay ("steppe Katays").

In 1754, a rather important event took place in the life of almost the entire Turkic population of the Orenburg gubernia:

В летний период на линейную службу отряжали башкир, мещеряков и казаков, которые несли свою службу преимущественно на форпостах и редутах, расположенных по Уйской линии между крепостями.

Еще в конце 1737 года было одобрено предложение В. Н. Татищева о создании Исетской Зауральской провинции, в которую вошли бы часть Уфимской провинции и части Тобольского и Тюменского уездов. Первоначально центром провинции была назначена Чебаркульская крепость. Затем, с 1739 по 1743 год, провинциальная канцелярия «кочевала», зимой размещаясь в Теченской слободе, а на лето перебираясь в одну из новопостроенных крепостей. В 1743 году было принято решение о переводе провинциальной канцелярии в Челябинскую крепость на постоянной основе. В 1744 году Челябинская крепость становится центром Исетской провинции и обретает вместе с этим статус города.

Строительство крепостей привело к первому массовому отчуждению земель у зауральских башкир. Каждой крепости отводилась земля в радиусе примерно 20 верст. А этих крепостей было достаточно много. Можно привести такой пример: земли Челябинской, Чебаркульской, Миасской и Еткульской крепостей смыкались между собой. Земли крепостей по реке Уй также смыкались между собой. Таким образом, из угодий башкир были вырезаны огромные участки. С 1740-х годов начинается строительство заводов в Исетской провинции — первыми были Нязепетровский и Каслинский (Зауральский) заводы, затем Саткинский, Златоустовский, Верхне-Кыштымский, Азяш-Уфимский и др. Каждому заводу отводились земли для его нужд, в первую очередь лесные угодья — лес был нужен как для строительства, так и для отжига угля (до второй половины XIX века практически вся местная металлургическая промышленность использовала древесный уголь). Соответственно земли для заводских нужд покупались или арендовались у башкир. Отказаться продавать землю башкиры не могли, поэтому количество вотчинных угодий в течение XVIII века сокращалось быстрыми темпами. При этом надо отметить, что при продаже или сдаче земель в аренду под заводы башкиры не теряли всех прав на пользование угодьями. За ними обычно оставались права пользования уже существовавшими бортями (ульями), сенокосами, использования пастбищ, прогона скота, они могли ловить рыбу в озерах. Практически все озера на землях, проданных под Каслинский и Кыштымские заводы, остались за башкирами.

15 марта 1744 года указом императрицы Елизаветы Петровны было определено: «...быть в Оренбурге губернии, и именоваться Оренбургская губерния, и в ней быть губернатором Тайному советнику Неплюеву, а во оной губернии

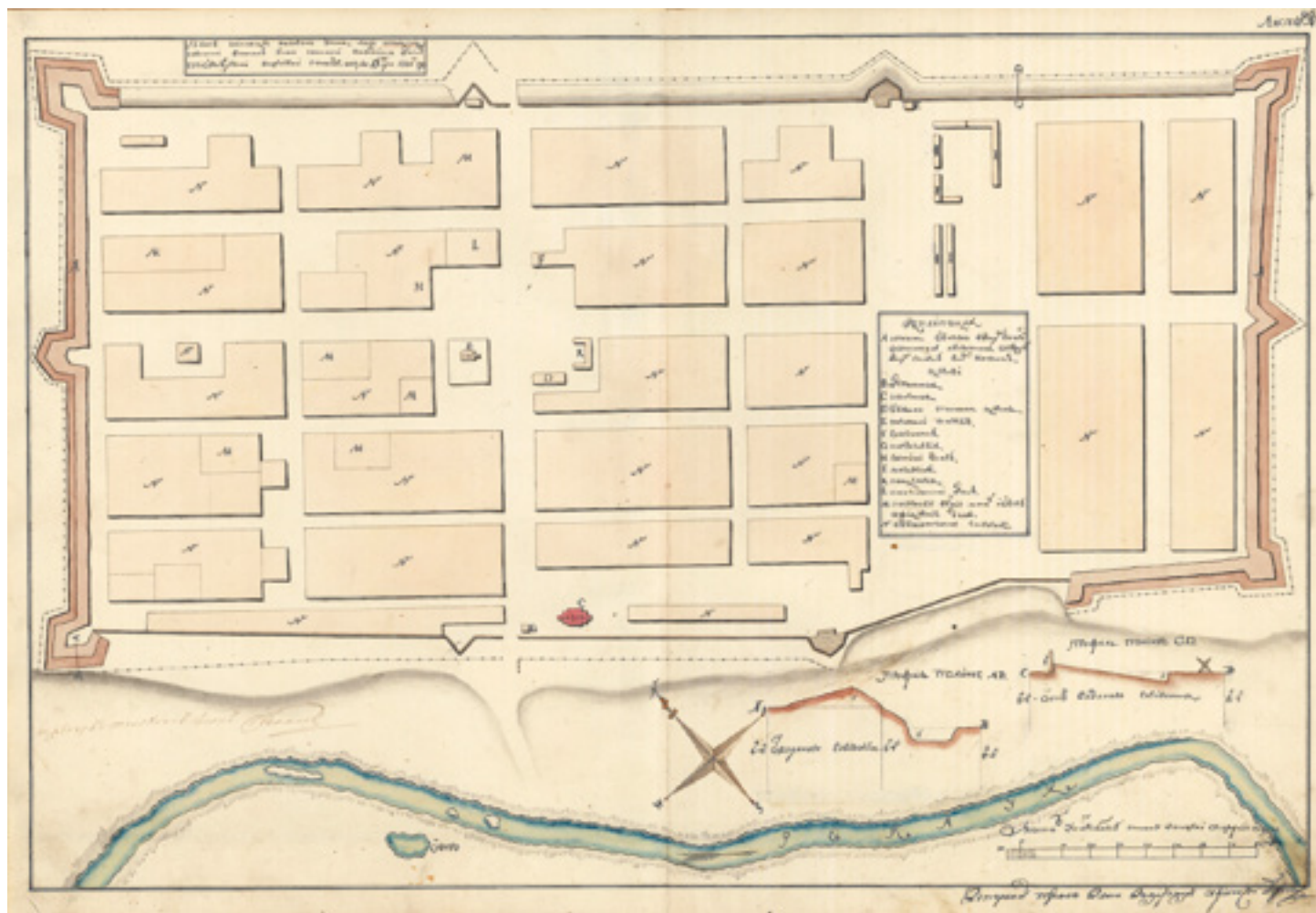
«Карта Исецкой провинции з Зауральскою Башкириєю, с частию Екатеринбургскому ведомству, Сибирской губернии и Уфимской провинции принадлежащих мест. Для изъяснения на сей карте: Бывшия до сего дистрикты под знаками цифров римских: I: Исецкой, II: Шадриской, III: Окуневской, IV: Куртамышской. По нынешнему расписанию: В Мехонском остроге быть воеводскому правлению, которой острог значит на сей карте под знаком V, уезд онаго под желтой краской. А в Куртамышском дистрикте быть камисарству и приписанные ко оному жительства отделяются зеленою краскою. Исецкой провинции уезд значится под краскою красною, Чилибинск, в котором провинциальное правление на сей карте под знаком VI. В написях значится: Г — город, рд — редут, сл. — слобода, с. — село, д — деревня, р — речка»

“The map of the Isetzkaia province and the Trans-Ural Bashkiria with parts that belong to the Yekaterinburg department, the Siberian gubernia and the Ufa province. The map notations: Former districts are marked with the Roman numerals: I: Isetzkoj, II: Shadriskoj, III: Okunevskaja, IV: Kurtamyskaja. According to the current schedule: In the Mekhonsky ostrog there should be vovoda's office; the ostrog is marked with V and the ostrog's uezd is in yellow. In the Kurtamysk district there should be commissariat, the settlements of which are in green. The uezd of the Isetzk province is given in red, Chelyabinsk, which is now a provincial town, is marked with VI. The inscriptions read: Г — city, рд — redoubt, сл. — sloboda, с. — large village, д — small village, р — river”

ведомым быть всем тамошним по той Оренбургской комиссии вновь построенным, и кои ныне строятся, крепостям, и определенным в них регулярным и нерегулярным войскам и прочим поселившимся людям...» В состав новой губернии вошли Уфимская и Исетская провинции; «также и Оренбургской комиссии делам быть в той же губернии, а особливою комиссиею не именоваться; ему же губернатору ведать и киргизской народ и тамошние пограничные дела, как поныне в Оренбургской губернии находятся». Так завершилась трансформация Оренбургской экспедиции.

Оренбургская губерния еще будет изменяться, но уже в качестве именно губернии.

На 1740–1760-е годы пришелся достаточно интересный процесс — формирование в Южном Зауралье новых ясачных (позже служилых) волостей. В 1742 году служилым мецгерякам во главе со старшиной (полковником) Муслюмом Ашировым отвели землю по реке Тече, а также большой участок к северу от нее — граница проходила по озерам Чебачье, Уелги, Аликуль. С запада и севера отвод граничил с землями башкир Бала-Катайской волости, с юга — с землями Челябинской и Миасской крепостей, с востока —

«План состоящей на Верхней Уйской линии Троицкой крепости, в каком она состоянии находится, учинен при Оренбургской инженерной команде, августа 13-го дня 1780-го года. Экспликация: А — крепость обнесена з двух сторон заплотом и рогатками, а з других двух сторон рвом и валом. Церкви: В — деревянная,

С — каменная, D — бывшая полковая церковь. Е — пороховой погреб; F — гоубвахт; G — кардегардия; Н — гостинной двор; I — магазейны; К — канцелярия; L — каменданской дом; V — казенные ветхие штаб и обер-афицерские дома; N — обывательское строение. Инженер-полковник Исак Браамс»

“Plan of the Troitsk fortress in its current state in the Uyskaya line, which was drawn by the Orenburg engineering team on August, 13th day of 1780. Notations: A — fortress surrounded by a wooden fence and tweakers on two sides and by a moat and rampart on the other two sides. Churches: B — wooden, C — stone, D — former regimental church.

E — gunpowder cellar; F — clink; G — cardegardia; H — gostiny dvor (hotel); I — stores; K — office; L — commandant's headquarters and ober-officers' houses; N — auxiliary structure. Colonel Engineer Isak Braams

the authorities decided to cancel Bashkirs' and Meshcheryaks' obligations to pay yasak and replaced yasak with an obligatory purchase of salt. I. I. Neplyuev asked the Senate "to issue a decree that let Bashkirs, Meshcheryaks and Tatars, as well as other serving people, which have their own lands in the area, further own these lands and free them from yasak in hope that they will deserve this highest mercy due to their loyalty and service." De facto, since 1754, Bashkirs, Meshcheryaks, and Yasak Tatars were transferred to the serving class. They had also often been enrolled in service earlier but formally they had been considered the yasak population (despite the fact that Meshcheryaks

had been designated as "servicemen"). After 1754, Bashkirs, Meshcheryaks, and serving Tatars were annually sent to linear service, that is, to the border, to the Uyskaya and Siberian lines.

The Pugachev uprising, which swept the region in 1773–1774, showed how great the tension in society was. A large number of Bashkirs, Cossacks, factory workers and peasants participated in the riot. Significant territories temporarily fell out of the state control; it was the Pugachev's headquarter representatives that ruled there. At the end of January 1774, Chelyabinsk was abandoned by government troops and was released by the detachment of Major Gagrin in April of that

Фрагмент карты Челябинского уезда 1894 года «с показанием земель и лесов, ведения министерства государственных имуществ и лесов башкир вотчинников», на котором показаны Карасевская (Мещерятская; слева сверху, залитая желтой краской) и Сарт-Калмакская (внизу, залитая синеватой краской) волости
Fragment of the Chelyabinsk uезд map of 1894 "showing lands and forests that are controlled by the Ministry of State Property and the forests of the Bashkirs' patrimony". This map fragment shows the Karasevskaya (Meshcheryatskaya; top left, filled with yellow paint) and Sart-Kalmak (on the bottom, filled with bluish paint) volosts

Фрагмент «Карты Уфимского наместничества, состоящего из двух областей, Уфимской, Оренбургской и тринадцати округ. Уфимской: Бирской, Мензелинской, Бугульминской, Богоросланской, Белебеевской, Стерлитамацкой, Троицкой, Челябинской. Оренбургской области: Бузулуцкой, Сергиевской, Верхнеуральской и Оренбургской. Разграничения, учиненного по силе именного Ея Императорского Величества состоявшегося 1781-го года мая 19-го дня о учреждении наместничеств и округ указа. При учрежденных к тому комиссиях и землемерах. Сочинен 1786 года июля 11 дня». Показаны Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский уезды

Fragment of the "Map of Ufa vicegerency, consisting of 2 regions, the Ufa and Orenburg regions, and thirteen districts. The districts that belong to the Ufa region are as follows: the Birsky, Menzelinsky, Bugulminsky, Bogoroslansky, Belebeyevskaya, Sterlitamatsky, Teointsk and Chelyabinsk districts. The Orenburg region includes: the Buzulutsk, Sergiev, Verkhneuralsk and Orenburg districts. The demarcation was made on May 17, 1781 by the decree of Her Imperial Majesty on the establishment of vicegerencies and districts with their commissions and surveyors. Composed on July 11, 1786." Shown are the Verkhneuralskiy, Troitskiy and Chelyabinskiy uyezds

very year. Many metallurgical plants were destroyed; a number of fortresses of the Uyskaya line were burned. The South Urals experienced the consequences of the Pugachev uprising for a long time restoring burned villages and destroyed factories. For a long time, the gubernia was negatively affected by the absence of documents burned by the rebels in the captured fortresses and Chelyabinsk. The fortifications of the Uyskaya line were not fully restored even by 1780.

In the 1770s, the regional reform of Empress Catherine II began. On January 27, 1781 issued was a decree on the creation ("opening") of the Perm governorate, in which the Chelyabinsk uezd was included. But preparations for organizing the new governorate began earlier. The changes were supposed to affect Chelyabinsk as well. Before the decree, it was a provincial city, that is, the centre of the Iset province, after the decree, it was supposed to become an uezd city, the centre of the Chelyabinsk uezd. But the Chelyabinsk uezd as an administrative unit did not yet exist; it only had to be formed or separated from the former Iset province. On December 23, 1781, the decree was issued on including Chelyabinsk with its uezd into the Ufa vicegerency. The division of territories continued. In 1784, the decree was signed on the creation of the Troitsk uezd as part of the Ufa vicegerency. The uezds' boundaries were sort of established only in the 1790s.

In Chelyabinsk, the city self-government bodies were reorganized: the town hall was renamed the city magistrate, the city дума (council) was elected; the city golova (mayor) and starosta (headman) positions were there since the period of the Iset province. The decline in status from the province centre to the uezd town negatively affected the development of the city; from the beginning of the 1780s to 1796, the population of Chelyabinsk almost halved. Two more

с территорией Теченской слободы (Русская Теча). 17 сентября 1748 года указом из Оренбургского губернского правления было предписано отвести земли по реке Чумляк служилым сартам и аюкинским калмыкам (правый берег Чумляка) и служилым мещерякам (левый берег Чумляка). В 1760-е годы отвели земли, смежные с владениями ичкинских татар, сартов и калмыков, башкирам Катайской волости — впоследствии эта волость получит название Ялан-Катай («степные катайцы»).

В 1754 году произошло достаточно важное событие в жизни практически всего тюркского населения Оренбургской губернии — власти решили снять с башкир и мещеряков обязанность платить ясак и заменить ее обязательной покупкой соли. И. И. Неплюев просил сенат «о том указом е. и. в. опубликовать, изображая в нем, что они, башкирцы и мещеряки и между ими упомянутые находящиеся татары, служивые люди и имеют свои земли, которыми по-прежнему владеть, как ныне владеют, из милосердия е.и.в. от ясака освобождаются в надежде, что они по своему званию тое высочайшую милость е. и. в. своею верною и службою заслужат». Фактически с 1754 года башкиры, мещеряки и ясачные татары были переведены в служилое сословие. Они часто привлекались к службе и ранее, но формально считались ясачным населением (несмотря на то, что мещеряки обозначались как «служилые»). После 1754 года башкиры, мещеряки и служилые татары ежегодно отряжались на линейную службу, то есть на границу, причем как на Уйскую линию, так и на Сибирскую.

Пугачевское восстание, охватившее край в 1773–1774 годах, показало, насколько велико напряжение в обществе. В бунте участвовало большое количество башкир, казаков, заводских рабочих, крестьян. Значительные территории на время выпали из-под контроля государства — здесь распоряжались представители ставки Пугачева. Челябинск в конце января 1774 года был оставлен правительственными войсками и освобожден отрядом майора Тагрина в апреле того же года. Были разрушены многие металлургические заводы, сожжен ряд крепостей Уйской линии. Последствия Пугачевского восстания Южный Урал переживал еще долго, восстанавливая сожженные деревни, разрушенные заводы, долго сказывалось отсутствие документов, сожженных восставшими в захваченных крепостях и Челябинске. Укрепления Уйской линии не были восстановлены в полном объеме и к 1780 году.

В 1770-е годы началась областная реформа Екатерины II. Указ о создании («открытии») Пермского наместничества, в состав которого включался и Челябинский уезд, вышел 27 января 1781 года. Но подготовка к организации нового наместничества началась загодя. Изменения должны были коснуться и Челябинска. Если прежде он был го-

родом провинциальным, то есть центром Исетской провинции, то теперь должен был стать уездным — центром Челябинского уезда. Но Челябинского уезда как административной единицы еще не существовало, его только предстояло сформировать или выделить из бывшей Исетской провинции. 23 декабря 1781 года вышел указ о причислении Челябинска с уездом к Уфимскому наместничеству. Продолжился раздел территорий. В 1784 году был подписан указ о создании Троицкого уезда в составе Уфимского наместничества. Границы уездов относительно установились лишь в 1790-е годы.

В Челябинске переформируются органы городского самоуправления: ратуша переименовывается в городской магистрат, избирается городская дума; должности городского головы и старосты существовали еще с периода Исетской провинции. Понижение статуса — с центра провинции до уездного города — негативно сказалось на развитии города, с начала 1780-х до 1796 года население Челябинска сократилось почти вдвое. Возникают еще два города из бывших крепостей — Верхнеуральск и Троицк. Из-за очень малого количества представителей городских сословий сформировать там органы городского самоуправления было невозможно, и в плане управления городскими сословиями эти города были приписаны: Троицк к Челябинской городской думе и магистрату, а Верхнеуральск к Оренбургской. В 1734 году в Троицке начали действовать своя городская дума и ратуша, и Верхнеуральск был приписан к Троицку. Свои органы городского самоуправления в Верхнеуральске были избраны в ходе реформы городского управления Александра II.

В 1798 году создано башкиро-мещеряцкое войско, в состав которого были включены все башкиры, мещеряки и служилые татары Зауралья. Основные функции остались те же — линейная служба и участие в боевых действиях по необходимости. Служба башкир в годы Отечественной войны 1812 года и зарубежных походов описана в литературе достаточно подробно. В 1855 году башкиро-мещеряцкое войско было преобразовано в башкирское, при этом мещеряки остались в его составе. То есть сословная группа мещеряков была упразднена, а те, кто к ней относился, включались в состав башкирской сословной группы. В «Положении о башкирах», вышедшем в 1863 году, первый пункт гласил: «Иногородцы, известные под названием Башкир, Мещеряков, Тептярей и Бобылей, имеющие общее наименование Башкирского войска, получают гражданское устройство, как свободные сельские обыватели, на основаниях, в сем Положении определенных». Таким образом, тептяри, бобыли и мещеряки были включены в сословную группу башкир. Поскольку «Положение» оговаривало сохранение вотчинного права

cities were formed from the former fortresses, Verkhneuralsk and Troitsk. Due to a very small number of representatives of the urban estates, it was impossible to form the self-government bodies of these cities and therefore, Troitsk was assigned to be controlled by the Chelyabinsk City Duma and Magistrate, while Verkhneuralsk was to be controlled by Orenburg. In 1734 in Troitsk, its own Duma and Magistrate began to operate and Verkhneuralsk was assigned to Troitsk. In Verkhneuralsk, its own self-government bodies were elected during the city administration reform of Alexander II.

In 1798, the Bashkir-Meshcheryak army was created, which included all Bashkirs, Meshcheryaks, and serving Tatars of the Trans-Urals. The main functions remained the same, linear service and participation in battles as necessary. Bashkirs' service during the Patriotic War of 1812 and foreign campaigns is described in the literature in sufficient detail. In 1855, the Meshcheryak's army was transformed into the Bashkir army, while the Meshcheryaks remained part of it. That is, the estate group of Meshcheryaks was abolished, and those who belonged to it were included in the Bashkir estate group. In the "Regulation on Bashkirs", published in 1863, the first paragraph read: "Foreigners, known as Bashkirs, Meshcheryaks, Teptyaris and Bobyls who are part of the Bashkir army are to be treated as free rural population on the grounds stated in this Regulation." Thus, Meshcheryaks, Teptyaris and Bobyls were included in the Bashkir estate group. Since the "Regulation" stipulated the preservation of the Bashkirs' patrimonial right to land, the representatives of the newly included groups had all the reasons to officially consider themselves Bashkirs. After the revolution and the abolition of estates and estate privileges, a significant part of Meshcheryaks and Teptyaris ceased to consider themselves Bashkirs.

The reform of the Orenburg Cossack Host (OCH) is also worth noting; it took place simultaneously with the creation of the New Line; the border was drawn from the Troitsk region to Orsk; a significant piece of land between the upper reaches of the Uy River and the Ural River was transferred to the Orenburg gubernia. In the course of the reform, lands were allocated to OCH that included a strip along the border, the New Line region annexed after the New Line was organized and the territories previously allocated to the Chelyabinsk, Miass, Chebarkul and Etkul fortresses. All cossacks from the internal regions were resettled in the OCH lands, primarily in the New Line district. Into the cossacks included were belopakhotny soldiers, soldiers of the linear (border) battalions, who stood in the fortresses along the Orenburg and Uyisk lines, peasants, Bashkirs and Meshcheryaks who lived in the OCH lands and did not want to resettle.

Казак
башкирских
кантонов.
1829–
1838 годы
Cossack
of the Bashkir
cantons.
1829–1838

The construction of the Trans-Siberian Railway in the 1880–1890s played a very important role in the development of the region. The railway boosted the development of trade and commodity production. It was due to the construction of the railway, that Chelyabinsk grew so rapidly in the late XIX — early XX centuries. And it is difficult to overestimate the construction of the Trans-Siberian Railway in the resettlement course and economic development of the eastern region of the country.

на землю за башкирами, у представителей вновь включенных групп был резон официально относить себя к башкирам. После революции и ликвидации сословий и сословных привилегий значительная часть мещеряков и тептярей перестала относить себя к башкирам.

Необходимо отметить также реформу Оренбургского казачьего войска (ОКВ), которая проходила одновременно с созданием Новой линии — граница была проведена от района Троицка к Орску, Оренбургской губернии отошел значительный участок земли между верхними течениями Уя и Урала. В ходе реформы были выделены земли ОКВ — полоса вдоль границы, Новолинейный район, присоединенный после организации Новой линии, и территории, ранее отведенные Челябинской, Миасской, Чебаркульской и Еткульской крепостям. Все казаки из внутренних областей были переселены на земли ОКВ, в первую очередь в Новолинейный район. В состав казаков включены белопахотные солдаты, солдаты линейных (пограничных) батальонов, стоявших в крепостях по Оренбургской и Уйской линиям, крестьяне, башкиры и мещеряки, жившие на землях ОКВ и не пожелавшие переселиться.

Огромную роль в развитии региона сыграло строительство в 1880–1890-х годах Транссибирской магистрали. Железная дорога дала толчок развитию торговли, товарного производства. Стремительный рост Челябинска в конце XIX — начале XX века был обусловлен именно строительством железной дороги. Сложно переоценить постройку Транссиба и в деле развития переселенческого движения и экономического развития востока страны.

Дороги, реки, деревья,
дома. Уральское село. Орен-
бургская область. Август
2016 года. Фото В. Шарпова

Roads, rivers, trees, houses.
Ural village. Orenburg Oblast.
August, 2016. Photo: V. Sharapov

В. М. Свистунов.
**ГОРНО-
ЗАВОДСКАЯ
ПОЛИТИКА
РОССИИ
И ЗАВОДЫ
ЮЖНОГО
УРАЛА
(1734–1900)**

7

V. M. Svistunov.
**MINING POLICY
OF RUSSIA
AND THE SOUTH
URALS PLANTS
(1734–1900)**

Урал. Челябинская область.
2018 год. Фото: В. Шарапов
Ural. Chelyabinsk Oblast.
2018. Photo: V. Sharapov

Глава 7.

ГОРНОЗАВОДСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ЗАВОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА (1734–1900)

История Южного Урала Нового времени остается до сих пор слабо изученной. Причем о металлургии Большого Урала принято говорить в целом, не выделяя отдельных регионов. Тогда как в действительности характер промышленного развития Южного Урала в XVIII веке имел свои особенности. Именно здесь был создан крупный горнопромышленный комплекс, в отличие от Среднего Урала — исключительно частными русскими горнозаводчиками-старообрядцами. И, самое главное, строительство металлургических заводов происходило на территории расселения башкирских племен, имевших свое войско, способное противостоять армейским частям. На вооружении башкирских воинов помимо холодного имелось и огнестрельное оружие — турки (фитильные, в XVIII веке кремневые ружья). Как правило, оно было привозным либо трофейным. На эти факты по разным причинам мало кто обращал и обращает внимание, и, как показали дальнейшие события, совершенно напрасно.

Нам, ныне живущим в России, со школьной скамьи рассказывают о знаменитом родоначальнике династии Демидовых, его сыновьях и потомках. Смысл этих рассказов зачастую сводится к мысли о том, что основатель династии Никита Демидов, его сыновья Акинфий, Григорий, Никита, имея поразительную деловую хватку, сумели добиться в горнозаводском деле выдающихся успехов. Тогда как их наследники только и могли, что бездарно растрачивать не ими нажитые капиталы и продавать заводы. В качестве подтверждения приводится статистика горнозаводского строительства XVIII–XIX веков.

Действительно, за период с 1744 по 1770 год только в южноуральском регионе было построено порядка четырех десятков металлургических заводов. В середине же XIX века уральская металлургия пришла в полный упадок. Почему?

Парадоксальность ситуации заключается в том, что до настоящего времени в отечественной историографии нет прямого и ясного ответа на вопрос, в чем истинная при-

Башкиры в военном походе.
Художник А. О. Орловский

Bashkirs in a military campaign.
Artist A. O. Orlovsky

чина успешного развития южноуральской металлургии в XVIII веке и ее депрессивного состояния в XIX веке. Все объяснения, связанные первоначально с наличием крепостного права, а потом с его пережитками, при непредвзятом изучении вопроса не выдерживают никакой критики.

Chapter 7.

MINING POLICY OF RUSSIA AND THE SOUTH URALS PLANTS (1734–1900)

The New Time history of the South Urals is still poorly studied. As a rule, the Great Urals metallurgy is considered in general without distinguishing between individual regions. In reality, the nature of the South Urals industrial development in the 18th century had its own characteristics. It was here that a large mining complex was created and, in contrast to the Middle Urals, it was done by the Russian Old Believer mine owners exclusively with their private capital. And, what is most important, the construction of the metallurgical plants took place on the territory of the Bashkir tribes who had their own host capable of confronting the state army units. In addition to the cold weapons, the Bashkir warriors also had firearms, — turks (match-lock guns or, in the 18th century, flintlock guns). As a rule, these firearms were either imported, or captured. For various reasons, few people paid and are paying attention to these facts and as subsequent events have shown, that was and is completely wrong.

Nowadays, we, Russians, are told from the school bench about the famous founder of the Demidov dynasty, his sons and descendants. The meaning of these stories often comes down to the idea that the founder of the dynasty, Nikita Demidov and his sons Akinfiy, Grigory and Nikita having an amazing business acumen managed to achieve outstanding success in the mining business. Whereas, their heirs could do nothing but waste the inherited capital and sell plants. These facts are allegedly supported by the statistics of the mining construction of the XVIII–XIX centuries.

Indeed, in the period from 1744 to 1770, four dozen metallurgical plants were built in the South Urals region alone. However, in the middle of the XIX century, the Urals metallurgy fell into a complete decline. Why?

The paradox of the situation lies in the fact that to date, the Russian historiography does not have a direct and clear answer to the question about the true reason for the successful development of the South Urals metallurgy in the XVIII century and its depressed state in the XIX century. All

Казачьи ружья XVIII века
(турка — нижнее)
Cossack rifles of the 18th century
(turka — the lower)

Ружья с ударно-кремневым замком.
Албания, Турция. XVIII век
Flintlock rifles. Albania, Turkey.
XVIII century

Замок турецкого ружья
Lock of a Turkish rifle

Дело в том, что какими бы талантливыми не были уральские горнозаводчики в деле развития металлургии, им никак нельзя было выжить без соответствующей эффективной промышленной политики государства.

Если проанализировать акты горного права России за период с 1719 по 1758 год, то прослеживается общая для них тенденция. Смысл которой сводится к декларации и законодательному поощрению частной инициативы в горнозаводском деле. Причем частной инициативы не каких-то случайных лиц, а тех самых искателей полезных ископаемых, которым Берг-регламент 1739 года передавал преимущественное право перед землевладельцами на полезные ископаемые (право первого). Законодательная поддержка частной инициативы стала возможной только после провозглашения в 1719 году и подтверждения в 1739 году государственной собственности на недра земли (горная регалия).

Государство, предоставляя преимущественное право на недра искателю полезных ископаемых перед землевладельцем-вотчинником, тем самым максимально полно учло специфику земельных отношений в Оренбургской губернии XVIII века. Решающее значение в этом сыграл сенатский Указ от 16 апреля 1744 года. Его восьмая статья, отстаивающая интересы башкир, имела революционный характер. В ней башкирские вотчинники признавались равноценными участниками как горных отводов, так и всей купли-продажи земли в Оренбургской губернии. Таким образом, смысл восьмой статьи сенатского указа сводился в первую очередь к тому, что помимо денежных выплат, которые горнозаводчики обязаны были и платили башкирам за пользование лесом и рудой в размере 2 % от своей прибыли, с башкир частично снимался ясак. Причем его снятие осуществлялось пропорционально взятой под заводскую дачу лесной территории.

В связи с чем необходимо признать, что все горные, лесные отводы на территории Оренбургской губернии в период с 1744 по 1776 год производились в соответствии с общегосударственными актами горного права России — Берг-привилегией 1719 года и Берг-регламентом 1739 года. В силу того что вышеуказанные акты горного права стимулировали в горнозаводском деле частную инициативу, прямым следствием и явилось развитие частной предпринимательской деятельности в таких областях экономики России XVIII века, как промышленность, торговля, кредитно-финансовая сфера. Именно этими обстоятельствами и воспользовались наиболее яркие и талантливые представители российского купечества, дворянства, не побоявшиеся и вложившие свои капиталы в горнозаводское дело. Результатом всех совокупных мер российского правительства в лице сената, Берг-коллегии и частного

План Воскресенского медеплавильного завода, укрепленного земляным валом с башнями для артиллерии. ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 46

Plan of the Voskresensky copper smelting plant fortified with an earthen rampart with artillery towers

План Преображенского медеплавильного завода с «крепостью обнесенной забором в столбы» и башнями для артиллерии. ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 38
 Plan of the Preobrazhensky copper smelting plant with a "fortress surrounded with a wood-log fence» and artillery towers

explanations associated initially with serfdom that existed at that time and then with serfdom aftermath do not withstand any criticism, if the issue is studied without any bias. The fact is that no matter how talented the Ural miners were when they developed metallurgy, they could not survive without a corresponding effective industrial policy of the state.

If analysed, the acts of the Russian Mining law for the period from 1719 to 1758 showed a clear general trend, which consisted in the declaration and legislative encouragement of private initiative in the mining business. Moreover, it meant to first of all support the private initiative of those mineral seekers to whom the Berg Regulation of 1739 transferred the pre-emptive over landowners' right to own minerals (the right of the first). The legislative support for a private initiative became possible only after the proclamation in 1719 and confirmation in 1739 of the state ownership of the earth minerals (Mining regalia).

The state granting the preferential right to mineral seekers over the landowners-votchinniks thereby fully took into account the specifics of land ownership and use relations in the Orenburg gubernia of the 18th century. Of decisive importance was the Senate decree of April 16, 1744. Its eighth article that defended the interests of Bashkirs was revolutionary in nature. According to this article, the Bashkir votchinniks were recognized as equal participants in both, mining allotments, and the entire sales of land in the Orenburg gubernia. Thus, the meaning of the eighth article of the Senate decree primarily meant that in addition to cash payments that the miners owed and paid to the Bashkirs for the use of their forest and ore in the amount of 2 % of their profits, the Bashkir yasak was partially lifted. Moreover, the reduction in yasak was proportional to the forest territory taken for a factory.

In this connection, it must be recognized that all the forest allotments in the territory of the Orenburg gubernia between 1744 and 1776 were given out in accordance with the national acts of the Russian Mining law, the Berg-privilege of 1719 and the Berg-regulation of 1739. As the above acts of the Mining law stimulated private initiative in mining, they boosted private entrepreneurial activity in such areas of the XVIII century Russian economy as, industry, trade, credit and finance. It was these circumstances that the most vivid and talented representatives of the Russian merchants and nobility took advantage of. They dared to invest their capital in the mining business. All the combined measures of the Russian government realized through the Senate, the Berg Collegium and private capital resulted in the development of the ferrous and non-ferrous metallurgical industry in the sparsely populated areas of the South Urals.

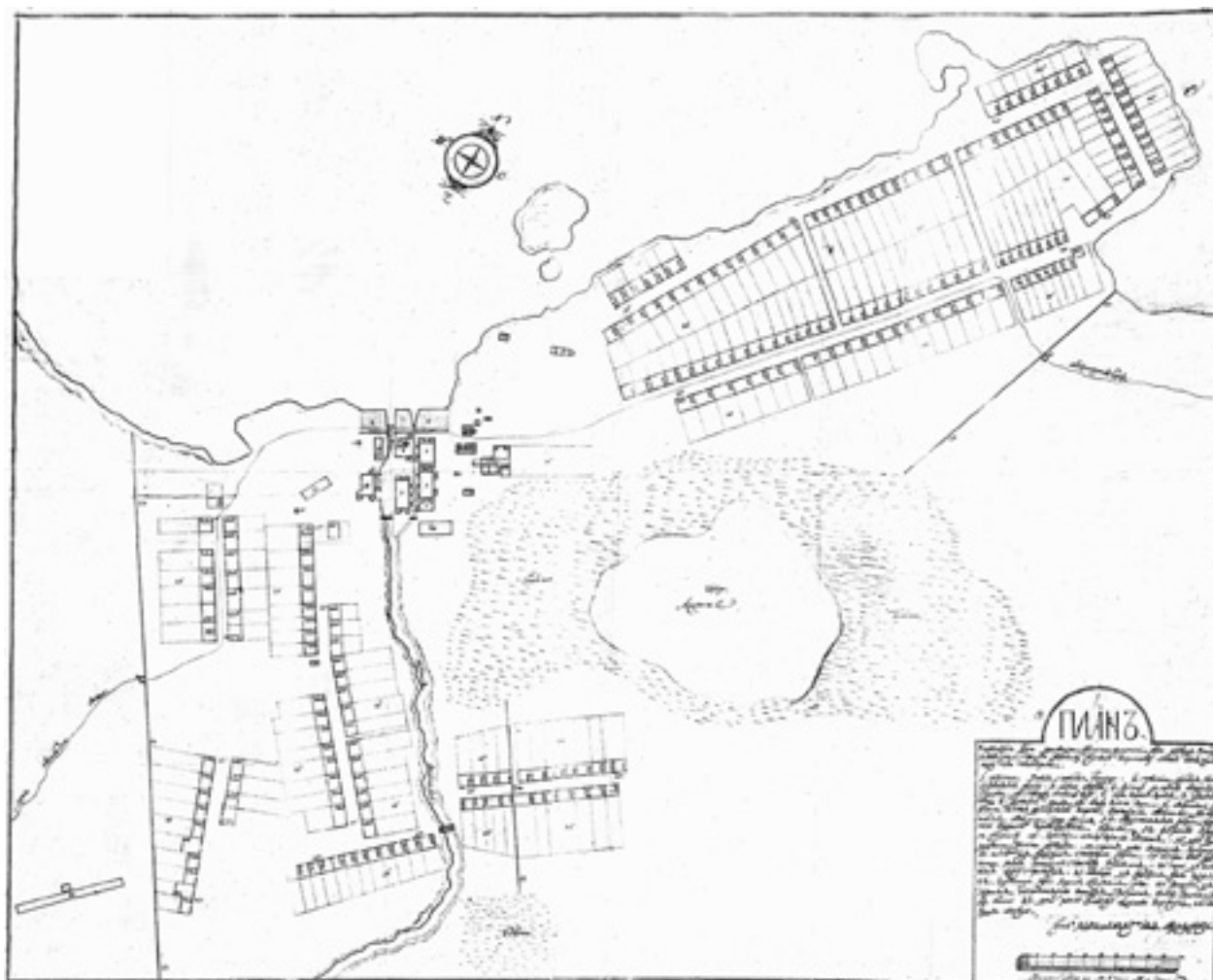
In the second half of the 1740s, the Voskresensky and Preobrazhensky smelters, Kaslinsky and Nyazepetrovsky cast smelters and ironworks were built on the Bashkir volosts'

капитала стал факт создания отрасли черной и цветной металлургии в слабозаселенных районах Южного Урала.

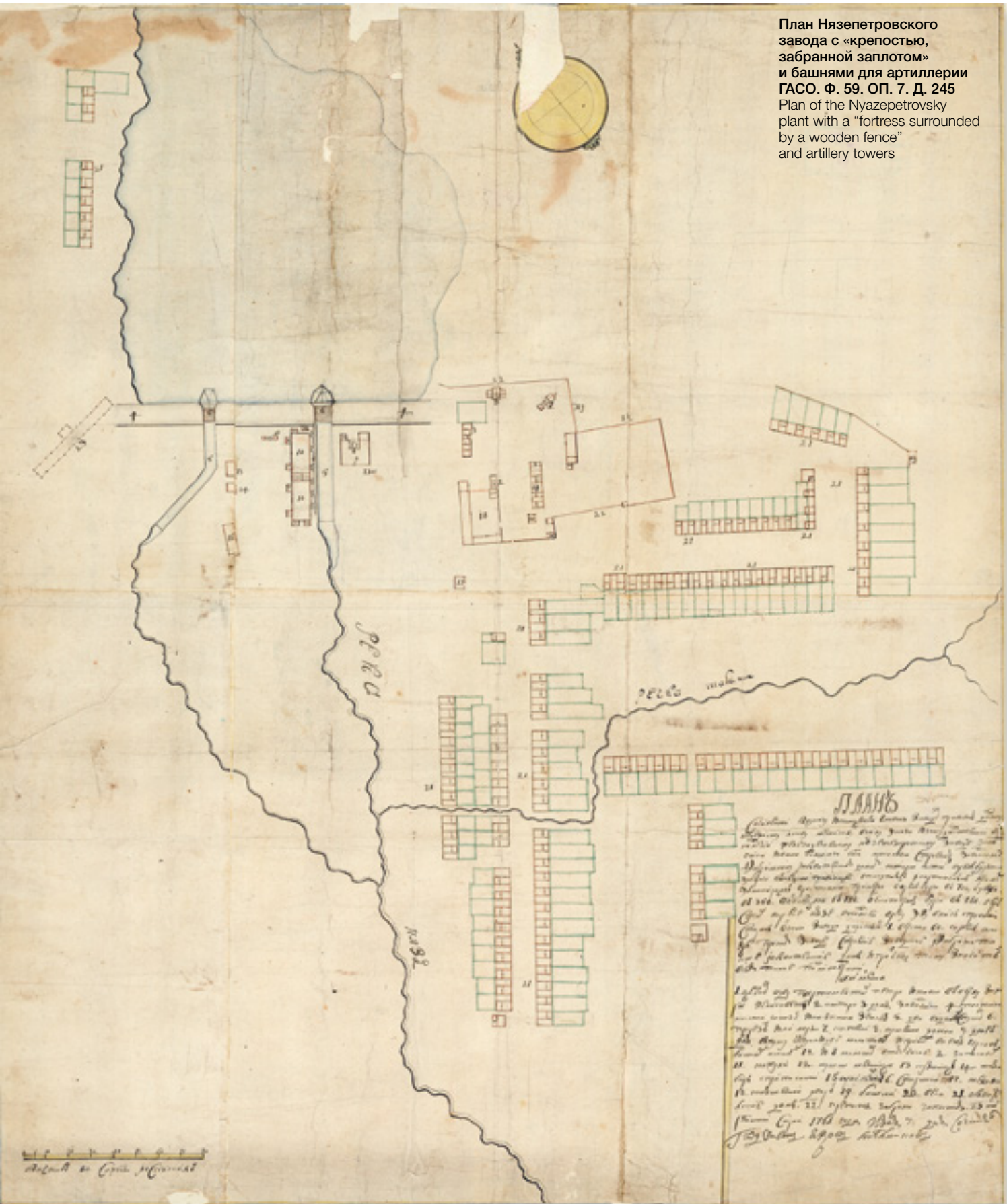
Во второй половине 1740-х годов на волостных землях башкир были построены Воскресенский, Преображенский медеплавильные, Каслинский, Нязепетровский чугуноплавильные и железоделательные заводы. Причем два последних первоначально работали с большими перерывами. Все они имели оборонительные укрепления в виде деревянных стен (Воскресенский завод — земляной вал) с башнями, оснащенными артиллерийскими орудиями. Но это были не единственные оборонительные сооружения, прикрывавшие металлургические заводы от неприятельских набегов. В 1740-е годы на границе башкирских и киргиз-кайсацких (казахских) кочевий была возведена военно-оборонительная линия, ставшая государственной границей Российской империи на Южном Урале. В линейные крепости, построенные по рекам Яик и Уй от Яицкого городка до Звериноголовской крепости, в подавляющем большинстве в качестве военных гарнизонов были вве-

дены армейские части, а для их жизнеобеспечения к крепостям приписаны казаки. Как правило, они занимались заготовкой строительных материалов, ремонтом военно-полевых сооружений, косили сено для драгунских лошадей. В летнее время несли сторожевую службу на линии, развозили почту. Использование казачьих формирований на пограничной линии было задумано с таким расчетом, что со временем собранные в одно иррегулярное войско, они возьмут на себя все тяготы несения пограничной службы, включая и финансовые издержки. Со временем так оно и произошло, но не так последовательно и скоро, как задумывали организаторы военного строительства на Южном Урале во главе с тайным советником И. И. Неплюевым. И еще, пограничная военно-оборонительная линия по Яику прикрывала не только металлургические заводы Южного Урала. Она защищала русских горняков, разрабатывавших богатейшее Каргалинское месторождение меди, от разорительных набегов степных народов. Без легкоплавкой каргалинской руды было бы весьма проблематично

План Каслинского завода с «защитой для охранения от неприятельского нападения, забранной в столбы» и башнями для артиллерии. РГАДА. Ф. 271. ОП. 3. Д. 455
Plan of the Kasli plant "protected by a wood-log fence for defense against enemy attacks" and artillery towers

План Нязепетровского завода с «крепостью, забранной заплотом» и башнями для артиллерии
ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 245
Plan of the Nyazepetrovsky plant with a "fortress surrounded by a wooden fence" and artillery towers

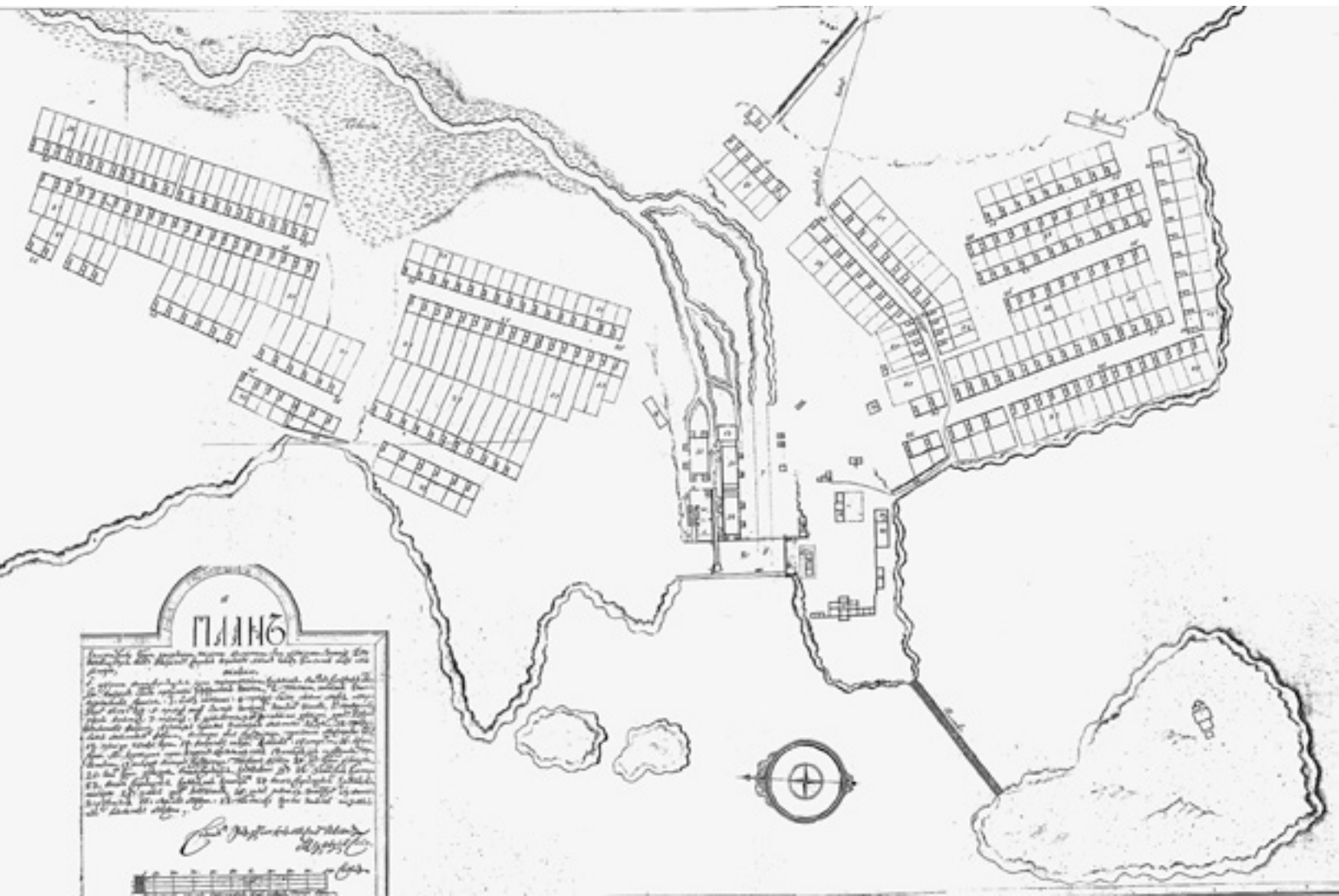

План пристани Каслинского завода в верховьях реки Уфы 1752 года (в дальнейшем перенесена в район Нязепетровского завода и более известна как Сорокинская пристань) ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 325

Plan of the Kaslinsky plant wharf in the upper reaches of the Ufa River in 1752 (later transferred to the area of the Nyazepetrovsky plant and is better known as the Sorokinskaya wharf)

План Верхне-
Кыштымского завода.
РГАДА. Ф. 271. ОП. 3. Д. 485
Plan of the Verkhny-Kyshtym plant

План Троицкого медеплавиль-
ного завода. 1756 год. ГАСО.
Ф. 115. ОП. 1. Д. 27
Plan of the Troitsk copper
smelting plant. 1756

План Катав-Ивановского завода, «около селения крепость, забранная в столбы» ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 93
Plan of the Katav-Ivanovsky plant, "a fortress near the village surrounded with wood-log fence"

lands. The cast smelters and ironworks initially worked with long interruptions. All of the plants had defensive fortifications in the form of wooden walls (Voskresensky Zavod had an earthen rampart) with towers equipped with artillery. These were more defence structures that protected metallurgical plants from enemy raids. In the 1740s, on the border with the Bashkir and Kyrgyz-Kaisak (Kazakh) nomads, a military defence line was built, which became the state border of the Russian Empire in the South Urals. Military garrisons that most often consisted of army units were set in the linear fortresses built along the Yaik and Uy Rivers from the Yaitsky town up to the Zverinogolovskaya fortress. To provide for the army life support cossacks were assigned to these fortresses. As a rule, they were engaged in the procurement of building materials and repair of military field structures; they also mowed hay for the dragoons' horses. In the summer, they carried guard services on the line and delivered mail. The use of cossack units on the border line was conceived in such a way, that over time, the cossacks assembled into an irregular army would take on all

the hardships of carrying out the border service including the financial expenses. Over time, this is exactly what happened but happened not as consistently and soon as was expected by the organizers of the military construction in the South Urals headed by secret adviser I. I. Neplyuyev. The border defence line along the Yaik River protected both, the metallurgical plants of the South Urals, and the Russian miners who developed the richest Kargaly copper deposit from the devastating raids of the steppe peoples. In the 18th century, it would be very problematic to develop the copper smelting industry in the South Urals without the Kargaly fusible ore.

The abolition of the internal customs and tithes contributed to the construction of a large number of the South Urals private metallurgical plants in the 1750s — beginning of the 1760s. In 1751, the Ishteryakovskiy, Nyazepetrovskiy and Kananikolskiy plants were built; in 1752, the Kaslinskiy plant with a pier in the upper Ufa River and the Bogoyavlenskii plat were constructed; in 1753, the Arkhangelsk plant was erected; in 1754, the Troitsk (Upper) and Arkhangelsk (Sharanskiy)

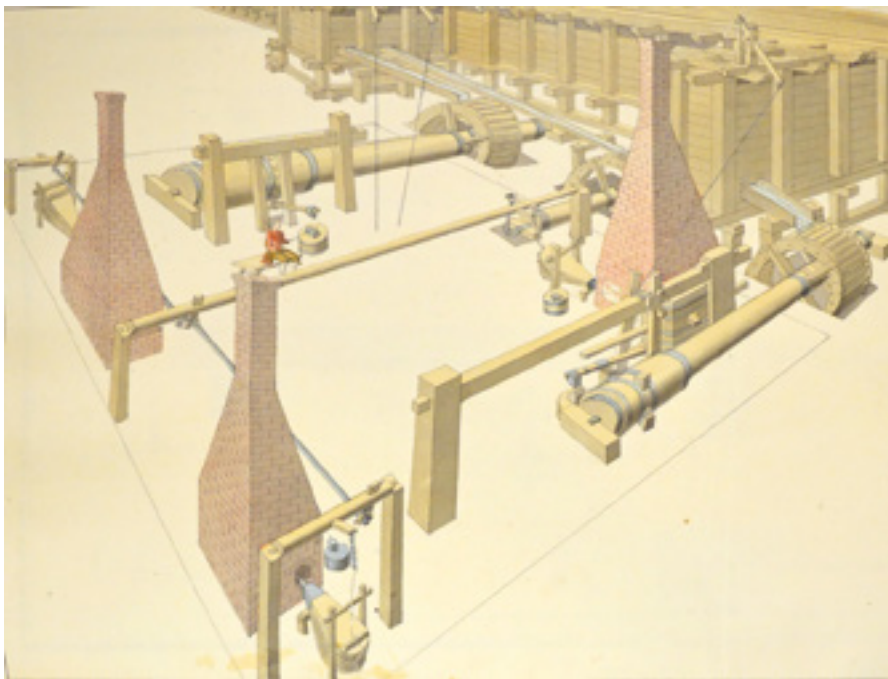
развить в XVIII веке на Южном Урале медеплавильную промышленность.

Отмена внутренних таможенных пошлин и попудных сборов (десятины) способствовали тому, что на Южном Урале в 1750-е — начале 1760-х годов было построено наибольшее количество частных металлургических заводов: в 1751 году — Иштеряковский, Нязепетровский (постоянно), Кананикольский; в 1752 году — Каслинский (постоянно) с пристанью в верховьях реки Уфы, Богоявленский; в 1753 году — Архангельский; в 1754 году — Троицкий (Верхний), Архангельский (Шаранский); в 1755 году — Авзяно-Петровский (Верхний); в 1756 году — Авзяно-Петровский (Нижний), Вознесенский; в 1757 году — Благовещенский, Верхне-Кыштымский, Нижне-Кыштымский, Катав-Ивановский, Покровский; в 1758 году — Саткинский, в 1759 году — Верхоторский, Богословский; в 1761 году — Саранинский, Симский, Уфалейский, Златоустовский, Усень-Ивановский, Троицкий (Нижний), Шермяитский; в 1762 году — Спасский; в 1763 году — Курганский, Юрюзаньский; в 1764 году — Усть-Катавский; в 1767 — Белорецкий. При них также были возведены крепостные стены и башни, как правило, из дерева.

Все машины и механизмы на указанных заводах приводились в действие силой падающей воды, точно так же,

План Саткинского завода. ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 153
Plan of the Satka plant

Устройство кричной фабрики. Де Геннин. Книга Сибирских горных заводов (рукопись). Архив ЛОИИ АН, коллекция 115, Оп. 1. кн. 1161. Ч. 2. Л. 43
Arrangement of a refinery plant. G. W. de Hennin. Book of Siberian Mining Plants (manuscript)

Место строительства Юрюзаньского завода (фрагмент). ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 342
Construction site of the Yuryuzan plant (fragment)

План Златоустовского завода тульского купца и заводо-держателя Лугинина. ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 150
Plan of the Zlatoust plant of the Tula merchant and plant owner Luginin

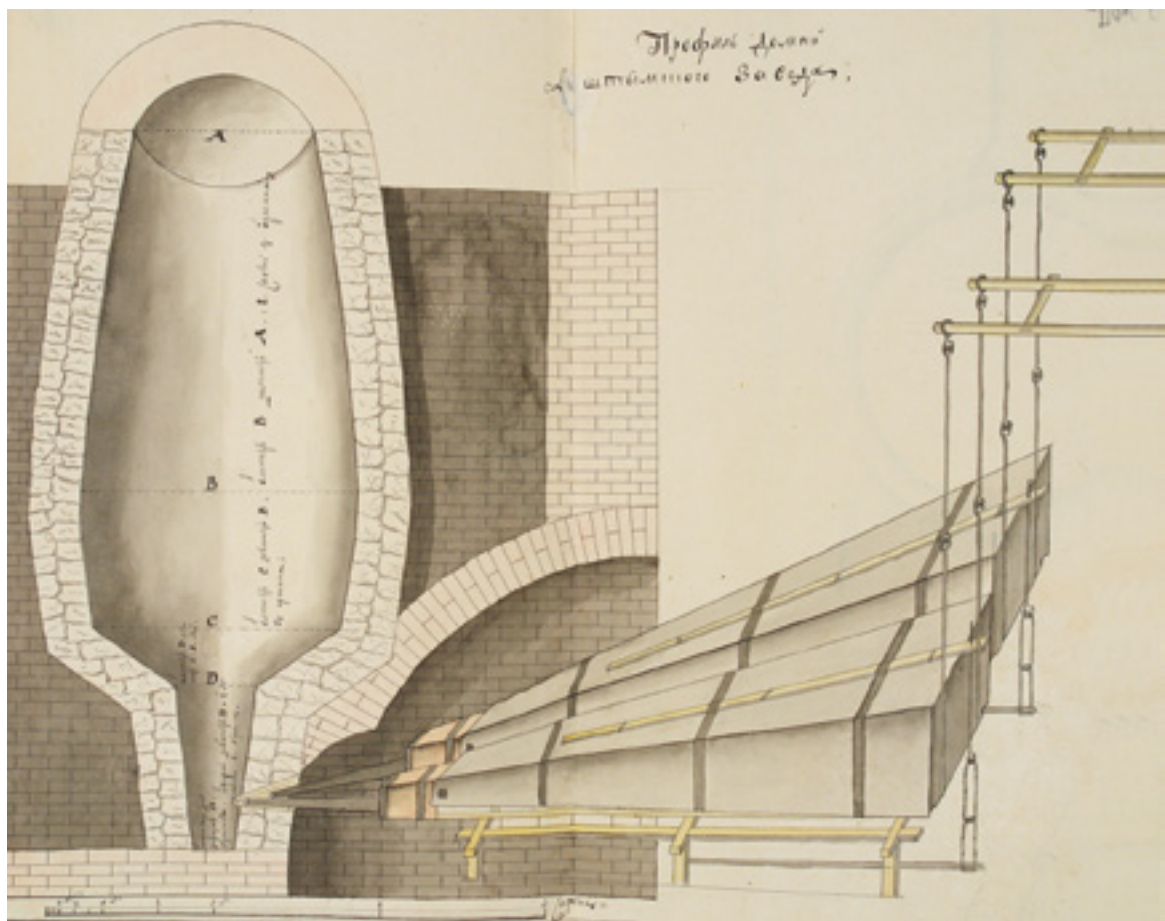
plants appeared; in 1755, the Avzyano-Petrovsky (Upper) plant was built. In addition, built were the Avzyano-Petrovsky (Lower) and Vosnesenskii plants in 1756, the Blagoveschenskii, Verkhne-Kyshtymsky, Nizhne-Kyshtymsky, Katav-Ivanovsky, Pokrovsky plants in 1757, the Satkinsky plant in 1758, the Verkhotorsky and Bogoslovskii plants in 1759, the Saraninsky, Simsky, Ufaleysky, Zlatoustovsky, Usen-Ivanovsky, Troitsky (Lower) and Shermaitsky plants in 1761, the Spassky plant in 1762, the Kurgan and Yuryuzansky plants in 1763, the Ust-Katavsky plant in 1764, and the Beloretsky plant in 1767. They were surrounded by walls and towers, usually made of wood.

All machines and mechanisms at these plants were driven by the force of falling water, in the same way as at similar enterprises in Western and Northern Europe. A good example is the two drawings by William de Hennin. It is well known that de Hennin headed the metallurgical industry in the Yekaterinburg department, which was territorially located in the Middle Urals, and had nothing to do with the construction of metallurgical plants in the South Urals. Nevertheless, the reference to his manuscript and drawings is not only justified, but is also extremely necessary: it demonstrates among other things the fact of the metallurgical production unification in the XVIII century. Blast furnaces were also unified. A good example is the profile of the Kyshtym plant blast furnace.

Thus, in the South Urals of the XVIII century, the efficient industrial policy was only possible thanks to the state ownership of earth minerals and “the right of the first,” that is, mining freedom. In this connection, the question arises: if the principles of mining freedom were so effective, why were they cancelled in Russia in 1782?

Alexei Petrovich Bestuzhev-Ryumin who headed the Russian Foreign Ministry until 1758 firmly followed the course of rapprochement with Austria, rather than with France. This circumstance was fatal not only for the destiny of A. P. Bestuzhev-Ryumin himself, but also for the whole Russia. As a result of many-sided court intrigues, in which the Princess of Anhalt-Zerbst played an important role, the once-

Профиль домны и клинчатые меха Кыштымского завода.
«От горнового дна до фурмы — 12 вершков, от фурмы до литеры D — 2 аршина, 2 вершка, от литеры D до литеры C — 1 аршин, от литеры C до литеры B — 2½ аршина, от литеры B до литеры A — 2 сажени, ½ аршина». РГАДА. Ф. 1267. ОП. 1. Д. 238. Л. 290 об.
Profile of the blast furnace and wedge-shaped bellows of the Kyshtym plant

Работа у кричного горна.
Де Геннин. Книга Сибирских горных заводов (рукопись).
Архив ЛОИИ АН. Коллекция 115. ОП. 1. КН. 1161. Ч. 2. Л. 39
Work at the knobbling furnace.
G. W. de Hennin. Book of Siberian Mining Plants (manuscript)

almighty Chancellor fell out of favour with the Empress Elizabeth Petrovna.

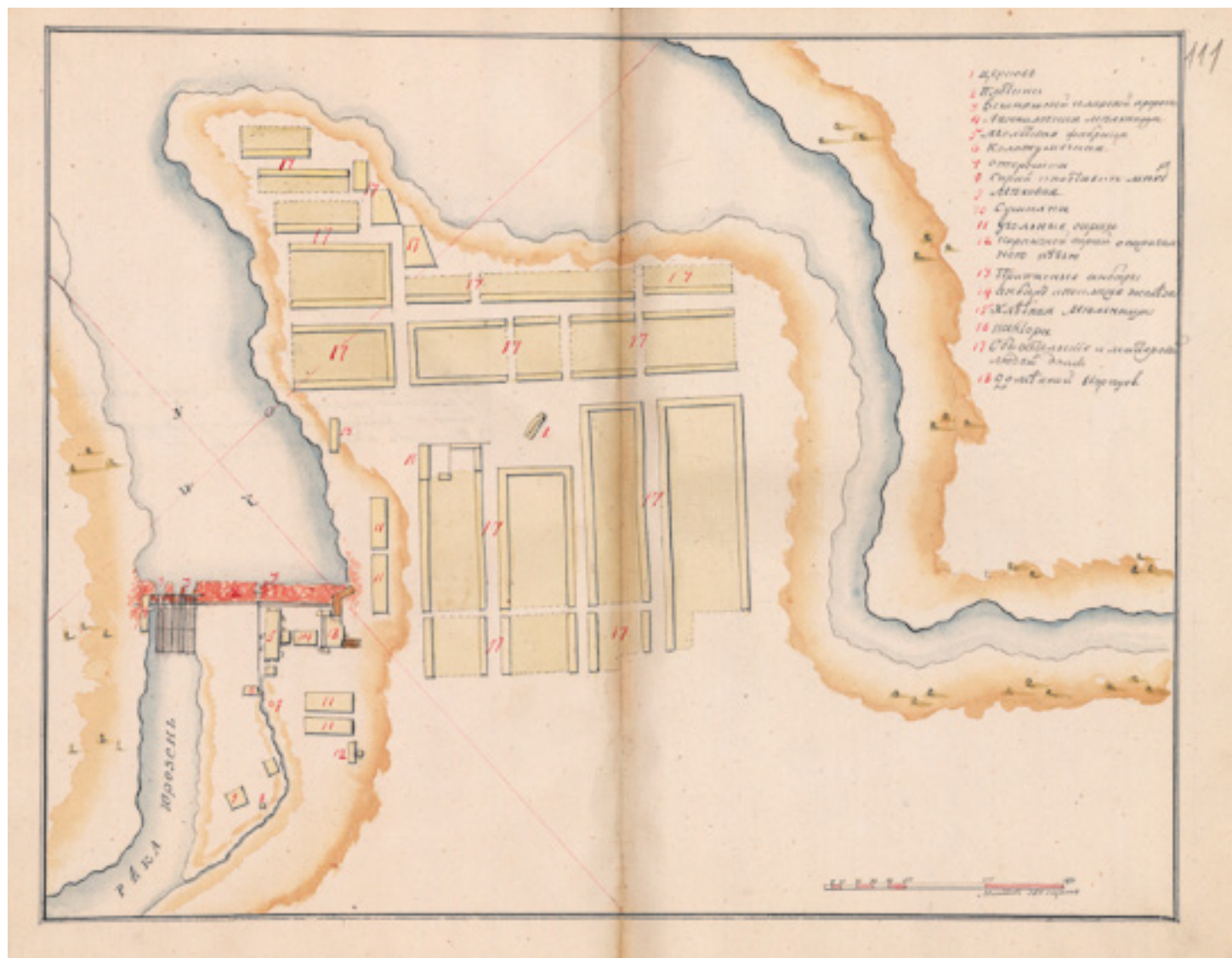
As a result, by the manifesto of February 27, 1758, for the insult of Her Imperial Majesty, the chancellor was deprived of all ranks and virtues and sent into exile. With his departure from the political arena, not only the foreign policy but also the industrial policy of Russia changed. Despite accusations of bribery, Bestuzhev-Ryumin conducted his foreign policy exclusively in the interests of Russia. Since 1754, to reduce the cost of iron that was exported abroad, and hence, to reduce its sale price in the English market, in addition to eliminating the domestic customs, the collection of tithes on smelted iron was cancelled at all metallurgical plants in Russia.

The abovementioned circumstances were contrary to the interests of those Russian senators who took bribes from foreign diplomats disregarding the national interests of Russia. As a result of more than two year struggle in the Russian Senate, the group of senators led by Prince N. Yu. Trubetsky won with a minimal margin. In the fall of 1760, in the Senate, Trubetsky suggested lifting the ban on the collection of tithes from Russian metallurgical plants. By the decision of the Senate of October 12, 1760, actual state adviser Schlatter it was entrusted to develop appropriate proposals.

From what Schlatter proposed, it followed that the initiators of lifting the tithes ban planned to reintroduce it at least in the previous amounts and to oblige those manufacturers who did not export copper and iron abroad to pay tithes starting from 1754. Of particular interest is the desire of these

План Юрюзань-Ивановского
железного завода. ГАСО.
Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 111

Plan of the Yuryuzan-
Ivanov Iron Plant

как и на аналогичных предприятиях Западной и Северной Европы. Наглядным примером могут служить два рисунка Вильгельма Геннина. Общеизвестно, что Геннин руководил металлургическим производством в Екатеринбургском ведомстве, территориально расположенном на Среднем Урале, и к строительству металлургических заводов на Южном Урале не имел никакого отношения. Тем не менее ссылка на его рукопись и рисунки не только оправдана, но и крайне необходима: они демонстрируют, помимо прочего, факт унификации металлургического производства в XVIII веке. Унифицированы были и доменные печи. Здесь наглядным примером может служить профиль домы Кыштымского завода.

Таким образом, эффективная промышленная политика в условиях Южного Урала XVIII века стала возможной только благодаря государственной собственности на недра земли и «праву первого», то есть горной свободе. В связи с чем возникает вопрос: если принципы горной свободы были столь эффективны, то почему их отменили в России в 1782 году?

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, руководивший до 1758 года внешнеполитическим ведомством России, твердо придерживался курса сближения не с Францией, а с Австрией. Данное обстоятельство и сыграло роковую роль не только в судьбе самого А. П. Бестужева-Рюмина, но и России целом. В результате многоходовых придворных интриг, где не последнюю роль сыграла принцесса Ангальт-Цербстская, некогда всемогущий канцлер впал в немилость к императрице Елизавете Петровне. В результате манифестом от 27 февраля 1758 года за оскорбление Ее императорского величества канцлер был лишен всех чинов и достоинств и отправлен в ссылку. С его уходом с политической арены претерпела изменение не только внешнеполитическая линия, но и промышленная политика России. Дело в том, что, невзирая на обвинения во взяточничестве, Бестужев-Рюмин проводил свой внешнеполитический курс исключительно в интересах России. Для снижения себестоимости вывозимого за границу железа, а значит и продажной цены на английском рынке, с 1754 года помимо ликвидации внутренних таможен был отменен сбор попутных пошлин с выплавляемого чугуна на всех металлургических заводах России.

Вышеуказанные обстоятельства шли вразрез с интересами тех российских сенаторов, которые брали взятки от иностранных дипломатов, не считаясь с национальными интересами России. В результате более чем двухлетней борьбы в российском сенате с минимальным перевесом победила группа сенаторов, возглавляемая князем Н. Ю. Трубецким. Осенью 1760 года Трубецкой выступил в сенате с предложением об отмене запрета на сбор

попутных пошлин с металлургических заводов России. Определением сената от 12 октября 1760 года было решено поручить действительному статскому советнику Шлаттеру выработать соответствующие предложения.

Из того, что предлагал Шлаттер, следует, что инициаторы отмены запрета на выплату десятины планировали вернуть ее как минимум в прежних размерах, обязав при этом выплачивать с 1754 года десятину тех заводчиков, которые не вывозили медь и железо за границу. Особый интерес вызывает стремление организаторов этой кампании взять под контроль не только цены на все виды железа, но и его производительность. «Ограничить количество делаемого железа так, чтоб излишество и неумеренность оно не могли делать подрыва в ценах при продаже за море,— говорится в шестом пункте мнений,— а сколько в каждый год наделявать о том для наблюдения... препорции Берг Коллегии сношение иметь с Коммерц Коллегией». К чему это могло привести при возвращении к практике взимания десятины и увеличении ее размера, а также при введении нового подоменного налога, который, как и десятина, были удвоены на период войны с Турцией? Вполне ожидаемо, что при увеличении только налогового бремени неизбежно должен был произойти рост цен на все виды железа и меди как на внутреннем, так и на внешнем рынках. А если еще сократить производство железа, как это предлагал Шлаттер?

Факт повышения налогов и сборов подтверждается правительственными указами и архивными документами из фондов заводов Южного Урала XVIII века. За период с 1762 по 1794 год налогообложение металлургических заводов повысилось — первоначально в два, а затем в четыре раза. Как и следовало ожидать, за налогами поднялись и цены на железо.

Мнение Шлаттера стало не только отправной точкой в изменении налоговой и промышленной политики России. Как показывают дальнейшие события, его десять пунктов стали своеобразным программным документом, которым руководствовался ряд высших сановных лиц государства и членов сената. Начиная с правления Петра III промышленная политика России уже не отвечала ее общенациональным интересам. В соответствии с измененным политическим курсом смотрится по-другому и тот факт, что одновременно с отменой запрета на выплату десятины была запрещена покупка крепостных крестьян на заводы как лицам недворянского происхождения, так и самим дворянам.

Общеизвестно, что в XVIII веке наибольший прирост металлургического производства достигался экстенсивными методами. Чем больше вводилось в строй металлургических предприятий, тем большее количество железа

campaign organizers to take control not only over the prices for all types of iron, but also over iron manufacturing productivity. "Limit the amount of iron production so that its excess could not undermine its prices when sold overseas," says the sixth point of the opinion exchange, "and on how much to produce each year... the Berg Collegium should consult the Commerce Collegium ". What could returning to the practice of tithing and increasing its size together with the introduction of a new podomenny (blast-furnace) tax, which, like tithing, had been doubled during the war with Turkey, lead to? Obviously, with an increase in the tax burden alone, an increase in prices for all types of iron and copper would have inevitably occurred both, in the domestic and foreign markets. And what could happen, if to still reduce the production of iron as Schlatter suggested?

The fact of increasing taxes and fees is confirmed by the government decrees and archival documents from the archives of the XVIII century South Urals factories. During the period from 1762 to 1794, the taxation of metallurgical plants increased first two, and then four times. As one would expect, the iron prices also went up following the taxes.

The Schlatter's opinion was more than just a starting point in changing the Russian tax and industrial policy. As the subsequent events showed, the ten points of his opinion became a kind of a program document, which guided a number of the state senior dignitaries and Senate members. Starting with the reign of Peter III, The Russia's industrial policy no longer met its national interests. The change in the political course puts a different light on the fact that simultaneously with lifting the ban on tithing, the purchase of serfs to work at factories was forbidden to both non-noble and noble people.

It is well known that in the XVIII century, the largest increase in metallurgical production was achieved by extensive methods. The more metallurgical enterprises were built, the greater the amount of iron and copper produced by this industry. In the 1750-60s' Russia, the largest increase in metallurgical production was observed in the Orenburg province, which at that time occupied the entire territory of the South Urals. Over the period from 1744 to 1762, in the South Urals, more than thirty private metallurgical plants were built, and the tendency to increase their number continued.

In the early 1760s, the ban on the purchase of serfs and on the use of state peasants as plant workers had the most adverse effect on the development of metallurgical production in the Orenburg province (and in the South Urals). The prescriptions of March 29 and August 8, 1762 decrees to use free labour force proved to be ineffective due to the remoteness of the region from the inhabited areas of the Urals and Western Siberia. According to the offices of the South Urals plants, it was simply impossible to get the right number of civilian workers with passports for metallurgical production. The "no-people"

situation restrained metallurgy development in the South Urals. With the issuance of the decrees prohibiting the use of state peasants and purchase of serfs, the growth rate of metallurgical construction and, accordingly, production growth fell sharply. In this regard, in line with the new course aimed at restraining the Russian metallurgical production, the Decree of July 17, 1762 "On the prohibition to the nobleman N. N. Demidov to build factories on Azyash and Keolim" looks completely different,

Moreover, the Decree of March 29, 1762, in addition to prohibiting measures, had a negative impact on the socio-political situation in the region. After its release, ascribed (state) peasants in droves left the plants and dispersed to their homes. It was due to these events that the government made a decision to ban the new ascription of state peasants to private metallurgical plants.

By the decree of May 27, 1769, "On the newly set state-paid (plakatny) prices," the labour cost rates were raised for those plant-registered (pripisnyh) state peasants, whom the government had left to work at plants for capitation fee. These circumstances could not but result in both, an increase in the cost of production of the South Urals plants, and an increase in the iron prices in Russia. If analysed, the decrees of the 1760s that regulated the customs policy confirm the anti-national pro-Swedish character of the political course of the Catherine II government.

As a brief summary, it should be noted that during the 1760s, the government of Catherine II restored and then increased the taxes on all metallurgical plants in Russia. This led to an increase in prices for Russian iron in both, the domestic and foreign markets. In addition, due to the slow increase in the supply of the high-quality Ural iron to the English market, the Swedish iron supplied there in large volumes and at lower prices more and more replaced the Russian iron. Nevertheless, these restraining measures were not enough for Sweden to finally oust Russia from the English metal market. It was then that the government of Catherine II made an attempt to directly forbid the construction of plants in the South Urals.

The campaign to ban the construction of plants was initiated by the project by the Orenburg governor I. A. Reinsdorp in January 11, 1770. In his opinion, if the construction of plants was further developed, complete deforestation may occur. He believed that a small and well-known profit from excessive multiplication of plants would do considerable harm to the nature and state. The main alleged claim of the governor was that the number of plants in the Orenburg gubernia as for 1770 (up to forty) was sufficient and that was enough. The Reinsdorp's proposal to terminate plant construction was considered at the Berg Collegium. However, no final decision was made then. A ban on the construction of plants in the Orenburg gubernia was introduced after the suppression of the Pugachev

и меди давала эта отрасль. В России же 1750–60-х годов наибольший прирост металлургического производства наблюдался в Оренбургской губернии, занимавшей тогда всю территорию Южного Урала. За период с 1744 по 1762 год на Южном Урале было построено более тридцати частных металлургических заводов, и сохранялась тенденция к их увеличению.

Запрет на покупку крепостных и приписку государственных крестьян в начале 1760-х годов сказался самым неблагоприятным образом на развитии металлургического производства в Оренбургской губернии (и на Южном Урале). Ставка на свободную рабочую силу, как это предписывали указы от 29 марта и 8 августа 1762 года, в условиях удаленности региона от обжитых районов Приуралья и Западной Сибири оказалась неэффективной. По свидетельству заводских контор южноуральских заводов, было просто невозможно найти нужное количество вольнонаемных рабочих с паспортами, необходимых для металлургического производства. «Малолюдие» являлось фактором, сдерживающим развитие металлургии на Южном Урале. С выходом указов, запрещающих приписку государственных и покупку крепостных крестьян, темпы роста металлургического строительства и соответственно производства резко упали. В этой связи совершенно по-другому, в русле нового курса, направленного на сдерживание металлургического производства в России, смотрится и Указ от 17 июля 1762 года «О запрещении дворянину Н. Н. Демидову строить заводы на Азяше и Кеолиме».

К тому же Указ от 29 марта 1762 года, помимо запрещающих мер, оказал негативное влияние на социально-политическую обстановку в регионе. После его выхода приписные крестьяне в массовом порядке оставляли заводские работы и расходились по своим домам. В результате этих событий и было принято решение правительства о запрещении новой приписки государственных крестьян к частным металлургическим заводам.

Указом от 27 мая 1769 года «О вновь положенных платных ценах» были подняты расценки труда тех приписных крестьян, которых правительство оставило работать при заводах за подушный оклад. Эти обстоятельства также не могли не сказаться на повышении себестоимости продукции заводов Южного Урала и повышении цен на железо в России. Если проанализировать указы 1760-х годов, которые регулировали таможенную политику, то и они подтверждают антинациональный прошведский характер политического курса правительства Екатерины II.

Итак, в качестве краткого итога следует отметить, что в течение 1760-х годов правительство Екатерины II восставило, а потом и повысило сбор налогов со всех металлургических заводов России. Данное обстоятельство привело

к росту цен на российское железо как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Также из-за медленного увеличения объемов поставляемого качественного уральского железа на английский рынок шведское железо, поставляемое туда в больших объемах и по более низким ценам, все больше его замещало. Тем не менее этих сдерживающих мер оказалось недостаточно для того, чтобы Швеция окончательно вытеснила Россию с английского рынка металлов. Тогда-то правительство Екатерины II и предприняло попытку прямого запрещения строительства заводов на Южном Урале.

Начало кампании по запрещению строительства заводов было положено проектом Оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа от 11 января 1770 года. По его мнению, если и дальше развивать строительство заводов, может наступить полное истребление лесов. Он полагал, что небольшая и известная прибыль от излишнего умножения заводов сделает немалый вред и принесет ущерб государству. Главной мыслью губернатора было утверждение, что якобы количество заводов, имевшихся в Оренбургской губернии на 1770 год (до сорока), является достаточным и на этом надо остановиться. Предложение Рейнсдорпа о прекращении заводского строительства было рассмотрено в Берг-коллегии. Однако окончательного решения тогда не было принято. Запрет на строительство заводов в Оренбургской губернии был введен после подавления Пугачевского восстания. Указом сената от 13 июля 1776 года было окончательно запрещено строительство металлургических заводов на территории Оренбургской губернии (Южного Урала). Для понимания Указа от 13 июля 1776 года необходимо знать всю его предысторию, включая не только содержание проекта Рейнсдорпа, но и ход Пугачевского восстания.

Пугачев и его сторонники были крайне заинтересованы в военно-политическом союзе с башкирами. Именно поэтому значительный процент воззваний, призывов и манифестов был написан на арабском языке. Также следует особо подчеркнуть, что с начала восстания и до весны 1774 года все горнозаводское население Южного Урала, проживавшее при заводах, точно так же как и башкирское население, признав власть Пугачева — Петра III, объявило себя его подданными. Именно в этот период заводское население Оренбургской губернии просило и получало от имени вновь явленного «императора» так называемые охранные грамоты. Как правило, их выдавал сам Пугачев или его наместники. В этих охранных грамотах башкирским военным людям запрещалось нападать на заводских жителей, разорять и жечь заводы. Именно по причине военно-политического союза заводских жителей и башкир воевода Исетской провинции Веревкин и хотел для выполнения

uprising. By the Senate decree of July 13, 1776, the construction of metallurgical plants on the territory of the Orenburg gubernia (the South Urals) was finally forbidden. To understand the Decree of July 13, 1776, it is necessary to know all its background including not only the contents of the Rainsdorp's project, but also the course of the Pugachev uprising.

Pugachev and his supporters were extremely interested in a military-political alliance with the Bashkirs. That is why, a significant percentage of appeals and manifestos were written in Arabic. It should also be emphasized that from the beginning of the uprising until the spring of 1774, the entire mining population of the South Urals, who lived at the plants, as well as the Bashkir population recognized Pugachev as Tsar Peter III and declared themselves his subjects. It was during this period that the plant population of the Orenburg gubernia requested and received the so-called security letters on behalf of the newly emerged "emperor". As a rule, they were issued by Pugachev himself or his deputies. In these security letters, the Bashkir military people were forbidden to attack the plant residents, as well as ruin and burn the plants. It was precisely because of the military-political union of the plant residents and Bashkirs that the governor of the Iset province Verevkin wanted to call up the Kyrgyz-Kaisakov (Kazakhs) military detachments to carry out the punitive mission.

The initiative to destroy the rebel plants, whose residents voluntarily sided with Pugachev, was supported by the government of Catherine II but with some reservations. Instead of opening the border and conscripting the Kazakh military units, it was decided to use the Bashkir army as police units. Through the elders, mullahs and akhuns who were loyal to the government of Catherine II, the Bashkir military leader were made to face the choice: they should either voluntarily switch to the side of Catherine II, follow all her orders and receive forgiveness for participating in the uprising or, if they refused to do it, all Bashkirs would be killed or deported to the internal regions of Russia.

As a result of threats and promises, the Bashkir army was turned against the Russian mining population of the gubernia. The Bashkir military detachments were exclusively assigned a punitive mission. They were supposed to burn those plants whose population "voluntarily and without dispute" went over to the side of Pugachev. As most residents of the South Ural plants met Pugachev with bread and salt, the Bashkirs burned almost all the plants in the South Urals. The fact that the Bashkirs destroyed the South Urals plants is confirmed by a number of archive documents related to the activities of the I. E. Glebovsky and N. V. Perfiriyev commission.

As it turned out, it was not so difficult to establish the involvement of the Bashkir military units in the destruction of the South Urals plants. It was enough to study the archival

documents of the corresponding period. In this connection, the main question arises: On whose order did the Bashkir army burn private metallurgical plants in the Orenburg gubernia in the spring and summer of 1774?

The answer to this question gets obvious with the response of the government of Catherine II to the dilemma proposed to the Bashkirs. The content of this dilemma was that in case of betraying Pugachev and his supporters and a quick switch of the Bashkir soldiers to the side of Catherine, all the Bashkirs, including military leaders, received forgiveness and "substantial reward". Exactly in this order: first betrayal, then reward. Otherwise, all the Bashkirs faced death or deportation.

So, what did the government of Catherine II do after Pugachev and his loyal supporters had been executed and private metallurgical plants of the Orenburg province had been burned? The Bashkir army leaders, Salavat Yulaev and others were not executed. It is not by chance, that in the Secret Expedition summary sheet of those captured, a record was made that not one of the Bashkir leaders was subjected to physical punishment. Soviet historians were silent about the fact that Salavat Yulaev died on September 26, 1800 in the Baltic port, while the cossacks from the Pugachev inner circle and Pugachev himself were executed with particular cruelty. Of all the cossacks participating in the uprising, only nine people were released. Their names are listed in the Decree of January 10, 1775. At the same time, this decree does not even mention the participation of the Bashkir army on the side of Pugachev.

It should be emphasized that none of the Bashkir military people who took part in the Pugachev uprising and in the destruction of the South Urals plants suffered any punishment. Moreover, two years after the Pugachev execution, by Decree of November 22, 1776, all those Bashkir soldiers who distinguished themselves in punitive actions were given government awards.

In one of the petitions of the Bashkir deputies, filed in 1793 to the Empress, royal favours granted to the Bashkirs after 1774 are listed. In this list of thanks, there is no mention that from 1776 in the territory of the Orenburg gubernia (the South Urals), the alienation of the Bashkir votchinas in favour of the plants was stopped. According to the Berg-privilege and Berg-regulation the construction of new plants in the Orenburg gubernia legally entailed allotment of new Bashkir territories with forests and ore deposits for the plants. If to ban new forest allotments for the sake of preserving the forests that belonged to the Bashkirs on the votchina law, the issue of building new factories fell away by itself. The Senate decree of July 13, 1776 fulfilled just this.

The analysis of the Decree of July 13, 1776 shows that it does not directly prohibit constructing plants in the Orenburg

карательной миссии призвать военные отряды киргиз-кайсаков (казахов).

Инициатива уничтожения мятежных заводов, жители которых добровольно перешли на сторону Пугачева, была поддержана правительством Екатерины II, но с некоторыми оговорками. Вместо открытия границы и призыва казахских военных отрядов было решено использовать в качестве полицейских частей башкирское войско. Через преданных правительству Екатерины II старшин, мулл, ахунов военные предводители башкир были поставлены перед выбором: они или добровольно переходят на сторону Екатерины II, выполняют все ее приказы и получают прощение за участие в восстании, или, в случае отказа, всем башкирам грозит гибель либо депортация во внутренние районы России.

В результате угроз и обещаний башкирское войско было повернуто против русского горнозаводского населения губернии. При этом на башкирские военные отряды была возложена исключительно карательная миссия. Они должны были сжечь те заводы, население которых «добровольно и бес спору» перешло на сторону Пугачева. В силу того что большинство жителей южноуральских заводов встречало Пугачева хлебом-солью, башкиры и сожгли почти все заводы Южного Урала. Документальным подтверждением факта уничтожения башкирами южноуральских заводов является ряд архивных дел, связанных с деятельностью комиссии И. Е. Глебовского и Н. В. Перфирьева.

Как выясняется, не так трудно установить причастность башкирских военных отрядов к уничтожению заводов Южного Урала. Для этого достаточно поднять архивные дела соответствующего периода. В связи с чем возникает главный вопрос: чей именно приказ выполняло башкирское войско, когда весной — летом 1774 года сжигало частные металлургические заводы Оренбургской губернии?

Ответ на поставленный вопрос очевиден по ответной реакции правительства Екатерины II на предложенную башкирам дилемму. Содержание этой дилеммы сводилось к тому, что в случае предательства Пугачева и его сторонников и быстрого перехода башкирских воинов на сторону Екатерины II все башкиры, включая военных предводителей, получали прощение и «довольное вознаграждение». Именно в такой последовательности: предательство — вознаграждение. В случае отказа всем башкирам предрекалась гибель либо депортация.

Итак, что предприняло правительство Екатерины II после того, как Пугачев и его верные сторонники были казнены, а частные металлургические заводы Оренбургской губернии сожжены? Предводителям башкирского войска Салавату Юлаеву и другим была сохранена жизнь. Неслучайно в сводной ведомости колодников, содержа-

щихся в Тайной экспедиции, была сделана запись о том, что ни один из башкирских предводителей не был подвергнут физическим наказаниям. Советскими историками замалчивался и тот факт, что Салават Юлаев умер своей смертью 26 сентября 1800 года в Балтийском порту. Тогда как казаки из ближайшего окружения Пугачева и сам Пугачев были казнены с особой жестокостью. Из всех казаков, участвовавших в восстании, были освобождены от наказания только девять человек. Их имена названы в Указе от 10 января 1775 года. В то же время в этом указе нет даже упоминания об участии на стороне Пугачева башкирского войска.

В данном случае следует особо подчеркнуть, что никто из башкирских воинских людей, принимавших участие в Пугачевском восстании и в уничтожении заводов Южного Урала, не понес никакого наказания. Более того, через два года после казни Пугачева Указом от 22 ноября 1776 года все отличившиеся в карательных действиях башкирские воины были представлены к правительственным наградам.

В одном из прошений башкирских депутатов, поданном в 1793 году императрице, перечисляются дарованные башкирам после 1774 года царские милости. В этом перечислении благодарностей нет только упоминания о том, что с 1776 года на территории Оренбургской губернии (Южного Урала) было прекращено отчуждение башкирских вотчинных земель под заводы. Строительство новых заводов в Оренбургской губернии влекло за собой на законных основаниях, прописанных в Берг-привилегии и Берг-регламенте, отвод новой башкирской территории с лесами и рудными месторождениями. Если же запретить новые лесные отводы ради сохранения лесов, принадлежавших башкирам на вотчинном праве, вопрос строительства заводов отпадал сам собой. Указ сената от 13 июля 1776 года это и выполнил.

Анализ Указа от 13 июля 1776 года свидетельствует, что в его содержании нет прямого запрета строительства заводов в Оренбургской губернии. Тем не менее это не означает, что указ не является запрещающим. Он лишь отсылает к проекту оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа от 11 января 1770 года, который и предлагал ради сохранения лесов прекратить дальнейшее металлургическое строительство в Оренбургской губернии. Другими словами, понимание Указа от 13 июля 1776 года достигается в том случае, если точно знать смысл предложения Рейнсдорпа. Заключительная же формулировка указа («...поныне построенные в Оренбургской губернии горные заводы и оставить в их действии...») означает, что построенные, затем сожженные и снова восстановленные металлургические заводы Оренбургской губернии могут оставаться

gubernia. However, this does not mean that this decree is nothing but prohibitive. It refers to the Orenburg governor I. A. Reinsdorp's draft of January 11, 1770, which proposed to stop further metallurgical plant construction in the Orenburg gubernia in order to save forests. In other words, the Decree of July 13, 1776 could only be understood properly through getting the exact meaning of the Reinsdorp's proposal. The final wording of the decree ("... only those Orenburg gubernia mining plants should be permitted to operate, which had been built earlier..") means that the metallurgical plants built, then burned and rebuilt again in the Orenburg province can remain in operation; but there should be no new plants. After that, neither the central, nor the local authorities of the tsarist Russia made any attempts to revise this document.

Thus, the Senate Decree of July 13, 1776 had disavowed the fundamental acts of the Mining law (the Berg-privilege and Berg-regulation) in one individual territory, the Orenburg gubernia, even before the abolition of state ownership on the minerals, which occurred in Russia in 1782. Fifteen years after the proclamation of the Schlatter's ten points, their main goal to stop the growth of metallurgical plant construction, and hence, the growth of metallurgical production in Russia was achieved.

As for the Bashkir army, it should be emphasized that with the introduction of the canton system in the South Urals in 1796–1798, it was subordinated to the War Department and was equated in rights with the cossack troops. This predetermined the Bashkir army participation in the Patriotic War of 1812 and the foreign campaign of the Russian army. With the transfer of the Bashkirs to the Civilian department and the abolition of the canton system in 1865, the Bashkir army was also abolished.

The Decree of July 13, 1776 could not exist for a long time on its own as it was in clear contradiction with the fundamental acts of the Mining law of Russia, the Berg Privilege and Berg Regulation. Ideally, it should have been either abolished or confirmed by other, more effective legislative acts, which actually happened during the gubernia reform of 1775–1785.

One of the final prohibitive decrees after the decree series of 1760–1776 (which still was not the last) was the Catherine II manifesto of June 28, 1782 "On the extension of the ownership of land owners to all the minerals that it contains". Regarding the prohibition decrees, it must be clarified that all the prohibitions concerned primarily the fundamental acts of the mining freedom, the Berg Privilege and the Berg Regulation. The preamble said that the manifesto on the right of full ownership was adopted solely for the benefit of "our subjects in their mining operations." It was also emphasized that the government could not earlier grant its subjects the right

Всадник-башкир.
1814 год.
Художник
А. О. Орловский
Bashkir
Horseman.
1814. Artist
A. O. Orlovsky

to complete freedom "due to the way, the gubernias and regions abundant in minerals had been governed."

The first paragraph of the manifesto proclaimed for each land owner the right of ownership on everything on the surface or underneath their lands. The third paragraph prescribed all mining operations in private lands to be carried out only with the consent of the land owner. Paragraphs 13 and 14 of the manifesto confirmed the validity of the Decree of July 13, 1776. Paragraph 14 forbade demanding the allotment of state forests. According to the lawmakers, everyone should have used their own or contractually designated forests. In other words, the manifesto vetoed the Bashkir lands. Paragraph 16 prescribed: "...the State Chambers and other such places and authorities shall not get under the management of factories and crafts of private individuals." The final paragraph of the 17th manifesto declared that "the entire regulations that contradict the above-mentioned articles are cancelled."

Thus, the Decree of July 13, 1776 was confirmed by the manifesto of June 28, 1782 on the full ownership right on the land and its minerals, since it did not contradict the above articles, while the Berg Collegium with its mining authorities was abolished as a specialized and professional governing body of the mining industry due to the fact that it contradicted the aforementioned articles. With the release of this manifesto, the state chambers of the Ufa and Perm vicegerencies became full-fledged managers of the state-owned factories with ostentatious non-interference in the affairs of any private enterprises.

в действии, но других, новых заводов быть не должно. После этого ни центральная, ни местная власть царской России никогда больше не делали попыток к пересмотру этого документа.

Таким образом, сенатский Указ от 13 июля 1776 года дезавуировал основополагающие акты горного права (Берг-привилегию, Берг-регламент) на отдельно взятой территории — в Оренбургской губернии — еще до отмены государственной собственности на недра земли, которая произошла в России в 1782 году. Тем самым через пятнадцать лет после провозглашения десяти пунктов Шлаттера была достигнута их главная цель — прекращение роста металлургического строительства, а значит, и роста металлургического производства в России.

В отношении башкирского войска следует особо подчеркнуть, что с вводом на Южном Урале в 1796–1798 годах кантонной системы оно было подчинено Военному ведомству и приравнено в правах к казачьим войскам. Данное обстоятельство предопределило его участие в Отечественной войне 1812 года и заграничном походе русской армии. С переводом башкир в гражданское ведомство и отменой кантонной системы в 1865 году было упразднено и башкирское войско.

Указ от 13 июля 1776 года, в силу того что он входил в явное противоречие с основополагающими актами горного права России — Берг-привилегией и Берг-регламентом, — сам по себе существовать долго не мог. В идеале его должны были или отменить, или подтвердить другими, более действенными законодательными актами, что собственно и произошло в ходе губернской реформы 1775–1785 годов.

Завершающим череду запрещающих указов 1760–1776 годов, но не последним стал манифест Екатерины II от 28 июня 1782 года «О распространении права собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и в недрах ее содержащиеся». По поводу запрещающих указов необходимо уточнить, что все запрещения касались в первую очередь основополагающих актов горной свободы — Берг-привилегии и Берг-регламента. В преамбуле говорилось, что манифест о праве полной собственности принят исключительно для выгод «подданным нашим в рудокопных их промыслах». Там же подчеркивалось, что правительство не могло раньше предоставить подданным право полной свободы «по состоянию тогдашнему управлению в губерниях и областях, изобилующих богатствами в земле сокровенными».

В первом пункте манифеста провозглашалось право собственности каждого владельца поверхности земли на ее недра. В третьем пункте предписывалось, чтобы все горные работы в частных землях совершались только с согласия собственника земли. Пункты 13 и 14 манифеста подтвер-

ждали действие Указа от 13 июля 1776 года. «Запрещается инако основать заводы, — говорилось в пункте 13, — как или на собственной земле или по добровольному условию с другим, следовательно, никто не должен требовать для того больше земли, нежели он имеет». Пункт 14 запрещал требование отвода казенных лесов. Каждый, по мнению законодателей, должен был пользоваться своими собственными или по договору отведенными лесами. Другими словами, манифест накладывал вето на башкирские земли. В пункте 16 предписывалось: «...чтоб Казенные палаты и прочия места и начальства в управление и распоряжение заводов и промыслов частных людей не вступались». Заключительный пункт 17 манифеста объявлял, что «Все противные выше означенным статьям прежние установления сим отменяются».

Таким образом, Указ от 13 июля 1776 года был подтвержден манифестом от 28 июня 1782 года о полном праве собственности на землю и ее недра, так как он не был противен вышеозначенным статьям, а Берг-коллегия с ее горными начальствами, как специализированный и профессиональный орган управления горной частью, в силу того, что противоречила означенным статьям, была упразднена. С выходом манифеста казенные палаты Уфимского и Пермского наместничеств стали полноправными управителями казенных заводов при показном невмешательстве в дела частных предприятий.

Манифестом от 17 марта 1775 года налогообложение было возвращено на тот уровень, который существовал до Русско-турецкой войны (1768–1774). Сказать, что это была победа горнопромышленников над теми, кто проводил антинациональную промышленную политику в России в предпугачевский период, будет в корне неверно. Скорее это была вынужденная уступка, вызванная желанием екатерининских высших сановников как можно быстрее сокрыть ряд неблагоприятных поступков, совершенных правительством Екатерины II в период Пугачевского восстания. Тем не менее данное обстоятельство позволяло заводам Южного Урала в первые десять лет послепугачевского периода действовать достаточно успешно. По крайней мере, ни о каких долгах и продаже заводов еще речи не шло.

Но период относительно умеренного налогообложения для частных металлургических заводов Южного Урала длился лишь с 1775 по 1794 год, и дело здесь не только и не столько в очередной Русско-турецкой войне (1787–1791). Суть происшедшего заключалась в том, что правительство Екатерины II манифестом от 28 июня 1782 года, формально провозглашая невмешательство казенных палат и прочих начальств в дела и управление частными заводами, фактически продолжало политику сдерживания металлургического производства в России. Тезис, высказанный

The manifesto of March 17, 1775 returned taxation to the level that existed before the Russian-Turkish War (1768–1774). To say that this was a victory of the mining industry owners over those who pursued the anti-national industrial policy in Russia in the pre-Pugachev period would be fundamentally wrong. Rather, it was a forced acquiescence caused by the desire of the Catherine's highest dignitaries to hide as quickly as possible a number of unseemly acts committed by the Catherine II government during the Pugachev uprising. Nevertheless, this permitted the South Urals plants to operate quite successfully in the first ten years after the Pugachev period. At least, there was still no talk of any debts and plant sales.

However, the period of relatively moderate taxation of private metallurgical plants in the South Urals only lasted from 1775 to 1794, and it was not only and not so much due to the next Russian-Turkish War (1787–1791). The essence of what was happening was that the government of Catherine II by formally proclaiming the non-interference of the state chambers and other authorities in the affairs and management of private factories in the manifesto of June 28, 1782, in fact continued the policy of restraining the metallurgical production in Russia. The Schlatter's thesis of the early 1760s "to limit the amount of iron made ..." remained relevant for Catherine II and her entourage in the post-Pugachev period as well. They acted in the old proven way by raising taxes. Only this time, the reason for tax increase was the estate reform of 1785, which became the final stage of the gubernia reform (1775–1785) and cancelled almost all the undertakings of Peter the Great. With the adoption of two decrees dated April 21, 1785, namely, "Gramotas for rights and liberties and the advantages of the nobility" and "Gramotas for the rights and benefits of the cities of the Russian Empire", they finally and irrevocably refused to continue the Peter's reforms.

In fact, the Gramotas to the nobility and merchants of 1785 are the two parts of a single legislative act, which, first of all, confirmed a number of government decrees of the 1760–1780s. Thus, paragraph 17 of the section "On the personal advantages of noblemen" confirmed the Peter III decree of February 18, 1762 "On granting liberty and freedom to the entire Russian nobility". Paragraph 33 of the same section confirmed the Decree of June 28, 1782, and hence, the Decree of July 13, 1776. It unequivocally stated "the property rights of landlords to all the minerals contained in their lands granted to the nobility by the gracious decree of June 28, 1782". The Decree of September 22, 1782 confirmed the property rights of the nobility to the forests growing in their dachas and to their free use of these forests.

Thus, after the decree of April 21, 1785, granted by Catherine II, the nobles, and only the hereditary ones received the exclusive property right to land and its resources in the Russian Empire. And this took place after in accordance with the Mining law

state acts of 1719–1782 mine owners, both the nobles and non-nobles, bought or long-term leased substantial timber areas from the Bashkir votchinniks for their private metallurgical plants! Moreover, in these fundamental and amending acts of mining freedom, the purchase of land and forests for the construction and operation of metallurgical plants, as well as the provision of the plants with labour force are interpreted as a useful nation-wide business. In addition to lump sums, mine owners continued to pay two percent deductions, natural rent to the Bashkir votchenniks. These payments continued until the Berg Privilege and Berg Regulation were cancelled.

If earlier, when taking unpopular measures leading to the distortion of the Peter's industrial policy, Catherine II somehow pretended to follow Peter the Great or concealed the real reasons of her actions, after the adoption of the granted Gramota in 1785, a big bold cross was openly put on the Peter's reforms. Giving the inconceivable economic and socio-political privileges to the hereditary nobility, Catherine II and her entourage got a powerful ally with whom Emperor Paul I could not cope with. Of course, in any case, they could not return Russia of the end of the XVIII century to the pre-Peter Grate Russia but they managed to decelerate as much as possible the development of private metallurgical industry by maliciously creating unequal economic opportunities through selective tax increases.

The increase in the tithes and podomenny duties on the iron and copper smelters was introduced by the Decree of June 23, 1794. This increase was not the same for all mine owners. Based on the 1785 Gramota given to the nobility, the Decree drafters identified two categories of metallurgical plant owners. The first category was to consist of those who built the plants "without any allowance from the treasury." The second category was to include the plant owners whose plants were "built by private people with an allowance from the treasury." Ironworks built without state allowance were subject to the additional tax of only two kopecks (six kopecks). The owners of the copper smelting plants of the same category were prescribed to pay "in excess of now payable tithes, another 5 roubles." At the same time, the plants built with the allowance were double taxed and were obliged to pay eight kopecks per pound of cast iron and twenty roubles for each hundred pounds of copper. In the fifth and final paragraph of the decree, it was prescribed "to collect 100 roubles per each taxed blast furnace and 5 roubles on top of the currently payed tax per each copper smelting furnace". It must be emphasized that in the government decrees and factory documents of 1744–1782, there were no concepts of "allowance from the treasury" and "without any allowance from the treasury". It was the Ufa and Perm mining expeditions subordinate to the Ufa and Perm state chambers that divided all the factories of the Urals into these two categories.

Шлаттером в начале 1760-х годов — «ограничить количество делаемого железа...» — оставался актуальным для Екатерины II и ее окружения и в послепугачевский период. А действовали они старым проверенным способом — повышением налогов. Только в этот раз очередным поводом для их повышения явилась сословная реформа 1785 года, ставшая завершающим этапом губернской реформы (1775–1785) и перечеркнувшая практически все начинания Петра I. С принятием двух жалованных грамот от 21 апреля 1785 года — «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного дворянства» и «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» — произошел окончательный и бесповоротный отказ от продолжения петровских реформ.

В сущности жалованные грамоты дворянству и купечеству от 1785 года являются двумя частями единого законодательного акта, который, в первую очередь, подтверждал целый ряд правительственных указов 1760–1780-х годов. Так, параграф 17 раздела «О личных преимуществах дворян» подтверждал указ Петра III от 18 февраля 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Параграф 33 этого же раздела подтверждал Указ от 28 июня 1782 года, а значит, и Указ от 13 июля 1776 года. В нем однозначно было заявлено, что «Подтверждается благородным право собственности, дарованное милостивым указом от 28 июня 1782 года, не только на поверхности земли... но и в недрах той земли... ему принадлежащих, на все сокровенные минералы... и на все из того делаемые металлы, в полной силе и разуме...» Здесь же подтверждался Указ от 22 сентября 1782 года на право собственности на леса, растущие в их дачах и свободное их употребление.

Таким образом, после выхода Указа от 21 апреля 1785 года дворяне, причем только потомственные, получили из рук Екатерины II исключительное право на владение землей и ее недрами в Российской империи. И это после того как, в соответствии с государственными актами горного права 1719–1782 годов, горнозаводчики, как дворяне, так и не имевшие дворянства, выкупили или арендовали на длительный срок у башкирских вотчинников для своих частных металлургических заводов значительные по площади лесорудные участки! Причем в этих основополагающих и связанных с ними подзаконных актах горной свободы покупка земли и лесов под строительство и действие металлургических заводов, как и обеспечение заводов рабочей силой, трактованы как полезное общенародное дело. Помимо единовременных сумм горнозаводчики продолжали платить башкирским вотчинникам и двухпроцентные отчисления — природную ренту. Эти выплаты продолжались до тех пор, пока не были отменены Берг-привилегия и Берг-регламент.

Если ранее Екатерина II при принятии непопулярных мер, ведущих к искажению петровской промышленной политики, еще как-то прикрывалась именем Петра Великого или же замалчивала подлинные причины содеянных поступков, то с принятием жалованной грамоты 1785 года на петровских реформах открыто ставился большой жирный крест. Предоставив потомственному дворянству немислимые льготы в экономике и социально-политической жизни государства, Екатерина II и ее окружение обрели в его лице могущественного союзника, с которым не смог справиться император Павел I. Разумеется, вернуть Россию конца XVIII столетия в допетровскую Русь им в любом случае не удалось бы, но максимально замедлить развитие частной металлургической промышленности, злонамеренно создав неравные возможности в экономике путем избирательного повышения налогов, оказалось вполне по силам.

Повышение попудных и подоменных сборов с чугуноплавильных и медеплавильных заводов было осуществлено именным Указом от 23 июня 1794 года, причем неравным для горнозаводчиков образом. Опираясь на положения жалованной грамоты дворянству 1785 года, его составители выделили две категории владельцев металлургических заводов. К первой было предписано отнести тех, кто построил заводы «без всякого от казны пособия». Ко второй — чьи заводы «заведены частными людьми с пособием от казны». Чугуноплавильные заводы, построенные без казенного пособия, облагались дополнительным сбором в размере только двух копеек (всего шесть копеек). С медеплавильных заводов этой же категории предписывалось «сбирать сверх платимой ныне десятины, еще по 5 рублей». Тогда как построенные с пособием облагались двойной податью и обязаны были платить восемь копеек с пуда чугуна и по двадцать рублей с каждой сотни пудов меди. В пятом, заключительном пункте указа предписывалось: «С оброчных домен собирать с каждой по 100 рублей, а с медеплавильных печей по 5 рублей с каждой сверх платимой ими ныне подати». Необходимо особо подчеркнуть, что в правительственных указах и заводских документах периода 1744–1782 годов не было понятий «пособие от казны» и «без всякого от казны пособия». Роспись всех заводов Урала на эти две категории осуществили Уфимская и Пермская горные экспедиции, подчинявшиеся Уфимской и Пермской казенным палатам.

Но помимо высоких налогов тех лет явным препятствием для свободного развития горнозаводского производства были большие судебные издержки. Как известно, на основании Указа от 17 июля 1762 года «О запрещении дворянину Н. Н. Демидову строить заводы на Азяше и Кеолиме» возникло судебное разбирательство, затянувшееся на сто лет. Его участниками с одной стороны стали

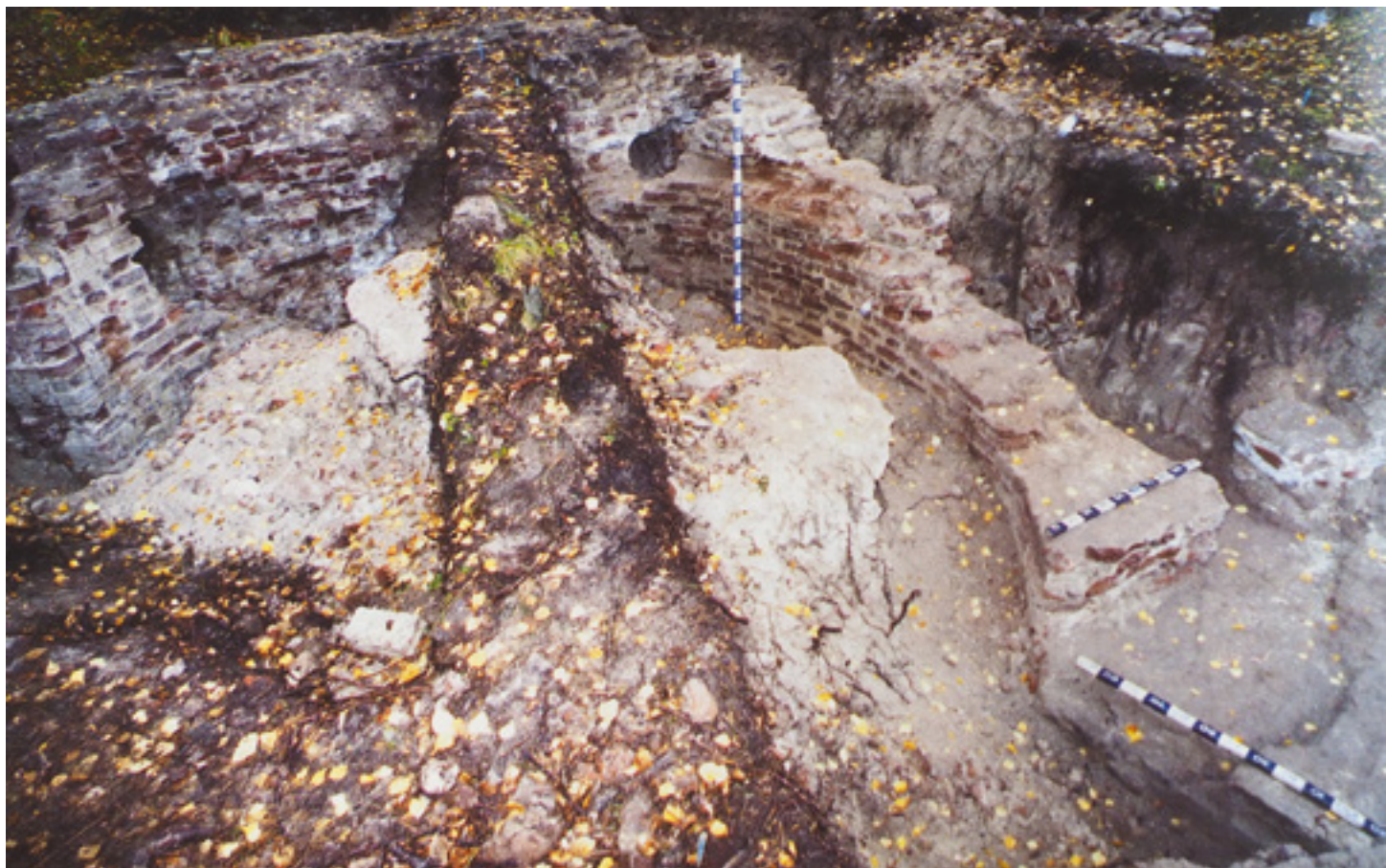
In addition to the high taxes of those years, a clear obstacle to the free development of mining industry was high legal costs. As is known, due to the Decree of July 17, 1762 "On the prohibition of the nobleman N. N. Demidov to build factories in Azyash and Keolim", a trial arose that lasted for a hundred years. The involved parties were, on the one hand, the Mosolovs, the owners of the Zlatoust and Ufaleysky factories, and, on the other hand, the nobleman N. N. Demidov. After the Zlatoust plant had been sold to L. I. Luginin and the Ufaleisk plant had been sold to M. P. Gubin, Luginin, Gubin and their heirs inherited the "Keolimsky" business. Probably, if the Berg Collegium and the territorial integrity of the Orenburg province were preserved in 1744–1782, this court case would have found its solution as early as during the Larion Luginin life time. But after the administrative-territorial division and the formation of the Ufa and Perm vicegerencies, the court proceedings got absurd. The disputed Keolimsky ground turned out to belong to the territory of these two vicegerencies.

Due to the ongoing disputes, the owners of the Zlatoust plant submitted their complaints both to the Ufa vicegerency office and to the Yekaterinburg uezd court. Demidov's clerks and attorneys, in turn, filed complaints on the Luginins to the Perm vicegerency and to the Troitsk lower zemsky court of the Ufa vicegerency. All would be fine, but the judge of the Yekaterinburg uezd court received rich gifts from the Demidov' clerks, while the officials of the Ufa vicegerency received even more generous offerings from the attorneys of the Luginin' heirs. In the long run, the Keolimsky case "drowned" in a heap of mutually exclusive court decisions and dragged on until the 1860s.

The Azyash-Ufa iron foundry and ironwork plant itself remained unfinished. According to N.K. Chupin, only a saw mill operated on its territory in the pre-Pugachev period but in 1774, the Bashkirs burned it along with the dam constructions. Probably it was also them who dried the factory pond. The blast furnace, which was ready to a high degree, remained inactive. In 1802, all iron bonds were dug out from the Azyash-Ufa blast furnace and taken away so that they would not go to the rival Gubins. Probably, it was the seizure of these iron bonds that resulted in the destruction of the blast

Расчистка завала из сохранившейся части доменной печи. Азяш-Уфимский завод (Нязепетровский район). 2004 год

Clearing debris from the surviving part of the blast furnace. Azyash-Ufa Plant (Nyazepetrovsky District). 2004

Мосоловы — владельцы Златоустовского и Уфалейского заводов, а с другой — дворянин Н. Н. Демидов. С продажей Златоустовского завода Л. И. Лугинину, а Уфалейского М. П. Губину соответственно им и их наследникам перешло по наследству и «Кеолимское» дело. Возможно, при сохранении Берг-коллегии и территориальной целостности Оренбургской губернии в 1744–1782 годах это судебное дело нашло бы свое разрешение еще при Ларионе Лугинине. Но после административно-территориального раздела и образования Уфимского и Пермского наместничеств ситуация с разбирательством приобрела абсурдный характер. Спорный Кеолимский участок оказался на территории этих двух наместничеств. Из-за продолжающихся споров владельцы Златоустовского завода подавали свои жалобы как в Уфимское наместническое правление, так и в Екатеринбургский уездный суд. Демидовские приказчики, служители и поверенные, в свою очередь, подавали челобитные на Лугининых в Пермское наместническое правление и Троицкий нижний земский суд Уфимского наместничества. И все бы ничего, но судья уездного суда в Екатеринбурге получал богатые подарки от приказчиков Демидова, а чиновники Уфимского наместничества — еще более щедрые подношения от служителей наследников Лугинина. В конечном итоге «Кеолимское» дело «утонуло»

в ворохе взаимоисключающих судебных решений и затянулось до 1860-х годов.

Сам же Азяш-Уфимский чугунолитейный и железоделательный завод так и остался недостроенным. По свидетельству Н. К. Чупина, на его территории в предпугачевский период действовала только лесопильная фабрика, но ее сожгли башкиры в 1774 году вместе с плотинным хозяйством. Возможно они же спустили и заводской пруд. Доменная печь, имевшая высокую степень готовности, так и осталась в бездействии. В 1802 году из азяш-уфимской домны были выкопаны и увезены все железные связи, с тем чтобы они не достались соперникам Губины. Результатом изъятия этих железных связей, возможно, и стало разрушение доменных стен. При этом их высота изменилась с 7,5 до 2,1 м. Рекогносцировочные раскопки, проведенные отрядом Археологического научного центра (Челябинск) в 1996–2004 годах на территории Азяш-Уфимского завода, показали, что его единственно действующей фабрикой являлась лесопильная, а доменная печь так и не была запущена. Также по обгоревшим деревянным конструкциям плотины и его левого «вешняшного» прореза установлен факт пожара.

В горном деле Южного Урала XVIII века практика подношения подарков началась с башкирских вотчинников.

Следы извлечения железных (чугунных) элементов конструкции доменной печи (темные пятна неправильной формы). Азяш-Уфимский завод (Нязепетровский район). 2004 год
Traces of the extraction of iron (cast-iron) blast furnace structural elements (dark spots of irregular shape). Azyash-Ufa Plant (Nyzepetrovsky District). 2004

Расчистка «мертвой свинки» «вешняшного» прореза подтвердила факт уничтожения деревянных элементов плотины в результате пожара. Азяш-Уфимский завод (Нязепетровский район). Фото С. Арканова. 1998 год
Clearing the "dead pig" of the "spring" cut confirmed the destruction of the dam wooden elements caused by the fire. Azyash-Ufa Plant (Nyazepetrovsky District). Photo by S. Arkanov. 1998

Свайно-реевое основание пильной фабрики и сливного моста. При его расчистки на дне канала под режем, там, где по плану XVIII века и стояла пильная фабрика, обнаружены кучи слежавшегося опила, деревянные клинья и металлические детали зубчатого механизма. Азяш-Уфимский завод (Нязепетровский район). 1999 год.
Pile-cutting base of the saw factory and drain bridge. When it was cleared at the bottom of the canal under the cut, where, according to the plan of the 18th century, the saw factory stood, heaps of caked sawdust, wooden wedges and metal parts of the gear mechanism were found. Azyash-Ufa Plant (Nyazepetrovsky District). 1999

Обломок лопаты с клеймом Н. Н. Демидова. Азяш-Уфимский завод (Нязепетровский район)
Fragment of a shovel with the stigma of N. N. Demidov. The Azyash-Ufa Plant (Nyazepetrovsky District)

В статье расходов любого металлургического завода 1740–1750-х годов встречается запись: «На подарки вотчинникам». Тот же Ларион Лугинин уже в послепугачевский период истратил значительные суммы на подношения землевладельцам-башкирам, чтобы завершить начатые Мосоловыми земельные сделки с ними. С учреждением же казенных палат Уфимского и Пермского наместничеств эта практика получила всеобщий характер. Разного рода поборы губернских чиновников с частных металлургических заводов стали обычным делом.

А как же обстояли дела в самих казенных палатах двух уральских наместничеств и в подотчетных им Уфимской и Пермской горных экспедициях? Вполне внятный ответ на этот вопрос есть в специальной исторической справке, подготовленной А. Ф. Дерябиным по повелению Александра I, где вольно или невольно автору пришлось коснуться темы взаимоотношений начальников и подчиненных внутри казенной палаты Пермского наместничества. Тем более что во всех других наместничествах, включая Уфимское, все дела, включая и горные, вершились по единому для всех генеральному регламенту. По едкому замечанию Дерябина, «тем порядком, который в управлении горных дел столько же уместен, сколько при командовании армией против наступающего со всех сторон неприятеля».

Данный факт и привел в конце царствования Екатерины II к кризису казенной металлургической промышленности и стагнации частных металлургических заводов России вообще и Южного Урала в частно-

сти. Попытка Павла I вернуть в России действие Берг-привилегии и Берг-регламента закончилась для него трагически.

В именном Указе от 19 ноября 1796 года «О восстановлении Берг, Мануфактур, Коммерц Коллегий...», данном сенату, говорилось: «Возобновить бывшие пред сим Берг-Мануфактур-Коммерц-коллегии, на тех самых основаниях, законах и регламентах, на коих находились они до 1775 года». Но оговорка о сохранении действия жалованных грамот дворянству и купечеству исключала возможность полного восстановления Берг-привилегии и Берг-регламента. Также жалованная грамота дворянству от 1785 года оставляла в силе действие Указа от 13 июля 1776 года, запретившего строительство металлургических заводов в Оренбургской губернии (на Южном Урале).

В итоге частные металлургические заводы Южного Урала к началу XIX века оказались в очень непростой финансово-экономической ситуации. С одной стороны, после 1776 года из-за запрета на строительство металлургических заводов экстенсивные методы увеличения производства железа для частных горнозаводчиков стали в принципе невозможны. С другой стороны, из-за высоких налогов, понесенных материальных и финансовых затрат на восстановление заводов, сожженных башкирами в 1774 году, а также значительных непроизводительных расходов, связанных с судебными издержками и поборами губернских чиновников, образование свободных промышленных капиталов на Южном Урале так и не произошло. К тому же цена полосового железа с 1760-х годов

furnace walls. Their height decreased from 7.5 m to 2.1 m. The reconnaissance excavations carried out by a detachment of the Archaeological Research Centre (Chelyabinsk) in 1996–2004 on the territory of the Azyash-Ufa plant showed that its only operating factory had been the sawmill, and the blast furnace had never been put into operation. Also, by the charred wooden structures of the dam and its left "spring" cut, the fact of a fire was fixed.

In the mining business of the XVIII century South Urals, it was with the Bashkir votchenniks that the practice of offering gifts started. In the expense articles of all 1740–1750s metallurgical plants, there was a record: "For gifts to the votchenniks". Already in the post-Pugachev period, Larion Luginin spent significant sums on offerings to the Bashkir votchenniks in order to close the land transactions that were started by the Mosolovs. With the establishment of the Ufa and Perm vicegerency state chambers, this practice became general. Various requisitions from private metallurgical plants by provincial officials have become commonplace.

But what was the situation in the official chambers of the two Ural vicegerencies themselves and in the Ufa and Perm Mining expeditions that were accountable to them? A completely intelligible answer to this question is given in a special historical reference prepared by A. F. Deryabin following the order of Alexander I, where the author voluntarily or involuntarily had to touch the relationship between the bosses and subordinates at the Perm vicegerency state chamber. In all other vicegerencies, including the Ufa vicegerency, all businesses, including mining affairs, were performed according to general rules obligatory for everybody. According to the caustic remark of Deryabin, "the management of mining affairs was carried out in the way that was appropriate for commanding an army against an enemy advancing from all sides."

This led to a crisis in the state-owned metallurgical industry and to the stagnation of private metallurgical plants in Russia in general, and the South Urals, in particular at the end of the Catherine II reign. The attempt of Paul I to restore the Berg Privilege and the Berg Regulation in Russia ended tragically for him.

The Tsar's Decree of November 19, 1796 "On the restoration of the Berg, Manufactory, and Commerce Collegia ..." given to the Senate said: "To restore the Berg-Manufactory-Commerce-Collegia on the same grounds, laws and regulations, on which they existed until 1775." But the clause on preserving the rights granted to the nobility and merchants by the earlier Gramotas ruled out the full restoration of the Berg Privilege and Berg Regulation. In addition, the Gramota of 1785 granted to the nobility upheld the Decree of July 13, 1776, which prohibited the construction of metallurgical plants in the Orenburg gubernia (in the South Urals).

As a result, by the beginning of the XIX century, private metallurgical plants in the South Urals turned out to be in a very difficult financial and economic situation. On the one hand, after 1776, due to the ban on the construction of metallurgical plants, extensive methods for increasing iron production became principally impossible for private mine owners. On the other hand, due to the high taxes, material and financial costs spent for the restoration of the factories burned by the Bashkirs in 1774, as well as significant unproductive payments associated with the legal costs and requisitions of the provincial officials, in the South Urals, free industrial capital was not formed. In addition, since the 1760s, in Russia, the price of strip iron increased more than 2.6 times, while in England, it decreased resulting from the technical revolution in the British industry that began in the 1780s. It was directly associated with the use of steam engines, the replacement of charcoal with coke in iron ore smelting industry and with the introduction of iron puddling. A direct consequence of the above mentioned was the ever-accelerating technological lag of the private South Ural metallurgical plants from similar enterprises in England and Sweden.

The manifesto on the death of Emperor Paul I and the accession of Alexander I to the Russian throne was published on March 12, 1801; it solemnly announced: "The Almighty wished the life of Emperor Pavel Petrovich to end ..., he died unexpectedly from an apoplexy blow on the night of 11 to 12". In reality, everyone knew that the emperor had been murdered by the conspirators headed by Count P. P. Palen, Count N. P. Panin, Baron L. von Bennigson, and Princes Zubov. In addition to the announcement of the change of monarchs and the text of the oath to the new emperor, the manifesto proclaimed that further ruling would be carried out according to the laws of Empress Catherine the Great.

The key legislative act of Alexander I, which brought down the contradictory legislative activity of Paul I on the restoration of the Berg-Privilege and Berg-Regulation, was the manifesto of April 2, 1801 on the restoration of the Gramota granted to the nobility. With its adoption, due to the fact that the Berg-Privilege and Berg-Regulations inherently contradicted the Gramota granted to the nobility, coal mining, which in Russia, had just got completely free on private lands according to the Berg-Privileges was banned once again.

Thus, after the restoration of the Gramota granted to the nobility in 1801, Russia for good and all lost its independent mining legislation. The fact was that Mining law based on the Berg-Privilege and Berg-Regulation laws was completely cancelled by this Gramota and a new law had not yet been written! As a result, the government of Alexander I faced the need to create new institutions and new rules for managing both, the state and private metallurgical industries.

возросла в России более чем в 2,6 раза, тогда как в Англии она снижалась. Это снижение стало следствием начавшегося в 1780-е годы технического переворота в английской промышленности. Его неизбежно связывают с применением паровых машин, заменой древесного угля коксом при плавке железной руды и с введением пудлингования железа. Прямым следствием вышесказанного и стало все убыстряющееся технологическое отставание частных южноуральских металлургических заводов от аналогичных предприятий Англии и Швеции.

Манифест о кончине императора Павла I и вступлении на российский престол Александра I вышел 12 марта 1801 года, в нем торжественно объявлялось: «Судьбам Вышнего угодно было прекратить жизнь... императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11 на 12 число сего месяца». Тогда как в действительности всем было известно, что император был убит заговорщиками, во главе которых стояли граф П. П. Пален, граф Н. П. Панин, барон Л. фон Беннигсон, князя Зубовы. В самом манифесте, помимо объявления о смене монархов и текста присяги новому императору, провозглашалось, что дальнейшее управление государством будет осуществляться по законам императрицы Екатерины Великой.

Ключевым же законодательным актом Александра I, который обрушил и без того противоречивую законодательную деятельность Павла I по восстановлению Берг-привилегии и Берг-регламента, стал манифест «О восстановлении жалованной дворянству грамоты» от 2 апреля 1801 года. С его принятием, в силу того что Берг-привилегия и Берг-регламент по своей сути были противны жалованной грамоте дворянству, ломка каменного угля, только-только получившая в России полную свободу действия по Берг-привилегии на частных землях, вновь оказалась под запретом.

Также после восстановления жалованной грамоты дворянству 1801 года Россия окончательно лишилась своего независимого горного законодательства. Дело в том, что горное право, основанное на законах Берг-привилегии и Берг-регламента, этой жалованной грамотой было полностью отменено, а новое еще не написано! В итоге правительство Александра I оказалось перед необходимостью создания новых учреждений и новых правил управления как казенной, так и частной металлургической промышленностью.

Прямым следствием манифеста Александра I «О восстановлении жалованной дворянству грамоты» от 2 апреля 1801 года стала ликвидация канцелярии Главного заводов правления в Екатеринбурге. Причем с ее ликвидацией казенные и частные металлургические заводы

не были переданы обратно в управление горным экспедициям казенных палат, а подчинены вновь созданным Екатеринбургскому, Гороблагодатскому и Пермскому горным начальствам. Данное переподчинение неизбежно потребовало нового горного права, по которому должны были действовать вновь созданные начальства, включая и сами металлургические заводы. Но парадокс сложившейся ситуации заключался в том, что с отменой Берг-привилегии и Берг-регламента с их подзаконными актами, которые и составляли тогда горное право России, другого горного права еще не было даже в проекте. Поэтому инструкции, выданные начальнику Екатеринбургского горного начальства Герману 16 января 1802 года, начальнику Гороблагодатского и Пермского горных начальств Дерябину — 26 февраля 1802 года, а также начальнику Кольванских заводов — 21 января 1786 года, оказались на тот момент единственными действующими законодательными актами горного права в России.

На первый взгляд, переподчинения и образования новых горных начальств, причем созданных на базе упраздненной канцелярии Главного заводов правления, носили хаотичный и даже бессмысленный характер. Но при внимательном прочтении инструкций становится понятно, что ликвидация канцелярии Главного заводов правления «второго бытия» преследовала вполне конкретную цель — лишение ее исполнительной и судебной власти, не зависимой от губернских чиновников.

Само же это Екатеринбургское горное начальство, согласно все той же инструкции, вынуждено было делить оставленную в ее руках власть над заводами с земской полицией и так называемым гражданским правительством, то есть с теми же казенными палатами.

«Инструкция... Герману» от 16 января 1802 года, заботясь о сохранении права собственности, прописанного в манифесте 1782 года и подтвержденного жалованной грамотой дворянству 1785 года, предопределяла неравное налогообложение горнозаводчиков-дворян и недворян. Также она является отправной точкой создания в России так называемого посессионного права, на основе которого и было создано другое горное право, кардинально отличавшееся от петровской Берг-привилегии 1719 года, тем самым наглядно демонстрируя устанавливаемую «Инструкцией... Герману» от 1802 года зависимость частного владения металлургическими заводами от губернских властей. Она же, «Инструкция... Герману», провела и четкую разделительную грань между Петровским горным законодательством и манифестом о праве собственности 1782 года вкупе с жалованной грамотой дворянству 1785 года.

Таким образом, с выходом в 1802 году «Инструкций...» правительство Александра I начинает создавать дру-

The direct consequence of the manifesto of Alexander I "On the restoration of the Gramota granted to the nobility" of April 2, 1801 was the liquidation of the office of the plant Main Board in Yekaterinburg. Moreover, with its liquidation, the state and private metallurgical plants were not transferred back to the management of the Mining expeditions of the state chambers but were subordinated to the newly created Yekaterinburg, Goroblagodatsky and Perm mining authorities. This re-subordination inevitably required a new Mining law, according to which the newly created authorities and the metallurgical plants themselves had to operate. The paradox of the situation was that with the abolition of the Berg Privilege and Berg Regulation and their by-laws, which at that time constituted the Mining law of Russia, no other Mining law existed even in a draft version. Therefore, the instructions issued to the head of the Yekaterinburg mining authorities German on January 16, 1802, to the head of the Goroblagodat and Perm mining authorities Deryabin on February 26, 1802, and to the head of the Kolyvan factories on January 21, 1786, turned out to be the only applicable legislative acts of Mining law in Russia at that time.

At first glance, the re-subordination and formation of the new mining authorities created on the basis of the abolished office of the plant Main Board were chaotic and even meaningless. But a careful reading of the instructions shows clearly that the liquidation of the plant Main Board office of the "second being" pursued a very specific goal, namely, depriving this Board of executive and judicial power that was independent of gubernia officials.

In accordance with these instructions, the Yekaterinburg Mining authorities had to share the power over the plants that were left in their hands with the zemstvo police and the so-called civilian government, that is, with the same state chambers.

The "Instruction ... to Herman" dated January 16, 1802, taking care of the preservation of the property right, which was registered in the manifesto of 1782 and confirmed by the Gramota to the nobility of 1785, predetermined unequal taxation of the noble and non-noble mine owners. This instruction was also the starting point for the creation of the so-called Russian property right law, on the basis of which another Mining law was introduced that radically differed from the Peter's Berg Privilege of 1719, thereby clearly demonstrating the dependence of metallurgical enterprise private property rights on the provincial authorities as claimed by the "Instruction ... to German" of 1802. The "Instruction ... to Herman", also drew a clear dividing line between the Peter's Mining legislation and the property rights manifesto of 1782 coupled with the Gramota of 1785 granted to the nobility.

Thus, with the release of "Instructions ..." in 1802, the government of Alexander I began creating another Mining

legislation based on the manifesto articles on the property rights of 1782, rather than on the articles of the Peter's Berg privileges, which was repeatedly confirmed in the above mentioned document of January 16, 1802. This turn of events had an extremely negative impact on the private metallurgical industry of the South Urals. Due to the fact that the manifesto of 1782 on the property rights confirmed by the Gramota of 1785 granted to the nobility upheld the decree of July 13, 1776, further construction of new metallurgical plants in the South Urals remained banned at the beginning of the XIX century as well.

As is known, in the manifesto of September 8, 1802, the government of Alexander I announced the establishment of ministries. Moreover, while the post of the Minister of Commerce managing the Commerce Collegium remained on the basis of previously issued government decrees, the Berg Collegium "with all its subordinate offices" lost any independence and became subordinate to the Minister of Finance, which in turn predetermined the fate of the Berg Collegium itself. Its liquidation became a matter of time.

Whereas the initial cancellation and rewriting of Pavlov's decrees and by-laws concerning the Mining regulations were carried out by the emperor's decrees, with the formation of the ministries and the subordination of the Berg-Collegium to the Ministry of Finance, this important matter was carried out by the finance minister Count Alexei Ivanovich Vasiliev. It was he who supervised the mining specialists and made the final decision on the content of the report "On the Management Procedure of Mining Plants" approved by the emperor on September 21, 1804. In the future, on its basis, a draft of the new Mining Regulations of 1806 was developed.

A characteristic feature of the Mining Regulations draft of 1806, which radically distinguished this draft from the Berg-Privilege of 1719, was that the vast majority of its legislative provisions are devoted to the state-owned Ural plants. The drafter of the "Project ..." "recalled" private plants only when it came to collecting duties on the metal they produced. In this regard, one should remember that by the decree of October 27, 1799, those mine owners who had received allowance from the state were obliged to pay four kopecks on top of the tax they paid, and those mine owners who had not got any allowance were to pay two kopecks per each lb of cast iron they produced. As a result, for the former, tithes duties amounted to twelve kopecks, while for the latter it was eight kopecks. According to the decree of 1794, the copper smelting plants built without any state allowance were to pay fifteen roubles per each hundred pounds of copper. Whereas those plants built with the allowance were double taxed and required to pay twenty roubles per one hundred pounds of copper. The Mining Regulations draft of 1806 did not only preserve this increased

гое горное законодательство, опираясь уже на статьи манифеста о праве собственности 1782 года, а не на статьи петровской Берг-привилегии, что не единожды было подтверждено в вышеуказанном документе от 16 января 1802 года. Причем такой поворот событий крайне негативно сказался на частной металлургической промышленности Южного Урала. В силу того что манифест о праве собственности от 1782 года, подтвержденный жалованной грамотой дворянству 1785 года, оставлял в силе действие Указа от 13 июля 1776 года, дальнейшее строительство новых металлургических заводов на Южном Урале и в начале XIX столетия осталось под запретом.

Как известно, манифестом от 8 сентября 1802 года правительство Александра I объявило об учреждении министерств. При этом если должность министра коммерции, управлявшего Коммерц-коллегией, осталась на основании прежде изданных государственных указов, то Берг-коллегия «со всеми ей подчиненными местами» лишилась какой-либо самостоятельности и перешла в подчинение министра финансов, что в свою очередь и предопределило судьбу самой Берг-коллегии. Вопрос о ее ликвидации стал делом времени.

Если первоначально отмена и переписывание павловских указов и подзаконных актов по горной части осуществлялись именными указами императора, то с образованием министерств и подчинением Берг-коллегии министерству финансов это ответственное дело уже выполнял министр финансов граф Алексей Иванович Васильев. Именно он руководил специалистами по горной части и принял окончательное решение по содержанию доклада «О порядке управления Горных заводов», утвержденному императором 21 сентября 1804 года. В дальнейшем на его основании и был выработан проект нового Горного положения 1806 года.

Характерной особенностью проекта Горного положения 1806 года, причем кардинально отличающей его от Берг-привилегии 1719 года, является то, что подавляющая часть его законодательных положений посвящена казенным уральским заводам. Составитель «Проекта...» «вспомнил» о частных заводах только тогда, когда речь зашла о сборе пошлин с выплавляемого ими металла. По этому поводу следует напомнить, что Указом от 27 октября 1799 года горнозаводчики, получившие пособие от казны, обязывались отдавать сверх платимой ими подати по четыре, а не имевшие пособия — по две копейки с каждого пуда выплавляемого чугуна. В итоге для первых попудный сбор составил двенадцать копеек, для вторых — восемь копеек. С медеплавильных заводов, построенных без казенного пособия, по указу 1794 года предписывалось собирать по пятнадцать рублей с каждой сотни пудов меди. Тогда как

построенные с пособием облагались двойной податью и обязаны были платить по двадцать рублей со ста пудов. В проекте Горного положения 1806 года не только сохранялась эта повышенная и неравная подать, но и вводились новые, более жесткие условия ее взимания.

Сам же «Высочайше утвержденный доклад министра финансов и Проект Горного Положения 1806 года», в отличие от Берг-привилегии и Берг-регламента, не являлся основополагающим законодательным актом. Таковыми являлись манифест о праве собственности 1782 года и жалованная грамота дворянству 1785 года. Именно на их основе графом Васильевым и была проведена работа по «приноравливанию» ряда подзаконных актов горного права XVIII века в соответствие с пожеланиями императора Александра I.

Таким образом, проект Горного положения 1806 года, составленный первоначально для управления металлургической промышленностью Урала и Подмосковья, стал основой уже иного горного законодательства России. Его отличительной особенностью явилось то, что право владения земными недрами уже не принадлежало государству. Оно в соответствии с манифестом о праве собственности 1782 года и Жалованной грамотой дворянству 1785 года было предоставлено частным землевладельцам — дворянам, причем потомственным.

Все вышесказанное нашло прямое отражение в горных уставах 1832, 1842, 1857 и 1893 годов. Само появление названия «Свод Устава Горного» всецело обязано «Второму отделению» собственной Его императорского величества канцелярии. Это отделение было образовано 4 апреля 1826 года вместо Комиссии составления законов (1796–1826) при Государственном совете. Главной задачей «Второго отделения» являлось составление свода законов Российской империи. В отличие от Комиссии составления законов оно занималось тем, что приводило в порядок только действующие законы, то есть кодификацией. Ее фактическим руководителем являлся главноуправляющий «Вторым отделением» М. М. Сперанский.

В силу того что в период царствования Николая I продолжал действовать «Проект Горного положения» 1806 года, его и привели чиновники «Второго отделения» в порядок под названием «Свод учреждений и уставов горного управления», получивший в просторечии название «Горный устав 1832 года». Другими словами, даже с формальной точки зрения это все тот же «Проект Горного положения» 1806 года, только без размытого рассуждения о должности пермского и вятского генерал-губернатора.

В «Своде Устава Горного» 1832 года однозначно сказано: «...горные промыслы и заводы состоят в ведении Министерства финансов». А восьмая статья подтверждала:

and unequal taxation but introduced new more stringent terms for tax collection.

The “Tsar Approved Report of the Minister of Finance and the Mining Regulations Draft of 1806”, unlike the Berg-Privilege and the Berg-Regulation, were not fundamental legislative acts. Such were the manifesto on the property rights of 1782 and the Gramota of 1785 granted to the nobility. It was on their basis that Count Vasilyev carried out his work on the “adaptation” of a number of the mining law by-laws of the 18th century in accordance with the wishes of Emperor Alexander I.

Thus, the Mining Regulations’ draft of 1806 drawn up initially for the management of the metallurgical industry of the Urals and the Moscow Region became the basis of a different mining legislation in Russia. Its distinctive feature was that the right to own the earth’s resources no longer belonged to the state. In accordance with the manifesto on the property rights of 1782 and the Gramota of 1785 granted to the nobility, the property rights to the earth’s resources were given to private landowners, hereditary noblemen.

All of the above was directly reflected in the Mining regulations of 1832, 1842, 1857 and 1893. The very appearance of the name of “Code of the Mining Charter” is entirely due to the “Second department” of His Imperial Majesty Chancery. This department was formed on April 4, 1826, instead of the Law Drafting Commission (1796–1826) under the State Council. The main task of the “Second department» was to compile the Code of Laws of the Russian Empire. Unlike the Law Drafting Commission, it was committed to putting in order only existing laws, that is, to codification. Its actual leader was chief manager of the “Second department” M. M. Speransky.

Due to the fact that during the reign of Nicholas I, the “Mining Regulations Draft” of 1806 continued to operate, it was this draft, that the officials of the “Second department” put in order under the name of “Code of institutions and regulations of mining management”, colloquially called “Mining Regulations of 1832”. In other words, even from a formal point of view, this is the same “Mining Regulations Draft” of 1806 only without vague discussions on the positions of the Perm and Vyatka governor-generals.

In the “Code of Mining Regulations” of 1832, it is unequivocally stated: “... mining activities and plants are the responsibility of the Ministry of Finance”. The eighth article confirmed: “Minister of Finance controls them through the Department of Mining and Salt Affairs and their local authorities.” This return to the centralized control of the Urals industry was enshrined in the Decree of July 25, 1811, “Regulations of the Ministry of Finance.” The highest dignitaries headed by Alexander I needed a centralized body for industry management but such that would be fully accountable

to the Minister of Finance. The codification of 1832 did nothing but confirmed this.

Throughout the first half of the XIX century, the amount of the mining tax in Russia was the highest in all of Europe. While the British industrialists paid from 0.5 to 1 % of the income, the French paid 5 %, the Prussians were taxed by 2 %, and the Austrian tax was 11 %, the Russians gave 10 to 15 % as the mining tax on copper and smelted iron to the state. And this is in addition to the poll tax, as well as recruiting service and zemstvo fees, which were also levied on the mine owners with all the strictness of the law. Nevertheless, with the selective protectionist policies pursued by Alexander I and Nicholas I, when the import of foreign cast iron and iron was practically forbidden, the metallurgical plants of the South Urals though with difficulty were still making ends meet.

While during the reign of Nicholas I the industrial policy towards the private metallurgical plants in the South Urals remained the same as during the reign period of his brother, cardinal changes took place in improving the defence of the state border and in the control over the Orenburg Cossack Host. A draft of a new defensive line drawn up under the leadership of V. A. Perovsky was approved by the Minister of War A. M. Chernyshev in 1834–1835. The project involved the construction of a new border in a straight line across the steppe between the Orsk fortress and the Berezovsky redoubt. Subsequently, according to its name, the internal lands were called the “Novolineiny (New Line)” region. Its territory was shaped as a triangle, on the sides of which there were two old defence lines, one extended along the Ural River from the Orsk Fortress to the Karagai Detachment and another ran along the Uy River to the Berezovsky Redoubt for about 350 versts. The initiators of the new defensive line planned the new line fortresses and fortifications to be inhabited necessarily by the cossacks, who could themselves protect their homes from nomads. Therefore, the cossacks were moved from the old line fortresses and the inner cantons to the fortifications built along the New Line. The soldiers of the 4th, 6th, 8th and 10th Orenburg battalions located in the Verkhneuralskaya, Tanalytsky, and Magnitnaya and Stepnaya fortresses were transferred to the “Cossack rank” and were also resettled in the fortresses and redoubts of the New Line. In total, from 1835 to 1837, 28 field fortifications and fortresses were built there.

After the publication of the “Highest Approved Regulation on the Orenburg Cossack Army” of December 12, 1840, the inner territory of the Novolineiny region was built up with stanitsas (cossack villages. The implementation of the “Regulations...” led to great changes in almost all areas of the cossacks’ life and service. Under the new provision, “the military-administrative structure underwent a radical change.” The host was divided into two

«Министр финансов управляет ими посредством Департамента Горных и Соляных дел и местных их начальств». Это возвращение централизованного управления уральской промышленностью было закреплено еще Указом от 25 июля 1811 года «Учреждения министерства финансов». Высшим сановникам во главе с Александром I нужен был централизованный орган управления промышленностью, но только полностью подотчетный министру финансов. Кодификация 1832 года это только подтвердила.

Величина горной подати в России на протяжении всей первой половины XIX века была самой высокой во всей Европе. Если английские промышленники платили от 0,5 до 1 % дохода, французские — 5 %, прусские — 2 %, австрийские — 11 %, то русские отдавали государству от 10 до 15 % горной подати с меди и с выплавленного чугуна. И это еще помимо подушной подати, рекрутской повинности и земских сборов, которые также взимались с горнозаводчиков со всей строгостью закона. Тем не менее в условиях избирательной протекционистской политики, проводимой Александром I и Николаем I, когда ввоз иностранного чугуна и железа был практически запрещен, металлургические заводы Южного Урала, хотя и с трудом, но еще сводили концы с концами.

Если в период царствования Николая I промышленная политика по отношению к частным металлургическим заводам Южного Урала оставалась прежней, как и при его монаршем брате, то в улучшении обороны государственной границы и в области управления Оренбургским казачьим войском все-таки произошли кардинальные изменения. Проект новой оборонительной линии, составленный под руководством В. А. Перовского, был одобрен военным министром А. М. Чернышевым в 1834–1835 годах. Проект предполагал строительство между Орской крепостью и Березовским редутом по прямой через степь новой пограничной линии. В дальнейшем по ее названию внутренние земли получили наименование «Новолинейный район». Его территория представляла собой треугольник, сторонами которого являлись две старые оборонительные линии — по реке Урал от Орской крепости до Карагайского отряда, и по реке Уй до Березовского редута — на протяжении также около 350 верст. По замыслу строителей новой оборонительной линии жителями новолинейных крепостей и укреплений должны были быть непременно казаки, которые могли бы самостоятельно защитить от кочевников свои жилища. Поэтому в возводимые по Новой линии укрепления и переселили казаков из крепостей старой линии и внутренних кантонов. В «казачье звание» были переведены солдаты 4, 6, 8 и 10-го оренбургских батальонов, размещавшихся в Верхнеуральской, Таналыцкой, Магнитной и Степной крепостях, их также расселили по

Въездной знак № 22 станции Варшавской (поселок Варшавка Карталинского района). Названа была в память взятия Варшавы русскими войсками под командованием генерала И. Ф. Паскевича 6–8 сентября 1831 года в ходе подавления Польского восстания 1830–1831 годов. За взятие Варшавы И. Ф. Паскевич был удостоен княжеского титула с наименованием «князь Варшавский»

Entrance sign No. 22 of the Warsaw village (the Warsawka village of the Kartalinsky district). It was named in memory of the Warsaw capture by the Russian troops under the command of General I. F. Paskevich on September 6–8, 1831 during the suppression of the Polish uprising of 1830–1831. For the capture of Warsaw, I. F. Paskevich was awarded the princely title "Prince of Warsaw"

крепостям и редутам Новой линии. Всего в период с 1835 по 1837 год там было построено 28 полевых укреплений и крепостей.

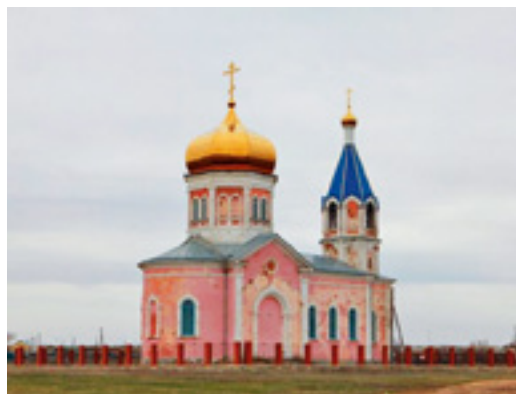
Внутренняя же территория Новолинейного района была застроена станицами, причем только после выхода в свет «Высочайше утвержденного положения об Оренбургском казачьем войске» от 12 декабря 1840 года. Его реализация привела к кардинальным переменам практически во всех областях жизни и службы казаков. По новому положению «коренному изменению подверглось военно-административное устройство». Войско было поделено на два военных округа, которые в свою очередь делились на десять полковых округов. Но в первую очередь по «Положению...» решался земельный вопрос. На основании параграфа 1 войско получало сплошную территорию земли по всему протяжению Оренбургской линии, от границ Сибири до пределов Уральского казачьего войска. В эту сплошную территорию и вошли земли Новоилецкого и Новолинейного районов. Строительство станиц в Новолинейном районе осуществлялось в период с 1842 по 1844 год. Всего казаками-переселенцами там были построены 32 станицы.

С воцарением Александра II величина горной подати мало того что была подтверждена горным уставом 1857 года, но и продержалась еще до 1869 года без каких-либо изменений. И только Указом от 29 мая 1869 года ее уменьшили. Причем если для чугуноплавильных заводов

Николаевская крепость, построенная в 1836 году. Варненский район
Nicholaevsk fortress, built in 1836.
Varna region

Церковь апостолов Петра и Павла. Великопетровка
Church of the Apostles Peter and Paul.
Velikopetrovka

parts affiliated to two military districts, which in turn were divided into ten regimental districts. But first of all, according to the "Regulations ..." the land issue was solved. On the basis of paragraph 1, the host received a continuous territory of land along the entire length of the Orenburg line, from the borders of Siberia to the borders of the Urals cossack army. In this territory the lands of the Novoiletsky and Novolinainy regions were included. In the Novolinainy region, the construction of cossack villages (stanitsas) was carried out from 1842 to 1844. In total, 32 villages were built there by the cossack resettlers.

With the accession of Alexander II, the amount of the mining tax was confirmed by the Mining Regulations of 1857 and lasted until 1869 without any changes. And it was only by the Decree of May 29, 1869, that the tax was reduced. Whereas for the iron-smelting plants, the decrease was significant, it was insufficient for the copper-smelting plants. The noble entrepreneurs were to pay 1.5 kopecks per pound of smelted pig iron, while the same tax for the entrepreneurs of non-noble origin became $2 \frac{3}{4}$ kopecks. For the noble entrepreneurs, the tax per pound of smelted copper was 50 kopecks for primary deposits and 25 kopecks for sedimentary deposits on the western slope of the Urals. The non-noble origin entrepreneurs were to pay the tax of one rouble per pound of smelted copper for primary deposits and the tax of 75 kopecks for sedimentary deposits on the western slope of the Urals.

Regarding the issued "Code of Mining Institutions and Regulations" of 1857, it should be emphasized that it was not fundamentally different from the Mining Regulations' draft of 1806, and even less so from the Mining Regulations of 1832 and 1842. Of course, the question of revising the "Code of the Mining Regulations" was discussed in high government offices; even a special commission was created but under Alexander II, the final version was never done. The only thing that happened under Alexander II in the field of managing the metallurgical industry of Russia in general, and of the South Urals in particular was that it was withdrawn from the subordination of the Ministry of Finance.

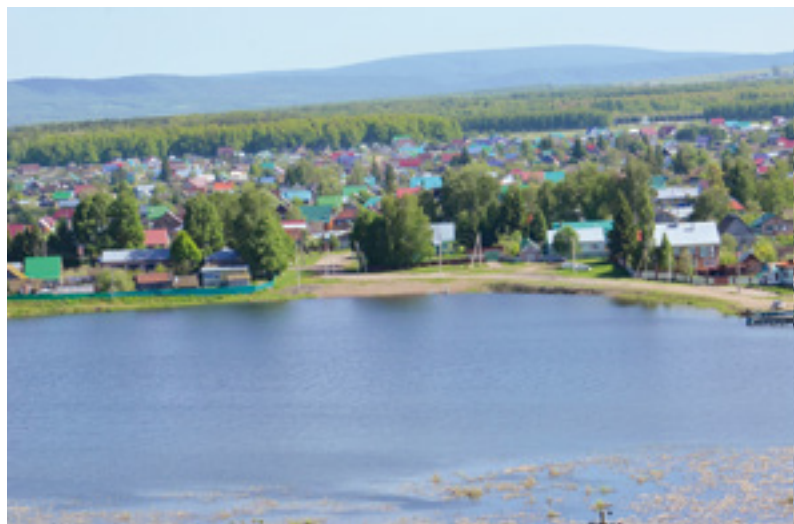
Summarizing the activities of metallurgical plants during the reign of Alexander II, one important thing should be noted. Though, by virtue of the permissive tariffs of 1857, 1859 and 1868, the private pig iron-smelting and iron-making factories of the South Urals stopped their production for a long time, they did not shut down completely. The iron foundries, as a rule, both by lease or through sale, were transferred to other, more wealthy owners and continued to work. This became especially noticeable, when in 1869, the government significantly reduced the tax on smelted iron. As a result, the Urals factories noticeably increased their pig iron production from 14 million pounds in 1869 to 18 million pounds in 1875. As for percentage, in 1875 in the Urals, 72 % of the total amount of pig iron was smelted, while in Central Russia, only 14 % was smelted, and in the South, they smelted only 2.5 %. The private smelters were literally left to the mercy of fate, mildly said. One gets the impression that they were deliberately brought to a complete stop and shut down, so that the vacated factory land and forests could be put into state turnover. As a result, during the reign of Alexander II in the South Urals, six more smelting plants were stopped and finally shut down, the Nizhny Troitsky, Upper Troitsky, Usen-Ivanovsky, Bogoslovsky, Kananikolsky, Shilvinsky plants.

After the assassination of Alexander II on March 1, 1881, his son Alexander III ascended to the Russian throne. With his accession, significant changes took place in the industrial policy of Russia. First of all, the customs policy was revised. Not immediately, but barrage tariffs on foreign cast iron, iron and steel were introduced. There was an increase in taxes on imported copper. And the most important that happened during the reign of Alexander III was the beginning of the construction of the Trans-Siberian Railway. Of utmost importance for the South Urals was the Railway's western section from Samara via Ufa, Zlatoust, and Chelyabinsk. In the period from 1885 to 1892, the construction of the western section of the Trans-Siberian Railway was crucial for the further fate of the iron foundries and ironworks in the South Urals. In fact,

уменьшение произошло значительное, то для медеплавильных оно являлось недостаточным. С пуда выплавленного чугуна на владельческих заводах начали брать по 1,5 копейки, а с посессионных — по 2 $\frac{3}{4}$ копейки. С пуда же выплавленной меди с владельческих заводов взималось по 50 копеек для коренных месторождений и по 25 копеек для осадочных месторождений на западном склоне Урала. С пуда выплавленной меди на посессионных заводах — по 1 рублю для коренных месторождений и по 75 копеек для осадочных месторождений на западном склоне Урала.

По поводу издания «Свода учреждений и уставов горного управления» 1857 года следует особо подчеркнуть, что он не имел никаких принципиальных отличий ни от проекта горного положения 1806 года, ни тем более от горных уставов 1832 и 1842 годов. Разумеется, вопрос о пересмотре «Свода Устава Горного» обсуждался в высоких правительственных кабинетах, даже была создана специальная комиссия, но окончательного варианта при Александре II так и не было принято. Единственное, что произошло при Александре II в области управления металлургической промышленностью России вообще и Южного Урала в частности, так это ее выведение из подчинения министерства финансов.

Подводя краткий итог деятельности металлургических заводов в период царствования Александра II, следует отметить одну важную особенность. Если частные чугуноплавильные и железодельные заводы Южного Урала в силу действия разрешительных тарифов 1857, 1859 и 1868 годов и останавливались на продолжительное время, тем не менее, они не закрывались окончательно. Чугуноплавильные заводы, как правило, или путем аренды, или через продажу переходили к другим, более состоятельным владельцам, но продолжали работу. Особенно это стало заметно, когда в 1869 году правительство значительно снизило подати с выплавленного чугуна. Как результат, произошел заметный рост выплавки чугуна на уральских заводах с 14 миллионов пудов в 1869 году до 18 миллионов пудов в 1875-м. В процентном отношении на Урале в 1875 году выплавлялось 72 % общего количества чугуна, в Центральной России — 14 %, на юге — только 2,5 %. Причем частные медеплавильные заводы в буквальном смысле были брошены на произвол судьбы, и это еще мягко сказано. Складывается впечатление, что их сознательно доводили до полной остановки и закрытия, с тем чтобы освободившуюся заводскую землю и леса перевести в казенный оборот. В итоге за период царствования Александра II на Южном Урале было остановлено и окончательно закрыто еще шесть медеплавильных заводов — Нижний Троицкий, Верхний Троицкий, Усень-Ивановский, Богословский, Кананикольский, Шилвинский.

После убийства 1 марта 1881 года Александра II на российский престол взошел его сын Александр III. С его воцарением произошли значительные перемены в промышленной политике России. В первую очередь, была пересмотрена таможенная политика. Не сразу, но введены заградительные тарифы на иностранные чугун, железо и сталь. Произошло повышение пошлин и на привозную медь. И самое главное, что произошло в период царствования Александра III, — началось строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Для Южного Урала наиболее важное значение имел ее западный участок от Самары через Уфу, Златоуст, Челябинск. Строительство западного участка Транссибирской железнодорожной магистрали в период с 1885 по 1892 год сыграло решающее значение для дальнейшей судьбы чугунолитейных и железодельных заводов Южного Урала. В сущности, этот факт трудно переоценить. С 1880-х годов для них наступил, без преувеличения, период возрождения. На Южный Урал потянулся капитал не только российских промышленников, но и международных торговых домов и банков.

При Александре III еще три медеплавильных завода — Преображенский в 1884 году, Богоявленский в 1887 году, Архангельский в 1891 году — остановили выплавку меди. И это не смотря на то, что тарифы 1882, 1885, 1886 годов и 20 %-я надбавка в 1890 году значительно сократили привоз иностранной меди. Тем не менее в общем объеме и это количество привозной меди оказало сильное влияние на внутренний рынок, что и заставило владельцев медеплавильных заводов вначале остановить производство, а затем и полностью закрыть заводы. Другими словами, стремление правительства Александра III защитить российских производителей меди одним только введением повышенных пошлин, без снижения величины подати

Пруд и плотина бывшего Архангельского медеплавильного завода (закрыт в 1891). Справа от плотины (где зеленая поляна) находилась медеплавильная фабрика. Типичная картина закрытых во второй половине XIX века медеплавильных заводов Южного Урала. Фото А. Таирова. 2019 год
Pond and dam of the former Arkhangelsk copper smelting plant (shut down in 1891). To the right of the dam (where there is a green meadow) there was a copper smelting plant. Typical sight of the South Urals copper smelting plants shut down in the second half of the XIX century

it is difficult to overestimate. Without exaggeration, since the 1880s, the South Urals metal logical industry stepped into its revival period. The South Urals was attracting investments of not only the Russian industrialists, but also of international trading houses and banks.

Under Alexander III, three more smelters, Preobrazhensky in 1884, Epiphany in 1887, Arkhangelsk in 1891, stopped smelting copper. And this happened despite the fact that the tariffs of 1882, 1885, 1886 and the 20 % tax increase of 1890 significantly reduced the import of foreign copper. Nevertheless, in general, even this reduced volume of imported copper had a strong influence on the domestic market and forced the smelters' owners to first stop their production and then completely shut down the plants. In other words, the effort of the Alexander III government to protect the Russian copper producers by simply introducing increased taxes on foreign copper without reducing the amount of tax on domestically smelted copper did not give positive results. Moreover, with the introduction of the tariff of 1891, the influx of foreign copper increased again, which predetermined the fate of the remaining three operating smelters in the South Urals. In 1896, the Voskresensky plant, and in 1899, the Blagoveshchensky smelter stopped producing copper. The last to be closed in 1913 was the Verkhotsky plant.

As a conclusion, it should be noted that whereas under Paul I only the heirs of Larion Luginin put up the Zlatoust plants for sale, in the period from 1825 to 1855 already three groups of plant owners sold their plants, as they say, into "the foreign hands". The second half of the XIX century was characterized by the shutdown of all the smelters in the South Urals.

A detailed comparison of the Russian mining legislation of the XVIII century with the Mining Regulations Draft of 1806, which was in force throughout the XIX century, allows concluding that these are two completely different blocks

of laws. The fundamental acts of the XVIII century Mining law were aimed at the development of ferrous and non-ferrous metallurgy in Russia. It previewed a wide attraction of the private Old Believer's capital. It is important to emphasize here that in the Berg Privilege, Berg Regulations and related by-laws, the purchase of land and forests for plants, as well as providing them with labour were considered as a useful national business, and not as a handout in the form of a grant. The consequence of this useful for the state business was the principle of equal taxation of nobles and industrialists of non-noble origin.

Whereas Mining Regulations of the XIX century, drawn up on the basis of the Mining Regulations draft of 1806, pursued exclusively the fiscal interests of the treasury, which had nothing to do with the economic prosperity of Russia. The Mining Regulations draft of 1806 itself was not a fundamental act of the Mining law. His articles were compiled by Count Vasiliev on the basis of the Catherine II manifesto of June 28, 1782 "On the distribution of property rights ..." and the Gramota of April 21, 1785 granted to the nobility, which in turn predetermined the estate (unequal) nature of taxation of metallurgical plants in Russia in general, and the South Urals in particular. It is the estate (unequal) nature of the Russian metallurgical plant taxation, that made it possible to introduce such concepts as "without any allowance from the treasury", "instituted by private people with allowance from the treasury" both, to the Mining Regulations draft of 1806, and to the Mining Regulations of the XIX century. A direct consequence of the Mining Regulations draft of 1806 was the emergence of the possessive property right, which became another real obstacle to the development of the metallurgical industry in the South Urals in the XIX century.

с выплавленной меди, не принесли положительных результатов. Тем более что с введением тарифа 1891 года приток иностранной меди вновь усилился, что и предопределило судьбу оставшихся трех действующих медеплавильных заводов Южного Урала. В 1896 году Воскресенский, а в 1899 году Благовещенский медеплавильные заводы остановили производство меди. Последним был закрыт в 1913 году Верхоторский завод.

В качестве заключения следует отметить, что если при Павле I только наследники Лариона Лугинина выставили Златоустовские заводы на продажу, то в период с 1825 по 1855 год уже три группы заводоладельцев продали свои заводы, что называется, в «чужие руки». Вторая же половина XIX века охарактеризовалась остановкой и закрытием всех медеплавильных заводов Южного Урала.

Детальное сопоставление российского горного законодательства XVIII века с проектом Горного положения 1806 года, действовавшим на всем протяжении XIX столетия, позволяет заключить, что это два совершенно разных блока законов. основополагающие акты горного права XVIII века были направлены на развитие черной и цветной металлургии в России. Причем с широким привлечением частного старообрядческого капитала. И здесь важно подчеркнуть, что в Берг-привилегии, Берг-регламенте и связанных с ними подзаконных актах покупка земли, лесов под заводы, как и обеспечение их рабочей силой, трактованы

как полезное общенародное дело, а не как подачка в виде пособия. Следствием этого полезного для государства дела и стал принцип равного налогообложения для дворян, так и промышленников недворянского происхождения.

Тогда как горные уставы XIX века, составленные на основе проекта Горного положения 1806 года, преследовали исключительно фискальные интересы казны, не имевшие ничего общего с экономическим процветанием России. Сам же проект Горного положения 1806 года не являлся основополагающим актом горного права. Его статьи были составлены графом Васильевым на основе манифеста Екатерины II от 28 июня 1782 года «О распространении права собственности...» и жалованной грамоты дворянству от 21 апреля 1785 года. Что в свою очередь и предопределило в дальнейшем сословный (неравный) характер налогообложения металлургических заводов России вообще и Южного Урала в частности. Именно сословный (неравный) характер налогообложения металлургических заводов России и позволил ввести как в проект Горного положения 1806 года, так и в Горные уставы XIX века такие понятия, как «без всякого от казны пособия», «заведены частными людьми с пособием от казны». Прямым следствием проекта Горного положения 1806 года и стало появление посессионного имущественного права, ставшего еще одним подлинным препятствием для развития металлургической промышленности на Южном Урале в XIX веке.

Река Уфа. Фото С. Арканова
The Ufa river. Photo: S. Arkanov

И. В. Сибиряков.
**ЮЖНЫЙ
УРАЛ. ВЕК
ДВАДЦАТЫЙ**

I. V. Sibiryakov.
**THE SOUTH
URALS. THE
TWENTIETH
CENTURY**

Урал черно-белый. Челябин-
ская область. Апрель 2019 года.
Фото: В. Шарапов
The Urals in black and white.
Chelyabinsk Oblast. April, 2019.
Photo: V. Sharapov

Глава 8. ЮЖНЫЙ УРАЛ. ВЕК ДВАДЦАТЫЙ*

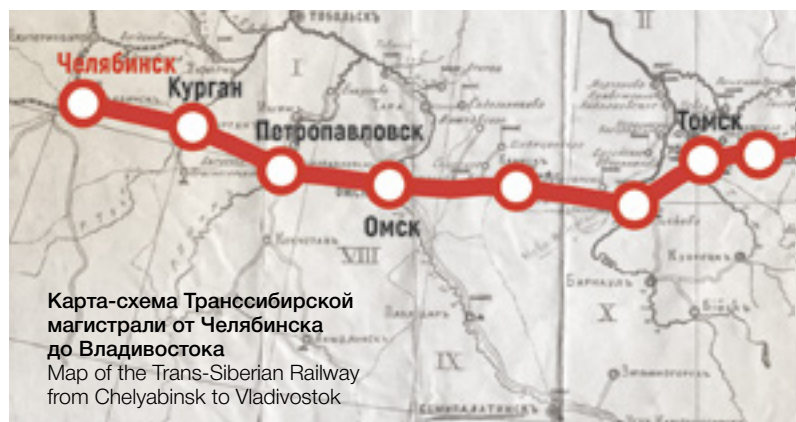
Двадцатый век стал одним из самых драматических периодов в истории региона и страны в целом. На протяжении столетия кардинально и много раз менялась жизнь миллионов южноуральцев. Многочисленные войны, социальные и экономические эксперименты, серьезные успехи в развитии науки, культуры, спорта удивительным образом сочетались с тяжелейшими социальными катастрофами, экономическими кризисами, демографическими «ямами». Описать все эти явления в рамках единого монографического исследования для современных ученых пока сложно, поэтому представлять историю края пока проще в виде отдельных «очерков», посвященных наиболее важным событиям и процессам в истории Южного Урала XX века. При подборе ключевых сюжетов мы исходили из нескольких базовых принципов. Главный из них заключается в том, чтобы воспринимать XX век как совершенно особый этап в развитии Южного Урала. Уникальность двадцатого века определяется не только большим количеством событий общероссийского и регионального уровня, во многом определивших основные тенденции развития региона, но и особой высокой скоростью тех социальных, экономических, политических процессов, в которых участвовали южноуральцы. Часто эти процессы носили противоречивый, болезненный характер и приводили к неоднозначным результатам, которые не позволяют сегодня воспринимать историю Южного Урала в XX веке, как череду побед и достижений.

Регион, чья территория в начале века входила в состав двух российских губерний (Уфимской и Оренбургской),

*
Данная глава представляет собой дайджест очерков из восьмого тома «История Южного Урала», подготовленных Н. А. Антипиным, А. В. Будановым, Е. В. Волковым, Т. В. Вольфович, А. С. Дюрягиным, Н. С. Журавлевой, А. В. Конюченко, И. В. Нарским, М. Н. Потемкиной, И. В. Сибиряковым (составитель и научный редактор), А. И. Сысовым, Г. С. Трифионовой, А. Н. Федоровым, Н. В. Черновой.

встретил новый век в состоянии очередного серьезного кризиса. Причины его были неразрывно связаны с модернизацией, что набирала скорость во всех сферах жизни общества в различных уголках страны. Проигрывая экономическое соревнование новым промышленным центрам Российской империи, Южный Урал в лице наиболее одаренных представителей политической, интеллектуальной и бизнес-элиты региона пытался найти свое, особое место в формирующейся социально-экономической реальности России XX века.

Своеобразным символом начала нового периода в жизни региона стала Транссибирская железная дорога. Она позволила не только существенно ускорить экономическое развитие Южного Урала, но и оказала заметное влияние на политическую, социальную и культурную жизнь края. Писатель Д. Л. Мордовцев искренне восхищался людьми, строившими эту магистраль, — «теми неутомимыми „гномами“, гением и энергией которых была пробита „каменная грудь“ великана, отделяющего Европу от Азии, и которые создали себе бессмертный, хотя и „рукотворный“ памятник, столь же прочный, как и египетские пирамиды».

Карта-схема Транссибирской
магистральной от Челябинска
до Владивостока
Map of the Trans-Siberian Railway
from Chelyabinsk to Vladivostok

Chapter 8. **THE SOUTH URALS. THE TWENTIETH CENTURY***

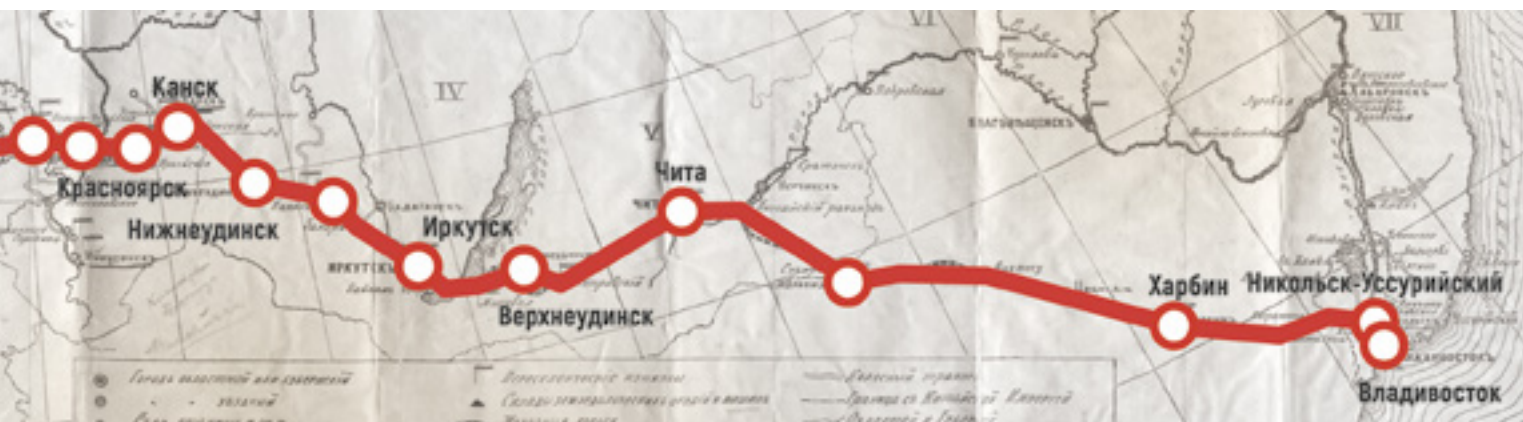
The twentieth century has become one of the most dramatic periods in the history of the region and of the country as a whole. Over the course of a century, the lives of the millions of the South Urals habitants many times changed dramatically. Numerous wars, social and economic experiments, serious achievements in science, culture, and sports were amazingly combined with severe social disasters, economic crises, and demographic “pits”. It is still difficult for modern scientists to describe all these phenomena within the framework of a single monographic study, therefore it is still easier to present the history of the region in the form of separate “essays” devoted to the most important events and processes of the XX century South Urals history. When selecting key stories, we proceeded on several basic principles. The main one is to perceive the twentieth century as a completely special

*
This chapter is a digest of essays from the eighth volume of the “History of the Southern Urals”, prepared by N. A. Antipin, A. V. Budanov, E. V. Volkov, T. V. Volfovich, A. S. Dyuryagin, N. S. Zhuravleva, A. V. Konyuchenko, I. V. Narsky, M. N. Potemkina, I. V. Sibiryakov (compiler and scientific editor), A. I. Sysov, G. S. Trifonova, A. N. Fedorov and N. V. Chernova.

stage in the development of the South Urals. The uniqueness of the twentieth century is determined by not only a large number of events at the national and regional levels, which in many ways formed the main trends in the development of the region, but also by a particular high speed of those social, economic, and political processes, in which the South Urals people participated. These processes were often controversial, painful in nature and led to mixed results that do not allow perceiving the XX century South Urals history as a series of victories and achievements.

The region, whose territory at the beginning of the century was part of two Russian gubernias (Ufa and Orenburg), met the new century in a state of another serious crisis that was inextricably linked with modernization, which was gaining speed in all spheres of the society in various parts of the country. Losing the economic competition to the new industrial centres of the Russian Empire, the South Urals was trying to find its own, special place in the emerging social-economic reality of the XX century Russia through the most gifted representatives of the political, intellectual and business elite of the region.

The Trans-Siberian Railway became a kind of symbol of a new period in the region life. It both, significantly

В самом деле, сколько нужно было иметь в запасе технических знаний и строительной, строго математической сообразительности, сколько требовалось предварительных цифровых выкладок при исчислении предстоящих в непроходимых дебрях работ и физического и умственного труда для приведения этих исчислений в дело, в жизнь, каким лишениям приходилось подвергаться в горных и болотистых местностях, где убийственная сырость и невыносимые страдания от насекомых, от туч болотной мошкары, которой не выносил ни один рабочий, могли лишить энергии даже каменных людей, сколько нужно было всего этого запаса терпения, настойчивости и прочей дьявольщины, чтобы «перескочить в Азию»!..

Специалисты расценивали Самаро-Златоустовскую дорогу как важнейший связующий элемент железнодорожной сети, создаваемой в рамках транссибирского железнодорожного проекта. Протянувшись на 1057 верст с запада на восток от правого берега Волги, она заканчивалась Челябинском — узловой станцией, трех дорог: Самаро-Златоустовской, Западно-Сибирской и Пермь-Тюменской. Как справедливо отмечает профессор А. И. Конюченко,

«больше всех южноуральских городов от прокладки железной дороги выиграл захолустный уездный Челябинск, превратившийся в важный транспортный узел Российской империи, который стали называть воротами в Сибирь».

Побывавший в Челябинске в 1909 году бывший депутат Второй Государственной думы И. В. Жилкин написал: «Челябинск — проходной двор. С гримасой говорят о Челябинске засевшие здесь интеллигенты. Двое ворот всегда распахнуты в проходном дворе: одни — в европейскую Россию, другие — в Сибирь. Дело не в одних переселенцах, которые густой волной, непрерывно, сотнями тысяч переливаются через Челябинск. Всякий люд стремится в Сибирь, и многие застревают в Челябинске. Хотя с порога проходных ворот, повернувшись лицом к Сибири, видишь лишь бесконечную снежную степь, и только ветер, разбежавшись с тысячеверстной дали, бьет хлестко и звонко по глазам, но все же в этом странном, пестром проходном городе отчетливо и ясно чувствуешь: гудит, пробуждается Сибирь.

К добру или худу — пока неизвестно, но из Челябинска видишь, что многие стороны сибирской промышленной

Станция
у города
Сима. Лето
2010 года.
Фотография
С. М. Про-
кудина-
Горского
Station near
the town of
Sim. Summer
2010. Photo by
S. M. Prokudin-
Gorsky

accelerated the economic development of the South Urals, and significantly affected the political, social and cultural life of the region. The writer D. L. Mordovtsev sincerely admired the people who built this railway, “those tireless “gnomes” whose genius and energy pierced the “stone chest” of the giant separating Europe from Asia, and who created an immortal, although “man-made” monument to themselves that is as strong as the Egyptian pyramids”.

Indeed, think, how much technical knowledge and strictly mathematical construction maturity were needed, how many preliminary digital calculations were required when planning the upcoming works in the impassable wilds, how much physical and mental labour it took to bring these calculi to life, what deprivation the people had to be exposed to in the mountains and marshes with murderous dampness where unbearable suffering from insects and clouds of swamp midges that no worker could stand and that could deprive of energy even stone people, how much patience, perseverance and other devilishness were needed to “jump to Asia”!..

Experts considered the Samara-Zlatoust railway as the most important connecting element in the railway network that was being created as part of the Trans-Siberian railway project. Stretching for 1057 miles from West to East from the right bank of the Volga River, it ended in Chelyabinsk that was the junction station for the three railways: Samara-Zlatoust, West Siberian and Perm-Tyumen. As Professor A. I. Konyuchenko rightly notes, «provincial Chelyabinsk of all of the South Ural cities won the most from the creation of the railway, which turned it into an important transport hub of the Russian Empire and which was called the gates to Siberia.”

A former deputy of the Second State Duma, I. V. Zhilkin who visited Chelyabinsk in 1909 wrote: “Chelyabinsk is a through-passage yard. The intellectuals sitting here speak about Chelyabinsk with a grimace. Two gates are always open in this through-passage yard: one, — to European Russia and the other, — to Siberia. It is not a matter of migrants alone who in a dense wave, continuously, in hundreds of thousands pass through Chelyabinsk. People try to get to Siberia but many of them get stuck in Chelyabinsk. Although, at the pass-through gate threshold, having turned towards Siberia, you only see the endless snow steppe, and only the wind, which ran up from the thousand-verst distance, beats gleamingly and loudly in the eyes, yet in this strange, motley pass-through town you can clearly feel: it’s Siberia, that is buzzing and awakening.

For good or worse, it is still unknown, but from Chelyabinsk you see that many aspects of the Siberian industrial and commercial life are developing extremely fast, almost feverishly. Trade in Siberia is growing, and Chelyabinsk is naturally growing. It is, for now, the only gate, through which the Siberian wealth is rolling in waves to Europe. Various

commercial and commercial people are coming to Chelyabinsk from Russia. Everyone is attracted by a sweet opportunity for quick profit...»

Thus, the new railway did not just open the “gateway to Siberia”; it speeded up the country's integration process, which was so important on the eve of major military conflicts.

In the cause of construction and operation of the Trans-Siberian Railway, the state was able to speed up many migration processes. It was no coincidence that a special mission in the implementation of the resettlement policy of P. A. Stolypin was assigned to the South Urals.

The purpose of the resettlement course was to move the population, mainly rural, for a permanent residence in the sparsely populated border regions and free territories of Russia. The resettlement was one of the types of population migration and the main means of internal land colonization. The determining factors of this process, as recognized by the PhD of historical sciences N. A. Antipin, were agricultural overpopulation in the European part of Russia, social contradictions in the countryside, government policy, the availability of accessible and convenient roads

Памятник
П. А. Столыпину в Челябинске.
Скульптор
А. Плохоцкий.
Фотография
С. Арканова
Monument to
P. A. Stolypin
in Chelyabinsk.
Sculptor
A. Plohotsky.
Photo by
S. Arkanov

Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) — государственный деятель, реформатор. Происходил из старинного дворянского рода, известного с XVI века. Окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета (1884). С 1889 года уездный, затем губернский предводитель ковенского дворянства. С 1902 года губернатор Гродненской, в 1903–1906 годах — Саратовской губерний. 26 апреля 1906 года назначен министром внутренних дел. С 8 июня того же года одновременно председатель Совета министров. Осуществил аграрную реформу, законодательно закрепившую право выхода крестьян из общины и имевшую целью сформировать слой зажиточного крестьянства. 1 сентября 1911 года был смертельно ранен в Киеве. Похоронен в Киево-Печерской лавре. 22 ноября 2017 года в Челябинске на площади перед Залом камерной и органной музыки «Родина» был открыт памятник П. А. Столыпину (скульптор А. Плохоцкий).

Petr Arkadyevich Stolypin (1862–1911) was a statesman and reformer. He was born to an old noble family known since the XVI century. He graduated from the Faculty of Physics and Mathematics of St. Petersburg University (1884). In the period of 1889–1902, he served as marshal of the Kovno gubernia. In 1902, Stolypin was appointed governor in the Grodno gubernia; in 1903–1906 he was the governor of the Saratov gubernia. In April, 26, 1906, Stolypin was appointed Interior Minister. Since June 8 of the same year, he simultaneously served the chairman of the Council of Ministers. He carried out an agrarian reform, which legally secured the rights of peasants to leave the community and was aimed at forming a layer of prosperous peasantry. On September 1, 1911, Stolypin was mortally wounded in Kiev. He was buried in Kiev Pechersk Lavra. On November 22, 2017, in Chelyabinsk, a monument to P. A. Stolypin (sculptor A. Plohotsky) was unveiled in the square in front of the chamber and organ music “Rodina” Hall.

Вид с колокольни Рождество-Богородицкой церкви на Челябинский переселенческий пункт. 1900-е годы
View from the bell tower of the Rozhdestvo-Bogoroditsky Church at the Chelyabinsk resettlement point. 1900s

и торговой жизни чрезвычайно быстро, почти лихорадочно развиваются. Растет торговля Сибири, естественно растет и Челябинск. Здесь пока единственные ворота, через которые волнами перекачивается в Европу сибирское добро. В Челябинск из России идет разный коммерческий и торговый люд. Всех манит сладкая возможность быстрой наживы...»

Таким образом, новая железная дорога не просто открыла «ворота в Сибирь», она позволила многократно ускорить процесс интеграции страны, столь важный накануне крупных военных конфликтов.

В ходе строительства и эксплуатации Транссибирской железной дороги государство получило возможность форсировать многие миграционные процессы. Неслучайно Южному Уралу была отведена особая миссия в реализации переселенческой политики П. А. Столыпина.

Суть переселенческого движения заключалась в перемещении населения, преимущественно сельского, на постоянное жительство в малонаселенные окраинные районы России и на свободные территории. Переселенческое движение было одним из видов миграции населения

and transportation vehicles. On August 22, 1910, Prime Minister P. A. Stolypin visited Chelyabinsk. Informing about this trip, the Petersburg Telegraph Agency reported: "For two hours, we examined the resettlement management agencies that had a capacity of receiving and sending farther 10,000 migrants per day. Examined were overnight barracks, hospital outpatient clinics, shops for selling basic necessities and weapons to migrants, a dining room where state secretary Stolypin tasted food, a bathhouse, laundry and other facilities that formed a whole resettlement town with the area of ten acres, which turned out to be in exemplary cleanliness and order. "Stolypin and Krivoshein talked to the migrants in the barracks and in the hospital." According to the memoirs of the contemporaries, P. A. Stolypin was in general pleased with what he saw.

At the peak of its development, the Chelyabinsk resettlement centre was a complex of more than a hundred different structures. The territory of the centre was divided into three parts. The first part was a resettlement parking ground, where the railway tracks and platforms were located. The second part was a common courtyard. There were two offices there,

the office of the head of the migrant movement across European Russia and Western Siberia and the office of the head of the West Siberian subdistrict. There were also a reception building and canteens, the latter could simultaneously serve more than three thousand people. In the common courtyard there also were kitchens, resettlement barracks, a bathhouse, a laundry room, a water pump, glaciers, staff apartments, livestock rooms, an orphanage and a two-year school. The third part was occupied by the hospital courtyard where the outpatient clinic, pharmacy, hospital complex and medical staff apartments were located. "The hospital courtyard, separated from other buildings by a special fence and lined with trees, consists of 11 hospital buildings with 15 departments, a building with an emergency room and pharmacy, as well as a medical personnel housing. The entire hospital that is arranged as the St. Petersburg Botkin infection hospital with special barracks for each kind of infection is equipped with 120 beds; in spring, during the period of increased migration, it also accepts a much larger number of patients" — said the description of the resettlement centre in 1910.

и основным средством внутренней колонизации земель. Определяющими факторами этого процесса, по признанию кандидата исторических наук Н. А. Антипина, являлись: аграрное перенаселение в европейской части России, социальные противоречия в деревне, политика правительства, наличие доступных и удобных путей сообщения и транспортных средств. 22 августа 1910 года премьер-министр страны П. А. Столыпин побывал в Челябинске. Рассказывая об этой поездке, Петербургское телеграфное агентство сообщало: «В течение двух часов осматривали учреждения переселенческого управления, рассчитанные на прием и отpravку в день 10 000 переселенцев. Были осмотрены ночлежные бараки, амбулатория больницы, лавки для продажи переселенцам предметов первой необходимости и оружия, столовая, где статс-секретарь Столыпин пробовал приготовленную ожидавшемуся переселенческому поезду пищу, баня, прачечная и другие сооружения пункта, представляющего целый переселенческий городок площадью в десять десятин и оказавшегося в образцовой чистоте и порядке. Столыпин и Кривошеин расспрашивали находившихся в бараках и больнице переселенцев». По воспоминаниям современников, в целом П. А. Столыпин остался доволен увиденным.

На пике своего развития Челябинский переселенческий пункт представлял собой комплекс из более сотни различных сооружений. Территория пункта делилась на три части. Первая часть — переселенческий остановочный двор, куда подходили железнодорожные пути и располагались платформы. Вторая часть — общий двор. Здесь находились две канцелярии — заведующего передвижением переселенцев по Европейской России и Западной Сибири и заведующего Западно-Сибирским подрайоном, здание регистратуры, столовые, в которых одновременно возможно было накормить более трех тысяч человек, а также кухни, переселенческие бараки, баня, прачечная, водокачка, ледники, квартиры обслуживающего персонала, помещения для скота, детский приют и двухклассная школа. Третью часть занимал больничный двор, где располагались амбулатория, аптека, больничный комплекс и квартиры медицинского персонала. «Больничный двор, отделенный от прочих зданий особой оградой и обсаженный деревьями, представляет из себя 11 больничных построек с 15 отделениями, здание приемного покоя и аптеки и помещение для медицинского персонала. Вся больница, устроенная по типу петербургской Боткинской заразной больницы, со специальными бараками для каждого рода инфекций, оборудована на 120 кроватей; в весеннее же время, в период усиленного движения переселенцев, она принимает и гораздо большее число больных», — отмечалось в 1910 году в описании переселенческого пункта.

Многие жители Южного Урала, как и жители всей Российской империи, оказались участниками одной из самых масштабных военно-политических катастроф начала XX века — Первой мировой войны. В первый год войны в действующую армию из Оренбургской губернии было призвано свыше ста тысяч человек. Только из Челябинского уезда на фронт ушло почти 20 тысяч человек. При этом несколько сотен человек (в основном из низших чинов, состоявших на постоянном учете в управлении челябинского уездного воинского начальника) при общей мобилизации в 1914 году на воинскую службу не явились.

Экстренные выпуски
газеты «Голос Приуралья».
Июль 1914 года

Special issues
of the newspaper "Voice
of the Urals". July 1914

Many inhabitants of the South Urals, as well as the inhabitants of the entire Russian Empire, participated in one of the largest military-political disasters of the early twentieth century, the First World War. In the first year of the war, over a hundred thousand people were called up to the army from the Orenburg gubernia. From the Chelyabinsk uезд alone, nearly 20 thousand people left for the front. At the same time, several hundred people (mainly the people of the lower ranks, who were registered with the Chelyabinsk district military commander office) did not turn up for military service during the general mobilization in 1914.

In general, from the beginning of the war until February 1917 in the Ural garrisons, more than 700 thousand troops were trained and sent to the front.

Агитационные плакаты, выпущенные в России в годы Первой мировой войны

Propaganda posters issued in Russia during the First World War

According to Professor I. V. Sibiryakov, in the early days of the war, the patriotic upsurge of the most diverse groups of the South Urals population was clearly manifested in various processions and church services, charity events and gatherings. In Chelyabinsk already on August 1, 1914, a donation committee was set up to assist the families of conscripted soldiers. On August 6, 1914, festivities were held in the Summer Garden of the Public Assembly; the money collected from the participants was "in favour of the families of reserve and militia soldiers called up for active service." As evidenced by the report published by the committee in the newspaper *Golos Priuralya* on August 23, 1914, the money collected from the sale of entrance tickets for the festivities amounted to 308 roubles 75 kopecks, and the sale of flowers brought 87 roubles 60 kopecks.

On August 9, 1914, a committee to assist families of reserve soldiers called up for the war arranged a "charity performance." According to the committee's report, the sale of tickets for this performance gave 604 roubles 5 kopecks.

In addition, regional newspapers started reporting on the disappearance and search of adolescents who had fled to the front. These "fugitives" were in a hurry to take part in the war to demonstrate their courage and heroism, their love for the Motherland.

On the other hand, with the declaration of the war, in the South Urals, as in many other regions of the country, there was a surge of anti-German mood and hostility towards the German origin people. According to various historical sources, from workers and employees, "streams of denunciations, collective letters, complaints, and other "petitions" poured into the gendarme administration of the cities, especially of those cities where there was military production."

In 1915–1916, regular provincial gendarme administration reports on the population mood in connection with the war still registered high patriotism of the *zemstvo* people including intelligentsia, as well as a keen desire for victory over the enemy on the part of the peasants and students, but it was increasingly recognized that "the highly patriotic mood of workers under the influence of the unsuccessful operations of our troops turned into a depressed state." And by the end of 1916, when it became clear that Russia was in no position to quickly and successfully end the war, the mood "in favour of making peace and ending the war as quickly as possible" began to intensify among various layers of the South Urals population.

A special place in the history of the South Urals of the twentieth century was belongs to the tragic events of 1917. "After the first half-rumours, semi-official reports about the beginning of a revolution," writes Professor I. V. Narsky, "in the early days of March, despite partial resistance from local authorities, the information about the events in the capital spread in the South Urals cities that provoked a response in the form

В целом же в уральских гарнизонах с начала войны и до февраля 1917 года было подготовлено и отправлено на фронт свыше 700 тысяч военнослужащих.

По мнению профессора И. В. Сибирякова, в первые дни войны патриотический подъем самых разных групп населения Южного Урала особенно ярко проявлялся в разного рода шествиях и церковных службах, благотворительных акциях и сборах. Уже 1 августа 1914 года в Челябинске был создан комитет по сбору пожертвований для оказания помощи семьям призванных в ряды войск. 6 августа 1914 года в Летнем саду Общественного собрания было проведено гулянье, сбор с которого был предназначен «в пользу семей запасных и ратников ополчения, призванных на действительную службу». Как свидетельствует отчет, опубликованный комитетом в газете «Голос Приуралья» 23 августа 1914 года, поступления от продажи входных билетов на гулянье составили 308 рублей 75 копеек, а от продажи цветов — 87 рублей 60 копеек.

9 августа 1914 года комитет по оказанию помощи семьям запасных, призванных на войну, устроил «благотворительный спектакль». Согласно отчету комитета, приход от продажи билетов на этот спектакль составил 604 рубля 5 копеек.

Кроме того, в региональных газетах стали появляться сообщения об исчезновении и поиске подростков, сбежавших на фронт. Эти «беглецы» торопились принять участие в войне, чтобы продемонстрировать свои мужество и героизм, свою любовь к Родине.

С другой стороны, с объявлением войны на Южном Урале, как и во многих других регионах страны, наблюдались всплеск антигерманских настроений и проявления враждебности к лицам немецкого происхождения. Как свидетельствуют самые разные исторические источники, «в жандармские управления городов, особенно тех, где существовало военное производство, хлынули потоки доносов, коллективных писем, жалоб и прочих “ходатайств” непосредственно от рабочих и служащих».

В регулярных отчетах начальников губернских жандармских управлений за 1915–1916 годы о настроениях населения в связи с войной по-прежнему отмечались высокий патриотизм земцев и интеллигенции, живой интерес и желание победы над врагом со стороны крестьян и учащихся, но все чаще признавался и тот факт, что «высокопатриотическое настроение рабочих под влиянием неудачных операций наших войск перешло в подавленное состояние». А к концу 1916 года, когда стало ясно, что Россия не в силах быстро и успешно завершить войну, среди различных слоев населения Южного Урала стали усиливаться настроения «в пользу скорейшего заключения мира и окончания войны».

Особое место в истории Южного Урала XX века заняли трагические события 1917 года. «После первых полуслухов — полуофициальных сообщений о начале революции,— пишет профессор И. В. Нарский,— информация о столичных событиях, несмотря на частичное сопротивление местных властей, в первые дни марта ураганно распространилась по городам Южного Урала, вызывая ответную реакцию в виде многочисленных манифестаций и митингов. В сельскую местность сведения о революции проникли с опозданием на недели. Было бы, видимо, преувеличением говорить о всеобщем восторге и воодушевлении по поводу смены политического режима — настроения колебались от радостных надежд на быстрое решение всех проблем до недоумения и равнодушия». Но большинству этих надежд не суждено было сбыться. В Челябинске, по воспоминаниям бывшего банковского служащего И. Д. Дмитриева, весной 1917 года из тюрьмы были выпущены 500–800 уголовных преступников с условием обязательного вступления в армию. Они были переведены в воинские казармы и влиты в 109-й полк. Однако с первых же дней под прикрытием солдатских шинелей начались ночные кражи и грабежи. Многочисленные шайки орудовали сначала на окраинах города, вблизи казарм, а затем на всей территории уездного центра. Караульщики, нанятые населением, разбежались. Жители пребывали в панике. Городская управа ничем не могла помочь ввиду отсутствия средств и малочисленности милиции. Летом город накрыли «мануфактурная паника» и хлебный кризис. Во многих районах Южного Урала нарастала волна насилия, не санкционированного и не контролируемого государством.

«Большая часть 1917 года,— по утверждению профессора И. В. Нарского,— прошла в обстановке совершенно неопределенной перспективы, неясной расстановки политических сил и невыраженных линий противостояния: “двоевластие” Советов и органов власти Временного правительства на периферии бывшей империи реально обрачивалось многовластием бесчисленных государственных, общественных и партийных органов, учреждений и организаций, бестолковая конкуренция которых на деле означала безвластие, паралич управления и контроля над происходящим».

Именно из этого хаоса родился феномен Гражданской войны, что оставила на Южном Урале глубокий кровавый след. В административно-территориальном плане военные действия на Южном Урале развернулись в Уфимской, Оренбургской и части Пермской губерний. Горная, лесистая и степная природные зоны,— по словам профессора Е. В. Волкова,— определили особенности вооруженной борьбы с применением маневров, когда широко не использовалась конница и основные боевые действия

of numerous demonstrations and rallies. The information about the revolution reached the countryside delayed for weeks. It would be an exaggeration to speak of general enthusiasm and joy in connection with the change of the political regime; moods ranged from joyful hopes for a quick solution of all problems to bewilderment and indifference.” Most of these hopes were not destined to come true. In Chelyabinsk, according to the memoirs of a former bank clerk I. D. Dmitriev, in the spring of 1917, 500–800 criminals were released from prison on the condition of mandatory service in the army. They were transferred to military barracks and poured into the 109th regiment. However, from the very first days, under the guise of soldiers' greatcoats, night thefts and robberies began. Numerous gangs operated first on the outskirts of the town near the barracks, and then throughout the whole territory of the uezd centre. The guards employed by the population fled. The residents were in a panic. The town authorities could not help because of the lack of funds and a small number of police officers. In the summer, the town was covered by a “manufacture panic” and bread crisis. In many South Urals regions, a wave of violence that was neither authorized, nor controlled by the state was growing.

According to professor I. V. Narsky, “Most of 1917 passed in the atmosphere of completely uncertain prospects, unclear relation of political forces and unexpressed lines of confrontation. On the periphery of the former empire, the “dual power” of the Soviets and the Provisional Government resulted in the multi-power of countless state, public and party bodies, institutions and organizations, the stupid competition of which in reality meant anarchy, paralysis of management and control over what was happening.”

It was from this chaos that the Civil War phenomenon was born, which left a deep bloody trail in the South Urals. On the administrative-territorial level, military operations in the South Urals unfolded in the Ufa, Orenburg and partially Perm gubernias. According to professor E. V. Volkov, the mountain, forest, and steppe natural zones determined the specificity of the military battles that went without wide use of cavalry. The battles were mainly fought on foot with little firepower. At the beginning, the military contingents of different sides were small in number; fronts as such were absent. Battles were often fought to conquer settlements along the railway lines. Insurgent movements widely developed on both sides. The overwhelming majority of the Urals peasants as a rule preferred to stay away from any battles and preserve their farms, rather than to participate in the fights. The civil war split the ranks of the Urals workers. Some of them ended up in the Red Army, others joined the White Army.

The specificity of the civil war in the South Urals was the heterogeneity of anti-Bolshevik power structures that

Демонстрация 1 мая 1917 года
в Златоусте

Demonstration on May 1,
1917 in Zlatoust

existed simultaneously or succeeded each other (the host government of the Orenburg cossack host, Samara committee of the Constituent Assembly members (Komuch), Bashkir government, Provisional Siberian government, Provisional regional government of the Urals, and the All-Russian governments of the Ufa Directory and Supreme Ruler admiral A. V. Kolchak), which did not contribute to the consolidation of these forces and to the public stability in the region. In addition, in the course of numerous territorial-administrative reorganizations, the borders of gubernias and uyezds changed. From May to November 1918, the Czechoslovak factor played a significant role in the Civil War in Eastern Russia (the Volga River region, Urals and Siberia). In May–August 1918, thanks to the support of the Czechoslovak troops, the local cossack detachments and other military units managed to liberate a number of cities, villages, towns and railway stations from the Reds. But after November 1918, the Czechoslovak troops, in which, by the way, many Russian officers served, ceased active battles against the Red Army and were sent to the rear. The civil war created favourable conditions for the fall of military discipline in the Czechoslovak troops. According to “Czechoslovensky Dennik”, the newspaper published in the unit, from mid-July 1918 to mid-January 1919, the military field courts of the corps examined 1,182 cases, of which 351 ended with the conviction of the guilty, and 480 were suspended mainly because the defendants had fled. In September–October 1918 alone, the military courts delivered 267 sentences: 60 for looting, theft, rudeness, drunkenness, and 270 for desertion, disobedience to orders, and espionage in favour of the enemy. Two of the convicted servicemen were sentenced to death,

Советский
плакат
«Вперед,
на защиту
Урала!» (1919).
Художник
А. П. Аpsит
(Аpsитис)
Soviet poster
"Forward,
to defend
the Urals!"
(1919). Artist
A. P. Apsit
(Apsitis)

265 of those convicted were given various terms of imprisonment. Starting January 21, 1919, "Czechoslovensky Dennik" was publishing name lists of deserters to be searched. Until mid-April 1919, there were at least 159 such deserters. In September 1920, the vast majority of Czechoslovak legionnaires along with refugees were evacuated from Vladivostok on ships bound for Europe across the American continent.

The parties warring in the civil war actively practiced terror against both, real and potential adversaries. In the context of the escalation of the war, in the Urals, the Bolsheviks killed the former Russian emperor Nikolai Romanov and his family.

The history of the South Urals of the 1920–40s was inextricably linked with the search for new models for the development of the economy, society, and culture. Professor I. V. Narsky states: "For several years between 1917 and the beginning of the 1920s, the relatively prosperous Ural region, that in 1917–1919, became one of the epicentres of the civil war combat operations, which involved front line moves and numerous changes of power, turned into ruins with destroyed industry and agriculture, and poor hungry people. The gross output of the Urals industry in 1921–1922 amounted to only 15 % of its volume of 1913. The iron and steel production was most rapidly declining. In 1920–1921, only 8 % of the 1913 pre-war cast iron volume was smelted in the Urals. The open-hearth metal, rolled objects and roofing iron production, as well as the iron ore mining decreased by 8–20 times; the Urals copper smelting ceased. In the South Urals in general and in the Chelyabinsk railway station in particular, the number of broken steam locomotives ranged from 50 to 70 %.

The change in the state of the Urals agriculture was like a jump into the abyss. In 1905 in the Urals, there was an average of more than 20 acres of land per peasant farm, which was almost twice as much as in European Russia. In the cossack territories of the South Urals, where the average allotment was 67.4 acres, the population almost did not experience land hunger. From 1913 to 1920, the sown area in the Urals decreased by three times. In 1921, gross grain production decreased to 22 % of the level of 1916. Between 1913 and 1920, the number of horses fell by half, cattle — by 2.5 times. The rate of decline in sown area was different in the different Urals gubernias, declining from North to South. The same trend was observed in the Urals cattle breeding.

Hand in hand with the collapse of industry and agriculture, galloped inflation, trade curtailment, the destruction of economic ties between town and countryside. The cities went to a rationed supply of food."

It seemed that a way out of the impasse was found in the spring of 1921 in the policy of transition from the non-economic to market methods of regulating agricultural and then industrial production and distribution. The purpose of the new,

Александр Ильич Дутов (1879–1921), генерал-лейтенант, в период революции и Гражданской войны атаман Оренбургского казачьего войска (сентябрь 1917–февраль 1921), командующий Оренбургской армией войск белых (декабрь 1918–сентябрь 1919). Убит советскими чекистами на территории Китая. 1919 год

Alexander Ilyich Dutov (1879–1921), during the revolution and the Civil War, lieutenant general, ataman of the Orenburg Cossack Army (September 1917–February 1921), commander of the Orenburg Army of the White Forces (December 1918–September 1919). Killed by Soviet security officers in China. 1919 year

as compared with the years of war communism, policy was to overcome as soon as possible the devastation in the fields of industry, agriculture, trade and finance. On this basis, it was supposed to strengthen the ties between town and countryside, the political embodiment of which in the communists' language was called the "union of the working class and the peasantry." An important task was to improve the financial situation of the Russian citizens. This, in turn, was supposed to eliminate the hostile attitude of many groups of the population towards

происходили в пешем порядке с небольшой огневой мощью. Военные контингенты разных сторон первоначально были малочисленны, фронты как таковые отсутствовали. Бои зачастую велись вдоль линий железных дорог, за населенные пункты. Широкое развитие получило повстанческое движение и с той и с другой стороны. Подавляющее большинство уральских крестьян, как правило, предпочитало не участвовать в сражениях, а остаться в стороне и сохранить свои хозяйства. Гражданская война внесла раскол в ряды уральских рабочих. Часть их оказалась в армиях красных, часть — в армиях белых.

Особенностью Гражданской войны на Южном Урале явилась разнородность антибольшевистских властных структур, существовавших одновременно или сменявших друг друга (Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска, Самарский комитет членов Учредительного собрания (Комуч), Башкирское правительство, Временное Сибирское правительство, Временное областное правительство Урала, Всероссийские правительства Уфимской директории и Верховного правителя адмирала А. В. Колчака), что не способствовало консолидации этих сил и общественной стабильности в регионе. Кроме того, в ходе многочисленных территориально-административных реорганизаций изменялись границы губерний и уездов. С мая до ноября 1918 года значительную роль в ходе Гражданской войны на востоке России (Поволжье, Урал, Сибирь) играл чехословацкий фактор. Благодаря поддержке чехословацких частей местным казачьим отрядам и другим воинским формированиям удалось в мае–августе 1918 года освободить от красных ряд городов, станиц, поселков и железнодорожных станций. Но после ноября 1918 года чехословацкие части, где, кстати, служило много русских офицеров, прекратили активные боевые действия против Красной армии и были отправлены в тыл. Гражданская война создавала благоприятные условия для падения воинской дисциплины в чехословацких формированиях. По данным вышедшей в корпусе газеты «Чехословенски денник», с середины июля 1918 до середины января 1919 года военно-полевые суды корпуса рассмотрели 1182 дела, из которых 351 закончилось осуждением виновных, а 480 было приостановлено, главным образом по причине бегства обвиняемых. Только в сентябре–октябре 1918 года военно-полевые суды вынесли 267 приговоров: 60 — за мародерство, воровство, грубость, пьянство, а 270 — за дезертирство, неподчинение приказам, шпионаж в пользу противника. Двоих из осужденных военнотружущих приговорили к смертной казни, 265 — к различным срокам заключения. С 21 января 1919 года «Чехословенски денник»

публиковал именные списки дезертиров, подлежащих розыску. До середины апреля 1919 года таких насчитывалось не менее 159 человек. В сентябре 1920 года подавляющее количество чехословацких легионеров вместе с беженцами эвакуировались из Владивостока на судах, направлявшихся в Европу через американский континент.

Противоборствующие в Гражданской войне стороны активно практиковали террор в отношении как реальных, так и потенциальных противников. В условиях эскалации войны на Урале произошла расправа большевиков над бывшим российским императором Николаем Романовым и его родственниками.

История Южного Урала 1920–40-х годов оказалась неразрывно связана с поисками новых моделей развития экономики, общества, культуры. Профессор И. В. Нарский утверждает: «Относительно благополучный Уральский регион, став в 1917–1919 годах одним из эпицентров боевых операций Гражданской войны с подвижными линиями фронтов и многочисленными сменами власти, за несколько лет между 1917 и началом 1920-х годов превратился в руины с разрушенной промышленностью, разоренным сельским хозяйством, нищим, голодным населением. Валовая продукция уральской промышленности в 1921–1922 годах составляла всего 15 % от объема 1913 года. Наиболее стремительно падало производство железа и стали. В 1920–1921 годах на Урале выплавлялось всего 8 % довоенного чугуна от уровня 1913 года. В 8–20 раз понизились производство мартеновского металла, проката, кровельного железа, добыча железной руды, прекратилась выплавка меди. На Южном Урале, в том числе на железнодорожной станции Челябинск, количество неисправных паровозов составляло от 50 до 70 %.

Изменение состояния уральского сельского хозяйства напоминало прыжок в пропасть. В 1905 году на одно крестьянское хозяйство на Урале в среднем приходилось более 20 десятин земли — почти в два раза больше, чем в Европейской России. На казачьих же территориях Южного Урала, где средний надел составлял 67,4 десятины, население почти не знало земельного голода. С 1913 по 1920 год посевная площадь на Урале сократилась в три раза. Валовая продукция зерна в 1921 году уменьшилась до 22 % от уровня 1916 года. поголовье лошадей понизилось между 1913 и 1920 годами в два раза, крупного рогатого скота — в 2,5 раза. Темпы сокращения посевной площади были различными в отдельных уральских губерниях, сокращаясь с севера на юг. Эта же тенденция наблюдалась в уральском скотоводстве.

Рука об руку с распадом промышленности и сельского хозяйства шли галопирующая инфляция, свертывание торговли, разрушение экономических связей между

Советский плакат
«Из России нэповской будет
Россия социалистическая»

Soviet poster "The Socialist Russia
will arise from the NEP Russia"

the ruling party and state, and ultimately strengthen the ruling regime, whose positions seemed menacingly precarious at the beginning of 1921. The real transition to NEP (New Economic Policy) was hindered by a number of circumstances: the legacy of the previous years' food expropriation, which had ripped off the peasants, the crop failure of 1921, the inflexibility of the state apparatus when implementing the new economic policy by the old, "military-communist" methods, the dead-end nature of the development of the Urals industry leading sector, namely the mining industry, etc. But despite these and many other difficulties, the new economic policy in the South Urals yielded very important positive results. They served as an incentive for speedy modernization of the region's economy, which became part of a new attempt to speed the country modernization, as a whole.

In the 30s, for the third time in the history of the twentieth century, the South Urals found itself in the centre of powerful migration flows that in an amazing way connected and divided human destinies. It is no coincidence that some researchers compare the South Urals with a giant cauldron, in which traditions and institutions, as well as the values of the different eras and country regions were "melted" into a single new mass.

This process was especially intensive during the years of the first five-year plans when two industrial giants, which are considered to be symbols of that period, were created in the South Urals by the efforts of hundreds of thousands of people who arrived from all over the Soviet Union. Chelyabinsk Tractor Plant (ChTP) and Magnitogorsk Iron and Steel Works (MISW) have become more than just the largest industrial enterprises in the South Urals. They changed the speed and direction of the development of this huge region and the fate of millions of people. One of the most serious problems that arose during the construction of the industrial giants was a high staff turnover. In 1930, 43 thousand workers arrived to the construction site of Chelyabinsk Tractor Plant, while 38 thousand people left. According to N. A. Antipin, over the summer, the composition of working teams changed four times; by January 1, 1931, a little more than 4,500 people remained at the construction site. The housing issue was also acute. M. A. Khrapko, one of the builders of ChTP, described his living conditions in the following way: "By the standard of that time, my living conditions were considered to be almost normal: I had a roof over my head (in a room shared by 34 people), I had the technical reference book by Hutte, but to be considered a perfectly equipped young engineer, I still had no primus (kerosene stove) ..."

The ChTP administration and design department were located in Chelyabinsk in a two-story building on Truda Street, which before the revolution belonged to the "Yaushev Brothers" trade house. In addition, for the needs of the ChTP allocated were the Red barracks, two-story building of the former alms house, former bishop's two-story house, unfinished four-story house at the corner of the Kommuna and Raboche-Krestyanskaya (now Kirov) streets, several separate one-story houses and the unfinished meat cooler building located beyond the city. As for the workers, some settled in the houses of local residents, others lived in a two-story Chelyabinsk hotel. By June 1930, a temporary camp for workers was constructed, which included 94 barracks, 15 two-story log houses, a club, a theatre and a hospital complex.

The ChTP construction was closely monitored by the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (AUCP (b.)). In May 1930, while the head of the ChTP K. P. Lovin was in the USA, I.V. Stalin met with his deputy V. V. Borisov. At this meeting, the location of a social town

городом и деревней, переход на нормированное снабжение городов продовольствием».

Выход из тупика, как казалось, был найден весной 1921 года в политике перехода от внеэкономических к рыночным методам регулирования сельскохозяйственного, а затем и промышленного производства и распределения. Целью новой, по сравнению с годами военного коммунизма, политики было скорейшее преодоление разрухи в области промышленности, сельского хозяйства, торговли и финансов. На этом основании предполагалось укрепить связи города и деревни и их политическое воплощение, которое на языке коммунистов называлось «союзом рабочего класса и крестьянства». Важной задачей стало улучшение мате-

риального положения граждан. Это, в свою очередь, должно было устранить враждебное отношение многих групп населения к правящей партии и государству, а в конечном счете укрепить правящий режим, позиции которого в начале 1921 года казались угрожающе шаткими. Реальный же переход к НЭПу оказался затруднен рядом обстоятельств: наследием продовольственных разверсток прежних лет, обобравших крестьян до нитки; неурожаем 1921 года; негибкостью государственного аппарата, проводившего новую экономическую политику старыми, «военно-коммунистическими» методами; тупиковым характером развития ведущего сектора уральской промышленности, а именно горнозаводской промышленности и т. д.

Митинг и поднятие флага на месте, где будет построен рабочий поселок ЧТЗ. 1 июля 1930 года. Музей трудовой и боевой славы ЧТЗ

Meeting and flag-raising ceremony on the site where the village for the ChTP workers will be built. July 1, 1930. Museum of the ChTP Labor and Military Glory

Механосборочный цех ЧТЗ. Новые трактора «Сталинец-60». 1935 год. Фотография В. Тишечкина. Государственный исторический музей Южного Урала
Mechanical assembly shop of ChTP. New tractors "Stalinets-60". 1935. Photo by V. Tishechkin. State Historical Museum of the South Urals

to be constructed near the plant was decided upon. In April 1931, K. P. Lovin reported on the progress of the ChTP construction to the AUCP (b.) Central Committee, after which on April 30, the resolution "On the progress of the Chelyabinsk Tractor Plant construction" was made. It pointed out the main shortcomings: the lag of the construction terms from those planned extremely high cost of the work, high overhead expenses and bloated staff of employees. The resolution also pointed out the positive results of the ChTP construction, such as the pilot plant launch, use of local building materials, sawmill and mechanical workshops construction.

The launch of ChTP became the main news of those days for the entire USSR. The "Pravda" newspaper almost completely devoted its issue of May 29, 1933 to the new plant. "Chelyabinsk Worker", "Our Tractor" and other newspapers covered in detail the production of the first tractors and the celebration of the enterprise launch. On May 31 at the factory club, an extended meeting of the Ural region executive committee, town council and town party committee bureau was held. In this meeting, the ChTP construction percussionists and delegations that arrived for the plant launch also took part. The ChTP

director issued an order, in which he congratulated the ChTP workers and other employees on the plant launch and expressed gratitude for their valiant work. Many ChTP employees were awarded diplomas and valuable gifts.

The construction of the Magnitogorsk metallurgical giant also faced a lot of problems. As noted in the study of Professor M. N. Potemkina and Associate Professor N. V. Chernova, the decision to construct it was approved on January 17, 1929 at a joint meeting of the Council of People's Commissars of the USSR and the Council of Labour and Defence chaired by A. I. Rykov. In 1929, five million roubles were allocated for the construction. The plant and the town located next to it were to be built in record time. October 1, 1932 was set as the date of the first metal production. The plant construction in Magnitogorsk began on July 1, 1929, with the launch of temporary traffic on the Kartaly-Magnitnaya railway line.

Given the complete absence of even minimal experience in building metallurgical giants, on March 14, 1930, the Soviet government entered into an agreement with the American company "McKee". According to the agreement, the company was obliged to submit all the projects and drawings

Но несмотря на эти и многие другие трудности, новая экономическая политика на Южном Урале дала очень важные положительные результаты. Они послужили стимулом для форсированной модернизации экономики региона, которая стала частью новой попытки форсированной модернизации страны в целом.

В 39-е годы Южный Урал третий раз в истории XX века оказался в центре мощных миграционных потоков, удивительным образом соединявших и разделявших человеческие судьбы. Неслучайно некоторые исследователи сравнивают Южный Урал с гигантским котлом, в котором «переплавлились» в единую новую массу традиции, институты, ценности различных эпох и регионов страны.

Особенно интенсивно этот процесс шел в годы первых пятилеток, символами которых принято считать два промышленных гиганта, созданных на Южном Урале усилиями сотен тысяч людей, прибывших из самых разных уголков Советского Союза. Челябинский тракторный завод и Магнитогорский металлургический комбинат стали не просто самыми крупными индустриальными предприятиями Южного Урала. Они изменили скорость и направление развития огромного региона, судьбы миллионов людей. Одной из самых серьезных проблем, возникших при строительстве индустриальных гигантов, стала высокая текучесть кадров. За 1930 год на строительство Челябинского тракторного завода прибыло 43 тысячи рабочих, а выбыло — 38 тысяч. За лето состав рабочих, по данным Н. А. Антипина, сменился четыре раза, к 1 января 1931 года на стройке осталось немногим больше 4500 человек. Остро стоял и жилищный вопрос. М. А. Храпко, один из строителей ЧТЗ, так описывал свои жилищные условия: «Я был почти нормально устроен по условиям тех времен: имел крышу над головой (в комнате на 34 человека), имел технический справочник Хютте, но у меня еще не было примуса, для того чтобы считаться вполне устроенным молодым инженером...»

Управление Челябтракторостроя и проектный отдел разместились в Челябинске в двухэтажном здании на улице Труда, принадлежавшем до революции торговому дому «Братья Яушевы». Кроме того, под нужды ЧТС были выделены Красные казармы, двухэтажное здание бывшей богадельни, двухэтажное здание бывшего архиерейского дома, недостроенный четырехэтажный дом на углу улиц Коммуны и Рабоче-Крестьянской (ныне улица Кирова), несколько отдельных одноэтажных домов и недостроенное здание мясохолодильника, находящееся за городом. Часть работников поселилась в домах местных жителей, часть — в двухэтажной челябинской гостинице. К июню 1930 года завершилось строительство временного городка для размещения рабочих, включавшего 94 барака, 15 двух-

этажных бревенчатых домов, клуб, театр, больничный комплекс.

За строительством ЧТЗ пристально следили в ЦК ВКП(б). В мае 1930 года, пока начальник ЧТС К. П. Ловин находился в США, И. В. Сталин встретился с его заместителем В. В. Борисовым. На этой встрече был решен вопрос о месте строительства соцгорода близ завода. В апреле 1931 года К. П. Ловин представил ЦК ВКП(б) доклад о ходе строительства ЧТЗ, после чего 30 апреля было принято постановление «О ходе строительства Челябинского тракторного завода». В нем отмечались основные недостатки: отставание сроков строительства от плана, чрезвычайно высокая стоимость выполнения работ, большие накладные расходы и раздутый штат служащих. В постановлении было сказано и о положительных результатах работы Челябтракторостроя: пуск опытного завода, использование местных строительных материалов, строительство лесопильного завода и механических мастерских.

28 ноября 1932 года Совет труда и обороны СССР выпустил постановление о сроках пуска ЧТЗ. С учетом отставания от плана строительных работ и задержки с поставками импортного оборудования из США, Германии и Великобритании был определен новый срок начала регулярного выпуска продукции — не позднее 15 мая 1933 года.

Пуск ЧТЗ стал главной новостью тех дней для всего СССР. Газета «Правда» свой номер от 29 мая 1933 года почти полностью посвятила новому заводу. «Челябинский рабочий», «Наш трактор» и другие издания подробно освещали выпуск первых тракторов и торжества по случаю пуска предприятия. 31 мая в заводском клубе состоялось расширенное заседание Уральского облизполкома, горсовета, бюро горкома партии с участием ударников строительства ЧТЗ и делегаций, прибывших на пуск завода. По заводу был объявлен приказ директора, в котором он поздравлял коллектив ЧТЗ с пуском предприятия, выражал им благодарность за доблестный труд. Многие работники ЧТЗ были награждены почетными грамотами и ценными подарками.

Не меньше проблем возникло и при строительстве Магнитогорского металлургического гиганта. Как отмечается в исследовании профессора М. Н. Потемкиной и доцента Н. В. Черновой, решение о его возведении было утверждено 17 января 1929 года на объединенном заседании Совета народных комиссаров СССР и Совета труда и обороны, которое прошло под председательством А. И. Рыкова. На строительство в 1929 году отпускалось пять миллионов рублей. Завод и прилегающий к нему город должны были быть построены в рекордно короткие сроки. Датой выпуска первого металла было установлено 1 октября 1932 года. Развертывание строительных

of the Magnitogorsk plant main shops and facilities not later than mid-1930, and then to technically direct their construction and development. At the same time, contracts were made with the American company "Coppers" for the design of a coke and chemical plant and with some German companies for the construction of energy and industrial facilities. However, cooperation with foreign firms was short-lived: two years later, during which Soviet engineers gained the necessary knowledge and skills, the contracts were terminated.

The construction of the plant (at that time it was also called "factory") and its launch were to be completed in record time.

For the implementation of the planned work, mobilization of material and human resources was required. The struggle for the Magnitogorsk plant went far beyond the construction site and beyond the Urals. "Battles" to launch the Magnitogorsk plant as soon as possible were also fought with tenacity and perseverance at Moscow, Leningrad, Odessa and Kharkov enterprises, as well as in the Soviet sea ports and railway transport. Builder teams arrived from Stalingrad, concrete workers came from Kharkov Tractor Plant, assemblers arrived from Dnepropetrovsk, Moscow and Leningrad and excavators came from Tatarstan, Bashkiria and Kazakhstan. To Magnitogorsk

**Митинг,
посвящен-
ный пуску
ЧТП. 1 июня
1933 года.
Музей трудо-
вой и боевой
славы ЧТП**
Meeting
dedicated to
the launch
of ChTP.
June 1, 1933.
Museum
of the ChTP
Labour
and Military
Glory

Летом
1932 года
первый чугун
дала домна
«Комсомоль-
ская» № 2
In the summer
of 1932,
the first cast
iron was
produced
by the blast
furnace
Komsomol-
skaya No. 2

in addition to people, other plants sent urgently manufactured tools, machines, equipment and construction materials. Nevyansk supplied cement, Nizhny Tagil manufactured copper tuyeres for blast furnaces, Sverdlovsk provided Brosius guns; turbines and electrical equipment arrived from Leningrad, machine tools and motors arrived from Moscow and blast furnace parts were sent from Dnepropetrovsk. Siberia sent thousands of wagons with wood to Magnitogorsk. Hundreds of vans with equipment were sent from Taganrog, Donbass, Odessa, Nikolaev, Voronezh, Chelyabinsk, Stalingrad and hundreds of other Soviet Union cities.

It should be noted that at first, in the construction site, when it was necessary to carry out a huge amount of excavation and brickwork, the main working tools were shovels, kyles, hornbeams (wheelbarrows for transporting land) and "goats" (devices for carrying bricks).

The birthday of the Magnitogorsk Iron and Steel Works was February 1, 1932. On this day, blast furnace No. 1 produced its first cast iron. "Komsomolka", blast furnace No. 2, gave its first cast iron in the summer of 1932.

In 1935, four years after the construction start, the Magnitogorsk plant was already in operation and did not need state subsidies, which was extremely rare for heavy industry.

During these years, central and local authorities attempted to implement a whole series of ambitious projects in the South Urals that, if successfully implemented, could seriously strengthen the position of the Chelyabinsk region as the second most important industrial and economic region of the Soviet Union. Such projects included the construction of the "Bakal-Giant" metallurgical plant in the Katavsky district. According to the young South Ural historian A. I. Sysov, it was assumed that this plant in the years 1934–1935 (first stage) would melt 1300–1400 thousand tons of metal. By the end of the second five-year plan (1936–1937), the plant's productivity was to be increased to 4,500 thousand tons of pig iron.

The main goal of the Bakal metallurgical plant was to produce high-quality metal intended primarily to meet the needs of the tractor, auto, machine tool and machine building industries. In addition, it was supposed to establish the production of specialized steel for the defence industry. However, after new metallurgical plants producing steel were put into operation in the west of the country (primarily in the town of Elektrostal and Zaporozhye), the interest in the construction of a similar plant in the Urals sharply fell, and by 1935, barely began, the construction near Chelyabinsk (Pershinskaya site) was stopped. It resumed only on June 12, 1941, ten days before the World War II.

Many processes associated with the intensive modernization of the country as a whole and, in particular, at the South Urals were reflected in the visual arts and in the development

of the South Urals literature that took place in the 1920–30s, a difficult period for the Soviet state, The "Age of Great Search" (V. Kataev) was coming when "among the storms and upheavals" a mighty state of workers and peasants was being born.

A famous exhibition "The Ural-Kuzbass in Painting", which opened on March 30, 1936 at the ChTP club and in the premises of the factory apprentice school, was a particularly striking event. The exhibition showed the works of Moscow, Leningrad and Ural artists. The exposition included four sections: industrial (the largest), historical-revolutionary, agricultural and genre-everyday. Critics noted the difficulty of approaching the industrial theme that was new for the artists and whose traditions had not yet been formed. Among the masters of the industrial landscape, B. Yakovlev with his work "Bakalsky mine" and F. Modorov with portraits of the ChTP best workers were especially noted. In the historical and revolutionary section, highly appreciated was the painting of the Leningrad artist A. Lyubimov "Chelyabinsk transit point", in which among the prisoners leaving the prison gate on the outskirts of Chelyabinsk, I. Stalin was depicted. Another appreciated work was P. Sokolov-Scali's painting "Night conversation" dedicated to V. I. Chapayev.

According to the famous art critic G. S. Trifonova, the exhibition had a great response both, in the Urals and in Russia, and was continued. Based on this exhibition, the traveling exhibition "South Urals in Painting" was organized. From October 1936 to February 1939, it visited 16 cities of the Urals. The exposition was usually located in club buildings. Only in 1938, 77,030 people got acquainted with the exhibited paintings. The traveling exhibition was supervised by the art critic, member of the Union of Soviet Artists L. P. Klevensky. In a number of cities, the exhibition included works by local artists and schoolchildren. Lectures, discussions, seminars and consultations were arranged for the exhibition visitors.

It is well known that many Soviet and foreign writers, artists, scientists and cultural figures came to the construction of the Magnitogorsk Iron and Steel Works. Dedicated to the everyday life of this "construction site of the century" were the V. P. Kataev's "Time, Go!" and A. G. Malyshev's "People from the Outback." novels. The grandeur of the construction scale was embodied in the concept of "Magnetostroy literature" personifying "the creation of the powerful and advanced literature worthy of our grandiose era". At the construction of the plant in September 1930, the "Buksir" group was organized, which in 1932 already included 150 members. A barrack at the fourth construction site where the editorial office of the newspaper "Magnitogorsky Rabochiy" was located became the meeting place for the "Buksir" members. One of them, M. S. Grossman recalled: "The young writers, construction workers, studied in a cold, smoke-filled room in a two-story barrack... they were

работ в Магнитогорске началось 1 июля 1929 года, с пуском временного движения по железнодорожной линии Карталы — Магнитная.

Учитывая полное отсутствие даже минимального опыта в постройке металлургических гигантов, советское правительство 14 марта 1930 года заключило договор с американской фирмой «Мак-Ки». Согласно договору, фирма обязывалась не позднее середины 1930 года представить все проекты и чертежи основных цехов и объектов Магнитогорского завода, а потом технически вести их сооружение и освоение. Одновременно были заключены договоры с американской фирмой «Копперс» — на проектирование коксохимкомбината, и с немецкими фирмами — на строительство некоторых энергетических и промышленных объектов. Впрочем, сотрудничество с иностранными фирмами было недолгим: спустя два года, за которые советские инженеры получили необходимые знания и навыки, договоры были расторгнуты.

Возведение комбината (в то время его еще называли заводом) и введение его в эксплуатацию должны были

Магнитка в строю. 1932 год
Magnitka in the ranks. 1932

завершиться в рекордно короткий срок. Для осуществления запланированного требовалась мобилизация материальных и людских ресурсов. Борьба за Магнитогорский комбинат выходила далеко за пределы строительной площадки, за пределы Урала. «Бои» за скорейший пуск Магнитогорского завода с упорством и настойчивостью велись и на предприятиях Москвы, Ленинграда, Одессы, Харькова, в портах советских морей, на железнодорожном транспорте. Из Сталинграда прибывали бригады строителей, с Харьковского тракторостроя — бетонщики, из Днепропетровска, Москвы, Ленинграда — монтажники, из Татарии, Башкирии, Казахстана — землекопы. Вслед за людьми заводы посылали в Магнитогорск в срочном порядке изготовленные инструменты, машины, оборудование и строительные материалы. Невьянск слал цемент, Нижний Тагил изготовлял медные фурмы для домен, Свердловск — пушки Брозиуса, из Ленинграда прибывали турбины и электрооборудование, из Москвы — станки и моторы, из Днепропетровска — конструкции для доменных печей. Сибирь тысячам вагонов посылала в Магнитку строительный лес. Сотнями вагонов поступало оборудование из Таганрога, Донбасса, Одессы, Николаева, Воронежа, Челябинска, Сталинграда и сотен других городов Советского Союза.

Следует отметить, что на первых порах, когда необходимо было выполнить огромный объем земляных и кирпичных работ, основными рабочими инструментами на строительстве были лопата, кайло, грабарка, (тачка для перевозки земли) и «коза» (приспособление для переноски кирпичей).

Днем рождения Магнитогорского металлургического комбината стало 1 февраля 1932 года. В этот день доменная печь № 1 выдала первый чугун. Летом 1932 года дала первый чугун домна № 2 «Комсомолка».

1935 году, через четыре года после начала строительства, Магнитогорский комбинат уже работал, причем не нуждался в дотациях государства, что для тяжелой промышленности являлось фактом крайне редким.

В эти годы центральные и местные органы власти принимали попытки воплотить в жизнь на Южном Урале еще целый ряд амбициозных проектов, которые в случае их успешной реализации могли бы серьезно упрочить позиции Челябинской области как второго по значению промышленно-экономического района Советского Союза. К числу таких проектов относился и строительство в Катавском районе металлургического завода «Бакал-гигант». По словам молодого южноуральского историка А. И. Сысова, предполагалось, что этот завод в 1934–1935 годах (первая очередь) будет выплавлять 1300–1400 тысяч тонн металла. К концу второй пятилетки

Московский, Ленинградский и Челябинский союзы
Советских художников и Комитет содействия выставке
ПРИ ЧЕЛЯБИНСКОМ ОБЛИСПОЛКОМЕ

С 30 МАРТА
1936 ГОДА

В НОВОМ КЛУБЕ И В ПОМЕЩЕНИИ
ФЗУ ЧТЗ ИМ. СТАЛИНА

(АНТОВЫЙ ЗАЛ И ФойЕ)

ВЫСТАВКА КАРТИН „УРАЛО-КУЗБАСС В ЖИВОПИСИ“

НА ВЫСТАВКЕ приминет участие свыше 100 известных художников
Москвы, Ленинграда, Челябинска, Свердловска, Уфы.

НА ВЫСТАВКЕ показано свыше 400 художественных картин и этюдов
портретов, пейзажей.

НА ВЫСТАВКЕ все картины и этюды посвящены важнейшим историко-
революционным событиям и гражданской войне на Урале,
социалистическому строительству, производству, быту и
природе Урала и Сибири.

НА ВЫСТАВКЕ будет показано до 70 предприятий: Магнитогорский ком-
бинат, Кузнецкий металлургический завод, завод Феди-
ославца, ЧТЗ, Уралмашзавод, Бокан и другие.

НА ВЫСТАВКЕ все картины и этюды исполнены художниками с 1932
по 1935 год по собранному ими материалу в творче-
ские командировки в индустриальные центры на заво-
ды, в совхозы, колхозы УРАЛА, БАШКИРИИ и ЗАПАД-
НОЙ СИБИРИ.

Запись экскурсий
производится на
выставке и в
канцелярии клу-
ба ЧТЗ.
Телефон 3-11-72.

**ВЫСТАВКА
ОТКРЫТА
С 10 ЧАС. УТРА
ДО 10 ЧАС. ВЕЧ.**

НА ВЫСТАВКЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

ХУДОЖНИКИ МОСКВЫ:

- Белов К. К.
- Велицкий Л. К.
- Воскобойников Л. К.
- Волов Н. А.
- Горюхов С. В.
- Горюхов Г. К.
- Давыдов Д. М.
- Давыдов Б. К.
- Иванов С. В.
- Карин В. В.
- Киселев К. Д.
- Киселев К. Г.
- Корытин К. К.
- Костомаров В. К.
- Кочетков П. К.
- Кривошеин В. В.
- Лавин Е. А.
- Малов Ф. П.
- Марков А. К.
- Машинкин С. В.
- Мещеряков В. В.
- Мещеряков П. Т.
- Михайлов К. А.
- Михайлов Ф. А.
- Михайлов Ф. К.
- Михайлов К. К.
- Михайлов А. М.
- Верещагин В. К.
- Петров С. К.
- Петров Ю. К.
- Петровский П. Д.
- Петухов В. В.
- Ремизовский В. В.
- Ремизов К. М.
- Рыбаченко В. П.
- Семеданов А. П.
- Семеданов-Семеданов П. П.
- Старин П. А.
- Танки Б. А.
- Тереховский К. Б.
- Терехов Д. А.
- Федотов В. К.
- Федотов С. В.
- Федотов Г. М.
- Федотов К. К.
- Федотов Ф. С.
- Федотов В. К.
- Федотов С. Д. и др.

ХУДОЖНИКИ ЛЕНИНГРАДА:

- Авдеев В. А.
- Белов В. П.
- Белов Г. К.
- Борисов И. К. заслужен-
ный деятель искусств.
- Брусилов С. Д.
- Владимиров К. А.
- Жданов Е. К.
- Колесников К. К.
- Колесников С. М.
- Кутузов В. К.
- Леонов А. М.
- Левин Т. П.
- Ручковский Д. А.
- Семеданов П. К.
- Семеданов К. А.
- Старин В. Ф.
- Ульянов А. В.
- Федотов В. Ф.
- Чернов В. А. и др.

ХУДОЖНИКИ ЧЕЛЯБИНСКА:

- Вандышев К. А.
- Коробильников
- Михайлов И. В.
- Руднев-Щелканов Т. В.
- Руднев К. А.
- Сабуров А. П.
- Семеданов А. К.
- Семеданов А. М.
- Тарасов А. С.
- Федотов Д. Ф.
- Челомов В. К.
- Жданов В. Г. и др.

ХУДОЖНИКИ СВЕРДЛОВСКА:

- Семеданов К. К. и др.

ХУДОЖНИКИ УФА:

- Ураев К. К.

Афиша
выставки
«Урало-
Кузбасс
в живописи».
Челябинск,
1936 год.
Архив ЧГМИИ
Poster of the
"Ural-Kuzbass
in painting"
exhibition.
Chelyabinsk,
1936.
Archive of the
Chelyabinsk
State Museum
of Fine Arts

(1936–1937) производительность завода должна была быть доведена до 4500 тысяч тонн чугуна.

Основным направлением деятельности Бакальского металлургического завода должен был стать выпуск качественного металла, предназначенного главным образом для удовлетворения потребностей тракторо-, авто-, станко- и машиностроения. Кроме того, здесь предполагалось наладить выпуск специализированной стали для оборонной промышленности. Однако после того как на западе страны вступили в строй новые металлургические заводы, производившие спецсталь (прежде всего в городе Электросталь и в Запорожье), интерес к строительству аналогичного завода на Урале резко упал, и, едва начавшись, строительство возле Челябинска (Першинская площадка) к 1935 году прекратилось. Возобновилось оно лишь 12 июня 1941 года, за десять дней до начала Великой Отечественной войны.

Многие процессы, связанные с форсированной модернизацией страны в целом и Южного Урала в частности, отразились в изобразительном искусстве, в развитии южноуральской литературы. Становление литературного движения на Южном Урале пришлось на 1920–30-е годы — период, непростой для Советского государства, пережившего процесс своего формирования. Наступала «Эпоха Великого Поиска» (В. Катаев), когда «среди бурь и потрясений» рождалось могучее государство рабочих и крестьян.

Особенно ярким событием стала знаменитая выставка «Урало-Кузбасс в живописи», которая открылась 30 марта 1936 года в клубе ЧТЗ и в помещении школы ФЗУ при заводе. На выставке были представлены работы московских, ленинградских, уральских художников. Экспозиция включала четыре раздела: индустриальный (самый большой), историко-революционный, сельскохозяйственный, жанрово-бытовой. Критика отмечала сложность разработки новой для художников индустриальной темы, где еще не сформировались традиции. Среди мастеров индустриального пейзажа особо отмечались Б. Яковлев со своей работой «Бакальский рудник» и Ф. Модоров с портретами ударников ЧТЗ. В историко-революционном разделе была подчеркнута высоко оценена картина ленинградского художника А. Любимова «Челябинский пересыльный пункт», на которой среди арестантов, выходящих из ворот тюрьмы на окраине Челябинска, был изображен И. Сталин, а также картина П. Соколова-Скали «Ночной разговор», посвященная В. И. Чапаеву.

Выставка, по словам известного искусствоведа Г. С. Трифионовой, имела большой резонанс на Урале и в России и получила продолжение. Из нее была сформирована передвижная выставка «Южный Урал в живописи». С октября 1936 по февраль 1939 года она экспонирова-

Русаков Н. А.
Советская симфония.
1935 год.
Из серии
«Молодежь
страны
Советов».
Холст, масло.
Собрание
ЧГМИИ
Rusakov N. A.
Soviet
symphony.
1935. From
the "Youth
of the Soviets'
country of"
series. Canvas,
oil. Collection
of the Chelyabinsk
State Museum
of Fine Arts

лась в 16 городах Урала. Экспозиция размещалась обычно в клубных зданиях. Только за 1938 год с ней ознакомились 77 030 человек. Работу передвижной выставки курировал искусствовед, художественный критик, член Союза советских художников Л. П. Клеветский. В ряде городов в экспозицию включались произведения местных художников и учащихся школ. Для посетителей выставки устраивались лекции, беседы, семинары и консультации.

Хорошо известно, что на строительство Магнитогорского металлургического комбината приезжали многие советские и зарубежные писатели, художники, деятели науки и культуры. Будням этой «стройки века» были посвящены романы В. П. Катаева «Время, вперед!» и А. Г. Малышкина «Люди из захолустья». Грандиозность масштабов строительства воплотило понятие «Магнитострой литературы», олицетворявшее «создание мощной, передовой литературы, достойной нашей грандиозной эпохи». На строительстве комбината в сентябре 1930 года была организована группа «Буксир», в 1932 году насчитывавшая уже 150 членов. Барак на четвертом участке строительства, где размещалась редакция газеты «Магнитогорский рабочий», стал местом встречи «буксировцев». Один из них, М. С. Гроссман, вспоминал: «Молодые писатели стройки занимались в холодной, насквозь прокуренной, комнате

Митинг в Миассе в день нападения Германии на Советский Союз. 22 июня 1941 года
Meeting in Miass on the day of the German attack on the Soviet Union. June 22, 1941

exhausted by bad weather and shock work, not very well fed and badly dressed (some village boys first wore bast shoes), but after the shift, they ran to the barrack and there battles about literature, verse, politics and about the future began.”

Before his arrest in 1937, the team was headed by V. A. Makarov, a great Ural poet, former head of the Sverdlovsk literary group, “Na smenu”. Most members of the organization were poets, of which M. M. Lyugarin and B. A. Ruchev were the leaders. V. F. Gubarev, L. K. Tatyanchieva, A. O. Avdeenko made their debut there. In the 1930s, the name of Avdeenko thundered throughout the country thanks to the novel “I Love”, translated into many European languages. According to the PhD in historical sciences N. S. Zhuravleva, the management of the plant encouraged novice authors: a Writer's House and library were created. The “Buksir” members worked in the plant newspapers and initiated the creation of literature teams at the plant. In 1931, their first edition, “Magnitostroy Vesna (Spring)”, was published in Moscow.

The South Urals played a special role in the economic, scientific, and cultural life of the country during the Great Patriotic War. Before the war, the population of the Chelyabinsk region totalled 1832 thousand inhabitants. From the first day of the war, the mobilization of service liable men to the front began. Over 250 thousand residents of the Chelyabinsk region

participated in the war battles, more than 158 thousand of them were killed, died from wounds, and went missing.

As the Urals due to its geopolitical location was a deep rear region during the war years, from the end of June 1941, trains with industrial equipment and people began arriving in the city. Since the start of the war, over 200 industrial enterprises were transported to the region. Another 35 plants were built in the South Urals virtually from scratch. It is well known that “every third shell fired at the enemy and the armour of every second tank was made of the Magnitogorsk steel.”

During the war, it was in Chelyabinsk that the People's Commissariat of the Tank Industry was created and worked. Mass production of one of the most famous during the war tanks, T-34, was mastered in just 33 days. During the years of World War II, Chelyabinsk Tractor Plant produced 18 thousand tanks and self-propelled artillery cannons. It is no coincidence that the city received a new unofficial name, Tankograd. In total, during the war years, scientists and designers of the South Urals developed more than 80 prototypes of military vehicles.

By April 1942, 427.7 thousand people who had been evacuated from the western regions of the country found shelter in the Chelyabinsk region. Professor M. N. Potemkina writes: “The arrival of the evacuees changed the very appearance of the cities. During the war years in the region, the share

двухэтажного барака... измотанные непогодой, ударной работой, не очень-то сытые, одетые кое-как (иные деревенские парни поначалу ходили в лаптях) — они после смены бежали в барак, и начинались баталии о слове, о стихе, о политике, о будущем».

Коллектив до ареста в 1937 году возглавлял В. А. Макаров — крупнейший уральский поэт, прежде возглавлявший ведущую литературную группу Свердловска «На смену». Большинство в организации составляли поэты, из которых лидировали М. М. Люгарин и Б. А. Ручьев. Здесь дебютировали В. Ф. Губарев, Л. К. Татьяничева, А. О. Авдеенко. Имя последнего в 1930-е годы гремело по всей стране благодаря роману «Я люблю», переведенному на многие европейские языки. Руководство комбината, по словам кандидата исторических наук Н. С. Журавлевой, поощряло начинающих авторов: был оборудован Дом писателя, создана библиотека. «Буксировцы» включились в работу многотиражек, инициировали создание на заводе литбригад. В 1931 году в Москве увидело свет их первое издание «Весна Магнитостроя».

Особую роль в экономической, научной, культурной жизни страны сыграл Южный Урал в годы Великой отечественной войны. Перед войной население Челябинской области насчитывало 1832 тысячи жителей. С первого дня войны началась мобилизация военнообязанных на фронт. Свыше 250 тысяч жителей Челябинской области стали участниками боев, более 158 тысяч из них погибли, умерли от ран, пропали без вести.

Поскольку Урал, в силу своего геополитического расположения, стал в годы войны регионом глубокого тыла, сюда уже с конца июня 1941 года стали прибывать эшелоны с промышленным оборудованием и людьми. С начала боевых действий в регион было перевезено свыше 200 промышленных предприятий. Еще 35 заводов на Южном Урале были построены фактически с нуля. Хорошо известно, что «каждый третий снаряд, выпущенный по врагу, и броня каждого второго танка были сделаны из магнитогорской стали».

Во время войны именно в Челябинске был создан и работал Народный комиссариат танковой промышленности. Массовое производство одного из самых известных в годы войны танков — Т-34 — было освоено всего за 33 дня. За годы Великой Отечественной войны на ЧТЗ было произведено 18 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок. Неслучайно город получил новое неофициальное название — Танкоград. Всего же за годы войны ученые и конструкторы Южного Урала разработали более 80 опытных образцов боевых машин.

К апрелю 1942 года на территории Челябинской области нашли приют 427,7 тысячи человек, эвакуировавшихся из

западных районов страны. Профессор М. Н. Потемкина пишет: «Прибытие эвакуированных меняло сам облик городов. Доля городского населения в области за годы войны возросла с 63 % до 73 %. Появились новые города и поселки городского типа. С другой стороны, перенаселенность крупных городов имела своим следствием ухудшение санитарно-эпидемической обстановки, жилищный кризис и т. д.».

Самым дешевым и распространенным способом решения жилищной проблемы было высвобождение жилой площади до санитарного минимума, который был определен тогда в 2,5 квадратного метра на человека. Расселение эвакуированных было осуществлено преимущественно за счет уплотнения местного населения, что, в свою очередь, породило множество экономических и психологических трудностей. Во многих районах Челябинской области эвакуированные рабочие оказались в очень тяжелых бытовых условиях. Вот что говорится в одном из архивных документов о пребывании эвакуированных рабочих-туляков в Златоусте: «В районе расположения завода рабочие живут вместе со строителями в бараках. Бараки строились зимой. Очень грязные, полные клопов, крыши протекают, стены сырые, к зиме совершенно не приспособлены. Часты перерывы в подаче воды на Дектярские бараки. Из-за отсутствия топлива кипятка не хватает. Площадка у барачков сильно замусорена, в дождь превращается в непроходимое болото. Уборные не очищаются месяцами».

Физическое и нервное переутомление, недостаток питания способствовали росту заболеваемости корью, дистрофией, цингой; возникновению вспышек сыпного тифа, массового педикулеза. Изнурительный труд и низкокалорийное питание привели к увеличению количества людей в дистрофическом и преддистрофическом состоянии. Так, в результате медицинского обследования, проведенного весной 1944 года на ряде предприятий Челябинской области, было установлено значительное количество рабочих в дистрофическом и преддистрофическом состоянии. Челябинский обком ВКП(б) решением от 12 апреля 1944 года принял специальное постановление «О мерах борьбы с дистрофией на заводах области». В нем предусматривались обязательное предоставление рабочим и служащим не менее двух выходных дней в месяц на оборонных предприятиях и четырех дней для всех остальных, организация специальных столовых, открытие домов отдыха для рабочих со слабым здоровьем, усиление контроля над правильным расходованием дополнительных фондов, обеспечение производства хвойного напитка, витаминов, дрожжей и т. д. Благодаря реализации некоторых из предусмотренных этим постановлением мер ситуацию удалось стабилизировать.

of urban population increased from 63 % to 73 %. New cities and towns appeared. On the other hand, the overpopulation of large cities resulted in the deterioration of the sanitary-epidemiological situation, housing crisis, etc.”

The cheapest and most common way to solve the housing problem was to reduce the living space ratio to the sanitary minimum, which was then determined as 2.5 sq. m per person. The evacuees were housed mainly in the homes of the local population, which, in turn, gave rise to many economic and psychological problems. In many areas of the Chelyabinsk region, the evacuated workers found themselves in very difficult living conditions. Here is what is said about the living conditions

of the workers evacuated from Tula to Zlatoust in one of the archival documents: “In the area where the plant is located, the workers live together with the builders in barracks. Barracks were built in winter. They are very dirty and full of bugs. These barracks with leaking roofs and damp walls are completely unsuitable for winter. In the Dektar barracks, there are frequent interruptions in the water supply. Due to the lack of fuel there is a shortage of boiling water. The area near the barracks is heavily littered and in rainy weather, it turns into an impassable swamp. The restrooms are not cleaned for months.”

Physical and nervous fatigue, as well as malnutrition contributed and gave rise to measles, dystrophy, scurvy, typhus

Именно в эти сложнейшие годы великих побед и страданий советского народа формировался и «вставал на ноги» Челябинский механико-машиностроительный институт, превратившийся в дальнейшем в хорошо известный в Советском Союзе и за его пределами легендарный Челябинский политехнический институт.

Первоначально в институте были открыты два факультета — механико-технологический и танковый, в составе которых созданы 24 кафедры. Правда, уже в 1944 году танковый факультет был переименован в факультет колесно-гусеничных машин. На механико-технологическом факультете велась подготовка специалистов по технологии машиностроения, кузнечно-прессовым машинам, обработке металлов давлением, сварочным машинам и сварочному производству. В марте 1944 года деканом факультета

назначили профессора И. И. Чернобыльского. На факультете колесно-гусеничных машин готовили по следующим специальностям: танкостроение, автомобили и тракторы, двигатели внутреннего сгорания. Первым деканом факультета был назначен профессор Г. М. Городецкий.

Такая структура вуза во многом была обусловлена теми задачами, которые он должен был решать, и теми ресурсами, которыми он реально располагал на момент своего создания. Исполняющим обязанности директора ЧММИ в декабре 1943 года был назначен кандидат технических наук доцент Петр Алексеевич Гришин. Уже в декабре 1943 года начались первый набор студентов и перевод студентов-старшекурсников из Сталинградского механического института в ЧММИ. Набор осуществлялся по специальностям «Танкостроение», «Двигатели внутреннего

Приказ № 1 по Челябинскому механико-машиностроительному институту, подписанный его первым директором П. А. Гришиным
Order No. 1 on Chelyabinsk Mechanical Engineering Institute signed by its first director P. A. Grishin

Приказ
по Челябинскому Механико-Машиностроительному Институту
15 сентября 1943г. г. Челябинск

В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 1943г. об организации в г. Челябинске Механико-Машиностроительного Института Нар. Комис. Танковой Промышленности.

Доверенность Начальника ГУУЗ'а Наркомтанкопрома № 1/12-43г. за № 32/20-94.

Я Гришин Петр Алексеевич вступаю с 15 сентября 1943г. на исполнение обязанностей директора Челябинского Механико-Машиностроительного Института (ЧММИ) Нар. Комис. Танковой Промышленности.

В. О. Директора ЧММИ (Гришин)

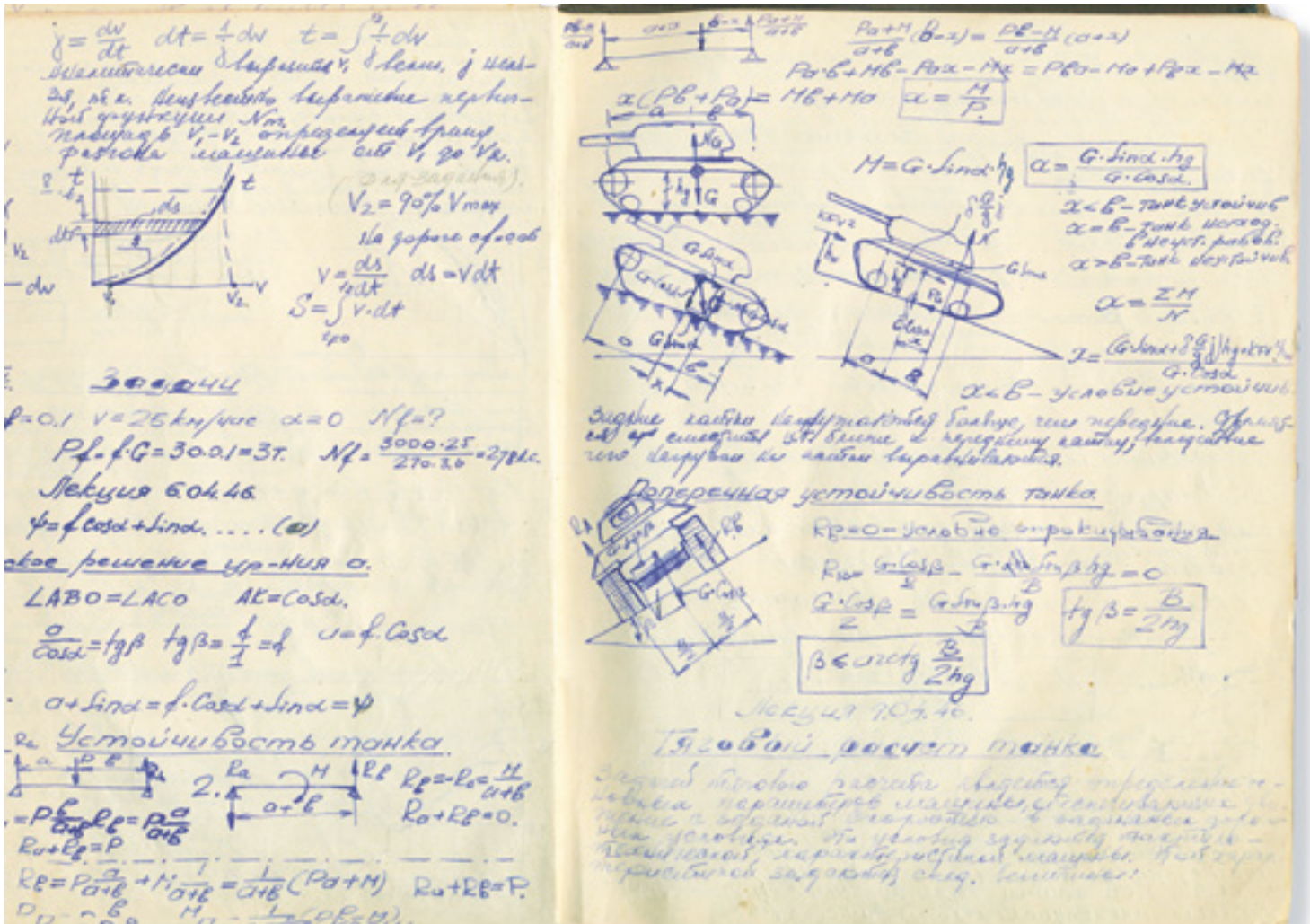

outbreaks and mass pediculosis. Exhausting labour and low-calorie nutrition led to an increase in the number of people in a dystrophic and pre-dystrophic state. Thus, as a result of medical examination conducted in the spring of 1944 at a number of enterprises in the Chelyabinsk region, a significant number of workers in a dystrophic and pre-dystrophic state were found. In April 12, 1944, the Chelyabinsk regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks adopted a special resolution "On measures against dystrophy in the region plants". It made it mandatory for the workers and employees to be given at least two days off per month at defence enterprises and four days off anywhere else; it also demanded the setup of special canteens and rest homes for workers with poor health, strengthening of control over additional funds, production of coniferous drinks, vitamins,

yeast, etc. Thanks to the implementation of some of these measures, the situation was stabilized.

It was during these most difficult years of the great victories and sufferings of the Soviet people, that Chelyabinsk Mechanical Engineering Institute (ChMEI) was created and "got on its feet". The institute later became the legendary Chelyabinsk Polytechnic Institute well-known in the Soviet Union and beyond.

Initially, two faculties, the mechanical technological and tank faculties were opened at the institute, in which 24 chairs were created. True, already in 1944 the tank faculty was renamed the faculty of wheeled and tracked vehicles. At the mechanical technological faculty, specialists in mechanical engineering technology, forging and pressing machines, metal forming, welding machines and welding production were trained. In March 1944, Professor I. I. Chernobylsky was appointed dean

Страницы тетради с конспектами выпускника танкового факультета Б. Н. Магарилло. 1948 год

Copybook pages with notes of the tank faculty graduate B. N. Magarillo. 1948

сторания», «Технология производства танков». Он проходил без вступительных экзаменов под руководством профессора В. А. Добровольского.

Одной из самых первых кафедр, созданных в Челябинском механико-машиностроительном институте, была кафедра «Металловедение и технология металлов». Первым заведующим этой кафедрой стал доктор технических наук профессор А. Н. Рабинович. Приказ о создании этой кафедры был подписан 18 декабря 1943 года. К числу самых старых кафедр вуза относилась и кафедра «Танки». В момент ее создания в декабре 1943 года единственным штатным преподавателем кафедры был профессор Е. И. Милославский. Среди других кафедр, приступивших к работе уже в первые месяцы существования нового вуза, можно назвать кафедры военной и физической подготовки, гидравлики, графики, иностранных языков, математики, металлов, металлорежущего инструмента, организации производства, основ марксизма-ленинизма, резания, сопротивления материалов, теоретической механики, теплотехники, технологии машиностроения, физики, химии, электрооборудования, литейного производства, «Детали машин».

Учебные занятия у более чем 340 студентов ЧММИ (1–5 курсы) начались в феврале 1944 года. Среди слушателей первого набора были: будущий декан автотракторного факультета Л. Анискин, будущий профессор кафедры автомобилей и тракторов Б. Пинигин, недавно вернувшиеся с фронта Л. Дегтярев, Е. Перепелицын, В. Хохлов и др. Первая факультетская лаборатория технических измерений размещалась в сарае с печным отоплением, а первая лаборатория сварки — в кладовой школьного здания. В течение первого учебного года на кафедрах института работали 58 преподавателей. Многие из них были направлены на преподавательскую работу по решению обкома партии из ЧИМЭСХ и ЧГПИ, а также с Кировского завода. Так, в 1944 году в ЧММИ пришел А. И. Ключков, который в дальнейшем стал деканом автотракторного факультета и более 25 лет заведовал кафедрой общей химии. В 1944–1947 годах в институте работал главный конструктор танков, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий Н. Л. Духов. Студентов-дипломников ЧММИ консультировал главный конструктор Кировского завода Ж. Я. Котин. В дальнейшем для работы в институте в Челябинск неоднократно направлялись выпускники лучших вузов Москвы и Ленинграда.

19 февраля 1944 года вопрос о Челябинском механико-машиностроительном институте слушался на заседании бюро Челябинского областного комитета ВКП(б). В целях развертывания работы создаваемого ЧММИ бюро постановило:

Николай Леонидович Духов (1904–1964) — главный конструктор танкового производства Кировского завода, один из соиздателей тяжелых боевых машин, самоходных установок, знаменитого Т-34. С осени 1944 года читал лекционный курс студентам, консультировал дипломников, заведовал кафедрой, был председателем государственной экзаменационной комиссии, членом первого совета ЧММИ. В условиях военного времени и чрезмерной загруженности этот талантливый и высокоорганизованный человек находил время передавать свой богатейший опыт и знания тем, кто еще только осваивал сложные инженерные дисциплины. В сентябре 1945 года за большой вклад в создание танков и совершенствование их конструкции был удостоен звания Героя Социалистического Труда. В последующие годы

научная и организационно-производственная ориентация Николая Леонидовича несколько изменилась. Вместе с талантливейшими учеными страны он решал сложнейшие проблемы создания атомного оружия. В 1949 году за работы, связанные с изготовлением и проведением испытаний первой советской атомной бомбы, генерал-майор Н. Л. Духов был награжден второй Золотой звездой Героя Социалистического Труда, ему присвоили звание лауреата Сталинской премии первой степени. В 1951 году за выдающиеся заслуги по производству новых зарядов Николаю Леонидовичу была присуждена еще одна Сталинская премия. В январе 1954 года за участие в разработке и испытании первой водородной бомбы Н. Л. Духов был награжден третьей Золотой звездой. В 1960-м ему была присуждена Ленинская премия. В период с 1954 по 1964 год Николай Леонидович являлся начальником, научным руководителем и главным конструктором знаменитого КБ-11 (ныне Всероссийский научно-исследовательский институт автоматики имени Н. Л. Духова). Трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и пяти Государственных премий СССР, генерал-лейтенант инженерно-технической службы, доктор технических наук, член-корреспондент АН СССР сохранился в истории нашего вуза как родоначальник подготовки специалистов танкового профиля, выдающийся ученый.

«1. Обязать горисполком т. Павлова:

а) предоставить к 15 февраля 1944 г. ЧММИ 1-й этаж здания 52-й школы для организации учебных занятий института сроком по 1 июля 1944 г.;

б) закрепить за институтом здание бывшей железнодорожной школы № 4 в качестве учебного корпуса, по его освобождению Сталинградским механическим институтом;

в) закрепить за институтом квартиры, освобождаемые профессорско-преподавательским составом Сталинградского института в связи с реэвакуацией в Сталинград;

г) выделить к 1 сентября т. г. 8 квартир из фонда городской жилплощади для размещения прибывающего

Nikolai Leonidovich Dukhov (1904–1964) — chief designer of the tank production of the Kirov Plant, one of the designers of heavy combat vehicles, self-propelled cannons and the famous T-34. Since the fall of 1944, he gave a lecture course to students, consulted graduates, headed a chair, was the chairman of the state examination commission, and a member of the first council of the ChMTI. In the conditions of wartime and excessive workload, this talented and highly organized person found time to pass on his wealth of experience and knowledge to those who had been just studying complex engineering disciplines. In September 1945, he was awarded the title Hero of Socialist Labour for his great contribution to the creation of tanks and the improvement of their design. In subsequent years, the scientific and organizational-industrial orientation of Nikolai Leonidovich somewhat changed. Together with the country's most talented scientists, he solved the most complicated problems of creating atomic weapons. In 1949, for his works related to the manufacture and testing of

the first Soviet atomic bomb, Major General N. L. Dukhov was awarded the second Golden Star of the Hero of Socialist Labour; he was awarded the title of Stalin Prize laureate of the first degree. In 1951, Nikolai Leonidovich was awarded another Stalin Prize for outstanding achievements in the production of new charges. In January 1954, N. L. Dukhov was awarded the third Golden Star for participating in the development and testing of the first hydrogen bomb. In 1960, he was awarded the Lenin Prize. In the period from 1954 to 1964, Nikolai Leonidovich was the head, scientific adviser and chief designer of the famous KB-11 (now the N. L. Dukhov All-Russian Research Institute of Automation). Three times Hero of Socialist Labour, laureate of the Lenin and five State Prizes of the USSR, lieutenant general of engineering and technical services, doctor of technical sciences, corresponding member of the USSR Academy of Sciences has been preserved in the history of our university as the founder of the training of tank specialists and an outstanding scientist.

of the faculty. At the faculty of wheeled and tracked vehicles, students were trained in the following specialties: tank building, automobiles and tractors, and internal combustion engines. The first dean of the faculty was Professor G. M. Gorodetsky.

Such a structure of the institute was largely determined by the tasks to solve and the resources that it really had at the time of its creation. In December 1943, the PhD in technical sciences associate professor Petr Alekseevich Grishin was appointed acting director of ChMEI. Already in December 1943, the first enrolment of students and transfer of senior students from Stalingrad Mechanical Institute to ChMEI began. The enrolment was carried out for the students to be trained in the specialties "Tank Engineering", "Internal Combustion Engines" and "Tank Production Technology". There were no entrance exams; Professor V. A. Dobrovolsky supervised the enrolment procedure.

One of the very first chairs created at the Chelyabinsk Mechanical Engineering Institute was the chair of Metal Science and Technology of Metals. Professor A. N. Rabinovich, doctor of technical sciences, became the first head of this chair. The order to create this chair was signed on December 18, 1943. One of the oldest chairs of the institute was the chair of "Tanks".

When it was created in December 1943, the only full-time teacher of the chair was Professor E. I. Miloslavsky. Among the other chairs that began working in the first months of the new institute's existence were the chairs of military and physical training, hydraulics, graphics, foreign languages, mathematics, metals, metal-cutting tools, production organization, basics of Marxism-Leninism, cutting, material resistance, theoretical mechanics, heat engineering, engineering technology, physics, chemistry, electrical equipment, foundry and "Machine parts".

Training sessions for more than 340 ChMEI students (grades 1–5) began in February 1944. Among these first students were: L. Aniskin, the future dean of the Faculty of Automotive and Tractor, B. Pinigin, the future professor of the Department of Automobiles and Tractors, L. Degtyarev, E. Perepelitsyn, V. Khokhlov who returned from the front and others. The first faculty laboratory of technical measurements was located in the barn with stove heating, and the first welding laboratory was situated in the pantry of a school building. During the first academic year, 58 teachers worked at the institute chairs. On the decision of the regional party committee, many of them were sent work as teaches at ChMEI from Chelyabinsk Agricultural and Chelyabinsk Pedagogical Institutes, as well as from the Kirov plant. In 1944, A. I. Klochkov came to work at ChMTI; he later became dean of the faculty of Automobile and Tractor and headed the chair of General Chemistry for more than 25 years. In 1944–1947, N. L. Dukhov, chief designer of tanks, three times Hero of Socialist Labor, laureate of the Lenin and State Prizes, worked at the institute. The ChMEI graduate students were supervised by the chief designer of the Kirov plant J. Ya. Kotin. Later, graduates from the best Moscow and Leningrad universities were repeatedly sent to work at the institute in Chelyabinsk.

On February 19, 1944, the issue of Chelyabinsk Mechanical Engineering Institute was discussed at the meeting of the bureau of the Chelyabinsk regional committee of AUCP (b.). In order to further develop ChMEI, the bureau ordered:

"1. To oblige the city executive committee and comrade Pavlov to:

a) pass by February 15, 1944 the 1st floor of the building of the 52nd school to ChMEI for training sessions for the period up to July 1, 1944;

b) assign the building of the former railway school No. 4 to the institute to be used as an educational building, after Stalingrad Mechanical Institute vacates it;

c) pass the apartments vacated by the faculty of Stalingrad Institute in connection with their re-evacuation to Stalingrad to the institute;

d) allocate 8 apartments from the urban housing stock to accommodate the arriving faculty of the institute by September 1 of this year.

Жозев Яковлевич Котин (1908–1979) — конструктор танков, генерал-полковник, инженер, доктор технических наук (1943), Герой Социалистического Труда (1941). Окончил Военно-техническую академию имени Ф. Э. Дзержинского. Под руководством Ж. Я. Котина были созданы первые отечественные тяжелые танки, в том числе знаменитый КВ (1939). В войну как главный конструктор танкового завода и заместитель наркома танковой промышленности возглавлял работы по созданию тяжелых танков КВ-8 и КВ-1С (1942), КВ-85, ИС-1 и ИС-2 (1943), а также выполненных на их базе тяжелых самоходных артиллерийских установок СУ-152 и ИСУ-152 (1943), ИСУ-122 (1944). После войны под руководством Ж. Я. Котина были созданы трелевочный трактор КТ-12 (1948) и колесный трактор К-700 (1963). Депутат Верховного Совета СССР (1946–1950, 1966–1970). Лауреат Государственных премий (1941, 1943, 1946, 1948). Награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской революции, Красного Знамени, имел другие правительственные награды.

Josef Yakovlevich Kotin (1908–1979), tank designer, colonel general, engineer, doctor of technical sciences (1943), Hero of Socialist Labour (1941), graduated from the F. E. Dzerzhinsky Military Technical Academy. Under the supervision of J. Y. Kotin, the first domestic heavy tanks were created, including the famous KV (1939). During the war, as the chief designer of the tank plant and deputy commissar of the tank industry, he headed the work on the creation of the heavy tanks KV-8 and KV-1C (1942), KV-85, IS-1 and IS-2 (1943), as well as the heavy self-propelled artillery installations SU-152, ISU-152 (1943), and ISU-122 (1944) made on the bases of the above mentioned tanks. After the war, under the supervision of J. Y. Kotin, the KT-12 skidding tractor (1948) and the K-700 wheeled tractor (1963) were created. Member of the Supreme Soviet of the USSR (1946–1950, 1966–1970). J. Y. Kotin was Laureate of State Prizes (1941, 1943, 1946, 1948); he was awarded four orders of Lenin, the order of the October Revolution, the order of the Red Banner and other government awards.

профессорско-преподавательского состава организуемого института.

2. Облесполкому:

а) выделить до 15 апреля т. г. для нужд института 30 ящиков оконного стекла;

б) выделить институту для организации подсобного хозяйства 20 тонн картофеля, 700 кг гороха, 500 кг проса, 1800 кг овса и овощных семян различных культур на 8 га.

3. Просить Наркомтанкопром т. Малышева:

а) выделить в 1 квартале т. г. для организуемого института следующий транспорт:

1) грузовых автомашин ЗИС-5 — 1

2) легковых -//- — 1

3) тракторов «Сталинец-60» (дизельмотор) — 1

4) тракторов НАТИ — 1.

б) обязать начальника Танкоснаба т. Магарилло принять на полное материально-техническое и бытовое снабжение ЧММИ и не позднее 1 марта 1944 г. выделить 200 комплектов постельных принадлежностей, считая в комплекте наволочек — 2, простыней — 2, подушек — 2, матрацев — 1, одеял — 1.

в) обязать начальника Танкоснаба т. Магарилло выделить к 1 марта 1944 г. материалы, необходимые для ремонта учебного помещения, согласно приложению № 1.

4. Обязать облторготдел тов. Горева выделить для создаваемого института необходимое учебное оборудование (согласно приложению № 2).

5. Обязать областного прокурора т. Шляева принять необходимые меры к освобождению к 1 мая т. г. учебного здания бывшей железнодорожной школы № 4 от жильцов, не имеющих отношения к институту.

6. Принять к сведению заявление директора Кировского завода т. Зальцмана о том, что:

а) инженерно-технические работники Кировского завода, указанные в приложении № 3, будут переведены на научно-педагогическую работу в Челябинский механико-машиностроительный институт;

б) инженерно-техническим работникам, указанным в приложении № 4, предоставляется возможность в порядке совместительства вести педагогическую работу в институте;

в) рабочие и служащие в количестве 70 человек, зачисленные студентами Челябинского механико-машиностроительного института, освобождаются от работы на заводе с передачей их личных дел институту;

г) в целях обеспечения учебного процесса и укомплектования лабораторий Кировский завод выделяет станочное и лабораторное оборудование согласно приложению № 5;

2. To oblige the regional executive committee to:
a) allocate 30 boxes of window glass for the needs of the institute by April 15 of this year;

b) allocate 20 tons of potatoes, 700 kg of peas, 500 kg of millet, 1800 kg of oats and vegetable seeds of various crops per 8 ha for the organization of the subsidiary farm.

1. To ask the People's Commissariat of Commerce and comrade Malyshev to:

a) allocate in the 1st quarter of this year the following transport for the institute:

- 1) trucks ZIS-5 — 1
- 2) cars -//- — 1
- 3) tractors "Stalinets-60" (diesel engine) — 1
- 4) tractors NATI — 1 tractor

b) oblige the head of Tankosnab comrade Magarillo to fully provide ChMEI with material, technical and household supplies and not later than March 1, 1944 allocate ChMEI 200 sets of bedding sets, each set including pillowcases — 2, sheets — 2, pillows — 2, mattresses — 1, blankets — 1.

c) oblige the head of Tankosnab comrade Magarillo to allocate the materials necessary for the repair of the training rooms according to Appendix No. 1.

4. To oblige the regional sales department and comrade Gorev to allocate the necessary training equipment for the institute (according to Appendix No. 2).

5. To oblige the regional prosecutor comrade Shlyayev to take the necessary measures to vacate the educational building of the former railway school No. 4 from its residents who are not related to the institute by May 1 of this year

6. To take into account the information of the Kirov Plant director comrade Zaltsman that:

a) the engineering and technical employees of Kirov Plant listed in Appendix No. 3 will be transferred to scientific and pedagogical work at the Chelyabinsk Mechanical Engineering Institute;

b) the engineering and technical employees listed in Appendix No. 4 are given the opportunity to combine their main occupation with pedagogical work at the institute;

c) 70 workers and office employees admitted to Chelyabinsk Mechanical Engineering Institute are exempted from work at the plant; their personal files are to be transferred of to the institute;

d) in order to ensure the educational process and equip laboratories, Kirov Plant allocates machine-tool and laboratory equipment to the institute in accordance with Appendix No. 5;

e) to provide for the faculty, manufactured goods (clothing, shoes) for 20 people are allocated to the university from the Kirov Plant stock in the 1st quarter of this year;

f) one of the objects of the Kirov plant housing construction on the 7th site, which is carried out by Stroytrest No. 22,

is intended for a student hostel for 250 people and is transferred to the institute.

7. To oblige Stroytrest No. 22 and comrade Shildkrot to complete the construction of the Kirov Plant house, which according to the statement of the plant director comrade Zaltsman is intended to be used as a student hostel for 250 people, by July 15, 1944”.

In the summer of 1944, the first engineers graduated from ChMMI. That year, in total seven engineers in three specialties: "Engineering Technology", "Foundry", "Tanks and Tank Engines" graduated from the institute.

An important role in the history of the South Urals, the establishment of Tankograd, as well as in the ChMEI organization and development was played by I. M. Zaltsman, whose name has recently returned to the South Urals audience.

I. M. Zaltsman arrived at Chelyabinsk Tractor Plant on October 11, 1941. According to the PhD in historical sciences A. N. Fedorov, “he had a difficult task: to launch the production of heavy tanks in 1–1.5 months. When attending to the task, he expectedly faced a shortage of production space, equipment, labour force, materials and housing, as well as other problems. In bad weather violating technical standards, he had to hastily construct new plant buildings, dugouts and barracks little suitable for life and settle people in basements and kitchens. The machines necessary for the production of tanks were taken away from engine-building plant No. 75, which was included into Kirov Plant, due to which diesel production halved. Scarce materials and parts were seized from local enterprises and factories that were to be evacuated to Siberia. And when the situation became hopeless, they showed ingenuity. For example, super-scarce ball bearings were replaced by more affordable roller bearings, and they guessed to buy castor oil for assembling diesel engines in pharmacies. The director was distinguished by his creativity. It was him, who in December 1941 proposed to send unfinished tanks to the front and “install tank starters right on the trains transporting these tanks to the destination””.

At Kirov Plant, personnel issues were also resolved in a rather original way. I. M. Zaltsman rightly believed that among the Chelyabinsk residents “peaceful rear moods” prevailed, therefore, he began to tighten labour discipline by tough measures. He first set up the heads of the plant workshops and departments for more intense work. He demanded to be “informed any time of the day or night” of their location and threatened with immediate dismissal if they, when called, would not come immediately “from anywhere within 5–7 minutes”. For the same purpose, in October — December 1941, on a weekly or even daily basis, he signed orders to remove from office and put on trial a workshop or department head who “disrupted the provision of the front with military vehicles”

д) для обеспечения профессорско-преподавательского состава через УРС Кировского завода выделяется в 1 квартале т. г. промтоваров (одежда, обувь) на 20 человек;

е) один из объектов планового жилищного строительства Кировского завода на 7 участке, выполняемый Стройтрестом № 22, предназначается под студенческое общежитие на 250 мест и передается институту.

7. Обязать Стройтрест № 22 т. Шильдкрот производство работ по строительству дома Кировского завода, предназначенного, согласно заявлению директора завода т. Зальцмана, под общежитие студентов на 250 мест, закончить до 15 июля 1944 г.»

Летом 1944 года в ЧММИ состоялся первый выпуск инженеров. Всего в этом году институт выпустил семь инженеров по трем специальностям: «Технология машиностроения», «Литейное производство», «Танки и танковые двигатели».

Важную роль в истории Южного Урала, становлении Танкограда, организации и развитии ЧММИ сыграл И. М. Зальцман, чье имя совсем недавно вернулось к южноуральскому читателю и зрителю.

И. М. Зальцман прибыл на Челябинский тракторный завод 11 октября 1941 года. По словам кандидата исторических наук А. Н. Федорова, «перед ним стояла сложная задача: за 1–1,5 месяца наладить производство тяжелых танков. При ее решении он ожидаемо столкнулся с нехваткой производственных площадей, оборудования, рабочей силы, материалов, жилья и другими проблемами. Пришлось при скверной погоде и с нарушением технических норм возводить новые корпуса, спешно строить малопригодные для жизни землянки и бараки, расселять людей по подвалам и кухням. Необходимые для производства танков станки забрали у моторостроительного завода № 75, который вошел в состав Кировского завода, из-за чего выпуск дизелей сократился вдвое. Дефицитные материалы и детали изымали у местных предприятий и заводов, эвакуируемых в Сибирь. А когда положение становилось безвыходным, то проявляли смекалку. Именно так сверхдефицитные шариковые подшипники заменили более доступными роликовыми, а необходимое для сборки дизелей касторовое масло догадались покупать в аптеках. Отличался смекалкой и директор. Ведь именно он в декабре 1941 года предложил отправить на фронт неукomплектованные танки, а «стартеры на них установить во время следования эшелона к месту назначения»».

Довольно оригинально на Кировском заводе решались и кадровые вопросы. И. М. Зальцман справедливо полагал, что среди челябинцев преобладали «мирные тыловые настроения», поэтому жесткими мерами стал подтягивать трудовую дисциплину. Причем на более напряженный

труд он в первую очередь настроил начальников цехов и отделов, приказав, чтобы те «в любое время дня и ночи» сообщали о месте своего нахождения и под угрозой немедленного увольнения являлись по вызову «из любого места в течение 5–7 минут». С той же целью в октябре — декабре 1941 года он еженедельно, а то и ежедневно подписывал приказы о снятии с должности и отдаче под суд руководителя, «сорвавшего обеспечение фронта боевыми машинами» или просто опоздавшего на работу. А чтобы эти приказы возымели еще больший эффект, их специально доводили до всех рабочих. Впрочем, мало кто из провинившихся начальников пострадал всерьез: директор давал им время «трудом искупить свою вину перед Родиной и заводом», а затем возвращал на прежнюю должность и щедро премировал.

В результате усилий руководителей всех уровней, рабочих различных производств и помощи множества предприятий Кировскому заводу удалось справиться со многими организационными и технологическими проблемами. Если в сентябре 1941 года в Челябинске изготовили 24 танка KB-1, то в октябре — 88, в ноябре — 110, в декабре — 213. Интересно, что даже при таких темпах завод не выполнял установленные планы, ведь в ноябре он должен был выпустить 220 танков, а в декабре — 280. Но и этот успех был столь впечатляющим, что руководство страны закрыло глаза на невыполнение плана и признало И. М. Зальцмана лучшим организатором танкового производства.

Послевоенная история Южного Урала также стала важной частью истории СССР. Новые миграционные потоки, пришедшие на Южный Урал в годы освоения целинных земель, создание принципиально новых научных центров и предприятий, необходимых для производства новых видов вооружений, формирование новых центров новой для Южного Урала культуры — все это существенно повлияло на темпы развития региона, его место в экономической и культурной жизни страны, на экологические, социальные и другие проблемы, часть из которых до сих пор оказывает свое воздействие на жизнь края.

Южный Урал внес заметный вклад в реализацию советского атомного проекта. «Южный Урал по таким параметрам, как климат, горный рельеф, доступность путей сообщения, уровень развития промышленности, плотность населения, наличие свободных пространств, обеспеченность водными ресурсами, был наиболее подходящим регионом для строительства атомных заводов», — считает кандидат исторических наук А. В. Буданов. Долины, окруженные горами, не позволяли одним ядерным ударом нанести урон сразу всем предприятиям региона, являлись естественной преградой для ударной волны и радиоактивного излучения. Немаловажным был и такой фактор, как

Сборка самоходного орудия
СУ-152. Челябинский Киров-
ский завод. 1943 год. ОГАЧО

Assembly of the self-propelled
cannon SU-152. Chelyabinsk
Kirov Plant. 1943

or who was just late for work. And for these orders to have an even greater effect, they were specially announced to all workers. However, few of the guilty managers were seriously injured: the director gave them time to "atone for their fault before the Motherland and the plant", and then returned them to their previous positions generously rewarded.

Due to the efforts of the managers at all levels, workers of various industries and help of many enterprises, Kirov Plant was able to cope with many organizational and technological problems. While in September 1941, as many as 24 KV-1 tanks were manufactured in Chelyabinsk, in October, November and December, 88, 110 and 213 tanks were produced correspondingly. It is interesting that even at such a pace the plant did not fulfil the established plans, because in November it was to release 220 tanks, and in December,

Исаак Моисеевич Зальцман (1905–1988) — организатор производства танков на Урале, генерал-майор инженерно-танковой службы, Герой Социалистического Труда (1941). Родился в Подольской губернии. Окончил Одесский индустриальный институт. Работал сменным мастером на заводе «Красный путиловец» в Ленинграде. В 1938 году назначен директором Кировского завода. Сумел запустить массовое производство танков KV. Провел эвакуацию Кировского завода в Челябинск, где в кратчайшие сроки развернул производство тяжелых танков. В феврале 1942 года был назначен директором танкового завода № 183. С 1 июля 1942 по 28 июня 1943 года занимал должность народного комиссара танковой промышленности. После этого вновь был назначен директором Кировского завода в Челябинске. Руководил заводом до 1949 года.

Isaac Moiseevich Zaltsman (1905–1988) is the organizer of tank production in the Urals, major general of the engineering and tank service, Hero of Socialist Labour (1941). I. M. Zaltsman was born in the Podolsk gubernia. He graduated from Odessa Industrial Institute and then worked as a shift foreman at the Krasny Putilovets plant in Leningrad. In 1938 he was appointed director of Kirov Plant where he managed to launch mass production of the KV tanks. I. M. Zaltsman supervised the evacuation of Kirov Plant to Chelyabinsk, where he launched the production of heavy tanks in the shortest possible time. In February 1942, I. M. Zaltsman was appointed director of tank plant No. 183. From July 1, 1942 to June 28, 1943 I. M. Zaltsman occupied the position of the People's Commissar of the tank industry. Then, he again was appointed director of Kirov Plant in Chelyabinsk. He headed the plant until 1949.

280 tanks were to be produced. However, what was done was so successful and impressive that the country's leadership turned a blind eye to the failure to fulfil the plan and recognized I. M. Zaltsman the best organizer of tank production.

The post-war history of the South Urals has also become an important part of the history of the USSR. New migration flows that came to the South Urals during the years of the development of virgin lands, the creation of fundamentally new scientific centres and enterprises for the production of new weapon types, the formation of the South Urals new culture centres, all this significantly affected the pace of the region development and its place in the economic and cultural life

удаленность от столицы и центрального промышленного района, что должно было защитить эти регионы от последствий возможных радиационных аварий. После ряда дискуссий и обсуждений в конце 1945 года была найдена площадка, удовлетворяющая основным требованиям. Спецкомитет по урановой проблеме принял предложение А. П. Завенягина построить комбинат по производству плутония на севере Челябинской области, в районе Кыштыма. 9 ноября 1945 года на выбранную площадку прибыли первые строители.

Работы по созданию технологии реакторного, радиохимического производства и гидрометаллургии плутония контролировались большой группой маститых ученых во главе с И. В. Курчатовым. Неслучайно новый челябинский аэропорт, открытый 27 ноября 2019 года, был назван «Игорь Курчатов».

На Южном Урале активно трудились академики А. П. Александров, А. А. Бочвар, И. А. Черняев, Ю. Б. Харитон, радиохимик В. Г. Хлопин и др. Выезжал на предприятие и конструктор атомных реакторов академик Н. А. Доллежал. С 1948 по 1955 год на комбинате было пущено в эксплуатацию семь ядерных реакторов (в том числе два тяжеловодных), нарабатывавших оружейный плутоний для ядерных зарядов.

Яркой страницей в послевоенной истории Южного Урала стало освоение целинных и залежных земель. По подсчетам кандидата исторических наук Н. А. Антипина, в Челябинской области уже в феврале 1954 года было подано более десяти тысяч заявлений от комсомольцев с просьбой направить их на освоение целинных земель. Наиболее показательным можно считать заявление от добровольцев Магнитогорского металлургического комбината, которые писали: «Трудно расставаться с любимым городом, с родными и близкими, но никто из нас не унывает. С комсомольской путевкой мы едем на целинные земли Южного Урала. Это не простая путевка. Это путевка в трудную, большую жизнь. Она лежит с комсомольским билетом и так же, как комсомольский билет, зовет нас туда, где труднее, где мы больше всего нужны партии, народу».

К началу весенних полевых работ 1954 года в совхозы и колхозы из городов и районов Челябинской области выехали 7142 добровольцев, было подготовлено более 300 комсомольско-молодежных тракторных бригад. Однако к концу полевого сезона возник «обратный поток» рабочих — тех, кто не смог устроиться на новом месте и вернулся в город: МТС и совхозы покинули 412 человек, в том числе самовольно бросили работу 129 человек, были осуждены за различные поступки 40 человек; по болезни, семейным обстоятельствам и другим причинам уехали 243 человека.

Игорь Васильевич Курчатов (1903–1960) — физик, организатор науки, научный руководитель советского ядерного проекта. Родился в городе Симе в семье лесничего и сельской учительницы. Окончил физико-математический факультет Таврического университета. В 1934 году защитил диссертацию и получил степень доктора физико-математических наук. Член Академии наук СССР (1943). В 1943 году основал и возглавил Лабораторию № 2 АН СССР, выросшую впоследствии в Институт атомной энергии. В 1946 году под руководством И. В. Курчатова был собран первый в Европе и Азии экспериментальный ядерный реактор Ф-1. В 1949 году под его руководством испытана первая советская атомная бомба РДС-1. Трижды Герой Социалистического Труда (1949, 1951, 1954), лауреат Ленинской (1957) и четырех Государственных премий СССР (1942, 1949, 1951, 1954).

Igor Vasilievich Kurchatov (1903–1960) is a physicist, organizer of science, scientific director of the Soviet nuclear project. He was born in the town of Sime in the family of a forester and a rural teacher. He graduated from the Faculty of Physics and Mathematics of Taurida University. In 1934, he defended his PhD thesis and received a doctorate in physical and mathematical sciences. I. V. Kurchatov was Member of the Academy of Sciences of the USSR (1943). In 1943, I. V. Kurchatov he founded and headed Laboratory No. 2 of the Academy of Sciences of the USSR, which later grew into Institute of Atomic Energy. In 1946, under the leadership of I. V. Kurchatov, the first in Europe and Asia F-1 experimental nuclear reactor was assembled. In 1949, under his leadership, the first Soviet atomic bomb RDS-1 was tested. I. V. Kurchatov was three times Hero of Socialist Labour (1949, 1951, and 1954), Laureate of Lenin (1957) award and four State awards of the USSR (1942, 1949, 1951, and 1954).

Основными точками освоения целинных и залежных земель в Челябинской области были определены южные районы региона. На этих землях создавались новые совхозы. На территории бывшего Брединского конезавода возникло четыре совхоза с общей площадью зерновых 80 тысяч гектаров, что почти в два раза превысило посевные площади всего Брединского района в 1953 году. В 1954 году в регионе было образовано девять новых совхозов: «Комсомольский», «Боровой», «Южный» — в Брединском

of the country. It also influenced the solution of the South Urals environmental, social and other problems, some of which still have an impact on the life of the region.

The South Urals made a significant contribution to the implementation of the Soviet atomic project. "The South Urals was the most suitable region for the construction of nuclear plants in terms of such parameters as climate, mountainous terrain, accessibility of communications, industrial development, population density, availability of free spaces and water resources," said the PhD in historical sciences A. V. Budanov. The valleys surrounded by the mountains did not let a nuclear strike simultaneously damage all the enterprises of the region; this landscape was a natural obstacle for a shock wave and radiation. Another important factor was the distance from the capital and central industrial region, which was supposed to protect these central regions from the consequences of possible radiation accidents. At the end of 1945, after a series of discussions, a site was found that met the basic requirements. A special committee on the uranium problem accepted the proposal of A. P. Zavenyagin to build a plutonium production plant in the north of the Chelyabinsk region in the Kyshtym district. On November 9, 1945, the first builders arrived in the chosen site.

The creation of reactor and radiochemical production technology, as well as plutonium hydrometallurgy was controlled by a large group of eminent scientists led by I. V. Kurchatov. It is no coincidence that the new Chelyabinsk airport opened on November 27, 2019, was named "Igor Kurchatov."

In the South Urals, the academicians A. P. Aleksandrov, A. A. Bochvar, I. A. Chernyaev, Yu. B. Khariton and the radiochemist V. G. Khlopin, as well as others actively worked. The academician N. A. Dollezhal, designer of atomic reactors, also visited the plant. From 1948 to 1955, the plant put into operation seven nuclear reactors (including two heavy-water ones) that produced weapons-grade plutonium for nuclear charges.

The development of virgin and fallow lands became a bright page in the post-war history of the South Urals. According to the estimates of the PhD in historical sciences N. A. Antipin, in the Chelyabinsk region in February 1954, more than ten thousand applications were submitted by Komsomol members asking to be sent to develop virgin lands. The most revealing is the application of the Magnitogorsk Iron and Steel Works volunteers who wrote: "It is difficult to part with our beloved town, with our relatives and friends, but none of us are discouraged. With a Komsomol pass, we go to the virgin lands of the South Urals. It is not just a pass. It is a ticket to a difficult big life. We keep it with our Komsomol membership card and just like it the pass calls us to where it's more difficult, where we are most needed by the party and people."

By the beginning of the spring field work of 1954, 7142 volunteers had left for the state and collective farms from the cities and districts of the Chelyabinsk region, and more than 300 Komsomol youth tractor brigades were trained. However, by the end of the field season, there was a "reverse flow" of workers, of those who could not settle in a new place and returned to the city: 412 people left mechanical-technological stations (MTS) and state farms, including 129 people who quit their jobs without permit; 40 people were convicted of various acts; 243 people left due to illnesses, family and other reasons.

The main spots for the development of virgin and fallow lands in the Chelyabinsk region were its South parts. New lands were created on these lands. Four state farms emerged in the territory of the former Bredinsky stud farm with a total grain area of 80 thousand hectares, which in 1953 almost doubled the sown area of the entire Bredinsky district. In 1954, nine new state farms were formed in the region: "Komsomolsky", "Borovoy", and "Yuzhny" in the Bredinsky district; "Named After Gorky", — in the Chesmensky district, "Bogdanovsky" and "Victory", — in the Kizilsky district, "Northern" — in the Nagaybasky region, "Zaozerny", — in the Varna district and "Kosobrodsky" — in the Troitsky district. 188 thousand hectares of land were ploughed there. After one or two years, the virgin lands gave the first large crop. In 1956, the gross grain harvest amounted to 150 million pounds; 90 million pounds (a little less than 1.5 million tons) were sold to the state, which was 43 million more than in 1954. The average yield was 13.8 centres per hectare. On October 23, 1956, for the achievements in agriculture, the Chelyabinsk region was awarded Order of Lenin. The Decree of the Supreme Soviet of the USSR said: «To award Order of Lenin to the Chelyabinsk region for the outstanding achievements of its working people in developing virgin and fallow lands, raising yields, increasing grain production and the successful fulfilment of their obligations to deliver 90 million pounds of grain to the state."

However, the development of virgin and fallow lands did not help to overcome the crisis in agriculture; it was necessary to set up a long-term development program. The virgin lands were located in the arid part of the Chelyabinsk region, which required a special farming system. Pure vapours were reduced to a minimum, the soil was not fertilized as it should have, the fertile fields were depleted, clogged, and were subjected to wind and water erosion. In virgin land regions, a monoculture of wheat prevailed, perennial grasses were smelted. Serious mistakes were made in agricultural technology. The crop yields decreased: in 1958 in the Chelyabinsk region, it amounted to seven centres per hectare (in 1950 there were 12 centres per hectare). In the virgin land regions, high material and labour costs led to mainly the extensive way of the agricultural

районе; имени Горького — в Чесменском, «Богдановский» и «Победа» — в Кизильском, «Северный» — в Нагайбакском, «Заозерный» — в Варненском, «Кособродский» — в Троицком. В них распахали 188 тысяч гектаров земли. Через один-два года целинные земли дали первый большой урожай. Валовой сбор зерна в 1956 году составил 150 млн пудов, государству было продано 90 млн пудов (это чуть меньше 1,5 млн тонн) — на 43 млн больше, чем в 1954 году. Средняя урожайность составила 13,8 центнера с гектара. За достигнутые показатели в сельском хозяйстве 23 октября 1956 года Челябинская область была награждена орденом Ленина. В Указе Верховного Совета СССР говорилось: «За выдающиеся успехи, достигнутые трудящихся Челябинской области в деле освоения целинных и залежных земель, повышения урожайности, увеличения производства зерна, и успешное выполнение обязательств по сдаче государству 90 млн пудов хлеба наградить Челябинскую область орденом Ленина».

Однако освоение целинных и залежных земель не помогло преодолеть кризис в сельском хозяйстве, необходима была разработка долгосрочной программы развития. Целинные земли находились в засушливом районе Челябинской области, что требовало особой системы земледелия. До минимума сокращались чистые пары, недостаточно вносилось удобрений, плодородные поля истощались, засорялись, подвергались ветровой и водной эрозии. В целинных районах преобладала монокультура пшеницы, запахивались многолетние травы. Серьезные ошибки были допущены в применении агротехники. Снижалась урожайность зерновых культур: в 1958 году в Челябинской области она составила семь центнеров с гектара (в 1950 году было 12 центнеров с гектара). Большие материальные и трудовые затраты на целине определили в основном экстенсивный путь развития сельскохозяйственного производства. В начале 1960-х годов страна вновь испытывала перебои в обеспечении продовольствием.

В XX веке Южный Урал был не только военно-промышленным, но и культурным центром страны. Здесь формировались интересные, самобытные творческие коллективы. Одним из них стал ансамбль народного танца ЧТЗ. Этот ансамбль принадлежал к старейшим и наиболее успешным самодеятельным танцевальным коллективам страны. Он возник в 1938 году — сразу вслед за основанием И. А. Моисеевым знаменитого Государственного ансамбля народного танца СССР и одновременно с многочисленными республиканскими и областными национальными профессиональными и любительскими ансамблями народной песни и пляски. В 1960 году ансамбль за выдающиеся достижения приобрел статус народного, в 1971 году

получил название «Самоцветы». Долгие годы ансамбль имел всесоюзную славу, вел активную гастрольную деятельность внутри страны и начал выезжать за рубеж. Он с неизменным успехом участвовал во всесоюзных смотрах художественной самодеятельности, регулярно привлекался государственными, партийными, комсомольскими и профсоюзными органами к участию в праздничных концертах, в том числе на лучших столичных театральных площадках и в Кремле.

В известной степени, — утверждает профессор И. В. Нарский, — народный ансамбль танца ЧТЗ 1950–60-х годов можно воспринимать как показательный. Он был типичен и одновременно уникален. Для этого утверждения есть основания. Во-первых, ансамбль был создан в период рождения советской самодеятельной хореографии и успешно просуществовал весь советский период, принадлежа к числу наиболее известных. Он был на виду во всесоюзном масштабе, особенно в хрущевский и брежневский периоды. Его знали в столице, ему благоволили высокие чиновники и ведущие хореографы. Его руководители награждались высокими государственными наградами и почетными званиями. Авторитетные деятели советской хореографии, на которых равнялись профессиональные балетные труппы и самодеятельные танцевальные коллективы, упоминали ансамбль народного танца ЧТЗ в числе образцовых.

Во-вторых, ансамбль считался одной из визитных карточек процветавшего в советское время Челябинского тракторного завода, который не скупился на его содержание и гастрольную деятельность. У танцоров ЧТЗ были лучшие в городе балетмейстеры и сценические костюмы. Ни один из челябинских самодеятельных танцевальных коллективов не мог позволить себе такого количества постановок и программ. Никто из челябинских танцоров не ездил так часто на гастроли в столицу, по стране и за рубеж, расходы, на организацию которых отчасти брал на себя ЧТЗ. На последнее обстоятельство стоит обратить особое внимание: Челябинск с его обилием режимных предприятий в течение десятилетий был «закрытым» городом. Он был недоступен для зарубежного туризма, и его жители редко выезжали за границу. Возможность путешествовать, в том числе в зарубежные страны, очень стимулировала желание попасть в столь успешный самодеятельный коллектив.

В-третьих, Челябинск был городом с разветвленной инфраструктурой управления и поддержания танцевальной самодеятельности, обеспечивавшей ей наиболее благоприятную конъюнктуру. Между 1936 и 1968 годами здесь сложилась каноническая сеть по обеспечению хореографического любительства методической и кадровой поддержкой, которую осуществляли прежде всего

production development. In the early 1960s, the country again experienced a disruption in food supplies.

In the twentieth century, the South Urals was not only a military-industrial region; it also was a cultural centre of the country. There, interesting, original and creative artistic teams emerged. The ChTP folk dance ensemble was one of them. This ensemble was one of the oldest and most successful amateur dance groups of the country. It emerged in 1938 along with numerous republican and regional national professional and amateur ensembles of folk song and dance that appeared immediately after I. A. Moiseev had founded the famous State Folk Dance Ensemble of the USSR. In 1960, for its outstanding achievements, the ChTP dance team acquired the status of people ensemble; in 1971, it got the name "Gems". For many years, the ensemble had the All-Union fame, conducted active touring activities within the country and began to travel abroad. Always successfully, it participated in All-Union amateur art shows, was regularly called by the state, party, Komsomol and trade union bodies to perform at festive concerts, often at the best metropolitan theatre venues and in the Kremlin.

To a certain extent, — says the professor I. V. Narsky, the ChTP folk dance ensemble of the 1950s and 60s can be perceived as outstanding. It was typical and unique at the same time. There are grounds for this statement. Firstly, the ensemble was created during the birth of the Soviet amateur choreography

and successfully existed throughout the entire Soviet period, being one of the most famous. It was in sight on the All-Union scale, especially in the Khrushchev and Brezhnev periods. It was known in the capital and was favoured by high officials and leading choreographers. Its leaders were awarded high state awards and honorary titles. The authoritative figures of the Soviet choreography who were highly appreciated by professional ballet troupes and amateur dance groups mentioned the ChTP folk dance ensemble as exemplary.

Secondly, the ensemble was considered one of the business cards of Chelyabinsk Tractor Plant that flourished in the Soviet times and was not stingy with financing the ensemble maintenance and touring activities. The ChTP dancers had the best city choreographers and stage costumes. None of the Chelyabinsk amateur dance groups could afford so many productions and programs. None of the Chelyabinsk dancers went so often on tours to the capital, around the country and abroad, the organizational expenses for the tours were partially incurred by ChTP. The last circumstance is worth paying special attention to: Chelyabinsk with its abundance of secret enterprises has been a "closed" city for decades. It was inaccessible for foreign tourism and its residents rarely travelled abroad. The opportunity to travel including to foreign countries stimulated very much the desire to get into such a successful amateur team.

Сев зерно-
вых культур.
Челябинская
область.
1950-е годы.
Из альбома
«Челябинская
область в фо-
тографиях»
Sowing
of crops.
The Chelya-
binsk region.
1950s. From
the "Chelya-
binsk Region in
Photos" album

областной Дом народного творчества (1936), областное культурно-просветительское училище (1949, с 1962 года — хореографическое отделение), театр оперы и балета (1956), государственный институт культуры (1968). Все это позволяет рассматривать ансамбль танца Дворца культуры ЧТЗ как образцовый в советской самодеятельной хореографии. Его особенность заключалась в незаурядной успешности. А слава ансамбля в значительной степени была делом рук его руководителей — Н. Н. Карташовой и В. И. Бондаревой.

Балет «Бахчисарайский фонтан» (композитор В. Б. Астафьев). Г. Борейко — Мария, В. Постников — Вацлав
Ballet "Bakhchisarai Fountain" (composer V. B. Astafiev). G. Boreyko as Maria, V. Postnikov as Wenceslas

Театр оперы и балета — архитектурное украшение города. Его строительство было начато в 1937 году, в годы войны в нем размещался эвакуированный из Москвы завод. Позже челябинцы построили для предприятия специальные корпуса, а театральное здание освободилось, и тогда началось формирование театральных коллективов. Основу балетной труппы составили выпускники Ленинградского хореографического училища. 2 октября 1956 года состоялась премьера первого спектакля («Лебединое озеро»

Thirdly, Chelyabinsk was a city with an extensive infrastructure for managing and supporting amateur dancing, which put it under the most favourable conditions. Between 1936 and 1968, there was formed a canonical network for giving choreographic amateurism a methodological and personnel support, which was primarily provided by the regional House of Folk Arts (1936), the regional Cultural and Educational school (1949, since 1962 — the choreographic department), the Opera and Ballet theatre (1956) and State Institute of Culture (1968). All this allows considering the dance ensemble of the ChTP Culture Palace as exemplary in the Soviet amateur choreography. Its specific feature was an outstanding success. The glory of the ensemble was largely due to the work of its leaders, N. N. Kartashova and V. I. Bondareva.

The Opera and Ballet theatre is an architectural decoration of the city. Its construction started in 1937; during the war years it housed a plant evacuated from Moscow. Later, special shops were constructed for the enterprise, the theatre building was vacated, and then, the formation of theatre teams began. The basis of the ballet troupe was the graduates of Leningrad Choreographic School. On October 2, 1956 the first night of the first performance ("Swan Lake" by P. I. Tchaikovsky) took place. This date is considered the birthday of the Chelyabinsk ballet troupe.

The collapse of the Soviet Union led to grave consequences in all areas of the society. In the South Urals, the formation of new economic structures, which began at the last stage of the USSR existence, was going with a lot of difficulties. The first Chelyabinsk Investment and Commodity Stock Exchange (ChICSEx) was registered in the Chelyabinsk city executive committee according to the Law of the Russian Federation "On Enterprises and Entrepreneurship," February 20, 1991. In its organizational form, the stock exchange was a closed joint stock company. It was founded by the city's Soviet authorities (the Chelyabinsk executive committee of the Council of People's Deputies, Chelyabinsk regional committee of cooperative enterprises' trade unions and Chelyabinsk region trade department), some state-owned enterprises (Concrete Goods factory — 1, brick factory No. 2, etc.), one commercial bank (Chelyabinsk Investment Bank) and a number of state and public enterprises; all in all there were 18 founders. The authorized capital of the stock exchange amounted to 1.5 million roubles. This amount covered the shares issued by the stock exchange, the face value of each share amounting to 100 thousand roubles. By May 1991, the number of members (founders) of the stock exchange increased several times up to over 90, while the authorized capital increased to 10 million roubles. The rights of all the founders of the stock exchange were equal: one share — one vote. The purpose of the stock exchange was claimed to create a market for investments, commodities

Торги на Челябинской универсальной бирже. 1991 год

Auction at the Chelyabinsk Universal Stock Exchange. 1991

and securities. The main objectives of the stock exchange were to establish a real balance of supply and demand, include excessive stocks of goods in the market turnover and establish economic relations between the members of ChICSEx. The stock exchange could assist in the privatization and transfer to the joint ownership of an enterprise, as well as distribute the shares of these enterprises.

In order to intensify the stock exchange activity, ChICSEx from its first months of work began to accept applications with proposals to sale or purchase the stock exchange goods. ChICSEx was a closed stock exchange and in order to become a participant in exchange trading, it was necessary to be a member of the stock exchange, and either to resort to the services of a broker from a brokerage company of stock exchange members for a fee, or to independently buy a brokerage place on the stock exchange.

The first auction at ChICSEx was held on May 14, 1991 in the foyer of Palace of Culture of Railway Workers. Only the stock exchange members and representatives of the enterprises who acquired the right to a brokerage place were admitted into the trading room for trading. Trading on the stock exchange was regulated by the "Interim Rules for Stock Exchange Trading", which were approved by the ChICSEx Council.

As acknowledged by the PhD in historical sciences A. S. Dyuryagin, the first auction, aroused great interest among the participants. 82 brokerage offices representing 117 stock

П. И. Чайковского). Эта дата считается днем рождения челябинской балетной труппы.

Распад Советского Союза привел к тяжелейшим последствиям во всех сферах жизни общества. Формирование новых экономических структур, которое началось еще на последнем этапе существования СССР, шло на Южном Урале очень непросто. Первая Челябинская инвестиционно-товарная биржа (ЧИТБИ) была зарегистрирована в Челябинском горисполкоме, согласно Закону РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», 20 февраля 1991 года. По своей организационной форме биржа являлась акционерным обществом закрытого типа. В число учредителей вошли органы советской власти города (Челябинский исполком Совета народных депутатов, Челябинский обком профсоюзов кооперативных предприятий, управление торговли Челябинской области), некоторые госпредприятия (завод ЖБИ-1, кирпичный завод № 2 и др.), один коммерческий банк (Челябинский инвестиционный) и еще ряд государственных и общественных предприятий — всего 18 учредителей. Уставной капитал биржи составлял 1,5 млн рублей. На эту сумму были выпущены акции биржи, номинал каждой составил 100 тысяч рублей. К маю 1991 года количество членов (учредителей) биржи увеличилось в несколько раз, их насчитывалось свыше 90, а уставной капитал возрос до 10 млн рублей. Права всех учредителей биржи были равны: одна акция — один голос. Целью биржи было заявлено создание рынка инвестиций, товаров и ценных бумаг. Основными задачами биржи являлись установление реального соотношения спроса и предложения, вовлечение в рыночный товарооборот излишних запасов товаров, установление между членами ЧИТБИ хозяйственных связей. Биржа могла оказывать помощь в организации приватизации и перехода к акционерной форме собственности предприятия, а так же распространять акции этих предприятий.

Для активизации биржевой деятельности ЧИТБИ с первых месяцев работы начал принимать заявки с предложениями о реализации или приобретении биржевого товара. ЧИТБИ являлась биржей закрытого типа, чтобы стать участником биржевых торгов, нужно было являться членом биржи, прибегнуть к услугам брокера из брокерской компании членов биржи, за отдельную плату или самостоятельно купить брокерское место на бирже.

Первые торги на ЧИТБИ прошли 14 мая 1991 года в фойе Дворца культуры железнодорожников. В операционный зал для работы на торгах были допущены только члены биржи и представители предприятий, которые приобрели право на брокерское место. Торги на бирже регламентировались «Временными правилами биржевой торговли», которые были утверждены биржевым советом ЧИТБИ.

Первые торги, по признанию кандидата исторических наук А. С. Дюрягина, вызвали большой интерес у участников. На торгах присутствовали 82 брокерские конторы от 117 членов биржи. Ведущий маклер ознакомил брокеров с порядком проведения торгов, представил членов арбитражной комиссии. Также к услугам брокеров в зале находились представители страховой компании «АСКО», готовые дать гарантии на сохранность приобретенного товара после заключения сделки. К торгам готовились почти три месяца, однако не обошлось без накладок: маклер по ошибке начал чтение позиций с графы «спрос»; брокеры путали обязательные жесты, были невнимательны к объявлению товаров; в зале не оказалось брокеров, подавших заявки в графе «спрос» биржевого бюллетеня, хотя продавцы, готовые удовлетворить спрос, находились. Первой сделкой на ЧИТБИ стала покупка брокером № 40 у брокера № 53 хвойных пиломатериалов на сумму 24 тысячи рублей. Администрация ЧИТБИ участникам первой сделки подарила по стиральной машине «Чайка». На первых торгах продавалось практически все: каски монтажные и прогулочная яхта «Ассоль», картины для украшения офисов, шпротный паштет, путевки в пионерский лагерь в Анапу по 1200 рублей каждая и многое другое. Сервис торгов заслужил самую высокую похвалу участников. На заключение той или иной сделки у брокеров уходило всего несколько секунд. Остальное полностью взяла на себя служба регистрации сделок. Продумано было практически все, вплоть до импровизированного кафе, где брокер-покупатель и брокер-продавец могли в спокойной обстановке «отметить» заключение сделки. Несмотря на двенадцать сделок на общую сумму более миллиона рублей (на других биржах заключалось три-четыре сделки в день), предложения принимались с осторожностью.

Новая постсоветская история Южного Урала складывалась непросто. Многие ее нюансы ярко отразились в судьбе первых челябинских губернаторов В. П. Соловьева и П. И. Сумина. Показательно, что к августу 1991 года будущие лидеры «челябинского противостояния» возглавляли органы советской власти: в апреле 1990 года В. П. Соловьев был избран председателем Челябинского городского совета народных депутатов, а в ноябре того же года П. И. Сумин стал главой областного совета народных депутатов.

28 августа 1991 года Челябинский областной совет народных депутатов в соответствии с указом президента предложил Б. Н. Ельцину кандидатуру П. И. Сумина для назначения на пост главы областной администрации. Выборы в областном совете проходили на альтернативной основе — было шесть кандидатов. В итоге за П. И. Сумина проголосовали 153 депутата из 184.

Митинг на Алом поле в Челябинске. 1990-е годы. Из альбома «Челябинская область в фототрифах» Meeting on the Aloe Pole place in Chelyabinsk. 1990s. From the "Chelyabinsk Region in Photos" album

exchange members attended the auction. The leading broker acquainted the brokers with the procedure of conducting auctions and introduced the members of the arbitration commission. In addition, in the hall, there were the representatives of the ASKO insurance company ready to give guarantees on the safety of the purchased goods after the conclusion of the transaction. It took almost three months to prepare for the auction, however, not everything went smoothly: the leading broker mistakenly began reading

positions from the "demand" column; the brokers confused mandatory gestures, were inattentive to the announcement of goods; in the room, there were no brokers who submitted their applications in the "demand" column of the stock exchange newsletter, although the sellers were ready to satisfy the demand. The first deal on ChICSEx was the purchase of softwood lumber for 24 thousand roubles by broker No. 40 from broker No. 53. The ChICSEx administration presented the participants of the first transaction with the Chaika washing

Против этого, по словам историка Н. А. Антипина, активно выступили представители движения «Демократическая Россия». В записке, подготовленной депутатами Челябинского горсовета А. И. Гришенковым и В. А. Белоусовым, депутатом областного совета А. В. Алексеевым 3 сентября 1991 года отмечалось: «Руководство области и города в своих взглядах, действиях и оценках уже давно стоят на разных позициях. Набирает силу демократическое движение, но стеной восстает партократия, заправила агропрома и военно-промышленного комплекса. Весь демократически настроенный городской совет и стоящий на страже партократии областной совет. Последний, хочет навязать свое мнение президенту России, оставить все так, как было. Поставить своего лидера в лице П. И. Сумина». В качестве примера авторы обращения отметили, что председатель областного совета П. И. Сумин фактически поддержал действия ГКЧП, установил цензуру в средствах массовой информации, а осудил «хунту» лишь 22 августа, когда члены ГКЧП были уже арестованы. Неслучайно Челябинский городской совет 17 сентября 1991 года представил на должность главы администрации региона своего председателя В. П. Соловьева. 24 октября 1991 года президент Б. Н. Ельцин своим указом назначил главой администрации Челябинской области В. П. Соловьева, что вызвало протест у областного совета и П. И. Сумина. В регионе разразился «кризис власти». Для его решения и региональным, и федеральным властям пришлось приложить очень большие усилия.

Целостная картина развития южноуральского региона в XX веке — это сложный многоуровневый процесс. Современные исследования ученых-историков отмечают лишь основные тенденции политического, экономического, социального развития Южного Урала, во многом определившие судьбы миллионов людей, живших и работавших в этом очень важном регионе страны.

machine. At the first auction, almost everything was sold: construction helmets and the touring yacht "Assol", paintings for decorating offices, sprat paste, vouchers to the pioneer camp in Anapa for 1200 roubles each and much more. The bidding service earned the highest praise from the bidders. It took only a few seconds for the brokers to conclude a deal. The rest was completely taken over by the transaction registration service. Almost everything was thought out, up to an impromptu cafe, where a broker-buyer and broker-seller could "celebrate" closing a transaction in a calm atmosphere. Despite twelve transactions totalling more than a million roubles (three to four transactions per day were closed on other stock exchanges), the offers were received with caution.

The new post-Soviet history of the South Urals was not an easy process. Many of its nuances were clearly reflected in the fate of the first Chelyabinsk governors V. P. Solovyov and P. I. Sumin. It is worth noting that by August 1991, the future leaders of the "Chelyabinsk confrontation" headed the Soviet authorities: in April 1990, V.P. Soloviev was elected chairman of the Chelyabinsk city council of people's deputies, and in November of the same year, P.I. Sumin became head of the regional council of people's deputies.

On August 28, 1991, in accordance with the presidential decree, Chelyabinsk Regional Council of People's Deputies, proposed to B. N. Yeltsin for P. I. Sumin to be appointed head of the regional administration. The elections in the regional council were held on the alternative basis; there were six candidates. As a result, 153 deputies out of 184 voted for P. I. Sumin.

According to the historian N. A. Antipin, the representatives of the "Democratic Russia" movement actively opposed these results. In a note prepared by the deputies of Chelyabinsk City Council A. I. Grishenkov and V. A. Belousov, and the Regional Council deputy A. V. Alekseev on September 3, 1991, it was said: "The leadership of the region and city have long been at different positions in their views, actions and assessments. The democratic movement is gaining strength, but the party bureaucrats who has ruled the agricultural industry and military-industrial complex rose against it as a wall. The entire democratically minded City Council opposes the Regional council, which is the guardian of partocracy. The latter wants to impose its opinion on the Russian president and to leave everything as it was by nominating P. I. Sumin their leader." As an example, the authors of the appeal noted that the chairman of the Regional Council, P. I. Sumin, actually supported the actions of the State Emergency Committee, established censorship in the media and condemned the "junta" only as late as August 22, when the members of the State Emergency Committee were already arrested. It is no coincidence that on September 17, 1991, Chelyabinsk City Council suggested its chairman V. P. Solovyov

to the post of the regional administration head. On October 24, 1991, President B. N. Yeltsin appointed V. P. Soloviev head of the Chelyabinsk Region administration, which provoked a protest from Regional Council and P. I. Sumin. A "crisis of power" erupted in the region. To solve it, both the regional and federal authorities had to make great efforts.

A holistic picture of the development of the South Urals region in the XXth century is a complex multi-level process. Modern scientific and history studies note only the main trends in the political, economic, and social development of the South Urals, which largely determined the fate of millions of people who lived and worked in this very important region of the country.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
CONCLUSION

Перед грозой.
Фото: С. Арканов
Before a thunderstorm.
Photo: S. Arkanov

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бегло проследив основные этапы многотысячелетней истории Южного Урала, авторы настоящего издания ставили перед собой задачу устремить взгляд читателя на всю глубинную толщу истории и культуры южноуральского населения.

Резюмируя основные результаты достижений и преобразований, произошедших на разных этапах исторического развития, можно очертить следующую последовательность эпох.

Самый длительный период в истории человечества — эпоха камня (или каменный век). Заселение нашего региона произошло 300–250 тысяч лет назад, а финал каменного века приходится на конец III тысячелетия до н. э. За это время был проделан огромный путь в становлении и развитии человеческого рода — от *Homo habilis* до человека современного физического типа. Огромные изменения в материальной культуре показали нам путь, по которому наши предки прошли от простой оббитой гальки до практически современного набора инструментов — ножей, сверл, топоров и т. д., — но выполненных в камне. Изобразительная деятельность древнего человека от мало говорящих нам нарезок и линий поднялась до «вершин» художественного творчества — палеолитической живописи и мелкой пластики неолита и энеолита. Социальное устройство традиционных обществ достигло своего расцвета и сложности, до сих пор полностью не понятой современными этнологами.

Это было время, когда не только закладывались основы материальной и духовной культуры человечества, но и формировались принципы существования человеческого социума — уникальной формы организации жизни на Земле. Совершенствование систем жизнеобеспечения, позволивших выживать человеческим коллективам в порой экстремальных условиях плейстоцена, показывают нам примеры успешной адаптации в меняющихся окружающих ландшафтах и дают нам подсказки в решении насущных сегодня проблем правильного отношения к существующей пока природе.

Актуальной задачей современной археологии является выявление социокультурных пространств, внутри которых происходили события, дошедшие до нас в артефактах, и дающие нам возможность моделировать историю тех или иных древних социумов. В эпоху позднего палеолита за счет мобильности охотничьих коллективов, проживавших в приледниковой тундростепи, формируется единое культурное пространство от Волго-Уралья до Оби, основанное на близких технологиях и традициях обработки камня. На фоне формирующихся ландшафтов в начале современного геологического периода (голоцена) на Урале начинает проявляться вполне определенное территориальное своеобразие отдельных традиций. Картографирование комплексов с основными признаками существовавших традиций позволяет определить социокультурное пространство зауральского, в том числе южноуральского, населения. Единство населения зауральского

CONCLUSION

In the quick overview of the main stages of the South Ural multi-millennial history, the authors of this publication attempted to show the readers the entire depth of the history and culture of the South Urals population.

Summarizing the main results of the achievements and transformations that occurred at the different stages of historical development, we can outline the following sequence of eras.

The longest period in the history of mankind is the era of stone (or the Stone Age). In our region, settling occurred 300–250 thousand years ago, while the end of the Stone Age falls at the end of the III millennium BC. During this period, the human race made a tremendous journey along the road of formation and development from *Homo habilis* to a modern physical type. Huge changes in the material culture showed us the way our ancestors had passed from using simple crashed pebbles to making almost modern, though stone, sets of tools, knives, drills, axes, etc. The pictorial activity of the ancient man rose from meaningless cuts and lines to the "peaks" of artistic creation, Palaeolithic painting and small Neolithic and Eneolithic plastics. The social structure of traditional societies was so developed and complex that modern ethnologists still have not been able to fully understand it.

That was the time when not only the foundations of the material and spiritual culture of the mankind were laid, but also, formed were the existence principles of the human society, a unique form of life organization on the Earth. Improvements in the life support systems, which made it possible for human groups to survive in sometimes extreme Pleistocene conditions, show examples of a successful human adaptation to changing landscapes and give us hints for proper solutions of the nowadays environmental problems.

The urgent task of modern archaeology is to identify the social-cultural spaces, within which those events had occurred that came down to us in artifacts, and which enable us to model the history of various ancient societies. In the Late Palaeolithic era, due to the mobility of hunting groups living in the glacial tundra steppe, a single cultural space from the Volga-Ural River region to the Ob River region was formed based on similar technologies and traditions of stone processing. In the frame of the landscapes that were emerging at the beginning of the modern geological period (Holocene) in the Urals, the territorial specificity of individual traditions was formed. Mapping of complexes with the main characteristics of that time traditions allows identifying the social-cultural space of the Trans-Urals (including the South Urals) populations. The unity of the Trans-Urals social-cultural space population is also seen in the sanctuaries and cult hills that existed at that time: Stone Dyrovaty in the Mesolithic and Neolithic, the Koksharovskiy and Ust-Vagil'skiy hills in the Neolithic and the round-planed sanctuaries Savin I, Slabodchiki I, Velizhan 2 in the Eneolithic. These complexes reflect the whole spectrum of the regional technological and ornamental traditions in the Mesolithic–Eneolithic.

социокультурного пространства отразилось и в существовании святилищ и культовых холмов: Камня Дыроватого в мезолите и неолите, Кокшаровского и Усть-Вагильского холмов в неолите и круглоплановых святилищ Савин I, Слабодчики I, Велижаны 2 в энеолите, комплексы которых отражают весь спектр технологических и орнаментальных традиций региона в мезолите–энеолите.

Зауральские социумы в конце каменного века занимали территорию от основных хребтов Урала до междуречья Тобола и Ишима и от верховьев реки Тавды до широтного течения реки Урал, охватывающую несколько ландшафтных зон: лесостепную, горнолесную и южную часть равнинной лесной, которые являлись жизненным пространством зауральского населения и составляли основу хозяйственного цикла. Идентичность социума, то есть его своеобразие на фоне других, можно определить по вполне определенному сочетанию в этом социуме разных традиций, которые доступны нам в артефактах — технологических, морфологических, орнаментальных.

Кардинальные изменения социокультурного пространства глубокой древности на территории Урала происходят с наступлением эпохи палеометаллов и бронзового века (конец III тысячелетия до н. э.). Именно с этого периода Южный Урал становится транзитным континентальным регионом и остается таковым на протяжении всей своей истории вплоть до наших дней. С этого периода устанавливается широкомасштабная устойчивая система связей культур на территориях от Финно-Скандинавии до Синьцзяна и от таежной зоны Западной Сибири до Средней Азии. Таким образом, эпоха бронзы положила начало процессу глобализации в масштабах всей Евразии. Существенным образом преобразуется социальная структура человеческих коллективов бронзового века. В нем особым образом устанавливаются социальные роли мужчин, женщин и детей, профессиональные структуры (военные, ремесленники и элитные группы). Хотя достигнутые экономические и технологические рубежи в существующих экономических условиях не дали значительного избыточного продукта — основы устойчивого существования элиты и сложных политических структур. Тем не менее существующие на сегодняшний день результаты научных исследований укрепленных городищ Синташта, Аркаим Ольгино, Устье и других, входящих в так называемую «Страну городов», и сопровождающих их многочисленных некрополей позволяют воссоздать сложный и противоречивый образ этой эпохи с ее высоким уровнем технологических достижений и социальных трансформаций.

В силу глобальных палеоклиматических изменений, произошедших в Евразии на рубеже II–I тысячелетий до н. э., наступление новой формационной эпохи — раннего железного века, — которое на Южном Урале падает на VIII–VII века до н. э., знаменует собой тотальный переход к новым системам хозяйствования — кочевому скотоводству в поясе степей и комплексному хозяйству (с преобладанием скотоводства) — в лесостепной зоне.

С этого периода необычайно возрастает трансгенерирующая роль Южного Урала. Это обусловлено тем, что любое крупное перемещение кочевников с востока степной Евразии на запад или с запада на восток проходило, в силу географических особенностей степного пояса, через южноуральское пограничье. Древности этого региона отразили динамику взаимодействия населения восточной и западной частей евразийских степей. На этой территории осуществлялся сплав привнесенных переселенцами традиций Востока и Запада, здесь зарождались новые этнокультурные образования, сыгравшие в дальнейшем свою роль в древней истории западной части Евразии, особенно Восточной Европы.

Вместе с тем степи Южного Урала являлись составной частью системы «оазис — степь — лесостепь», включавшей три основные подсистемы: государственные образования оседло-земледельческих обществ Центральной Азии, кочевые объединения урало-казахстанских степей (саки, сарматы, аланы) и оседлые и полуседлые образования лесостепи (гороховская, иткульская, саргатская культуры). Естественно, каждая из

At the end of the Stone Age, the Trans-Urals societies occupied the territory from the main ranges of the Urals to the Tobol River and Ishim River interfluves and from the upper reaches of the Tavda River to the latitudinal course of the Ural River covering several landscape zones: the forest-steppe, mountain-forest and southern part of the plain forest, which were the living space of the Trans-Urals population and formed the basis of its economy cycle. The identity of the society, that is, its originality as compared to the others, can be determined by a well-defined combination of the society different traditions that are available to us in technological, morphological and ornamental artifacts.

In the Urals ancient territory, dramatic changes in the social-cultural space occurred with the onset of the era of paleometals and the Bronze Age (end of the third millennium BC). It is at that period, that the South Urals became a transit continental region and remained so throughout its history up to the present day. Since that period, a large-scale sustainable system of cultural ties has been established in the territories from Finland-Scandinavia to Xinjiang and from the taiga zone of Western Siberia to Central Asia. The Bronze Age thus laid the foundation for the process of globalization throughout Eurasia. The social structure of the Bronze Age human groups substantially transformed. It strictly specified the social roles of men, women and children and established professional structures (military, artisan and elite groups). However, the economic and technological achievements of that period did not produce any significant excess product that could provide the basis for the sustainable existence of the elite and complex political structures. Nevertheless, the current scientific research of the fortified sites of Sintashta, Arkaim Olgino, Ustye and others, which were included in the so-called “Country of Towns”, as well as of numerous necropolises accompanying these sites allows recreating a complex and contradictory image of that era with its high level of technology and social transformations.

Due to the global paleoclimate changes that occurred in Eurasia at the turn of the II–I millennia BC, the onset of a new formational era, the early Iron Age, which in the South Urals falls on the VIII–VII centuries BC, marked a total transition to new economic systems, namely, to the nomadic cattle breeding in the steppe belt and to integrated farming (with the predominance of cattle breeding) in the forest-steppe zone.

At that period, the transgenerating role of the South Urals grew a lot, which was caused by that all major movements of nomads from the east of the Eurasian steppe to west or from west to east passed through the South Urals borderland due to the geographical features of the steppe belt. The antiquities of this region reflected the interaction dynamics of the population from the eastern and western parts of the Eurasian steppe. In this territory, the East and West traditions brought by the migrants were fused and new ethnical-cultural formations arose, which later played their role in the ancient history of Western Eurasia and especially in that of Eastern Europe.

At the same time, the South Urals steppes were an integral part of the oasis-steppe-forest steppe system, which included three main subsystems: state formations of the Central Asia settled agricultural societies, the Ural-Kazakhstan steppe nomadic associations (Saki, Sarmatians, Alans) and the forest-steppe settled and semi-settled formations (Gorokhov, Itkul and Sargat cultures). Naturally, each of the aforementioned subsystems had its own specifics and patterns of development. However, entering into the system of relationships, each of these subsystems in one way or another influenced the others and, in turn, experienced a reverse effect. The key link uniting this system was the Ural-Kazakhstan steppes nomads.

The Hunnic era, the beginning of which falls at the end of the II century BC, was a very important period in the development of the South Urals. Our region became a key one in the process of forming the nomadic civilization of Eurasia. The global resettlement of the population (part of the Hunnic empire inhabitants) to the South Urals and Western Kazakhstan on the Eurasian border first led to a decisive cultural transformation of the nomadic communities of the Ural-Kazakhstan and Lower Volga River steppes, the Trans-Urals and West Siberian forest-

названных подсистем имела свою специфику, присущие только ей особенности и закономерности развития. Однако, входя в систему взаимоотношений, любая из этих подсистем так или иначе влияла на другие и, в свою очередь, испытывала обратное воздействие. Ключевым звеном в этой системе, объединяющим ее, были кочевники урало-казахстанских степей.

Гуннская эпоха, начало которой падает на конец II века н. э., явилась весьма важным периодом в развитии Южного Урала. Наш регион становится ключевым в процессе формирования кочевой цивилизации Евразии. Глобальный выплеск населения — осколков Хуннской империи — в пределы Южного Урала и Западного Казахстана, на евразийское пограничье привел вначале к решающей культурной трансформации кочевых сообществ урало-казахстанских и нижневолжских степей, зауральской и западносибирской лесостепи, а затем к кардинальным изменениям этнокультурной карты Восточной Европы вплоть до Карпатской котловины.

Основные черты, заложенные с конца II по IV век н. э., в период поздней Древности — тотальная черепная деформация, ориентировка погребенных головой на север, гробовые конструкции и особый набор предметов, сопровождавших мужские и женские погребения, — продолжали существовать в течение довольно длительного периода, включая эпоху Агтилы (V век) и далее, вплоть до VIII века (джетыясарские и турбаслинские памятники). Все это убеждает нас в том, что именно тогда, в поздней Древности, в урало-казахстанские степи пришли новые кочевые племена, существенно отличавшиеся от обитавших здесь сармато-аланских кочевников. Последующий синтез пришельцев и автохтонного населения привел к формированию к концу IV века собственно гуннской орды, впоследствии сокрушившей Римскую империю, города Восточной Европы и необратимо изменившей этнополитический ландшафт этого пространства. В большей мере гунны вместе с другими варварскими племенами, их деяния и непосредственное присутствие привели к формационной ломке исторического развития Евразии, в результате чего все последующее за IV–V веками н. э. время получило наименование — Средневековье.

Это время ознаменовалось тем, что с самого раннего этапа (VI–VIII века) южноуральское население было втянуто в орбиту первого раннегосударственного образования на территории урало-казахстанских степей, которым явился Западно-Тюркский каганат. Безусловно, Южный Урал являлся его дальней северной провинцией, однако многочисленные артефакты позволяют утверждать, что его коммуникационное положение играло большое значение в функционировании «Пушного пути», а также в развитии культурных инноваций.

Распад Западно-Тюркского, а вслед за ним и Тюркешского (704–756) каганатов привели к резкому опустению урало-казахстанских степей в VII–VIII веках. Причины запустения и распада крупных государственных образований на юге Казахстана, связанные с изменением ландшафтно-климатической ситуации, привели к повсеместному затуханию жизни и гибели городов и поселений Хорезма и Южного Казахстана к VIII веку.

В урало-казахстанских степях наблюдается окончательный отток раннеболгарского населения огузов (род Дуло) на запад, в Поволжье и, вероятно, далее на запад. Аридизация и изменение этнокультурной ситуации в степях Казахстана (приход карлуков и кыпчаков-сеянто) привели к неизбежному сокращению протяженности меридиональных (с севера на юг) перекочевков огузского (оногузского) населения, в состав которого входили и протомадьярские (кушнаренковско-караякуповские) племена. Они вынужденно концентрировались в лесостепной полосе Южного Урала и Западной Сибири. Это привело, в свою очередь, к системным изменениям в среде оседлого лесостепного населения в Зауралье и Западной Сибири, где происходил распад культур этой зоны.

Относительная стабилизация в рамках новых системообразующих хозяйственно-культурных условий произошла в IX–X веках, когда повсеместно в лесостепных

steppes and then caused drastic changes in the ethnical-cultural map of Eastern Europe up to the Carpathian basin.

The main features, such as total cranial deformation, orientation of the heads of diseased to the north, coffin designs and a special set of objects that accompanied male and female burials, which had formed in Late Antiquity in the period from the end of II century up to the IV century BC, existed for a rather long time after including the Attila era (V century) and beyond, up to the VIII century (Djetiasar and Turbaslin monuments). All this evidences that it was then, in Late Antiquity, that new nomadic tribes came to the Ural-Kazakhstan steppes, these being significantly different from the Sarmatian-Alan nomads that lived there. The subsequent synthesis of the newcomers and autochthonous population by the end of the 4th century led to the formation of the Hunnish horde proper, which later crushed the Roman Empire and Eastern Europe cities and thus irreversibly changed the ethnical-political landscape of this space. To a great extent, it was the presence and deeds of the Huns along with other barbarian tribes, that led to the formation breakdown in the historical development of Eurasia, as a result of which the time period after the IV–V centuries AD got the name of the Middle Ages.

This period was marked by the fact that from its very early stage (VI–VIII centuries), the South Urals population was drawn into the orbit of the first early-state formation on the territory of the Ural-Kazakhstan steppes, which was the Western Turkic Khaganate. Of course, the South Urals was its far-north province, however, numerous artifacts suggest that its communication position played an important role in the functioning of the “fur way”, as well as in the development of cultural innovations.

The collapse of the Western Turkic Khaganate, and then the Turgesh Khaganate (704–756) led to a sharp abandonment of the Ural-Kazakhstan steppes in the VII–VIII centuries. The reasons for the desolation and disintegration of these large state formations in the South of Kazakhstan associated with a change in the landscape and climate, which by the VIII century led to the decay of the Khorezm and South Kazakhstan towns and settlements.

In the Ural-Kazakhstan steppes, there was a final outflow of the early Bulgarian Ogurs population (genus Dulo) to the west, to the Volga River region and, probably, farther to the west. The aridization and change in the ethnical-cultural situation in the Kazakhstan steppes (the arrival of the Karluks and Kipchaks-Seyanto) led to an inevitable reduction in the distances of the meridional (from north to south) movements of the Ogur (Onogur) population, which also included the Proto-Magyar (Kushnarenkov-Karayakup) tribes. They were forced to concentrate in the forest-steppe zone of the South Urals and Western Siberia. This in turn led to systemic changes in the environment of the settled forest-steppe population in the Trans-Urals and Western Siberia, where the cultures of this zone were in the process of decay.

Relative stabilization in the framework of new system-forming economic and cultural conditions occurred in the IX–X centuries, when comparatively numerous barrow necropolises of the nomadic population (burial grounds of Uelga, Graultra, Sineglazovo, Lagerrevsky, Karanaevsky, etc.) appeared everywhere in the forest-steppe and foothill areas of the South Urals. They are culturally multi-component. Along with the burials, which we conventionally designated as monuments of the autochthonous Bashkir-Magyar (Kushnarenkov-Karayakup) population, the share of the burials associated with the Altai nomads of the Kypchak-Kimak and Kyrgyz (Srostkinsky) look, as well as the number of complexes with the Ugrian and Petrograd artifacts increased. This situation persisted until the XI century, when the Kipchak association of Desht-i-Kipchak was formed in the South Trans-Urals and Kazakhstan steppes. Since the XII century, the Great Kipchak steppe stretched from the Altai Mountains to the Danube River.

The Mongol invasion radically changed the map of the Ural-Kazakhstan macro-region. The conquest of the Central Asian Khorezmshahs' state and the defeat and further persecution of the Kipchaks lead to a sharp influx of the Desht-i-Kipchak nomads to the north of the Kazakh steppes and the South Urals. The migration of the new genera of Kipchak, Katay, Tabyn

и предгорных районах Южного Урала появлялись сравнительно многочисленные курганные некрополи кочевого населения (могильники Уелги, Граултры, Синеглазово, Лагереvский, Каранаевский и др.). Их характеризует культурная многокомпонентность. Наряду с погребениями, условно обозначенными нами как памятники автохтонного башкирско-мадьярского (кушнаренковско-караякуповского) населения, нарастала доля погребений, связанных с алтайскими кочевниками кыпчако-кимацкого и киргизского (сросткинского) облика, а также комплексов с артефактами местного петрогромско-юдинского угорского ареала. Эта ситуация сохранялась вплоть до XI века, когда в пределах Южного Зауралья и казахстанских степей сложилось кыпчакское объединение Дешт-и-Кыпчак. С XII столетия Великая кыпчакская степь простиралась от Алтая до Дуная.

Монгольское нашествие кардинально изменило карту Урало-Казахстанского макро-региона. Завоевание среднеазиатского государства хорезмшахов, разгром и дальнейшие преследования кыпчаков приводят к резкому притоку кочевников Дешт-и-Кыпчака на север казахстанских степей и на Южный Урал. Миграция новых родов — кыпчакского, катаяского, табынского и минского — в Южное Приуралье существенно изменила этнокультурную диспозицию в среде южноуральского населения.

История Южного Урала в эпоху Золотой Орды непосредственно связана с особым до определенного времени малоизученным административно-политическим объединением, которое носило название Улус Шибана хана — внука Чингисхана.

История Улуса Шибана (1243–1428), который охватывал основную территорию Южного Урала, Юго-Западной Сибири и прилегающие степи Северного Казахстана, была весьма яркой, разноплановой и драматичной. Он сложился изначально как провинциальный улус, впоследствии его представители из династии Шибанидов сыграли решающую роль в ключевых событиях истории Золотой Орды и последующего за ней периода (государства кочевых Узбеков, Абу-л-Хайра, противоборство и победа над Тимуридами Шейбанхана, Тюменское ханство Кучума).

Исламизация южноуральского населения, происходившая с середины XIV века, отразилась прежде всего в погребальной культуре кочевников. Повсеместно стали появляться сооружения типа мазаров, построенные из обожженного или сырцового кирпича. Погребальный обряд унифицировался в соответствии с канонами ислама (положение головой на запад, лицом на юг — на кыблу), произошел отказ от сопровождающего инвентаря. Ярким проявлением погребально-мемориальных традиций явилось строительство мавзолеев. В пределах Южного Урала сложились две самостоятельные строительные школы: болгарская в башкирском Приуралье, входившем в Улус Джучи, и хорезмско-мавераннахская — в Южном Зауралье и Казахстане. Первую мемориально-архитектурную традицию характеризуют порталные мавзолеи, сложенные из камня и имеющие своеобразное оформление купола и основания, характерные для сооружений Булгара (Тура-хана, Бэндэбике, Хусаинбека). Вторую составляют шатрово-купольные с кирпичными порталами мавзолеи, имеющие фасады, украшенные разноцветными изразцовыми плитками (Кесене, Троицкая (Удос), Тептяри, Атбайтак).

Существование улусной системы и исламизация населения Золотой Орды в конечном счете привели к окончательному формированию народов Урала, Поволжья и Казахстана.

Распад Джучиева улуса, который в литературе традиционно называют Золотой Ордой, происходит в первой половине XV века.

Становление таких государств, как Тюменское (Сибирское) ханство, Ногайская Орда, непосредственно коснулось территории Южного Урала и в особенности Зауралья. С 1550-х годов все активнее участвует в истории края Московское государство, а с 1580-х годов Южное Зауралье уже определяется как часть российских земель. Длительный период, который последовал за этим рубежом, был насыщен разными событиями. Переломным же являлся 1734 год, когда с началом деятельности

and Minsk to the South Urals significantly changed the ethnical-cultural disposition among the South Urals population.

In the era of the Golden Horde, the history of the South Urals is directly connected with a special and until recently little studied political and administrative association, which was called the Ulus of Shiban khan, a grandson of Genghis Khan.

The history of the Ulus Shiban (1243–1428), which covered the main territory of the South Urals, South-Western Siberia and the adjacent steppes of Northern Kazakhstan, was very vivid, diverse and dramatic. Initially it emerged as a provincial ulus; later its representatives from the Shibanid dynasty played a decisive role in key events of the Golden Horde history and in the events of the after-Golden-Horde period (the states of the nomadic Uzbeks, Abu l-Khaira, the confrontation and victory over the Timurids of Sheybanhan, the Tyumen Khanate of Kuchum).

The Islamization of the South Urals population, which took place from the middle of the XIV century, was reflected primarily in the funeral culture of the nomads. Constructions of the mazar type built from burnt or mud bricks began to appear everywhere. The funeral rite was unified in accordance with the Islam canons (head to the West, face to the South, to the qibla); no accompanying inventory was put with diseased any more. A bright manifestation of the funerary and memorial traditions was the construction of mausoleums. In the South Urals, two independent construction schools have developed: the Bulgarian in the Bashkir Urals, which was part of the Dzhuchi Ulus, and the Khorezm-Maverannah schools in the South Trans-Urals and Kazakhstan. The first memorial and architectural tradition is characterized by portal mausoleums made of stone and having a peculiar design of the dome and base characteristic of the Bolgar constructions (Tura Khan, Bendebike and Husainbek). The second tradition is characterized by tent-domed mausoleums with brick portals and facades decorated with multi-coloured tiles (Kesene, Troitskaya (Udos), Teptyari, Atbytak).

The existence of the ulus system and the Islamization of the population of the Golden Horde ultimately led to the final formation of the Urals, Volga River region and Kazakhstan peoples.

The collapse of the Dzhuch's ulus, which in literature is traditionally called the Golden Horde, occurs in the first half of the 15th century.

The formation of such states as the Tyumen (Siberian) Khanate and the Nogai Horde directly affected the territory of the South Urals and especially the Trans-Urals. Since the 1550s, the Moscow state had been participating more and more actively in the history of the region, and since the 1580s, the South Trans-Urals had already been considered part of the Russian lands. The long period that followed was full of various events. The turning point was 1734, when with the beginning of the Orenburg expedition started the process aimed to fully include the South Urals territory into the system of control and security of the Russian state borders.

The period from 1734 to the end of the XIX century, until the construction of the Trans-Siberian Railway, was marked by the creation of the South Urals cities and the New Line (Novo-lineiny) district, as well as by a change in the social status of the Bashkir, Meshcheryak and Tep-tyar populations and formation of the estate groups of teptyars, bobylyes, etc.

Peter's industrial policy, based on the universal principles of Mountain Freedom (Mountain Regalia and the law of the first) was carried out in the interests of all the Russian population. The Berg-Privilege of 1719 and the Berg-Regulation of 1739 with all their by-laws did not only protect the rights of private industrialists and land owners (in the South Urals, the rights of the Bashkir votchenniks), but also guaranteed the payment of wages for "sufficient food" to the simple "vile" people. In other words, Peter's industrial policy was in tune with the d'Eperci's speech claiming that all people have the same rights to minerals. Guarantee these rights for them, and you will provide for a solid private and public welfare!

It was to follow Peter's industrial policy, that the cabinet of ministers of Anna Ioannovna and the government of Elizaveta Petrovna were able to promptly initiate the construction of private

Оренбургской экспедиции стартовал процесс полного включения территории Южного Урала в систему управления и безопасности границ Российского государства.

Период с 1734 года и до конца XIX века, до строительства Транссибирской магистрали, ознаменовался формированием городов на Южном Урале, созданием Новолинейного района, изменением социального статуса башкирского, мещеряцкого и тептярского населения, а также формированием сословной группы тептярей и бобылей и т. д.

Петровская промышленная политика, основанная на универсальных принципах Горной свободы (Горной регалии и праве первого) проводилась в интересах широких слоев населения России. Берг-привилегия 1719 года и Берг-регламент 1739 года со всеми подзаконными актами не только защищали права частных промышленников и собственников земли (на Южном Урале — башкирских вотчинников), но и гарантировали простому «подлому» народу выплату заработной платы на «довольное пропитание». Иными словами, петровская промышленная политика была созвучна речи Д'Эперси о том, что все люди имеют одинаковые права на полезные ископаемые. Сохраните за ними это право — и вы дадите твердое основание для благосостояния частного, как и общественного!

Именно следуя петровской промышленной политике, кабинет министров Анны Иоанновны и правительство Елизаветы Петровны сумели в кратчайшие сроки инициировать в слабозаселенных пограничных районах Южного Урала строительство частных металлургических заводов. Если металлургические заводы Среднего Урала, по замыслу Петра I, изначально снабжали вооружением армейские части и казачьи гарнизоны, размещенные в Сибири и на Урале, то аналогичные частные заводы Южного Урала уже экспортировали свое железо в Англию. Отмена внутренних таможенных пошлин и попудных сборов (десятины) в 1750-е — начале 1760-х годов этому активно способствовала. Со строительством в Оренбурге и Троицке меновых дворов развивалась и сухопутная приграничная торговля. Тем не менее, и это важно подчеркнуть, в условиях Южного Урала второй половины XVIII века самой прибыльной оставалась торговля железом на английском рынке металлов. Именно она стала драйвером экономического роста южноуральского региона. Облегченный экспорт железа в Англию позволял зарабатывать частным промышленникам свободный капитал, а работным людям получать «довольное пропитание». Именно на вырученные от продажи железа в Англии деньги интенсивно строились, а потом и восстанавливались сожженные металлургические заводы Южного Урала, открывались и действовали железные и медные рудники, в самых глухих уголках Урал-тау строились мосты, прокладывались дороги. И самое главное, в период экономического подъема 1740–1760-х годов шла интенсивная широкомасштабная разведка полезных ископаемых на всей территории Южного Урала. Причем проводили ее не отечественные дилетанты или наемники-иностранцы, а опытные горные офицеры всесильной тогда Берг-коллегии, искушенные в своем деле рудознатцы частных металлургических заводов Урала. В связи с чем вполне обоснованно можно заявить, что именно «железо создало эту страну»!

Отказ же от петровской промышленной политики, произошедший в период царствования Екатерины II, привел первоначально к стагнации, а затем и глубокому кризису частной металлургической промышленности Южного Урала во второй половине XIX века. И только строительство западного участка Транссибирской железнодорожной магистрали в период с 1885 по 1892 год оказало благотворное влияние на дальнейшую судьбу чугунолитейных и железоделательных заводов Южного Урала. С 1880-х годов на Южный Урал потянулся капитал как российских промышленников, так и международных торговых домов и банков. Но это касалось исключительно заводов черной, но не цветной металлургии.

В отношении иррегулярных войск Южного Урала необходимо сказать следующее. В первой половине XIX века попытки расформировать башкирское войско

metallurgical plants in the sparsely populated border regions of the South Urals. When the metallurgical plants of the Middle Urals, as initially conceived by Peter the Great, supplied weapons to the army units and cossack garrisons stationed in Siberia and the Urals, similar private plants of the South Urals already exported their iron to England. In the 1750s — early 1760s, which was boosted by the abolition of domestic customs and per-pound (tithes) duties. With the construction of exchange yards in Orenburg and Troitsk, the land cross-border trade also developed. Nevertheless, and this is important to emphasize, in the South Urals of the second half of the XVIII century, iron trading in the English metal market remained the most profitable. It was this, that became the driver of economic growth in the South Urals region. The facilitated export of iron to England made it possible for private industrialists to earn free capital, while working people could get “sufficient food”. It was the money earned from the sale of iron to England, that was used to intensively build and then reconstruct the burned metallurgical plants of the South Urals, to open and operate iron and copper mines, as well as to build bridges and roads in the most remote corners of the Urals-Tau. And, what was most important, during the period of economic growth of the 1740–1760s, intensive large-scale exploration of minerals was going on throughout the South Urals territory. Moreover, it was conducted by experienced mountain officers of the then-powerful Berg Collegium who were experienced ore miners from the Urals private metallurgical plants rather than by domestic amateurs or foreign mercenaries. In this connection, it is quite reasonable to say that it was “iron that created this country”!

The abolition of Peter's industrial policy that took place during the reign of Catherine II first led to stagnation and then to a deep crisis of the South Urals private metallurgical industry in the second half of the XIX century. And it was only the construction of the western section of the Trans-Siberian Railway in the period from 1885 to 1892, which had a beneficial effect on the fate of the South Urals iron foundries and ironworks. Since the 1880s, capital had been drawn to the South Urals by both the Russian industrialists, and international trading houses and banks. However, this concerned exclusively the plants of ferrous metallurgy and did not affect non-ferrous metallurgy.

With regard to the irregular troops of the South Urals, the following must be said. In the first half of the XIX century, attempts to disband the Bashkir army were made several times. However, it was finally abolished only with the transfer of the Bashkirs to the civilian department and the abolition of the canton system in 1865. The Orenburg cossack host was left in the military department by the decision of Alexander I despite all the efforts of the Orenburg and Samara governor-general A.P. Bezak to transfer it to the taxable estate.

The twentieth century significantly changed the life of the South Urals. At the beginning of the century, many economic, social and political processes in the region were associated with the Trans-Siberian Railway, Stolypin reforms and preparation of Russia for the First World War. The State policy was always one of the main factors in the development of the South Urals. In this regard, at the beginning of the XX century, the situation did not fundamentally change.

As before, the state interests determined the main directions of industrial construction, agricultural development, and financial investments. But neither the support from the state, nor the entrepreneurial initiative and activity of the local population let the region become a leader in economic growth. The First World War did not only sharply exacerbate the problems that had accumulated in the region by the beginning of the century, but also spawned new ones. Powerful migration flows, slow social infrastructure development, socio-ethnic contradictions and conflicts, as well as serious changes in the composition of the region political elite led to a noticeable decrease in the efficiency of government bodies.

Having combined European and Asian economic and social space into a common structure, the South Urals experienced a powerful influence of various traditions and cultures and became one of the most important and complex regions in the developing country. It is logical that

предпринимались несколько раз. И только с переводом башкир в гражданское ведомство и отменой кантонной системы в 1865 году оно было упразднено окончательно. Тогда как Оренбургское казачье войско, несмотря на все старания оренбургского и самарского генерал-губернатора А. П. Безака перевести его в податное сословие, по решению Александра I было оставлено в военном ведомстве.

Двадцатый век существенно изменил жизнь Южного Урала. В начале века многие экономические, социальные и политические процессы в регионе были связаны с приходом сюда Транссибирской железной дороги, столыпинскими реформами, подготовкой России к Первой мировой войне. Политика государства всегда была одним из главных факторов развития Южного Урала. В начале XX века ситуация в этом плане принципиально не изменилась.

Интересы государства, как и прежде, определяли основные направления промышленного строительства, развития сельского хозяйства, финансовых инвестиций. Но ни поддержка со стороны государства, ни предпринимательская инициатива и активность местного населения не позволили региону выйти в лидеры экономического роста. А Первая мировая война не только резко обострила проблемы, накопившиеся в крае к началу века, но и породила новые. Мощные миграционные потоки, замедленное развитие социальной инфраструктуры, нарастание социально-этнических противоречий и конфликтов, серьезные изменения в составе политической элиты региона привели к заметному снижению эффективности работы государственных органов.

Соединив европейское и азиатское экономическое и социальное пространство в общую конструкцию, Южный Урал испытал мощное воздействие различных традиций и культур, став одним из самых важных и сложных регионов в развивающейся стране. Закономерно, что революционные потрясения 1917 года оказались для региона тяжелым испытанием. Неслучайно именно на Южном Урале произошли многие важные события, запустившие механизмы Гражданской войны. Сотни тысяч погибших жителей края, огромные материальные потери, разрушение традиционных транспортных коммуникаций, систем управления, финансовых институтов привели регион в состояние глубокого системного кризиса, одним из самых страшных проявлений которого стал голод 1921–1922 годов. Для преодоления этого кризиса потребовались огромные материальные и людские ресурсы.

Пройдя тяжелейший этап Гражданской войны, Южный Урал постепенно превратился в один из главных очагов советской модернизации, в ходе которой масштабной перестройке подверглись практически все стороны жизни региона. И вновь сюда направились миграционные потоки, началось строительство индустриальных гигантов, коллективизация сельского хозяйства и так называемая культурная революция.

Переломным рубежом в истории Южного Урала, как и страны в целом, стала Великая Отечественная война. В четвертый раз в течение XX века на Южный Урал прибыли сотни тысяч людей из самых разных уголков страны. Многие через несколько месяцев вернулись домой, другие остались здесь навсегда. Большая часть мужского населения Южного Урала была мобилизована для службы в Красной армии и на Военно-морском флоте, и не всем довелось вернуться. В регионе были построены новые промышленные предприятия, транспортные коммуникации, научные и культурные учреждения.

В середине XX столетия южноуральский регион превратился в важнейший элемент военно-промышленного комплекса страны, сыграл заметную роль в создании ядерного щита Советского Союза, развитии отечественного сельского хозяйства и машиностроения. Начавшееся освоение целинных и залежных земель стало последней в XX веке кампанией, приведшей к новым миграционным движениям в регионе. При всех ее просчетах и издержках она позволила существенно улучшить уровень жизни многих жителей Южного Урала, диверсифицировать развитие его экономических институтов,

the revolutionary upheavals of 1917 were a hard experience for the region. It is no coincidence that it was in the South Urals, where many important events took place that launched the mechanisms of the Civil War. Hundreds of thousands of the region perished residents, huge material losses, as well as the destruction of traditional transport communications, management systems and financial institutions brought the region into the state of a deep systemic crisis, one of the most terrible manifestations of which was the famine of 1921–1922. To overcome this crisis, enormous material and human resources were required.

Having gone through the difficult period of the Civil War, the South Urals gradually turned into one of the main centres of Soviet modernization, during which almost all aspects of the region life underwent massive restructuring. Migration flows came again and the construction of industrial giants, collectivization of agriculture and the so-called cultural revolution began.

The Great Patriotic War became a turning point in the history of the South Urals and the country as a whole. For the fourth time, during the twentieth century, hundreds of thousands of people from all over the country arrived in the South Urals. Many returned home a few months later, others stayed here forever. Most of the male population of the South Urals was mobilized for service in the Red Army and Navy; many had no chance to return. New industrial enterprises, transport communications, scientific and cultural institutions were built in the region.

In the middle of the twentieth century, the South Urals region became the most important element of the country's military-industrial complex and played a significant role in the creation of the nuclear shield of the Soviet Union. The region also contributed a lot to the development of domestic agriculture and mechanical engineering. The development of virgin and fallow lands was the last campaign in the 20th century that led to new migration movements in the region. With all its miscalculations and costs, it led to a significant improvement in the living conditions of many residents of the South Urals, diversification of the region economic development and better integration of the South Urals into a single economic, social and cultural space of the country.

For the South Urals, the second half of the twentieth century was the time of modernization of large industrial complexes and development of new technologies, which led to a sharp aggravation of environmental problems.

Of course, for the South Urals, the XX century was not only the time of large-scale industrial and transport projects. During that period, the creativity of many inhabitants of the South Urals contributed to the development of new scientific, art and sports directions and schools. The achievements of the South Ural scientists, artists, and athletes became widely known not only throughout the country, but also far beyond its borders.

Looking back, it should be recognized that in that century, the South Urals experienced several deep social-economic crises, acute political conflicts, several powerful waves of migration. A major tragedy for the South Urals was the collapse of the Soviet Union. All this led to a significant change in the composition of the South Urals population, traditions of cultural life and the role of the region in the development of the country as a whole. But throughout the century, from the point of view of the state interests, the South Urals was the most important region, where industrial production, transport communications and scientific centres so needed by the country developed.

At the end of the twentieth century, unexpectedly for many, the South Urals again became a border region, taking on the important and difficult mission of protecting the state border.

At the turn of the XX–XXI centuries, as many times in its history, the South Urals was (and still is) a completely special region for the Russian state. Being an important industrial, transport, and scientific centre, it ensures the military, social, and cultural security of the country, while retaining its special status as the "main pillar of the state."

прочнее интегрировать край в единое экономическое, социальное, культурное пространство страны.

Вторая половина XX века стала для Южного Урала временем модернизации крупных промышленных комплексов, разработки новых технологий, временем резкого обострения экологических проблем.

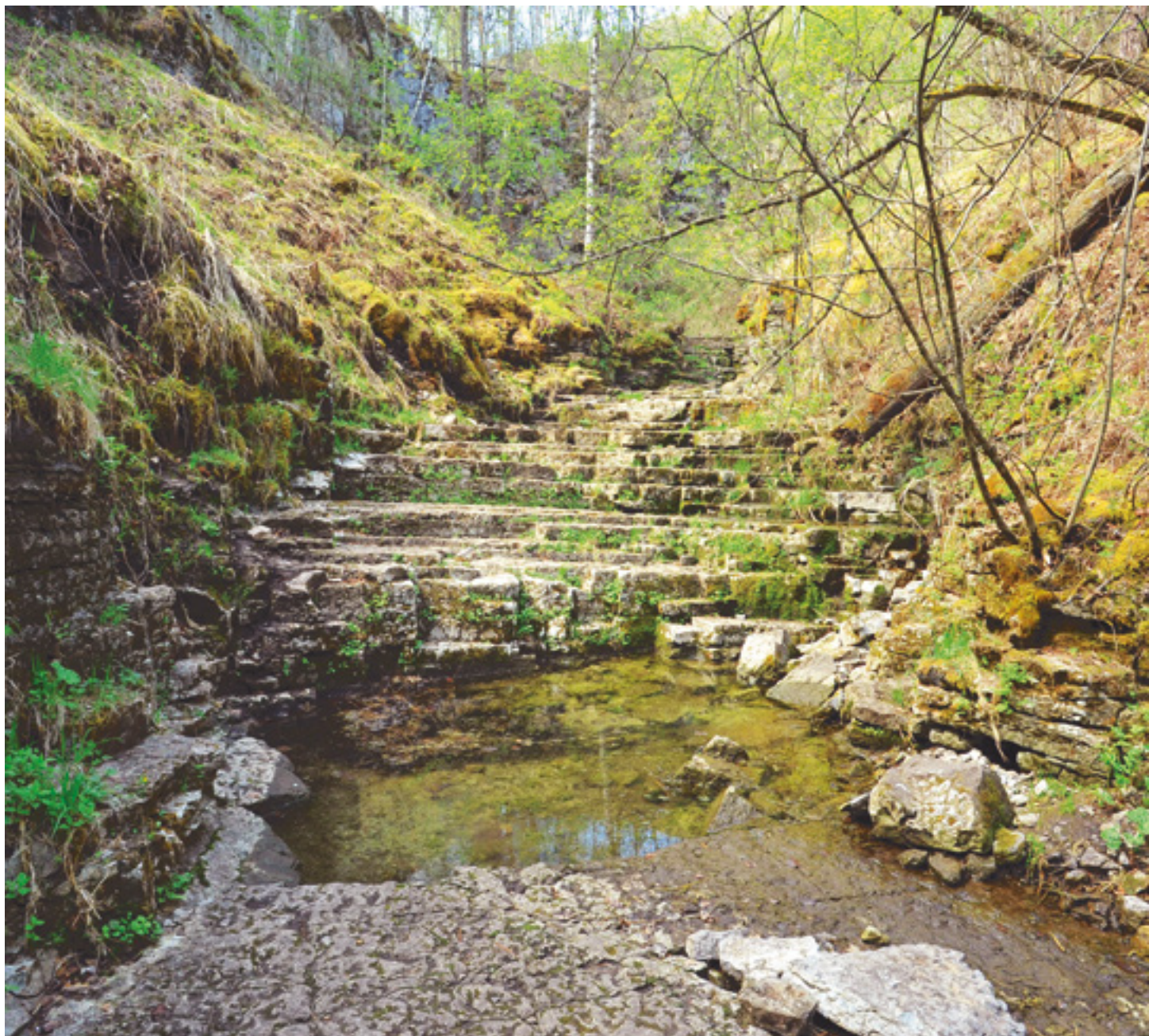
Конечно, XX век для Южного Урала — это не только масштабные индустриальные и транспортные проекты. Многие жители Южного Урала в это время своим творчеством способствовали развитию новых научных, художественных, спортивных школ и направлений. Достижения южноуральских ученых, артистов, спортсменов получили широкую известность не только по всей стране, но и далеко за ее пределами.

Оглядываясь назад, следует признать, что в этом веке Южный Урал пережил несколько глубоких социально-экономических кризисов, острых политических конфликтов, несколько мощных волн миграций. Большой трагедией для южноуральцев стал распад Советского Союза. Все это привело к существенному изменению состава населения Южного Урала, традиций культурной жизни, роли региона в развитии страны в целом. Но на протяжении всего века Южный Урал был важнейшим, с точки зрения интересов государства, регионом, где развивались так необходимые стране промышленные производства, транспортные коммуникации, научные центры.

В конце XX века неожиданно для многих Южный Урал вновь стал пограничным регионом, приняв на себя важную и тяжелую миссию защиты государственной границы.

На рубеже XX–XXI веков Южный Урал, как много раз в своей истории, являлся (и является поныне) для Российского государства совершенно особым регионом. Оставаясь важным промышленным, транспортным, научным центром, он призван обеспечивать военную, социальную, культурную безопасность страны, сохраняя свой особый статус «опорного края державы».

**Сухие водопады. Саткинский район, Челябинская область.
Фото С. Арканова**

**Dry waterfalls.
Satka District, Chelyabinsk Oblast.
Photo: S. Arkanov**

An aerial photograph showing a wide, light-colored river on the left side of the frame. The right side is dominated by a steep, rocky cliff face with distinct horizontal geological layers. The cliff is partially covered with green moss and small plants. Above the cliff, a dense forest of tall, thin trees covers the hillside. The overall scene is a natural landscape with a mix of water, rock, and vegetation.

**СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРАХ**
INFORMATION
ABOUT AUTHORS

Ай. Июнь 2018 года.
Фото: В. Шарапов
The Ay river. June, 2018.
Photo: V. Sharapov

**Сергей
Геннадьевич
Боталов**
Sergey
Gennadievich
Botalov

Сергей Геннадьевич Боталов (р. 02.06.1958, дер. Федорово Юсьвенского района Пермской области) — российский ученый-археолог, историк, доктор исторических наук, действительный член Международной тюркской академии. Ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, профессор Южно-Уральского государственного университета, директор Археологического научного центра.

С начала 1980-х годов организатор и руководитель многочисленных экспедиций по выявлению и исследованию археологических памятников кочевых сообществ урало-казахстанских степей и степной Евразии. Участвовал в раскопках курганов и городищ в Крыму, Херсонской области, Казахстане. После раскопок курганов Друженского и Большекараганского могильников С. Г. Боталовым впервые была аргументированно высказана идея об отнесении памятников позднесарматской культуры к погребальным и жертвенно-поминальным комплексам ранних гуннов.

С. Г. Боталовым были проведены полномасштабные исследования в пределах урало-казахстанских степей так называемых курганов с «усами» (с каменными грядами), которые были аргументированно датированы эпохой раннего Средневековья и соотнесены с раннеболгарским населением [племя дуло в объединении он ок будум (оногур «10 стрел»)]. Данное население сформировалось здесь с постгуннского времени и позднее вошло в Западно-Тюркский каганат. С. Г. Боталовым впервые были открыты и интерпретированы урало-казахстанские памятники гуннской и тюркской эпох.

В 2009 году под руководством С. Г. Боталова был обнаружен и исследован уникальный погребальный комплекс Уелги (Кунашакский район Челябинской области), материалы которого получили всемирную известность. Раскопки этого поликультурного комплекса (VIII–IX века) позволили по-новому подойти к проблеме культурогенеза башкир, венгров, волжских и сибирских татар, кыпчаков, кыргызов и зауральских угров (манси). С. Г. Боталов автор более 500 научных публикаций.

Sergey Gennadievich Botalov (born June 2, 1958, the village of Fedorovo, the Yusvensky district of the Perm region) is a Russian archaeologist, historian, doctor of historical sciences, full member of the International Turkic Academy. S. G. Botalov occupies the positions of leading researcher at the South Urals branch of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, professor of the South Ural State University and director of the Archaeological Research Center.

Since the early 1980s, S. G. Botalov has been the organizer and leader of numerous expeditions to find and explore the archaeological sites of the nomadic communities of the Ural-Kazakhstan steppes and steppe Eurasia; he participated in the excavations of barrows and hillforts in the Crimea, Kherson region and Kazakhstan. After excavating the barrows of the Druzhensky and Bolshekaragansky burial grounds, S. G. Botalov first argued for the idea of classifying the monuments of the Late Sarmatian culture as funerary and sacrificial memorial complexes of the early Huns.

In the Ural-Kazakhstan steppes, S. G. Botalov conducted full-scale studies of the so-called barrows with “moustache” (with stone ridges), which were reasonably dated to the era of the Early Middle Ages and connected with the Early Bulgarian population [the dulo tribe as part of on ok budum (onogur “10 arrows”)]. This population had been formed there at the post-Hun time and later, it entered the West Turkic Khaganate. S. G. Botalov was the first to discover and interpret the Ural-Kazakhstan monuments of the Hun and Turkic eras.

In 2009, under the leadership of S. G. Botalov, a unique funerary complex of Uelgi (the Kunashaksky district of the Chelyabinsk region) was discovered and investigated. The materials on this monument became world famous. The excavations of this multicultural complex (VIII–IX centuries) allowed developing a new approach to the problem of cultural genesis of Bashkirs, Hungarians, Volga River and Siberian Tatars, Kipchaks, Kyrgyz and Trans-Ural Ugrians (Mansi). S. G. Botalov is the author of more than 500 scientific publications.

**Андрей
Владимирович
Епимахов**
Andrei
Vladimirovich
Epimakhov

Андрей Владимирович Епимахов (р. 2.06.1964, Челябинск) — археолог, доктор исторических наук (2011), ведущий научный сотрудник Института истории и археологии (ИИиА) УрО РАН, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории исторического факультета Института социально-гуманитарных наук ЮУрГУ, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований ЮУрГУ. Окончил исторический факультет Челябинского государственного университета (1986). Работал в археологических лабораториях ЧелГУ и ЧГПИ (1989–1991), Комитете по охране исторического и культурного наследия Челябинской области (1992–1999). С 2000 года доцент кафедры истории в ЮУрГУ. Одновременно с 2004 года научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН. С 2006 года старший научный сотрудник этого института. С 1986 года является руководителем отрядов в составе археологических экспедиций; с 2001 года курирует археологическую практику студентов-историков ЮУрГУ. Под руководством А. В. Епимахова исследован ряд поселений и могильников эпохи бронзы и раннего железного века, выявлено несколько сотен объектов. Получены принципиально новые данные о хозяйственной деятельности, образе жизни и со-

циальных отношениях местного населения, его связях и миграциях. Исследования А. В. Епимахова поддержаны многочисленными грантами РФНФ, РФФИ, DAAD, Минобрнауки.

Область научных интересов: проблемы изучения памятников бронзового и раннего железного веков; вопросы теории археологии, методики полевых исследований, генезиса урбанизма, социальной комплексности и ее отражения в археологических материалах, палеодемографии и экономики древних обществ, хронологии и методов датирования. А. В. Епимахов одним из первых в регионе реализовал программу серийного радиоуглеродного датирования. В результате была создана эталонная региональная шкала хронологии и периодизации, которая стала для специалистов основой для реконструкций социальной и экономической динамики древнего населения. В последние годы наиболее значимые достижения связаны с применением палеогенетических и изотопных анализов, позволяющих вывести на принципиально новый уровень заключения о миграциях, системе питания, уровне здоровья древних обитателей Южного Урала. Наряду с этим А. В. Епимахов продолжает разрабатывать темы ранней истории колесного транспорта, роли войны и конфликтов в догосударственных обществах.

Автор более 300 публикаций. Его международная научная деятельность связана с реализацией крупных проектов совместно с Кембриджским, Оксфордским и Гарвардским университетами, Университетом Питтсбурга, Университетом Гете (Франкфурт-на-Майне), Свободным университетом Берлина, университетами Копенгагена, Гетеборга, Цюриха, Торонто и др. Результаты, полученные А. В. Епимаховым, представлены в более чем 50 докладах на международных конференциях (США, Германия, Италия, Норвегия, Иордания, Чехия и др.) и статьях ведущих профильных научных журналов («Nature», «Antiquity», «Journal of Archaeological Science», «Cell» и др.) Монографии опубликованы в Кембридже, Оксфорде, Бонне и Париже. Особое место в этом списке занимает подготовленная совместно с Л. Н. Коряковой для издательства «Cambridge University Press» книга «The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages», получившая многочисленные положительные рецензии ученых разных стран и выдержавшая два издания. Под руководством А. В. Епимахова была защищена кандидатская диссертация.

С 2005 года член Европейской ассоциации археологов (ЕАА), с 2013 года — Всемирного археологического конгресса (WAC). В 2018 году стал лауреатом национальной премии «Профессор года» по Уральскому федеральному округу.

Andrei Vladimirovich Epimakhov (b. 2.06.1964, Chelyabinsk) is an archaeologist, doctor of historical sciences (2011), leading researcher at the Institute of History and Archeology (IHA) of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, professor of the Department of Russian and Foreign History of the History faculty of the SUSU Social and Human Sciences Institute and senior researcher of the SUSU Scientific and Educational Centre of Eurasian Research. A. V. Epimakhov graduated from the History Department of CSU (Chelyabinsk State University) (1986). He worked at the archaeological laboratories of CSU and CSPI (Chelyabinsk State Pedagogical Institute) (1989–1991), and at the Committee for the Protection of the Historical and Cultural Heritage of the Chelyabinsk region (1992–1999). Since 2000, A. V. Epimakhov has been occupying the position of associate professor at the History Faculty of SUSU. Since 2004, A. V. Epimakhov has also been working in the position of researcher at the South Ural branch of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. In 2006, he was promoted to the position of senior

**Андрей
Владимирович
Епимахов**
Andrei
Vladimirovich
Epimakhov

researcher of this institute. Since 1986, A. V. Epimakhov has been working as team leader of multiple archaeological expeditions; since 2001, he has been curating the archaeological practice of the SUSU students-historians. Under the guidance of A. V. Epimakhov, a number of settlements and burial grounds of the Bronze and Early Iron Age were investigated, several hundred objects were discovered. Fundamentally new data were obtained on the economic activity, lifestyle, migrations, and social and other relations of the local population. The research of A. V. Epimakhov has been supported by numerous grants from the Russian Humanitarian Research Foundation, RFBR, DAAD, and the Ministry of Education and Science.

A. V. Epimakhov's research interests include the problems of studying the monuments of the Bronze and Early Iron Ages, archaeology theory, field research methods, urbanism genesis, as well as social structures and their reflection in archaeological materials. The range of A. V. Epimakhov's research interests also covers paleodemography, ancient societies' economy, chronology and dating methods.

A. V. Epimakhov was one of the first in the region to implement serial radiocarbon dating programs. As a result, a reference regional scale of chronology and periodization was created, which for specialists became a basis for reconstructing the social and economic dynamics of the ancient population. In recent years, the most significant achievements of A. V. Epimakhov have been associated with the use of the paleogenetic and isotopic analyses, which allow achieving fundamentally new conclusions on the migrations, nutrition system, and health level of the ancient inhabitants of the South Urals. Along with this, A. V. Epimakhov continues to investigate the early history topics on the wheeled transport, as well as the impact of wars and conflicts in the pre-state societies.

A. V. Epimakhov authored more than 300 publications. His international scientific activities are related to the implementation of big projects in collaboration with the Cambridge, Oxford, Harvard and Pittsburgh Universities, as well as with the Goethe University (Frankfurt am Main), Free University of Berlin, universities of Copenhagen, Gothenburg, Zurich, Toronto and others. A. V. Epimakhov's results are reported in more than 50 presentations at international conferences (USA,

Germany, Italy, Norway, Jordan, Czech Republic, etc.) and papers published in the leading specialized scientific journals ("Nature", "Antiquity", "Journal of Archaeological Science", "Cell" and others). Monographs by A. V. Epimakhov are published in Cambridge, Oxford, Bonn and Paris. A special place in this list is occupied by the book "The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages" co-authored with L. N. Koryakova and published by the Cambridge University Press. This book received numerous positive reviews of scientists from different countries and withstood two editions. Under the supervision of A. V. Epimakhov, a PhD dissertation was defended.

Since 2005, A. V. Epimakhov has been a member of the European Association of Archaeologists (EAA) and since 2013 - a member of the World Archaeological Congress (WAC). In 2018, A. V. Epimakhov became the laureate of the national award "Professor of the Year" in the Ural Federal District.

**Вадим
Сергеевич
Мосин**
Vadim
Sergeevich
Mosin

Вадим Сергеевич Мосин (р. 22.11.1954, Челябинск) — доктор исторических наук, директор Южно-Уральского филиала Института истории и археологии Уральского отделения (УрО) РАН, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (НОЦЕИ ЮУрГУ).

С 1972 года работал слесарем на Челябинском тракторном заводе, затем служил в армии. По окончании учебы на историческом факультете Челябинского государственного университета (1981) преподавал историю в школе, руководил археологическими кружками. С 1984 года младший научный сотрудник, затем научный сотрудник Челябинского госуниверситета. С 1989 года в Институте истории и археологии УрО РАН: научный сотрудник, заведующий Южно-уральским отделом (с 1994), директор Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН (с 2005), ведущий научный сотрудник НОЦЕИ ЮУрГУ. В 1993 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Энеолитическая керамика Северного Казахстана и Южного Зауралья», 2005 году — докторскую «Мезолит–энеолит Южного Зауралья».

Основные направления научных исследований: Урал в эпоху камня (материальная культура, природа и социум), хронология неолита и энеолита Урала. В. С. Мосин автор около 160 научных публикаций, в том числе восьми монографий: «Древняя история Южного Зауралья», «Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья», «Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала», «Древние охотники Урала» и др.

В течение сорока лет является руководителем экспедиций, занимающихся археологическими изысканиями на Урале, в Северном Казахстане, Украине. Под руководством В. С. Мосина исследованы многочисленные стоянки и поселения мезолита — энеолита в различных зонах Урала и Зауралья, от степи до горной тайги. Награжден почетными грамотами председателя президиума УрО РАН, губернатора и председателя Законодательного Собрания Челябинской области, Полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе.

Vadim Sergeevich Mosin (b. November 22, 1954, Chelyabinsk) is Doctor of history sciences (PhD-habilitation), Director of the South Ural Branch of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch (Ural Region) of the Russian Academy of Sciences, leading researcher at the Scientific and Educational Centre for Eurasian Studies of South Ural State University (SECES SUSU)

In 1972, he started working as mechanic at Chelyabinsk Tractor Plant, then served in the army. After graduating from the Chelyabinsk State University Faculty of History (1981), he taught history at school and headed archaeological clubs. Since 1984, V. S. Mosin has been occupying the positions of junior researcher and then researcher at Chelyabinsk State University. Since 1989, V. S. Mosin has been working at the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences as researcher, head of the South Ural Department (since 1994), director of the South Ural Branch of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (since 2005) and leading scientific researcher at the Scientific Centre for Strategic Studies at SUSU. In 1993, he defended his PhD thesis on the topic of “The Eneolithic ceramics of Northern Kazakhstan and South Trans-Urals”; in 2005, he defended his Doctor of Science (PhD-Habilitation) thesis “The Mesolithic–Eneolithic of the South Trans-Urals”.

The main directions of V. S. Mosin’s scientific research are the Urals in the era of stone (material culture, nature and society) and the chronology of the Urals Neolithic and Eneolithic. V. S. Mosin is the author of about 160 scientific publications, including eight monographs: “The Ancient History of the South Trans-Urals”, “The Eneolithic Ceramics of the Ural-Irtysh Interfluve”, “Flint and Jasper in the Material Culture of the Stone Age Population of the South Urals”, “The Ancient Hunters of the Urals ” and others.

For forty years, V. S. Mosin has been head of the expeditions engaged in archaeological research in the Urals, Northern Kazakhstan and Ukraine. Under the supervision of V. S. Mosin, numerous Mesolithic — Eneolithic sites and settlements were investigated in the different zones of the Urals and Trans-Urals, from the steppe to the mountain taiga. He was awarded diplomas issued by the Chairman of the Presidium of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, by Governor and Chairman of the Legislative Assembly of the Chelyabinsk Region, and by the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Ural Federal District.

**Гаяз
Хамитович
Самигулов**
Gayaz
Hamitovich
Samigulov

Гаяз Хамитович Самигулов — кандидат исторических наук. Окончил Уральский государственный университет им. А. М. Горького по специальности «История» (2001). Работал в Лаборатории археологических исследований Челябинского государственного университета, Археологическом научном центре и других организациях. С 2006 года в Южно-Уральском государственном университете. Старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований ЮУрГУ. В 2005 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Челябинск XVIII–XIX вв.: население, планировка, материальная культура». Область научных интересов: этносоциальная история Зауралья; археология позднего Средневековья и Нового времени; история планировки и застройки городов.

Gayaz Hamitovich Samigulov, PhD in history sciences, graduated from Ural State University named after A. M. Gorky with a master degree in history (2001). He worked at the Laboratory of Archaeological Research of Chelyabinsk State University, Archaeological Research Centre and other organizations. Since 2006, G. H. Samigulov has been working at South Ural State University. He is senior researcher at Scientific and Educational Center of Eurasian Studies, SUSU. In 2005, G. H. Samigulov defended his PhD thesis on the topic "Chelyabinsk of the XVIII–XIX centuries: population, layout, material culture." His research interests cover the ethno-social history of the Trans-Urals, archaeology of the Late Middle Age and New Age and history of city planning and development.

**Вячеслав
Михайлович
Свистунов**
Vyacheslav
Mikhailovich
Svistunov

Вячеслав Михайлович Свистунов — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета, специалист Управления культуры Каслинского муниципального района.

Vyacheslav Mikhailovich Svistunov, PhD in history sciences, occupies the positions of researcher at the Scientific and Educational Center for Eurasian Studies of South Ural State University and specialist at the Kaslinsky municipal district Department of Culture.

**Игорь
Вячеславович
Сибиряков**
Igor
Vyacheslavovich
Sibiryakov

Игорь Вячеславович Сибиряков (р. 3. 10. 1963, Челябинск). Окончил исторический факультет Челябинского государственного университета (1985), аспирантуру МГУ (1990). Старший преподаватель, доцент (1995), профессор (1999), с 1999 по 2016 — заведующий кафедрой истории России ЮУрГУ, с 2016 по 2019 — декан исторического факультета ЮУрГУ. В настоящее время работает профессором кафедры Отечественной и зарубежной истории ЮУрГУ. Ученик профессора МГУ, доктора исторических наук И. М. Москаленко.

Докторскую диссертацию защитил по теме «Нравственные ценности нового российского либерализма. Исторический аспект» (1998).

Исследует роль интеллигенции в формировании и разрушении нравственных ценностей российского общества; особенности развития социоморальной среды российского либерализма, вопросы истории высшего образования в России, проблемы культурной и социальной истории.

Автор более 200 научных и методических публикаций, из которых четыре монографии. Научный редактор и составитель уникального сборника документов «История ЮУрГУ в документах и материалах» (2010). Участник проекта «Россия — Моя история».

Под научным руководством И. В. Сибирякова 8 аспирантов и соискателей успешно защитили кандидатские диссертации. Активный участник научных конференций в Екатеринбурге, Иваново, Омске.

Igor Vyacheslavovich Sibiryakov (b. 3. 10. 1963, Chelyabinsk) graduated from the History Department of Chelyabinsk State University (1985) and took postgraduate courses at Moscow State University (1990). After defending his PhD thesis, I. V. Sibiryakov has been working at SUSU as senior lecturer, associate professor (1995) and professor (1999). From 1999 to 2016, I. V. Sibiryakov was head of the Department of Russian History of SUSU; from 2016 to 2019, he worked as dean of the SUSU History Faculty. Currently, I. V. Sibiryakov occupies the position of professor at the SUSU Department of Domestic and Foreign History. I. V. Sibiryakov is a student of the Moscow State University professor, doctor of historical sciences (PhD-habilitation in history) I. M. Moskalenko.

I. V. Sibiryakov defended his doctoral (PhD-habilitation) thesis on the topic “The moral values of the new Russian liberalism. The historical aspect” (1998). He investigates the role of intelligentsia in the formation and destruction of the Russian society moral values, development specificity of the Russian liberalism socio-moral environment, history of higher education in Russia and cultural and social history.

I. V. Sibiryakov is the author of more than 200 scientific and methodological publications, of which four are monographs. He is also scientific editor and compiler of a unique collection of documents “History of SUSU in documents and materials” (2010) and a participant of the project “Russia is My History”.

Under the scientific supervision of I. V. Sibiryakov, 8 post graduate students and applicants successfully defended their PhD theses.

I. V. Sibiryakov is an active participant in scientific conferences in Yekaterinburg, Ivanovo and Omsk.

**Александр
Дмитриевич
Таиров**
Alexander
Dmitrievich
Tairov

Александр Дмитриевич Таиров (р. 04.05.1955, пос. Ново-Долинский Карагандинской обл., Казахская ССР) — доктор исторических наук, директор Научно-образовательного центра евразийских исследований, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Южно-Уральского государственного (национального исследовательского) университета. Автор более 260 научных работ, в том числе нескольких монографий по проблемам древней истории, археологии и геоархеологии. Руководитель и участник археологических исследований памятников различных исторических эпох степной Евразии. Специалист в области археологии и этнокультурной истории урало-казахстанских степей в эпоху ранних кочевников.

Alexander Dmitrievich Tairov (b. 04.05.1955, settlement Novo-Dolinsky, Karaganda region, Kazakh SSR), doctor of historical sciences (PhD-Habilitation in history), occupies the positions of director of the Eurasian Research and Education Centre and professor of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies of South Ural State (National Research) University. A. D. Tairov is the author of more than 260 scientific works, including several monographs on the problems of ancient history, archaeology and geo-archaeology. He is the head and participant of the archaeological research of the monuments of various steppe Eurasia historical periods and a specialist in the field of archaeology and ethnical-cultural history of the Ural-Kazakhstan steppes in the era of the early nomads.

Сергей Геннадьевич Боталов, Андрей Владимирович Епимахов, Вадим Сергеевич Мосин,
Гаяз Хамитович Самигулов, Вячеслав Михайлович Свистунов, Игорь Вячеславович Сибиряков,
Александр Дмитриевич Таиров

Sergei Gennadievich Botalov, Andrei Vladimirovich Epimakhov, Vadim Sergeevich Mosin,
Gayaz Hamitovich Samigulov, Vyacheslav Mikhailovich Svistunov, Igor Vyacheslavovich Sibiryakov,
Alexander Dmitrievich Tairov

ИСТОРИЯ ЮЖНОГО УРАЛА / HISTORY OF THE SOUTH URALS

Научное иллюстрированное издание / Illustrated scientific edition

В издании использованы документы, рукописи, планы и карты из фондов центральных и региональных архивов, фотографии и репродукции из фондов Государственного исторического музея Южного Урала, Челябинского государственного музея изобразительных искусств, Государственного Эрмитажа, Магнитогорского историко-краеведческого музея, музея «Народы и технологии Урала» Южно-Уральского государственного университета, а также фотографии и графические изображения артефактов из музеев Уфы (Республика Башкортостан), Оренбурга, Кургана, Актюбинска, Лисаковска (Республика Казахстан), материалы из частных коллекций, общедоступные ресурсы сети Интернет, авторские фотографии С. М. Арканова, Н. Б. Виноградова, А. Д. Таирова, С. Г. Боталова, А. В. Епимахова, В. Р. Шарапова

This publication used the documents, manuscripts, plans and maps from the funds of the central and regional archives, photographs and reproductions from the collections of the State Historical Museum of the South Urals, Chelyabinsk State Museum of Fine Arts, State Hermitage Museum, Magnitogorsk Museum of History and Local Lore, and South Ural State University Museum «Peoples and Technologies of the Urals», as well as the photographs and graphic images of the artifacts from the museums of Ufa (Republic of Bashkortostan), Orenburg, Kurgan, Aktyubinsk, Isakovskogo (Republic of Kazakhstan), materials from private collections, public Internet resources, author's photographs by S. M. Arkanov, N. B. Vinogradov, A. D. Tairov, S. G. Botalov, A. V. Epimakhov, V. R. Sharapov

Редактор,
ответственная за выпуск Н. О. Иванова
Корректор И. Н. Козырева
Компьютерный набор М. Н. Загирная
Перевод: С. О. Шереметьева
Графические реконструкции
Н. Н. Бойко, А. М. Федоров, Л. И. Загирная
Фотохудожник С. М. Арканов
Дизайн, верстка: Р. Я. Шарапов

Editor responsible
for the release: N. O. Ivanova
Proofreader: I. N. Kozyreva
Computer typesetting: M. N. Zagirnaya
Translated by S. O. Sheremetyeva
Graphic reconstructions:
N. N. Boyko, A. M. Fedorov, L. I. Zagirnaya
Photographer: S. M. Arkanov
Design, layout: R. Ya. Sharapov

Формат 60×90 1/8
Усл. печ. л.
Печать офсетная. Бумага мелованная
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО «ИПП "Уральский рабочий"»
620990 г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

**ИСТОРИЯ
ЮЖНОГО
УРАЛА**
HISTORY
OF THE SOUTH
URALS

История Южного Урала